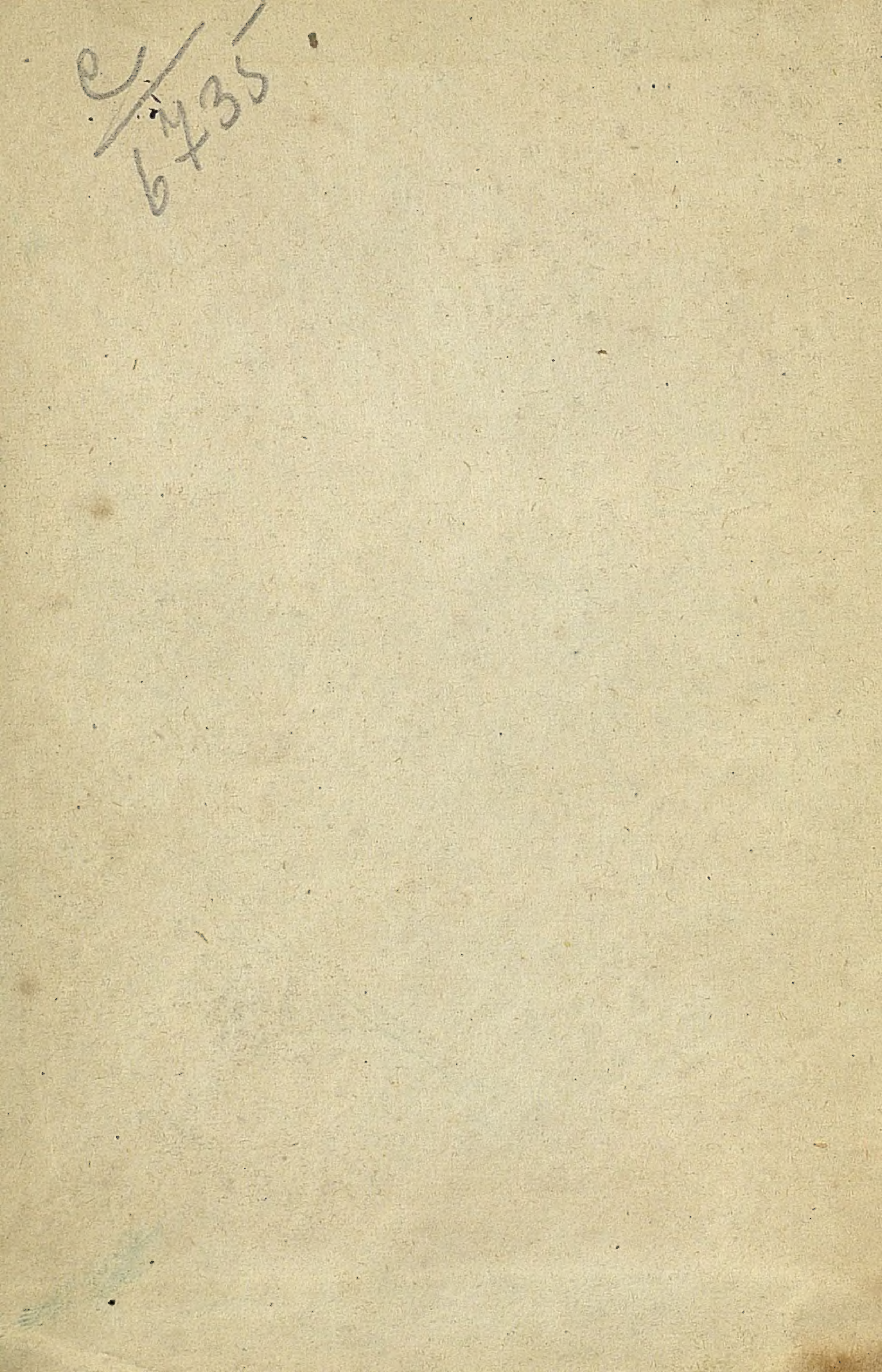

МЕЖДУ МИРОМЪ и КОНГРЕСОМЪ

А. Н. МОЛЧАНОВЪ

МЕЖДУ МИРОМЪ и КОНГРЕСОМЪ

ПИСЬМА ВЪ „НОВОЕ ВРЕМЯ“

изъ Константинополя, Измида, съ Принцевыхъ острововъ, изъ Дарданеллъ, Галлиполя, Санъ-Стефано и Филлипополя.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
1878

Типографія А. Суворина и В. Лихачева. Эртелевъ пер., д. 11—2.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

*

стр.

стр.

стр.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Важность значенія настоящей эпохи, когда стоятъ на очереди существеннѣйшіе интересы Россіи и славянства, когда идетъ вопросъ о плодахъ нашихъ дорогихъ побѣдъ—позволила мнѣ рѣшиться на отдѣльное изданіе моихъ писемъ изъ Константинополя. Я оставляю ихъ такъ, какъ они вышли изъ подъ моего пера первоначально. Какъ ежедневный корреспондентъ газеты, я несъ на себѣ тяжесть всѣхъ впечатлѣній и извѣстій каждаго дня. Чувства, волновавшія меня, испытывалъ болѣе или менѣе каждый русскій человѣкъ. Читая мои письма теперь, онъ припомнитъ свои недавнія ощущенія въ хронологическомъ порядкѣ и, такимъ образомъ, быть можетъ предъ нимъ предстанетъ живая картина современнаго политическаго хаоса, когда утро противорѣчитъ вечеру, когда побѣдоносная армія однихъ теряетъ канцелярскимъ порядкомъ важнѣйшіе стратегическіе пункты, а дипломатія другихъ безъ капли крови завоевываетъ форты и крѣпости.

А. Н. Молчановъ.

20-го мая 1878 г.
Пера.

I.

Пріѣздъ въ Константинополь.—Селамликъ.—Наружность Гамида. — Пляски дервишей. — Наши плѣнные.— Бѣглецы и голодъ.—Въ Высокой Портѣ.—Султанъ и золотая молодежь. — Ахметъ Вефикъ.—Старые знакомые.—Переговоры о мирѣ.— Небрежное отношеніе къ нему турокъ. — Болгары. — Миръ подписанъ.—Критическое отношеніе народа къ правительству и султану.—Надежды на Англію.

Константинополь, 17-го февраля (1-го марта).

Англійскій грузовой пароходъ, на которомъ я приплылъ въ Царьградъ, тихо миновалъ величественную панораму Босфора и остановился при входѣ въ Мраморное море. Къ борту подошелъ одинъ изъ тѣхъ оригинальныхъ каиковъ, которые сотнями бороздятъ голубую поверхность Золотого Рога; узкіе, длинные—они рѣжутъ воду съ изумительной быстротой. Какъ и всегда, лодочникъ — турокъ, кормовой—грекъ. Узнавъ, что я русскій, грекъ призадумался, спустился въ свой каикъ и сталъ совѣтываться съ лодочникомъ. Минутъ чрезъ пять онъ рѣшительно объявилъ, что на таможню меня не повезетъ, а что если я хочу ѣхать съ нимъ на берегъ, то долженъ буду сойдти въ уединенномъ мѣстѣ и оттуда пробраться пѣшкомъ до отеля.

Другого каика не было, и я согласился. Насъ никто не остановилъ, и черезъ часъ я уже сидѣлъ въ гостинницѣ. Я пріѣхалъ сюда въ пятницу, т. е. въ турецкій селам-

ликъ—наше воскресенье. Въ этотъ день султанъ совершаетъ торжественное шествіе изъ дворца въ мечеть. Я, не переодѣваясь, сѣлъ на извозчика — верхового коня и поскакалъ по направленію къ Долма-Бахче, гдѣ въ верхнемъ дворцѣ, окруженномъ зимнимъ садомъ, живетъ теперь султанъ. Шагахъ во ста отъ дворца стоитъ извѣстная мраморная придворная мечеть Меджидіе. Народу масса. Пестрота костюмовъ даетъ картинѣ особый восточный колоритъ. Такъ какъ въ столицѣ Турціи европейское платье давно уже замѣняетъ генеральскій костюмъ, то я безъ труда протискался сквозь толпу и вышелъ къ паперти мечети, гдѣ уже собрался генералитетъ. Солдаты стояли со всѣхъ сторонъ, оставивъ свободной площадку около мечети и проходъ къ воротамъ дворца. Въ мои прежнія поѣздки на Востокъ я научился сразу узнавать офранцуженнаго турка. Нафабренные и завитые въ колечко усы, презрительное выраженіе лица и надушенный мундиръ еще ни разу не обманывали меня, что владѣлецъ ихъ якобы учился въ Вѣнѣ или Парижѣ. Руководствуясь этими признаками, я обратился къ одному изъ генераловъ съ просьбою доставить мнѣ возможность полюбоваться падишахомъ. Съ утонченною вѣжливостью генералъ повелъ меня на гауптвахту, vis-a-vis мечети, приказалъ подать мнѣ кресло и даже чашку кофе. Заиграли въ трубы. Солдаты стали строиться; все безбородая молодежь. По начавшейся суетѣ въ ихъ рядахъ видно, что это новобранцы, еще не привыкшіе ни къ какимъ равненіямъ. Офицеры какъ бы нехотя становились въ ряды. По ихъ позамъ, движеніямъ и полнѣйшему равнодушію къ суетѣ солдатъ можно думать, что это офицеры лишь по мундиру, или, что еще вѣроятнѣе, до сихъ поръ до этихъ бѣдняковъ не доходитъ жалованье, аккуратно получаемое одними пашами. Слѣва стоитъ эшелонъ египтянъ. Они вымуштрованы отлично и смѣются, глядя на турокъ. У самыхъ воротъ построились черкесы. Они одѣты лучше всѣхъ и выглядятъ

молодцами. Мимо гауптвахты поминутно проходятъ паши. По ихъ гордой осанкѣ никакъ нельзя думать, что русскіе въ Санъ-Стефано. Они разговариваютъ между собою по-французски, и я понимаю, что одинъ изъ нихъ торгуетъ прекраснаго коня, а другой проигралъ вчера десять тысячъ лиръ. Опять труба—и въ воротахъ показывается торжественный кортежъ. Двумя рядами ускореннымъ шагомъ двигаются сановники въ золотыхъ мундирахъ и неизмѣнныхъ фескахъ. Между ними на бѣломъ арабскомъ конѣ въ золотой сбруѣ ѣдетъ падишахъ, въ черной мантіи безъ всякаго украшенія. Все преклоняется. Я видѣлъ бездну портретовъ Гамида, и долженъ предостеречь читателя—султанъ изображенъ на нихъ совсѣмъ невѣрно. Гамидъ малъ ростомъ, сутуловатъ, худой, блѣдный, съ мутными разсѣянными глазами, большимъ восточнымъ носомъ и довольно длинной темной бородой. Во всей его внѣшности нѣтъ ничего царскаго или воинственнаго. Смотря на него, я невольно подумалъ, что онъ навѣрно былъ бы удобнымъ конституціоннымъ королемъ. На паперти его встрѣтили съ двумя большими щетками, которыми вытерли его ноги, и процессія скрылась въ дверяхъ мечети.

Черезъ часъ пляска дервишей въ ихъ монастырѣ. Отлагая на вечеръ политику, я возвращаюсь въ Перу. Въ Стамбулѣ, турецкой части Царьграда, нельзя войдти въ мечеть иначе, какъ держа свои сапоги въ рукахъ. Здѣсь, въ европейской Перѣ, уже не разуваютъ. Маленькій бакшишъ въ руку блюстителя церковнаго благочинія—и входишь въ сапогахъ. Та же разница по отношенію къ шапкѣ. Въ стамбульской мечети снять шапку значитъ оскорбить религіозное чувство всѣхъ правовѣрныхъ. Въ Перѣ же знаютъ обычаи Европы и говорятъ: «вы въ вашей церкви снимаете шапки, не угодно ли вамъ снять ее и въ нашей мечети!». Мечеть дервишей устроена на подобіе закрытаго цирка. Ложи внизу и вверху. Посрединѣ пустой кругъ; тамъ на корточкахъ сидитъ два десятка безмолвныхъ дер-

1*

вишей, перебирающихъ четки. За кругомъ трое музыкантовъ—дудка, барабанъ и литавры. Служба начинается полонезомъ. Дервиши встаютъ, имѣя во главѣ своего генерала, медленно прохаживаются по окружности круга, отвѣшивая частые поклоны головой и ногами *). Затѣмъ скидываютъ свое верхнее платье и остаются въ зеленыхъ юбкахъ и курткахъ. Музыка заиграла плясовую молитву, и дервиши стали кружиться. Видъ довольно оригинальный, но, увы, времена религіознаго экстаза прошли, и современные дервиши кружатся безъ всякаго увлеченія. Они пересмѣиваются другъ съ другомъ, подмигиваютъ публикѣ. Лица сытыя, тѣло толстое—видно, что тутъ Магометъ непричемъ; одни піастры заставляютъ ихъ вертѣться и жалобно припѣвать подъ безобразную музыку. Эта исторія продолжалась цѣлый часъ, затѣмъ всѣ очень мирно разошлись. Возвращаясь домой, я уже видѣлъ этихъ дервишей, весело уплетающихъ разныя сласти на улицѣ возлѣ мечети. Вотъ вліяніе близкаго сосѣдства съ Европой. Слѣдуетъ думать, что Магометъ остался бы очень доволенъ, если бы его наслѣдникъ падишахъ перебрался въ Азію, гдѣ Коранъ не подвергался бы такому опасному соблазну. Тамъ онъ нашелъ бы искреннихъ поклонниковъ, а здѣсь Турція всегда будетъ лгать, служа Магомету и Европѣ. Лгущее правительство и лгущее духовенство — плохіе друзья народнаго благоденствія.

Взбираясь по ступенькамъ улицы Перы, я замѣтилъ еще издалека русскіе офицерскіе мундиры и толпу народа, слѣдующую за нашими плѣнными. То были Пущинъ, Клевезаль и двое пѣхотныхъ офицеровъ, взятыхъ подъ Еленой. Съ ними шелъ въ видѣ конвоя турецкій офицеръ. Клевезаль одѣтъ въ турецкое офицерское пальто; на Пущинѣ пальто капитана 1-го ранга, подаренное ему, какъ извѣстно, принцемъ Эдинбургскимъ. Всѣ они до нельзя блѣдные

*) Турки, кланяясь, ставятъ одну ногу на другую.

и худые. Имъ лишь недавно позволили прогуливаться по городу. Въ многочисленной глазѣвшей на нихъ толпѣ незамѣтно никакого возбужденія. Я сообщилъ Пущину, что въ Россіи всѣ увѣрены въ его освобожденіи. Извѣстіе о томъ было одной изъ утокъ здѣшней газеты «The Levant Herald», органа Лэйарда. Эта газета не стѣсняется ничѣмъ, чтобъ подѣйствовать на парламентскую оппозицію Англіи. Слухъ объ освобожденіи Пущина служитъ доказательствомъ, что британскій посолъ не брезгаетъ никакими мелочами для запугиванія гладстоновцевъ. Наши моряки живутъ въ здѣшнемъ адмиралтействѣ, а другіе плѣнные помѣщаются въ сераскеріатѣ. Я обѣщалъ тѣмъ и другимъ побывать у нихъ, но въ германскомъ посольствѣ мнѣ объяснили, что доступъ къ нимъ абсолютно воспрещенъ. Тѣмъ не менѣе надняхъ попытаюсь, въ надеждѣ, что для турокъ не существуетъ трудно обходимыхъ или свято исполняемыхъ законовъ и указовъ.

Какъ разъ противъ оконъ Долма-Бахче грузно покачивается одинъ англійскій броненосецъ, пришедшій изъ Варны. Султану нельзя выглянуть на свѣтъ Божій, чтобъ не увидѣть этого вещественнаго доказательства британской дружбы. По улицамъ разгуливаютъ англійскіе флотскіе офицеры въ формѣ и штатскомъ платьѣ. Частичка вотированныхъ 6 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ конечно уже побрякиваетъ въ карманахъ нужныхъ пашей, тѣмъ болѣе, что турецкое каиме упало до $^1/_5$ своей номинальной стоимости, а жизнь стала непомѣрно дорога. Немножко подальше, въ 43 минутахъ по желѣзной дорогѣ и $1^1/_2$ часа пароходомъ отъ Стамбула стоятъ русскіе. По водѣ сообщеніе совершенно свободно. Каждый безъ всякаго паспорта можетъ ѣхать въ Санъ-Стефано и возвращаться оттуда. Для путешествія же туда по желѣзной дорогѣ нужна виза германскаго посольства. Каждый день отсюда отправляются въ Санъ-Стефано 3 парохода и 3 поѣзда. Все биткомъ набито любопытными и гешефтмахерами, наживающими, какъ

говорятъ, хорошія деньги. Нѣкоторыя константинопольскія гостинницы открыли въ Санъ-Стефано свои временныя отдѣленія. Къ сожалѣнію, между Царьградомъ и нашей главной квартирой нѣтъ ни почтоваго, ни телеграфнаго сообщенія. Близость русскихъ производитъ на турокъ сильное впечатлѣніе. Здѣсь никто не хочетъ и вѣрить, что наша армія не пойдетъ въ Константинополь.

Стамбулъ набитъ биткомъ голоднымъ людомъ, живущимъ на улицахъ и въ мечетяхъ. Ая-Софія буквально наполнена бѣглецами. Общее число послѣднихъ считается около 120 тысячъ, а такъ какъ простой хлѣбъ здѣсь стоитъ 1 фр. 25 сант. бумажными деньгами за фунтъ, то опасенія революціи имѣютъ, кажется, свои основанія. Наружно все покойно, но одно высокопоставленное лицо меня увѣряло сегодня, что народу недостаетъ лишь руководителя, чтобъ возстать. Этотъ же паша говорилъ мнѣ, что ожидаемая революція будетъ имѣть характеръ исключительно анти-правительственный, что народъ и не подумаетъ трогать христіанъ. Главный вопросъ въ хлѣбѣ. Женщины являются безъ стѣсненія къ властямъ и насильно отдаютъ имъ своихъ дѣтей. Голодъ способствуетъ развитію болѣзней. Болѣе 12 тысячъ тифозныхъ и въ оспѣ въ одномъ Стамбулѣ лежитъ среди здоровыхъ. Я проѣхался лишь по одной второстепенной улицѣ Стамбула, и въ теченіи /4 часа встрѣтилъ 4 гроба и одинъ трупъ ребенка. Кто не имѣетъ средствъ хоронить, тотъ бросаетъ трупъ на улицу. Возлѣ мечетей идетъ оживленная торговля: евреи скупаютъ послѣднія лохмотья бѣглецовъ и молоденькихъ дѣвушекъ. Рынокъ невольницъ возобновилъ свое существованіе при страшномъ паденіи цѣнности своего товара. Четырнадцати-лѣтнія дѣвочки продаются за 300 и 400 франковъ совсѣмъ и за 100 фр. на временное пребываніе въ гаремѣ. Тотъ же паша, о которомъ я упоминалъ выше, справедливо увѣряетъ, что русскимъ нужна не сила для вступленія въ Константинополь, а обозъ хлѣба въ аван-

гардѣ. Турецкая администрація даетъ помощь въ видѣ куска черстваго хлѣба въ день лишь одному изъ тридцати. Все время, пока я проѣзжалъ по Стамбулу, я былъ буквально окруженъ стариками, женщинами и дѣтьми, просящими со слезами на глазахъ милостыню. Женщины скидываютъ съ лица покрывало и плачутъ, показывая на исхудалыхъ ребятишекъ. Такого ужаснаго зрѣлища наготы, голода и грязи я не видѣлъ даже въ лондонскихъ кварталахъ бѣдняковъ. Сегодня появился въ газетахъ указъ, воспрещающій вывозъ изъ Константинополя съѣстныхъ продуктовъ. Судьба его несомнѣнна: онъ останется на бумагѣ, а запретные продукты преспокойно будутъ отправляться къ нашей арміи: тамъ есть деньги, а здѣсь ихъ нѣтъ. Эта судьба общая всѣмъ турецкимъ указамъ. Вообще, администрація Порты доказала существованіе закона, по которому бо̀льшая или меньшая бездарность ея правителей выражается въ количествѣ исходящихъ отъ нихъ воспретительныхъ указовъ. Чѣмъ меньше дѣлаютъ, тѣмъ больше пишутъ, приказываютъ и запрещаютъ. Ежедневно нѣсколько пароходовъ наполняется бѣглецами для отправки ихъ на малоазіятскій берегъ, но самый опасный элементъ ихъ, бывшіе чиновники и беки Болгаріи—остаются въ Константинополѣ. Привыкшіе къ праздной жизни на счетъ болгаръ, они считаютъ за собой право на особую государственную помощь, и, не получая ея, пропагандируютъ революцію. Для нихъ будущая жизнь въ Азіи личнымъ трудомъ естественно представляется гораздо хуже и страшнѣе, чѣмъ рискъ возстанія. Они находятъ отличныхъ помощниковъ своей пропаганды среди другой части населенія Стамбула, также почитающей себя наиболѣе обиженной султаномъ—среди черкесовъ. Газеты уже давно сообщали, что черкесы разоружены и высланы отсюда. Это справедливо лишь отчасти. Большинство черкесовъ, избѣгая высылки изъ столицы, перемѣнило свой костюмъ на обще-турецкія лохмотья и скрывается въ многочисленной толпѣ другихъ

эмигрантовъ. Они сильно разочарованы въ своихъ надеждахъ, съ которыми они явились въ столицу, везя за собой цѣлый обозъ награбленныхъ вещей. Многое у нихъ отобрала здѣшняя полиція, остальное пришлось распродать за безцѣнокъ: за лошадь брали 20 франковъ, за сѣдло 3 фр., золотое ожерелье 10 фр. и т. п. Вся эта масса недовольныхъ и голодныхъ едва ли отнесется спокойно, когда достигнетъ до нея извѣстіе о заключеніи мира, т. е., съ ея точки зрѣнія—извѣстіе о тщетности всякой надежды на новый грабежъ или жизнь на счетъ райи. Правительство очень хорошо сознаетъ это—и, по своей бездарности, принимаетъ лишь военныя мѣры предосторожности, надѣясь только на свою физическую силу. Почти на каждомъ перекресткѣ улицъ поставлена будка, и въ ней сидятъ одинъ или два вооруженныхъ солдата; по городу взадъ и впередъ ходятъ и ѣздятъ частые патрули; всѣ казармы и гауптвахты полны ежеминутно готовыми къ выступленію войсками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выставлены по 2, по 3 пушки.

18-го февраля (2-го марта).

Сегодня я просидѣлъ цѣлый день въ Высокой Портѣ, такъ какъ по всѣмъ доходившимъ до меня свѣдѣніямъ, сегодня долженъ былъ рѣшиться окончательно вопросъ о подписаніи русскихъ условій мира. Въ 12 часовъ было назначено чрезвычайное собраніе министровъ, и я, въ ожиданіи его результатовъ, путешествовалъ по кабинетамъ разныхъ пашей и эффендіевъ. Я зналъ, что ни обстоятельства дня, ни характеръ турецкихъ правителей не позволятъ имъ сказать мнѣ какую-либо правду; я просто наблюдалъ этихъ господъ, съ спокойной совѣстью приведшихъ свое отечество на край погибели. Дѣйствительно, замѣчательное зрѣлище. Зданіе Порты находится въ Стамбулѣ, вблизи св. Софіи, т. е. какъ разъ въ центрѣ города и апогеѣ нищеты. Сановники живутъ въ Перѣ, Галатѣ и другихъ ча-

стяхъ Константинополя; отправляясь на должность въ Высокую Порту верхомъ или въ каретѣ, они преслѣдуются толпой нагихъ и голодныхъ. И что же? Входя на широкую лѣстницу Порты, они весело и со смѣхомъ привѣтствуютъ другъ друга; на ихъ лицахъ нѣтъ и тѣни того впечатлѣнія, которому неизбѣжно подвергается каждый честный человѣкъ при видѣ этого народнаго ужаснаго горя; на ихъ пальцахъ блестятъ дорогіе камни, сѣдла и сбруя ихъ прекрасныхъ арабскихъ жеребцовъ украшены золотомъ... Во всѣхъ, абсолютно во всѣхъ кабинетахъ пашей, куда я только ни попадалъ, сидятъ англичане. Я насчиталъ ихъ до 40. По самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ изъ нихъ только 5 корреспондентовъ; остальные—дипломаты всѣхъ дипломатическихъ тайныхъ и явныхъ профессій. Для европейца покажется удивительнымъ, что британскіе агенты избираютъ для своихъ посѣщеній зданіе Высокой Порты, а не частныя квартиры пашей. Это дѣлается въ силу особыхъ условій домашней жизни на Востокѣ. У себя дома паша не можетъ сдѣлать ни одного шага, чтобы о томъ не узналъ его гаремъ, а черезъ него и весь турецкій городъ. Частое посѣщеніе иностранцами квартиры паши надѣлало бы послѣднему много непріятностей и навлекло бы на него подозрѣніе. Въ Высокой же Портѣ такъ привыкли видѣть иностранцевъ, что на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Тамъ назначаютъ свиданія европейцамъ даже тѣ сановники, которые не имѣютъ ни особаго кабинета, ни службы въ зданіи Порты. Они прогуливаются по безконечнымъ пустыннымъ корридорамъ и обдѣлываютъ свои дѣла. Устройство зданія очень хорошо принаровлено для этихъ свиданій: у каждаго паши и даже эффенди есть своя маленькая комната, гдѣ онъ работаетъ и принимаетъ одинъ. Желая сдѣлать общую характерестику современнаго турецкаго правительства, я начну ее въ іерархическомъ порядкѣ, съ султана.

Гамидъ—человѣкъ совсѣмъ не получившій образованія.

Онъ безхарактеренъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ немъ есть лишь одна опредѣленная черта—страхъ за свое существованіе. Этотъ страхъ заставилъ его удалить изъ дворца всѣхъ старыхъ турецкихъ сановниковъ, въ которыхъ предполагается любовь къ Корану и славѣ Турціи. Ихъ мѣсто заняла золотая молодежь, воспитанная въ Европѣ. Ея презрѣніе къ Магомету и темному народу служитъ для султана лучшимъ ручательствомъ въ вѣрноподданности. Идеалъ этой молодежи—безопасныя удовольствія et pereat mundus, т. е. видъ консерватизма самый гарантированный изъ всѣхъ прочихъ. Золотая молодежь быстро повышается въ чинахъ, ведетъ за собой вверхъ по ступенькамъ правительственной іерархіи такихъ же пустыхъ, молодыхъ и золотыхъ съ парижскимъ выговоромъ, оттирая назадъ остатки старыхъ, истинныхъ турокъ. Для нихъ жизнь и исторія—комедія и водевиль, гдѣ никакихъ слезъ не допускается подъ страхомъ смертной казни. Султанъ слушаетъ ихъ веселыя шутки, вѣритъ въ ихъ «цивилизованность» и думаетъ ихъ думой. Самые приближенные къ нему изъ золотой молодежи — Реуфъ-паша, 30 лѣтъ, и Саидъ-паша, 26 лѣтъ, оба воспитанники Парижа. Министры стоятъ сзади придворныхъ генералъ-адъютантовъ и камергеровъ, будучи принуждены выслушивать изъ устъ султана мысли золотой молодежи. Для большаго удобства должность великаго визиря уничтожена, и Ахметъ-Вефикъ-паша пользуется, какъ извѣстно, званіемъ премьера и правами простого министра безъ портфеля. Ахметъ человѣкъ горячій, рѣшительный и привыкшій еще въ Болгаріи быть самостоятельнымъ деспотомъ. Уступая вліянію англичанъ, султанъ назначилъ Вефика на постъ премьера, но побоялся вручить ему права великаго визиря. Это назначеніе въ сущности было большой безтактностью. Для русскихъ оно было непріятно, такъ какъ не предвѣщало миролюбиваго настроенія Порты. Вефикъ извѣстенъ какъ большой врагъ Россіи и славянства. При Мурадѣ онъ ѣздилъ, съ дипломатической миссіей, въ Петер-

бургъ, и по возвращеніи публично и не стѣсняясь чернилъ все русское, увѣряя всѣхъ и каждаго, что Россія менѣе цивилизованная и болѣе бѣдная страна, чѣмъ сама Турція. По отношенію къ турецкому народу, назначеніе Вефика было какъ бы указаніемъ, что настало время похоронъ конституціи: всѣмъ памятно, какъ грубо и деспотично прерывалъ бывшій президентъ турецкаго парламента всякое заявленіе оппозиціи правительству. Изъ остальныхъ министровъ достоинъ вниманія лишь одинъ Савфетъ-паша, находящійся теперь въ нашей главной квартирѣ. Это единственный министръ, миролюбиво расположенный къ Россіи. Къ сожалѣнію, онъ отличается полнѣйшей безхарактерностью, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ его несмѣняемость при паденіи стараго и учрежденіи новаго кабинета.

Зная, гдѣ лежитъ центръ тяжести современнаго турецкаго правительства, легко угадать и ту сторону, куда клонятся его вѣсы. Воспитаніе въ Европѣ всегда приносило на Востокъ страхъ и антипатію къ Россіи; приносило ихъ не только на мусульманскій Востокъ, но и на славянскій. Турки-воспитанники Парижа и Вѣны научаются видѣть въ Россіи громадную физическую силу; ничего другого, кромѣ этой силы, въ Россіи, по ихъ убѣжденію, нѣтъ и долго не будетъ. Этотъ страхъ, пополамъ съ презрѣніемъ, останется у младо-турокъ на всю жизнь, такъ какъ для самостоятельнаго анализа и переубѣжденія у нихъ нѣтъ достаточныхъ интеллигентныхъ средствъ. Понятно, что при такомъ настроеніи золотой молодежи, вліяніе Россіи поддерживается лишь близостью къ столицѣ ея побѣдоносной арміи. Миролюбіе по необходимости оставляетъ душу и сердце управляющихъ турокъ свободными постороннему вліянію, вліянію тѣхъ, кого они научились уважать, откуда они воспріяли умѣнье казаться цивилизованными людьми—Европы. Изъ европейскихъ державъ хлопочутъ здѣсь двѣ—Австрія и Англія. Первой не довѣряютъ; вторая потеряла довѣріе и любовь лишь старо-турокъ, кото-

рые теперь не играютъ никакой правительственной роли. Золотая молодежь до сихъ поръ отдается съ увлеченіемъ всѣмъ обѣщаніямъ Великобританіи, и—ручаюсь за точность этихъ свѣдѣній—она не дѣлаетъ ни одного шага безъ совѣта Англіи. Кромѣ нравственныхъ причинъ, помогающихъ здѣсь британскому вліянію на султана, есть и причины чисто матеріальнаго свойства. Казна султана давно уже пуста. До сихъ поръ молодые паши пользовались военнымъ терроромъ въ столицѣ и занимали деньги у болгарскихъ негоціантовъ Константинополя. Отказать имъ въ деньгахъ значило попасть въ тюрьму сегодня, а завтра отправиться нищимъ на малоазіятскій берегъ. Часть этихъ болгаръ уже раззорена, другая сослана, третья бѣжала. Такимъ образомъ, источникъ дохода пашей почти уничтожился. По точнымъ свѣдѣніямъ, идущимъ изъ Балкапангана, банкирской части Константинополя, въ послѣднее время молодые паши не только не занимаютъ вновь денегъ, но даже уплачиваютъ греческимъ банкирамъ свои старые грѣхи золотыми соверенами... Эти же монеты я видѣлъ лежащими кучей на столикахъ въ двухъ игорныхъ домахъ. Въ качествѣ корреспондента я воздерживаюсь отъ всякихъ выводовъ и передаю лишь то, что узналъ на мѣстѣ, видѣлъ и слышалъ. Въ Высокой Портѣ меня принимали очень любезно, выражали на словахъ симпатію къ Россіи, надежду на скорое установленіе съ ней самыхъ дружескихъ отношеній и пр. Къ большому моему удовольствію, я встрѣтилъ тамъ моихъ старыхъ знакомыхъ по латинскому кварталу Парижа и двухъ черкесовъ, воспитывавшихся въ Россіи. Послѣдніе сохранили любовь къ русской литературѣ и къ русскому неоффиціальному міру относятся съ глубокой симпатіей. Чрезъ тѣхъ и другихъ я узналъ, между прочимъ, что англичане увѣряютъ султана, что русскіе низачто не рѣшатся занять Константинополь, что переговоры, поэтому, можно тянуть до безконечности и не соглашаться на требованія Россіи. Вслѣдствіе этихъ завѣреній, вчерашнее

рѣшеніе совѣта министровъ, происходившаго во дворцѣ и въ присутствіи султана,—рѣшеніе подписать предварительныя условія мира сегодня вновь передано на новый совѣтъ министровъ. Великій князь Николай Николаевичъ объявилъ, что онъ прекращаетъ всѣ переговоры объ отдѣльныхъ условіяхъ мирнаго трактата и даетъ два дня срока для принятія его цѣликомъ или въ противномъ случаѣ—возобновленія военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, сегодняшній совѣтъ министровъ имѣетъ цѣлью лишь опредѣлить послѣдствія того или другого. За полчаса до открытія совѣта въ Высокую Порту пріѣхалъ принцъ Рейсъ и, дождавшись перваго министра, рѣшительнаго объявилъ ему, что русскія войска завтра вступятъ въ Константинополь, если Порта вздумаетъ еще долѣе затягивать переговоры. Несмотря на это категорическое заявленіе, Ахметъ-паша послѣ принца Рейса принялъ еще двухъ какихъ-то англичанъ, и въ совѣтѣ снова возобновились пренія объ отдѣльныхъ условіяхъ мира. Главные пункты несогласія—южныя границы будущаго Болгарскаго княжества. Порта уже успѣла выторговать Адріанополь, какъ важный стратегическій пунктъ, но ее смущаютъ даже границы Болгаріи, проходящія между Филиппополемъ и Адріанополемъ. Другой пунктъ разногласія—выдача 6-ти мониторовъ. Совѣтъ закончился слѣдующимъ рѣшеніемъ: попробовать сегодня же въ главной русской квартирѣ вновь начать ходатайство о смягченіи спорныхъ пунктовъ мирнаго договора, и если это не удастся и будетъ замѣчено движеніе русскихъ войскъ по направленію къ Константинополю, то немедленно подписать трактатъ. Говорятъ, что это рѣшеніе было внушено англичанами. Они же сильно блюдутъ за спокойствіемъ въ городѣ. Для нихъ революція теперь нежелательна. Они знаютъ, что при малѣйшемъ волненіи въ Константинополѣ русскіе займутъ городъ. Если революцію не удастся потушить въ самомъ началѣ, если султанъ будетъ свергнутъ съ трона, то мѣсто его займетъ

Изрединъ, сынъ Абдулъ-Азиса, человѣкъ симпатизирующій Россіи и ея интересамъ. Ходитъ слухъ, что Изрединъ даже обѣщалъ русскимъ полную уступку Константинополя. Гамидъ и его дворъ тоже не пользуются расположеніемъ англичанъ, но они всегда предпочтутъ держаться его, пока русскіе стоятъ такъ близко отъ столицы. Уйди русскіе подальше—и на престолъ неминуемо взойдетъ Мурадъ, а бразды правленія перейдутъ въ искусныя руки Мидхата-паши. Говорятъ также, что присутствіе англійскихъ мониторовъ имѣетъ, между прочимъ, своей цѣлью защиту Мурада отъ всякихъ ножницъ и ножичковъ и поддержку партіи Мидхата, когда настанетъ для того удобное время.

19-го февраля (3-го марта).

«Сегодня будетъ подписанъ миръ»—вотъ фраза, которая повторяется здѣсь всѣми, христіанами и мусульманами. Только вчера населеніе Константинополя узнало общія черты будущаго мира, благодаря тому, что здѣшнимъ газетамъ было наконецъ дозволено перепечатать изъ нашего «Правит. Вѣстника» условія перемирія. До сихъ поръ правительство не рѣшалось ни обнародовать ихъ оффиціально, ни позволить заимствовать ихъ изъ иностранной прессы. Та же участь ожидаетъ вѣроятно условія мира. Переговоры о немъ хранились въ глубочайшей тайнѣ. Говорятъ, что даже на совѣтахъ министровъ не читались тѣ статьи мирнаго трактата, въ неизбѣжности которыхъ Порта не сомнѣвалась. Эту таинственность трудно объяснить однимъ страхомъ народнаго возбужденія. У турецкихъ пашей есть глубокая вѣра въ необходимость Порты для Европы. «Мы готовы сдѣлать для Россіи все, что она пожелаетъ, но вѣдь есть Европа, которая мѣшаетъ установленію искреннихъ отношеній между Россіей и Турціей», говорилъ мнѣ вчера товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ съ лукавой печалью. Какъ бы то ни было, но эта надежда отнимаетъ у заключаемаго договора часть его положительнаго серьез-

наго значенія. Отсюда и публикація его является дѣломъ излишнимъ: черезъ двѣ-три недѣли найдутся адвокаты побѣжденной Турціи, и, кто знаетъ, быть можетъ Высокая Порта будетъ имѣть возможность обнародовать другой трактатъ, менѣе обидный для ея самолюбія и менѣе опасный для ея настоящаго правительства. Мой сегодняшній визитъ въ Высокую Порту подтверждаетъ предположеніе о такихъ мечтахъ турецкихъ правителей. На мое замѣчаніе о важномъ значеніи сегодняшняго дня, мусташаръ *) отвѣтилъ мнѣ небрежнымъ тономъ: «Да, но вѣдь это только «предварительныя» условія, а не конецъ дѣла... Нужно еще ждать ратификаціи договора, безъ которой онъ не имѣетъ никакой силы, потомъ конференціи... много еще пройдетъ времени до настоящаго конца...» Затѣмъ бесѣдуя съ главнымъ драгоманомъ перваго министра, я спросилъ: «Зачѣмъ ваше правительство скрываетъ условія перемирія и мира?»—«Мы обѣщаемъ народу, отвѣчалъ онъ мнѣ, что сдѣлаемъ все для выгоды и чести нашего отечества; это лучше, чѣмъ волновать общественное мнѣніе въ то время, когда мы и сами не знаемъ, чѣмъ и когда все это кончится». Наконецъ, во время свиданія съ директоромъ «bureau de la presse» я упомянулъ, что надѣюсь поѣхать на мѣсто конференціи, если таковая состоится. «Вотъ и отлично, замѣтилъ онъ мнѣ: тамъ вы узнаете все, настоящій конецъ этой драмы; здѣсь же все одни предположенія и ровно ничего положительнаго».

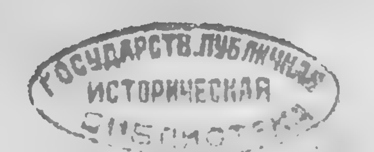
Изъ зданія Высокой Порты я отправился повидаться съ знакомыми болгарами и отъ нихъ узналъ, что вчера арестовали здѣшняго банкира Вазова и немедленно отправили его въ Малую Азію. Единственной причиной ареста и ссылки Вазова была его поѣздка третьяго дня въ Санъ-Стефано. Его товарищъ по поѣздкѣ, тоже болгаринъ Софаръ Петеръ, заблаговременно бѣжалъ изъ Константинополя. Этотъ

*) Мусташаръ значитъ товарищъ министра.

фактъ тоже противорѣчитъ тому миролюбивому настроенію, которое должно имѣть правительство наканунѣ подписанія окончательнаго мирнаго договора. Я старался всѣми средствами узнать о количествѣ сосланныхъ и заключенныхъ здѣсь болгаръ. Мои старанія не увѣнчались успѣхомъ и привели лишь къ глубокому убѣжденію, что точной цифры этихъ страдальцевъ не знаетъ само турецкое правительство. Во всякомъ случаѣ она не можетъ быть ниже 20,000 сосланныхъ и около 500 сидящихъ въ константинопольскихъ тюрьмахъ. Кромѣ того, среди эмигрантовъ-мусульманъ скрывается также не малое число болгаръ, которые боятся заявить о своей національности. Часть ихъ уже ушла на малоазіятскій берегъ вмѣстѣ съ мусульманами. Содержаніе въ тюрьмѣ было для несчастныхъ временемъ безпрерывной пытки. Холодъ, голодъ и побои свели въ могилу тысячи страдальцевъ. Не проходило ни одного дня въ теченіи войны, чтобъ въ здѣшнюю болгарскую церковь не присылали менѣе 5 труповъ для отпѣванія и погребенія. Въ этихъ измозженныхъ и покрытыхъ синяками трупахъ болгары съ ужасомъ узнавали своихъ знакомыхъ и родныхъ, которыхъ они видѣли недѣлю тому назадъ здоровыми и полными силъ. А сколько умерло въ дорогѣ и умираетъ теперь въ ссылкѣ!.. До сихъ поръ дошло сюда только одно письмо отъ болгаръ, сосланныхъ въ Малую Азію. Оно разсказываетъ о слѣдующемъ происшествіи: на пересылочномъ пароходѣ было 50 болгаръ; при выходѣ на берегъ въ Триполи они встрѣтили партію турецкихъ рекрутовъ. Послѣдніе, узнавъ, что пріѣхавшіе—болгары, бросились на нихъ съ палками и камнями и тутъ же, менѣе чѣмъ въ полчаса, перебили до 30 человѣкъ, по преимуществу дѣтей. Въ Константинополѣ до войны проживало около 35 тысячъ болгаръ, между которыми были очень зажиточные люди. Теперь не осталось здѣсь и десятка тысячъ болгаръ. Почти всѣ, имѣвшіе средства къ выѣзду, покинули столицу, другіе сосланы. Остались бѣд-

няки. Прежній экзархъ, какъ извѣстно, былъ сосланъ въ числѣ первыхъ. Теперешній боится даже выходить изъ дому; о какой либо благотворительной дѣятельности ему нельзя и думать. Вопервыхъ, это крайне опасно, вовторыхъ, невозможно, по неимѣнію средствъ. Весь церковно-болгарскій штатъ, состоящій изъ митрополита, двухъ священниковъ и одного учителя, положительно нищенствуетъ. Учитель, напримѣръ, получаетъ всего около 10 рублей въ мѣсяцъ жалованья, и притомъ оно выдается турецкими ассигнаціями, упавшими, какъ я уже писалъ, до $^1/_5$ своей стоимости. Въ болгарской школѣ теперь всего 20 учениковъ; прежде бывало и 200. Болгарская церковь, единственная въ Константинополѣ, находится въ удаленной части города—Фанáрѣ. Въ ней нѣтъ никакихъ драгоцѣнныхъ украшеній. Почти всѣ иконы написаны Дославскимъ, русскимъ болгариномъ, учившимся въ петербургской академіи художествъ и проживавшимъ въ Базарджикѣ. Передъ войной онъ не успѣлъ внести свое имя въ списокъ русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Турціи. Мѣстный паша воспользовался этимъ, приказалъ схватить Дославскаго и отправить его въ цѣпяхъ въ Константинополь. Дней десять тому назадъ здѣшнее болгарское духовенство получило изъ тюрьмы для похоронъ исхудалый трупъ молодого, талантливаго художника. Послѣ него осталась жена и четверо малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Прежде здѣсь издавались двѣ-три болгарскія газеты. Теперь нѣтъ ни одной. Редакторы и сотрудники частью сосланы, частью эмигрировали. Однимъ словомъ, здѣсь нѣтъ ровно никакихъ средствъ для помощи сосланнымъ и заключеннымъ болгарамъ, а эта помощь будетъ особенно нужна, когда миръ будетъ заключенъ и послѣдуетъ амнистія. По этому поводу я собиралъ справки въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Мнѣ прямо объявили, что Порта, объявляя помилованіе, не сочтетъ себя обязанной заботиться о дальнѣйшей участи своихъ бывшихъ политическихъ пре-

ступниковъ и будущихъ чужихъ подданныхъ, когда есть столько нуждъ у своихъ правовѣрныхъ.

7 час. вечера. Разнесся слухъ, что условія мира подписаны сегодня, въ 5 час., въ Санъ-Стефано. На улицахъ сильное оживленіе. Конные и пѣшіе патрули слѣдуютъ одинъ за другимъ на разстояніи всего 5 минутъ. Около греческой и армянской церкви собралась большая толпа народа. Сюда же явилось нѣсколько музыкантовъ.

2 часа ночи. Пѣніе, пляска и музыка не прекращаются. Веселится христіанское населеніе столицы. На улицахъ не видно ни одного мусульманина. На площади передъ Долма-Бахче расположены войска.

20-го февраля (4-го марта).

Слухъ о подписаніи предварительнаго мирнаго договора подтвердился. Сегодня утромъ, съ экстреннымъ поѣздомъ пріѣхалъ сюда нашъ драгоманъ г. Ону, на долю котораго досталась самая тяжелая часть мирныхъ переговоровъ— веденіе ихъ въ Константинополѣ. Онъ присланъ изъ главной квартиры поздравить султана съ окончаніемъ войны. Въ здѣшнихъ газетахъ напечатано нѣсколько строчекъ о мирѣ, заключающихъ въ себѣ простое извѣстіе, что договоръ подписанъ обѣими воюющими сторонами.

Турки, кажется, еще не опредѣлили ту точку зрѣнія, съ которой имъ слѣдуетъ смотрѣть на будущія отношенія къ Россіи. Съ одной стороны, они очень сердятся на Европу, которая имъ не помогла въ прошлой борьбѣ, съ другой, выражаютъ надежду, что именно теперь Европа должна придти на помощь Турціи, такъ какъ она ужаснется, узнавъ, къ какому результату привела восточный вопросъ ея бездушная, мертвая и нерѣшительная политика. Обсуждая отдѣльные пункты условій, турки волнуются и находятъ, что такой договоръ предписываетъ смерть не только Турціи, но и всей Европѣ. Имъ образуется, говорятъ они, такая сильная славянская федерація, противъ которой черезъ нѣ-

сколько лѣтъ окажутся ничтожными совокупныя силы всей Европы. Съ другой стороны, разсказывая объ условіяхъ, первоначально предложенныхъ Турціи Россіей, мусульмане радуются, что имъ удалось такъ много выторговать. Впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, эта удача нисколько не приписывается великодушію Россіи. Напротивъ, Россія представляется турецкому уму въ видѣ чудовища, готоваго проглотить не только всю Европейскую Турцію, но и ея малоазіятскія владѣнія. Удовлетворенію этого аппетита помѣшала будто бы лишь Европа. Она, какъ полагаютъ здѣсь, не согласится даже на исполненіе тѣхъ условій, которыя подписаны вчера. Турецкія газеты «Вакитъ» и «Бассиретъ» признаютъ европейскую войну неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вчерашняго мира и обсуждаютъ будущее политическое положеніе Турціи. По ихъ мнѣнію, Турціи невозможно принять въ этой войнѣ активное участіе; союзъ съ Россіей немыслимъ: онъ противорѣчитъ и національному чувству чести, и историческимъ потребностямъ Порты; война же противъ Россіи невозможна, пока армія послѣдней владѣетъ Константинополемъ. Такимъ образомъ, Турція обѣщаетъ быть нейтральной. Читая подобныя статьи въ здѣшнихъ газетахъ и слыша эти радужныя надежды на улицѣ, въ кафе и даже кабинетахъ Блистательной Порты, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что я писалъ вчера: турки не придаютъ серьезнаго, рѣшительнаго характера мирному договору съ Россіей, и съ истинно восточнымъ упрямствомъ не вѣрятъ намъ и ждутъ спасенія отъ Европы.

— Ну, а если Европа, вопреки вашимъ ожиданіямъ, согласится на подписанныя вчера условія? спрашиваю я турокъ.—«Тогда, отвѣчаютъ они, чрезъ пять-шесть лѣтъ будетъ новая война. Россія за это время успѣетъ приготовиться къ войнѣ лучше, чѣмъ она была готова въ 1875—1876 годахъ; у Болгаріи будетъ уже свое войско, Сербія и Черногорія усилятся; въ Австріи еще болѣе разовьется пан-

славизмъ... Россія не можетъ кончить начатое дѣло исполненіемъ половины его...»

— А что же будетъ въ это время дѣлать Турція?

— Тоже готовиться къ войнѣ. Все, что намъ останется въ Европѣ, мы сдѣлаемъ настоящимъ турецкимъ. Мы заставимъ славянъ, а если нужно и всѣхъ христіанъ, покинуть наши европейскія владѣнія, и тогда съ нами будетъ не особенно легко сладить...

Война, окончившаяся пораженіемъ, всегда возбуждаетъ въ народѣ критику прошлаго и созданіе общественнаго или политическаго идеала въ будущемъ. То и другое замѣтно и у турокъ. Всѣ прошлыя неудачи приписываются, конечно, дурной администраціи страны. Но анализируя ихъ по частностямъ, мусульмане приходятъ къ убѣжденію, что главная суть заключается въ христіанскихъ чиновникахъ и сановникахъ Порты. Турки вѣрятъ, что правительство исключительно мусульманское не только соотвѣтствовало бы національнымъ потребностямъ страны, но и было бы во сто кратъ честнѣе и умнѣе полухристіанскаго. Даже прямыя указанія на продажность чиновниковъ-турокъ встрѣчаютъ такое объясненіе: «турокъ знаетъ, что ему загораживаютъ дорогу христіане: греки, армяне, франки, оттого и воруетъ». Ненависть къ христіанскимъ чиновникамъ такъ велика, что въ самомъ зданіи Блистательной Порты маленькіе чиновники изъ мусульманъ безъ церемоніи гласно говорятъ про своего начальника: «Не вѣрьте ничему, что онъ будетъ вамъ разсказывать—онъ армянинъ!» Тамъ же я слышалъ нѣсколько разъ одну и ту же фразу: «У насъ только турки честные люди, остальные всѣ подлецы и измѣнники!» Среди мусульманской молодежи это направленіе выражается еще рѣзче. Они не только проповѣдуютъ необходимость очистки правительственныхъ сферъ отъ христіанскаго элемента, но и самый дворъ султана, состоящій, какъ я уже писалъ, изъ онѣмечившихся и офранцузившихся турокъ, считаютъ недостаточно національнымъ.

Султанъ въ ихъ глазахъ не болѣе какъ игрушка въ рукахъ европейской дипломатіи. Кромѣ того, мусульмане возмущаются трусостью Гамида, которая не позволила ему ѣхать къ арміи и стать во главѣ ея. Занятіе нашими войсками Санъ-Стефано турки объясняютъ просьбой султана у русскихъ защиты противъ готовящейся революціи. Это убѣжденіе общее всѣмъ слоямъ здѣшняго мусульманскаго міра. Простой народъ толпится у могилы Абдулъ-Азиса, съ благоговѣніемъ вспоминая о немъ. Несчастнымъ бѣглецамъ думается, что покойный султанъ не отнесся бы такъ наглядно-безсердечно къ народному, національному и религіозному горю, какъ Гамидъ. Улемы и шерифы жалуются на равнодушіе султана къ религіи и объясняютъ народу несчастіе отечества незаконностью владѣнія престоломъ настоящимъ султаномъ, котораго заподозриваютъ даже въ его происхожденіи отъ крови пророка. Аристократія шокируется массой иностранцевъ, служащихъ въ арміи и флотѣ. Купечество жалуется на застой дѣлъ и постепенное исчезновеніе изъ страны не только благороднаго металла, но и мѣдной монеты. Мидхатисты находятъ для своей пропаганды готовую почву во всѣхъ слояхъ надломленнаго турецкаго общества. Какъ всегда бываетъ въ народной жизни въ періодъ національной бѣды, непросвѣщенная масса ищетъ для себя якорь спасенія не въ себѣ самой; ей нужна лишь перемѣна имени тѣхъ, кого она считаетъ главнымъ виновникомъ горя. Оставшаяся здѣсь часть софтовъ не дремлетъ и работаетъ почти гласно, такъ какъ она увѣрена, что въ Стамбулѣ нѣтъ ни одного даже ребенка, который бы не раздѣлялъ всеобщаго убѣжденія въ необходимости перемѣны правителя. Эта проповѣдь ведется совсѣмъ не логически-революціоннымъ путемъ. Этотъ путь не привелъ бы къ успѣху среди невѣжественной темной массы. Нѣтъ, у софтовъ другой методъ, самый вѣрный изъ всѣхъ. Въ Коранѣ сказано, что падишахъ избирается народомъ и смѣняется имъ же, если онъ

не удовлетворяетъ требуемымъ отъ него качествамъ. Главныя же качества—умѣть предводительствовать народомъ и содѣйствовать распространенію правовѣрія. Эти параграфы Корана читаются нараспѣвъ въ мечетяхъ, наполненныхъ голодными бѣглецами. Дальнѣйшія объясненія излишни—критика дѣйствій Гамида вызывается сама собой тѣми фактами и страданіями стотысячной массы, которыя у всѣхъ на глазахъ. Въ другихъ кружкахъ общеста, гдѣ вѣра въ Коранъ не такъ чиста и сильна, какъ въ массѣ темнаго люда, ходитъ упорный слухъ о нервной болѣзни Гамида. Увѣряютъ, что у него замѣчаются тѣ же признаки умопомѣшательства, которые были причиной низверженія Мурада. Этотъ слухъ подтверждаютъ тѣмъ общеизвѣстнымъ здѣсь фактомъ, что Гамидъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не сказалъ ни слова ни депутатамъ, ни войску. За него всегда говоритъ или адъютантъ его, или какой нибудь евнухъ. Наконецъ, недавняя высылка изъ Константинополя нѣкоторыхъ депутатовъ оппозиціи тоже прибавила масла въ огонь.

— Чѣмъ же кончится это въ высшей степени натянутое положеніе дѣлъ? спрашиваю я, обращаясь и къ пашѣ, и къ бею, и къ эффенди, отъ которыхъ приходится слышать одно и то же негодованіе на современное правительство Турціи.

На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различно. Большинство увѣряетъ, что дѣло обойдется безъ шума. Въ одно прекрасное утро, говорятъ они, русскому главнокомандующему будетъ объявлено, что Гамидъ умеръ, и на престолъ вступилъ хедивъ.

— Какъ хедивъ?! но откуда же онъ возьмется?

— Когда будетъ нужно, онъ можетъ легко оказаться и въ Константинополѣ, отвѣчаютъ мнѣ хладнокровно.

Наиболѣе молодые и экзальтированные мечтаютъ о республикѣ. Тѣ и другіе, а также и третьи — меньшинство, соглашающееся на замѣну Гамида Мурадомъ—всѣ едино-

гласно желаютъ имѣть во главѣ управленія Мидхата-пашу, «этого честнаго и умнаго патріота»—какъ они называютъ эксъ-визиря.

— Какъ же вы покончите тогда ваши счеты съ Россіей? спрашиваю я, слушая разныя комбинаціи о будущемъ.

— Честнѣе, чѣмъ настоящее наше правительство, отвѣчаютъ мнѣ всѣ въ одинъ голосъ.—Теперешній мирный договоръ создаетъ для обѣихъ сторонъ массу casus belli: Турція будетъ владѣть отдѣльными кусочками въ чужой территоріи — одного этого достаточно для непрочности мира, разсуждаютъ турки, упоминая Шумлу, Варну, Адріанополь, Салоники и пр. Мы же, говорятъ они, отдадимъ Россіи всѣ наши европейскія владенія, кромѣ Константинополя, и получимъ отъ Россіи обратно всѣ ея завоеванія въ Азіи; кромѣ того, Россія не откажется тогда помочь и въ нашихъ финансовыхъ затрудненіяхъ.

— Ну, замѣчаю я, едвали вашъ Мидхатъ согласится на такую политическую программу.

— Онъ уже согласенъ, говорятъ мнѣ въ отвѣтъ;—онъ и всѣ мы были нагло обмануты Англіей. Клянусь вамъ, прибавляетъ одинъ молодой паша, что у насъ хранятся десятки депешъ, въ которыхъ Турцію самымъ положительнымъ образомъ увѣряли, что въ день объявленія войны Россіей Великобританія объявитъ ей войну. Уже близко то время, когда мы докажемъ всему міру, что мы не были настолько глупы, чтобъ начать войну съ Россіей безъ союзниковъ.

— А конференція?

— Она несомнѣнно окончится войной, и тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше уступимъ мы Россіи. Во время этой войны мы останемся спокойными зрителями, и, конечно, скорѣе отъ того выиграемъ, чѣмъ проиграемъ.

21-го февраля (5-го марта).

Я посѣтилъ г. Ону. Онъ очень любезно сообщилъ мнѣ тѣ подробности мирнаго договора, которыя я телеграфировалъ

вамъ. Съ точки зрѣнія нашей дипломатіи, мы взяли у Турціи все, что можно было вытребовать у нея, не нарушая общеевропейскаго мира. Малѣйшее измѣненіе въ подписанномъ по-завчера трактатѣ было бы нарушеніемъ или нашихъ, или европейскихъ интересовъ. Турція хотя и остается въ Европѣ, но въ военномъ отношеніи отселѣ дѣлается призракомъ державы, и въ данное время, болѣе удобное, чѣмъ настоящее, Россія безъ оружія, однимъ словомъ и угрозой можетъ заставить Порту подчиниться и тѣмъ новымъ требованіямъ, которыя неминуемо должны возникнуть впослѣдствіи. Выслушавъ этотъ взглядъ на условія новаго мира, я отправился въ зданіе Порты, которое вполнѣ замѣняетъ собой политическое кафе Запада. Тамъ, тоже за чашкой кофе, хотя и à la turc, пополамъ съ гущей, собираются «великіе міра сего» и совершенно свободно, съ истинно-восточной безпечностью толкуютъ о политикѣ. Вотъ что я услышалъ тамъ. Еще никогда, говорятъ турки, восточный вопросъ не стоялъ столь готовой грозой, какъ со времени подписанія нынѣшняго мира. У Турціи будетъ въ Европѣ три куска территоріи, между которыми нѣтъ связи по сухому пути. У Турціи остаются и послѣ мира тѣ же національные вопросы, какъ и прежде. Эти вопросы теперь становятся только еще опаснѣе и грознѣе. Свободная Болгарія не можетъ остаться безучастной къ участи ея соотечественниковъ, проживающихъ въ турецкой Румеліи; Греція, разсчитывающая на увеличеніе своей территоріи постановленіемъ конференціи, и многочисленные греки Болгарскаго княжества теперь смѣлѣе станутъ настаивать на правахъ турецкихъ эллиновъ; турки, наконецъ, испытавъ столько бѣдъ и горя отъ войны съ христіанами, будутъ менѣе склонны къ уступкамъ и миролюбивому отношенію къ гяурамъ. Вотъ условія внутренней политической жизни Турціи послѣ мира. Нѣтъ, это не миръ, прибавляютъ мусульмане, это перемиріе, и притомъ очень короткое и очень безпокойное. Въ виду этого убѣж-

денія, до сихъ поръ ежедневно собирается совѣтъ министровъ то во дворцѣ, то въ Высокой Портѣ. Тамъ и тутъ обсуждаютъ всѣ случайности, могущія возникнуть въ близкомъ и отдаленномъ будущемъ изъ настоящаго натянутаго положенія дѣлъ на Востокѣ. Лэйардъ не чуждъ этихъ совѣтовъ. Онъ часто видится съ Ахмедъ-Вефикъ-пашой и до, и послѣ совѣщанія министровъ. Говорятъ, что англійскій посолъ откровенно заявилъ, что Великобританія ни въ какомъ случаѣ не согласится на установленіе мира между Россіей и Турціей безъ существеннаго измѣненія уже подписанныхъ условій. Это заявленіе было бы, конечно, принято съ большой благодарностью, еслибы министерство не узнало чрезъ свою секретную полицію, что зданіе англійскаго посольства очень часто посѣщаютъ представители здѣшняго греческаго и армянскаго населенія. Эти визиты, въ связи съ все болѣе упорными слухами о будущей автономіи всѣхъ греческихъ и армянскихъ провинцій Турціи, заставляютъ министровъ подозрѣвать, не будетъ ли несогласіе Англіи клониться скорѣе ко вреду Турціи, чѣмъ къ ея пользѣ? И дѣйствительно, армяне, которые до сихъ поръ очень мало увлекались идеей о возстановленіи правъ своей національности, теперь открыто говорятъ, что Англія заставитъ и Россію, и Турцію признать автономію Арменіи. Съ другой стороны, возстаніе въ греческихъ провинціяхъ Турціи до сихъ поръ не только не прекращается, но даже усиливается. Компетентные греки говорятъ, что это возстаніе не потухнетъ вплоть до той поры, пока конференція не присоединитъ турецкую Грецію къ ея alma mater. Разсчетъ вѣрный. Конференція будетъ призвана установить миръ и покой. Получая ежедневно извѣстія, что въ греческихъ провинціяхъ льется кровь и нѣтъ возможности прекратить это кровопролитіе, что останется дѣлать ареопагу дипломатовъ, какъ не признать права возставшихъ? Автономія Арменіи, конечно, подвержена большему сомнѣнію, чѣмъ участь греческихъ провинцій, но не слѣдуетъ

упускать изъ виду, что у Англіи есть прямой интересъ создать на русской кавказской границѣ нейтральное княжество, которое бы положило предѣлъ русскому движенію впередъ. Другой вопросъ, надъ которымъ усиленно трудится совѣтъ министровъ — реорганизація арміи. Послѣ многихъ дебатовъ и интригъ, безъ которыхъ не обходится ни одно дѣло на Востокѣ, рѣшено назначить Мегемета-Али-пашу начальникомъ штаба всей арміи, уполномочивъ его выработать проектъ новой военной организаціи. Ему предоставлено право самому избрать себѣ помощниковъ, съ единственнымъ условіемъ, чтобы они были магометане. Мегеметъ обѣщалъ въ 2 мѣсяца и выработать проектъ, и привести его въ исполненіе. Это, конечно, говоритъ не столько за его таланты, сколько за его недобросовѣстность.

II.

Графъ Игнатьевъ.—Русскіе.—Ожиданіе визита великаго князя.—Отмѣна визита.—Посѣщеніе нашихъ плѣнныхъ—Жалкое ихъ состояніе.—Заботы принца Рейса.—Хлопоты о плѣнныхъ въ Санъ-Стефано. — Прожектеры. — Впечатлѣніе отъ рѣчи Бисмарка.—Рѣчь Ахмета-Вефика въ парламентѣ по поводу мира.—Отъѣздъ графа Игнатьева.

22-го февраля (6-го марта).

Съ РАННЯГО утра у воротъ русскаго посольства толпились всевозможные представители населенія Константинополя, такъ какъ въ городѣ стоялъ упорный слухъ, что графъ Игнатьевъ возвращается сегодня въ столицу Турціи въ своемъ прежнемъ званіи представителя Россіи. Дѣйствительно, часовъ въ 10 утра графъ прибылъ съ экстреннымъ поѣздомъ и прямо со станціи желѣзной дороги, вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ княземъ Церетелевымъ, отправился въ зданіе Высокой Порты. Тамъ ждалъ его Ахмедъ-Вефикъ-паша. Свиданіе ихъ было очень короткое; оно продолжалось не болѣе четверти часа. Такимъ образомъ, всѣ слухи о томъ, что центръ тяжести новыхъ переговоровъ переносится изъ Санъ-Стефано въ Константинополь, не подтвердились. Слухъ этотъ былъ пущенъ поклонниками британскихъ интересовъ, и есть основаніе думать, что въ англійскомъ посольствѣ дѣйствительно хлопотали удалить изъ Санъ-Стефано Савфета-пашу, какъ человѣка, котораго упрекаютъ въ излишней симпатіи къ Россіи. Здѣсь, въ

Константинополѣ, Савфетъ-паша былъ бы подъ болѣе близкимъ вліяніемъ, прямымъ или посредственнымъ, со стороны другихъ министровъ и приближенныхъ султана, которые, какъ я уже писалъ, имѣютъ свои причины относиться съ особенною благосклонностью къ совѣтамъ господина Лэйарда. Изъ зданія Высокой Порты графъ проѣхалъ во дворецъ посольства; толпа съ большимъ любопытствомъ заглядывала въ простую извозчичью карету и не узнавала графа въ его военномъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ. Запыленныя ворота посольства, не отпиравшіяся въ теченіи цѣлаго года, растворились со скрипомъ. Толпа ожидала, что будутъ сняты чехлы съ русскихъ орловъ, но черезъ нѣсколько минутъ генералъ Игнатьевъ снова выѣхалъ. Онъ поѣхалъ къ греческому посланнику Кундуріоти. Этому визиту здѣсь придаютъ большое значеніе. Турки, на худой конецъ, разсчитываютъ, что на конференціи Россія поддержитъ представителей Порты, когда послѣднимъ придется отстаивать интересы Турціи противъ греческихъ притязаній. Турки думаютъ, что Россія, въ виду неполнаго разграниченія болгарской и греческой территоріи, пожелаетъ оставить эти спорныя земли во власти турокъ скорѣе, чѣмъ отдать ихъ безвозвратно вліянію панэллинизма. Это убѣжденіе раздѣляется и большинствомъ греческой интеллигенціи. Поэтому визитъ графа къ Кундуріоти былъ предметомъ различныхъ толковъ во всѣхъ политическихъ кружкахъ Константинополя. Я не передаю вамъ всѣхъ тѣхъ предположеній, которыя здѣсь, на юго-востокѣ, возникаютъ съ изумительной легкостью. Изъ наиболѣе вѣрныхъ источниковъ, я узналъ лишь то, что графъ отъ имени русскаго правительства заявилъ г. Кундуріоти, что Россія никоимъ образомъ не намѣрена противорѣчить тѣмъ требованіямъ греческой народности, которыя будутъ представлены на разсмотрѣніе конференціи. Эта вѣсть облетѣла все греческое населеніе столицы, но не произвела того хорошаго впечатлѣнія, на которое, повидимому, можно

было разсчитывать. Греческая пресса такъ часто и много говорила о нарушеніи интересовъ эллинизма въ мирныхъ договорахъ Россіи съ Турціей, что побѣдить впечатлѣніе этихъ толковъ едва ли возможно простымъ, хотя бы и оффиціознымъ заявленіемъ дружбы и симпатіи. Не слѣдуетъ забывать при томъ, что во многихъ пунктахъ будущаго Болгарскаго княжества административная сила de facto находилась въ рукахъ греческихъ богачей. Болгарская самостоятельность отнимаетъ у нихъ эту власть и соединенные съ нею барыши. Отголосокъ скорби о потерѣ того и другого будетъ слышаться еще долго и въ греческой печати, и въ греческомъ общественномъ мнѣніи. Кромѣ того, греки, живущіе, торгующіе и служащіе въ турецкой Румеліи и Константинополѣ, видятъ и чувствуютъ, что послѣдняя война хотя и окончилась пораженіемъ для турокъ, но не осталась безъ послѣдствій всякой войны для всякаго народа: турки прониклись убѣжденіемъ, что спасеніе государства заключается въ нихъ самихъ и гибель его—въ элементахъ, чуждыхъ османлизма. Такимъ образомъ, греки, съ одной стороны, пока не видятъ для себя никакой выгоды отъ только-что закончившейся войны, съ другой, уже испытываютъ на себѣ ея невыгодное послѣдствіе.

Въ четыре часа по полудни графъ Игнатьевъ возвратился въ Санъ-Стефано. Чехлы на русскихъ орлахъ остались не снятыми, и слухъ объ открытіи русскаго посольскаго дома оказался преждевременнымъ.

Количество русскихъ увеличивается съ каждымъ днемъ; ѣдутъ изъ Одессы разные евреи гешефтмахеры, уже нажившіеся за Дунаемъ, пробирающіеся теперь съ разнымъ товаромъ въ Санъ-Стефано, гдѣ открывается имъ новое поприще для набиванія кармана. Изрѣдка встрѣчаются здѣсь и русскіе офицеры въ штатскомъ платьѣ, присутствіе которыхъ оставляетъ серебряный и золотой слѣдъ въ видѣ четвертаковъ, полтинниковъ, рублей и полуимперіаловъ. На окнахъ мѣнялъ появились и русскія бумажки, которыя

идутъ здѣсь по курсу самому высокому во всей Европѣ— по три франка за рубль.

23-го февраля (7-го марта).

На старомъ, крайне неудобномъ мосту, соединяющемъ Галату съ Стамбуломъ, нельзя было протолкаться сквозь массу народа съ преобладающимъ европейскимъ элементомъ Перы и Галаты; всѣ спѣшили верхомъ, въ экипажахъ и пѣшкомъ къ городской стѣнѣ, выходящей на дорогу въ Санъ-Стефано. Жители Константинополя, точно также какъ и газеты французскія, греческія, армянскія и турецкія, были вполнѣ увѣрены, что великій князь Николай Николаевичъ, въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, сдѣлаетъ сегодня визитъ султану въ Гилдизъ-Кіоскѣ (Золотой дворецъ). Великій князь долженъ былъ доѣхать до стѣнъ Царьграда въ экипажѣ и затѣмъ онъ и вся свита, какъ предполагалось, сядутъ на коней и проѣдутъ верхомъ чрезъ Стамбулъ, Галату и Перу на другой конецъ города, гдѣ живетъ теперь падишахъ. Экипажи и лошади были уже приготовлены; во дворцѣ были сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія для встрѣчи и пріема гостей. Однако вчера, поздно вечеромъ, всѣ предположенія были измѣнены. На частномъ собраніи во дворцѣ возникъ вопросъ, какъ отнесется мусульманское населеніе столицы къ многочисленной кавалькадѣ русскаго генеральнаго штаба во время проѣзда ея по крайне узкимъ улицамъ города. Беккеръ-паша, въ качествѣ начальника жандармской стражи, считалъ на столько опаснымъ путь русскаго штаба чрезъ Константинополь, что самымъ положительнымъ образомъ отказывался отъ исполненія своихъ обязанностей въ день визита великаго князя. Было много и другихъ пашей, вполнѣ соглашавшихся съ мнѣніемъ Беккера, и когда они замѣтили, что совѣтъ все еще колеблется отклонить посѣщеніе султана нашимъ главнокомандующимъ, то вопросъ былъ поставленъ круче: «какъ, спросили нѣкоторые, отне-

сутся наши мусульмане къ самому султану, приглашающему въ столицу побѣдителя, вѣчнаго и вчерашняго врага?». Кромѣ того, напомнили султану, что и онъ будетъ обязанъ ѣхать въ Санъ-Стефано черезъ улицы Константинополя и Стамбула, которыя для него едва ли еще не болѣе опасны, чѣмъ для русскихъ мундировъ. Ахмедъ-Вефикъ-паша съ свойственною ему рѣзкостью сказалъ: «Намъ не предстоитъ никакой надобности унижать себя добровольно, устраивая тріумфальный маршъ русскимъ чрез нашу столицу». Слабая струна султана была задѣта, перспектива проѣзда через улицы города достаточно ярко была разрисована въ его напуганномъ воображеніи, и совѣтъ единогласно порѣшилъ отклонить визитъ великаго князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость для султана ѣхать въ Санъ-Стефано. Въ подобныхъ случаяхъ предлогъ всегда готовъ, и турки даже не захотѣли особенно много думать надъ пріисканіемъ этого предлога: они просто объявили, что у султана зубы болятъ. Экипажи и лошади воротились съ полъ-дороги, а толпа подождала часъ, другой и разошлась. Такимъ образомъ, вопросъ о пріѣздѣ сюда великаго князя нетолько отложенъ на неопредѣленное время, но едва ли пріѣздъ этотъ и совершится въ той деликатной формѣ, въ которой онъ предполагался первоначально. Я лично, впрочемъ, еще не теряю надежды, что русскіе, въ томъ или другомъ количествѣ, побываютъ въ Константинополѣ. Здѣшнія газеты, напротивъ, намекаютъ, что Константинополь не увидитъ ни одного русскаго военнаго мундира. Но едва ли онѣ сами вѣрятъ въ то, что пишутъ. Слухъ о серебряномъ и золотомъ дождѣ, падающемъ изъ русскихъ кармановъ на безъизвѣстное доселѣ Санъ-Стефано, проникъ во всѣ слои здѣшняго общества безъ различія вѣроисповѣданій, а застой въ дѣлахъ за все время войны придалъ особую прелесть и заманчивость этому слуху. Поэтому я имѣю основаніе полагать, что въ тайникѣ души каждый константинополецъ, работающій, торгующій и даже издающій газету, секретно

желаетъ или, по крайней мѣрѣ, не прочь отъ посѣщенія нашей арміей Царьграда, гдѣ, какъ и въ Санъ-Стефано, русскими рублями въ звонкой монетѣ уплачивалась бы тройная и пятерная цѣна всѣхъ товаровъ отъ хлѣба и сѣна до запонокъ и бездѣлушекъ включительно. Это тайное желаніе проглядываетъ вездѣ, гдѣ приходится вольно или невольно русскому объявить о своей національности. То, что для всякаго иностранца стоитъ піастръ, для русскаго оно стоитъ пять піастровъ, причемъ на излишніе четыре отпускается самая пріятная улыбка и самое привѣтливое киваніе головой, хотя бы она и была украшена зеленою чалмой муэзина, показывающаго священные предметы мусульманской мечети дервишей.

24-го февраля (8-го марта).

Возобновленіе старыхъ знакомствъ въ Константинополѣ, столь необходимыхъ и интересныхъ для корреспондента въ этомъ мѣстѣ самыхъ противоположныхъ, разнородныхъ по идеаламъ и національностямъ надеждъ, упованій и желаній, не давало мнѣ времени исполнить святую обязанность русскаго, живущаго въ Царьградѣ — посѣтить нашихъ плѣнныхъ. Какъ извѣстно, наши плѣнные распредѣлены здѣсь въ трехъ мѣстахъ: около 500 рядовыхъ и нѣсколько офицеровъ магометанскаго вѣроисповѣданія содержатся на малоазіятскомъ берегу, почти въ самомъ Скутари. Этихъ доля самая горькая. Тухлая, недостаточная и однообразная пища, грубое, тюремное обращеніе и абсолютное лишеніе свободы, соединенное съ самымъ безобразнымъ нарушеніемъ правъ личностей—вотъ тѣ условія, въ которыя поставлены эти несчастныя жертвы войны. Мое посѣщеніе ихъ было слишкомъ короткое, мои разговоры съ страдальцами происходили въ присутствіи турецкаго жандарма, знающаго русскій языкъ. Меня не пустили посмотрѣть на тѣ душныя и грязныя конуры, въ которыхъ содержитъ Высокая Порта русскихъ плѣнниковъ, въ то время, когда русское прави-

тельство, совмѣстно съ русскимъ обществомъ, великодушно заботится о здоровьѣ и удобствахъ сотни тысячъ турецкихъ плѣнныхъ въ Россіи. Вслѣдствіе этого я ограничиваюсь относительно участи русскихъ плѣнныхъ въ Скутари разсказомъ о томъ, что извѣстно уже въ здѣшнемъ оффиціальномъ мірѣ. Турецкое правительство не посовѣстилось начать пропаганду исламизма среди русскихъ солдатъ въ Скутари, поддерживая ее тѣми средствами, которыми всегда и вездѣ велась проповѣдь Корана. Несчастныхъ солдатъ сначала соблазняли выгодами ренегатства, потомъ запугивали ихъ ложными сообщеніями объ ужасныхъ разгромахъ русской арміи, наконецъ, ихъ попросту сѣкли. Великая честь русскому человѣку: изъ пятисотъ голодныхъ, страдающихъ, полубольныхъ, засѣченныхъ и запуганныхъ только четверо рѣшились промѣнять мученическій вѣнецъ на обѣщаемыя блага исламизма. Этихъ невольныхъ ренегатовъ тотчасъ освободили, и даже дали имъ особое помѣщеніе при дворцѣ султана, въ Гильдизъ-Кіоскѣ, снабдили ихъ деньгами и богатою турецкою одеждою. Но, несмотря и на это, одинъ изъ нихъ обратился къ здѣшнимъ русскимъ съ мольбою спасти его. Его заперли въ греческую церковь и дали знать германскому консульству. Несчастный явился туда полупомѣшаннымъ, заявилъ со слезами на глазахъ, что надъ нимъ совершили обрядъ обрѣзанія, что онъ предпочитаетъ смерть исламизму, страшится возврата въ Россію и умоляетъ дать ему возможность бѣжать изъ Турціи. Его отправили на островъ Сиру для передачи русскому правительству. По его разсказу, остальные трое ренегатовъ живутъ лишь надеждою спастись отсюда бѣгствомъ, и что при первомъ удобномъ случаѣ они послѣдуютъ его примѣру. По слухамъ, во дворцѣ приняты теперь суровыя мѣры предосторожности противъ бѣгства этихъ несчастныхъ. Было бы несправедливо, еслибъ мы забыли о нихъ при заключеніи полнаго мира. Вѣдь это не добровольные ренегаты, это ренегаты-мученики.

Въ Стамбулѣ, въ зданіи сераскеріата, помѣщаются восемь русскихъ плѣнныхъ офицеровъ: полковникъ Клевезаль, маіоръ Головицкій, штабсъ-капитаны: Домбровскій, Розовъ и Сушковъ, сотникъ Секретьевъ, подпоручики: Соцкій и Ласкевичъ. У всѣхъ ихъ четыре казарменныя комнаты. Полковникъ Клевезаль пользуется исключительной привиллегіей имѣть отдѣльную комнату и покидать казарму во всякое время дня безъ конвоя; впрочемъ, послѣднее право ему было предоставлено лишь 19-го февраля, т. е. въ день подписанія предварительнаго мирнаго договора въ Санъ-Стефано. Остальные плѣнные помѣщаются въ маленькихъ комнатахъ по два и по три. Стѣны комнатъ были когда-то выкрашены простой вохрой и носятъ на себѣ слѣды долгой турецкой казарменной жизни. Каждому плѣнному выдана постель, состоящая изъ соломеннаго тюфяка. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ другой мебели, кромѣ кровати, совсѣмъ нѣтъ. Вся обстановка до крайности грязная; стѣны, постели и мебель служатъ отличнымъ убѣжищемъ для насѣкомыхъ всѣхъ породъ, безъ которыхъ не обходится ни одно турецкое жилье. Кушанье выдается два раза въ день: утромъ по куску баранины съ рисомъ, вечеромъ опять рисъ и баранина, съ добавкой супа изъ тѣхъ же продуктовъ. Часто случается, что и это неизмѣнное блюдо подается съ тѣмъ запахомъ, къ которому такъ привыкли турки во время всѣхъ болгарскихъ избіеній. Тогда остается съѣдомымъ одинъ рисъ, если только примѣшанный къ нему бараній жиръ не проникнутъ тѣмъ же неудобнымъ ароматомъ. Соблюденіе поста обязательно по двумъ причинамъ: плѣнные конечно не привезли съ собою капиталовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ свободой лишились даже своихъ мундировъ, панталонъ и сапоговъ. Несмотря на трехъ и даже четырехмѣсячное пребываніе ихъ въ плѣну, Россія не позаботилась ни спросить, въ чемъ нуждаются они, ни выслать имъ частичку того, что очень часто безъ страха и разсчета дается тѣмъ, кто въ великой войнѣ зналъ лишь

одинъ вопросъ о своей собственной наживѣ. Турецкое правительство, послѣ долгихъ и настойчивыхъ хлопотъ, рѣшилось выдавать по 17 рублей въ мѣсяцъ полковнику, по 12 рублей капитану и по 7 рублей субалтернъ-офицеру. Принцъ Рейсъ выдалъ, едва ли не изъ своего кармана, 80 тур. лиръ на всѣхъ плѣнныхъ. Вообще я слышалъ отъ нашихъ офицеровъ самые симпатичные отзывы о личности принца и о той готовности, съ которой онъ выслушивалъ и исполнялъ всѣ просьбы нашихъ плѣнныхъ. Онъ часто посылаетъ плѣннымъ чай, сахаръ, мыло, бѣлье и даже для несчастныхъ въ Скутари одежду и деньги. Другая причина поста—лишеніе свободы. Первый мѣсяцъ всѣмъ плѣннымъ было абсолютно воспрещено покидать казармы. Ослушивающагося часовой безъ церемоніи хваталъ за воротъ и возвращалъ въ комнату, не разсуждая, что цѣль выхода изъ нея были совсѣмъ не прогулки, а кабинетъ, находящійся тутъ же въ корридорѣ и дающій о себѣ знать міазмами не только внутри казармы, но даже и на обширномъ дворѣ сераскеріата. Затѣмъ, какъ особенная милость, было предложено прогуливаться по двое въ день, по очереди, конечно, подъ конвоемъ. Такимъ образомъ, каждый могъ увидѣть свѣтъ божій и подышать чистымъ воздухомъ часъ, другой лишь два раза въ недѣлю. Первое время плѣннымъ было запрещено получать или читать какія бы то ни было газеты или книги, которыя отбирались отъ нихъ безъ всякой церемоніи. Послѣдніе дни тѣ же матеріальныя лишенія и тотъ же нравственный гнетъ не уменьшались ни на іоту. Плѣнные слышали, что русская армія съ каждымъ новымъ днемъ близится къ Константинополю, и съ каждымъ днемъ росла въ нихъ надежда на вступленіе нашей арміи въ Константинополь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекращеніе этой несправедливой пытки. Русскіе остановились въ Санъ-Стефано, т. е. въ военномъ отношеніи взяли безъ боя Константинополь. Казалось по всѣмъ основаніямъ—военному—на правахъ побѣдителя, и международному—на правахъ сто-

роны, предписывающей условія мира, и логическому — по нетрудности разрѣшенія вопроса всего о пятистахъ человѣкахъ — русскіе плѣнные должны были возвратиться къ своимъ постамъ въ арміи даже ранѣе, чѣмъ были разрѣшены болѣе крупные вопросы о мониторахъ, контрибуціи и территоріи. Турки очень хорошо понимали это, и совершенно откровенно и чистосердечно ждали, что сегодня или завтра плѣнные будутъ освобождены. Это убѣжденіе раздѣлялъ и самъ сераскиръ-паша, который лично обнадежилъ полковника Клевезаля въ день вступленія русскихъ въ Санъ-Стефано слѣдующими словами: «Ну, теперь должно кончиться ваше заключеніе!» Съ тѣхъ поръ прошло почти двѣ недѣли, а въ зданіе сераскеріата не дошло никакого, ни оффиціальнаго, ни частнаго извѣстія о дальнѣйшей участи нашихъ плѣнныхъ. Я предполагалъ, что турецкимъ властямъ, быть можетъ, не совсѣмъ извѣстно о той широкой и даже пріятной свободѣ, которою пользуются въ нашемъ отечествѣ турецкіе плѣнные и потому рѣшился пояснить надлежащимъ пашамъ, какъ проживаютъ ихъ соотечественники на Руси. На это они мнѣ отвѣтили: «У насъ другія правила». Я замѣтилъ, что эти правила могли бы быть измѣнены хотя бы во имя справедливости. Ареопагъ пашей съ невозмутимымъ хладнокровіемъ порѣшилъ: «Если бы наши правила относительно русскихъ плѣнныхъ нуждались въ измѣненіяхъ, они бы уже давно получили о томъ надлежащее указаніе изъ русской главной квартиры. Вѣдь это такъ близко,—можно въ одинъ часъ все устроить!» добродушно прибавилъ предсѣдатель военнаго совѣта. Такой отвѣтъ нисколько не удивитъ того, кто знаетъ, въ чемъ заключается суть восточнаго права: кто силенъ, тотъ можетъ приказывать, кто побѣжденъ, тотъ обязанъ исполнять. Впрочемъ, гдѣ и когда не примѣнялась эта логика факта, хотя и прикрытая деликатной формой добавочныхъ статей, особыхъ соглашеній или даже любезныхъ просьбъ побѣдителя, на которыя побѣжденный не смѣетъ отвѣчать отка-

зомъ. Турки, впрочемъ, ждали, кажется, въ данномъ случаѣ, приказанія въ голой формѣ и готовились исполнить его съ величайшимъ удовольствіемъ, такъ какъ въ это время дороговизны съѣстныхъ продуктовъ даже за рисъ и баранину приходится имъ уплачивать громадное количество государственныхъ бумагъ. Я долго бесѣдовалъ съ плѣнными и раздѣлялъ вмѣстѣ съ ними глубокую вѣру, что, быть можетъ, даже сегодня ночью, придетъ желанное разрѣшеніе покинуть эту вонючую и грязную казарму, эту глупую и несправедливую жизнь тоски и лишенія и возвратиться къ арміи, которая, какъ мы всѣ слышали, нуждается въ офицерахъ вообще, а въ опытныхъ и побывавшихъ въ дѣлѣ, конечно, въ особенности...

25-го февраля (9-го марта).

Ѣхать въ Санъ-Стефано моремъ или по желѣзной дорогѣ я не хотѣлъ. Мнѣ было интересно проѣхаться верхомъ по той дорогѣ, по которой рано или поздно придется побѣдоносно шествовать русскимъ войскамъ въ будущую столицу славянства. Цѣлый часъ я пробирался по узкимъ улицамъ Стамбула съ одного конца его на другой, пока не подъѣхалъ къ старой, развалившейся отчасти, но все еще грозной и крѣпкой стѣнѣ Царьграда. Толстыя полуземляныя, полукаменныя стѣны смотрятъ свысока на низменную долину, покрытую маленькими холмиками и простирающуюся вплоть до селенія Макрикіоя, лежащаго на половинѣ пути, между Константинополемъ и Санъ-Стефано. Узенькое шоссе, перерѣзывая линію желѣзной дороги, тянется вдоль бѣлымъ зигзагомъ; на концѣ видимаго отсюда горизонта бѣлѣются палатки турецкихъ аванпостовъ. Слѣва бьется голубой волной море, за нимъ туманной лентой синѣетъ и исчезаетъ вдали гористый берегъ Малой Азіи. Направо — поля, покрытыя молодой зеленой травкой; кое-гдѣ стоятъ одинокіе кипарисы. Проѣхавъ незначительное селеніе Макрикіой и взобравшись на сосѣдній холмъ, видишь маленькую рѣчку

съ убогимъ деревяннымъ мостикомъ. Эта рѣчка служитъ границей русской оккупаціонной арміи. На одномъ концѣ коротенькаго моста стоятъ двое турецкихъ часовыхъ, на другомъ—двое русскихъ. Это только аванпосты. До самаго Санъ-Стефано еще одинъ холмъ и версты двѣ ѣзды. Санъ-Стефано одно изъ лучшихъ предмѣстій Константинополя; но такъ какъ оно уже достаточно подробно описано моими сотоварищами, военными корреспондентами, то я перехожу прямо къ повѣствованію о цѣли моей поѣздки. До сей поры, какъ я уже писалъ, наши плѣнные, находящіеся въ Константинополѣ, не получали никакихъ извѣстій и не знали, скоро ли настанетъ конецъ ихъ лишеніямъ. Я хотѣлъ разузнать о томъ въ Санъ-Стефано, надѣясь привезти скучающимъ подъ глупымъ и грубымъ арестомъ хоть какую нибудь утѣшительную новость. Я обратился къ адъютанту главнокомандующаго полковнику Скалону, прося его сообщить мнѣ, что ему извѣстно объ участи нашихъ плѣнныхъ до ратификаціи мирнаго трактата, и разсказалъ ему подробно условія ихъ жизни. Полковникъ выслушалъ мой разсказъ съ живѣйшимъ участіемъ и тотчасъ отправился доложить о цѣли моего пріѣзда великому князю. Черезъ пять минутъ мнѣ было поручено повидаться съ графомъ Игнатьевымъ, повторить ему мой разсказъ и принести въ квартиру главнокомандующаго извѣстіе о томъ, что скажетъ мнѣ графъ Игнатьевъ. Графъ принялъ меня съ его обычнымъ радушіемъ и объяснилъ, что впредь до ратификаціи мира и установленія особыхъ условій о размѣнѣ плѣнныхъ, дипломатія не можетъ сдѣлать ни одного шага для облегченія участи русскихъ, заключенныхъ въ Константинополѣ и Скутари. Впрочемъ, графъ обѣщалъ частнымъ образомъ поговорить съ Реуфомъ-пашей, военнымъ министромъ, и просить у послѣдняго отмѣны тѣхъ суровыхъ отношеній къ русскимъ плѣннымъ, которыя приравниваютъ послѣднихъ къ арестантамъ, попавшимъ въ тюрьму за воровство, грабежъ или убійство. Графъ сообщилъ мнѣ также, что турки

уже передали ему списокъ тѣхъ турецкихъ офицеровъ, которыхъ они желаютъ получить изъ плѣна какъ можно скорѣе. Изъ другихъ источниковъ я узналъ, что турецкое правительство отдало даже и приказъ о снаряженіи своего казеннаго судна для поѣздки въ Одессу за плѣнными. Отвѣтъ графа Игнатьева я передалъ тому же полковнику-адъютанту и уѣхалъ изъ Санъ-Стефано, увезя нашимъ плѣннымъ надежду, что главной квартирой будетъ посланъ къ первому турецкому министру военный парламентеръ, который постарается выхлопотать у Высокой Порты хотя бы тѣ льготы для русскихъ плѣнныхъ, которыми безъ всякихъ хлопотъ и просьбъ пользуются заурядъ всѣ турецкіе плѣнные на Руси.

Изъ политическихъ новостей дня извѣстно, что вмѣстѣ съ генераломъ Игнатьевымъ отсюда отправляется военный министръ Реуфъ-паша, въ качествѣ уполномоченнаго Порты, для ратификаціи трактата. Пароходъ «Владиміръ», привезшій въ Санъ-Стефано различныя вещи Краснаго Креста и одежду солдатамъ, уже готовъ къ отплытію и стоитъ подъ парами. Реуфъ-паша везетъ съ собою собственноручное письмо султана къ Государю Императору. Въ этомъ письмѣ заключается краткое описаніе финансовыхъ затрудненій Турціи и обращеніе къ великодушію побѣдителя, съ просьбой уменьшить сумму военной контрибуціи. Здѣсь питаютъ глубокую надежду, что письмо это достигнетъ своей цѣли, и будущая дань Болгаріи пойдетъ не на покрытіе расходовъ, дѣйствительно понесенныхъ Россіей на веденіе войны, а на уплату тѣхъ долговъ Турціи, которые она заключила на условіяхъ учета 30 и 35 процентовъ. Сегодня шли также дипломатическіе переговоры, съ участіемъ персидскаго посольства, о турецко-персидской границѣ. Хотя я и получаю здѣсь русскія газеты лишь на десятый день, но думаю, что вамъ уже извѣстно о той части будущаго мирнаго договора, которая требуетъ немедленнаго опредѣленія точной границы между Турціей и Персіей. Этой гра-

ницей признана окончательно линія, проведенная русско-англійской комиссіей въ 1873 и 1874 годахъ.

Теперь въ Санъ-Стефано проживаетъ директоръ петербургскаго завода Берда, инженеръ Пелль, вызванный въ главную квартиру великимъ княземъ для составленія проекта будущихъ линій желѣзныхъ дорогъ въ Болгарскомъ княжествѣ. Проектъ еще не готовъ, но почти рѣшено соединить на первыхъ же порахъ рельсовымъ путемъ Бургасъ съ Ямболи и образовать, такимъ образомъ, изъ перваго главный портъ княжества. Если Эгейскій портъ Болгаріи Кавалла будетъ также связанъ сѣтью дорогъ съ внутренними частями княжества, то паденіе Константинополя въ коммерческомъ отношеніи неминуемо. Все, что шло черезъ него для Болгаріи, всѣ конторы и купцы, имѣвшіе для этой торговли спеціальныя конторы въ Константинополѣ, перейдутъ въ Бургасъ и Кавaллу. Я слышалъ, между прочимъ, и обсужденіе вопроса, чьими руками должны быть построены желѣзныя дороги Болгаріи. Одни говорятъ самими болгарами, которые-де нуждаются въ заработкахъ и капиталахъ. Другіе утверждаютъ, что для постройки желѣзныхъ дорогъ Болгаріи должны быть выписаны рабочіе изъ Россіи, такъ какъ болгары имѣютъ хорошую землю и благодатный климатъ, которые позволятъ имъ въ короткое время изгладить всѣ послѣдствія башибузукскаго погрома. Русскіе же рабочіе привезутъ домой частичку того золота, которымъ имъ будетъ уплачиваться за ихъ трудъ, и сохранятъ для родины хоть часть этого металла, который такъ рѣдокъ теперь въ Россіи. Кромѣ г. Пелля, есть уже много другихъ не призванныхъ, но предлагающихъ свои услуги по части постройки болгарскихъ рельсовыхъ путей. И въ Константинополѣ, и въ Санъ-Стефано есть достаточное количество разныхъ прожектеровъ, устремляющихъ взоры на будущее Болгарское государство. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести и многихъ болгаръ, которые подъ именемъ «братушекъ» пріѣхали съ разныхъ сторонъ искать тепленькихъ мѣсте-

чекъ въ создающемся княжествѣ, а если нѣтъ таковыхъ, то хоть подряда для русской арміи «по родству». Съ моей точки зрѣнія, эти «братушки» опаснѣе самихъ турокъ. Они умѣли не только жить, но даже и капиталы наживать подъ турецкимъ игомъ. De facto они были властью, они руководили и поддерживали тотъ гнетъ, подъ которымъ находились ихъ соотчичи. Нетрудно сообразить, съ какими принципами и привычками явились бы эти люди на свою родину, еслибы теперь досталась имъ власть надъ униженнымъ народомъ и de jure. Внезапная смерть князя Черкасскаго дала новыя надежды этимъ хищникамъ. Въ кафе и на улицахъ они уже громко проповѣдуютъ, что Болгарія должна быть создана и должна управляться самими болгарами. Да избавитъ Богъ новорожденное княжество отъ этихъ друзей и руководителей.

26-го февраля (10-го марта).

Я до сихъ поръ не писалъ ни слова о томъ впечатлѣніи, которое произвела рѣчь Бисмарка въ здѣшнихъ политическихъ кружкахъ. Я сдѣлалъ это не умышленно, а потому, что про нее здѣсь почти никто не говоритъ, а если спросишь самъ, то слѣдуетъ отвѣтъ самый индиферентный. Я долго не имѣлъ случая объяснить себѣ причины такого отношенія свысока къ словамъ желѣзнаго человѣка, такъ громко прозвучавшимъ по всей Европѣ. Наконецъ, сегодня зашла рѣчь о положеніи Германіи въ предполагаемыхъ спорахъ во время и послѣ конференціи. Тутъ я услышалъ слѣдующее сужденіе: «Германія—прежде всего умная держава; она, какъ и Англія, знаетъ исключительно свои собственные интересы и лишь умѣетъ согласовать ихъ съ деликатной формой отношеній къ своимъ сосѣдямъ; и въ далекомъ и близкомъ прошломъ она многимъ обязана Россіи. За это она къ ней особенно любезна, пока эта любезность стоитъ не дороже парламентскихъ рѣчей и дипломатическихъ нотъ. Но если вопросъ станетъ такъ, что Германія

будетъ вынуждена ради этой любезности истратить пфенигъ или пролить одну каплю своей крови—она откажется». Изъ этого слѣдуетъ, что здѣсь увѣрены въ полнѣйшей изолированности Россіи на будущей конференціи. Россія очень долго колебалась объявить намъ однимъ войну, разсуждаютъ турки; благодаря ея осторожности, мы имѣли время приготовиться, добыть деньги, оружіе и солдатовъ; не можетъ быть, чтобъ она скорѣе рѣшилась вести войну съ Европой (?) теперь, когда ея силы не такъ цѣльны и полны, какъ въ 1875 и 76 гг. Если Россія не рѣшится, то другія державы, волей неволей, должны будутъ отстаивать на конференціи интересы Турціи, такъ какъ въ нихъ заключается одинъ изъ двухъ способовъ охраненія европейскаго равновѣсія. Если же, паче чаянія, Россія выкажетъ полную готовность защитить право побѣдителя съ оружіемъ въ рукахъ противъ кого бы то ни было, тогда Турціи грозитъ плохая участь. Европа увидитъ необходимость обратиться къ второму средству охраненія европейскаго равновѣсія — она захочетъ подѣлить европейскую, азіятскую и африканскую Турцію между собой и Россіей. Въ этомъ случаѣ у турокъ видится одно спасеніе—просить протекціи Россіи, сдѣлать ей всѣ желаемыя ею уступки и предложить ей всѣ свои силы для защиты противъ Европы интересовъ русско-турецкихъ. Турки, развивая эти планы, останавливаются съ особымъ удовольствіемъ на враждебномъ отношеніи грековъ къ Россіи. Еслибъ не было этой вражды, по ихъ убѣжденію, не могко бы быть и сомнѣнія, что вся европейская Турція была бы раздѣлена между славянами и греками. Теперь же Россія сама не захотѣла отдать Кандію Греціи, хотя турки будто бы желали сдѣлать эту уступку съ условіемъ вознагражденія ихъ за нее деньгами. Вотъ съ какими надеждами идутъ турки на будущую конференцію. Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что представителями Порты на конференціи или конгрессѣ будутъ Савфетъ-паша и Садулахъ-бей, турец-

кій посланникъ въ Берлинѣ. Это назначеніе подтверждаетъ вышеприведенныя мнѣнія Порты на счетъ будущихъ политическихъ комбинацій. Нужна Европа какъ помощница — дѣйствовать будетъ Садулахъ-бей; окажется необходимымъ броситься въ объятія Россіи—готовъ Савфетъ-паша. Очевидно, что Турція никакъ не можетъ избавиться отъ составленнаго исторически убѣжденія о характерѣ Россіи. Наше дорогое отечество представляется ей въ видѣ приказчика апраксинскаго двора, у котораго, при ловкости и умѣньи, можно купить вещи за одну пятую запрошенной цѣны. Для этого будто бы нужно лишь обратиться къ великодушію и другимъ хорошимъ чувствамъ Россіи—и дѣло въ шляпѣ.«Теперь, знаете, объясняю я туркамъ, время другое; теперь есть у насъ ясное сознаніе интересовъ нашей внѣшней политики.» Не вѣрятъ и смѣются. «Вы добрые!» говорятъ. Гуляю я по плацу; громадная площадь вся запружена обучающимися рекрутами. Здороваюсь съ пашой, картинно гарцующимъ на бѣломъ конѣ больше передъ публикой, чѣмъ передъ рядами солдатъ.

— А вы время даромъ не теряете, замѣчаю я, показывая на марширующія фаланги.

— Конечно нѣтъ, улыбается паша; быть можетъ, они вамъ пригодятся.

— Не успѣете выучить...

— Для Азіи и Африки успѣемъ, а въ Европѣ предоставимъ вашимъ войскамъ драться за насъ.

Паша хотя и смѣется, но очевидно повторяетъ то, что крѣпко засѣло въ турецкія политическія головы. Рѣчь Ахмета-Вефика-паши, обращенная къ оставшимся здѣсь депутатамъ послѣдняго парламента, въ сущности тоже подтверждаетъ описанныя мною надежды турокъ. Онъ сказалъ: «вчера мы подписали договоръ о мирѣ, если только можно въ дѣйствительности такъ назвать то, что мы подписали вчера»; другими словами—договоръ, подписанный нами вчера, не есть окончательный миръ. За этимъ объ-

ясненіемъ скрывается надежда, что конференція измѣнитъ условія, уже заключенныя между Портой и Россіей. Далѣе, первый министръ, утверждая, что требованія Россіи очень суровы и условія, на которыя Турція принуждена была согласиться, очень дурныя и невыгодныя для послѣдней, сейчасъ же прибавляетъ утѣшеніе, что турецкія, молъ, потери не обойдутся безъ надлежащаго вознагражденія. Вознаградить же, очевидно, можетъ или Россія, или Европа, смотря по обстоятельствамъ.

Сегодня, въ полдень, мимо Константинополя тихо проплылъ нашъ пароходъ «Владиміръ». На кормѣ у него развивались рядомъ два флага — русскій и турецкій. Какъ извѣстно, онъ везетъ графа Игнатьева и Реуфа-пашу. Говорятъ, что послѣдній согласился на поѣздку въ Петербургъ лишь послѣ усиленныхъ просьбъ султана. Военный министръ—лицо очень непопулярное въ Константинополѣ; на его голову падаетъ часть вины за пораженіе Турціи. Зная, что общественное мнѣніе и безъ того возстановлено противъ него, онъ ни за что не хотѣлъ связывать своего имени съ ратификаціей мирнаго договора, чтобъ не уронить себя окончательно въ глазахъ мусульманъ. Султанъ однако настоялъ на своемъ. У Реуфа есть хорошій помощникъ, могущій замѣнить его на время—Мегеметъ-Али-паша, способностямъ котораго султанъ довѣряетъ абсолютно. Здѣшніе политики разсказываютъ, что Реуфу-пашѣ поручена, кромѣ дипломатической, и другая миссія—повѣрка на мѣстѣ тѣхъ польскихъ увѣреній о внутреннемъ состояніи Россіи, которыя получаются здѣсь въ видѣ періодическихъ рапортовъ изъ Женевы и Лондона. Дай Богъ успѣха этимъ новымъ этнографамъ!

III.

Совѣтъ султана. — Эмигранты. — Недовольство арміи султаномъ. — Новые толки о визитѣ великаго князя. — Рефикъ-бей и Рефетъ-бей. — Военныя приготовленія Турціи.

27-го февраля (11-го марта).

Въ Гильдизъ-Кіоскѣ ежедневно собирается совѣтъ— нельзя сказать министровъ, а скорѣе приближенныхъ къ султану лицъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ послѣдняго. Впрочемъ, болѣзненное состояніе нервной системы падишаха не всегда позволяетъ ему принимать дѣятельное участіе въ разсужденіяхъ. По большой части онъ сидитъ безмолвно, облакатившись на столъ и закрывъ лицо руками. Изрѣдка онъ отнимаетъ ихъ, вслушивается въ какую нибудь рѣчь и заставляетъ повторить ее. Часто совѣтъ прерывается нѣсколько разъ. Султанъ не выдерживаетъ долгаго напряженія мозговой дѣятельности, встаетъ и уходитъ отдыхать. Члены совѣта ждутъ во дворцѣ или уѣзжаютъ. Совѣтъ отлагается до вечера или другого утра. У Гамида придворные замѣчаютъ нѣсколько разъ въ день слезы на глазахъ, онъ судорожно сжимаетъ свои руки; рѣчь его носитъ на себѣ отпечатокъ какого-то суевѣрнаго страха и мистицизма. Между настоящими правителями Турціи нѣтъ такого лица, около котораго группировались бы другіе и который бы могъ рѣшать текущія дѣла лично, лишь прикрываясь именемъ султана. Теперь нѣтъ

*

здѣсь Мидхата, и всѣ власть имѣющіе должны держаться тѣни своего повелителя, чтобъ не разойтись врозь, въ разные стороны. Вотъ почему, я полагаю, Гамидъ еще не дошелъ до роли куклы. О договорѣ, посланномъ для ратификаціи въ С.-Петербургъ, на совѣтахъ даже и не упоминаютъ. Во-первыхъ, упоминаніе о немъ раздражаетъ султана, во-вторыхъ, вѣдь самый договоръ быть можетъ не конецъ, а только наачло опредѣленія той судьбы, которой подвергнется Турція въ самомъ близкомъ будущемъ. Въ совѣтахъ возникаютъ другіе вопросы, по преимуществу относящіеся къ участи мусульманъ въ Болгаріи. Русское правительство обязалось удержать дальнѣйшую эмиграцію мусульманъ изъ Болгаріи и способствовать установленію правильныхъ отношеній между болгарами и мусульманами. Кромѣ признанія за послѣдними правъ равенства съ христіанскнмъ населеніемъ будущаго княжества, Россіей совмѣстно съ Портой назначается смѣшанная комиссія для помощи возвращающимся эмигрантамъ, для водворенія ихъ въ предѣлахъ Болгарскаго княжества и опредѣленія ихъ поземельныхъ правъ. Для переговоровъ о составленіи такой комиссіи и программы ея дѣятельности Порта отправила въ Санъ-Стефано своего уполномоченнаго Оганеса-эффенди, бывшаго мустешара (правителя дѣлъ) Адріанопольскаго вилайета. Дѣломъ этимъ очень торопятся.

Въ Константинополь до сихъ поръ ежедневно прибываютъ новыя партіи эмигрантовъ. Для нихъ здѣсь нетолько нѣтъ хлѣба, но даже нѣтъ и помѣщенія. Всѣ мечети Стамбула заняты такъ, что по нимъ пройти трудно; на всѣхъ площадяхъ этой части города, точно такъ же какъ и на всѣхъ дворахъ мечетей занятъ каждый вершокъ земли, или телѣгой эмигранта, или его лошадью, или, наконецъ, его собственнымъ тѣломъ. Вчера я самъ видѣлъ, что конно-желѣзная дорога принуждена была пріостановить на цѣлый день свое движеіне по одной изъ улицъ,

такъ какъ на ней усѣлось до тысячи несчастныхъ бѣглецовъ. Полиція хлопотала, кричала, била всѣхъ направо и налѣво, но все-таки оказалось, что некуда дѣвать эту массу голодныхъ, оборванныхъ и безпріютныхъ дѣтей, женщинъ и стариковъ. Сегодня для нихъ очистили дворъ какой-то казармы, а турецкія газеты уже извѣщаютъ о новой приближающейся къ столицѣ партіи бѣглецовъ въ 4,000 душъ. Смертность между ними увеличивается въ ужасающей прогрессіи. «Вакитъ» передаетъ, что, напр., только изъ двухъ маленькихъ мечетей, Нуръ-Османіе и Махмудъ-паша, ежедневно выносятъ по семи труповъ. Отправка эмигрантовъ въ Малую Азію сдѣлалась еще болѣе затруднительной. Въ городѣ ходитъ упорный слухъ, что пароходъ «Ирисъ» съ 2,000 эмигрантовъ, плывшихъ въ Адану, погибъ со всѣмъ экипажемъ и пассажирами невдалекѣ отъ Караманіи. Недовѣріе къ правительству дало этой несчастной случайности оттѣнокъ преднамѣренности, и голодающіе въ Константинополѣ эмигранты съ настоящимъ восточнымъ стоицизмомъ рѣшаются лучше умирать здѣсь, чѣмъ рисковать быть потопленными въ морѣ. Принятіе противъ нихъ военныхъ мѣръ немыслимо: эмигранты пользуются большимъ сочувствіемъ мусульманскаго населенія Константинополя, а въ арміи самый маленькій чинъ повторяетъ про султана вслухъ: „чекъ ишакъ!“. т. е., въ подстрочномъ переводѣ—„большой оселъ“.

Недовольству арміи способствуетъ еще и новый планъ ея организаціи, выработанный недавно въ общихъ чертахъ совѣтомъ. По мнѣнію Мегемета-Али, съ которымъ согласился совѣтъ, турецкое войско нуждается въ очищеніи отъ невѣжественныхъ офицеровъ. Таковыхъ, какъ извѣстно, масса. Они стоятъ ближе къ солдатамъ, чѣмъ образованное офицерство и потому имѣютъ возможность сообщать войску свое неудовольствіе на грозящую имъ незавидную участь быть разжалованными или выгнанными

изъ службы. Наконецъ, третье дѣло, которымъ совѣтъ занимается особенно усиленно—это разрѣшеніе вопроса, какъ принять великаго князя главнокомандующаго и какъ отплатить ему визитъ. Всѣмъ очень хотѣлось бы принять великаго князя прямо на пристани Долма-Бахче съ тѣмъ, чтобъ населеніе Константинополя увидѣло издали лишь пароходъ, а не русскіе мундиры. Ради этой поѣздки Порта готова предложить нашей главной квартирѣ хотя бы весь свой флотъ и принять во дворцѣ не 200, а 2,000 русскихъ офицеровъ. Эта комбинація въ Санъ-Стефано не понравилась, и надо было пріискать другое средство „капиталъ пріобрѣсти и невинность соблюсти". Сегодня рѣшили предложить въ Санъ-Стефано слѣдующій планъ: русскій генералитетъ доѣдетъ до воротъ Стамбула поѣздомъ желѣзной дороги; тамъ онъ сядетъ въ коляски и кругомъ городской стѣны прибудетъ на загородное шоссе, ведущее прямой линіей къ Долма-Бахче и Гильдизъ-Кіоску—дворцамъ, находящимся рядомъ за городской чертой. Здѣсь надѣются, что этотъ планъ будетъ одобренъ въ Санъ-Стефано. Султанъ же поѣдетъ къ великому князю и возвратится на яхтѣ. Константинопольскому населенію разскажутъ, что, молъ, русскимъ мы запретили въѣздъ въ столицу даже ради визита, а всякая другая деликатность будетъ соблюдена. Кто когда нибудь заглядывалъ въ исторію Турціи, тотъ знаетъ, что суть турецкихъ государственныхъ занятій всегда заключалась въ ловкости по части мелкаго обмана съ соблюденіемъ мишурно-блестящей внѣшности.

28-го февраля (12-го марта).

Сегодня день двухъ крупныхъ новостей, произведшихъ большую сенсацію какъ въ политическихъ кружкахъ, такъ и въ массѣ константинопольскаго населенія. Первая новость: здѣсь въ скромномъ загородномъ домикѣ проживаютъ жена Мидхата-паши, его дочь и зять Рефикъ-бей. Послѣдній служилъ еще долгое время послѣ изгнанія Мидхата-

паши въ министерствѣ юстиціи. Онъ не пользовался особымъ расположеніемъ своего тестя, какъ приверженецъ старыхъ порядковъ; въ Константинополѣ всѣ его знали за человѣка недалекаго, неопаснаго никому, но честнаго и правдиваго. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Рефика уволили отъ должности; вчера его арестовали, немедленно усадили на пароходъ и послали въ Малую Азію. Это происшествіе истолковывалось, какъ открытіе новыхъ нитей мидхатовскаго заговора. Сегодня это предположеніе еще болѣе подтвердилось арестами двухъ софтовъ, которые также были усажены на пароходъ вмѣстѣ съ эмигрантами, увозимыми отсюда ежедневно на разные берега Малой Азіи. Вдругъ, около полудня стало извѣстно, что на мѣсто главнаго секретаря министерства иностранныхъ дѣлъ назначается сынъ Савфета-паши—Рефетъ-бей, котораго сегодня утромъ принималъ султанъ. Это назначеніе дало основаніе другимъ предположеніямъ о причинахъ ареста Рефика-бея. Рефетъ-бей извѣстенъ какъ усердный помощникъ графа Игнатьева и человѣкъ до крайности симпатизирующій Россіи. Еще недавно Лэйардъ и генералъ Диксонъ прямо заявили султану, что Рефетъ-бей русскій шпіонъ и, будто бы, представили падишаху такія несомнѣнныя тому доказательства, что Гамидъ въ ту же минуту послалъ въ Высокую Порту своего адъютанта съ приказаніемъ уволить Рефетъ-бея, лишить его орденовъ и чиновъ. Прошелъ мѣсяцъ съ небольшимъ—и Рефетъ-бей снова возвращается на свое мѣсто, и притомъ съ повышеніемъ въ чинъ „улы“; мало того, султанъ какъ бы извиняется предъ Рефетъ-беемъ; въ указѣ о назначеніи сказано: «е. и. в. султанъ, имѣвъ случай убѣдиться, что обвиненія, направленныя противъ Рефетъ-бея, чистая клевета, удостоилъ и проч.». Такъ какъ обвиненіе Рефетъ-бея было сдѣлано самимъ Лэйардомъ лично, то послѣдній очевидно, прямо обвиняется указомъ въ ложной клеветѣ. Это чувствительный ударъ для британской дипломатіи.

Откуда же такая быстрая перемѣна? спрашиваютъ себя турки, и объясняютъ дѣло такъ: въ Константинополѣ не было графа Игнатьева — и суть активной дипломатіи заключалась въ англійскихъ фунтахъ стерлинговъ; графъ Игнатьевъ побывалъ въ Константинополѣ — и началось то, что происходило при Абдулъ-Азисѣ, только съ перемѣною именъ главныхъ помощниковъ представителя Россіи: тогда былъ Абрамъ-паша, теперь Рефетъ-бей и Савфетъ-паша. Отсюда, якобы, слѣдуетъ, что и ссылка Рефика-бея тоже дѣло русскихъ настояній. Мидхатъ-паша личный врагъ графа Игнатьева, и Россія стираетъ съ почвы Константинополя все, что можетъ напомнить о творцѣ турецкой конституціи. Въ этомъ убѣждены всѣ; а здѣшняя молодежь, учащаяся и даже служащая, въ такой степени увѣрена въ существованіи вышесказанной дипломатической махинаціи, что безъ стѣсненія упрекаетъ: «Къ чему вы это дѣлаете, говорятъ они; вѣдь для прочности международныхъ отношеній надо стараться не только заставить бояться, но и уважать себя!» Разувѣрить этихъ господъ невозможно.

Пока идутъ эти толки, англійская эскадра не только не покидаетъ своей стоянки въ Измидѣ, но вчера къ флоту Горнби присоединился еще пятый броненосецъ. Герцогъ Эдинбургскій завтра пріѣдетъ въ Константинополь и тотчасъ же отправится на Мальту. Говорятъ, что онъ покидаетъ командованіе броненосцемъ «Султанъ» и будетъ произведенъ въ чинъ адмирала. Прибавляютъ также, что онъ возвратится еще съ новой эскадрой и тогда приметъ на себя командованіе надъ всѣмъ британскимъ флотомъ Мраморнаго моря. Здѣшнее морское министерство тоже работаетъ безъ устали. На броненосцахъ все что-то чинятъ или передѣлываютъ; Гобартъ-паша, въ простомъ сюртукѣ, безпрестанно ѣздитъ въ каикѣ отъ одного судна къ другому. Завтра онъ отправляется на императорской яхтѣ „Иззединъ“ къ берегамъ Греціи. Вмѣстѣ

съ нимъ ѣдутъ британскій генералъ Коллингвудъ Диксонъ, потерпѣвшій фіаско въ своихъ проискахъ противъ руссофила Рефетъ-бея, и лейтенантъ Шермзидъ, военный агентъ при англійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Они ѣдутъ въ Галлиполи для съемокъ и нивеллировки морского дна. Какъ видите, англичане церемонятся менѣе насъ... Турки очень не любятъ Гобарта. Они убѣждены, что это человѣкъ продажный и преслѣдуетъ въ своей службѣ не турецкіе, а британскіе интересы. Когда заходитъ рѣчь о тайномъ союзѣ Турціи и Россіи, будто бы установленномъ секретными статьями мирнаго договора 19-го февраля, турки говорятъ: «Гобартъ-паша непремѣнно измѣнитъ и отдастъ нашъ флотъ въ руки англичанъ!» Поѣздка въ Галлиполи Диксона и Шермзида, вмѣстѣ съ турецкимъ адмираломъ и на императорской яхтѣ—фактъ не маловажный. Гобартъ-паша не могъ взять своихъ соотечественниковъ безъ разрѣшенія морского министра Саида-паши, наиболѣе близкаго совѣтника султана. Слѣдовательно, игра ведется здѣсь дѣйствительно двойная: миръ—миромъ, а надежда на Европу и въ частности на Англію все не умираетъ. Впрочемъ, иного и ждать было нельзя: вѣдь управляютъ Турціей теперь тѣ же люди, которые вѣрили Англіи и проповѣдывали ненависть къ Россіи. Къ тому же о полномъ мирѣ Турціи и думать невозможно. Въ западной Македоніи возстаніе ростетъ; въ Кандіи не проходитъ дня безъ кровопролитія.

IV.

Султанъ здоровъ для герцога Эдинбургскаго.— Отношеніе турецкаго народа къ русскимъ и англичанамъ.—Въ чемъ должна заключаться наша будущая политика?—Турки и венгерцы.—Отсутствіе у насъ организаціи. — Дороговизна въ Санъ-Стефано и Константинополѣ.—Графъ Зичи.—Сулейманъ-паша.—Генералъ Клапка.—Принцъ Гассанъ.—Дарданелы открыты.

Константинополь, 1-го (13-го) марта.

Сегодня часовъ въ 10 утра турецкая столица встревожилась, услыхавъ три пушечныхъ выстрѣла со стороны Долма-Бахче. Едва ли гдѣ-либо такъ развито любопытство, какъ здѣсь, въ смѣшанномъ населеніи Константинополя. 5 минутъ тому назадъ мокрыя и грязныя улицы были пусты. Теперь, громъ пушекъ вызвалъ массу грековъ, армянъ и итальянцевъ; всѣ спѣшатъ на горку, съ которой видѣнъ Долма-Бахче. Тамъ тихо покачиваются до десятка англійскихъ пароходовъ, разукрашенныхъ флагами. На площади выстроено нѣсколько ротъ войскъ разнаго оружія, далѣе тянется рядъ каретъ и колясокъ. Въ передовой ѣдетъ въ Гильдизъ Кіоскъ герцогъ Эдинбургскій; для него султанъ здоровъ... На улицахъ виднѣются десятки англійскихъ матросовъ въ полной военной формѣ; въ экипажахъ разгуливаютъ англійскіе морскіе офицеры въ мундирахъ. Никто изъ турецкихъ властей не боится выраженія какой-либо непріязни къ иностранному мундиру со стороны фанатическаго населенія; султанъ, очевидно, не думаетъ, что визитъ герцога будетъ истолкованъ народомъ неправильно.

Признаюсь, я никакъ не разсчитывалъ увидѣть въѣздъ въ Константинополь англійскаго принца ранѣе, чѣмъ въѣздъ представителя вчерашнихъ русскихъ побѣдъ. Впрочемъ, у меня есть очень большое утѣшеніе. Я убѣжденъ, что и султанъ, и его чиновники жестоко ошибаются, полагая, что турецкій народъ хранитъ въ себѣ глубокую ненависть къ русскимъ. Я имѣю основаніе думать такъ по многимъ причинамъ. Вопервыхъ, мнѣ приходилось разговаривать съ людьми, принадлежащими къ самымъ различнымъ классамъ общества, и отъ всѣхъ (исключая бюрократическихъ гешефтмахеровъ) я слышалъ выраженіе глубокой ненависти къ англичанамъ и уваженія къ Россіи, вмѣстѣ съ вѣрой въ ея великодушіе. Вовторыхъ, я лично самъ производилъ опыты въ слѣдующемъ родѣ: однажды я въѣхалъ верхомъ во дворъ Ая-Софіи; меня окружила толпа нищихъ всѣхъ половъ и возрастовъ. Я началъ раздавать имъ бумажные піастры и «пары», объясняя, что привезъ эти деньги отъ русскихъ изъ Санъ-Стефано. Голодная толпа, принимая отъ меня деньги и обращая глаза въ ту сторону, гдѣ находится Санъ-Стефано, громко говорила: «да будетъ Богъ съ русскими!» Я проѣхалъ по двору среди нѣсколькихъ тысячъ оборванныхъ выходцевъ, узнавшихъ, что я русскій,—и всѣ почтительно уступали мнѣ дорогу. Я усиленно вглядывался въ выраженіе ихъ лицъ и не прочелъ ни на одномъ изъ нихъ той ненависти, о которой толкуютъ въ дворцовыхъ совѣтахъ. Часто на улицахъ Стамбула или Перы я встрѣчаюсь съ русскими плѣнными. Я останавливаю лошадь, здороваюсь съ ними и разговариваю. Обыкновенно около насъ собирается кружокъ любопытныхъ. Прощаясь съ плѣнными, я пробовалъ нѣсколько разъ раскланяться и съ окружающими насъ зрителями—всѣ до одного отвѣчаютъ самымъ вѣжливымъ поклономъ. Въ pendant привожу разсказъ о тѣхъ случаяхъ, на которые натыкаются здѣсь англичане. Въ Константинополѣ есть два англійскихъ благотворительныхъ общества.

Члены ихъ ежедневно посѣщаютъ мечети, гдѣ раздаютъ наиболѣе нуждающимся хлѣбъ и деньги. Черезъ нѣсколько дней мусульманскіе нищіе, узнавъ, что это хлѣбъ и деньги «инглезовъ», рѣшительно отказались принимать отъ нихъ то и другое. Пришлось отдавать помощь мулламъ и имъ поручить раздачу въ мечетяхъ. Это фактъ, и притомъ весьма краснорѣчивый. Онъ объясняется тѣмъ, что сначала правительство во время пораженій успокоивало народъ надеждой на близкую помощь «инглезовъ», а теперь антиправительственная пропаганда софтовъ и улемовъ упоминаетъ объ этихъ увѣреніяхъ правительства какъ о доказательствѣ лживости послѣдняго. Такимъ образомъ, народъ въ данное время впитываетъ въ себя ненависть къ «инглезамъ», которыхъ національное имя становится здѣсь браннымъ словомъ, означающимъ «обманщика и труса».

Уваженіе къ русскимъ происходитъ не изъ одного религіознаго правила, говорящаго, что «побѣдитель — первый другъ». Турецкіе солдаты, видавшіе русскихъ на поляхъ битвъ, разсказываютъ о храбрости „москова"; турецкіе солдаты, имѣвшіе случай встрѣтиться съ русскими воинами между битвами, свидѣтельствуютъ о добротѣ и честности русскаго солдата; наконецъ, турецкія команды, ежедневно дежурящія въ С. Стефано, передаютъ самые подробные разсказы о томъ, что «московъ—лучшій другъ!» Я самъ видѣлъ, какъ въ С. Стефано дежурные турки, уѣзжая въ Константинополь, цѣловались на прощаньи съ русскими солдатами на караулѣ. Можно смѣло быть увѣреннымъ, что масса турецкихъ плѣнныхъ привезетъ въ Порту еще болѣе добрый взглядъ на русскій народъ и закрѣпитъ окончательно дружелюбное къ Россіи отношеніе мусульманскаго турецкаго міра. Принципъ личнаго управленія Турціей былъ поколебленъ смѣной Абдулъ-Азиса и Мурада, былъ отмѣненъ конституціей Мидхата и убитъ навсегда пораженіемъ армій Гамида. Слѣдовательно, отнынѣ намъ придется имѣть дѣло на Востокѣ не съ одними дворцами султа-

новъ, но и съ народными симпатіями мусульманъ. Политика гаремныхъ интригъ и вліяній была бы теперь ошибочнымъ и вреднымъ анахронизмомъ. Тамъ, гдѣ международныя отношенія основываются на народномъ уваженіи, тамъ необходима честность и прямота. Народъ инстинктивно умѣетъ уважать чужую національность и чужую силу, но презираетъ и быстро проникается недовѣріемъ ко всякимъ дипломатическимъ уловкамъ. Расположеніе мусульманъ къ Россіи указываетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, путь, котораго мы должны держаться при неминуемыхъ въ близкомъ будущемъ государственныхъ переворотахъ Турціи. Мы обязаны тогда, сознавая свою силу, не мѣшать образованію въ Турціи популярнаго правительства и введенію самой либеральной системы управленія. Это наша прямая выгода. Народъ, имѣющій возможность заняться своими дѣлами, перестаетъ думать о реваншахъ и завоеваніяхъ; кромѣ того, онъ несомнѣнно воспитаетъ въ себѣ благодарность къ тому сосѣду, который не мѣшалъ развитію его національной свободы.

По всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ, я увѣренъ, что боязнь за безопасность проѣзда по улицамъ Константинополя русскаго главнаго штаба, какъ бы онъ ни былъ многочисленъ, есть лишь доказательство того, какъ мало всѣ здѣшніе паши знаютъ истинное настроеніе своего народа. Я готовъ бы былъ поручиться, что всѣ здѣшніе мусульмане встрѣтили бы даже цѣлую русскую армію безъ малѣйшаго признака злобы и ненависти и сами жестоко расправились съ тѣмъ, кто захотѣлъ бы обидѣть уважаемыхъ и сильныхъ гостей. Ежедневно сюда пріѣзжаютъ десятки русскихъ офицеровъ; русская рѣчь раздается на всѣхъ улицахъ и во всѣхъ кафе и ресторанахъ; русскіе возвращаются ночью чрезъ Галату, гдѣ много мусульманъ, и чрезъ Стамбулъ, населенный почти исключительно магометанами, и до сихъ поръ никто не могъ пожаловаться не только на грубость, но даже и на

простую невѣжливость мусульманскаго народа. Послѣднiй своимъ умомъ, неиспорченнымъ разными хитрыми комбинацiями лжи, можетъ уважать гяура, но никогда не повѣритъ его безкорыстной службѣ и защитѣ. Съ этимъ недовѣрiемъ онъ смотрѣлъ на англичанъ и мадьяровъ. Для мусульманина не существуетъ кровнаго родства нацiональностей; онъ понимаетъ международное братство лишь по религiи. Вотъ почему онъ смотрѣлъ съ удивленiемъ на мадьярскiя депутацiи и никакъ не могъ понять, отчего эти «гяуры» такъ напрашиваются на дружбу мусульманскаго мiра. Никто и никогда въ массѣ народа не повѣрилъ венгерской симпатiи и не придавалъ никакого серьезнаго значенiя обѣщанной мадьярской помощи. Мадьяры, поляки и англичане имѣли своихъ адептовъ лишь въ правительственныхъ сферахъ, т. е. тамъ, гдѣ теперь нѣтъ ни народной симпатiи, ни вѣры, ни уваженiя. Паденiе настоящаго турецкаго правительства и замѣна его совершенно новымъ были бы, съ русской точки зрѣнiя, освобожденiемъ Турцiи изъ-подъ враждебнаго намъ европейскаго влiянiя. Въ виду этого я невольно улыбался, смотря два дня тому назадъ на графа Зичи, который, во время похоронъ секретаря греческаго посольства Калержи, особенно старался показать публикѣ свой венгерскiй мундиръ. Я обращался къ десятку лицъ, сопровождавшихъ процессiю, спрашивая: «Какой это мундиръ на графѣ Зичи?» и отъ всѣхъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Не знаю». А вѣдь навѣрно этотъ умный дипломатъ, надѣвая мадьярскiй нацiональный костюмъ, разсчитывалъ сдѣлать имъ политическую манифестацiю... Какъ жестоко ошибаются эти люди, живущiе въ заколдованномъ кругѣ такихъ же чиновниковъ, какъ они сами!..

2-го (14-го) марта.

До сихъ поръ въ насъ замѣтно отсутствiе организацiонныхъ способностей. Доказательствъ тому было много во время войны, есть они и теперь. Примѣръ—почта. Наша

армія уже давно въ Санъ-Стефано, русскіе пароходы совершаютъ правильные рейсы между Константинополемъ и Одессой, на здѣшней телеграфной станціи работаютъ русскіе чиновники, а почта все еще идетъ отсюда на Бриндизи или Тріестъ; только разъ въ недѣлю и можно послать письмо прямымъ путемъ на Одессу съ пароходомъ «Messagerie Maritime». Въ агентствѣ „Общества русскаго пароходства“, открытомъ оффиціально почти недѣлю тому назадъ, не принимаютъ ни писемъ, ни посылокъ. Не говоря уже объ общественномъ интересѣ, казалось бы, что и нашей казнѣ выгоднѣе получать всю почтовую плату, а не часть ея. Сумма ея должна быть немалая, такъ какъ почти вся наша забалканская армія ведетъ корреспонденцію черезъ Константинополь. Всѣ опасенія недружелюбной встрѣчи перваго русскаго парохода въ Босфорѣ оказались вполнѣ неосновательными. Турки не обратили ни малѣйшаго вниманія на русскій флагъ, а турецкія газеты даже изъявили полное удовольствіе по поводу установленія прямого сообщенія съ Россіей. Еслибъ здѣшніе мусульмане питали дѣйствительно ненависть къ русскимъ, то одного сознанія близости и силы «москова» достаточно, чтобъ это чувство не проявилось наружу. Намъ было трудно догадаться объ этомъ, потому что мы обыкновенно судимъ о туркахъ по ихъ правительству; отъ этого мы потеряли для русскаго судоходства по меньшей мѣрѣ двѣ недѣли, предоставивъ барышъ усиленнаго и повышеннаго фрахта карману нашихъ наибольшихъ недруговъ—англичанъ. Большая часть русскихъ судовъ направляется прямо въ Санъ-Стефано. Тамъ стоитъ теперь пять пароходовъ. Пристань въ Санъ-Стефано имѣетъ много неудобствъ: вопервыхъ, стоянка весьма безпокойная—Мраморное море волнуется не хуже Чернаго въ этотъ весенній сезонъ бурь и вѣтровъ; вовторыхъ, большіе пароходы не могутъ подходить къ короткому молу, и разгрузку приходится производить при помощи каботажа, что стоитъ громадныхъ денегъ. Теперь предпола-

гается приступить къ постройкѣ болѣе удобной пристани. Она будетъ дѣйствительно необходима, когда начнется посадка войскъ на суда. Остается лишь пожалѣть, что о пристани не подумали ранѣе. Пока она будетъ готова (сваи здѣсь не легко вбивать—дно каменное) навѣрно будетъ потрачена на каботажъ вся стоимость новаго мола. Деньги словно потеряли тамъ свою цѣнность. Въ Санъ-Стефано за комнату безъ кровати, съ матрасомъ на полу, съ однимъ стуломъ вмѣсто мебели, берутъ по 8 фр. въ сутки; за маленькій кусокъ курицы или ветчины—2 фр.; сѣно продается чуть не на вѣсъ золота; за четверть овса по справочной цѣнѣ платится 16 рублей золотомъ. Казалось бы, что при такой дороговизнѣ съ юга Россіи должны идти караваны разнаго продовольствія; русское золото возвращалось бы назадъ. Если этого нѣтъ, то причина тому, я думаю, главнымъ образомъ лежитъ въ неизвѣстности, сколько времени простоитъ здѣсь русская армія и вполнѣ ли свободно движеніе пароходовъ по Босфору. Поэтому, какъ живущій здѣсь, я повторяю: русскіе простоятъ въ Санъ-Стефано не одинъ мѣсяцъ и путь пароходовъ по Босфору абсолютно свободенъ. Неужели здѣшніе греки и евреи сохранятъ здѣсь за собою до конца привиллегію безобразной, невиданной эксплоатаціи, а русская промышленность и коммерція не шевельнется, чтобъ получить себѣ то, на что она имѣетъ исключительное право? Въ Константинополѣ жизнь тоже очень дорога. Говядина стоитъ отъ 2 до 3 фр. за 3 фунта (око); та же мѣра хлѣба продается за 90 сантимовъ. Наибольшая помощь, выдаваемая бѣглецамъ, проживающимъ въ Стамбулѣ, равняется 5 піастрамъ каиме, т. е. 40 сантимамъ на семью. Отсюда легко заключить, какъ плохо живется этимъ несчастнымъ жертвамъ исторіи.

Во дворцѣ продолжаются приготовленія къ пріему великаго князя и его свиты. По словамъ «Levant Herald», русскіе гости сойдутъ съ поѣзда желѣзной дороги въ Іеди-Куле и поѣдутъ въ придворныхъ каретахъ на Сладкія Воды, во

дворецъ Кіатъ-Хане, гдѣ ихъ встрѣтитъ султанъ «запросто, безъ всякаго церемоніала»; оттуда всѣ вмѣстѣ отправятся въ Гильдизъ-Кіоскъ, въ которомъ будетъ данъ банкетъ въ честь высокаго гостя. Русскіе возвратятся въ Санъ-Стефано ночью. Въ Константинополь, значитъ, все-таки не пускаютъ...

Со дня назначенія Рефетъ-бея, Лэйардъ почувствовалъ себя настолько обиженнымъ, что заперся, не выходитъ изъ британскаго палаццо и не принимаетъ никого. Дѣятельнымъ человѣкомъ сдѣлался графъ Зичи. Теперь не Лэйардъ, а этотъ венгерскій графъ не даетъ покою Ахмету-Вефику. Зичи безпрестанно видѣнъ на улицѣ: то ѣдетъ во дворецъ, то въ Высокую Порту, Баба-Али, какъ называютъ ее турки. У мадьярскаго графа теперь двѣ заботы: онъ хочетъ во что бы то ни стало узнать въ подробностяхъ секретныя статьи договора Россіи съ Турціей; другая забота — подготовить паденіе Османа-паши и спасти Сулеймана. Перваго любитъ и народъ, и султанъ. Осману уже приготовлено мѣсто командира императорской гвардіи. Сулейманъ же, котораго англійскія газеты уже успѣли похоронить, сегодня привезенъ сюда изъ форта Чанакъ въ Дарданеллахъ и надняхъ будетъ судимъ. Сегодня султанъ призывалъ къ себѣ членовъ особаго суда, назначеннаго для разбора дѣлъ офицеровъ, обвиненныхъ по военнымъ законамъ; онъ передалъ имъ чрезъ своего адъютанта Саида-пашу (не морского министра, а его однофамильца), что желаетъ справедливыхъ приговоровъ и уполномочиваетъ судъ на самыя суровыя рѣшенія участи виновныхъ. Цѣль хлопотъ Зичи понятна: Османъ-паша не можетъ не признать за Россіей ея цивилизаціи и силы. Сулейманъ-паша извѣстенъ, какъ рьяный фанатикъ, не любящій разсудка и не признающій осторожности. Султанъ — человѣкъ не самостоятельный; онъ и безъ того, въ силу обстоятельствъ, невольно клонится въ сторону Россіи. Османъ-паша подкрѣпитъ эту склонность разумнымъ разсужденіемъ, а

Сулейманъ-паша, въ случаѣ надобности, могъ бы надѣлать много непріятностей русскимъ, хотя и во вредъ Турціи. Обиднѣе всего, что этотъ мадьярскій планъ разсчитанъ на наше великодушіе. Сторонники Сулеймана надѣются, что Россія согласится дать суду такія указанія, которыя поведутъ къ оправданію безразсуднаго генерала. Ради этого разборъ дѣла откладывается всевозможными уловками. Между тѣмъ, другое отдѣленіе суда, которому порученъ разборъ обвиненій, возникшихъ на малоазіятскомъ театрѣ войны, уже приступило къ слѣдствію надъ полковникомъ Гассанъ-беемъ. Онъ обвиняется за свое поведеніе во время битвы при Деве-Бойну подъ Эрзерумомъ. Пріятель графа Зичи, генералъ Клапка, уѣхалъ вчера. Въ оффиціальныхъ турецкихъ сферахъ передаютъ, будто бы правительство предложило мадьярскому агитатору покинуть столицу, гдѣ его пребываніе не совсѣмъ удобно въ виду близкаго сосѣдства русской главной квартиры. На самомъ же дѣлѣ на Клапку возложена секретная миссія. Ему сообщенъ общій ходъ мирныхъ переговоровъ и содержаніе тайной части трактата. Турецкое правительство боялось передать то и другое иностраннымъ посламъ въ Константинополѣ—свѣдѣнія о томъ могли легко дойдти до кабинета графа Игнатьева или г. Нелидова. Оно не могло и послать оффиціальнаго делегата къ другимъ державамъ. А между тѣмъ, необходимо оповѣстить своихъ недавнихъ друзей и позондировать ихъ на счетъ возможнаго будущаго. Обязанность исполнить то и другое взялъ на себя псевдо-генералъ Клапка. Онъ отправился въ Неаполь, Вѣну, Парижъ и Лондонъ. Впрочемъ, мадьярскаго генерала не посвятили во всѣ тайны. Вмѣсто ларчика для сохраненія таковыхъ до востребованія, съ Клапкой отправился Калиль-эффенди-Ханемъ, бывшій депутатъ турецкаго парламента. Онъ былъ представителемъ Сиры и въ парламентѣ игралъ роль секретаря нынѣшняго перваго министра Вефика-паши. Сегодня пріѣхалъ сюда изъ Варны египетскій

принцъ Гассанъ, вмѣстѣ съ штабомъ египетскихъ войскъ. Онъ остановился во дворцѣ хедива Этиргіанъ, и еще неизвѣстно, когда приметъ его султанъ. Пріѣзду принца предшествовало нѣсколько статей въ оффиціозной турецкой газетѣ „Вакитъ“ съ весьма прозрачнымъ содержаніемъ. Органъ правительства упоминалъ о статьяхъ „Times'a“, „Economiste'a“ и „Standard'a“, въ которыхъ хедивъ обвинялся въ веденіи тайныхъ переговоровъ съ Россіей и въ интригахъ, направленныхъ противъ Турціи и Англіи. По мнѣнію «Вакита», въ настоящую смутную политическую эпоху хедивъ долженъ быть болѣе остороженъ, чѣмъ когда либо. Египетъ одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ можетъ совершиться примиреніе антагонизма англійской и русской политики: Англія уступитъ Россіи свои интересы на Востокѣ, въ проливахъ, а Россія позволитъ Англіи занять Египетъ съ его каналомъ. Очевидно, продолжаетъ газета, что хедивъ знаетъ возможность такого будущаго для своего государства; эта перспектива не можетъ ему казаться блестящей, и, если мы предположимъ, что тѣмъ не менѣе онъ согласится на нее, то значитъ, у него есть въ виду и вознагражденіе за неминуемыя потери въ Африкѣ. Гдѣ же эта награда и въ чемъ она? Неужели хедивъ можетъ разсчитывать на государственный переворотъ въ Турціи и на возможность воспользоваться имъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ «Вакитъ»; мы настолько уважаемъ хедива, что не позволимъ себѣ останавливаться на столь тяжеломъ подозрѣніи и т. д. Какъ бы то ни было, слухи о разныхъ комбинаціяхъ, въ которыхъ будто бы принимаетъ участіе хедивъ, въ связи съ очевидной непрочностью трона Гамида, придали особое значеніе прибытію Гассана «по пути». Не малое число отставныхъ турокъ явится къ принцу засвидѣтельствовать свое уваженіе и преданность «на всякій случай». Правительство уже послало въ Каиръ къ своему уполномоченному Калиль-пашѣ приказаніе какъ можно скорѣе явиться въ

Константинополь для объясненія всѣхъ безпокойныхъ толковъ относительно хедива, которые успѣли облетѣть всю Европу. Обсуждая всѣ случайности, могущія быть результатами будущаго конгресса, Турція сознаетъ, что главная забота ея должна обратиться къ сирійскому берегу и вообще по ту сторону Дарданеллъ. Вслѣдствіе этого, отсюда ежедневно отправляются военные корабли то въ Эгейское море, то въ Адріатическое. Такъ, завтра идутъ «Шахперъ» и «Таифъ». Въ Эгейскомъ морѣ для турокъ необходимъ флотъ и въ данную минуту. Греческій крейсеръ «Панэлліонъ», объ отчаянной храбрости котораго ходили самые баснословные разсказы еще въ прошлое возстаніе на Критѣ въ 1866 году, снова началъ свою дѣятельность. Онъ проскальзываетъ мимо турецкихъ броненосцевъ и аккуратно снабжаетъ кандійскихъ инсургентовъ провіантомъ и оружіемъ. Вчера въ Измидъ прибылъ новый британскій броненосецъ «Azincourt», завтра должны пройдти чрезъ Дарданеллы туда же еще два англійскіе фрегата перваго ранга, нагруженные военнымъ матеріаломъ. Какъ видите, теперь проходъ чрезъ Дарданеллы для англичанъ совсѣмъ свободенъ. Ни для турокъ, ни для русской квартиры уже не существуетъ вопросовъ о пропускѣ военныхъ судовъ или военной котрабанды. Интересно было бы знать, можетъ ли русскій фтотъ воспользоваться такой же свободой и, оставивъ Черное море, защищенное легкою возможностью занятія нашей арміей Босфора, пройдти для стоянки хотя бы въ новые черногорскіе порты—Спицу и Антивари?

V.

Историческое значеніе селамлика. — Мѣры противъ пропаганды.—Бѣглецы.—Султанскій гаремъ.—Свиданіе Гамида съ Мурадомъ.—Праздникъ рожденія Магомета.—Фотографъ Абдуллахъ впадаетъ въ немилость.—Никто не вѣритъ въ осуществленіе санъ-стефанскаго мира.—Надежды на Англію.

Константинополь, 3-го (15-го) марта.

Не смотря на оффиціальную зубную боль, султанъ все-таки справляетъ селямликъ. Опять на бѣлой лошадкѣ среди блестящей свиты пашей, біевъ и эффенди, невзрачный падишахъ сдѣлалъ сегодня нѣсколько шаговъ отъ воротъ дворца до мечети Меджидіе. Благодаря фескѣ, которую я надѣлъ себѣ на голову ради мусульманскаго торжества, мнѣ удалось помѣститься у самаго входа въ мечеть и увидѣть нѣкоторую долю богослуженія. Улемы, имѣя во главѣ шейхъ-уль-ислама, встрѣчаютъ падишаха у порога, затѣмъ повертываются къ нему спиной и тихо идутъ внутрь храма. Султанъ склоняетъ голову и идетъ за ними между рядами черныхъ безобразныхъ евнуховъ, которые протяжнымъ заунывнымъ голосомъ поютъ: «Не забудь падишахъ, что есть въ мірѣ другой повелитель, который выше, сильнѣе и могущественнѣе тебя—это Богъ!». Генералитетъ становится сзади евнуховъ. Послѣ краткаго молебствія, процессія тѣмъ же порядкомъ возвращается во дворецъ. Вслѣдъ за конемъ султана запираются толстыя чугунныя ворота дворца, ко-

торыя сторожатъ черкесы. Послѣ селамлика обыкновенно назначается засѣданіе совѣта, въ которомъ участвуютъ всѣ присутствовавшіе на празднествѣ. А такъ какъ серьезные вопросы обсуждать всѣмъ не приходится, то, послѣ общаго совѣщанія, избранные приглашаются во внутренніе аппартаменты султана и тамъ начинается другой, спеціальный совѣтъ. Этотъ обычай имѣетъ историческое происхожденіе. Въ старое хорошее время послѣ селамлика собирался весь народъ для обсужденія своихъ нуждъ; потомъ стали сходиться «одни лучшіе люди» народа, теперь — одни довѣренные султана... Сегодняшній спеціальный совѣтъ былъ посвященъ не внѣшней, а внутренней политикѣ. Саидъ-паша, министръ двора, откровенно высказалъ мысль, что необходимо поддержать любовь народа къ султану какими нибудь популярными государственными мѣропріятіями и когда Вефикъ-паша, все болѣе и болѣе расходящійся во взглядахъ съ любимцемъ Гамида, замѣтилъ, что «великій падишахъ" дѣлаетъ и безъ того много добра изнеможенной Турціи, Саидъ-паша прямо указалъ на существованіе въ столицѣ антиправительственной пропаганды софтовъ и мидхатистовъ. Возникъ довольно рѣзкій споръ, въ которомъ самъ султанъ не принялъ никакого участія. Присутствующіе поддерживали мнѣніе Саида, такъ что Вефикъ счелъ себя вынужденнымъ покориться любимцу падишаха и сдѣлать предложеніе о тѣхъ мѣрахъ, которыхъ требовалъ Саидъ. Первый министръ не ожидалъ такого рѣзкаго нападенія на его дѣятельность и былъ поставленъ въ большое затрудненіе. Онъ не зналъ и не находилъ въ своемъ умѣ нужныхъ проектовъ. Его выручилъ Саидъ. Онъ вспомнилъ, что на-дняхъ къ Вефику являлась городская депутація съ просьбой принять мѣры къ сокращенію количества бумажныхъ денегъ, каиме, съ каждымъ днемъ теряющихъ свою цѣнность. Вефикъ ухватился за этотъ проектъ и предложилъ образовать, подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ султана, особую комиссію для исполненія желаній населенія. И такъ,

отнынѣ каиме начнутъ понемножку исчезать. Ни султанъ, ни Саидъ не полюбопытствовали узнать, на какія деньги будетъ производиться это сокращеніе. Вефикъ же смолчалъ, конечно, умышленно. Между тѣмъ, сокращеніе будетъ производиться способомъ далеко не популярнымъ, и участіе здѣсь имени султана не улучшитъ репутацію послѣдняго, а скорѣе доканаетъ ее окончательно. Уже два дня тому назадъ установленъ особый налогъ на хлѣбъ, говядину, рисъ, масло и пр. продукты потребленія. Понятно, что этотъ самый несправедливый налогъ возвыситъ цѣнность на дорогіе и безъ того продукты первой необходимости и тяжело отзовется на бѣдномъ населеніи столицы и всего государства. Мало того, этотъ налогъ вызоветъ и дипломатическіе протесты со стороны иностранныхъ державъ: часть подлежащихъ новому налогу продуктовъ идетъ изъ-заграницы, платитъ таможенныя пошлины и не можетъ въ силу международныхъ договоровъ Турціи, подлежать другому обложенію.

Сегодня опять вспомнили во дворцѣ о мусульманскихъ бѣглецахъ. Число ихъ прибываетъ съ каждымъ днемъ. Здѣшняя оффиціальная газета «La Turquie» увѣряетъ, будто бы правительство еженедѣльно отправляетъ въ Азію по 2 и по $2^1/_2$ тысячи бѣглецовъ. Это неправда. Я самъ присутствовалъ при посадкѣ на суда эмигрантовъ и видѣлъ собственными глазами, что увозятъ отсюда не болѣе одной тысячи душъ, считая даже грудныхъ младенцевъ. Въ прибыли населенія Стамбула убѣдиться легко— гдѣ двѣ недѣли тому назадъ можно было проѣхать верхомъ, теперь не пройдешь и пѣшкомъ. Съ завтрашняго дня султанъ возьметъ подъ свое личное наблюденіе комиссію о водвореніи бѣглецовъ. До сихъ поръ этой комиссіей управляли мелкіе чиновники и крали по чину, по-немногу; теперь, надо думать, куши кражъ будутъ больше, такъ какъ управленіе перейдетъ въ руки фериковъ и пашей. Третья мѣра, узаконенная сегодняшнимъ совѣтомъ—сокра-

щеніе расходовъ по полиціи. Читателю легко догадаться, насколько эта мѣра своевременна для Константинополя... Очевидно, что министры и приближенные султана заботятся исключительно объ удовольствіи своего падишаха. Султанъ не знаетъ ни жизни, ни народа и слушаетъ всѣхъ этихъ лгуновъ и шарлатановъ. Все это, конечно, не ново и, пожалуй, неинтересно. Но вѣдь нужно же знать съ кѣмъ имѣемъ мы дѣло «теперь»? Ради этого я и останавливаюсь на дѣятельности министерствъ и совѣтовъ; она рисуетъ здѣшнихъ государственныхъ людей, которые, на мой взглядъ, нисколько не исправились и не отрезвились отъ того урока, который былъ данъ имъ нашими побѣдами и близостью русской арміи. Болѣзнь султана, о которой я упоминалъ въ прошлыхъ письмахъ, отозвалась на составѣ гарема. У Гамида было четыре жены и 78 наложницъ. Вчера трехъ изъ нихъ увезли во дворецъ Сладкихъ Водъ; вмѣстѣ съ тремя отвергнутыми отправились въ ссылку и 18 евнуховъ. Султанъ посѣщаетъ гаремъ рѣдко и, какъ разсказываютъ, очень бунтуетъ среди красавицъ, которыя превратились для него въ «зеленый виноградъ». Другой султанъ, Мурадъ, живетъ за высокой стѣной крайняго отдѣленія Долма-Бахче. Его перевели туда недавно изъ другого дворца, находящагося въ Стамбулѣ. Тамъ, среди мусульманскаго населенія, боялись оставить его. Въ Долма-Бахче безопаснѣе, а главное море близко. У ех-султана во время царствованія было 260 женъ и наложницъ; теперь, увы, у бѣднаго только 17 тѣхъ и другихъ. Мурадъ все еще боленъ и нѣтъ надежды на его выздоровленіе. Острый періодъ прошелъ, наступила медленная смѣна періодическихъ свѣтлыхъ часовъ и долгаго глубокаго затмѣнія ума. Недѣли двѣ тому назадъ, бывшій султанъ считался совсѣмъ выздоровѣвшимъ: свѣтлый промежутокъ продолжался три дня. Гамидъ сильно встревожился этимъ извѣстіемъ. Онъ поѣхалъ къ брату и, къ великой неожиданности всѣхъ приближенныхъ, предложилъ ему царствовать вмѣстѣ. Про-

изошла сантиментальная сцена объятій и клятвъ. Но Мурадъ испортилъ конецъ — свѣтлый промежутокъ прошелъ, и добрый Гамидъ уѣхалъ домой, сильно сконфуженный. Такимъ образомъ, Турція лишилась удовольствія имѣть сразу двухъ полупомѣшанныхъ падишаховъ. Возстаніе въ Македоніи, согласно полученнымъ оттуда письмамъ, увеличивается, съ каждымъ днемъ охватывая все большій и большій районъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, инсургенты спустились съ горъ по направленію къ Салоникамъ и Которинѣ, занявъ важное мѣстечко на берегу моря — Левтерохори. Они не убиваютъ турецкихъ чиновниковъ, а уводятъ ихъ къ себѣ въ горы. Близь Салоникъ сосредоточено 21 батальонъ турецкихъ войскъ, подъ командой Ассафъ-паши; но турки, какъ извѣстно, умѣютъ лишь раззорять, а не усмирять. Греческое правительство дало такой совѣтъ предводителямъ возстанія—обратиться къ иностраннымъ консуламъ и при помощи ихъ заключить перемиріе съ турками, чтобъ не проливать понапрасну крови, и, въ то же время, сохранить возстаніе до засѣданій конгресса. На Критѣ перемиріе уже заключено; надо думать, что заключатъ его и въ Воло.

Сегодня принцъ Гассанъ былъ принятъ султаномъ; аудіенція продолжалась всего нѣсколько минутъ. Гассанъ останется въ Константинополѣ нѣсколько дней. Онъ будетъ ожидать прибытія египетскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Порта вызывала сюда самого хедива, но онъ отказался. Тогда отъ него потребовали подробныхъ объясненій относительно недоброжелательныхъ слуховъ, ходящихъ по Европѣ относительно его политики. Хедивъ вмѣсто отвѣта посылаетъ своего министра, уполномоченнаго на веденіе какихъ-то особыхъ переговоровъ съ султаномъ.

7-го (19-го) марта.

До сихъ поръ здѣсь не обнародовано о ратификаціи мирнаго договора. Турецкія газеты увѣряютъ, что договоръ не

будетъ подписанъ ранѣе утвержденія его конгрессомъ. Этотъ слухъ оффиціознымъ образомъ подтверждается здѣшнимъ цензурнымъ комитетомъ (bureau de la presse). Невольно является вопросъ: какія же причины заставляютъ турецкое правительство преднамѣренно обманывать населеніе имперіи въ такомъ важномъ дѣлѣ какъ миръ?

Я не писалъ три дня и постараюсь передать все, что произошло въ теченіи этого времени, вмѣсто отвѣта на вышесказанный вопросъ.

Въ субботу и воскресенье мусульмане праздновали рожденіе Магомета. Около 50 тысячъ оборванныхъ эмигрантовъ потянулись длинной и пестрой вереницей изъ Стамбула къ Гильдизъ-Кіоску, мѣстожительству султана. Падишахъ долженъ былъ показаться народу и выслушать въ придворной мечети длинное богослуженіе. Мусульмане привѣтствовали своего повелителя сначала глубокимъ молчаніемъ. Потомъ раздались голоса нѣсколькихъ женщинъ, которыя кричали: „наши мужья убиты, мы умираемъ съ голода— ты, падишахъ, долженъ спасти насъ!“ Этихъ криковъ не могли унять до самаго конца процессіи. Войска отодвинули толпу подальше отъ мечети, но печальные возгласы все-таки были явственно слышны на небольшой площадкѣ, гдѣ ждала султана его прекрасная арабская лошадь. Возбужденіе толпы было такъ сильно, что, при возвращеніи въ городъ послѣ церемоніала, я уже слышалъ разсказы о революціи, о низложеніи султана и т. п. Понятно, что обстановка была совсѣмъ не подходящая для объявленія о заключеніи весьма непочетнаго мира. Слѣдуя обычаю, султанъ долженъ былъ ѣхать на прогулку въ Сладкія Воды. Войска уже были разставлены по дорогѣ; но падишахъ не хотѣлъ рисковать поѣздкой по улицамъ, и прогулка не состоялась.

Я уже сообщалъ, что султанъ не позволяетъ напоминать ему о заключенномъ мирѣ. Въ этомъ запрещеніи играетъ роль не одно болѣзненное раздраженіе,

о чемъ можно заключить изъ слѣдующаго факта: турецкая администрація почти уже окончила всѣ приготовленія для водворенія въ Малой Азіи мусульманскихъ выходцевъ изъ Болгаріи; земли для раздачи имъ предназначены, пароходы для перевозки законтрактованы. Вдругъ и неожиданно для всѣхъ султанъ приказываетъ отмѣнить всѣ мѣры о транспортировкѣ эмигрантовъ, оставить ихъ въ Константинополѣ и, за неимѣніемъ для нихъ мѣста въ столицѣ, поселить прибывающихъ вновь во дворцѣ Алемъ-Дагѣ и въ обширной императорской фермѣ. Отдавая это приказаніе, падишахъ выразилъ твердую надежду, что Болгарія для Турціи еще не потеряна окончательно и что мусульмане будущаго княжества вновь увидятъ „солнце османлисовъ“, какъ выразилась одна изъ турецкихъ газетъ. Такому политическому двоедушію, если не глупости, трудно повѣрить, безъ достаточныхъ тому доказательствъ. Я это чувствую и потому привожу, какъ доказательство, разсказъ о слѣдующемъ достовѣрномъ происшествіи вчерашняго дня. Въ Константинополѣ есть армянинъ Абдулахъ, который съ незапамятныхъ временъ числится фотографомъ „е. и. в. султана“. Уже послѣ заключенія мира, Абдулахъ отправился въ Санъ-Стефано и тамъ снималъ портреты съ великаго князя и генеральнаго штаба. Третьяго дня онъ возвратился въ столицу. Вчера къ нему явился адъютантъ султана и объявилъ словесное приказаніе послѣдняго, что Абдулахъ лишается званія придворнаго фотографа. Вывѣска о томъ была снята немедленно при помощи полиціи. Адъютантъ безъ всякаго стѣсненія объявилъ при русскихъ офицерахъ, находившихся въ фотографіи, что Абдулахъ наказывается за его поѣздку въ Санъ-Стефано. Я думаю, что большей политической безтактности, чѣмъ этотъ маленькій случай, трудно и придумать. Онъ доказываетъ, какъ призрачны всѣ надежды на Турцію, если онѣ основываются не на физической силѣ, а на какихъ нибудь писанныхъ и подписанныхъ обязательствахъ. Я давно уже писалъ вамъ,

что здѣсь нѣтъ ни одного политическаго дѣятеля, который бы смотрѣлъ серьезно на заключенный миръ. Судя по вышесказанному, султанъ раздѣляетъ это мнѣніе, и потому считаетъ публикацію условій мира дѣломъ безполезнымъ. Всѣ ждутъ конгресса, ждутъ и результатовъ поѣздки Халиля эффенди-Ханемъ. Я уже сообщалъ, что онъ отправился въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ вмѣстѣ съ Клапкой. Ханемъ состоялъ прежде первымъ драгоманомъ при Мидхатѣ-пашѣ и отлично знаетъ нѣсколько европейскихъ языковъ. Онъ умѣлъ заслужить сначала довѣріе Мидхата, потомъ Ахмеда-Вефика, и потому трудно сомнѣваться въ недостаткѣ у него политической ловкости и покладливости. Первый министръ, какъ я уже говорилъ, не пользуется особымъ расположеніемъ султана. Дня три тому назадъ всѣ были даже увѣрены, что падишахъ дастъ ему отставку. Но случилось иначе. Вефикъ-паша отправляется въ Санъ-Стефано для переговоровъ съ великимъ княземъ. Нашъ главнокомандующій не захотѣлъ видѣться съ представителемъ турецкой власти, и Вефикъ-паша возвратился въ Константинополь крайне обиженнымъ. Султанъ тотчасъ награждаетъ его орденомъ и золотой саблей. Немилость русской главной квартиры служитъ основаніемъ къ наградѣ. Напротивъ, Савфетъ-паша, какъ извѣстный сторонникъ Россіи, несмотря на свое званіе министра иностранныхъ дѣлъ, вовсе не допускается на совѣты, собираемые во дворцѣ. Ему сообщаются лишь рѣшенія совѣта; а когда нужно что-нибудь объяснить, его зовутъ въ Высокую Порту или самъ Вефикъ заѣзжаетъ къ Савфету и вразумляетъ его лично. Все по прежнему не проходитъ ни одного дня безъ двухъ совѣтовъ.

Утѣшителемъ султана снова явился г. Лэйардъ. Я знаю достовѣрно, что британскій посланникъ далъ слово за свое отечество защитить Турцію на конгрессѣ и послѣ него; онъ посовѣтывалъ направлять всѣ остатки турецкой арміи въ Македонію и Галлиполи. Ему снова вѣрятъ не только во дворцѣ, но и въ народѣ идетъ пропаганда въ

пользу Англіи. Улемы теперь повторяютъ вездѣ: „инглезы придутъ къ намъ и помогутъ прогнать москова; оставайтесь въ Стамбулѣ; Болгарія будетъ возвращена намъ“. Хлопоты и старанія Лэйарда не остались безъ послѣдствій. Въ Галлиполи сосредоточено до 30 т. турецкаго войска; тамъ проводятъ по всѣмъ направленіямъ дороги, устраиваютъ шоссе и работаютъ надъ батареями, обращенными къ материку. По самымъ точнымъ свѣдѣніямъ я знаю, что министерство отдало приказъ командующему на перешейкѣ противодѣйствовать силой вступленію въ Галлиполи русскихъ войскъ. Къ Измиду направляютъ 20 тысячъ молодыхъ бѣглецовъ. Они будутъ расположены бивуакомъ на берегу, и англійскому адмиралу Горнби предоставлено право воспользоваться ими какъ рабочей или военной силой, смотря по надобности. Ходатайство за Сулеймана тоже не осталось безъ послѣдствій: президентъ военнаго суда Дервишъ-паша и прокуроръ Шакиръ-паша отказались судить Сулеймана и подали въ отставку. Дѣло затянется и, надо думать, Сулейманъ не будетъ отданъ подъ судъ ранѣе исхода переговоровъ на конгрессѣ или же будетъ оправданъ. На мѣсто Шакира-паши прочатъ Неджибъ-пашу, одного изъ близкихъ пріятелей Сулеймана. Всѣ эти факты сильно волнуютъ здѣшнее христіанское общество. Греки и армяне убѣждены въ существованіи тайнаго договора Турціи съ Англіей и разсуждаютъ о немъ не безъ удовольствія: „Россія, говорятъ они, освободила славянъ и оставила грековъ и армянъ подъ турецкимъ игомъ—Англія освободитъ грековъ, дастъ автономію армянамъ и предоставитъ славянъ турецкому владычеству». Я совсѣмъ не желаю быть алармистомъ, но принужденъ еще разъ повторить: здѣсь ни турки, ни христіане не вѣрятъ въ прочность мира и не придаютъ никакого серьезнаго значенія заключенному русско-турецкому договору. Не вѣритъ въ мирный исходъ конгресса и наша армія. Въ ней силенъ тотъ геройскій духъ, который такъ часто замѣнялъ въ ней

стратегію, и національная честь подсказываетъ нашимъ воинамъ, что скорый конецъ лучше долгаго неопредѣленнаго положенія. «Теперь у насъ уже есть полушубки, есть 200 тысячъ хорошихъ турецкихъ ружей, масса пушекъ и снарядовъ—теперь мы готовы», говорятъ наши герои. Наша дипломатія также не смѣетъ надѣяться на прочность заключеннаго мира. «Черезъ три недѣли, говорилъ мнѣ г. Хитрово, откроется въ Константинополѣ генеральное консульство, и едва ли пройдетъ три года, какъ все передѣлается заново». М. А. Хитрово отправляется на-дняхъ въ западную Македонію для обозрѣнія политическаго положенія дѣлъ въ этой мѣстности.

VI.

Намѣреніе русскихъ занять Буюкдере.—Протестъ англичанъ.—Усиленіе войскъ въ Константинополѣ. — Османъ-паша и его взгляды на Россію.—Два турецкіе принца.—Проекты желѣзныхъ дорогъ. — Задержка телеграммъ. — Протесты противъ Россіи грековъ, армянъ и поляковъ.—Натянутость отношеній Порты и главной квартиры.—Выводъ войскъ изъ Константинополя и устройство укрѣпленнаго лагеря у Босфора. — Поѣздъ съ эмигрантами и ужасное ихъ состояніе.

Константинополь, 8-го (20-го) марта.

Англійскій флотъ съигралъ второй актъ своей роли. Русскія войска уже двинулись по направленію къ Буюкдере, наше интендантство заготовило въ лѣтней посольской резиденціи массу провіанта, при входѣ въ Босфоръ уже нѣсколько дней покачивались два русскихъ парохода; все было готово. Мало того, въ Санъ-Стефоно нѣкоторое время существовало убѣжденіе, что тяжеловѣсные мониторы могутъ пройдти изъ Мраморнаго моря въ Босфоръ чуть не возлѣ самого берега мимо нашей главной квартиры. Уже четыре часа шли русскія войска къ завѣтному живописному мѣстечку, какъ вдругъ получается приказъ остановиться, а потомъ другой—возвращаться на старыя стоянки. Чиновники въ особенно любимой нашей арміей интендантской формѣ разъѣзжаютъ по Перѣ, Галатѣ, Стамбулу и европейскому берегу Босфора, останавливая провіантскіе обозы, направляющіеся къ Буюкдере; вся британская

эскадра въ Измидѣ стоитъ подъ парами; въ здѣшнихъ кафе и ресторанахъ не видно англійскихъ характерныхъ физіономій — всѣ на своихъ постахъ, кто на палубѣ, кто на вахтѣ. Русскіе, завѣдующіе той или другой частичкой дипломатіи, спокойно убѣждаютъ нашего брата, что Буюкдере для насъ лишнее пріобрѣтеніе; мусульманскіе дипломаты въ очень хорошемъ расположеніи духа и съ истинно восточной улыбкой опять толкуютъ о «коварствѣ Альбіона, мѣшающемъ установленію искреннихъ отношеній между Турціей и Россіей».—«Да въ чемъ же дѣло?» спрашиваешь ихъ.—«Англичане рѣшили занять азіятскій берегъ vis-à-vis Буюкдере, если русскіе придутъ въ послѣдній!» отвѣчаютъ мусульмане, стараясь придать своей улыбающейся физіономіи оттѣнокъ печали и удивленія.—«Да вѣдь имъ пришлось бы идти вдоль самаго берега Санъ-Стефано!» —«О, нѣтъ; теперь уже достовѣрно извѣстно, что скутарійское прибрежье достаточно глубоко для самаго грузнаго броненосца».. Пока англійскій флотъ разъигрываетъ роль охранителя на Востокѣ всѣхъ щекотливыхъ позицій отъ русскаго занятія, британская дипломатія тоже не остается безъ дѣла. По ея совѣту, вчера послѣдовало еще одно правительственное распоряженіе. Весь мустегафизъ (ландверъ) Малой Азіи отпущенъ по домамъ, съ приказаніемъ не отлучаться изъ своихъ постоянныхъ мѣстожительствъ. Распущенный ландверъ замѣняется въ европейской Турціи «курасами» (новыми рекрутами). Благодаря этой мѣрѣ, Турція, не уменьшая количества своихъ войскъ въ Европѣ и не возбуждая вопросовъ объ увеличеніи своихъ военныхъ силъ, будетъ имѣть въ Азіи лишнихъ 30,000 побывавшаго въ огнѣ войска. Отправка батальоновъ и батарей на западъ продолжается съ прежней энергіей. Читатель, слѣдящій за моими корреспонденціями, можетъ легко догадаться на счетъ будущаго расположенія турецкихъ армій: одна въ Малой Азіи, другая на Галлипольскомъ полуостровѣ, третья на западѣ, въ тылу Болгаріи. Конечно, дѣло

не наше судить о томъ, насколько это расположеніе турецкихъ войскъ окажется благопріятно для нашихъ интересовъ, если конгрессъ заключится простой резолюціей— „воевать!“ Императорская гвардія, т. е. войско предназначенное для защиты Константинополя, тоже усилена 20-мъ полкомъ, составленнымъ изъ вновь набранныхъ рекрутовъ. Часть войска Шумлы и Варны прибыла сюда надняхъ и расположена въ казармѣ Иззедина. Командиромъ всѣхъ военныхъ силъ столицы назначенъ Фуадъ-паша, а командованіе гвардіей султана будетъ поручено Осману-пашѣ, котораго ждутъ 13-го марта. Онъ долженъ пріѣхать вмѣстѣ съ Реуфомъ-пашей и высадиться въ Долма-Бахче, гдѣ ему уже назначена аудіенція султана. Затѣмъ, придворные каики перевезутъ «плевненскаго героя» (sic!) на ту сторону залива, гдѣ его встрѣтитъ почетный караулъ съ музыкой и проводитъ своего «гази» (непобѣдимаго) до сераскеріата. Церемоніалъ этой встрѣчи уже готовъ; турки толкуютъ о его подробностяхъ и о будущей роли Османа-паши... а русскіе спрашиваютъ: «будетъ ли турецкое правительство на столько же великодушно, какъ русское, и отпуститъ ли оно нашихъ соотечественниковъ изъ-подъ ареста?» (плѣномъ вѣдь нельзя назвать положеніе русскихъ, сидящихъ въ сераскеріатѣ подъ стражей). Какую же роль будетъ играть Османъ-паша? Я ставлю этотъ вопросъ единственно потому, что разрѣшеніемъ его теперь занята здѣсь вся константинопольская интеллигенція, она же—бюрократія. Самъ я, конечно, не могу отвѣтить на этотъ вопросъ и передаю лишь то, что говорятъ другіе. Увѣряютъ, будто всѣ безпокойства британскихъ агентовъ относительно взглядовъ Османа на Россію окончились весьма благополучно. Османъ будто бы заявилъ, что онъ никогда не раздѣлялъ вѣры въ полезность для Турціи сближенія съ Россіей, что, напротивъ, онъ считаетъ русскіе интересы несовмѣстимыми и прямо враждебными интересамъ мусульманъ. Съ другой стороны, Османъ будто бы

отвергъ всякую мысль о необходимости династическихъ перемѣнъ въ Турціи въ настоящее время и рѣшилъ защищать Гамида отъ всѣхъ нападокъ на его личность и политику. Послѣднему здѣсь вѣрятъ мало. Утверждаютъ, напротивъ, что Османъ-паша еще прежде раздѣлялъ убѣжденіе Мидхата о полезности отдѣленія отъ султана духовной власти и замѣны наслѣдственности престола выборнымъ началомъ. А такъ какъ, при всей популярности Османа, Гамидъ хотя и угощаетъ его торжественной встрѣчей, но даетъ лишь скромное мѣсто командира гвардіи, то здѣсь надѣются, что Османъ не удовольствуется этимъ служебнымъ положеніемъ и захочетъ самъ играть въ политику. Одинъ онъ, по недостатку образованія, не можетъ ничего сдѣлать, и потому, по мнѣнію турокъ, Османъ-паша волей-неволей долженъ будетъ подать руку Мидхату и вмѣстѣ съ послѣднимъ думать и дѣйствовать противъ Гамида и вообще противъ всей династіи Османовъ.

Кстати объ этой династіи. Почти одинаковую съ Мурадомъ участь ареста испытываютъ и другіе члены семьи Гамида. Изрединъ содержится подъ крѣпкимъ карауломъ во дворцѣ Бешикъ-Ташѣ, рядомъ съ Долма-Бахче, тоже на берегу залива. Къ нему не допускаютъ никого. Второй сынъ Абдулъ-Азиса Махмудъ-Джемалидуинъ и сынъ Мурада Селладинъ - Эффенди живутъ въ Долма Бахче тоже подъ строгимъ надзоромъ. Мнѣ удалось видѣть этихъ молодыхъ людей. Вы спросите, какимъ образомъ? На это отвѣчу, что въ Турціи деньгами все сдѣлаешь. Оба принца — исключеніе въ фамиліи Османовъ. Всѣ члены послѣдней воспитывались евнухами и женщинами гарема—Селладинъ и Махмудъ воспитанники и ученики талантливаго профессора естествознанія здѣшняго лицея Сугель-Бея, который съумѣлъ сохранить молодымъ людямъ и здоровое тѣло, и здоровый мозгъ. У нихъ есть библіотека, они читаютъ, занимаются теоріей и опытами по химіи и до сихъ поръ не имѣютъ гарема, хотя одному

изъ нихъ 17, а другому 16 лѣтъ. Вслѣдствіе этого они сохранили свойственную юности живость и не сдѣлались рабами обстановки. Свободенъ отъ всѣхъ замковъ одинъ Решадъ-Эффенди, братъ султана Гамида. Онъ такъ популяренъ въ качествѣ идіота, что противъ него не принимается никакихъ мѣръ предосторожности. Остальные члены царствующей фамиліи не имѣютъ никакихъ шансовъ попасть въ исторію и потому о нихъ я умалчиваю. Глава дома, Гамидъ, постоянно нездоровъ — то болятъ зубы, то голова. Раздражительное состояніе усиливается съ каждымъ днемъ. Вчера чуть-чуть все министерство не подало въ отставку по случаю слѣдующаго происшествія. Нѣкто Куру-Эмиждজи-Ахмедъ-эффенди, бывшій депутатъ, константинопольскій домовладѣлецъ и банкиръ, былъ приглашенъ на засѣданіе дворцоваго совѣта и имѣлъ неосторожность выразиться довольно рѣзко въ присутствіи султана о положеніи эмигрантовъ. Гамидъ тотчасъ вышелъ изъ комнаты совѣта и отдалъ приказаніе арестовать Ахмеда и сослать его въ Азію. Ахмедъ очень популярное лицо среди здѣшнихъ мусульманъ, и потому министры воспротивились приказанію султана, грозя отставкой. Произошла сдѣлка. Министры остались при своихъ портфеляхъ, когда султанъ удовольствовался тѣмъ, что Ахмеду было просто предложено покинуть на нѣкоторое время столицу и прогуляться въ Европу. Говорятъ, что Ахмедъ хочетъ ѣхать въ Одессу и Петербургъ.

Изъ Болгаріи доходитъ сюда весьма мало извѣстій. Говорятъ о свирѣпствующемъ тамъ тифѣ, говорятъ и о частыхъ недоразумѣніяхъ, возникающихъ между христіанскими и мусульманскими жителями. Князь Дундуковъ-Корсаковъ уже здѣсь, и всѣ разспрашиваютъ бывшихъ кіевскихъ жителей о кіевскихъ административныхъ порядкахъ, какъ о прецедентѣ будущихъ болгарскихъ. Я ничего не пишу о томъ, что и какъ хотятъ дѣлать въ Болгаріи. Въ общихъ чертахъ все это вамъ уже извѣстно, а насчетъ частностей

пока ничего еще не рѣшено. Рѣшенъ только вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ, и то лишь двухъ: уже приступлено къ предварительной съемкѣ линій—отъ Бургаса до Ямболи и отъ Рущука до Тырнова. Постройка ихъ будетъ отдана г. Пеллю, какъ я уже сообщилъ въ одномъ изъ прежнихъ моихъ писемъ. По желанію великаго князя главнокомандующаго, весь служебный и рабочій составъ на предположенныхъ линіяхъ долженъ быть исключительно русскій. Цѣны на постройку дороги будутъ опредѣлены впослѣдствіи, и кажется, что компанія, которой представитель г. Пелль, сможетъ и захочетъ обойдтись безъ экстраординарныхъ добавочныхъ суммъ, обыкновенно превышающихъ первоначальную объявленную цѣну. Иностранные гешефтъмахеры понурили головы, но все еще не покидаютъ С.-Стефано — видно надежды ихъ еще не совсѣмъ утрачены. Чутье у нихъ хорошее и опытное. Они сразу провѣдали, что въ прошлый понедѣльникъ въ С.-Стефано прибылъ пароходъ «Ростовъ» съ 5 милліонами рублей золотомъ и серебромъ. Сколько проектовъ ежедневно возникаетъ въ уютныхъ комнаткахъ этихъ любителей русскаго рубля!

Въ числѣ административно - болгарскихъ новостей есть одна, которая очень обижаетъ грековъ и турокъ—это замѣна греческихъ и турецкихъ названій городовъ будущаго княжества болгарскими названіями. Такъ, городъ Киръ-Киллисъ теперь названъ Лозанградомъ (городъ Лозъ). Той же участи подвергнутся и всѣ города южной Болгаріи, на которую турки и греки смотрятъ особымъ завистливымъ взоромъ.

Кончаю это письмо личнымъ объясненіемъ. При всемъ моемъ желаніи служить редакціи и читателямъ сообщеніемъ здѣшнихъ новостей по телеграфу, я очень часто не имѣю возможности послать депеши. Таковыя, съ самымъ безобиднымъ содержаніемъ, возвращаются мнѣ обратно, если въ телеграммѣ хотя бы однимъ словомъ было упомянуто о мирномъ договорѣ или дѣятельности британскихъ дипломатовъ.

Депеши возвращаются при коротенькой запискѣ слѣдующаго содержанія: Monsieur, je m'empresse de Vous informer que par ordre superieur votre telegramme d'hier deposée sous N pour Pétersbourg a été arrêtée. La caisse est autorisée de Vous en rembourser la taxe contre reçu acquitté en forme. Veuillez agréer etc» *).

10-го (22-го) марта.

Отправляясь въ Константинополь въ качествѣ мирнаго корреспондента, я предугадывалъ, что мнѣ придется очень часто вести рѣчь о войскахъ, торпедахъ и мониторахъ. Я не ошибся. Прислушиваясь къ тому, о чемъ говорятъ въ Царьградѣ послѣ заключенія мира, проходя по улицамъ, полнымъ двигающимися войсками, пушками и снарядами, смотря на близкій Босфоръ и въ туманную даль Мраморнаго моря, на эти голубыя воды, которыя то и дѣло разрѣзываются серебряной струйкой миноносцами, мониторами и разными фрегатами съ скромно закрытыми люками пушекъ, — перестаешь вѣрить, что это «миръ», и невольно испытываешь то жуткое, нехорошее чувство, которое болѣзненно безпокоитъ душу наканунѣ войны. Это чувство еще усиливается здѣсь, гдѣ наглядно видишь наши прошлыя и недавнія историческія ошибки, гдѣ все, крупное и мелкое, европейское и азіятское хлопочетъ и суетится, чтобъ нанести вражескій ударъ русскому и славянскому колоссу. Наши «братушки» еще безсильны; другихъ же друзей у насъ нѣтъ здѣсь; всѣ враги, всѣ питаютъ надежду, что Европа отниметъ у восточнаго славянства его право на жизнь, что Европа дастъ это право другимъ на-

*) „М. Г. Спѣшу увѣдомить васъ, что, согласно приказу высшаго начальства, ваша телеграмма, поданная вчера за № въ Петербургъ, была остановлена. Касса уполномочена возвратить вамъ таксу при предъявленіи росписки. Примите, и проч.

родностямъ Востока насчетъ жизни болгаръ и сербовъ. Въ этой всеобщей ненависти къ славянству какъ бы лежитъ признаніе его великой будущности. Въ Адріанопольскомъ и Филиппопольскомъ округахъ организовались греческіе кружки, которые собираютъ статистическія данныя о населеніи этихъ провинцій. Они готовятся представить будущему конгрессу собранныя данныя, доказывая ими, что въ вышеназванныхъ округахъ болгарское населеніе составляетъ меньшинство и потому присоединеніе этихъ провинцій къ Болгаріи несправедливо и незаконно. Въ связи съ дѣятельностью этихъ кружковъ находится и пріѣздъ сюда архіепископа фосидійскаго Давида, присланнаго аѳинскимъ сѵнодомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что труды этихъ грековъ будутъ имѣть въ результатѣ желанныя ими цифры. Въ Филиппопольскомъ и Адріанопольскомъ округахъ большинство городского болгарскаго населенія принадлежитъ къ такъ называемымъ булгарофонамъ, т. е. болгарамъ, записаннымъ въ греческія метрическія книги. Половина сельскаго болгарскаго населенія этихъ провинцій еще года два тому назадъ совершенно произвольно занесена въ тѣ же греческія книги. Греческое духовенство будущаго княжества, предвидя конецъ своего владычества, конечно съ величайшею готовностью снабдитъ греческихъ патріотовъ статистическими данными изъ своихъ метрикъ, и желанная статистика будетъ готова. Нѣтъ сомнѣнія, что она поспѣетъ ранѣе, чѣмъ та, которую предположили сдѣлать въ Болгаріи русскія власти. Греческіе патріоты на это главнымъ образомъ и разсчитываютъ. Ихъ данныя будутъ имѣть видъ оффиціальныхъ и потребуютъ серьезнаго фактическаго опроверженія. Примѣръ грековъ не остался безъ послѣдователей. Армяне тоже образовали статистическіе кружки, и въ нѣсколько дней собрали такія данныя въ свою пользу, что рѣшили отправить съ ними въ Европу своего делегата, бывшаго армянскаго патріарха Керимiана. Ему дали порученіе увидѣться съ Андраши, Дизраэли и

Макъ-Магономъ и посовѣтываться съ ними насчетъ того, что можетъ просить для себя Арменія на предполагаемомъ конгрессѣ. Документы, которые повезъ Керимianъ, очень интересны. Въ нихъ собраны доказательства не только многочисленности армянской націи, но и ея зажиточности и трудолюбія; они заключаютъ въ себѣ цифровыя сравнительныя данныя по армянской литературѣ, торговлѣ и земледѣлію. Русская Арменія, конечно, тоже не забыта и положеніе ея изображено какъ бы переводомъ польскихъ жалобъ на «Московію». Армяне-католики, до сихъ поръ враждебные армянамъ-грегоріанамъ, подъ вліяніемъ своего духовенства, примкнули къ обще-армянскимъ хлопотамъ, и католическіе монахи разныхъ орденовъ прелюбезно доставляли всякія свѣдѣнія, необходимыя для цѣли путешествія Керимiана. Грегоріане отвѣтили на любезность любезностью. Керимianъ пригласилъ въ свою свиту одного монаха католика-армянина. Здѣшніе поляки, военные и статскіе, тоже питаютъ разныя надежды и готовятся. Они предполагаютъ, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій со стороны Австріи, немедленно покинуть Турцію и образовать на границахъ нашей Польши ратный пріемный комитетъ и зерно будущей польской арміи. Какъ извѣстно, польскіе эмигранты совсѣмъ не враги бюрократическихъ порядковъ, а потому неудивительно, что у нихъ всѣ роли уже разобраны: есть уже и полковые командиры несуществующаго войска, есть провіантмейстеры, есть военные судьи, есть даже главное управленіе польскаго общества Краснаго Орла. Излишне и говорить, что всѣ греки, армяне и поляки находятъ самый радушный пріемъ въ здѣшнемъ дворцѣ британскаго посольства. Впрочемъ, не въ одномъ британскомъ. Третьяго дня графъ Зичи давалъ обѣдъ, и въ числѣ приглашенныхъ были четверо изъ руководителей вышеописанныхъ національныхъ движеній. Сама Турція такъ неумѣло маневрируетъ между двумя огнями, что все анти-славянское считаетъ ее своимъ открытымъ пріятелемъ.

Я уже писалъ вамъ, что Англія намекнула на занятіе Анадолу-Фенера или Бейкоса, въ случаѣ вступленія русскихъ войскъ въ Буюкдере. Турція поддерживала Англію рѣзкимъ протестомъ противъ движенія русскихъ къ берегамъ Босфора. Мало того, военный министръ, по приказанію султана, двинулъ къ Буюкдере 40 тыс. турецкой инфантеріи съ 60 пушками; Саидъ-паша отправилъ къ устью Чернаго моря 12 канонирокъ, которымъ приказано дѣятельно слѣдить, чтобъ русскія суда не клали торпедъ. Эти дѣйствія дали поводъ къ дипломатическимъ переговорамъ между Высокой Портой и нашей главной квартирой, изъ которой пріѣзжалъ сюда г. Нелидовъ. Мое мнѣніе, высказанное въ прошлыхъ письмахъ, что турки бываютъ любезны и деликатны только тогда, когда имъ показываютъ кулакъ, подтверждается ежедневно новыми фактами. Такъ, надняхъ наша главная квартира вновь сообщила Портѣ, что его высочество главнокомандующій желаетъ сдѣлать султану визитъ. Во избѣжаніе всѣхъ затрудненій, о которыхъ твердили турки, великій князь предполагалъ пріѣхать на пароходѣ «Ливадія» къ Долма-Бахче, повидаться съ султаномъ въ этомъ дворцѣ и принять падишаха сейчасъ же на «Ливадіи». Болѣе деликатнаго предложенія со стороны русскихъ побѣдителей, кажется, и выдумать нельзя. Тѣмъ не менѣе Порта нѣсколько дней медлила отвѣтомъ на этотъ проектъ. Вообще, натянутость русско-турецкихъ отношеній чувствуется особенно сильно въ эти дни. Многіе пророчатъ, что безтактность турокъ вызоветъ необходимость занятія Константинополя русскими войсками. Скоро начнутся теплые весенніе дни и страшно подумать о будущемъ санитарномъ положеніи Константинополя. Количество эмигрантовъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Изъ мечетей св. Софіи и Іени-Джами теперь выносятъ ежедневно не по 20 труповъ, какъ было двѣ недѣли тому назадъ, а по 60 и 80. Въ Стамбулѣ и Коссимъ-пашѣ нѣтъ дома, гдѣ бы не было одного или

двухъ больныхъ тифомъ или оспой. Эпидемія уже перешла Золотой Рогъ; въ Перѣ и Галатѣ было нѣсколько случаевъ эпидемическихъ заболѣваній и смерти. Нѣтъ сомнѣнія, что эпидемія скоро доберется и до начала русской цѣпи, огибающей Константинополь. Еслибъ наша армія рѣшила занять Царьградъ, вся эта голодная и несущая въ себѣ смерть и болѣзнь масса мусульманскихъ эмигрантовъ ринулась бы въ Малую Азію, гдѣ есть для нея просторъ, хлѣбъ и работа. Константинополь бы разстался съ главнымъ разсадникомъ заразы и могъ бы предохранить себя, русское войско и всю Европу отъ ужасной эпидеміи...

P. S. Съ этого дня большая часть моихъ телеграммъ будетъ идти изъ С.-Стефано, такъ какъ Высокая Порта приняла, кажется, за правило не пропускать мои телеграммы вовсе или, что еще хуже, измѣнять ихъ.

12-го (24-го) марта.

Наканунѣ того дня, когда распространился слухъ о намѣреніи русскихъ занять Буюкдере, совѣтъ министровъ, генералъ-адъютантовъ и камергеровъ, засѣдающихъ въ Гильдизъ-Кіоскѣ, поспѣшилъ доказать міру, что турецкіе таланты насчетъ извилистой дипломатіи еще живы и не исчезли подъ вліяніемъ близости русской главной квартиры. Министръ двора, любимецъ султана, отличается особенной находчивостью по части такой дипломатіи; онъ совсѣмъ не видалъ русскихъ штыковъ, а въ это время пера и чернилъ вообще никому изъ турокъ не страшно. Высокая Порта всегда держалась такого правила: ея врагъ идетъ на нее съ оружіемъ — Турція начинаетъ писать ноты; врагъ пишетъ ей ноты — Турція бряцаетъ оружіемъ. Саидъ-паша не уклонился отъ этого обычая. Частыя занятія Константинополя русскимъ дипломатическимъ корпусомъ указываютъ, что настало время обратныхъ отношеній Россіи и Турціи. Саидъ рѣшилъ—«пора!», и предложилъ начать военныя дѣйствія. Присутствующіе на совѣтѣ нѣ-

сколько смутились отъ столь неожиданнаго предложенія, но Саида поддержалъ его пріятель, Мегеметъ-Али-паша, и военныя приготовленія продолжались безъ всякихъ препятствій. Въ Константинополѣ сосредоточено 77 батальоновъ войскъ (не считая загородныхъ и находящихся въ фортахъ). Они, по мнѣнію Саида, безполезны въ столицѣ. Внѣшняя стѣна Константинополя хотя и могла бы дать нѣкоторые шансы для защиты города отъ атаки русскихъ, но послѣдніе не позволятъ возвести необходимыя для того сооруженія. Слѣдовательно, столица волею судебъ уже отдана въ руки русскихъ. О защитѣ ея войскомъ нечего и думать. Остается вспомнить Москву въ 1812 году и принять на себя роль губернатора Ростопчина, если русская армія двинется къ Царьграду. Весь совѣтъ выразилъ глубокую увѣренность, что мусульманское населеніе столицы оставитъ отъ нея для русскихъ одинъ пепелъ и развалины. Итакъ, о Константинополѣ военнымъ геніямъ Турціи не стоитъ и разсуждать. Политики же Порты теперь уже достаточно убѣждены, что при помощи конгресса или безъ этого прелиминарія, но Европа постарается поприжать Россію. Слѣдовательно, обязанность Турціи заключается въ прибавкѣ отъ себя нѣкотораго винтика для этого сжиманія. Россія принуждена взвѣшивать свои интересы и опасности отъ чужихъ; на вѣсы послѣднихъ Турція должна прибавить и свою гирьку. Разошлемъ, предложилъ Саидъ, наши 77 батальоновъ по окрестностямъ Константинополя и по берегу Босфора, въ Буюкдере, Маслакъ, Бѣлградъ, Іени-паша и т. д., выберемъ потомъ надлежащіе холмы и высоты, окопаемъ ихъ и вооружимъ артиллеріей. Россія будетъ имѣть въ виду рядъ новыхъ маленькихъ Плевнъ въ самыхъ чувствительныхъ для нея мѣстахъ, въ случаѣ вѣроятной войны съ Англіей — по Босфору и на Галлиполійскомъ полуостровѣ. Никто не осмѣлился противорѣчить патріотическому плану; одинъ Савфетъ-паша, со свойственнымъ ему нервнымъ и нерѣшительнымъ тономъ, робко

указалъ на опасность будированья русской главной квартиры. Оказалось, что Саидъ предвидѣлъ все. «Всѣмъ извѣстно, сказалъ онъ, что въ Константинополѣ ходятъ всевозможныя эпидеміи, смертность страшная. Опубликуемъ, что болѣзни проникли въ ряды нашихъ войскъ и что гигіеническія условія требуютъ вывода войскъ изъ столицы и расположенія ихъ на наиболѣе здоровыхъ пунктахъ — вокругъ Константинополя».—«А пушки?» спросилъ кто-то. Нельзя же оставить ихъ въ столицѣ безъ войска,—раздражительно отвѣтилъ Саидъ. Оставалось лишь назначить главнокомандующаго, Мегеметъ-Али-паша избранъ таковымъ единогласно.

На другой день новый главнокомандующій съ многочисленнымъ штабомъ, съ камергеромъ султана Кіазимъ-беемъ и съ кавалерійскимъ конвоемъ отправился чрезъ Буюкдере въ Румели-Кавакъ, гдѣ остановились и долго осматривали укрѣпленія. Чрезъ нѣсколько часовъ на высотахъ Кассабъ-Тчаиръ показалась голова пѣхоты, которая расположилась эшелономъ до Фанарики на берегу Чернаго моря. Другая колонна, въ составѣ 7 батальоновъ, заняла линію Бахче-Кея и Бѣлграда. Къ вечеру прибыла тяжелая артиллерія и двинулся нескончаемый обозъ военныхъ матеріаловъ и провіанта. Узнавъ объ этомъ движеніи, я нарядился въ феску и отправился верхомъ по берегу вверхъ Босфора. Я уже благополучно миновалъ Ортакіой и приближался въ Курутчесме, обгоняя громадныя фуры съ солдатскими сухарями, какъ вдругъ ко мнѣ подскакали трое турецкихъ офицеровъ и довольно грубо потребовали, чтобъ я возвратился обратно. Дѣлать нечего, я доѣхалъ до ближайшаго кафе и сталъ ждать сумерекъ. Въ 7 часовъ вечера я снова поѣхалъ дальше. Часамъ къ 10 я былъ уже въ Іени-Махала. Движеніе войскъ, обозовъ и артиллерійскихъ парковъ не прекращалось цѣлую ночь. Подъ утро я увидѣлъ, что на небольшихъ баркахъ войска перевозятся и на азіятскій берегъ

по направленію къ семи батареямъ, вооруженнымъ круповскими пушками крупнаго калибра. На всѣхъ высотахъ мелькаютъ бѣлые шатры и вьется дымокъ отъ костровъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ замѣтны слѣды вчерашней земляной работы. Хозяинъ локанды, въ которой я ночевалъ, съ ужасомъ сообщилъ мнѣ, что турки убили какихъ-то трехъ русскихъ солдатъ. Еще не всѣ войска, кажется, выбрали для себя окончательно мѣсто стоянки; нѣкоторыя части переходятъ съ одной возвышенности на другую. Мегеметъ-Али-паша уже въ 6 часовъ утра былъ на конѣ, и я его видѣлъ раза четыре на разныхъ возвышенностяхъ смотрящимъ въ бинокль. У хозяина локанды потребовали всѣхъ воловъ, буйволовъ и лошадей для ввоза пушекъ на высоты. Чуть-чуть не забрали и моего коня. Чтобъ избавить его отъ этой печальной участи, я долженъ былъ поскорѣе сѣсть въ сѣдло и покинуть Іени-Махала, такъ неожиданно очутившееся на военномъ положеніи. Вплоть до главной улицы Перы я встрѣчалъ возы съ сухарями, патронами и солдатскимъ платьемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что турки устраиваютъ по Босфору не простой лагерь, а укрѣпленный, съ запасомъ всяческаго матеріала и съ разсчетомъ защищать его долго и упорно. Улицы Константинополя, еще вчера полныя солдатъ и офицеровъ, теперь пусты. Сегодня уже не видно и патрулей. Константинополь теперь беззащитенъ не только по отношенію къ русскимъ, но и для черкесовъ и всего голоднаго люда Стамбула. Вѣсть о военныхъ приготовленіяхъ Порты облетѣла городъ съ быстротою молніи. Всѣ инстинктивно догадались, какую участь предопредѣляютъ Царьграду его незаконные владѣльцы. Мусульманскій огонь и мечъ мерещатся каждому христіанину семьянину, жителю Константинополя, и я долженъ былъ сегодня сто разъ повторять разсказъ объ условіяхъ жизни въ Одессѣ, куда собираются послать свои семьи здѣшніе греки, армяне, итальянцы и французы.

Долгіе холодные дни смѣнились наконецъ лѣтнимъ тепломъ. Вечеръ чудный. Звѣздное небо смотритъ на темныя улицы Перы такъ миролюбиво и ласково... Въ чистомъ ночномъ воздухѣ раздается рѣзкимъ эхомъ каждый шагъ идущаго по мостовой. Жители христіанской части медленно расходятся изъ кафе и ресторановъ. Вотъ кто-то проскакалъ... Всѣ остановились, смотрятъ вслѣдъ за всадникомъ... кто-то замѣтилъ, что пахнетъ дымомъ.

— Не пожаръ-ли? слышится тихій боязливый вопросъ, и всѣ быстро расходятся по домамъ.

Паника общая и, думаю я, незаслуженная и ненужная.

13-го (25-го) марта.

Вчера утромъ, вмѣстѣ съ агентомъ британскаго благотворительнаго общества (который не зналъ, что я русскій) я отправился на западный конецъ Стамбула ожидать новаго поѣзда съ эмигрантами. Часовъ въ 8 изъ-за холмовъ показался дымокъ, и сталъ медленно выдвигаться длинный рядъ вагоновъ. Изъ всѣхъ оконъ выглядываютъ блѣдныя и черныя лица; на крышахъ вагоновъ лежатъ кучи разнаго имущества и виднѣются бѣлыя и красныя покрывала турчанокъ. Между вагоновъ, на буферахъ, положены доски и на нихъ сидятъ и лежатъ дѣти и женщины. Миновавъ внѣшнюю стѣну Константинополя, версты за двѣ до станціи, находящейся на берегу Золотого Рога, поѣздъ останавливается. Двѣ тысячи эмигрантовъ молча и тихо выходитъ изъ дверей вагоновъ, слѣзаютъ съ крышъ и буферовъ, стаскиваютъ свои пожитки. Нѣсколько полицейскихъ указываютъ прибывшимъ на узенькій, грязный переулокъ. Всѣ двигаются туда. Передовые сбрасываютъ въ грязь свою ношу и садятся на нее. Переулочекъ весь занятъ. Остальные выходятъ на широкую улицу съ конно-дорожнымъ путемъ. Расходятся вправо и влѣво, тяжело опускаясь на первое ближайшее свободное мѣсто. Старикъ, черный, загорѣлый и по худобѣ напоминающій высушен-

ный трупъ, тащитъ на спинѣ старуху, которая еле держится за его туловище руками и ногами. Глаза у нея закрыты, а зубами она придерживаетъ одѣяльце, въ которомъ завернутъ крохотный ребенокъ. Вотъ идетъ женщина. Покрывало сдернуто, ротъ раскрытъ и по движенiю ея ноздрей даже издалека замѣтно, какъ тяжело она дышетъ; глаза горятъ лихорадкой; за ея лохмотья ухватились трое полуголыхъ ребятишекъ; они прячутся въ ветхiе лоскутья платья своей матери и громко плачутъ. У этой женщины, очевидно, нѣтъ ни имущества, ни мужа, ни отца. Она порывисто доходитъ до рельсовъ, оглядывается, какъ бы ищетъ чего-то; судорожно откидываетъ отъ себя прижавшихся къ ней ребятишекъ и молча ложится на каменную мостовую. Маленькiя дѣти тащутъ по грязи разные узлы. Личики ихъ раскраснѣлись, ноша имъ не по силамъ... Все, могущее ходить, размѣстилось. Около вагоновъ начинаются другiя сцены. Изъ дверей вытаскиваютъ за голову и за ноги больныхъ и трупы взрослыхъ; изъ оконъ тянутъ больныхъ и мертвыхъ дѣтей. Вотъ полицейскiе вытянули какую-то женщину съ лицомъ, обезображеннымъ оспенными нарывами. Носильщики брезгливо торопятся спустить ее съ платформы вагона и почти бросаютъ въ поросшую травой канаву. Тутъ я впервые въ теченiи всей этой сцены ужаса услышалъ вздохъ. Больная силилась встать,—приподымается и падаетъ вновь, скатываясь внизъ. Какой-то турокъ, высокiй и плечистый, выноситъ на рукахъ трупикъ ребенка. Онъ задумчиво остановился, прислушивается къ дыханiю малютки, судорожно поворачиваетъ его въ своихъ мускулистыхъ огромныхъ рукахъ, заглядываетъ ему въ мертвое личико. Я подхожу къ нему и вижу, что у него на глазахъ слезы. Онъ медленно идетъ по переулку, выходитъ на улицу; осматривается, ищетъ чего-то, опять возвращается къ поѣзду и тутъ, снявъ съ себя куртку, заворачиваетъ въ нее трупикъ и бережно кладетъ его возлѣ больной женщины на траву. Отойдя нѣ-

сколько шаговъ въ сторону, онъ садится прижавшись къ забору и закрывъ лицо руками. Черезъ пять-десять минутъ канава во всю длину поѣзда покрыта больными и мертвыми. Я насчитываю ихъ около 60. Подъѣхали двѣ кареты «красной луны», забрали около десятка больныхъ и повезли. За ними кинулись безъ плача и крика, но съ видомъ какого-то страха и отчаянія нѣсколько десятковъ дѣтей, женщинъ и мужчинъ—родственниковъ больныхъ. Они цѣпляются за карету, ихъ отгоняютъ нагайкой, но толпа не отстаетъ. На простыя дроги складываютъ трупы. Раздается рѣзкій визгъ. Я спѣшу въ ту сторону и вижу слѣдующее: четверо санитаровъ тянутъ трупъ турчанки и стараются отцѣпить отъ него маленькую дѣвочку, которая впилась въ лохмотья своей матери своими крохотными рученками и зубами. Трупъ подняли, и дѣвочка буквально виситъ на немъ. Когда ее отдернули, въ ея зубахъ остался клочекъ красной юбки, въ которую была одѣта ея мать. Эту дѣвочку посадили на лошадь погребальной колесницы и тамъ связали ей рученки и прикрѣпили толстой веревкой къ сѣдлу. Я опять возвращаюсь на большую улицу. Тамъ, шагая черезъ узлы, лежащихъ взрослыхъ и дѣтей, ходитъ нѣсколько турецкихъ офицеровъ, держа въ рукахъ по связкѣ какихъ-то маленькихъ, вершка въ три длиной, соленыхъ рыбокъ. Они отрываютъ по рыбкѣ и бросаютъ по одной направо и налѣво. За каждой рыбкой тянутся тридцать, сорокъ рукъ. Дѣти бѣгаютъ взадъ и впередъ, подбираютъ изъ грязи объѣденные хвостики и головки рыбокъ и жадно стараются разжевать и проглотить голыя кости. Слѣдуетъ такая же раздача кусковъ хлѣба, величиной въ четверть фунта каждый. Я видѣлъ нѣсколько матерей, получившихъ кусокъ, которыя все раздѣлили между своими дѣтьми, не оставивъ себѣ ничего. Только одна изъ нихъ не вытерпѣла, отломила одну крошку отъ куска своей дочери и какъ-то особенно поспѣшно положила ее въ ротъ. Въ трехъ щегольскихъ каретахъ пріѣхало пять разряженныхъ ан-

гличанокъ благотворительницъ. Съ ними двое армянъ переводчиковъ. У каждой дамы въ рукахъ маленькій, изящный портфель и въ немъ бумажные піастры (стоитъ на наши деньги около 2 коп.). Барыни-филантропки храбро пробиваются сквозь ряды бѣглецовъ, раздавая каждому взрослому по піастру. Мужчины брали деньги довольно охотно, хотя и не выражали ни словомъ, ни мимикой своей благодарности. Женщины смотрѣли на барынь съ большимъ удивленіемъ и какъ-то робко брали подносимые къ нимъ піастры. Барыни приблизились къ той женщинѣ, о которой я упоминалъ выше. Она все еще лежитъ на мостовой неподвижно. Дѣти ея притихли и запрятали свои испачканныя и исхудалыя личики въ рваныя лохмотья несчастной. Переводчикъ англичанокъ слегка толкаетъ женщину своей изящной тросточкой. Она широко раскрываетъ глаза и приподымается. Барыни суютъ ей не одинъ, а цѣлую кучу піастровъ. Турчанка быстрымъ движеніемъ руки грубо отталкиваетъ милостыню, поправляетъ свое покрывало и садится, прижимая къ себѣ дѣтей. Барыни окружаютъ ее и приказываютъ переводчику сказать турчанкѣ, что эти деньги ей даютъ друзья турокъ—англичане, что англичане также не любятъ русскихъ, какъ мусульмане, что Англія защититъ Турцію и т. д. Все тщетно. Женщина упрямо склонилась, не глядитъ, не отвѣчаетъ и не слушаетъ. Переводчикъ скомкиваетъ бумажки и бросаетъ ихъ на колѣни турчанки. Она сбрасываетъ ихъ, какъ стряхиваютъ съ платья пыль или грязь. Переводчикъ, незамѣтно для филантропокъ, подымаетъ піастры и опускаетъ ихъ въ свой карманъ. Стоящій неподалеку турокъ перестаетъ ѣсть черствый кусокъ хлѣба и остатки его подноситъ женщинѣ. Она беретъ этотъ кусокъ и, откусивъ отъ него, суетъ его дѣтямъ. Появилось нѣсколько верховыхъ. Они кричатъ, подымаютъ сидящихъ и раздѣляютъ ихъ на группы. Бѣглецовъ ведутъ по квартирамъ. Я выбираю ту группу, въ которую попала гордая турчанка. Ее вмѣстѣ съ сотней

другихъ конвоируютъ въ малую Св. Софію (Кучукъ-Ая-Софія). Это бывшая церковь св. Сергія, построенная императрицей Θеодорой. Великолѣпный храмъ имѣетъ видъ восьмиугольника, овальный куполъ котораго поддерживается восемью мраморными колоннами, украшенными рѣзьбою въ чистомъ византійскомъ вкусѣ. Нѣсколько папертей образуютъ родъ террасъ съ массивными крышами и легкими рѣдкими колонками. Внутренность храма уже занята прежде прибывшими бѣглецами. На всемъ широкомъ и длинномъ полу есть лишь два узенькихъ прохода; всѣ остальныя мѣста заняты узлами, сидячими и лежащими фигурами больныхъ и здоровыхъ, взрослыхъ и дѣтей. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вздымается тонкой голубой змѣйкой дымъ изъ туземной жаровни (мангали) и до обонянія доходитъ оттуда рѣзкій запахъ горящаго деревяннаго масла. Тамъ эмигранты готовятъ себѣ пищу. Посрединѣ лежитъ опрокинутая телѣга; изъ-подъ нея раздается сухой кашель и рѣдкіе глубокіе вздохи; подъ ней лежатъ пять больныхъ оспой. Далѣе раскинута парусинная русская армейская палатка. Около нея пустота. Люди, очевидно, прижались тутъ другъ къ другу, чтобъ уйдти подальше отъ этого бѣлаго покрова: въ палатку складываютъ вновь умирающихъ до прихода санитаровъ. Группу новыхъ пришлецовъ привели на паперть и приказали тутъ размѣститься... Солдаты, съ веревками въ рукахъ, полѣзли на колонны и протянули веревку кругомъ паперти на высотѣ двухъ аршинъ отъ пола. Затѣмъ, полицейскіе стали отбирать отъ бѣглецовъ ихъ одѣяла, развертывали узлы и вынимали изъ нихъ ковры. Одѣяла и ковры связывались концами и развѣшивались на веревки, такъ что черезъ полчаса изъ паперти образовалось нѣчто въ родѣ пестрой полу-палатки. Накрапывающій дождь и сѣверный холодный вѣтеръ врывались внутрь сверху и хлопали по импровизированному дырявому прикрытію съ боковъ. Развязанные узлы грязнаго бѣлья раскладываются эмигрантами по мраморному ледяному полу; на нихъ садят-

ся дѣти. Взрослые выбираютъ уголки колоннъ и, поджимая по турецки ноги, усаживаются молча. И здѣсь, какъ и на поѣздѣ, даже дѣтскій крикъ слышенъ рѣдко. Посрединѣ паперти становится улемами треножникъ, раскладывается скудный огонекъ и вѣшаютъ небольшой котелъ. Приходитъ старшій мулла, беретъ громадную ложку и приглашаетъ желающихъ получить пригоршню горячаго риса. Многіе подходятъ, складываютъ ладони, и мулла кладетъ имъ на руки горячій рисъ. Подходятъ и дѣти. Ихъ рученки не выносятъ кипятка, и съ плачемъ они бросаютъ рисъ на полъ. Матери подбираютъ упавшій рисъ и суютъ его въ ротъ дѣтямъ. Несмотря на рѣзкій вѣтеръ, на паперти становится душно. Изъ мечети несутся сюда міазмы человѣческой нечистоплотности и болѣзни. Тотъ же одуряющій запахъ слышится уже и здѣсь. Администрація не позаботилась доставить бѣглецамъ необходимыя удобства, а Коранъ запрещаетъ всякую публичность въ исполненіи человѣческихъ нуждъ... Я былъ принужденъ выйдти изъ этого склепа заживо. На дворѣ телѣги, кибитки, палатки, масса людей и тотъ же рѣзкій зловѣщій запахъ. Выйдя на площадь, я оглянулся и увидѣлъ, что импровизированная покрышка паперти широко распахнулась, и на дворъ выступала похоронная процессія; эти два труппа—гордой турчанки и какого-то старика—были первой жертвой пришедшей группы... Возвратившись домой и стараясь разогнать тяжелое впечатлѣніе дня, я принялся просматривать турецкія газеты, но и тутъ, на четвертой страницѣ, среди объявленій, я прочелъ: 1) «Авдіи-Оглу изъ Кучукъ-Обе, близь Казанлыка, во время бѣгства, потерялъ свою жену Калидже, 10-лѣтняго сына Али, тетку 80 лѣтъ, Зейнеми»; 2) «Феско-Оглы потерялъ свою жену Нефиссе, сына Ахмеда и дочь Зеха» и т. д. Рядъ этихъ ужасныхъ объявленій тянется до самаго конца страницы; это объявленіе комитета эмигрантовъ...

VII.

Визитъ великаго князя султану. — Встрѣча его султаномъ и народомъ.—Разговоръ его со мною.—Посѣщеніе великимъ княземъ incognito Перы. Подробности свиданія съ султаномъ.— Великій князь отказывается отъ помѣщенія въ Бейлербеѣ.— Посѣщеніе могилы Абдулъ-Азиса.

Константинополь, 14-го (26-го) марта.

Турки и всѣ константинопольскія газеты хранили глубокое молчаніе о времени пріѣзда сюда великаго князя главнокомандующаго. Только вчера вечеромъ кто-то, пріѣхавъ изъ Санъ-Стефано, зашелъ въ коммерческій клубъ и объявилъ, что утромъ въ 11 часовъ русская главная квартира выѣзжаетъ на пароходѣ «Ливадія» къ пристани Долма-Бахче. Нѣкоторые изъ болгарскихъ, греческихъ и армянскихъ негоціантовъ рѣшили тотчасъ же устроить маленькую овацію, приготовить цвѣты, вѣнки, вензеля и съ ними встрѣтить высокихъ и давно ожидаемыхъ гостей. Чтобъ не трудиться понапрасну, они избрали двухъ депутатовъ и послали ихъ къ какому-то всевѣдущему мустешару провѣрить слухъ о завтрашнемъ визитѣ. Мустешаръ съ самымъ серьезнымъ и авторитетнымъ видомъ объявилъ, что вопросъ о времени пріѣзда великаго князя еще не рѣшенъ и потому ожидать его завтра, а тѣмъ болѣе готовиться къ его встрѣчѣ, совершенно излишне. Негоціанты повѣрили, успокоились, разошлись по домамъ и легли спать. Сегодня, по обычаю, идя въ 8 ч. утра въ свои конторы,

они не замѣтили въ городѣ никакихъ приготовленій къ встрѣчѣ русскаго штаба, и отложили окончательно свои собственные планы. Небо было хмурое; облака висѣли низко; на улицахъ почти непроходимая грязь. У турокъ есть пословица: «непостояненъ какъ мѣсяцъ мартъ». Сегодняшняя погода вполнѣ оправдала поговорку. Въ 10 часовъ выглянуло солнышко, тучи рѣдѣли, а вѣтеръ отлично сушилъ мостовую. Въ это время къ воротамъ русскаго посольскаго дворца принесли нѣсколько лѣстницъ, и около десятка грековъ-рабочихъ усердно принялись развязывать чехлы на гербахъ. Публика всѣхъ національностей и всѣхъ цвѣтовъ костюмовъ стала собираться у воротъ.

— Кого ждутъ? слышится вопросъ чуть не на шести языкахъ.

Маститый портье дворца обтираетъ щеткой запыленныя ворота и важно объясняетъ ближайшимъ къ нему зрителямъ, что черезъ часъ или два во дворецъ пріѣдетъ русскій великій князь со свитой. Толпа ростетъ. Многіе бѣгутъ за своими семьями и ворочаются съ женами и дѣтьми. Мальчуганы бросились по Перѣ внизъ къ Галатѣ, исполняя безкорыстную службу глашатаевъ. Часть публики двинулась по направленію къ Долма-Бахче. Проходя мимо дворца германскаго посольства, мы опять увидѣли толпу. Привратникъ объявилъ, что великій князь будетъ у принца Рейса. Скатъ отъ Перы къ Долма-Бахче буквально усѣянъ зрителями. Тутъ большинство мусульмане. На спускѣ есть нѣсколько госпиталей, а влѣво отъ Долма-Бахче недавно расположили $1^1/_2$ тысячи бѣглецовъ. Оттого здѣсь картина еще пестрѣе. Красныя, зеленыя, черныя и бѣлыя покрывала женщинъ, такія же разнообразныя чалмы и куртки мужчинъ, усѣвшихся на зеленѣющемъ скатѣ, могли бы дать прекрасную модель для художника, любящаго эффектъ. Жаркіе лучи солнца, то скрывающіеся за мимолетнымъ облачкомъ, то вновь обливающіе яркимъ свѣтомъ эту картину дивнаго голубого Босфора, горящаго золотомъ дворцоваго

подъѣзда, мраморныхъ минаретовъ и гору самыхъ прихотливыхъ нарядовъ. Со стороны Ортакея появились ряды солдатъ; они размѣстились эшелономъ отъ дворца Гильдизъ-Кіоска до Долма-Бахче. По этому пути долженъ былъ пріѣхать султанъ на встрѣчу великому князю. Золотыя ворота дворца раскрылись: нѣсколько казенныхъ пароходовъ, стоящихъ на рейдѣ, всегда готовые принять падишаха для путешествія въ Азію, украсились флагами. На площадку стали съѣзжаться паши, эффенди и беи въ блестящихъ мундирахъ. Вдали показался дымокъ парохода. Тотчасъ на горкѣ раздался рожокъ, и султанъ, въ сопровожденіи всѣхъ министровъ, выѣхалъ на встрѣчу великому князю. Ворота затворились, и моя дѣятельность, какъ корреспондента, прекратилась на цѣлыхъ два часа. Ни визитная карточка, ни рекомендація, ни даже богатый бакшишъ не отворили дверей дворца ни одному постороннему лицу. Узнавъ, что въ распоряженіе вел. князя и его свиты отведенъ дворецъ Бейлербей на азіятской сторонѣ Босфора, немного восточнѣе Долма-Бахче, я пытался взять каикъ и переѣхать проливъ. Лодочники были, конечно, очень рады заработать, но на пристани стоялъ цѣлый взводъ полицейскихъ и не позволялъ никому переѣзжать Босфоръ. Дворецъ Бейлербей—одинъ изъ самыхъ роскошныхъ въ этомъ городѣ казармъ и дворцовъ. У прежнихъ султановъ, какъ извѣстно, была манія строить и передѣлывать свои палаты. Эта манія продолжалась вплоть до введенія конституціи, и потому каждый изъ дворцовъ носитъ на себѣ слѣды вкуса всѣхъ султановъ, строившихъ и передѣлывавшихъ его. Таковъ и Бейлербей. Онъ замѣчателенъ лишь тѣмъ, что въ немъ есть чисто-европейское отдѣленіе, устроенное для пріѣзда экс-императрицы Евгеніи во время царствованія Абдулъ-Азиса. Цѣлый рядъ такихъ комнатъ, убранныхъ съ восточной роскошью и безжалостностью къ народному карману, и другой рядъ столь же богатыхъ покоевъ, меблированныхъ въ строгомъ мусульманскомъ вкусѣ—были пре-

доставлены въ распоряженіе гостей. Визитъ великаго князя султану продолжался около $^3/_4$ часа. Затѣмъ вся свита переѣхала на маленькомъ пароходикѣ и придворнюхъ каикахъ въ Бейлербей. Султанъ выбралъ для своихъ гостей берегъ Малой Азіи... Здѣшніе христіане съ улыбкой поясняютъ этотъ выборъ тѣмъ, что падишахъ не имѣетъ права распоряжаться въ Европѣ. На самомъ же дѣлѣ цѣль этого выбора ясна: совѣтники султана употребляли всѣ мѣры удалить изъ Константинополя зрѣлище блестящихъ русскихъ мундировъ. Чрезъ нѣсколько минутъ изъ Гильдизъ-Кіоска потянулся турецкій кортежъ къ морю, прямо vis-à-vis Бейлербея. Султанъ, его дворъ и министры поѣхали съ визитомъ къ великому князю. Визитъ султана продолжался не болѣе четверти часа. Потомъ начали представляться турецкіе сановники. Реуфъ, Абдулахъ и Савфетъ паша имѣли на себѣ вновь пожалованные имъ русскіе ордена. Пріемъ окончился быстро. Въ туркахъ была замѣтна какая-то не то робость, не то неохота участвовать въ церемоніи. Смотря на нихъ, я невольно подумалъ: «странно, у васъ есть еще совѣсть и вы какъ будто конфузитесь ложной любезностью!» Опять каики и главная квартира быстро переѣхала проливъ обратно къ Долма-Бахче, гдѣ ихъ ожидали семь колясокъ, драгоманъ и человѣкъ шесть верховыхъ конвойныхъ. Всѣ экипажи изъ придворной конюшни султана. Первая коляска, предназначенная для великаго князя, запряжена четверкой съ форейторомъ. Кучера въ камзолахъ, расшитыхъ золотомъ; конвойные съ саблями и карабинами. Масса турецкихъ офицеровъ, смотрѣвшая на Бейлербей съ этого берега, какъ-то особенно поспѣшно бросилась къ своимъ каикамъ и быстро исчезла по боковымъ закоулкамъ при вторичномъ приближеніи къ Долма-Бахче русскаго штаба. На площади остались частныя лица; оффиціальныя исчезли всѣ до одного. Этимъ способомъ турецкое самолюбіе дало возможность массѣ христіанъ свободно выказать свою ра-

дость при видѣ русскихъ. Какъ только показалась коляска съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ и принцемъ Ольденбургскимъ, толпа сначала робко, потомъ все громче и громче крикнула «ура!» Полетѣли вверхъ фески, шляпы и даже чалмы. Возлѣ гауптвахты турецкіе солдаты выстроились и отдали честь проѣзжающимъ гостямъ. При въѣздѣ во дворъ германскаго посольства толпа зрителей снова привѣтствовала нашего главнокомандующаго радостными криками. Визитъ принцу Рейссу продолжался всего нѣсколько минутъ. Оттуда по главной улицѣ Перы кортежъ медленнымъ шагомъ двинулся къ русскому дворцу. Здѣсь толпа рѣзко раздѣлилась на двѣ части. Простые рабочіе армяне, греки и даже татары не скрываютъ своего энтузіазма; съ радостными лицами, махая своими фесками, они стараются какъ можно громче привѣтствовать великаго князя. Среди ихъ тамъ и сямъ стоятъ культурные греки, армяне и мусульмане; они не трогаются съ мѣста, молчатъ и даже не кланяются гостямъ. У воротъ русскаго дворца толпа такъ густа, что экипажи принуждены остановиться, всѣ выходятъ изъ нихъ и идутъ пѣшкомъ во дворъ. По прекрасной мраморной лѣстницѣ великій князь и вся свита поднимается на верхъ, въ русскую посольскую церковь. Тутъ совершается краткое молебствіе съ многолѣтіемъ. Затѣмъ, проходя по роскошнымъ заламъ, русскіе гости выходятъ на балконъ съ очаровательнымъ видомъ на Босфоръ. Возвращаясь обратно въ комнаты, его высочество главнокомандующій милостиво обратился ко мнѣ и, узнавъ, что я проживаю въ Константинополѣ въ качествѣ корреспондента „Новаго Времени“, разспрашивалъ меня, давно ли я въ Царьградѣ, откуда пріѣхалъ и долго ли думаю здѣсь пробыть. Осмотрѣвъ парадныя залы дворца, великій князь спустился внизъ и приказалъ подать экипажи. Тутъ онъ снова обратился ко мнѣ съ нѣкоторыми вопросами. Его высочество, очевидно, интересо-

вало то обстоятельство, что я прибылъ въ Константинополь ранѣе подписанія мирнаго договора въ Санъ-Стафано. На обратномъ пути то же привѣтствіе толпы и то же неделикатное равнодушіе культурныхъ. Я проводилъ кортежъ до Долма-Бахче. Тамъ константинопольскіе гости усѣлись вновь на пароходикъ и каики и поплыли къ борту «Ливадіи». Многіе изъ свиты остались въ городѣ, и народъ цѣлый день любовался русскими блестящими мундирами. Возвращаясь домой, я радовался, что не ошибся въ настроеніи духа константинопольскаго народа: вопреки всѣмъ застращиваніямъ, я предсказывалъ, что народъ приметъ русскихъ не только безъ непріязни, но и съ чувствомъ уваженія. Вы видите, что я не обманулся въ ожиданіяхъ... Толпа медленно поднималась въ Перу. Какой-то старикъ въ высокой зеленой чалмѣ окруженъ мусульманами и что-то разсказываетъ. Подхожу ближе и слышу:

— Уѣхали совсѣмъ? спрашиваютъ старика.

— Нѣтъ, не совсѣмъ, авторитетно отвѣчаетъ онъ.— Они вновь придутъ и останутся здѣсь навсегда!

15-го (27-го) марта.

Вчера вечеромъ великіе князья, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ ихъ свиты, съѣхали снова на берегъ и инкогнито опять посѣтили русско-посольскій дворецъ, гдѣ пили чай и оставались около двухъ часовъ. Послѣ того, они отправились на бортъ «Ливадіи», гдѣ и провели ночь. Часть свиты осталась въ городѣ, другая ночевала на „Константинѣ", конвоировавшемъ „Ливадію". Толпа зрителей проходила передъ русскимъ дворцомъ до поздней ночи. Во всѣхъ кафе, ресторанахъ и театрахъ виднѣлись русскіе мундиры, которые привлекали на себя вниманіе публики гораздо больше, чѣмъ сами артисты и сцена. Вездѣ одинъ и тотъ же разговоръ—о томъ радушіи, съ которымъ султанъ принялъ великаго князя и русскій ге-

нералитетъ. Коментаріевъ ходитъ по городу и клубамъ бездна. Я удержался вчера отъ сообщенія подробностей свиданія, такъ какъ хотѣлъ дополнить то, что видѣлъ самъ, разсказами лицъ вполнѣ компетентныхъ. Собравъ эти свѣдѣнія, я тороплюсь передать ихъ вамъ хотя и въ краткомъ видѣ, такъ какъ черезъ два часа отходитъ почта, а ждать слѣдующей надо цѣлыхъ четыре дня.

Султанъ встрѣтилъ великаго князя въ дверяхъ тронной залы въ то время, когда на лѣстницѣ придворные и военные музыканты играли «Боже, Царя храни». Взявъ за руку великаго князя, султанъ провелъ его на середину салона и представилъ ему поочередно всѣхъ турецкихъ сановниковъ Ахмедъ Вефикъ-паша служилъ переводчикомъ. Затѣмъ, великій князь, въ свою очередь, отрекомендовалъ султану почти всю свою свиту. Султанъ очень привѣтливо улыбался и часто прерывалъ представленіе замѣчаніемъ, что ему очень хорошо извѣстно имя «этого храбраго генерала». Когда представленіе окончилось и начались взаимныя рекомендаціи обѣихъ свитъ, султанъ предложилъ великому князю пройдти въ слѣдующій салонъ, гдѣ, въ сопровожденіи двухъ драгомановъ, турецкаго и г. Ону, великій князь и Гамидъ пробыли около 20 минутъ. Нашъ главнокомандующій первый началъ рѣчь; онъ сказалъ, что надѣется на скорое установленіе самыхъ дружественныхъ отношеній между Россіей и Турціей, и что онъ увѣренъ, что падишахъ употребитъ всѣ старанія совмѣстно съ Россіей уничтожить тѣ затрудненія къ полному миру, которыя ставятъ нѣкоторыя иностранныя державы. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ было прямо упомянуто слово «Англія». Султанъ отвѣтилъ, что въ этомъ заключается прямой и главный интересъ Турціи. Затѣмъ, султанъ пригласилъ великаго князя отобѣдать у него сегодня же. Великій князь очень любезно отказался отъ этого приглашенія, и парадный обѣдъ былъ отложенъ до среды. Затѣмъ, великій князь и султанъ вышли вновь въ общее зало. Бы-

ли поданы шербетъ, кофе и трубки. При вторичномъ свиданіи въ Бейлербеѣ ничего, кромѣ общихъ любезностей, говорено не было. Сегодня утромъ великій князь снова посѣтилъ принца Рейсса, заѣхалъ въ русское посольство и отправился осматривать знаменитыя конюшни султана, гдѣ стоитъ нѣсколько десятковъ чистокровныхъ арабскихъ коней. Оттуда, въ сопровожденіи 12 человѣкъ свиты, нашъ главнокомандующій поѣхалъ въ Гильдизъ-Кіоскъ, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ на 98 персонъ. Когда султанъ выразилъ свою признательность Государю Императору за освобожденіе Османа-паши, великій князь намекнулъ на положеніе русскихъ плѣнныхъ въ Турціи. Гамидъ нѣсколько сконфузился, и тотчасъ обратился къ своему адъютанту съ приказаніемъ отпустить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ. Это единственный интересный пассажъ въ теченіи сегодняшняго свиданія. Я говорю это въ виду множества слуховъ о разговорѣ великаго князя съ султаномъ, которые ходятъ по городу и, конечно, не замедлятъ попасть въ иностранную печать. Изъ дворца великій князь опять отправился на ночлегъ на «Ливадію». Завтра онъ намѣренъ снова посѣтить Перу и въ 2 часа къ обѣду возвратиться въ Санъ-Стефано. Великій князь отказался за себя и свиту отъ помѣщенія въ Бейлербеѣ. Мотивы отказа истолковываются различно. Въ дополненіе къ тому, что я писалъ по этому поводу вчера, прибавлю лишь, что во время пріѣзда въ Константинополь австрійскаго императора Франца-Іосифа, ему было предложено помѣститься въ Долма-Бахче. Здѣшнее христіанское населеніе видитъ въ посѣщеніи великимъ княземъ Константинополя конецъ дѣйствительному владычеству турокъ въ Европѣ. Отнынѣ власть послѣднихъ, говорятъ они, остается лишь фиктивной. Турки крайне заинтересованы тѣмъ обстоятельствомъ, что великій князь отказался отъ обозрѣнія достопримѣчательностей столицы, но поѣхалъ на гробницу Абдулъ-Азиса. Они никакъ не могутъ понять цѣли этой поѣздки. Между тѣмъ

дѣло объясняется очень просто: лѣтъ шесть тому назадъ, великій князь былъ въ Константинополѣ проѣздомъ въ Іерусалимъ. Абдулъ-Азисъ принялъ его такъ гостепріимно и любезно, что великій князь до сихъ поръ сохранилъ хорошее воспоминаніе о покойномъ султанѣ и хотѣлъ почтить его память.

VIII.

Статистика.—Умыселъ Порты.—Поѣздка въ Измидъ.—Англійскія вооруженія. — Нелидовъ.—Арестованные болгары.— Поѣздка на Принцевы острова.—Описаніе ихъ.

Константинополь, 17-го (29-го) марта.

ПОДЪ вліяніемъ тучъ, скопившихся на русско-англійскомъ горизонтѣ, все мусульманское, власть имѣющее, притаилось, молчитъ и ждетъ. Оно выслушиваетъ требованія русскихъ о приведеніи въ исполненіе заключеннаго трактата съ внѣшней предупредительностью, но, очевидно, поставило себѣ принципомъ пальцемъ о палецъ не ударить до тѣхъ поръ, пока нависшая гроза не разразится желаннымъ громомъ или яснымъ солнцемъ весенняго перемѣнчиваго или непостояннаго дня. Самъ премьеръ Вефикъ-паша подалъ примѣръ игры въ молчокъ. Онъ заперся у себя въ конакѣ, объявилъ въ газетахъ, что боленъ, не ѣздитъ въ Высокую Порту и не принимаетъ никого, по-крайней-мѣрѣ съ парадимго крыльца. Министръ финансовъ Мехмедъ-Муниръ-бей, представившій султану весьма нескромный отчетъ о турецкихъ капиталахъ,—отчетъ, разработанный весьма тщательно и даже научно, принужденъ подать въ отставку. На мѣсто его прочатъ одного изъ чиновниковъ министерства, который будетъ простой турецкой фирмой, прикрывающей англійское внутреннее содержаніе. Савфетъ-паша заваленъ бумагами, и, въ свою очередь, заваливаетъ ими

дипломатическую канцелярію нашей главной квартиры. Турки, до сихъ поръ незанимавшіеся статистикой, теперь преусердно высчитываютъ количество буйволовъ, воловъ, козъ и овецъ, взятыхъ русскими войсками у мусульманскихъ жителей занятой нами Европейской Турціи. Савфетъ-паша передаетъ эту статистику г. Нелидову, г. Нелидовъ г. Дарагану, г. Дараганъ генералу Непокойчицкому, генер. Непокойчицкій подлежащему дивизіонному генералу, а отъ послѣдняго бумаги идутъ къ полковымъ и ротнымъ командирамъ. Производятся надлежащія дознанія и слѣдствія, а «оказавшееся по онымъ» шлется назадъ въ обратномъ порядкѣ... Такихъ бумагъ масса; всѣ, отъ Савфетъ-паши до ротнаго командира, заняты по горло, и нѣтъ сомнѣнія, что эти документы предстанутъ, въ случаѣ надобности, на судъ Европы, якобы неопровержимыя оффиціальныя доказательства жестокости русскихъ по отношенію къ мусульманамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ османлисъ, у котораго взято нѣсколько козъ нашими войсками—пострадалъ; но, имѣя въ виду, что будущая Болгарія уже уплатила туркамъ за каждую овцу головой своего собрата, я бы, на мѣстѣ г. Ону, завѣдующаго русской дипломатіей въ Константинополѣ, посовѣтывалъ Савфету бросить утомительную для всѣхъ статистику. Въ бюро «de la presse» идетъ гигантская работа. Усиленный штатъ чиновниковъ съ утра до вечера переводитъ изъ иностранныхъ газетъ все, что говорится противъ славянъ и Россіи. Въ другой канцеляріи переводы переписываются въ нѣсколькихъ экземплярахъ на-чисто и разсылаются турецкимъ сановникамъ, отъ султана включительно. Броненосцы уходятъ изъ Босфора и Мраморнаго моря, другіе втягиваются въ Золотой Рогъ, якобы для починки. Войска посылаются все въ прежнемъ направленіи: на западъ—въ Галлиполи и Македонію, на востокъ по Босфору, на югъ—въ Азіятскую Турцію. Турки убѣждены, что въ случаѣ войны, англичане поспѣютъ первые занять Константинополь и тогда отсутствіе здѣсь

войскъ дастъ возможность Портѣ розыграть роль угнетенной добродѣтели—«взяли, дескать, потому, что намъ бѣднымъ нечѣмъ было защищаться!» На Босфорѣ русскіе могутъ подойдти раньше британцевъ; но они встрѣтятъ тамъ турецкія войска. Начнутся переговоры. «Пустите!» будутъ просить Высокую Порту. «Сейчасъ, сейчасъ!» отвѣтитъ она; а тѣмъ временемъ англичане пододвинутся, турецкія войска выступятъ; и британцы очутятся на берегу... Опять скажутъ—«къ несчастью всѣ наши мониторы или чинятся, или ушли отсюда, нечѣмъ было оградить Босфоръ!» Изъ этого можно заключить, что теперь настало время политики самое подходящее къ турецкому характеру: дѣлать ничего ненужно, а для обмана самое широчайшее поле дѣятельности. А. И. Нелидовъ настаиваетъ на скорѣйшемъ образованіи двухъ комиссій—для опредѣленія границъ будущаго княжества и обсужденія участи бѣглецовъ, желающихъ возвратиться въ Болгарію. Турки отвѣчаютъ изысканной любезностью, но не предпринимаютъ ничего для исполненія. Наша дипломатія очень хорошо понимаетъ причину турецкаго нерасположенія къ работѣ и сознаетъ невозможность приступить теперь къ какимъ-нибудь понудительнымъ мѣрамъ. Это придаетъ Портѣ нѣкоторую храбрость — такъ, недавнее распоряженіе о роспускѣ мустегафиза теперь отмѣнено, и мустегафизъ, посланный уже въ въ Малую Азію, остается тамъ готовымъ войскомъ, силой тысячъ въ сорокъ. При такой апатіи неудивительно, что центръ тяжести всего интереса переносится изъ Константинополя и Санъ-Стефано въ Измидскій заливъ.

Англійскій флотъ какъ бы сознаетъ, что всѣ взгляды устремлены на него. Прежде пароходы, идущіе въ Санъ-Стефано, были полны, теперь—плавающіе къ Измиду. Четыре часа съ разными остановками, и мы останавливаемся у пристани. То, что сзади, на землѣ—то никого не интересуетъ. Впереди, на среднемъ для глаза раз-

стоянiи, не колыхнутся, стоятъ мониторы, стимеры, пароходики и барки. Идетъ ученье. Масса паровыхъ мушей отдѣляется отъ монитора, летитъ къ одной черной точкѣ, прiостанавливается, и черная точка въ одно мгновенiе взлетаетъ на воздухъ съ огромнымъ столбомъ воды... Это ученье миноносной команды. Не успѣла успокоиться голубая вода неповиннаго моря, какъ такой же рядъ мушей несется въ другую сторону; съ низенькихъ бортовъ грянулись въ волны десятки водолазовъ... Еще нѣсколько минутъ, четверть часа, и муши бѣгутъ назадъ; у монитора они вытаскиваютъ водолазовъ и за ними кучу добычи. Это практика торпедоловителей. Ихъ здѣсь цѣлая команда, какъ говорятъ компетентные люди, отлично вымуштрованная и способная на чудеса. Взвился цѣлый потокъ бѣлой пучины сзади громаднаго броненосца; онъ быстро несется на встрѣчу другому; что-то закипѣло, и раздался громъ холостыхъ выстрѣловъ; на палубу предполагаемой жертвы вытащены пущенные въ него торпеды: ни одного не потеряли, всѣ захвачены на дорогѣ, ни одинъ не взорвало. Простоявъ часа два на берегу, прокачавшись часа два на каикѣ близь черты круга, гдѣ происходитъ ученье, я возвращаюсь назадъ и все еще слышу глухой раскатъ пушечныхъ залповъ. Ученье происходитъ каждый день: то миноносцы, то ловители торпедъ, то артиллерiя, то, наконецъ, 8-митысячный дессантъ скачетъ въ лодки, какъ бы собираясь высадиться на берегъ. Мнѣ приходитъ на мысль спросить—много ли тутъ, отъ Буюкли до Скутари, турецкаго войска? «Нѣтъ ни одного солдата», отвѣчаютъ мнѣ. Ну, заключаю я, путь англичанъ и здѣсь свободный—не по той сторонѣ Босфора, такъ пойдутъ по этой — даже выбрать могутъ. Припомнилось, что во время поѣздки въ Буюкдере меня удивило скопленiе пушекъ и батарей на мало-азiятскомъ берегу проливовъ. Теперь, быть можетъ, и легко отгадать причину такого преимущественнаго вооруженiя. Англичане распоряжаются здѣсь гораздо безцеремоннѣе, чѣмъ настоя-

щіе побѣдители Турціи. Такъ, дня два тому назадъ, вице-адмиралъ британской эскадры на военномъ фрегатѣ отправился въ Галлиполи, присталъ къ берегу, ходилъ по всѣмъ укрѣпленіямъ, выбралъ помѣщеніе для англійской телеграфной станціи, ревизовалъ работы своихъ соотечественниковъ по проложенію кабеля между Галлиполи и Тенедосомъ, потомъ поѣхалъ на островъ, тамъ подписалъ контрактъ по найму 12 барокъ для разгрузки ожидаемыхъ на Тенедосѣ англійскихъ кораблей съ военнымъ матеріаломъ, и преспокойно вернулся назадъ. Мониторы ходятъ безпрепятственно по Дарданелламъ; имъ не только не препятствуютъ, но даже съ Булаира салютуютъ—это фактъ. Большая часть безикской эскадры англичанъ перебралась въ Сароскій заливъ и тамъ производитъ ученье. Мнѣ пишутъ оттуда, что съ этимъ флотомъ прибыло до 5 тысячъ дессантныхъ войскъ, и что они предназнаются къ высадкѣ въ Плаярѣ...

Въ ожиданіи разрѣшенія сераскеріата на мой визитъ въ дарданелльскія укрѣпленія, перехожу къ мирнымъ вопросамъ. Я познакомился сегодня съ А. И. Нелидовымъ, начальникомъ дипломатической канцеляріи въ Санъ-Стефано. Уважаемый дипломатъ съ любезной предупредительностью передалъ мнѣ интересныя свѣдѣнія, проливающія нѣкоторый свѣтъ на совсѣмъ потемнѣвшее будущее Болгаріи. Князь Дондуковъ-Корсаковъ проживаетъ теперь въ С.-Петербургѣ, для опредѣленія подробностей той программы управленія Болгаріей, которая уже выработана и окончательно утверждена въ общихъ чергахъ. Внѣшнія политическія затрудненія только отодвинули исполненіе ея на неопредѣленное время. Болгарія, по словамъ г. Нелидова, будетъ пользоваться самымъ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, которое предположено по возможности больше изъять изъ власти и вліянія русскихъ и общихъ центральныхъ учрежденій.

Вопросъ о возвращеніи мусульманскихъ бѣглецовъ по-

ставленъ теперь весьма правильно, благодаря инициативѣ г. Нелидова. Смѣшанная русско-турецкая комиссія должна собрать свѣдѣнія о количествѣ находящихся въ Европейской Турціи выходцевъ изъ Болгаріи, о бывшемъ ихъ мѣстожительствѣ, занятии и пр. Сообразно съ этими данными будетъ произведено изслѣдованіе на указанныхъ эмигрантами мѣстахъ въ Болгаріи, и тогда въ главной квартирѣ окончательно рѣшится вопросъ, кто изъ бѣглецовъ можетъ возвратиться и на какихъ условіяхъ обезпеченія ихъ въ Болгаріи. Нельзя не признать, что такая осторожность въ столь важномъ дѣлѣ далеко не лишняя. При неустройствѣ болгарскаго общественнаго быта, при неуспокоившемся броженіи національныхъ чувствъ населенія будущаго княжества, было бы и опасно, и не выгодно для обѣихъ сторонъ возвращеніе голодныхъ и обнищалыхъ мусульманъ безъ достаточной подготовки условій ихъ быта и обезпеченія. Благоразумнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса Болгарія обязана мысли и трудамъ г. Нелидова. Что касается до сосланныхъ болгаръ, то г. Ону освѣдомляется объ ихъ участи въ Высокой Портѣ чуть не ежедневно. Турецкое правительство увѣряетъ, что оно уже разослало надлежащимъ властямъ въ Малой Азіи циркулярное предложеніе освободить всѣхъ сосланныхъ и заключенныхъ болгаръ. То же самое сказалъ мнѣ маленькій, нервный Савфетъ-паша, когда я отрекомендовался ему въ качествѣ единственнаго въ Константинополѣ представителя русской печати. Не смѣю сказать, что турки лгутъ и въ данномъ случаѣ, но не могу также и разрѣшить вопроса, отчего же изъ здѣшнихъ тюрьмъ выпущено только 26 болгаръ-арестантовъ, а остальные 475 продолжаютъ сидѣть въ заключеніи почти безъ хлѣба и воды, не говоря уже о другой пищѣ? Впрочемъ, десятки болгаръ, сосланныхъ и добровольныхъ выходцевъ изъ княжества, ежедневно являются къ г. Нелидову, и онъ помогаетъ имъ по мѣрѣ возможности, давая имъ средства пробраться на ихъ освобожденную родину. Средствъ на такую

помощь, по словамъ г. Нелидова, очень недостаточно, и вся надежда на поступленіе новыхъ русскихъ пожертвованій. Я, впрочемъ, не имѣю достаточно гражданской храбрости, чтобы вызывать таковыя.

Къ этимъ свѣдѣніямъ о Болгаріи, почерпнутымъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, присоединяю другія, частныя. Нѣкоторые изъ интеллигентныхъ болгаръ питаютъ большія и искреннія надежды на результатъ учредительнаго народнаго собранія въ Филиппополѣ. Они полагаютъ, что на этой скупщинѣ будетъ выработана цѣлая политическая программа будущаго устройства княжества, основанная на самыхъ либеральныхъ западно-европейскихъ началахъ, что народъ откажется отъ выбора иностраннаго князя и обратится къ русскому Императору съ просьбой принять въ лоно русскаго государства Болгарію на тѣхъ началахъ, которыя связываютъ Финляндію съ Россіей. Г. Каравеловъ, извѣстный болгарскій писатель и редакторъ болгарскаго журнала «Знаніе», издававшагося въ Бухарестѣ, теперь хлопочетъ о полученіи разрѣшенія издавать новую газету въ Филиппополѣ.

Я много толковалъ съ интеллигенціей Болгаріи. Всѣ они, кажется раздѣляютъ мнѣніе, что ни одна семья славянской народности такъ близко и тѣсно не связана съ интересами Россіи, какъ Болгарія. Многіе даже увѣряютъ, что эта связь на столько тѣсна, что Болгарія, какъ самостоятельное княжество—немыслима.

Благодаря нашему климату, дающему возможность продолжать земельныя и горныя работы почти круглый годъ, мы, говорятъ болгары, можемъ скоро обогнать въ матеріальномъ развитіи Россію; съ матеріальнымъ же обезпеченіемъ идетъ рука объ руку интеллектуальное развитіе... Прежде русское славянство было принуждено двигаться на сѣверъ, теперь наступаетъ время для обратнаго пути...

Принцевы острова, 18-го марта.

Принкипо—такъ называется наибольшій и богатѣйшій островъ изъ группы Принцевыхъ острововъ, получившихъ столь широкую извѣстность, благодаря англійскому флоту. Надо сознаться, что мы, русскіе, не особенно любопытны, чему служитъ доказательствомъ, что многіе наши офицеры до сихъ поръ ѣздятъ изъ С.-Стефано на Принкипо съ цѣлью посмотрѣть на британскіе броненосцы, тогда какъ они уже болѣе мѣсяца ушли отсюда въ Измидскій мѣшокъ, почти за 100 верстъ отъ острововъ. Понятно, что за 100 верстъ ничего не увидишь, и любознательные полковники и бригадные командиры на самой верхушкѣ бывшихъ вулкановъ убѣждаются, наконецъ, что тутъ никакихъ броненосцевъ нѣтъ. Принцевы острова имѣютъ лишь прошлое и вѣроятное будущее военное значеніе. Въ виду этого я и рѣшился предпринять поѣздку на нихъ и познакомить читателя, помощію краткаго описанія, съ содержимымъ того имени, которое такъ часто повторялось въ политическомъ и военномъ отдѣлѣ европейской литературы за послѣднее время.

Босфорскій проливъ какъ бы устаетъ подъ конецъ отъ теченія въ узкихъ рамкахъ высокихъ горъ и холмовъ своихъ береговъ и сразу расширяется въ Мраморное море. Берега его вдругъ раздаются въ разныя стороны и исчезаютъ въ голубомъ туманѣ. Направо поворачиваетъ, почти подъ прямымъ угломъ, Стамбулъ; за нимъ виднѣется еще одинъ зеленый мысъ, за которымъ новый поворотъ, гдѣ стоитъ незримый С.-Стефано. Налѣво виднѣются скутарійскія казармы, селеніе Гайдаръ-Паша и опять крутой поворотъ на югъ съ зеленѣющими рощами маслинъ на покатомъ берегу. Это преддверіе Измидскаго залива. Тутъ на горизонтѣ ясно обозначаются нѣсколько сливающихся въ общую массу вулканическихъ возвышенностей Принцевыхъ острововъ. Черезъ часъ ѣзды на пароходѣ, глазъ уже ясно отличаетъ рядъ этихъ острововъ, тянущихся по прямой линіи на югъ.

Первый островъ самый незначительный, состоящій изъ груды камней и жиденькой рощицы, которая, очевидно, искусственно привита къ этимъ голымъ скаламъ. Путешественники обыкновенно не обращаютъ никакого вниманія на этотъ непривлекательный островокъ. Между тѣмъ, очень вѣроятно, что въ недалекомъ будущемъ этому островку предстоитъ немаловажная политическая роль. Лордъ Бульверъ, бывшій британскимъ посломъ въ Константинополѣ, предшественникъ сэра Эллiота, купилъ этотъ островокъ у турецкаго правительства въ исключительную собственность англійскаго посольства. Какъ разсказываютъ, Россія тогда же протестовала противъ этой сдѣлки, но британецъ успокоилъ дипломатовъ, выстроивъ на островѣ роскошную дачу, удобривъ каменистую почву фунтами стерлинговъ и разведя на этомъ удобреніи тощенькій паркъ и рощу. Островъ получилъ оффиціальное названіе «лорда Бульвера». Въ тотъ періодъ колебаній политики Порты, когда вѣсы склонялись въ нашу сторону, кто-то возбудилъ вопросъ: удобно ли дозволять иностранному посольству имѣть двѣ дачи, и отчего британскіе уполномоченные никогда не живутъ на Бульверѣ, гдѣ есть такой удобный и хорошій дворецъ? Эллiотъ не любилъ мелочныхъ затрудненій, и, вмѣсто отвѣта, сжегъ необитаемый дворецъ на Бульверѣ. Съ тѣхъ поръ на британскомъ островѣ живетъ лишь одно англійское семейство, обязанное сторожить развалины и не дозволять никому селиться на островѣ. Когда, наконецъ, прибыли сюда англійскіе броненосцы, они тотчасъ обратили вниманіе на свою забытую національную собственность. Англичане намѣревались устроить на островѣ военный и провіантскій склады своей эскадры, придавъ Бульверу подлежащее береговое укрѣпленіе. Сдѣланныя изысканія, однако, показали непрактичность плана: на островѣ нѣтъ удобнаго мѣста для большихъ построекъ, а кругомъ его каменистое дно и ни одной бухты даже для маленькихъ лодокъ. Тѣмъ не менѣе, англичане, на всякій случай, опредѣлили

мѣсто для казармъ и погребовъ и обозначили ихъ маленькими каменными столбиками. Много толковали о причинахъ отплытія броненосцевъ изъ водъ Принцевыхъ острововъ; очень вѣроятно, что одной изъ этихъ причинъ было разочарованіе островомъ Бульверомъ. Въ 20-ти минутахъ ѣзды отъ Бульвера другой островъ—Антигони, далѣе третій—Хальки и, наконецъ, четвертый—Принкипо. Отсюда виднѣется еще пятый необитаемый островъ — Платео. Населеніе всѣхъ трехъ обитаемыхъ острововъ исключительно греческое. Сюда съѣзжаются лѣтомъ на дачи всѣ тузы греческой коммерціи и интеллигенціи. На Принкипо съиздавна существуетъ греческій комитетъ панэллинистовъ, который имѣетъ значительный основной капиталъ. Онъ посылаетъ на свой счетъ здѣшнюю греческую молодежь въ аѳинскія школы и университетъ. На Хальки есть обширное греческое учебное заведеніе, гдѣ учится до 300 мальчиковъ. Профессора этой коллегіи исключительно воспитанники греческаго университета. Въ коллегіи преподаются, между прочимъ, военныя науки и искусства, и немалое количество кончившихъ въ ней курсъ служитъ въ рядахъ греческой арміи. Англичане были приняты здѣсь съ полнѣйшимъ гостепріимствомъ. Мѣстные богачи устраивали на балконахъ своихъ палаццо сторожевые посты, и чуть, бывало, завидятъ, что отъ броненосцевъ отдѣляется желтенькая лодочка съ офицерами, какъ къ пристани уже летятъ коляски, скачутъ верховые ослы, чтобы принять гостей. Подъ вліяніемъ грознаго флота, національное чувство быстро разогрѣвалось до задушевныхъ тостовъ за здоровье Великобританіи, будущей Византійской имперіи и т. д. На улицахъ устраивались серенады и въ одну урну складывались пожертвованія стерлингами и драхмами въ пользу греческаго возстанія въ Македоніи. Турецкіе заптіи никогда не были особенно страшны для греческихъ богачей, въ присутствіи же британскихъ 25-ти тонныхъ пушекъ они теряли всякое значеніе. Мелкій людъ вторилъ увлеченію бри-

танцами своихъ старшихъ собратій: до сихъ поръ сохранились почти на всѣхъ лавкахъ, магазинахъ и ресторанахъ придаточныя вывѣски на англійскомъ языкѣ. Британцы отплыли отъ острововъ, но не забыли ихъ гостепріимства. И теперь ежедневно можно встрѣтить на Хальки и Принкипо двухъ—трехъ англійскихъ офицеровъ, прогуливающихся подъ руку съ усатыми и неуклюжими греческими банкирами. На южномъ берегу Принкипо, среди зелени, рѣзко выдѣляются два мраморныхъ монумента, тщательно окруженныхъ каменной оградой и обложенныхъ дерномъ. Это могилы двухъ матросовъ съ англійскихъ броненосцевъ. Монументы и могилы устроены тоже на счетъ грековъ.

Островъ Хальки получилъ свое названіе отъ извѣстныхъ на немъ еще съ древнихъ временъ мѣдныхъ рудъ (khalcitis). Число жителей на немъ не превышаетъ 3-хъ или 4-хъ тысячъ. Главное значеніе придаютъ этому острову находящіеся на немъ три богатѣйшихъ греческихъ монастыря, съ великолѣпными библіотеками и собраніемъ древнихъ рукописей. Часть послѣднихъ, какъ говорятъ, секретно отослана въ даръ новому аѳинскому музею. Городокъ, расположенный на восточномъ скатѣ острова, не великъ и грязенъ, съ узкими улицами, деревянными домами. На Принкипо есть два города: Принкипъ на сѣверѣ и Villa-Giacomo на западѣ. Оба города вмѣщаютъ до 16 или 20 тысячъ жителей. Здѣсь пять греческихъ монастырей, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ св. Георгія, съ больницей для душевно больныхъ; онъ помѣщается на самой высокой изъ двухъ вершинъ острова. Населеніе здѣсь занимается по преимуществу земледѣліемъ и садоводствомъ, чему вполнѣ благопріятствуетъ рыхлая вулканическая почва этого острова. На Платео живетъ лишь нѣсколько семействъ кроатовъ, занимающихся разработкой извести; на прочихъ шести островахъ, какъ я уже сказалъ, нѣтъ никакихъ селеній, но есть греческіе незначительные монастыри, отчего вся группа острововъ слыветъ между турками подъ названіемъ

«Попасъ адасси», т. е. «Острова священниковъ». Въ военномъ отношеніи эти острова могли бы пригодиться лишь для насъ—для загражденія выхода британскаго флота изъ Измидскаго залива. Для англичанъ они могутъ служить лишь складочнымъ пунктомъ и спокойнымъ мѣстомъ стоянки для транспортныхъ кораблей. Нѣтъ сомнѣнія, что эту именно роль и придется исполнить Принцевымъ островамъ теперь или черезъ нѣсколько лѣтъ, если восточному вопросу суждено еще «дозрѣвать». Для художника трудно найдти болѣе живописные виды и большаго разнообразія красокъ какъ весь видимый горизонтъ съ зеленыхъ верхушекъ острововъ. Тутъ есть все: вдали—снѣжныя горы Азіи, кругомъ—голубое море, около—зеленѣющіе острова и какъ разъ внизу, по склóну—пестрые оригинальные костюмы грековъ.

IX.

Измидскій заливъ.—Малоазіятскій берегъ.—Черкесы и благоволеніе къ нимъ англичанъ.—Англійскіе поставщики и броненосцы.—Я выдаю себя за иностранца и посѣщаю броненосецъ; обстановка его.—Наши иллюзіи.—Открытіе, что я русскій.—Какъ смотрятъ англійскіе моряки на насъ.—Раздача хлѣба черкесамъ.—Герцогъ Эдинбургскій о возстановленіи Арменіи.—Болгарская депутація.—Подарки султана великому князю.—Депутаціи къ Лэйярду и султану.—Графъ Зичи.

Измидъ, 20-го марта (1-го апрѣля).

НА 95 верстъ вглубь Малой Азіи тянется Измидскій заливъ съ гористыми берегами. Вдали, за сизымъ туманомъ виднѣются снѣговыя вершины; за ними идетъ рядъ другихъ, все ниже и ниже, вплоть до самаго моря. Кое-гдѣ какъ бы изъ разщелинъ великановъ-скалъ выглядываетъ городокъ, село или деревня; бѣлые домики тонутъ въ роскошной зелени садовъ, маслинъ и кипарисовъ, спрятавшихся отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ за высокими голыми и непривѣтливыми каменными исполинами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берегъ врывается въ голубыя воды залива тонкой, длинной низменной полосой — тутъ опять сады, виноградники, дачи или деревни. Волны неспокойнаго Мраморнаго моря становятся все меньше и добрѣе, чѣмъ глубже ѣдешь въ заливъ. Желѣзная дорога, построенная по восточному берегу залива, соединяющая Измидъ съ Гайдаръ-Пашей, на разстояніи

92 километровъ, идетъ по самому берегу, разрѣзывая скалы, поднимаясь въ гору, спускаясь и дѣлая крутые повороты надъ самыми голубыми волнами моря. Рядъ дачъ въ европейскомъ вкусѣ, хотя и съ гаремными рѣшетками на окнахъ, тянется на разстояніи десятковъ верстъ отъ Скутари. Далѣе мелькаютъ одна за другой вполнѣ благоустроенныя фермы, богатыя армянскія деревни съ двухъ- и трехъ-этажными домами. На разстояніи 30 верстъ не видно ни одного клочка необработанной земли. Пшеница и рисъ уже выросли на цѣлый вершокъ; виноградъ уже вскопанъ, вишня и миндаль въ цвѣту; цвѣточки мирты разносятъ по всѣмъ полямъ и горамъ самый нѣжный медовый ароматъ. Поѣздъ идетъ со скоростью 25 верстъ въ часъ. Нѣсколько остановокъ, и мы уже теряемъ изъ вида Принцевы острова; заливъ съуживается и вновь расширяется возлѣ Пендика. Здѣсь обыкновенно производятся маневры англійскаго флота. Теперь тутъ стоитъ лишь одинъ сторожевой фрегатъ. Мѣстность измѣнилась; даже и селенія исчезли; кругомъ горы, поросшія невысокимъ колючимъ кустарникомъ. Еще верстъ 20, и начались «современные турецкіе поселки»: это шалаши, русскія и турецкія палатки, землянки и просто опрокинутыя телѣги, подъ которыми живутъ бѣглецы. Одинъ Богъ вѣдаетъ, зачѣмъ поселили ихъ здѣсь, гдѣ нѣтъ ни одного вершка земли, на которомъ можно было бы заняться земледѣліемъ. Старый знакомый видъ: голыя дѣти, исхудалыя лица взрослыхъ, лохмотья и грязь. Слава Богу, поѣздъ круто повернулъ въ глубокое ущелье, и картина безъисходнаго человѣческаго горя исчезла, но, увы, лишь на нѣсколько минутъ. Чрезъ нѣсколько верстъ опять землянки и палатки. Населеніе молча, словно вопросительно, смотритъ на насъ проѣзжающихъ. Поѣздъ большой, длинный: онъ везетъ душъ 300, и только изъ окна нашего купе, гдѣ ѣдемъ только мы, двое русскихъ, вылетаетъ помощь несчастнымъ. Станціи за двѣ до Измида мой сотоварищъ по путешествію, артиллеристъ

А. В. К., первый замѣтилъ высокія мачты британскихъ броненосцевъ. Тутъ заливъ съуживается въ небольшую полосу воды и передъ самымъ городомъ раздвигается въ широкій мѣшокъ. Тамъ-то и стоятъ морскія чудовища. Поѣздъ сдѣлалъ еще два-три крутыхъ поворота, и мы на берегу мѣшка. Высоко въ гору отъ самаго моря подымаются характерныя восточныя постройки, расположенныя безъ всякаго порядка. Изъ вагоновъ выходитъ сотня черкесовъ-абхазцевъ; оборванные, тщедушные, но въ полномъ вооруженіи. Они останавливаются при видѣ насъ и тотчасъ безцеремонно начинаютъ просить милостыню. На всѣхъ улицахъ и на базарѣ бродитъ цѣлая толпа этихъ кавказскихъ отщепенцевъ, безъ всякой работы и занятія. Они получаютъ отъ турецкаго правительства по бумажному піастру въ день, получаютъ помощь и отъ адмирала Горнби, воруютъ, что лежитъ плохо, грабятъ по окрестностямъ и въ городѣ. Въ Измидѣ ихъ держатъ до 7 тысячъ. Греческое населеніе городка стонетъ отъ присутствія такихъ постояльцевъ, но всѣ жалобы и хлопоты въ Стамбулѣ остаются безъ послѣдствій: эти черкесы нужны адмиралу, для какой цѣли—не знаю. Горнби предложилъ Портѣ переселить сюда этихъ молодцовъ и не позволяетъ ихъ убрать изъ Измида. Благосклонность англичанъ къ черкесамъ доходитъ до того, что адмиралъ запретилъ наказывать трехъ черкесовъ, ограбившихъ двухъ британскихъ офицеровъ эскадры, охотившихся около Измида. Эти разбойники преспокойно разгуливаютъ по городу и продаютъ самимъ же англичанамъ награбленныя вещи. Прибрежная часть города полна англійскими вывѣсками, украшенными британскимъ гербомъ и британскимъ девизомъ. Въ Измидѣ не знаютъ другого счета денегъ какъ на фунты, шилинги и пенсы; но англичане, очевидно, практичнѣе насъ—здѣсь нѣтъ тѣхъ безобразныхъ цѣнъ, какъ въ С.-Стефано: три англійскихъ транспортныхъ судна нѣсколько разъ въ недѣлю ѣздятъ за покуп-

ками въ Константинополь и снабжаютъ броненосцы. Послѣдніе имѣютъ съ собой запасъ провизіи и воды на 6 мѣсяцевъ, но во время стоянки въ Измидѣ не прикасаются къ нему. Греки, армяне и турки служатъ поставщиками эскадры; одинъ изъ нихъ имѣетъ надъ своей лавкой громадную вывѣску: „поставщикъ-комиссіонеръ британскаго флота“. Брать подряды для русской арміи многіе стѣсняются, а для англичанъ все дѣлается открыто безъ всякой опаски и лишняго процента за рискъ. Одного изъ такихъ поставщиковъ мы взяли своимъ чичероне, усѣлись въ лодочку и поѣхали къ броненосцамъ.

Четыре чудовища стоятъ очень близко другъ къ другу, образуя косой четвероугольникъ. Чудовища эти зовутся: «Александръ», «Султанъ», «Темереръ» и „Ахиллесъ“. Кромѣ ихъ тутъ же покачиваются два военныхъ парохода, одинъ съ тараномъ. У всѣхъ изъ трубъ вьется тоненькой струйкой дымъ и паръ; на палубѣ разгуливаютъ артиллеристы въ красныхъ мундирахъ, пѣхотинцы въ синихъ и моряки въ черныхъ курткахъ. На вахтѣ офицеръ съ зрительной трубой; на мачтахъ сторожевые посты матросовъ. «Темереръ» уже выкрашенъ въ сѣрую краску подъ цвѣтъ волнъ; «Александра» скоблятъ со всѣхъ сторонъ, стирая черную краску; его будутъ красить на этихъ дняхъ тоже въ сѣрый цвѣтъ. Это соблюденіе морской предосторожности—чтобъ не быть замѣтнымъ среди волнъ издалека. Мы направились на адмиральскій мониторъ, гдѣ Горнби живетъ съ своей женой, недавно пріѣхавшей сюда изъ Англіи. Адмиральскій броненосецъ—«Александръ» самый новый и образцовый по конструкціи. По калибру пушекъ онъ въ Измидѣ второй—«Темереръ» сильнѣе его. За то «Александръ» ходитъ быстрѣе всѣхъ прочихъ, онъ обладаетъ машиной въ 8 тысячъ силъ и можетъ дѣлать въ часъ 18 миль; слѣдовательно, не болѣе какъ черезъ четыре часа по полученіи телеграммы онъ можетъ уже показаться предъ Царьградомъ, тогда какъ для

русской арміи чтобъ подойдти къ стѣнамъ Стамбула надо не менѣе 5 часовъ, съ момента тревоги. Мы очень хорошо понимали, что назваться здѣсь русскими, значитъ лишиться удовольствія побывать на броненосцахъ или, по меньшей мѣрѣ, не увидѣть на нихъ многаго. Къ счастью, у меня былъ выходъ безъ лжи изъ этого положенія. Я числюсь сотрудникомъ «Moniteur industriel Belge», и отрекомендовалъ себя въ качествѣ таковаго офицеру, загородившему было намъ лѣстницу. Минуты черезъ двѣ мы получили разрѣшеніе подняться на чудовище; нѣсколько артиллеристовъ и моряковъ вызвались показать намъ все устройство монитора. Описаніе таковыхъ съ технической стороны не дѣло политическаго корреспондента, но броненосцы такъ хороши, что читатели, надѣюсь, простятъ мнѣ нѣсколько строчекъ, посвященныхъ разсказу о томъ, что мнѣ особенно бросилось въ глаза на британскихъ мониторахъ. Пушки въ числѣ 12, всѣ громаднаго 12, 18 и 25 тоннаго калибра, заряжающіяся съ дула. На зарядахъ есть мѣдные выступы, на которыхъ они вкатываются по нарѣзамъ орудій. Пушки расположены такъ, что могутъ стрѣлять прямо впередъ (двѣ 25-тонныя), вбокъ и взадъ (тоже двѣ); онѣ находятся на второй палубѣ и со всѣхъ сторонъ, такъ же какъ и сверху, прикрыты двойной броней четверти въ 1½ толщиной, считая и подкладку брони. Снаряды подаются съ третьей палубы и слѣдуютъ по безконечно двигающейся посредствомъ пара цѣпи, такъ что на зарядъ орудія требуется менѣе 1 минуты. Между второй и чуть-чуть выше первой палубы помѣщается камера командира судна особенно замѣчательнаго устройства. У насъ, какъ извѣстно, на броненосцахъ и поповкахъ, капитанъ находится вверху на совершенно открытомъ мѣстѣ. У англичанъ наоборотъ—камера командира недоступна для непріятельскихъ выстрѣловъ; она — броневой ящикъ, изъ котораго можно смотрѣть кругомъ, управлять судномъ, машиной и стрѣлять изъ всѣхъ пушекъ. Каждое орудіе соединено съ

командорской камерой слуховой трубой, въ которую капитанъ отдаетъ приказаніе о наводкѣ орудія; другой проводъ соединяетъ орудіе съ электрической громадной машиной, приводимой въ движеніе паромъ. У капитана отъ каждаго орудія въ стѣнѣ камеры пуговка; тутъ же колесо отъ пароваго руля и рычаги отъ всѣхъ машинъ. Капитанъ наблюдаетъ во время боя въ окошко, самъ направляетъ руль и рычаги, даетъ судну надлежащій ходъ, наводитъ орудія, а въ данный моментъ прижимаетъ пуговки по выбору—по его выбору стрѣляютъ и пушки. На палубѣ подъ чехлами митральезы, девяти-фунтовыя пушки на колесахъ и съ зарядными ящиками. Палуба со всѣхъ сторонъ обнесена дугообразной броневой стѣнкой, вышиной въ сажень съ небольшимъ, защищающей ее отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. На мачтахъ устроены платформы, куда могутъ быть поставлены и митральезы, и легкія палубныя орудія. Всѣ окна офицерскихъ каютъ, между второй и третьей палубами, приспособлены къ вложенію въ нихъ торпедныхъ трубъ. Тутъ же стоятъ и эти трубы, легко складываемыя въ надлежащую длину, особыя тачки для подвоза минъ къ трубамъ и четыре боковыя каюты—погреба для храненія взрывныхъ рыбокъ. Во всѣ мѣста, откуда можно пускать торпеды, сдѣланы проводы пара. Въ корридорахъ по стѣнкамъ стоятъ тысячи ружей Мартини, штыковъ обыкновенныхъ, штыковъ особенно длинныхъ съ рукоятками, прикрывающими всю руку, на подобіе мечей, 8-ми-ствольныхъ револьверовъ и проч. Ниже на четвертой палубѣ матросскія спальни, бани, столовыя и проч. Машина можетъ быть прикрыта особыми броневыми люками, на которые, во время боя, накладываются всѣ мѣшки съ матросскимъ имуществомъ. На каждомъ броненосцѣ около 850 ч. строевой команды, плотники, столяры, портные и музыканты. Помѣщеніе для всѣхъ чрезвычайно удобное. Комнаты офицеровъ меблированы роскошно. У нихъ есть общая зала, гдѣ столы завалены всевозможными

журналами и газетами. Квартира адмирала не уступитъ дворцовой обстановкѣ. Мы заглядывали въ нее какъ разъ въ то время, когда m-me Горнби играла арію изъ «Лучіи» на превосходномъ роялѣ. У адмирала свой поваръ французъ, кулинарное искусство котораго ежедневно услаждается оркестромъ струнной музыки, играющимъ во время обѣдовъ. Мы пробыли на «Александрѣ» цѣлыхъ два часа, удивляясь чистотѣ, порядку и удобству этого чудовища. Англійскіе офицеры и солдаты самымъ любезнымъ образомъ двигали пушки, открывали чехлы, объяснили все устройство броненосца, а мой компаньонъ, г. К., безцеремонно вымѣрялъ дула орудій и діаметры снарядовъ. Распростившись съ обязательной командой «Александра», мы поѣхали на броненосецъ «Султанъ», который выгружалъ свои запасы, раздѣляя ихъ между другими своими собратьями. Онъ отправляется завтра на Мальту. На мѣсто его ждутъ самаго сильнаго изъ всѣхъ британскихъ броненосцевъ «Devastation», о которомъ, какъ объ образцѣ, упоминается, по словамъ г. К., въ артиллерійскомъ учебномъ курсѣ. Пробило 6 часовъ — время вечерней зари флота. Грянула и отдалась гулкимъ эхомъ по сосѣднимъ горамъ заревая пушка и мы должны были покинуть броненосцы и спѣшить къ берегу. Нужно ли говорить о томъ впечатлѣніи, которое мы вынесли изъ осмотра этихъ морскихъ твердынь...

— Можно ли заградить имъ путь? тихо спрашиваю я своего компаньона.

— Трудненько будетъ, еще тише отвѣчаетъ онъ. Припомнилась мнѣ наша родная иллюзія о заключеніи этихъ броненосцевъ въ Мраморномъ морѣ и взятіи ихъ въ плѣнъ безмолвной осадой. Громадные люки, полные порохомъ, углемъ, бочками и ящиками съ провизіей изъ австрійскаго сушенаго мяса и англійскихъ консервовъ отъ молока до зелени, дали мнѣ понять, какъ мы заблуждались этой пріятной иллюзіей. Даже запертые, эти броненосцы могутъ

чуть не цѣлый годъ кормить свою команду и топить свои печи.

Побывавъ на броненосцахъ, я отправился на телеграфную станцію послать вамъ депешу. Тутъ разоблачилось, что мы русскіе. Надо было видѣть, какой страхъ и ужасъ обуялъ нашего чичероне. Онъ затрясся и поблѣднѣлъ. Ему уже почудилось, что англичане догадались, кто были ихъ гости, и завтра же схватятъ его, нашего маленькаго гида, обвинятъ въ конспираціи и попросту повѣсятъ. Я захохоталъ и напомнилъ трусливому гиду, что Санъ-Стефано полонъ англійскими офицерами и матросами.

— О, это ничего не значитъ! твердитъ чичероне:—англичане не русскіе, у нихъ все просто, безъ церемоніи.

Телеграфный чиновникъ (армянинъ) получаетъ здѣсь особое жалованье отъ Горнби. Онъ тоже съ какимъ то ужасомъ посмотрѣлъ на адресъ моей телеграммы — «Pétérsbourg».

— Московъ, пробормоталъ онъ про себя, и потомъ, оглядѣвъ меня, робко спросилъ:—уже все кончено?

— Нѣтъ, еще не начиналось, отвѣтилъ я ему серьезно.

Ночлегъ, за неимѣніемъ гостинницы, въ семействѣ грековъ.

— Англичане—хорошіе люди; турки и московы—дурные, толкуетъ мнѣ хозяйка на сонъ грядущій.

21-го марта (2-го апрѣля).

До обратнаго поѣзда въ Константинополь еще три часа, и я спѣшу дополнить мое вчерашнее письмо нѣкоторыми свѣдѣніями и наблюденіями ночи и сегодняшняго утра.

Съ наступленіемъ темноты съ бортовъ мониторовъ были спущены 6 паровыхъ миноносокъ, каждая съ 5 человѣками команды при одномъ офицерѣ. Онѣ направились вверхъ по заливу и остановились верстахъ въ пяти отъ мѣста стоянки броненосцевъ. На двухъ миноноскахъ помѣщены гальваническія батареи, и часовъ въ 8 вечера на нихъ зажглись

электрическіе фонари, освѣщая подвижнымъ огнемъ впередъ еще версты на двѣ. Эту предосторожность англичане, очевидно, считаютъ недостаточной. На городской пристани и кругомъ по берегу, облегающему мѣшокъ залива, были разставлены пѣшіе сторожевые посты по два матроса, вооруженныхъ ружьями и револьверами. Броненосцы и фрегаты хотя и заперли на ночь ставни своихъ оконъ, но свѣтъ каютъ достаточно прорывался сквозь щели ставень, чтобъ отличить даже издалека мѣсто стоянки парохода. Къ тому же на «Султанѣ» довольно долго игралъ оркестръ музыки, котораго звуки разносились далеко въ спокойномъ ночномъ воздухѣ. Часа въ 2 ночи съ броненосца «Александръ» отъѣхали двѣ лодочки и тихо, почти безъ всякаго звука, стали подъѣзжать къ сторожевымъ постамъ для провѣрки. Какъ разъ въ это время я стоялъ на берегу, наслаждаясь чудной ночью. Я не слыхалъ и не замѣтилъ, какъ лодочка подплыла къ самой скамейкѣ, на которой я сидѣлъ. Оказалось, что дежурный офицеръ одинъ изъ тѣхъ, которые такъ любезно показывали намъ свой образцовый мониторъ. У меня было сильное желаніе прокатиться завтра на «Султанѣ», до Галлиполи и я обратился къ офицеру за протекціей. Онъ мнѣ откровенно объяснилъ, что «Султану» приказано выѣхать изъ залива, но куда именно долженъ онъ отправиться дальше—извѣстно лишь приказу, лежащему въ запечатанномъ конвертѣ. Разговоръ былъ начатъ, и я воспользовался имъ, чтобъ спросить, противъ кого именно англичане принимаютъ такія ночныя предосторожности?— «Противъ русскихъ», спокойно отвѣтилъ офицеръ; «хотя между нами войны еще нѣтъ, пояснилъ британецъ, но русскіе моряки—сумасшедшіе люди, и ихъ нужно всегда остерегаться, даже и въ самое мирное время».

— Долго ли еще вы будете стоять здѣсь? спрашиваю я.

— Если даже войны не будетъ, то и тогда долго простоимъ;—до тѣхъ поръ, однимъ словомъ, пока русская армія не отодвинется отъ Константинополя.

— Какое же теперь назначеніе вашей эскадры?

— Предупредительное, сэръ. Противъ азіятскаго берега, невдалекѣ отъ Кадикея, стоитъ одинъ изъ нашихъ самыхъ быстрыхъ пароходовъ; съ него въ зрительную трубу можно увидѣть каждаго русскаго солдата, который бы вздумалъ подняться на холмъ въ Макрикею, по направленію къ Константинополю. Другой такой же пароходъ стоитъ въ Босфорѣ, на такомъ мѣстѣ, откуда онъ отлично обозрѣваетъ вершины горъ и тѣ дороги, по которымъ неминуемо должны пройдти русскіе, если они захотятъ занять проливъ. Эти пароходы успѣютъ предупредить насъ скорѣе, чѣмъ чужой телеграфъ; мы тотчасъ двинемся, куда покажетъ надобность—или къ Золотому Рогу, или станемъ вдоль Босфора.

— Ну, а если русскіе не обратятъ на васъ вниманія и будутъ двигаться впередъ?

— Мы будемъ стрѣлять въ нихъ и вообще начнемъ противъ нихъ военныя дѣйствія, не теряя ни одной минуты.

— Какъ такъ, безъ предварительнаго объявленія войны?!

— Мы опредѣлили условія нашего нейтралитета, и нарушеніе ихъ со стороны русскихъ есть фактическое объявленіе войны Англіи...

Утромъ къ одной изъ береговыхъ лавочекъ поставщика флота собралась масса черкесовъ. Явились трое англійскихъ матросовъ и два офицера и началась раздача хлѣба и сушенаго мяса нашимъ недавнимъ соотчичамъ абхазцамъ. Потомъ одинъ изъ офицеровъ вынулъ списокъ и началъ вызывать черкесовъ по именамъ. Другой офицеръ раздавалъ вызваннымъ деньги. Нѣкоторымъ давали по бумажному піастру (2 коп.), другимъ, многосемейнымъ, даже по 5 піастровъ (10 коп.). Эта процедура продолжалась добрыхъ два часа. Я замѣтилъ среди черкесовъ одного, котораго видѣлъ недавно въ Санъ-Стефано разговаривающимъ по-русски.

— За что это такъ балуютъ васъ англичане? спрашиваю я у него.

Черкесъ какъ-то сконфузился, услыхавъ русскую рѣчь.

— Право не знаю, отвѣтилъ онъ нерѣшительно;—вѣрно хотятъ насъ послать противъ Россіи на Кавказъ, когда будетъ война.

— И чтоже, вы поѣдете?

— Я не поѣду, а другіе поѣдутъ — нельзя же умирать съ голоду.

Когда герцогъ Эдинбургскій оставилъ Измидъ и распространилась вѣсть, что онъ будетъ назначенъ главнымъ командиромъ здѣшняго англійскаго флота, армяне, какъ получающіе наибольшіе барыши отъ присутствія англичанъ, рѣшили послать депутацію къ герцогу. Герцогъ принялъ армянскую депутацію съ почетнымъ карауломъ и пригласилъ представителей къ завтраку. Когда депутаты выразили надежду, что Англія будетъ способствовать возстановленію армянскихъ національныхъ правъ, герцогъ отвѣтилъ:

— Конечно, конечно; но если вашъ приходъ ко мнѣ имѣетъ цѣлью и политическій разговоръ, то отчего же не пришли съ вами и греки?

Этотъ вопросъ привелъ въ сильное замѣшательство здѣшнихъ и константинопольскихъ панэлленистовъ. Епископу никомидійскому Вріеніусу, проживающему въ Измидѣ, присланъ изъ фанарскаго синода строгій выговоръ за бездѣятельность. Говорятъ даже, что онъ будетъ смѣненъ за безтактный пропускъ такого удобнаго случая къ заявленію греческой симпатіи британскимъ интересамъ.

Константинополь, 22-го марта (3-го апрѣля).

Я не ошибся, предполагая, что именно въ эти дни политическаго кризиса всего удобнѣе могу покинуть на нѣсколько дней Царьградъ. Политика застоя, какъ слѣдствіе сознанія своего безсилія, не могла разрѣшиться такъ скоро, какъ надѣялись многіе, и я возвратился къ такому же политическому болоту, какимъ оставилъ Константинополь

четыре дня тому назадъ. Все притаило дыханіе и ждетъ съ замираніемъ сердца новостей съ Запада. Новости эти возникаютъ ежедневно въ видѣ самыхъ противорѣчивыхъ и безпокойныхъ слуховъ. Улицы города полны русскими мундирами и сабли нашихъ кавалеристовъ заглушаютъ даже грохотъ многочисленныхъ экипажей. Англичанъ тоже не мало, но они всѣ безъ исключенія гуляютъ въ штатскомъ платьѣ. Великій князь главнокомандующій провелъ здѣсь нѣсколько дней, ночуя на «Ливадіи». Онъ былъ нѣсколько разъ у принца Рейсса и принималъ разныхъ лицъ въ русскомъ отелѣ и на бортѣ императорской яхты. Великому князю были представлены двѣ депутаціи — одна отъ болгаръ, другая отъ общества вспоможенія мусульманскимъ бѣглецамъ. Въ числѣ представителей болгарской націи былъ и здѣшній экзархъ. Онъ, также какъ и дворъ болгарскаго митрополита, предполагаетъ въ скоромъ времени совсѣмъ покинуть Константинополь и переѣхать въ столицу будущаго княжества. Эта депутація не имѣетъ никакого другого значенія, кромѣ изъявленія еще разъ благодарности русской политикѣ и русскому оружію. Люди, вошедшіе въ составъ представителей болгарской депутаціи, кажется, не изъ тѣхъ, которые будутъ и могутъ имѣть вліяніе на будущую государственную жизнь княжества, а потому я и умалчиваю о рѣчахъ, сказанныхъ и выслушанныхъ депутаціей—рѣчи эти выражаютъ лишь чувства, а не идеи, которыхъ вообще мало въ болгарскомъ вопросѣ, конечно, временно, надо надѣяться. Другая депутація составилась по иниціативѣ нѣкоторыхъ французовъ, членовъ общества для оказанія помощи бѣглецамъ. Въ очень хорошей и умной рѣчи, депутація описала великому князю положеніе несчастныхъ эмигрантовъ и благодарила нашего главнокомандующаго за сдѣланное имъ пожертвованіе въ сорокъ одну тысячу франковъ. Великій князь отвѣтилъ весьма подробнымъ и обстоятельнымъ объясненіемъ видовъ русскаго правительства относительно бѣглецовъ.

Онъ повторилъ обѣщаніе содѣйствовать всѣми способами возвращенію и обезпеченію участи выходцевъ, но въ то же время упомянулъ о необходимости тѣхъ предварительныхъ мѣръ къ ихъ возвращенію, о которыхъ я писалъ со словъ А. И. Нелидова въ одной изъ прошлыхъ корреспонденцій. Депутація осталась чрезвычайно довольна пріемомъ великаго князя и вполнѣ согласилась съ высказанными имъ доводами. Англичане очень обижаются долгимъ пребываніемъ великаго князя въ Константинополѣ и видомъ тысячи разнообразныхъ русскихъ мундировъ на улицахъ Перы, Галаты и Стамбула. Ихъ раздражаетъ это присутствіе русскихъ, такъ какъ оно невольно сближаетъ съ нами и здѣшнее правительство, и народъ. Султанъ не можетъ не выказывать извѣстной доли любезной вѣжливости по отношенію къ своимъ гостямъ. Онъ подарилъ великому князю четырехъ арабскихъ коней, особенно понравившихся нашему главнокомандующему во время осмотра султанскихъ конюшенъ, и вчера прислалъ еще другой подарокъ—великолѣпный портретъ Абдулъ-Азиса, о которомъ великій князь вспоминалъ съ большой симпатіей во время вторичнаго свиданія съ падишахомъ въ прошлую субботу. Министры часто видятся съ нашимъ генералитетомъ и русскими дипломатами. Затаенное предубѣжденіе, искусственная ненависть разсѣеваются быстрѣе и легче при личныхъ свиданіяхъ, частыхъ разговорахъ и взаимныхъ любезностяхъ. Это вѣрно для людей всѣхъ степеней интеллигенціи, а въ особенности этотъ законъ общественной жизни силенъ по отношенію къ людямъ примитивнымъ, живущимъ болѣе впечатлѣніемъ, чѣмъ разумомъ. Англичане знаютъ это, и потому совершенно основательно видятъ въ долгихъ визитахъ великаго князя большую опасность для британскаго престижа на Востокѣ. Муллы и улемы, подъ диктовку британскихъ агентовъ, рисовали «москововъ» воображенію невѣжественнаго темнаго народа не иначе, какъ въ видѣ безобразнаго, безпощаднаго звѣря, готоваго проглотить и

уничтожить весь правовѣрный людъ. Народъ вѣрилъ этимъ разсказамъ—и питалъ инстинктивную ненависть къ «москову». Что же онъ видитъ теперь? Русскіе мирно посѣщаютъ мусульманскіе кварталы, не только никого не обижаютъ, но обходятся въ десять разъ любезнѣе со всѣми, чѣмъ сами руководители османлизма; они не пропускаютъ почти ни одного нищаго, не подавъ ему милостиню; они платятъ за все хорошія деньги, отдаютъ честь турецкимъ генераламъ. Ни одного скандала, ни одного грубаго слова не слышитъ и не видитъ мусульманинъ со стороны «свирѣпаго москова», попадающагося на каждомъ шагу по всему Константинополю. Проходятъ дни и недѣли—мусульманинъ перестаетъ отворачиваться отъ «ужаснаго гяура», далѣе, перестаетъ и смотрѣть на него нахмуривъ брови, и, наконецъ, хлопаетъ его по плечу и добродушно говоритъ: «достъ, достъ московъ!» («другъ, другъ русскій!») Англичане предугадываютъ и этотъ результатъ частыхъ визитовъ русской арміи. Что же останется у нихъ, если эти визиты будутъ длиться безконечно? Такой вопросъ, очевидно, наводитъ на необходимость активной дѣятельности въ видѣ противовѣса русскому вліянію. Пребываніе великаго князя есть нѣкотораго рода манифестація русской политики—значитъ, необходимо устроить манифестацію и г. Лэйарду, какъ представителю пресловутыхъ англійскихъ интересовъ. Великому князю представляются депутаціи, великій князь бесѣдуетъ съ министрами, онъ жертвуетъ въ пользу мусульманскихъ выходцевъ и т. д.—необходимо и г. Лэйарду принимать депутаціи, видѣться съ министрами, жертвовать выходцамъ и проч., по программѣ русскаго посольскаго дворца. Г. Блюнтъ, британскій консулъ въ Адріанополѣ, собираетъ въ Стамбулѣ нѣсколькихъ мусульманъ изъ Адріанополя, Филиппополя, Софіи, Самакова, Ниша и другихъ городовъ, одѣваетъ ихъ въ приличные костюмы и ведетъ, въ качествѣ депутаціи, въ британскій отель. Лэйардъ принимаетъ депутацію, а

г. Блюнтъ говоритъ рѣчь отъ имени безмолвныхъ и ни слова непонимающихъ мусульманъ. Онъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодаритъ за турокъ Англію, Лэйарда и даже самого себя. Рѣчь заканчивается выраженіемъ надежды, что Англія положитъ конецъ «русскимъ варварствамъ». Мнимая депутація изъявляетъ желаніе повидать и г-жу Лэйардъ. Для нея у г. Блюнта тоже готова рѣчь. Все кончается легонькой закуской и громкой, длинной депешей, оповѣщающей всю Европу, что къ британскому послу въ Константинополѣ являлась депутація отъ мусульманъ всей Европейской Турціи, съ благодарностью Великобританіи и выраженіемъ надежды на ея помощь. Первый нумеръ программы исполненъ очень эффектно, послѣдовалъ и второй. Великому князю представлялись, кромѣ комитета помощи мусульманамъ, и депутаты болгаръ—надо заполучить таковыхъ и британскому послу. Это исполнить нѣсколько труднѣе, но все-таки возможно.

Кстати, невдалекѣ отъ мѣстожительства Лэйарда, на улицѣ «Янычарши», есть обширный манежъ, гдѣ проживаютъ до 30 болгаръ-кучеровъ, форейторовъ и конюшихъ. По справкамъ оказалось, что всѣ они изъ разныхъ мѣстъ Болгаріи. Имъ приказано поискать еще другихъ «братушекъ». Въ два дня агенты британскаго отеля представили своему патрону списокъ 60 болгаръ, готовыхъ франковъ за 10 подписать все, что угодно, и пойдти кланяться, кому укажутъ. Двадцать человѣкъ удостоились попасть въ организуемую депутацію. Одинъ болгаринъ, протестантъ, служившій лакеемъ у американскаго миссіонера, а потому говорящій по-англійски, вызубрилъ данную ему рѣчь; другой, грамотный по-турецки, заучилъ другую рѣчь. Былъ произведенъ экзаменъ, и избранныхъ повели къ Лэйарду. Опять рѣчи, закуска и телеграммы. Эту же депутацію отправили сегодня и къ самому султану въ Гильдизъ-Кіоскъ. Падишахъ выслалъ къ нимъ своего адъютанта,

который милостиво выслушалъ за своего повелителя просьбу «депутатовъ болгарской націи» спасти Болгарію отъ нашествія русскихъ. Говорятъ, даже самъ турецкій адъютантъ сконфузился и покраснѣлъ, когда ему пришлось передать содержаніе рѣчи Гамиду. Депутацію не угостили ничѣмъ, а поспѣшно, хотя и любезно, выпроводили изъ дворца. Реуфъ-паша былъ на «Ливадіи» у великаго князя по поводу предстоящаго возвращенія изъ Россіи турецкихъ плѣнныхъ. Хотя въ Великобританіи и нѣтъ ни одного турецкаго плѣннаго, тѣмъ не менѣе г. Лэйардъ счелъ нужнымъ тоже видѣться съ военнымъ министромъ. Реуфъ-паша не ѣдетъ — такъ къ нему ѣдетъ Лэйардъ и просиживаетъ у него въ сераскеріатѣ битыхъ два часа, поясняя министру о значеніи военныхъ силъ Англіи. Ахметъ-Вефикъ, недавно притворявшійся больнымъ, вынужденъ представиться великому князю, вслѣдствіе настояній султана, желающаго знать, когда начнется отправка русскихъ войскъ изъ Санъ-Стефано. Немедленно г. Лэйардъ приказываетъ подать карету, отправляется въ Высокую Порту и требуетъ аудіенціи у перваго министра. Какъ все это глупо! скажетъ читатель, непосвященный въ тайныя пружины, двигающія современной дипломатіей. Увы, мы не живемъ въ вѣкъ царства свѣта и разума, и потому самая пошлая и грубая глупость очень часто оказывается сильнѣе ума и логики. Телеграммы и иностранные корреспонденты единовременно оповѣстятъ міръ о депутаціяхъ, представлявшихся великому князю и Лэйарду, о свиданіяхъ Ахмета и Реуфа-пашей съ великимъ княземъ и Лэйардомъ, и весь читающій міръ будетъ увѣренъ, что здѣсь такъ же сильна Великобританія, какъ и Россія. Все закулисное останется втайнѣ. Объ этой секретной сторонѣ можемъ знать лишь мы, русскіе, только насъ она интересуетъ и только для насъ однихъ она имѣетъ надлежащую цѣну. Графъ Зичи находится въ менѣе опредѣленномъ положеніи. Онъ еще не знаетъ, что скажетъ ему его премьеръ, поставленный между двумя

огнями. Зичи неловко пускаться на продѣлки во вкусѣ Лэйарда, неловко и очень быть на виду у русскихъ или турокъ, такъ какъ еще одинъ Богъ вѣдаетъ, кому изъ послѣднихъ придется быть другомъ Австріи, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Поэтому, Зичи заперся у себя дома и никуда не ѣздитъ. Дня два тому назадъ, ему дали знать изъ Вѣны, чтобъ онъ былъ готовъ къ отъѣзду изъ Константинополя тотчасъ по полученіи призывной телеграммы. Онъ очень удивился этому приглашенію и никакъ не могъ понять, зачѣмъ онъ можетъ быть нуженъ въ Вѣнѣ. Всѣдствіе этого онъ отправилъ Андраши длинную телеграмму, доказывая необходимость своего пребыванія въ Константинополѣ, въ эти дни «русскаго нашествія». Андраши отвѣтилъ, что Зичи нуженъ въ Вѣнѣ не для политическихъ разговоровъ, а для объясненій о положеніи военныхъ силъ Турціи. Получивъ такой отвѣтъ, графъ Зичи немедленно написалъ Реуфу-пашѣ, военному министру, приглашеніе на обѣдъ. Такимъ образомъ, завтра Реуфъ-паша будетъ обѣдать у графа Зичи. Вообще Реуфъ-паша, кажется, собирается сосать даже не двухъ, а трехъ матокъ. Впрочемъ, о его личности и біографіи, а также и разсказъ о другихъ новостяхъ этихъ дней отлагаю до слѣдующаго письма—это вышло и безъ того слишкомъ длинное.

X.

Реуфъ-паша, Османъ-паша и Ахметъ-Вефикъ.—Интриги Реуфа-паши.—Турецкія газеты увѣряютъ, что Россія откажется отъ половины того, что выговорено санъ-стефанскимъ миромъ.—Греческая печать.—Наши плѣнные.—Пріемъ ихъ великимъ княземъ.—Сосланные болгары.—Болгарскій экзархъ.—Поѣздка въ Галлиполи.—Поведеніе французскихъ и австрійскихъ пароходовъ. — Недоразумѣніе съ британскимъ консуломъ.—Городъ, его санитарное состояніе. — Саросскій заливъ.—Укрѣпленія Галлиполи.—Булаиръ.—Исторія двухъ Сулеймановъ.—Англійскіе офицеры, укрѣпляющіе Галлиполи.—Англійскіе броненосцы.—Докторъ Пумпурасъ.—Забатъ-паша.—Подозрѣнія.

Константинополь, 24-го марта (5-го апрѣля).

Прошлое письмо я закончилъ вопросомъ о личности Реуфа-паши. Сказать что-нибудь опредѣленное о турецкомъ государственномъ человѣкѣ весьма трудно. Тамъ, гдѣ всѣ дѣла обдѣлываются въ кабинетахъ и секретныхъ засѣданіяхъ, личности рѣдко имѣютъ опредѣленный колоритъ. Общественное мнѣніе заглядываетъ въ ихъ дѣятельность лишь черезъ щелки запертыхъ дверей и принуждено довольствоваться отрывистыми свѣдѣніями о томъ или другомъ лицѣ изъ своихъ правителей. Этимъ объясняется какъ то, частое на Востокѣ явленіе, что иная совсѣмъ безталанная личность заправляетъ долгое время дѣлами, не получая надлежащаго патента на завзятаго глупца и мошенника, такъ и раболѣпная любовь массы ко всякому даже полуспособ-

ному государственному человѣку, котораго имя выскочитъ, благодаря счастливой случайности, изъ канцеляріи на улицу. Такой любовью въ наше время пользуются здѣсь полуспособные визирь Мидхатъ и полководецъ Османъ. Прочіе государственные люди до сихъ поръ не вышли изъ канцелярской извѣстности, и къ числу ихъ принадлежитъ Реуфъ-паша, въ качествѣ военнаго министра Порты. Онъ получилъ спеціальное военное образованіе въ Стамбулѣ, Парижѣ и, кажется, также въ Вѣнѣ, но никогда не выказывалъ ни особенныхъ военныхъ способностей, ни даже любви къ военному дѣлу. Напротивъ, сераскеріатъ, за время министерства Реуфа, превратился въ настоящую бюрократическую контору съ безконечной перепиской и толстѣйшими исходящими, настольными и входящими реестрами. Самъ Реуфъ, какъ извѣстно, весьма охотно принималъ на себя исполненіе разныхъ дипломатическихъ порученій, столь же неудачныхъ по исполненію, какъ и его послѣдняя миссія въ Петербургъ. Я имѣю точныя свѣдѣнія, что сераскиръ ѣхалъ въ нашу столицу съ самыми розовыми надеждами и возвратился оттуда въ совершенно противуположномъ настроеніи духа. Послѣднее еще болѣе усилилось, когда Реуфъ увидѣлъ тотъ пріемъ, который былъ оказанъ султаномъ Осману-пашѣ. Реуфъ почувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется. Османъ сурово отозвался о военныхъ приготовленіяхъ Порты, а султанъ хмурится, вспоминая о пребываніи Реуфа въ Петербургѣ. Остается прибѣгнуть хотя и къ избитому, но почти всегда вѣрному способу самохраненія при падишахскомъ режимѣ. Очевидно, что Османъ не удовольствуется безцвѣтнымъ мѣстомъ командира гвардіи и захочетъ переѣхать въ сераскеріатъ—военное министерство. Бороться съ Османомъ невозможно,—надо уступить ему; а чтобъ уступка обошлась безъ потери, необходимо подставить кому-нибудь ногу и занять мѣсто упавшаго, очистивъ свое для опаснаго соперника. Жертвой избранъ Ахмедъ-Вефикъ-паша. Его не особенно долюбливаетъ вся золотая молодежь дворца. Онъ

никому не мѣшаетъ, но все-таки неудобенъ, такъ какъ молчитъ, а не хвалитъ кого слѣдуетъ. Такимъ образомъ, Реуфъ могъ разсчитывать на поддержку своимъ планамъ даже въ Гильдизъ-Кіоскѣ. Начались прохаживанія на счетъ личности Ахмеда, съ намеками издалека о неудобствѣ его въ политическомъ отношеніи: русскіе его не любятъ, англичане ему не совсѣмъ довѣряютъ и т. д. Падишахъ, живущій лишь жизнью дворца, можетъ убѣждаться единственно при помощи своихъ ушей, а потому неудивительно, что онъ сталъ суше къ Ахмеду. Вефикъ человѣкъ гордый, и безъ всякихъ разговоровъ подалъ въ отставку, отказавшись исполнять свою должность даже до полученія разрѣшенія на просьбу. Комбинація начертана впередъ: Реуфъ-паша долженъ превратиться въ перваго министра, а Османъ взять портфель военнаго министерства. Чтобъ найдти поддержку извнѣ, Реуфъ ѣдетъ къ великому князю и цѣлые полчаса увѣряетъ въ своей любви къ Россіи; принимаетъ у себя Лэйарда и поясняетъ ему, что только Англія можетъ спасти Турцію отъ суровыхъ условій русско-турецкаго трактата; обѣдаетъ у Зичи и выражаетъ ему надежду, что Австрія не останется равнодушной зрительницей усиленія грознаго панславизма. Австрійскіе и англійскіе корреспонденты, получающіе направленіе своихъ перьевъ въ кабинетахъ Лэйарда и Зичи, уже послали хвалебные гимны Реуфу-пашѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь найдутся люди, которые смогутъ и съумѣютъ поддержать честолюбиваго министра. Сегодня утромъ въ дипломатическихъ кружкахъ стоялъ упорно слухъ о смѣнѣ Вефика и въ этомъ смыслѣ уже были отправлены въ Европу до десятка депешъ. Я воздержался отъ присоединенія къ своимъ сотоварищамъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, эта перемѣна именъ не имѣетъ никакого значенія и, притомъ, она еще не рѣшена окончательно. Впрочемъ, она имѣетъ за собой полнѣйшую вѣроятность и произойдетъ не сегодня такъ завтра, черезъ недѣлю или мѣсяцъ, и потому не мѣшаетъ имѣть въ виду вышеописанные ея тайные мотивы.

Все остальное въ Константинополѣ не измѣнилось ни на іоту.

Турецкія газеты продолжаютъ увѣрять своихъ читателей, что англо-австрійскій союзъ при поддержкѣ всей Европы заставитъ Россію отказаться отъ половины того, что она выговорила для славянства въ мирномъ трактатѣ. Греческая пресса, имѣющая въ Константинополѣ 5 изданій, отголосковъ аѳинской печати, серьезнымъ тономъ толкуетъ объ австрійско-англійско-греческо-румынскомъ походѣ противъ «новаго нашествія гунновъ» (славянъ), цитируетъ съ изумительнымъ усердіемъ статистическія данныя Страфорда и Сакса, недавно доказывавшаго въ засѣданіи вѣнскаго географическаго общества цифровый и интеллигентный перевѣсъ греческаго элемента въ забалканской Болгаріи. Прекрасная этнографическая карта г. Теплова подвергается самымъ безпощаднымъ нападкамъ со стороны эллиновъ. Французскія и англійскія газеты Константинополя преусердно переводятъ статьи г. Е. Утина, часто попадаются выдержки изъ вашей газеты, «Русскаго Міра» и «Journal de St.-Pétersbourg». «The Levant Herald» занятъ по преимуществу доказательствомъ силы Англіи и оповѣщеніемъ военной мудрости и предусмотрительности британскихъ государственныхъ людей, новыхъ изобрѣтеній по части легкихъ 12 фунт. пушекъ, торпедъ и пр. Сегодня отправляется въ Россію первый пароходъ за полученіемъ турецкихъ плѣнныхъ. Для пріема ихъ назначены два лица — дивизіонный генералъ Османъ-паша и бывшій въ Керчи турецкимъ консуломъ грекъ Петропуло, знающій отлично русскій языкъ. Говорятъ, что возвращеніе плѣнныхъ займетъ около 3-хъ недѣль времени. Наши плѣнные офицеры уже на своихъ мѣстахъ, за исключеніемъ двухъ—полковника Клевезаля, отпущеннаго въ Петербургъ, и сотника Секретова, который исключается изъ службы за нарушеніе воинскаго устава, которое, какъ полагаютъ, и повлекло взятіе его въ плѣнъ. Великій князь принималъ плѣнныхъ

офицеровъ въ домѣ русскаго посольства. Почти всѣ они явились въ штатскомъ платьѣ. Штабсъ-капитана Домбровскаго великій князь обнялъ и поцѣловалъ, вспомнивъ его геройское поведеніе на Шибкѣ, которое доставило молодому офицеру георгіевскій крестъ. Участь нашихъ плѣнныхъ солдатъ, томящихся въ Скутари, рѣшилась не сразу. Турки уже давно объявили ихъ свободными, но нашъ штабъ болѣе недѣли не посылалъ никого за полученіемъ солдатъ и для доставки ихъ въ армію. Бѣдные солдаты буквально плакали, обижаясь, что ихъ забыли. Турецкія воинскія власти приставали ко всѣмъ русскимъ съ вопросомъ, отчего нашъ штабъ не беретъ отпущенныхъ плѣнныхъ? Никто изъ насъ, конечно, не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ...

Участь сосланныхъ болгаръ рѣшена наконецъ окончательно. Настойчивость г. Нелидова заставила Высокую Порту послать въ мѣсто ссылки понудительныя телеграммы. Уже получено увѣдомленіе, что завтра или послѣ-завтра сюда прибудетъ первая партія въ 1,000 несчастныхъ. Исторія этого медленнаго освобожденія конечно у всѣхъ русскихъ возбуждаетъ вопросъ, отчего турецкія власти такъ вяло и неохотно исполняли условіе мирнаго трактата объ амнистіи болгаръ? Прибывшіе сюда два дня тому назадъ 30 сливнянскихъ патріотовъ объяснили въ чемъ дѣло. Турецкія власти нашли выгоднымъ затягивать амнистію и тѣмъ временемъ выпускать изъ неволи тѣхъ болгаръ, которые могли заплатить за то выкупъ. Такъ, вышеупомянутые 30 сливнянъ уплатили за свою свободу 150 турецкихъ лиръ (лира равняется 23 франкамъ). Понятно, что при десяткѣ тысячъ сосланныхъ турецкія власти могли въ теченіи 24 недѣль собрать порядочный капиталъ. Будемъ надѣяться, что это послѣдняя незаконная дань, которую уплачиваютъ туркамъ болгары освобожденнаго княжества. Заговоривъ о болгарахъ, я считаю необходимымъ возвратиться еще разъ къ ихъ экзарху. До сихъ поръ я

упоминалъ лишь вскользь о его личности, такъ какъ боялся, чтобъ мои слова о немъ не отозвались на этой прекрасной личности турецкой немилостью. Теперь я могу говорить о немъ смѣло. Его отношенія къ Турціи опредѣлились. Онъ былъ у Савфета-паши и прямо объявилъ министру, что покидаетъ Константинополь и отправляется въ Филиппополь, будущій центръ Болгарскаго княжества.

Имя нынѣшняго болгарскаго экзарха — Іосифъ Іовчевъ. Онъ уроженецъ Калофера, гдѣ получилъ первоначальное образованіе. Блистательно окончивъ курсъ болгарской константинопольской школы, онъ былъ посланъ на счетъ балканскихъ болгаръ въ Парижъ. Тамъ онъ прожилъ 6—7 лѣтъ и окончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ сорбонскомъ университетѣ. Когда возникъ особый болгарскій экзархатъ, Іовчевъ поступилъ секретаремъ бывшаго экзарха Анфима, воспитанника московской духовной академіи, теперь сосланнаго турками въ Малую Азію. Черезъ годъ Іовчевъ рѣшилъ постричься въ монахи. Онъ сознавалъ, что для болгарина-патріота лишь двѣ карьеры подъ турецкимъ игомъ—священническая и учительская. Его образованіе и примѣрный образъ жизни вскорѣ доставили ему званіе архимандрита, и еще черезъ годъ сливняне избрали его своимъ епископомъ. Когда Анфимъ былъ обвиненъ въ сношеніяхъ съ Россіей, подвергнутъ заключенію и ссылкѣ, турецкое правительство, дорожащее внѣшними формальностями, торопилось избрать новаго экзарха. Выборъ остановился на Іосифѣ. Его помнили здѣсь свѣтскимъ человѣкомъ, знали, что онъ воспитанникъ Европы, а не Россіи, и рѣшили назначить его экзархомъ. Іовчевъ было отказался, но ему объявили, что его повезутъ въ Константинополь и силой облекутъ въ новое званіе. Онъ покорился. Въ Константинополѣ былъ приготовленъ ему самый радушный пріемъ. Султанъ тотчасъ позвалъ Іосифа къ себѣ, обласкалъ его и пожаловалъ ему орденъ. Министры безпрестанно приглашали его и требовали, то чтобъ онъ издалъ

прокламацію къ болгарскому народу, въ которой бы Россія была изображена варваромъ, врагомъ Болгаріи, то обвинительный актъ противъ сосланнаго экзарха. Положеніе Іосифа было невыносимо. Къ счастью его, вмѣстѣ съ Анфимомъ былъ сосланъ и весь штатъ его канцеляріи. Іосифъ очень ловко притворился человѣкомъ, не могущимъ связать логически двухъ словъ на письмѣ, и требовалъ, чтобъ ему дали образованныхъ секретарей - болгаръ для исполненія порученій турецкаго правительства. Такихъ болгаръ не оказалось—всѣ бѣжали или сосланы. Событія шли впередъ, и турки махнули рукой на безталаннаго, по ихъ мнѣнію, экзарха. Такимъ образомъ, Іосифъ успѣлъ удержаться въ Константинополѣ и не лишиться того уваженія, которымъ онъ вполнѣ заслуженно пользовался во всей Болгаріи. На этихъ дняхъ долженъ возвратиться Анфимъ. Іосифъ тотчасъ подастъ въ отставку, уступая мѣсто экзарха своему пострадавшему предшественнику. Онъ долго бесѣдовалъ съ великимъ княземъ и очень понравился всѣмъ русскимъ своей скромной и искренней рѣчью. Онъ по-русски не говоритъ, но умѣетъ отбрасывать въ болгарской рѣчи придаточныя частицы (articles), и потому его разговоръ вполнѣ понятенъ намъ, русскимъ. Это наводитъ меня на мысль — не слѣдуетъ ли намъ теперь же позаботиться о болѣе близкомъ союзѣ болгарскаго языка съ русскимъ? Эпоха возрожденія болгарской независимости есть въ то же время эпоха возрожденія болгарской литературы, и то, что теперь ляжетъ въ ея основу, то останется въ ней на долгое время, если не навсегда. То же было и съ сербскимъ языкомъ. Еще 15 лѣтъ тому назадъ онъ былъ вдвое ближе и понятнѣе для русскаго; теперь онъ удалился отъ него и по конструкціи, и по орѳографіи, такъ какъ базисомъ сербской литературы послужила пресса Запада. Та же участь ждетъ болгарскій языкъ, если мы, русскіе, не постараемся принять дѣятельное участіе въ выработкѣ болгарскаго литературнаго языка и не съумѣемъ подѣлить-

ся съ будущимъ княжествомъ своимъ литературнымъ богатствомъ.

P. S. Я пріобрѣлъ себѣ постояннаго корреспондента въ Измидѣ, извѣщающаго меня обо всемъ, что дѣлается въ британской эскадрѣ залива. Получая отъ него письма ежедневно, я буду дополнять содержаніемъ ихъ свои константинопольскія корреспонденціи.

Измидъ, 21-го марта (2-го апрѣля). Броненосецъ «Султанъ» ушелъ отсюда сегодня въ 3 ч. 15 м. пополудни. Матросамъ запрещено удаляться за черту города и оставаться въ немъ позже 6 часовъ вечера.—22-го марта (3-го апрѣля). Двухтрубный фрегатъ ушелъ сегодня, въ 8 час. утра, въ Константинополь. Онъ останется тамъ до полученія извѣстій о рѣшеніи совѣта англійскихъ министровъ.—23-го марта (4-го апрѣля). Сегодня ждутъ прибытія новаго броненосца «Devastation»; свѣдѣнія, полученныя адмираломъ, говорятъ, что англійскія эскадры въ Галлиполи и Безикѣ держатся подъ парами и ихъ командамъ запрещены поѣздки на берегъ.

Завтра я отправляюсь въ Галлиполи, надѣясь пріобрѣсти и тамъ подобнаго же ежедневнаго корреспондента.

Галлиполи, 26-го марта.

Время выдвигаетъ впередъ новыми знаменитостями не только имена людей, но и мѣстностей. Такая честь выпала теперь на маленькій полуостровъ Галлиполи съ его непривлекательными голыми горами, лихорадочнымъ климатомъ и вѣчно царствующимъ вѣтромъ. Эта новая знаменитость такъ близка къ моей резиденціи (всего 12 часовъ ѣзды на пароходѣ), что я уже давно рѣшилъ побывать въ Галлиполи. Вчера, въ 6 часовъ вечера, я отправился на «Мемфи», пароходъ общества австрійско-венгерскаго Ллойда. По палубѣ пройдти нельзя—лежатъ и стоятъ солдаты и офицеры турецкой арміи.

— Куда вы везете ихъ? спрашиваю у капитана.

— Частію въ Галлиполи, частію въ Салоники. Мы отправляемъ ихъ съ каждымъ пароходомъ душъ по 500.

Дѣйствительно, я уже давно слышалъ въ Константинополѣ, что сераскеріатъ заключилъ контрактъ съ австрійскимъ Ллойдомъ объ отправкѣ войскъ на его судахъ. Контрактъ существуетъ и получилъ силу съ самаго начала русско-турецкой войны. Мы, столь привыкшіе къ западноевропейскому вывертыванью международнаго права, конечно, ничего предосудительнаго въ вышеупомянутой дѣятельности австрійскаго Ллойда не видѣли и не видимъ. Но интересенъ взглядъ на это дѣло другой націи. Наибольшее количество срочныхъ пароходовъ, посѣщающихъ порты Европейской Турціи, носитъ французскій флагъ. Къ нимъ было обращено первое предложеніе Великой Порты о перевозкѣ войскъ. Всѣ французскія пароходныя компаніи (ихъ здѣсь три) отвѣтили абсолютнымъ отказомъ. Онѣ, въ теченіи всей войны и по сей день, не приняли на свой бортъ даже въ качествѣ обыкновеннаго пассажира ни одного турка, одѣтаго въ военное платье. Разъ произошелъ слѣдующій случай. Въ Салоникахъ растворились двери всѣхъ темницъ; 150 арестантовъ получили гражданское платье и толстый кошелекъ въ карманъ. За нихъ ратовали тѣ, которые не попали, но должны были попасть на вѣки въ кандалы по дѣлу объ убійствѣ консуловъ. Полтораста новыхъ вольныхъ гражданъ садится на пароходъ «Messagerie Maritime». «Раки» развязываетъ языки и нравы. Граждане бушуютъ. Капитанъ ихъ намѣренъ усмирить, но тѣ сопротивляются; объявили, что они уже записаны волонтерами и ѣдутъ въ Галлиполи спасать отечество. Капитанъ, по прибытіи въ Дарданеллы, потребовалъ черезъ консула, чтобъ турецкое правительство сняло съ борта парохода «волонтеровъ», «такъ какъ Франція, будучи державой нейтральной, не считаетъ себя въ правѣ заниматься перевозкой войскъ одной изъ воюющихъ сторонъ».

Сотоварищи по первому классу всѣ безъ исключенія греки, капитанъ и офицеры парохода — итальянцы. Прибрежные греки всѣ знаютъ итальянскій языкъ, и разговоръ ведется общій. Тема: Россія, Англія, Греція, Румынія, Австрія и Англія; — другой вѣдь темы и быть не можетъ въ эту смутную эпоху. Итальянцы защищаютъ славянъ; греки такъ усердно честятъ нашу родину, что я ухожу на палубу; тамъ холодно; возвращаюсь въ каюту и объявляю, что имѣю честь быть русскимъ. Разговоръ обрывается сразу. На парусѣ и парахъ мы быстро пробѣжали неуклюжее Мраморное море, и вмѣстѣ съ зарей показались впереди розовыя горы пролива, обливаемыя первыми лучами восходящаго солнца. Черезъ часъ я спускаюсь съ парохода въ середину каика, наполненнаго солдатами. Чрезъ пять минутъ пристань; тамъ встрѣчаетъ меня добродушный таможенный, заглядывающій не въ дорожный сакъ, а въ подающую руку, и я отдаюсь во власть неизбѣжнаго на Востокѣ еврея-чичероне. У меня въ карманѣ рекомендательное письмо къ г. Одони. Я отправляюсь къ нему, въ полной увѣренности, что онъ здѣшній германскій консулъ. Послѣдовала курьезная сцена. Г. Одони оказался не германскимъ, а британскимъ консуломъ. Онъ очень сконфузился и несмѣло объяснилъ мнѣ, что онъ очень хорошъ съ англійскимъ адмираломъ и офицерами и потому не можетъ служить мнѣ такъ, какъ онъ бы желалъ. «Теперь такое тяжелое время, говорилъ онъ, всѣ ждутъ войны, и мнѣ, какъ британскому агенту, неловко, неудобно служить вамъ явно, и я даже совѣтую вамъ не говорить никому, что вы русскій...»

Я извинился за невольную ошибку и отправился искать себѣ помѣщеніе. Гостинницы ни одной, хотя городъ не маленькій — въ немъ около 5 т. жителей — всѣ безъ исключенія греки и евреи. На грязныхъ, кривыхъ и узкихъ улицахъ попадаются солдаты и офицеры, но мало. У нѣкоторыхъ домовъ стоитъ караулъ. Къ одному изъ такихъ под-

хожу и спрашиваю: «кто тутъ живетъ?» — «Госпиталь», отвѣчаетъ мнѣ проходящій офицеръ. Онъ оказался военнымъ докторомъ туркомъ, кончившимъ курсъ въ константинопольской медицинской школѣ. Онъ разсказываетъ мнѣ слѣдующее о санитарномъ состояніи полуострова: всѣхъ войскъ здѣсь 18 тысячъ, жителей 5 т.; больныхъ по частнымъ квартирамъ около 200, въ больницахъ около 600, умираетъ ежедневно около 30. Болѣзни: тифъ, оспа и дисентерія. По мнѣнію доктора, причина болѣзней не столько эпидемія, сколько недостаточная пища солдатъ и бѣдность раззоренныхъ жителей. Галлиполи и его окрестности пострадали въ послѣдній годъ четыре раза. Во-первыхъ, правительство взяло съ нихъ подати за два года впередъ и отняло путемъ реквизиціи много одежды, бѣлья, хлѣба, скота и пр. Въ домахъ былъ долгій постой войскъ, содержавшихся на счетъ хозяевъ. Турки не заплатили никому ни гроша. Сулейманъ разбитъ, а на полуостровъ хлынули 10 тысячъ черкесовъ, которые пронеслись какъ туча саранчи, не оставивъ ничего цѣлымъ, неприкосновеннымъ. За ними идетъ эпизоотія, страшный падежъ. Всѣ животныя, избѣжавшія турецко-черкесскаго погрома, пали отъ заразы. Теперь на всемъ полуостровѣ невозможно достать ни одного куска говядины.

Весь день я былъ на лошади, объѣхалъ весь полуостровъ между Галлиполи и Булаиромъ. Сообщаю то, что видѣлъ самъ, слышалъ и знаю. Полуостровъ, какъ извѣстно, имѣетъ неправильную форму: онъ узокъ у материка, всего часа два ѣзды отъ одного берега до другого и широкъ на концѣ. Съ одной стороны его омываютъ воды пролива, съ другой — Саросскаго залива. Узкое мѣсто полуострова образуетъ со стороны Мраморнаго моря небольшую бухту. Это географія, а къ ней приспособилось англійско-турецкое военное искусство. Въ бухтѣ Мраморнаго моря стоитъ одинъ трехмачтовый британскій броненосецъ съ 18-тонными пушками. Онъ можетъ обстрѣливать полдороги къ

Саросскому заливу, идущей непрерывнымъ подъемомъ и пересѣкаемой лишь неглубокими каменистыми оврагами. По этой дорогѣ стоитъ фортъ «Викторія», построенный французами во время крымской кампаніи. Фортъ окруженъ десяткомъ редутовъ съ свѣжими насыпями. Полдороги пройдено, и мы на верхушкѣ дороги. Здѣсь фортъ «Султанъ» опять съ десяткомъ впереди, сзади и сбоку новенькихъ редутовъ. Начинается спускъ къ Саросскому заливу, и тамъ стоитъ фортъ. «Наполеонъ», воздвигнутый въ крымскую кампанію англичанами; опять десятки редутовъ. Мы на берегу Саросскаго залива, и любуемся 4-мя британскими броненосцами и однимъ военнымъ фрегатомъ той же національности. Ихъ пушки могутъ обстрѣливать верстъ на пять кругомъ—позиція ихъ отличная. Англичане здѣсь давно и питаются, доставая провизію въ селеніи Боклабурно, находящемся выше линіи, занятой русскими войсками. Итакъ, самое узкое мѣсто полуострова защищено слѣдующимъ образомъ: броненосецъ, форты Викторія, Султанъ и Наполеонъ съ 30 редутами и въ Саросѣ 4 броненосца и 1 фрегатъ. Мы возвращаемся на середину стратегической линіи, къ форту «Султанъ». Оттуда впереди, на разстояніи получаса ѣзды, виднѣется самая высокая вершина горъ полуострова; на ней знаменитый Булаиръ. У меня въ карманѣ «тескире», билетъ на пропускъ, выданный, конечно, не мнѣ, такъ какъ я тщетно просилъ его десять разъ у всѣхъ власть имѣющихъ въ Константинополѣ. Тутъ вся дорога и всѣ поля перерѣзаны стрѣлковыми ямами, сдѣланными вновь и весьма искусно—ихъ замѣчаешь лишь тогда, когда подъѣзжаешь къ нимъ на два шага. Вся выкопанная земля свезена къ редутамъ. Фортъ Булаиръ отличается отъ другихъ лишь тѣмъ, что онъ командуетъ съ высоты далеко впередъ и въ обѣ стороны до морей. Въ остальномъ онъ копія другихъ; широкій въ 2 уступа ровъ, высокая, толстая, сажени въ $3^1/_2$, насыпь, расширяющіяся амбразуры, съ уложенными по бокамъ вязаными фашинами,

въ серединѣ козлы ружей, палатки, пушки, зарядные ящики и пороховой погребъ. За полчаса ѣзды отъ Галлиполи начинаются первые сторожевые посты. На каждой полуверстѣ полотна 4 солдата; вездѣ окрикъ «ясакъ!», вынимается «тескире». Затѣмъ слѣдуетъ отдача на караулъ и пропускъ. Я осматриваю Булаиръ очень подробно и замѣчаю, что и у него, какъ и на другихъ фортахъ, орудія сняты изъ тѣхъ амбразуръ, которыя обстрѣливаютъ море. Ѣдемъ внизъ къ Саросскому заливу; тамъ два ряда траншей: однѣ смотрятъ на заливъ, другія впередъ къ материку. Первыя запущены, надъ вторыми работаютъ около 3 тысячъ солдатъ. Еще ниже—деревня Булаиръ домовъ въ 400. Тутъ живетъ командиръ всѣхъ турецкихъ войскъ на полуостровѣ Забатъ-паша. Необходимо представиться ему—того требуетъ мое «тескире». Къ несчастію, паши нѣтъ; онъ уѣхалъ завтракать на броненосецъ. Я оглядываюсь на заливъ и вижу, что на берегу стоятъ нѣсколько конныхъ солдатъ—это конвой паши. Онъ всматривается въ мои ноги и видимо успокоивается—на мнѣ нѣтъ русской вывѣски—длинныхъ сапоговъ. Булаиръ знаменитъ не только фортомъ, но еще и исторіей двухъ Сулеймановъ. Одинъ изъ нихъ, современный, былъ здѣсь арестованъ Реуфъ-пашей, отсюда препровожденъ въ фортъ Дарданеллъ; теперь онъ въ константинопольскомъ сераскеріатѣ, въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ содержались русскіе плѣнные. Я долго не вѣрилъ, но теперь знаю навѣрное, что бывшему полководцу не даютъ другой пищи, кромѣ хлѣба и воды. Кстати будетъ упомянуть и о томъ, за что именно былъ арестованъ Сулейманъ. Видя приближеніе русскихъ къ полуострову, онъ телеграфировалъ изъ Галлиполи въ Лондонъ, извѣщая о движеніи русской арміи и прося дипломатической или вещественной помощи. Къ этой телеграммѣ онъ присоединилъ другую, на имя Мидхата, приглашая его похлопотать за Турцію и спеціально за участь полуострова. Участь же эта грозила быть весьма неутѣшитель-

ной. Когда русскіе входили въ Адріанополь, на полуостровѣ было всего 120 солдатъ, такъ что въ городѣ было учреждено временное правительство; каждый консулъ завѣдывалъ своимъ участкомъ. Это правительство учредилось по инціативѣ доктора Пампуроса. Когда прибылъ сюда Сулейманъ-паша, на полуостровѣ было всего 500 солдатъ. Русскіе, какъ извѣстно, остановились въ 4 часахъ отъ Булаира, въ 6 отъ Галлиполи (я считаю время верховой ѣздой) по линіи отъ Кадыкіоя на Сароссскомъ заливѣ до Шаркіоя на Мраморномъ морѣ. Тамъ протекаетъ рѣчка Ковакъ, которая и служитъ демаркаціонной линіей для обѣихъ армій. Другой булаирскій герой—гази Сулейманъ, полководецъ Махмуда II, который, какъ разсказываютъ турки, «съ 40 человѣками всю Европу покорилъ». Бывшій домъ «гази» превращенъ въ мечеть. У входа въ нее похороненъ Гассанъ-паша, защищавшій Адріанополь во время войны 1829 года. Внутри, въ одной комнатѣ рядомъ стоятъ гробницы гази-Сулеймана, его адъютанта и его боевого коня. Гробница полководца покрыта богатѣйшимъ покрываломъ изъ чернаго бархата, на которомъ серебряной гладью вышиты стихи изъ корана и нарочно сочиненные въ честь «гази». Этотъ покровъ—даръ Абдулъ-Азиса. Мулла, принимая отъ меня «бакшишь», говоритъ напускнымъ восторженнымъ тономъ, указывая на гробницу: «его тѣнь заставитъ враговъ вернуться, еслибъ они вздумали придти сюда!»

Отъ Галлиполи къ Булаиру весьма дѣятельно строится новое шоссе. Работаютъ мѣстные жители, греки и болгары, изъ пяти деревень, находящихся на полуостровѣ. Тутъ тянется рядъ верблюдовъ—везутъ ружья, заряды и галеты.

— Давно ли вы такъ дѣятельны? спрашиваю я у одного изъ многочисленныхъ офицеровъ, кричащихъ мнѣ «ясакъ!»

— Дня четыре какъ возимся: говорятъ, война опять будетъ. Русскіе въ Яникеѣ сосредоточили вчера до 8,000 солдатъ—вотъ мы и готовимся.

— Да кто же у васъ враги-то—русскіе или англичане?

— Конечно, русскіе, отвѣчаетъ онъ, широко раскрывъ глаза.

Мой чичероне хвалится, что онъ не одного меня «англичанина» возилъ въ форты, ѣздилъ онъ и съ адмираломъ и съ англійскими офицерами. Онъ говоритъ правду. Г. Одони мнѣ разсказывалъ утромъ, что онъ не далѣе, какъ вчера сопутствовалъ на Булаиръ адмиралу Комереллю съ его свитой, и что «иногда онъ очень устаетъ отъ этихъ поѣздокъ, такъ какъ адмиралъ любитъ ѣздить скоро». Интересно мнѣ узнать, зачѣмъ сюда ѣздитъ его британское превосходительство съ ихъ высокоблагородіями. Подъѣзжаю къ новенькому редуту; въ амбразуры ставятъ мѣдныя пушки.

— Что, ужь готово? спрашиваю я у офицера, показывая на траншею.—Поздравляю васъ!

— Эвале! благодарю, готово.

— Кажется, не совсѣмъ хорошо сдѣлана, замѣчаю я.

— Какъ можно! дѣлали по рисунку и вчера двое осматривали...

— Кто двое?

— Англичане,—кто же другой! невесело, но откровенно объясняетъ офицеръ.

На обратномъ пути въ воротахъ форта «Султана» сталкиваюсь съ этими «двумя», на новомъ шоссе еще вижу такого же «одного». Всѣ «они» въ мундирахъ и въ форменныхъ шапочкахъ.

— Сколько тутъ укрѣпленій? спрашиваю я у англійскаго лейтенанта.

— Теперь 51, не считая стрѣлковыхъ ямъ, отвѣчаетъ онъ такъ, какъ будто вызубрилъ отвѣтъ наизусть.

Я самъ счелъ 38; вѣроятно пропустилъ остальныя. Мѣстность, какъ я уже говорилъ, перерѣзана каменистыми оврагами во всевозможныхъ направленіяхъ. Защита здѣсь легка, нападеніе, я полагаю, весьма затруднительно. Го-

родъ Галлиполи не входитъ въ стратегическую линію. Онъ лишенъ всякихъ укрѣпленій и въ немъ всего сотни двѣ солдатъ. Въ городской бухтѣ, очень близко къ берегу, стоятъ два англійскихъ броненосца, въ числѣ ихъ адмиральскій «Газинкуртъ» и одинъ военный фрегатъ «Сигнеръ» съ двумя блиндированными башнями. Два броненосца имѣютъ 18-ти-тонныя пушки, а адмиральскій, кромѣ того, и четыре 25-ти-тонныя. Адмиралъ Комерелль держитъ на берегу двухъ скакуновъ, изъ которыхъ одинъ всегда осѣдланъ. На горѣ, въ четверти часа быстрой ѣзды, устроено нѣчто въ родѣ стариннаго каменнаго жертвенника. Вѣстовой адмирала, въ случаѣ надобности, долженъ доскакать до этого жертвенника и отсюда подать сигналъ флагомъ или ракетой броненосцамъ, стоящимъ въ Саросскомъ заливѣ и бухтѣ со стороны Мраморнаго моря. На каждомъ броненосцѣ по 800 человѣкъ команды (800×6=4,800) и на корветахъ по 200 (200×2=400). Здѣсь нѣтъ никакого дессанта—весь экипажъ матросы. По случаю царствующихъ здѣсь эпидемій, матросамъ запрещенъ съѣздъ на берегъ. Британская эскадра, стоящая по сю сторону полуострова, получаетъ провизію изъ Галлиполи. На самомъ берегу, близь пристани устроена ихъ бойня. Тутъ, въ виду всѣхъ, на бойкой улицѣ, убиваютъ воловъ, сдираютъ съ нихъ шкуры, очищаютъ внутренности и тушу бросаютъ въ провіантскую лодку броненосцевъ.

Докторъ Пумпурасъ, бывшій русскій консулъ въ Галлиполи, оставшійся здѣсь и по объявленіи войны вслѣдствіе постигшаго его года четыре тому назадъ несчастія—слѣпоты—мой старый знакомый. Я сдѣлалъ ему визитъ, но, къ сожалѣнію, не могъ продлить его болѣе получаса. По его словамъ, все населеніе полуострова уже теперь считаетъ своими господами англичанъ, точно также, какъ турецкое войско Галлиполи видитъ въ англичанахъ своихъ командировъ. При этомъ разсказѣ я вспомнилъ, что мнѣ на укрѣпленіяхъ вездѣ отдавали честь. Въ Константинополѣ

турецкіе солдаты и офицеры не отдаютъ чести даже русскимъ генераламъ, идущимъ по улицамъ въ полной формѣ. Здѣшніе греки и евреи глубоко убѣждены, что англичане займутъ полуостровъ ранѣе перваго выстрѣла новой войны.

Я роюсь въ своей головѣ, подъискивая объясненіе столь неполитическому радушію турокъ по отношенію къ англичанамъ, и прихожу къ такому выводу: изъ Стамбула сюда писали, приказывая обращаться съ англичанами «вѣжливо»; здѣшній командиръ Забатъ-паша человѣкъ необразованный и истиннаго значенія слова «вѣжливо» не понимаетъ. Онъ видитъ предъ собой силу и дѣлаетъ ей всякія послабленія (для англичанъ, напр., не надо «тескире» чтобъ посѣщать укрѣпленія). Этотъ паша на-дняхъ выкинулъ слѣдующую штуку. Выгналъ изъ одного дома жильцовъ и занялъ его подъ госпиталь. Одна рама въ домѣ была испорчена; онъ приказалъ починить и лично заплатилъ еврею за работу 14 піастровъ. На другой день хозяинъ дома получаетъ приказаніе уплатить 450 піастровъ за приспособленіе его жилья къ пріему больныхъ!... Конечно, заплатилъ—на то военное положеніе. Этотъ фактъ доказываетъ, что паша имѣетъ чувствительный карманъ. Очень вѣроятно, что англичане дѣйствуютъ на такое чувствительное мѣсто паши и достигаютъ всего, что желаютъ. Одинъ только вопросъ и остается вопросомъ: неужели ни мы, ни Великая Порта ничего не знаетъ про то, что и кто здѣсь дѣлаетъ? Положимъ, что я первый русскій, посѣтившій Галлиполи въ это глупое время, но вѣдь свѣдѣнія могутъ добываться и изъ иностранныхъ устъ... Кстати, я пріобрѣлъ здѣсь корреспондента. Къ сожалѣнію, почта идетъ отсюда въ Константинополь лишь три раза въ двѣ недѣли, а потому я не могу получать изъ Галлиполи свѣдѣнія ежедневно, какъ получаю ихъ изъ Измида. Галлиполи, какъ городъ, утратилъ свое значеніе съ того времени, какъ желѣзная дорога обошла его.

Сюда заходитъ лишь разъ въ недѣлю пароходъ, одинъ разъ—турецкій почтовый и разъ въ двѣ недѣли—пароходъ французской компаніи «Фросине». Дѣлать здѣсь больше нечего, и завтра чуть свѣтъ ѣду на парусной лодкѣ по проливу, посмотрѣть на береговые форты и узнать вблизи, что дѣлается въ Безикской бухтѣ и на островѣ Тенедосѣ.

P. S. Только-что я окончилъ это письмо и расположился отдохнуть, какъ въ комнату вбѣгаетъ мой чичероне Саулъ Саррогоси. Онъ блѣденъ и разстроенъ до нельзя.

— Въ чемъ дѣло, мой другъ?

— Сейчасъ меня призывалъ къ себѣ «мир-алаи» (полковникъ) и допрашивалъ, кого я возилъ сегодня въ укрѣпленіе; подозрѣваютъ, не русскій ли вы. Приказалъ мнѣ завтра утромъ ѣхать въ Булаиръ и разсказать Забатъ-пашѣ кто вы, откуда и зачѣмъ здѣсь.

Я успокоилъ бѣднаго еврея обѣщаніемъ похлопотать за него въ Стамбулѣ, если выйдетъ какая-нибудь серьезная непріятность изъ-за нашего путешествія. Мой чичероне сильно струсилъ, и я былъ принужденъ проводить его до квартиры. Она какъ разъ на берегу, и я остался тамъ, чтобъ посмотрѣть на ночныя предосторожности броненосцевъ. Оказалось, что здѣсь далеко не тотъ страхъ, какъ въ Измидѣ. Броненосцы по сю сторону полуострова не принимаютъ ровно никакихъ другихъ предохранительныхъ отъ нашего нападенія мѣръ, кромѣ вахтъ на носу, кормѣ и мачтѣ. Въ Саросскомъ заливѣ англичане ставятъ сзади, къ сторонѣ русскихъ, лишь одну сторожевую миноноску.

XI.

„Спрячьте ваши бумаги".—Обыскъ.—Городъ Дарданеллы и проливъ.—Жалобы грековъ на Россію.—Грабежи.—Гусейнъ-паша.—Англійскіе офицеры о войнѣ.—Меллингъ, британскій консулъ.—Какая роль предоставляется туркамъ въ предполагаемой войнѣ.—Возвращеніе въ Константинополь.—Циркуляръ Салисбюри.—Свиданіе Лэйарда съ султаномъ.—Запрещенія нашимъ офицерамъ ѣздить въ Царьградъ. — Американскій пароходъ съ оружіемъ.—Великій князь осматриваетъ укрѣпленія турецкія.—Обѣдня въ русской посольской церкви.—Свиданіе съ генераломъ Н.—Война выворачиванья русскаго кармана Англіей.—Что дѣлать?—Поповки.—Предполагаемыя уступки Англіи съ нашей стороны.—Мнѣніе г. Ону.

Дарданеллы, 27-го марта.

Возвратившись сегодня ночью домой (въ Галлиполи) послѣ проводовъ перепуганнаго чичероне, я получилъ изъ рукъ моей хозяйки маленькую анонимную записочку слѣдующаго содержанія: «спрячьте хорошенько ваши бумаги». Черезъ часъ, когда вмѣстѣ съ разсвѣтомъ я шелъ къ нанятой вчера лодкѣ для путешествія по проливу, значеніе записки объяснилось. На берегу меня остановили двое заптіевъ съ офицеромъ, говорящимъ по-англійски. Они перерыли весь мой чемоданъ, но заглянуть мнѣ въ карманъ не посмѣли. Итакъ, я уже въ лодкѣ и, сидя на кормѣ, правлю рулемъ какъ можно ближе къ броненосцамъ. Я вчера писалъ, что противъ города Галлиполи ихъ два. Адмиральскій «Газинкуртъ» почти такой же конструкціи, какъ и «Александръ» и «Султанъ», лишь съ тою разницею, что

палуба «Газинкурта» не защищена боковою броней; другой здѣшній броненосецъ «Рупертъ» стараго типа, низкій и съ пушками, помѣщенными въ серединной башнѣ. Я вчера сообщалъ со словъ г. Одони, что на здѣшнемъ англійскомъ флотѣ нѣтъ никакого дессанта. Провѣрить его слова невозможно—онъ одинъ изъ всѣхъ здѣшнихъ жителей имѣетъ право входа на броненосцы. Между тѣмъ, маневрируя между чудовищами, я увидѣлъ теперь собственными своими глазами мундиры инфантеріи и артиллеріи. Было очень рано, всего четвертый часъ утра, и солдаты умывались на палубѣ.

Проливъ то съуживается въ узкую полосу, то крутымъ угломъ заворачиваетъ вправо и влѣво, образуя чрезвычайно удобныя бухты. Берегъ полуострова мало-по-малу склоняется и переходитъ въ широкую зеленѣющую береговую поляну. Я теряю счетъ многочисленнымъ укрѣпленіямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ бѣлѣютъ издали—это каменныя батареи, сооруженныя до послѣдней войны. Почти рядомъ съ ними, по обѣимъ сторонамъ пролива стоятъ другія земляныя укрѣпленія, не успѣвшія еще обрости травой. Вездѣ торчатъ дула крупныхъ орудій, валяется масса ядеръ и видны солдаты. Наиболѣе сильныя укрѣпленія пролива суть слѣдующія: по европейскому берегу: 1) Вукали, 2) Чембурунъ, 3) Килитъ-Бахаръ и 4) Ситаль-Бахаръ; по азіятскому берегу: 1) Ногара, 2) Сультене, 3) Дарданеллы и 4) Кумъ-Кале. Килитъ-Бахаръ съ одной и Дарданеллы съ другой стороны составляютъ ключъ пролива, и потому тутъ расположены самыя сильныя батареи. По обѣ стороны города Дарданеллъ тянутся нескончаемыя укрѣпленія; съ восточной стороны батареи устроены по скату горы въ три яруса. Само собой рузумѣется, что проливъ можетъ обстрѣливаться во всю ширину изъ любой батареи, но, какъ говорятъ знатоки-англичане, галлипольскій берегъ имѣетъ то преимущество, что всѣ его батареи расположены выше, чѣмъ батареи азіятскаго берега.

Вѣтеръ постепенно крѣпчалъ, мы держались праваго берега, наиболѣе интереснаго. Когда пришлось сворачивать черезъ проливъ къ городку Дарданеллы, наша лодка начала такъ усердно пить воду, что мы были принуждены войти въ одну изъ бухтъ полуострова и причалили къ греческой деревнѣ Майтосъ. Пока мой чичероне розыскивалъ другую лодку, побольше, меня окружила толпа грековъ, и начался разговоръ на политическую тему. Между ними не было ни одного интеллигентнаго человѣка—все рыбаки, лодочники и земледѣльцы, а потому мнѣ особенно грустно было слышать изъ устъ этого простого люда горькіе упреки Россіи, что она «покинула» грековъ и отдала ихъ въ жертву турецкаго разбоя. «Мы всѣ раззорены», говорили они. «У меня турки взяли 500 піастровъ, которые я копилъ втеченіи 20 лѣтъ труда», разсказывалъ одинъ. «У меня турокъ взялъ 300 піастровъ и жену», разсказывалъ другой и т. д. Всѣ здѣшніе греки словно убѣдились, что имъ нельзя ничего ждать отъ Россіи и что единственная ихъ надежда основывается на будущихъ успѣхахъ Англіи. «Если васъ такъ обижаютъ турки, отчего вы не возстаете?» спрашиваю я.—«У насъ нѣтъ теперь ни денегъ, ни оружія. Вотъ когда Англія начнетъ войну, тогда мы получимъ отъ нея и деньги, и оружіе».—«Чтоже, вы пойдете волонтерами въ англійскую службу?—Да, у насъ тутъ уже былъ англійскій офицеръ и записалъ, сколько намъ надо ружей, патроновъ и проч.»

Лодка найдена, и черезъ часъ я уже въ Дарданеллахъ. Тутъ масса военныхъ—и черкесы, и баши-бузуки, и редифъ. Командуетъ ими Гуссейнъ-паша, родомъ черкесъ, воспитытавшійся въ Парижѣ. Городъ вдвое больше Галлиполи, чистый: въ европейскомъ кварталѣ есть очень красивыя зданія, три гостинницы и оживленный портъ. Жители всѣхъ національностей; армяне, евреи, греки, турки и черкесы живутъ отдѣльными кварталами, не смѣшиваясь другъ съ другомъ. Ежедневно случаются грабежи и убій-

ства. Иностранные консулы уже нѣсколько разъ дѣлали по этому поводу представленія пашѣ, но разбои не уменьшаются. Недавно днемъ на открытой мѣстности, въ полуверстѣ отъ города, убили и ограбили француза; третьяго дня, въ 9 часовъ вечера, двое солдатъ напали на пристани на одного итальянца; они схватили его за горло, но револьверъ спасъ намѣченную жертву—итальянецъ безъ пощады убилъ обоихъ грабителей. Послѣ заката солнца здѣсь никто не выходитъ на улицу, а послѣ 8 часовъ, ночью, двери не отворяются; даже гостинницы съ этого часа перестаютъ пускать посѣтителей. До развалинъ Трои отсюда 6—7 часовъ верховой ѣзды, но теперь никто не рискуетъ на это путешествіе: по пути расположено нѣсколько черкесскихъ лагерей, которые, конечно, не пустятъ дальше цѣлымъ никого. Здѣшнія власти смотрятъ на все сквозь пальцы. Гуссейнъ-паша, несмотря на свое европейское образованіе, страстный фанатикъ и поклонникъ Сулеймана. Его фанатизмъ сказался и въ воспитаніи дѣтей. У него есть сынъ офицеръ и двѣ красавицы дочери и онъ абсолютно отказался дать имъ другое образованіе, кромѣ мусульманско-турецкаго. Его дѣти не знаютъ ни одного иностраннаго языка и учились дома, беря уроки у софтовъ и улемовъ. Уваженіе къ Сулейману есть синонимъ дружбы къ Англіи. И дѣйствительно, Гуссейнъ большой англофилъ: онъ отдалъ по войскамъ приказаніе оказывать англійскимъ офицерамъ такой же почетъ, какъ и турецкимъ. Кромѣ того, онъ уже два раза былъ съ визитомъ на британской эскадрѣ въ Галлиполи и позавчера удостоился визита самого адмирала Комерелля. Послѣдній прибылъ инкогнито, въ мундирѣ простого лейтенанта и прямо прошелъ въ домъ Гуссейна. Посредникомъ между этими двумя господами служитъ здѣшній французскій консулъ, который учился во Франціи вмѣстѣ съ Гуссейномъ. Г-ну Меллингу, дарданелльскому британскому консулу, англичане не совсѣмъ довѣряютъ, зная его симпатіи къ

Россіи. Г. Гроссъ, германскій консулъ, самъ видѣлъ здѣсь Комерелля возвращающимся отъ Гуссейна-паши. Англійскіе офицеры очень часто посѣщаютъ городъ; они пріѣзжаютъ сюда изъ Безики, изъ Саросса и Галлиполи. Иногда они собираются на вечеръ у г. Меллинга, и тамъ ведутся разговоры на тему дня. Всѣ они очень желаютъ войны, убѣждены въ ея неизбѣжности и каждый день ждутъ телеграммы съ приказомъ начать военныя дѣйствія. По ихъ мнѣнію, англійскій дессантъ успѣетъ занять Галлиполи ранѣе, чѣмъ русскіе сдѣлаютъ одинъ шагъ по направленію къ неприступному Булаиру. На этой части театра будущей войны они считаютъ за собой вполнѣ обезпеченными успѣхъ и перевѣсъ. Сначала они очень боялись промахнуться на Босфорѣ, но теперь въ ихъ рукахъ планъ расположенія турецкихъ войскъ по линіи отъ Константинополя къ Бѣлградчику, и англичане успокоились. Впрочемъ, по ихъ словамъ, на Босфорскомъ проливѣ есть всего пять пушекъ, могущихъ быть опасными для брони мониторовъ, а у русскихъ, будто бы, другихъ надлежащихъ орудій по близости къ Босфору не имѣется. Адмиралъ очень интересуется знать, не заготовляютъ ли русскіе мортиръ, такъ какъ навѣсный огонь онъ считаетъ самымъ опаснымъ врагомъ мониторовъ. Ежедневно британскіе агенты сообщаютъ изъ всѣхъ мѣстъ о малѣйшихъ передвиженіяхъ русскихъ силъ.

Я познакомился съ г. Тольмидесомъ, греческимъ вицеконсуломъ на островѣ Тенедосѣ, временно проживающимъ въ Дарданеллахъ. Онъ пріѣхалъ съ острова только вчера, и потому сообщенныя имъ новости самыя свѣжія. На Тенедосѣ уже давно устроенъ складъ британскихъ военныхъ запасовъ и провіанта. Тамъ ежедневно работаютъ до 10 паровыхъ реморкеровъ. Въ Безикской бухтѣ вчера стоялъ всего одинъ броненосецъ, какъ и вездѣ, на готовыхъ парахъ. Другіе два ушли по направленію къ Мальтѣ. Британскіе телеграфные кабели положены по слѣдующимъ

линіямъ: 1) Тенедосъ—Хіосъ, 2) Тенедосъ—Сира, 3) Тенедосъ-Безика-Кумъ-Кале (крайній фортъ въ галлипольскомъ проливѣ къ Эгейскому морю)—Лапсаки (фортъ противъ города Галлиполи) — Константинополь. Въ Сирѣ учреждено англійское военное агенство, въ составъ котораго входятъ два штабныхъ офицера. Сегодня сынъ здѣшняго испанскаго вице-консула получилъ письмо (его читалъ г. Тольмидесъ, о чемъ передавалъ оффиціально Гроссу въ качествѣ германскаго дипломатическаго корреспондента), въ которомъ британскій консулъ Сиры извѣщалъ, что получено изъ Лондона приказаніе законтрактовать 150 переводчиковъ для англійскихъ войскъ. Получатель письма приглашался письменно поступить въ число таковыхъ. Завтра онъ уѣзжаетъ въ Сиру, принимая предложеніе...

Всѣ здѣсь глубоко убѣждены въ неизбѣжности самой близкой войны. Какую же роль будутъ тогда играть турки и ихъ войска? спрашиваю я у моихъ собесѣдниковъ. Меня принимаютъ то за нѣмца, то за бельгійца и, конечно, стѣсняются менѣе, чѣмъ еслибъ узнали мою истинную національность по крови и душѣ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ англичанъ и большинства консуловъ освѣщаетъ мнѣ многое. Читатели, быть можетъ, не забыли, что я еще въ первыхъ письмахъ изъ Константинополя сообщалъ о непрочности трона Гамида и о томъ презрѣніи, съ которымъ говорятъ о малодушномъ падишахѣ всѣ безъ исключенія штатскіе турки—отъ чиновника до каменьщика включительно, и военные, отъ солдата до паши. Англичане, привыкшіе дома уважать общественное мнѣніе, узнаютъ чутьемъ таковое и за-границей. Они знаютъ его силу, и воспользовались имъ. Разговоры, обнадеживанье и деньги направили нелюбовь къ султану по дорогѣ къ интересамъ Великобританіи, и вездѣ, гдѣ только ходятъ, ѣздятъ и проживаютъ англичане въ Турціи, готовъ безмолвный договоръ;—онъ состоитъ въ слѣдующемъ планѣ: Мидхатъ пріѣзжаетъ изъ Лондона, Сулейманъ бѣжитъ изъ темницы

сераскеріата, объявляется низложеніе Гамида, прокламаціи съ воззваніемъ къ религіозному фанатизму и мести къ Россіи заставляютъ солдатъ перейдти на сторону двухъ популярныхъ людей Турціи, генералы куплены, офицеры пойдутъ и такъ. «Пусть Россія, говорятъ они, успѣетъ занять Константинополь; не начало войны, а конецъ вѣнчаетъ дѣло».—«Берегитесь, не опоздайте!», прибавлялъ къ своему разсказу г. Гроссъ, бывшій лейтенантъ англійской военной службы, единственный человѣкъ въ Дарданеллахъ, знающій, что я русскій. Англійскій планъ будущей кампаніи мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ. Не народный турецкій умъ, а народное затмѣніе въ формѣ фанатизма не можетъ простить русскаго погрома. Народъ бродитъ въ потьмахъ, всѣ его привычки сбились съ пути; спокойствіе нарушено вездѣ массой бѣглецовъ и черкесовъ. Примитивный умъ только въ популярномъ имени видитъ спасеніе; въ самомъ себѣ онъ не знаетъ его. Среди невѣжественной массы популярность—синонимъ заученія наизустъ какого-нибудь имени большого, нѣкогда сильнаго человѣка. Всѣ знаютъ имя Мидхата; всѣ защищаютъ здѣсь Сулеймана, называя его героемъ и жертвой придворныхъ интригъ въ кабинетѣ бездарнаго султана, «отдавшагося въ руки русскихъ». Мусульмане откликнутся на зовъ этихъ двухъ людей, даже одного изъ нихъ. Генералы потеряли популярность и сознаютъ, что необходимо возстановить ее. Офицеры и солдаты томятся отъ бездѣлья и безденежья. Всѣ пойдутъ на зовъ во имя національной мести и пророка. Кто не хочетъ идти—и тотъ пойдетъ, чтобъ избѣжать народной расправы. Передъ всѣми англичане разложатъ деньги и оружіе. Невѣроятно, чтобъ то и другое не соблазнило большинство...

Я кончаю это письмо съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ. Я вѣрю въ будущія русскія побѣды, но хочу также и быть увѣреннымъ, что ихъ минуетъ чаша лишнихъ кровавыхъ жертвъ.

Отъ г. Дарданеллъ до Тенедоса 6 часовъ ѣзды на лодкѣ. Я уже нашелъ было таковую, но узнавъ, что г. Тольмидесъ здѣсь, отказался отъ поѣздки и возвращаюсь въ Константинополь. Безъ г. Тольмидеса мнѣ будетъ трудно узнать на Тенедосѣ и Безикѣ все, что хотѣлось бы знать. До другого раза.

Константинополь, 29-го марта (10-го апрѣля).

Галлиполи и Дарданеллы заняты англичанами безъ боя—въ этомъ я убѣдился вчера и третьяго дня своими собственными глазами. Возвратившись въ Царьградъ, я получилъ отъ своего измидскаго корреспондента три письма, въ которыхъ онъ увѣдомляетъ меня, что британская эскадра залива ожидаетъ приказаній подвинуться впередъ къ Тузлѣ. Это движеніе будетъ объяснено подлежащимъ дипломатамъ вреднымъ климатомъ Измида, гдѣ англичане теперь открываютъ эпидемію перемежающихся лихорадокъ. На мѣсто броненосца «Султана» съ 18-ти-тонными пушками, въ Измидъ прибылъ въ прошлую пятницу «Devastation» съ 30-ти-тонными орудіями. Адмиралъ Горнби, слишкомъ нетерпѣливый командиръ, поѣхалъ въ субботу въ Константинополь и въ воскресенье вечеромъ вернулся назадъ, сообщивъ офицерамъ самую вѣрную надежду на близкую войну. Возлѣ берега Стамбула стоитъ прибывшій вчера кабельный англійскій пароходъ. На немъ телеграфная станція Лэйарда отъ тѣхъ линій, о которыхъ я писалъ въ моей корреспонденціи изъ Дарданеллъ. Все это продѣлывается на водѣ—чѣмъ же занимаются политическіе гешефтъ-махеры на сушѣ?

8-го апрѣля (по нашему 27-го марта) полученъ въ Высокой Портѣ циркуляръ Салисбюри. «Bureau de la presse», исполняющее обязанности коллегіальнаго драгомана, засѣло за переводъ циркуляра на турецкій языкъ. Къ вечеру приготовили два: одинъ подстрочный, другой, такъ сказать, литературный. 28-го марта Савфетъ-паша повезъ пе-

реводъ султану. Тотчасъ по прочтенiи его, султанъ изъявилъ желанiе повидаться съ Лэйардомъ, и чтобы избѣжать лишнихъ глазъ и ушей въ Гильдизъ-Кiоскѣ, падишахъ ѣдетъ въ уединенный дворецъ-дачу Фламуръ, и туда немедленно приглашается британскiй посланникъ. Свиданiе продолжалось два часа. Падишахъ и Лэйардъ разгуливали вмѣстѣ по садику. Послѣдствiя ихъ разговора не замедлили обнаружиться: Ахмедъ-Вефикъ-паша, уже подавшiй, какъ я писалъ, въ отставку и, по принятому обычаю для подающаго министра, не выходящiй изъ дома якобы по случаю болѣзни, вдругъ выздоровѣлъ, явился къ Гамиду и пробылъ во дворцѣ цѣлый часъ. Падишахъ принялъ его очень любезно и объ отставкѣ не было произнесено ни одного слова. Лэйардъ уже ждалъ Ахмеда въ зданiи Высокой Порты. Едва первый министръ возвратился изъ Гильдизъ-Кiоска, какъ въ кабинетъ вошелъ Лейардъ, и началась конференцiя. Послали за Реуфъ-пашей въ сераскерiатъ. Черезъ полчаса изъ кабинета была вынесена резолюцiя о назначенiи Ибрагима-паши командующимъ турецкими войсками въ Макрикiоѣ, т. е. между Санъ-Стефано и Царьградомъ. Ибрагимъ-паша рекомендованъ Лэйарду гази-Мухтаромъ, какъ генералъ, отличившiйся особеннымъ мужествомъ и стойкостью на малоазiятскомъ театрѣ войны. Затѣмъ послѣдовало второе слѣдствiе свиданiя падишаха съ Лэйардомъ. Русской главной квартирѣ преподнесенъ намекъ на слишкомъ большое количество русскихъ мундировъ, прогуливающихся по улицамъ Перы, Стамбула и Галаты. Вслѣдствiе этого, теперь опять запрещено нашимъ офицерамъ ѣздить въ Царьградъ въ мундирахъ; исключенiе сдѣлано лишь для командующихъ отдѣльными частями. Наконецъ, чтобы покончить со всѣми попытками русскаго штаба узнать о положенiи дѣлъ на высотахъ Буюкдере, напечатанъ слѣдующiй приказъ: «à cause des travaux que fait exécuter en ce moment le genie de l'armée ottomane, la circulation de voitures et des chevaux est inter-

dite depuis Maslaq jusqu'a Buyukdéré». Вчера пришелъ сюда большой англійскій пароходъ изъ Нью-Гавена въ Америкѣ, нагруженный военнымъ матеріаломъ. Складъ таковыхъ устроенъ не на этой европейской сторонѣ, какъ могущій попасть въ руки русскихъ, а на азіятской, около Скутари, въ Кавакъ-Сераѣ. Я упоминаю о прибытіи этого парохода по слѣдующему обстоятельству. Американскій агентъ въ Константинополѣ по поставкѣ оружія и военнаго матеріала армянинъ Лазоріанъ. Всѣ военные грузы до сихъ поръ шли черезъ его руки, и онъ получалъ переводы на уплату въ Англіи. Мѣсяцъ тому назадъ турецкое правительство объявило Лазоріану, что оно не нуждается больше въ военныхъ запасахъ, и контрактъ на поставку таковыхъ уничтоженъ. Пришедшій вчера пароходъ оказался записаннымъ на имя одного англійскаго маклера, имѣющаго постоянныя дѣла съ британскимъ посольствомъ. Такимъ образомъ, есть поводъ думать, что этотъ новый грузъ предназначается скорѣе для англійской эскадры, чѣмъ для Турціи. Завтра начнется разгрузка, и по содержимому груза будетъ возможно рѣшить возникающій вопросъ.

Прежде, чѣмъ перейдти къ разсказу о томъ, что дѣлаемъ здѣсь мы, русскіе, я считаю нелишнимъ пояснить, отчего г. Лэйардъ оказываетъ протекцію Ахмеду-Вефику-пашѣ. Для англійскихъ интересовъ весьма важно, чтобъ президентство совѣта министровъ не попало теперь въ военныя руки. Для мидхатистовъ необходимо, чтобъ власть султана могла оказаться въ нужную минуту нулемъ и упала безъ сопротивленія. Реуфъ-паша, въ качествѣ военнаго министра, и Реуфъ-паша, на высотѣ почестей, въ роли премьера—два разныхъ лица. На первомъ мѣстѣ онъ лишь балансируетъ, и потому, легко можетъ статься, онъ согласится рискнуть имъ, чтобъ достичь если не лучшей, то болѣе прочной позиціи. Сдѣлавшись же первымъ министромъ, онъ низачто не согласится на революцію, такъ какъ ему очень хорошо извѣстно, что при новыхъ порядкахъ ему не

видать президентства какъ своихъ собственныхъ ушей. Этого достаточно, чтобъ англичане употребили всѣ средства для поддержанія до поры до времени турецкихъ властей въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ. Мидхатисты ведутъ дѣятельную переписку съ своимъ главой, и мнѣ передавали за вѣрное, что ех-визирь обратился конфиденціально къ нашему дипломатическому корпусу съ предложеніемъ обмѣна Европейской Турціи на Закавказье.

Перехожу къ дѣятельности русскихъ.

Великій князь очень часто посѣщаетъ Константинополь, катаясь въ открытой коляскѣ. Русскіе генералы и офицеры гуляютъ по Перѣ и Стамбулу и ѣздятъ осматривать ближайшія окрестности Царьграда. Турецкія дамы вполнѣ помирились съ гяурами и, встрѣчаясь съ послѣдними въ уединенныхъ алеяхъ Сладкихъ Водъ, посылаютъ изъ каретъ воздушные поцѣлуи. Это очень сердитъ евнуховъ и пашей, такъ что бѣднымъ гаремнымъ затворницамъ запрещено теперь покидать ихъ обитель, обращенную окнами во дворъ. Великаго князя посѣщаютъ разные министры и посланники, за исключеніемъ фанатика-Лэйарда; но такъ какъ центръ политической тяжести не здѣсь, то эти свиданія не имѣютъ конечно особенной рѣшающей важности. Притомъ же, если съ турками разговариваютъ, т. е. убѣждаютъ ихъ, а не приказываютъ имъ, то можете смѣло быть увѣренными, что разговоръ останется безъ всякихъ результатовъ. Съ національной точки зрѣнія, турки въ этомъ отношеніи вполнѣ правы: мусульманскій обычай учитъ ихъ уважать людей дѣла и презирать «разговорчивость».

Сегодняшній день, впрочемъ, не пропалъ даромъ. Нашъ главнокомандующій, со свитой человѣкъ въ полтораста, выѣхалъ верхомъ изъ Санъ-Стефано и осматривалъ, втеченіи 4—5 часовъ, турецкія укрѣпленія въ Макрикіоѣ (по пути изъ Санъ-Стефано), около казармъ Даудъ-паши и Рашидъ-Чифлика (по дорогѣ изъ Чекмеджи). Великій князь, послѣ осмотра, сѣлъ въ лодку и отправился на стоящую

въ здѣшнемъ рейдѣ «Ливадію», а часть свиты проѣхала черезъ Перу.

30-го марта.

Не вѣрьте слухамъ и иностраннымъ извѣстіямъ о новомъ русскомъ требованіи пропустить наши войска къ тому или другому проливу. Изъ самаго достовѣрнаго источника я имѣю свѣдѣніе, что русская дипломатія, вплоть до разрѣшенія англо-русскаго вопроса, воздержится отъ всякихъ новыхъ требованій. Въ здѣшнихъ русскихъ и турецкихъ оффиціальныхъ кружкахъ увѣрены, что натянутое положеніе дѣлъ разрѣшится такъ или иначе черезъ недѣлю, т. е. ко времени роспуска британскаго парламента передъ праздникомъ Пасхи. Эти кружки полагаютъ, что войны не будетъ; Россія будто бы соглашается на исключеніе изъ предѣловъ Болгаріи четырехъ западныхъ и южныхъ санджаковъ (округовъ) Македоніи, вмѣстѣ съ портомъ на Эгейскомъ морѣ, на образованіе европейской коммисіи для устройства Болгарскаго княжества и отказывается отъ Бессарабіи. Вчера, послѣ объѣзда великимъ княземъ константинопольскихъ турецкихъ укрѣпленій, Высокой Портѣ былъ данъ намекъ, что если турки не остановятъ постройку новыхъ редутовъ вокругъ столицы и по Босфору, то русскіе, въ свою очередь, начнутъ приготовляться въ военномъ отношеніи. Г. Ону сообщилъ мнѣ сегодня за вѣрное, что вслѣдствіе этого намека турки пріостановили всѣ военныя работы на вышесказанныхъ пунктахъ. Я не замедлю провѣрить это сообщеніе новой поѣздкой къ Маслаку и Бѣлградчику, и сообщу результатъ своихъ наблюденій. Эти переговоры ввели многихъ въ заблужденіе, и большинство иностранныхъ корреспондентовъ и агентствъ сообщаютъ сегодня, что русскіе уже работаютъ надъ новыми укрѣпленіями, что посланы новыя войска къ Галлиполи и т. п. Все это неправда. Теперь періодъ ожиданій, а не дѣйствій. Г. Хитрово, долженствующій отправиться, какъ я писалъ,

въ Западную Македонію, тоже ждетъ и находится пока въ Константинополѣ.

Сегодняшнее письмо изъ Измида разсказываетъ мнѣ, что позавчера туда прибыли 4 русскихъ офицера, съ цѣлью побывать на броненосцахъ, но ни на одинъ изъ нихъ допущенъ не былъ. Кстати упомянуть еще объ одномъ недостовѣрномъ извѣстіи иностранныхъ газетъ относительно количества англійскихъ военныхъ судовъ на Востокѣ. Отсюда телеграфируютъ, что ихъ здѣсь 40. Вотъ дѣйствительный счетъ таковымъ,—счетъ, сдѣланный моими собственными глазами: 1) въ Измидѣ—4 броненосца и 3 фрегата, 2) въ Галлиполи—2 броненосца и 1 фрегатъ, 3) въ бухтѣ Мраморнаго моря, на полуостровѣ Галлиполи—1 броненосецъ, 4) въ Саросскомъ заливѣ—4 броненосца и 1 фрегатъ, 5) въ Безикѣ—1 броненосецъ и 2 фрегата, 6) въ Босфорѣ у Терапіи—1 фрегатъ, 7) въ Босфорѣ у Долма Бахчи—1 фрегатъ и 8) въ Золотомъ Рогѣ—1 фрегатъ съ телеграфнымъ кабелемъ; итого 12 броненосцевъ и 10 фрегатовъ, т. е. почти вдвое менѣе, чѣмъ хвастаются англійскіе корреспонденты.

Г. Нелидовъ утвержденъ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ и на-дняхъ вручитъ султану вѣрительныя грамоты. Говорятъ, что г. Хитрово оставляетъ постъ здѣшняго генеральнаго консула. О немъ многіе пожалѣютъ, особенно тѣ, кому приходилось обращаться къ Михаилу Александровичу за какой либо помощью. Онъ не зналъ отказа, и заслужилъ здѣсь среди русскихъ, славянъ и турокъ самую хорошую репутацію. На мѣсто его назначается г. Губастовъ, второй секретарь нашего константинопольскаго посольства.

1-го (13-го) апрѣля.

Вчера великій князь объѣзжалъ укрѣпленія и высоты Босфора. По его осмотру оказалось, что у турокъ готова лишь одна батарея въ Маслакѣ; на прочихъ возвышенностяхъ стоятъ просто части войскъ и артиллерія. Выводъ,

впрочемъ, остается прежній: суть заключается въ томъ, что пушки у турокъ на мѣстахъ; окопаться дѣло минутное. Великій князь выразилъ желаніе, чтобъ турки убрали съ этихъ деликатныхъ пунктовъ свои войска куда-нибудь подальше, въ болѣе безобидныя мѣста. Нѣтъ сомнѣнія, что Высокая Порта не замедлитъ исполнить желаніе нашего главнокомандующаго съ величайшей предупредительностью и... предусмотрительностью, т. е. войска перейдутъ съ однихъ вершинъ поблизости Босфора на другія,подальше отъ пролива, но поближе къ намъ. Это предположеніе уже оправдывается разсказомъ людей, живущихъ по Босфору и пріѣхавшихъ сегодня утромъ на службу въ Константинополь; турецкія войска, говорятъ они, подвигаются отъ пролива на сѣверъ.

Великій князь опять ночевалъ на «Ливадіи» и сегодня присутствовалъ на обѣдни въ русской посольской церкви. У воротъ стояла густая толпа любопытныхъ, а церковь наполнилась дамами русскими и иностранными. Сюда собрались всѣ національности и люди всѣхъ религій, лишь бы посмотрѣть на великаго князя, ген. Непокойчицкаго и Левицкаго, тоже присутствовавшихъ при богослуженіи. Затѣмъ, слѣдовалъ завтракъ въ посольскомъ дворцѣ и молебенъ въ консульскомъ домѣ по случаю оффиціальнаго открытія съ завтрашняго дня русскаго генеральнаго консульства. Народу и тутъ набралось очень много. Послѣ молебна на воротахъ консульства былъ торжественно прикрѣпленъ русскій государственный гербъ. Я уже сообщалъ вамъ, что завѣдываніе консульствомъ переходитъ въ руки второго секретаря здѣшняго посольства, г. Губастова. Повидимому, въ сферахъ нашего посольства тоже предстоятъ нѣкоторыя перемѣны. Г. Нелидовъ, уже назначенный изъ С.-Петербурга и признанный Портой нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, какъ говорятъ, отказывается отъ своего поста въ виду болѣзни, непозволяющей ему выходить изъ дому. Я, конечно, не берусь утверждать, насколько вѣрно это извѣ-

стіе; могу сказать лишь одно: г. Нелидовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ нашихъ дипломатовъ, которые признаютъ необходимой для Россіи политику наибольшей осторожности и прямоты.

Я съ глубокимъ сожалѣніемъ читаю надежды русской прессы на возможность занятія Галлиполи. Поѣздка на полуостровъ вполнѣ убѣдила меня въ несбыточности этой мечты. Галлиполи уже занятъ, фактически занятъ, взятъ, завоеванъ англичанами. Они уже нѣсколько недѣль тамъ полные и обезпеченные хозяева; турки ихъ чернорабочая сила и пушечное мясо на случай. Впечатлѣніе моей поѣздки было такъ сильно и такъ осязательно ясно убѣждало меня въ вышесказанномъ, что я рѣшился сказать: «Галлиполи мы уже потеряли». Лишь на другой день я догадался, что этому рѣзкому приговору, столь противорѣчащему нашимъ общимъ національнымъ желаніямъ, могутъ не повѣрить: я человѣкъ не военный, и могу легко впасть въ ошибку. Хотя я и знаю, что есть вещи и «виды», для пониманія которыхъ ненужно спеціально-техническихъ познаній, тѣмъ не менѣе я рѣшилъ найдти въ подтвержденіе своего мнѣнія о потерѣ Галлиполи какой нибудь достаточный военный авторитетъ. Случай помогъ. А. И. Нелидовъ предложилъ мнѣ отправиться къ генералу Н., полагая, что послѣднему будетъ интересно узнать нѣкоторыя подробности моей поѣздки на полуостровъ. Сегодня вечеромъ я былъ принятъ генераломъ. Мой разсказъ былъ коротокъ, и я заключилъ его вопросомъ: «я полагаю, что я не ошибся, генералъ, написавъ въ Россію, что Галлиполи уже занятъ англичанами и что укрѣпленія и мѣстность полуострова дѣлаютъ невозможнымъ занятіе его нашими войсками?»— «Вы не ошиблись», отвѣтилъ генералъ. Нашъ дальнѣйшій разговоръ подтвердилъ мое предположеніе, что попытка занять теперь Галлиполи повела бы къ потокамъ русской крови, которая бы проливалась на каждомъ вершкѣ потеряннаго полуострова, такъ какъ каждый вершокъ

обстрѣливается 51 укрѣпленіями, сотнями стрѣлковыхъ рвовъ и почти десяткомъ британскихъ морскихъ чудовищъ. Итакъ, вотъ резюме того, что дѣлалось здѣсь, пока въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ разсуждали о мирѣ: здѣсь шла война, тихая, безъ выстрѣловъ; обѣ воюющія стороны тратили милліоны, одни—на содержаніе себя, другіе—на пріобрѣтеніе союзниковъ-слугъ; нашъ врагъ, помощью сувереновъ и паровъ, выигралъ битву безъ битвы и занялъ то, что хотѣлъ занять. Чтобъ отнять у врага плоды этой побѣды, мы должны или облить полуостровъ родной кровью, или заплатить врагу вознагражденіе. Итакъ, оставимъ праздную мечту о «занятіи Галлиполи»—онъ уже чужой, британскій. Перейдемъ къ другому проливу, болѣе близкому къ намъ и по разстоянію, и по интересамъ—къ Босфору. Я уже сообщалъ вамъ подробно о тѣхъ укрѣпленіяхъ, которыя созидаются на высотахъ Босфора британскими рабочими—турками. Слухъ о нихъ дошелъ и до нашей главной квартиры, вслѣдствіе чего сегодня великій князь, въ сопровожденіи свиты и эскорта, отправился осмотрѣть новыя созданія нашихъ «новыхъ друзей». Вы ждете, конечно, описанія того впечатлѣнія, которое вынесли военные люди изъ этой поѣздки. Исполнить это мнѣ очень трудно, и вотъ по какой причинѣ: на всѣ мои вопросы отвѣчаютъ такъ: «позиціи у нихъ, турокъ, сильныя, но вѣдь намъ не придется ихъ брать—войны вѣроятно не будетъ!» Въ здѣшнихъ русскихъ оффиціальныхъ сферахъ господствуетъ глубокое убѣжденіе, что война «выворачиванья русскаго кармана Англіей» кончится выгоднымъ для послѣдней торгомъ; вслѣдствіе этого всѣ верки, редуты, форты и батареи теряютъ и интересъ, и смыслъ, и значеніе. Но для насъ достаточно одного признанія со стороны военныхъ компетентныхъ людей, что «позиціи турокъ на высотахъ Босфора—сильныя позиціи». Въ случаѣ надобности, эти позиціи надо брать или силой, или соглашеніемъ о ихъ уступкѣ. То и другое требуетъ времени; а англійскій флотъ въ 3 часа дойдетъ

отъ Измида до Константинополя и ему нуженъ еще 1 часъ, чтобъ выйдти изъ Босфора въ Черное море, или полчаса, чтобы стать на Босфорѣ въ ту позицію стража, которую занимаютъ британскіе броненосцы у береговъ Галлипольскаго полуострова.

— Что же намъ дѣлать, неужели и Босфоръ мы потеряли? спрашиваю я у американскаго посланника, только-что вернувшагося изъ Измида.

— У васъ есть поповки—поставьте ихъ противъ Константинополя; онѣ защитятъ входъ въ Босфоръ, пока войска не займутъ надлежащія позиціи по берегу пролива; а потомъ поповки могутъ уйдти подъ защиту русскихъ береговыхъ батарей.

Американецъ разсуждаетъ хорошо, но онъ забываетъ слѣдующія вещи: на европейскомъ берегу Босфора нѣтъ ни одной батареи—на азіятскомъ ихъ 14; тамъ же стоятъ египетскія войска, военные пароходы турецкіе и англійскіе. Такимъ образомъ, русскіе если и успѣютъ занять высоты, теперь уже значительно крѣпкія, то на берегу Босфора они очутятся подъ готовымъ огнемъ, который, конечно, будетъ отличнымъ защитникомъ и помощникомъ британскаго флота. Мои предположенія о будущей роли египетскихъ войскъ, высказанныя въ одномъ изъ прошлыхъ писемъ, имѣютъ теперь за себя новыя данныя. Какъ только началось острое, натянутое отношеніе Англіи къ къ Россіи, принцъ Гассанъ немедленно покинулъ Царьградъ и переѣхалъ со всѣмъ со своимъ штабомъ къ египетскому лагерю на Босфорѣ (противъ Терапіи, лѣтней резиденціи британскаго польства). Вчера адмиралъ Горнби на военномъ фрегатѣ ѣздилъ по Босфору, осматривая укрѣпленія на европейскихъ высотахъ (противъ русскихъ) и по азіятскому берегу (будущія англійскія). Въ Терапіи его встрѣтилъ принцъ Гассанъ.

— Пройдетъ-ли британскій флотъ въ Черное море, если

война будетъ объявлена? спрашиваю я у полковника генеральнаго штаба.

— Нѣтъ сомнѣнія, что пройдетъ, — отвѣчаетъ онъ мнѣ самымъ увѣреннымъ тономъ.

Что же признаютъ за лучшее наши здѣшніе военные? Они находятъ наиболѣе сообразнымъ, не обращая вниманія на Англію, уйдти въ границы Болгаріи, обозначенныя мирнымъ трактатомъ, оставить тамъ условленную оккупаціонную армію и, сберегая деньги, ждать, чтобы враги сами попробовали «выбить» Россію изъ намѣченныхъ ею границъ.

Что же признаютъ за лучшее наши здѣшніе дипломаты? Они совѣтуютъ найдти помощью уступокъ временный modus vivendi, который бы обезпечилъ намъ миръ хотя на ходъ или на два. Возможность уступокъ «люди мира» находятъ во всѣхъ концахъ будущей Болгаріи: со стороны Чернаго моря—Мидію, со стороны Адріанополя—Мустафа-Пашу и Киръ-Килиссу, отъ Эгейскаго моря — Кавалу, съ запада — полъ-Македоніи.

— По частямъ или заразъ все? спрашиваю я, нѣсколько удивленный русскимъ великодушіемъ.

— Можно и все...

Теперь перейдемъ къ другой мечтѣ русской прессы — «заставить Турцію выслать изъ ея водъ британскую эскадру». Не удивляйтесь, что я беру на себя смѣлость отвѣтить на эту мечту. Я очевидецъ того, что здѣсь происходитъ, и единственный очевидецъ изъ русскихъ того, что есть въ Галлиполи, Дарданеллахъ и Измидѣ. Я называю себя единственнымъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ. Итакъ, возможно ли такое требованіе? Можетъ ли исполнить его Турція? Увѣряю васъ, что нѣтъ. Даже предположивъ невозможное, что Турція откажется отъ всѣхъ надеждъ, возлагаемыхъ ею на Англію, и тогда она будетъ абсолютно не въ состояніи палецъ о палецъ пошевельнуть, чтобъ исполнить хоть іоту этого требованія. Доказатель-

ства тому налицо: всѣ броненосцы стоятъ у вполнѣ беззащитныхъ береговъ и на столько сами по себѣ сильны, что никогда не позволятъ воздвигать возлѣ себя батареи; замкнуть ихъ—не страшная для нихъ угроза: каждый изъ нихъ имѣетъ провизіи на 6 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, если бы наша дипломатія вздумала, прислушиваясь къ общественному мнѣнію, потребовать отъ Турціи изгнанія британскаго флота — это было бы не болѣе, какъ мнимая буря въ стаканѣ воды: требованіе осталось бы безъ результата. Притомъ же вѣрить, что Турція можетъ отказаться отъ своихъ видовъ на будущее англо-русское столкновеніе, значитъ предаваться самой заоблачной фантазіи. Послушаемъ, напримѣръ, моего корреспондента изъ Измида. Вотъ что онъ сообщаетъ отъ 30-го марта (11-го апрѣля): «Сегодня прибылъ сюда (въ Измидъ) по желѣзной дорогѣ начальникъ турецкихъ арсеналовъ Мехмедъ-паша. Тотчасъ по прибытіи, онъ отправился на адмиральскій броненосецъ на ожидавшей его съ утра адмиральской лодкѣ. По приближеніи его къ броненосцу, вся англійская эскадра салютовала его залпами со всѣхъ судовъ эскадры. Мехмедъ-паша оставался у Горнби до вечера». Уже давно казалось мнѣ, что излишне и мечтать о разрывѣ столь теплой дружбы англичанъ съ турками, но, тѣмъ не менѣе, я обратился надняхъ къ г. Ону съ вопросомъ:

— Правда ли, что турки, въ случаѣ новой войны, немедленно примкнутъ къ англичанамъ?

— Конечно, конечно, отвѣтилъ мнѣ почтенный дипломатъ, который долго жилъ на Востокѣ и имѣетъ случай чаще другихъ встрѣчаться съ представителями турецкой политики.

Итакъ, турокъ и англичанинъ связаны крѣпкими узами, и никто не можетъ сказать, когда и какъ эти узы будутъ порваны. По странной случайности, къ этимъ именамъ слѣдуетъ теперь прибавить и грековъ. Сегодня получена оффиціальная депеша въ англійскомъ посольствѣ, что союзъ

Великобританіи съ Греціей заключенъ, что Англія обѣщаетъ Греціи (съ согласія Мидхата) Ѳессалію и Эпиръ, которые-де должны быть заняты греческими войсками немедленно по объявленіи войны. Лэйардъ, тотчасъ по полученіи депеши объ англійско-греческомъ союзѣ, отправился въ конакъ (мѣстожительство) Ахмеда-Вефика-паши. Первый министръ не имѣетъ своего дома въ городѣ; онъ проживаетъ въ Стамбулѣ у своихъ родственниковъ, и въ свободные часы уѣзжаетъ на свою роскошную дачу на Босфорѣ, рядомъ съ Семибашенной Стѣной. Тамъ гаремъ Ахмеда и его богатѣйшая библіотека. Лэйардъ не засталъ Вефика въ Стамбулѣ, не нашелъ его въ Высокой Портѣ и отправился на каикѣ къ Семи-Башнямъ. Счастливая случайность позволила мнѣ узнать маленькую подробность этой встрѣчи. Подробность не важна, но важенъ ея смыслъ: Вефикъ встрѣтилъ Лэйарда въ халатѣ и туфляхъ, чему нисколько не удивился гордый британскій лордъ. Значитъ, дружба между этими господами не малая. Реуфъ-паша, котораго англичане какъ будто игнорируютъ, льнетъ къ намъ, русскимъ. Такъ, вчера онъ сопровождалъ великаго князя на церемонію селамлика. На процессіи присутствовала масса русскихъ офицеровъ, — султанъ, можно сказать, ѣхалъ между рядами турецкихъ и нашихъ войскъ Въ честь великаго князя былъ сыгранъ военными турецкими музыкантами нашъ національный гимнъ. Затѣмъ, великій князь посѣтилъ султана во дворцѣ Гидьдизъ-Кіоска. Говорятъ, что и при этой новой встрѣчѣ шелъ разговоръ объ общности турецкихъ и русскихъ интересовъ... Фантазій!

XII.

Положеніе султана. — Перемѣна въ Реуфѣ-пашѣ. — Арестъ предполагаемыхъ русскихъ. Англія все усиливается. — Концертъ. — Картина Перы. — Дороговизна въ Санъ-Стефано. — Кокотки и рулетка. — Что англичанамъ дешево — то дорого намъ.—Депутаціи въ Санъ-Стефано.—Адресъ Государю Императору.—Мехметъ-Рушди.—Понужденіе къ сдачѣ крѣпостей.—Г. Хитрово.—Характеристика гг. Ону и Сабурова.—Просьба Австріи о занятіи Босніи и Герцеговины.—Новые министры.—Садыкъ-паша.—Необходимо намъ дѣйствовать.

Константинополь, 3-го (15-го) апрѣля.

ВСЕ по старому въ Царьградѣ. Всѣ надѣются и ждутъ—одни мира, другіе съ большимъ нетерпѣніемъ войны. Турки дѣятельно собираютъ рекрутовъ, свозятъ ихъ въ Константинополь и ежедневно, съ 8 часовъ утра до 4 вечера, обучаютъ неуклюжихъ молодцовъ ратному дѣлу. Обученные отправляются на линіи, обозначаемыя близкимъ присутствіемъ русскихъ войскъ. Султана заставляютъ дѣлать то, что хотятъ англичане, и онъ противъ желанія разыгрываетъ роль врага Россіи. Ему, какъ больному человѣку, нужно спокойствіе. Но безвыѣздный житель дворца необходимо долженъ былъ обратиться въ игрушку придворныхъ. Онъ самъ ничего не знаетъ; всѣ извѣстія, мнѣнія, опасности и надежды доходятъ до него посредствомъ министровъ и разныхъ флигель-, генералъ-адъютантовъ, камеръ-юнкеровъ и камергеровъ. Этимъ господамъ—изъ уваженія къ

прессѣ, не называю ихъ подобающимъ непечатнымъ именемъ—наиболѣе выгодно пугать своего падишаха, сбивать его съ прямого пути и помощью застращиванiй держать въ своихъ рукахъ. Бѣдный больной проводитъ безсонныя ночи, дрожитъ и днемъ; къ кому обратиться? Всѣ далеко, и поневолѣ планъ безсовѣстныхъ дворцовыхъ людей разыгрывается какъ по нотамъ: султанъ отдаетъ имъ свою волю и беретъ ихъ планы вмѣсто своего смысла, разума и чести. Ему говорятъ, что войско опасно держать въ столицѣ—онъ вѣритъ, и шлетъ войска противъ русскихъ, хотя проникся глубокимъ довѣрiемъ къ словамъ великаго князя и понялъ, что главная поддержка его трона—русская сила по сосѣдству. Англичане махнули на султана рукой какъ на безнадежнаго, и пользуются его слабымъ разсудкомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, ради удержанiя министерства Ахмеда-Вефика-паши. Теперь распускаютъ слухъ, что Мурадъ здоровъ. Читающiе мои письма легко догадаются, кому и для чего нуженъ этотъ слухъ. Онъ невѣренъ: я знаю изъ самыхъ лучшихъ источниковъ, что мидхатовскiй ех-султанъ страдаетъ неизлечимой психической болѣзнью—меланхолiей, со всѣми страшными признаками ея постоянства: ех-султанъ отлично ѣстъ, пьетъ, спокоенъ, и растолстѣлъ. Реуфъ-паша, склонившiйся было на сторону русскихъ, теперь увидѣлъ, что пользы отъ этого мало—его разсчетъ попасть въ первые министры не удался. Теперь онъ открыто, на сколько это возможно при соблюденiи извѣстныхъ приличiй, сталъ слугою англичанъ; тѣ его приняли въ свое лоно безпрепятственно и, говорятъ, съ приличнымъ позлащенiемъ.— «Отчего это, спрашиваю я у одного изъ нашихъ дипломатовъ, отчего всѣ льнутъ къ англичанамъ, а не къ намъ, «новымъ друзьямъ» Турцiи?»—«Потому что тѣ, кого мы поддерживаемъ, не имѣютъ никакой будущности», отвѣтилъ дипломатъ, подразумѣвая, что съ удаленiемъ нашихъ войскъ отъ столицы, на тронъ Гамида возсядетъ протеже

Великобританіи. Маленькіе турки, конечно, не такъ политично скрытны, какъ большіе, и дѣйствуютъ менѣе осторожно. Такъ, мой галлипольскій корреспондентъ сообщаетъ о слѣдующемъ характерномъ происшествіи, какъ разъ противорѣчащемъ и «русско-турецкой дружбѣ», и условіямъ санъ-стефанскаго договора. 29-го апрѣля (ст. ст.) послѣ полудня въ одну изъ деревушекъ полуострова Галлиполи, въ Конакіоѣ, не имѣющую ни одного укрѣпленія и лишенную всякаго стратегическаго значенія, прибыли трое подрядчиковъ русской арміи изъ Кадыкіоя (на Саросскомъ заливѣ). Ихъ немедленно арестовали и повели на допросъ, «предполагая въ нихъ русскихъ офицеровъ». Допросъ и арестъ продолжался нѣсколько часовъ. Оказалось, что двое подрядчиковъ даже нерусскіе, одинъ —полякъ, другой—валахъ. Удостовѣрившись въ томъ, турецкія власти выпустили изъ-подъ ареста предполагаемыхъ «новыхъ друзей», но приказали имъ немедленно удалиться за черту русской оккупаціи. Мнѣ сообщаетъ это человѣкъ не только достовѣрный, но и уважаемый, какъ тѣми русскими, которые его знаютъ, такъ и самимъ русскимъ правительствомъ, а потому не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ дѣйствительности описываемаго имъ происшествія. Этотъ человѣкъ усиленно предостерегалъ меня отъ большихъ опасностей въ мою бытность въ Галлиполи. Я тогда не вѣрилъ и смѣялся; теперь я понимаю, что онъ былъ правъ. Изъ Измида новости весьма пріятныя, конечно, не для насъ, а для англичанъ. Дня три тому назадъ, второй кабельный англійскій пароходъ началъ бросать телеграфный канатъ отъ Лапсаки (противъ Галлиполи) къ Измиду, прокладывая его близь Кутали, между Принцевыми островами, около Пасса-Лиманъ, вдоль по лѣвому берегу залива. Къ измидской эскадрѣ прибавилось одно маленькое судно съ небольшой броней и здоровыми пушками. Судя по его конструкціи, оно предназначается или для Босфора, или для Дуная. Затѣмъ, я три недѣли безсмѣнно

видѣлъ у азіятскаго берега Босфора, противъ Стамбула, у Геремъ-Искиллеси штукъ 8 англійскихъ торговыхъ пароходовъ, стоящихъ неподвижно безъ всякаго дѣла. Я, такъ сказать, заподозрѣвалъ ихъ, но не смѣлъ ничего сказать или написать о моемъ ничѣмъ тогда не подтверждавшемся подозрѣніи. Сегодня мои подозрѣнія получили подкрѣпленіе въ слѣдующемъ заявленіи оффиціозной газеты «Джеридси-Гавадисъ»: «Англійскій адмиралъ законтрактовалъ нѣсколько британскихъ коммерческихъ пароходовъ въ Константинополѣ». Та же газета извѣщаетъ, что британскіе интендантскіе чиновники прибыли въ Смирну и тамъ заключаютъ договоры о подрядѣ на съѣстные припасы для арміи; въ Дарданеллахъ англичане выбираютъ мѣсто для постройки бараковъ.

Великій князь сегодня ночевалъ опять на «Ливадіи» и утромъ уѣхалъ въ Санъ-Стефано. Вчера, по случаю концерта въ пользу эмигрантовъ, онъ телеграфировалъ въ Санъ-Стефано свое желаніе, чтобъ на концертѣ было какъ можно больше русскихъ офицеровъ. Вслѣдствіе этого, городъ былъ полонъ русскими мундирами до того, что невинные турки начали бояться—не хотимъ ли мы устроить неожиданный coup d'état. Какой неразсудительный народъ: до сихъ поръ не могутъ понять, что мы совсѣмъ не англичане—намъ давай, такъ и то еще, пожалуй, не возьмемъ!

4-го (16-го) апрѣля.

Я пользуюсь политическимъ затишьемъ на царьградскомъ горизонтѣ, чтобъ познакомить читателя съ маленькой картинкой того, что дѣлается въ столицѣ съ тѣхъ поръ, какъ на улицахъ и тротуарахъ ея заблестѣли русскіе мундиры. Подобіе этой картины трудно найдти гдѣ бы то ни было. Вездѣ населеніе имѣетъ общественныя и нравственныя связи съ обитаемой имъ территоріей, вездѣ есть непраздныя слова «отечество», «патріотизмъ». Констан-

тинополь составляетъ едвали не единственное исключеніе. Его Пера и Галата наполнены людьми и семействами, неимѣющими опредѣленной національности и незнающими никакой другой связи съ столицей и имперіей, кромѣ фактическаго, случайнаго пребыванія въ той и другой. Отецъ итальянецъ, мать гречанка, дѣти, воспитанныя во французской католической коллегіи—вотъ домашняя основа національнаго очага. Презрѣніе и страхъ по отношенію къ мусульманизму, подсудность тому или другому иностранному консульству и полстолѣтія жизни въ Турціи—вотъ обыкновенныя основы общественнаго быта многочисленныхъ обитателей Перы и Галаты. Я понимаю, какъ трудно вообразить себѣ людей, абсолютно незнающихъ ни отечества, ни своей національности, но необходимо представить себѣ таковыхъ, чтобы воспроизвести предъ собой картину европейскаго Константинополя. У этихъ людей, за отсутствіемъ патріотическихъ и общественныхъ интересовъ, всѣ міровыя и городскія событія вкладываются привычнымъ направленіемъ ума въ вопросы личной выгоды, барыша и наживы. Затѣмъ, слѣдуетъ мысль объ обезпеченіи плодовъ спекуляціи, и этимъ исчерпывается абсолютно все нравственное и духовное содержимое людей, незнающихъ «отечества». Большинство грековъ, армянъ и болгаръ принадлежитъ къ той же категоріи; евреи, какъ извѣстно, вездѣ космополиты въ смыслѣ непризнающихъ никакой родины. Все населеніе этихъ хищниковъ жило до сихъ поръ на счетъ угнетаемаго турецкаго и христіанскаго народа, грабя турецкую казну, обирая пашей, эффенди и беевъ, въ сообществѣ съ которыми совершало казенныя кражи. Люди, еще не нажившіе капиталовъ, не стѣснялись выборомъ спеціальностей: сегодня они исправляли должность зайца на биржѣ, завтра сидѣли за прилавкомъ въ магазинѣ, послѣ завтра обѣгали городъ въ качествѣ чичероне какого-нибудь заѣзжаго иностранца. Мало-по-малу капиталъ собирался, бывшій заяцъ надѣваетъ цилиндръ, дѣлитъ скопленную

сумму пополамъ, часть даетъ надлежащему пашѣ въ видѣ «бакшиша», на другую половину у него уже казенный подрядъ. Этотъ родъ наживы былъ здѣсь до такой степени распространенъ, что въ Перѣ и Галатѣ трудно найдти хоть одного домохозяина, который бы лично или въ компаніи съ другими не имѣлъ дѣла съ казной. Обкрадываніе казны достигло своего апогея со времени славянскихъ возстаній. Возникла такая масса контрактовъ, что на долю нѣкоторыхъ «безотечественниковъ» досталось по два и по три договора о поставкѣ. Безотечественники всегда имѣли перевѣсъ надъ подданными Турціи. Послѣдніе боялись турецкаго правосудія; а турки-чиновники охотнѣе соглашались чинить казенное воровство въ сообществѣ иностранцевъ, чѣмъ своихъ соотечественниковъ. Чѣмъ болѣе усложнялось политическое положеніе Турціи, тѣмъ, казалось, болѣе радостно и тепло свѣтилось солнце надъ безотечественниками Царьграда. Вдругъ послѣдовалъ неожиданный ударъ. Турецкое правительство выпустило каиме и ими начало расплачиваться за подряды и поставки. Турецкіе фонды и облигаціи, представленные въ залогъ подрядовъ, упали до $^1/_4$ ихъ стоимости; вмѣсто ожидаемыхъ барышей, контрагенты казны получали сначала $^1/_3$, а потомъ и $^1/_5$ условленной цѣны. Послѣдовали крахи съ саморазстрѣляніемъ, сумашествіемъ, самоповѣшеньемъ и прочими прелестями буржуазныхъ переполоховъ. Люди, вчера богатые, обратились въ нищихъ; остались одни роскошные салоны, шелковые наряды, будуарныя и туалетныя вещицы и разныя украшенія—ихъ нинто не покупалъ, никто даже не бралъ подъ залогъ. Масса стариковъ, взрослыхъ и юношей осталась на улицѣ безъ всякаго дѣла, занятія и работы. Прежнее презрѣніе къ Турціи обратилось въ ненависть; они отшатнулись отъ нея, какъ отскакиваетъ паукъ отъ испитой имъ мухи. Въ это время русскіе подходятъ къ Адріанополю; двигаются все ближе и ближе къ Константинополю. Отсюда ѣдетъ первый транспортъ ожившихъ надеждой про-

жектеровъ. Одни открываютъ въ Чекмеджи, Санъ-Стефано и проч. мѣстахъ русской окупаціи рестораны, гостинницы, кафе-шантаны и, пользуясь потребностью, значительно превышающей предложеніе, назначаютъ на все невозможно высокія цѣны. Вотъ, напримѣръ, тарифъ одного изъ среднихъ ресторановъ въ Санъ-Стефано: 1) супъ 1 фр. 50 сант., 2) кусокъ ростбифа 2 фр., 3) кусокъ курицы 3 фр., 4) кофе 1 фр. 50 сант. и т. д.; за ночлегъ въ маленькой комнатѣ безъ кровати съ постелью на полу брали по 10 и даже по 20 фр. Русскіе нигдѣ не устанавливали тарифовъ, и потому поле для эксплуатаціи было самое обширное. Крупные спекуляторы занимались обираніемъ офицерскихъ кармановъ; мелкіе облѣпили своими шалашами лагери и опустошали скудные солдатскіе доходы. Желающихъ поживиться насчетъ «русской свободы», какъ поэтично выражаются здѣшніе «безотечественники», такъ много, что магазины въ Санъ-Стефано дѣлятся на двѣ и на три части для столькихъ же самостоятельныхъ коммерсантовъ. Когда всѣ мѣста были заняты счастливцами, прочіе рѣшили строиться, и обратились къ великому князю съ просьбой о разрѣшеніи построить въ Санъ-Стефано театръ съ рестораномъ, кафе и проч. Наконецъ, желанная надежда пауковъ, оставшихся въ Константинополѣ, начала сбываться—русскіе появились въ столицѣ сначала украдкой, прикрывая мундиръ штатскимъ пальто, а потомъ и открыто, въ качествѣ «завоевателей друзей». Первый періодъ нагналъ въ Санъ-Стефано и проч. ближайшія стоянки русскихъ массу новыхъ спекулянтовъ штатскимъ платьемъ. Офицеры платили за прокатъ платья на одинъ день по 40 и 60 франковъ, и надо было видѣть эти костюмы! Головы гвардейскихъ щеголей украшали шапки самыхъ оригинальныхъ забытыхъ фасоновъ. Рядомъ подъ руку шли два товарища—одинъ въ безконечной тирольской шапкѣ, другой въ маленькой, едва сидящей на головѣ гарибальдійкѣ. Пальто всѣхъ покроевъ, цвѣтовъ и возрастовъ. Констан-

тинопольцы быстро научились узнавать русскихъ—достаточно было увидѣть на комъ-нибудь странный костюмъ не по росту, не по таліи, чтобъ безъ ошибки угадать въ немъ русскаго воина. Всѣ рестораны удвоили цѣны на кушанье, уменьшивъ порціи; всѣ гостинницы увеличили плату за комнаты втрое и вчетверо. Теперь здѣсь трудно достать номеръ менѣе чѣмъ за 10 фр. въ сутки, кофе менѣе чѣмъ за $1^1/_2$ фр. за чашку и плохой обѣдъ дешевле 6 фр. Масса оставшихся не у дѣлъ безотечественниковъ выстроилась цѣлымъ рангомъ по морскому и желѣзнодорожному пути отъ Санъ-Стефано къ Константинополю. Днемъ и утромъ они берутъ въ плѣнъ русскихъ офицеровъ, водятъ ихъ по городу, зазываютъ за покупками въ базары, пользуясь вездѣ нашимъ незнаніемъ мѣстныхъ языковъ и привычкой, пріобрѣтенной во время кампаніи, платить за все въ тридорого. Вечеромъ же женщины выстраиваются фалангой по главной улицѣ Перы.

— Хотите познакомиться съ турчанкой, армянкой, гречанкой, еврейкой? шопотомъ спрашиваетъ этотъ рядъ гешефтъ-махеровъ у каждаго проходящаго русскаго или похожаго на нашего соотечественника.

Кромѣ этой вечерней профессіи, есть у нихъ и другая. Почти во всякомъ кафе-шантанѣ скрывается въ задней или верхней комнаткѣ рулетка. Туда-то влекутъ нашихъ компатріотовъ вольные гиды, и — какъ ни грустно разсказывать—русскіе рубли сыпятся золотой струей изъ русскихъ кармановъ въ бездонный мѣшокъ банкомета. Это зло достигло до такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что великій князь обратился частнымъ образомъ къ городскимъ властямъ съ приглашеніемъ принять какія-нибудь мѣры противъ этого безобразія. Изъ кафе-шантановъ игорные столики переѣхали въ частные дома. Мы привыкли лишь пожимать плечами въ отвѣтъ на всякое безобразіе. У нашихъ настоящихъ враговъ другія привычки: во всѣхъ ресторанахъ въ Измидѣ, посѣщаемыхъ британцами эскадры, ви-

ситъ на англійскомъ языкѣ тарифъ, утвержденный адмираломъ. При каждой эскадрѣ состоятъ съ залогомъ гиды и переводчики, которыхъ длинный контрактъ приговариваетъ къ тяжелому штрафу за каждый обманъ или нарушеніе предписанныхъ, напечатанныхъ и розданныхъ агентамъ правилъ. Въ посѣщеніяхъ англійскими офицерами Константинополя существуетъ извѣстная правильность, и ихъ всегда сопровождаютъ законтрактованные отвѣтственные переводчики. Hôtel d'Angleterre отпускаетъ британскимъ офицерамъ обѣды, завтраки и комнаты съ уступкой 40% противъ нормальной цѣны. Нашъ же Restorant de S.-Pétérsbourg, протеже нашего посольства, прежде кормившій всѣхъ отличными обѣдами за 4½ франка, по случаю прибытія русскихъ, беретъ теперь за скверный обѣдъ 6 фр. Про отели я уже говорилъ. Обратимся къ мѣнѣ денегъ. Всѣ столики мѣнялъ полны русскими бумажками; наши офицеры платятъ по 8 и 8½ рублей за 20 франковъ; ихъ надуваютъ сотни разъ при обмѣнѣ золота на турецкіе каиме. Не то у англичанъ: у нихъ мѣнялы ихъ консулы, которые получаютъ каиме по настоящей стоимости, безъ всякаго куртажа изъ турецкихъ казначействъ. Такъ дѣлается въ Измидѣ, Галлиполи и Константинополѣ. Припомнимъ, сколько времени стоимъ тутъ мы, русскіе, и англичане, и легко будетъ догадаться, что богатые золотомъ враги безъ труда сохранятъ свои сотни тысячъ, а мы, съ разными непріятностями, перетратимъ сотни тысячъ благороднаго металла, если не милліоны...

Ко многимъ офицерамъ пріѣхали изъ Россіи жены... Въ Санъ-Стефано тѣснота и неудобства страшныя. Многіе предпочли поселиться въ Константинополѣ. Разорившіяся семейства безотечественниковъ подвинулись на чердаки и услужливо уступаютъ свои апартаменты. Цѣны понемногу, хотя и быстро повышаются. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого повышенія: за двѣ комнаты 20 февраля просили по 23 франка въ недѣлю; 12 марта назначаютъ за нихъ 35

франк., 30 марта — 230 франковъ. Обстановка самая соблазнительная: въ каждомъ семействѣ есть дочки, остались, какъ я говорилъ выше, роскошные костюмы отъ прежняго богатства. Все пускается въ ходъ, и въ отвѣтъ бѣдные русскіе золотые сыпятся и сыпятся въ карманы безотечественниковъ. Для проживающихъ здѣсь русскихъ семействъ одинъ изъ важныхъ вопросовъ—способъ и цѣна сообщенія съ Санъ-Стефано. Въ этомъ пунктѣ русскихъ издержекъ произошло то же, что и въ другихъ расходахъ: такса за проѣздъ въ Санъ-Стефано повышена на 250%. Наши враги тоже ѣздятъ въ Царьградъ, но, для экономіи, они сдѣлали вотъ что: взяли массу абонементныхъ билетовъ по уменьшенной цѣнѣ. Они получили уступку въ 25%. Да, мы затмили англичанъ нашей щедростью, но они на это нисколько не обижаются — выворачиванье нашихъ кармановъ одно изъ самыхъ острыхъ оружій британизма противъ русскихъ.

Чѣмъ же объясняется наша щедрость?

Константинополь, 5-го (17-го) апрѣля.

Вчера въ Санъ-Стефано было совершено молебствіе и произведенъ парадъ войскамъ. Въ ординарной картинѣ того и другого было лишь замѣтно большое стеченіе болгаръ и ихъ духовенства. Это депутаты, съѣхавшіеся въ Санъ-Стефано изъ разныхъ мѣстъ будущаго княжества. Они раздѣляются на двѣ депутаціи; одна въ 70 человѣкъ, съ сливнинскимъ и софійскимъ митрополитами во главѣ, завтра преподнесетъ отъ имени всей Болгаріи благодарственный адресъ великому князю, съ просьбою передать его Государю Императору. Къ адресу будетъ приложенъ небольшой золотой крестъ, упирающійся въ луну; внизу вырѣзанъ годъ порабощенія Болгаріи, вверху—годъ освобожденія. Ко кресту прикрѣплена шелковая лента трехъ русскихъ національныхъ цвѣтовъ. Болгары просятъ Государя возложить этотъ крестъ на себя и раздать таковой

всѣмъ, принимавшимъ участіе въ освобожденіи ихъ отечества. Затѣмъ, въ ихъ адресѣ выражается благодарность русскому Царю, воинству и народу. Въ адресѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на будущее княжества. Депутаты вчера вечеромъ собрались вмѣстѣ и разсуждали, подъ предсѣдательствомъ софійскаго митрополита (воспитанника Россіи), какъ о содержаніи адреса, такъ и объ участіи своего высшаго духовенства, находящагося въ Константинополѣ. Они рѣшили предложить своему экзарху присоединиться къ нимъ и быть представителемъ болгаръ, проживающихъ въ Царьградѣ. Однако, наша дипломатіи отсовѣтовала депутатамъ приводитъ въ исполненіе эту мысль, полагая, что Высокая Порта будетъ недовольна демонстраціей. По мнѣнію нашихъ дипломатовъ, не слѣдовало также класть и луны въ подножіе подносимаго креста... Каждый изъ этихъ депутатовъ имѣетъ свой выборный листъ. Всѣхъ подписей у депутаціи около пятисотъ тысячъ. Другая депутація менѣе многочисленная, но болѣе важная по цѣли. Она состоитъ изъ представителей Добруджи, пріѣхавшихъ къ великому князю съ просьбою не отдавать Добруджи румынамъ и оставить ее за Россіей.

Въ Константинополѣ идетъ тихая, медленная, закулисная борьба. Ахмедъ-Вефикъ-паша опять балансируетъ, и теперь, кажется, окончательно упадетъ. Въ составъ министерства призванъ бывшій великій визирь Мехмедъ-Рушди-паша, человѣкъ неповоротливый, неловкій, настоящій турокъ, а потому ни англоманъ, ни руссофилъ. Пока онъ только министръ безъ портфеля, но очень вѣроятно, что завтра же сдѣлается первымъ министромъ, а Вефикъ пойдетъ въ отставку. Англичане сильно горюютъ. Теперь они пускаются на всѣ средства, чтобы спасти своего адвоката въ совѣтѣ министровъ. Такъ, сегодняшній «Levant Herald» упрекаетъ Вефика за то, что онъ сдалъ Санъ-Стефано русской главной квартирѣ безъ письменнаго условія: вотъ, дескать, какой руссофилъ Ахмедъ-Вевфикъ-паша! Я не бе-

русь рѣшать, насколько положено труда нашей дипломатіей для достиженія вышесказанной перемѣны въ министерствѣ. По моему, если трудились, тѣмъ хуже, потому что трудъ пропадетъ даромъ. Кто бы ни управлялъ Турціей, всѣ отношенія ея къ намъ будутъ держаться лишь на уваженіи къ нашей силѣ, а не на личныхъ воззрѣніяхъ того или другого министра. Турція, какъ государство, какъ цѣлое, вынесла слишкомъ большой ударъ изъ послѣдней войны, лишилась границъ эксплоатаціонныхъ и не получила границъ исторически-логическихъ. Поэтому она, какъ волна неустановившагося моря, какъ вода, ненашедшая своего русла, будетъ бить въ ту сторону, гдѣ позабудутъ или прозѣваютъ поставить ей каменную или стальную преграду. Въ Турціи нѣтъ такого политическаго генія, который смогъ бы направить эти волны по своему. И Мехмедъ, и Ахмедъ, и Мидхатъ—всѣ сами поддадутся теченію, лишь отойдетъ преграда, лежащая въ Санъ-Стефано или... если теченію дадутъ новый толчекъ изъ Измида, Галлиполи, Саросса, Безика, Тенедоса, Мальты и т. д. Вотъ почему я не могу позволить себѣ увлекаться надеждой, что, съ перемѣной турецкаго министерства, измѣнится и политика Порты. Мнѣ кажется, что вѣрить въ это такъ же наивно, какъ довѣрять мечтѣ, будто въ это критическое острое время посолъ можетъ съ успѣхомъ замѣнить хорошаго главнокомандующаго, а драгоманы и секретари пишущихъ канцелярій — штабъ и войско. Дипломатія, въ смыслѣ хитрости, способна лишь на временное сохраненіе колеблющагося «порядка». Теперь здѣсь нѣтъ никакого порядка, ничего, ровно ничего установившагося. Теперь пора не поддержанія, а созданія новыхъ отношеній, новыхъ границъ, новыхъ государствъ. Здѣсь канцелярія безсильна, и есть лишь два средства выйдти изъ этого хаоса—честный открытый совѣтъ всѣхъ державъ или нашъ кулакъ, показанный въ подлежащихъ мѣстахъ.

Третьяго дня получена изъ С.-Петербурга бумага, пред-

писывающая понудить турецкое правительство къ сдачѣ еще незанятыхъ русскими войсками частей будущей Болгаріи. Вопросъ объ этой сдачѣ тянется уже нѣсколько недѣль. Надо полагать, что будущій премьеръ Мегеметъ-Рушди-паша поспѣшитъ исполнить это законное требованіе русской власти. Тогда М. А. Хитрово съ двумя кавалерійскими полками немедленно двинется отъ Филиппополя къ Кавалѣ. Г-ну Хитрово поручено и введеніе русскаго управленія въ тѣхъ провинціяхъ. Тамъ, судя по картѣ г. Теплова, представится бывшему дипломату не мало затрудненій, такъ какъ предполагаемые къ занятію санджаки представляютъ полное смѣшеніе разныхъ національностей. Съумѣть примирить ихъ интересы и найдти на первыхъ же порахъ modus vivendi для ихъ взаимнаго мирнаго сожитія— задача не малая и не легкая. Г. Хитрово съумѣлъ внушить любовь и уваженіе къ себѣ всѣмъ національностямъ Константинополя. Можно, слѣдовательно, надѣяться, что онъ съумѣетъ дать миръ и покой единственнымъ частямъ будущей Болгаріи, не пострадавшимъ отъ огня и меча войны. Эти надежды возлагаютъ на него всѣ, кому извѣстна многолѣтняя дѣятельность г. Хитрово на Востокѣ; раздѣляю ихъ и я, знающій М. А. въ теченіи 15 лѣтъ. А. Н. Нелидовъ продолжаетъ хворать, никуда не выходитъ и никого не принимаетъ къ себѣ, такъ что всѣ телеграммы и извѣстія иностранныхъ газетъ о пріемѣ г. Нелидова султаномъ не болѣе какъ политическая утка, пущенная въ видѣ покрывала на уста парламентскихъ оппозиціонныхъ ораторовъ въ Лондонѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Нелидовъ оставитъ постъ здѣшняго русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ преемники ему прочатъ двухъ кандидатовъ: г. Ону, перваго драгомана при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ, и г. Сабурова, посланника при греческомъ дворѣ. Полагая, что для читателя не безъинтересно узнать кое-какія подробности о личностяхъ, имѣющихъ вѣроятность занять важный постъ русскаго повѣреннаго въ Турціи, я

передаю въ нѣсколькихъ строчкахъ то, что видѣлъ самъ и слышалъ о г. Ону и г. Сабуровѣ.

Г. Ону по происхожденію валашскій грекъ; состоя при канцеляріи русскаго посольства, онъ выучился русскому и французскому языкамъ и былъ отправленъ въ Петербургъ для окончательнаго образованія на курсахъ восточныхъ языковъ при азіятскомъ департаментѣ. Затѣмъ, г. Ону, въ разныхъ должностяхъ, служилъ на Востокѣ безвыѣздно въ теченіи 20 лѣтъ. По убѣжденіямъ онъ—человѣкъ мира и соглашеній при помощи компромиссовъ со стороны русской политики. Г. Сабуровъ, если не ошибаюсь, вышелъ изъ разсадника нашихъ дипломатовъ — александровскаго лицея и выдержалъ экзаменъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ изъ французскаго языка и исторіи международныхъ трактатовъ (общій экзаменъ для всѣхъ нашихъ дипломатовъ). Ему около 40 лѣтъ, но онъ уже давно живетъ внѣ Россіи, вдалекѣ отъ всякой русской «нови». Г. Сабуровъ любитъ музыку и занимается нумизматикой. Онъ ведетъ въ Аѳинахъ одинокую, уединенную жизнь. Съ нимъ нужно, какъ разсказываютъ, хорошо познакомиться, чтобъ привыкнуть къ его оригинальному характеру: иногда онъ любезенъ и предупредителенъ; другое расположеніе духа рѣзко мѣняетъ его манеру обращенія. До сихъ поръ дѣятельность г. Сабурова не касалась жгучихъ вопросовъ нашей политики, а потому и судить о ней у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Во время бывшаго вопроса объ участи Греціи въ послѣдней войнѣ имя г. Сабурова совсѣмъ не упоминалось — въ Аѳинахъ жилъ пять мѣсяцевъ въ качествѣ агента нашей главной квартиры г. Каракановскій.

Кончаю письмо повѣстью о дѣлахъ австро-англійскихъ. «Басиретъ» утверждаетъ, что пришла наконецъ давно ожидаемая просьба Австро-Венгріи о позволеніи занять Боснію и Герцеговину. Предложеніе мотивируется присутствіемъ въ Австріи 200 тысячъ бѣглецовъ изъ сказанныхъ провинцій. Такимъ образомъ, Австрія предлагаетъ свои

услуги лишь для водворенія порядка въ несчастныхъ Босніи и Герцеговинѣ, и пока нѣтъ и помина о присвоеніи или захватѣ. Впрочемъ, вы лучше, вѣрнѣе и подробнѣе узнаете о дѣйствіяхъ Австріи отъ моего сотоварища въ Вѣнѣ. Я же ограничиваюсь сообщеніемъ того, что думаютъ отвѣтить Австріи изъ Стамбула. Въ Гильдизъ-Кіоскѣ уже не разъ возбуждался вопросъ о возможности занятія вышеназванныхъ провинцій австро-венгерскими войсками. Всѣ единогласно рѣшили не противиться занятію, но сохранить видъ угнетаемой невинности. Слѣдовательно, Австрія не встрѣтитъ со стороны Турціи никакого дѣйствительнаго препятствія; дѣло ограничится протестомъ и сложеніемъ оружія передъ силой. Англичане также весьма охотно поощряютъ эту идею. Для нихъ выгодно, что между славянскими государствами врѣзывается держава съ мадьярскимъ направленіемъ; съ точки зрѣнія военной это тоже хорошо—австрійскія войска могутъ, въ случаѣ надобности, дѣйствовать направо и налѣво. Насколько выгодно для насъ занятіе Австріей Босніи и Герцеговины—судить не берусь. Графъ Зичи уѣзжаетъ завтра въ Вѣну черезъ Одессу. Его сопровождаютъ недавно прибывшій сюда съ предложеніемъ о занятіи Босніи и Герцеговины камергеръ австрійскаго императора, мадьяръ Каллаи, и слуга, тоже мадьяръ. Я уже давно писалъ вамъ, что графъ Зичи долженъ ѣхать на свиданіе съ Андраши. Здѣшнія газеты почему-то особенно усиленно опровергли это, но мои свѣдѣнія оказались вѣрными.

Приготовленія Англіи продолжаются. Въ то время, когда мы дипломатически-вѣжливымъ путемъ едва добились позволенія Порты провозить черезъ Буюкдере провіантъ для нашей кавалеріи, англичане безъ спроса провезли изъ Безика транспортъ своихъ лошадей и высадили ихъ на измидскій берегъ. Конечно и о фуражѣ для этихъ лошадей нѣтъ и помина въ дипломатической перепискѣ англичанъ съ турками...

— Молодцы! говорятъ про британцевъ турки.

— Какіе нахалы! удивляемся мы, и только одинъ изъ насъ, какъ бы въ самооправданіе, прибавилъ:

Какой бы шумъ вы подняли, друзья,
Когда бы сдѣлалъ это я?

— Вы забываете, замѣтилъ я ему, что кричатъ лишь на тѣхъ, которые боятся крика...

7-го (19-го) апрѣля.

Давно ожидаемый переполохъ совершился. Султанъ взялъ въ руки метлу и вымелъ ею не только кабинеты почти всѣхъ министровъ, но и свои ближайшіе аппартаменты. Его личный докладчикъ, его первый секретарь, его министръ двора—всѣ полетѣли съ своихъ карточныхъ пьедесталовъ вмѣстѣ съ Вефикомъ, Реуфомъ и Саидами. Всѣ предчувствовали перемѣну, но удивились такому радикализму больного падишаха. Большинство моихъ собратій приноситъ на Востокъ свои западныя понятія и тщится пригнать турецкія гаремно-политическія дѣла къ готовой мѣркѣ европейскихъ причинъ и слѣдствій. Меня судьба съ дѣтства связала узами товарищества по школьной скамьѣ съ сыновьями жителей Востока и дала мнѣ впослѣдствіи не разъ въ европейской и азіятской Турціи утвердить впечатлѣнія этого дѣтства. Вотъ почему мой первый вопросъ къ завѣдующимъ политическими тайнами въ Портѣ былъ—какъ это произошло? а не—какія будутъ изъ этого послѣдствія? Я знаю, что министерскія перемѣны въ Гильдизъ-Кіоскѣ могутъ исходить единственно изъ свѣтлой или темной воли падишаха, а не въ виду какихъ нибудь рѣшенныхъ измѣненій въ будущей политикѣ новаго кабинета. Измѣненія, конечно, послѣдуютъ, но опять-таки по причинамъ чисто личнаго, а не разумнаго свойства.

Итакъ, что же произошло въ Гильдизъ-Кіоскѣ?

У дикихъ, вслѣдствіе многочисленныхъ опасностей ихъ

жизни, особенно сильно развиваются, какъ извѣстно, слухъ и зрѣніе. У падишаха, не могущаго ни видѣть, ни слышать, развитію подлежитъ одно подозрѣніе. Критерій для таковаго отыскивается очень просто: кто нибудь не соглашается съ нимъ—ну, значитъ, опасенъ. Именно этому психологическому закону слѣдовалъ падишахъ, смѣняя министерства. Изъ свиданій съ великимъ княземъ онъ вынесъ впечатлѣніе дружбы и вѣры въ сильнаго врага, говорящаго съ нимъ просто, откровенно. Англійское вліяніе, какъ дѣйствующее закулиснымъ путемъ, путемъ разсужденій, разсчетовъ и ихъ утомительныхъ пріемовъ, ушло въ головѣ султана на задній планъ, какъ что-то непріятное и тяжелое. Кромѣ того, султанъ чувствовалъ, что весь воздухъ во дворцѣ наполненъ британизмомъ, что всѣ эти люди съ лентами и эксельбантами, сегодняшніе слуги, до того пропитаны англійскими идеями или соверенами, что въ одинъ прекрасный день для нихъ можетъ возникнуть вопросъ — кто лучше: султанъ или Великобританія? При такомъ дворцовомъ настроеніи, умалялось самое всесиліе падишаха, послѣдній имѣлъ право на особаго рода ревность къ Англіи. Русскаго же духа совсѣмъ не слышно ни въ Гильдизъ-Кіоскѣ, ни въ Высокой Портѣ. Русскіе обращаются съ своими требованіями прямо отъ имени главнокомандующаго къ султану, т. е. какъ бы больше, чѣмъ англичане, признаютъ за послѣднимъ и силы, и власти. Со времени отъѣзда графа Игнатьева, русскіе не дали ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію о какихъ либо дѣйствіяхъ нашей дипломатіи, направленныхъ помимо или во вредъ султану и остаткамъ Турціи. Однимъ словомъ, санъ-стефанская Россія предстала предъ глазами падишаха въ видѣ личности великаго князя, лишенной всякой дипломатической канцелярской тѣни, столь надоѣдливой, назойливой и безпокойной. Султанъ полюбилъ эту Россію, и любовь къ ней внесъ на вчерашній совѣтъ министровъ. Ахмедъ-Вевфикъ-паша, человѣкъ рѣшительный и на языкѣ, и на дѣлѣ, по

обыкновенію оппонировалъ. Султанъ горячится и кричитъ, что опъ пуститъ русскихъ и въ Буюкдере и даже въ Константинополь. Шейхъ-уль-исламъ, въ качествѣ представителя мусульманской юстиціи, поддерживаетъ Ахмеда, рисуя картину воскрешенія османлисовъ. Реуфъ-паша, этотъ несчастный политикъ, не догадываясь о результатахъ спора, приводитъ военно-стратегическія соображенія за неуступку Россіи Босфора; Саидъ-паша проповѣдуетъ это съ точки зрѣнія турецко-морскихъ интересовъ; президентъ государственнаго совѣта вмѣстѣ съ министромъ юстиціи тоже пробормотали нѣсколько словъ относительно сохраненія турецкаго престола; лишь министръ коммерціи молчитъ, а Савфетъ занятъ своимъ нервнымъ миганіемъ.

— Такъ чтоже, обращается къ нимъ султанъ, — не лучше ли прямо заключить союзъ съ Англіей?

Въ залѣ совѣта раздается громогласное и радостное соглашеніе; только Савфетъ-паша молчитъ и отошелъ въ сторону.

— А ты какъ думаешь? спрашиваетъ его султанъ.

Савфетъ-паша подобострастно прикладываетъ руки къ сердцу и отвѣчаетъ:

— Аллахъ повелѣваетъ вами, а вы — нами!

— Хорошо, я подумаю, говоритъ въ заключеніе султанъ, и распускаетъ совѣтъ, провожая его недобрыми взорами.

Встревоженный чувствомъ ревности къ Джонъ-Булю, падишахъ отправляется въ свои апартаменты. Предъ нимъ его докладчикъ и секретарь. Тотъ же разговоръ, и въ результатѣ ревность и подозрѣніе переполнились. Оказалось невозможнымъ оставаться съ ними еще долѣе, и послѣдовалъ немедленный исходъ: одинъ изъ адъютантовъ поскакалъ въ Высокую Порту съ словеснымъ приказаніемъ падишаха о смѣнѣ всѣхъ министровъ. Докладчику, первому секретарю и министру дворца велѣно немедленно забирать свои пожитки и отправляться на другія квартиры... Въ послѣдній разъ Ахмедъ-паша собралъ совѣтъ въ Высокой Портѣ и

объявилъ рѣшеніе падишаха. Дѣло разрушенія исполнено легко: разсердился, приказалъ—и кончено. Увы, созиданіе вездѣ труднѣе. Мѣста опальныхъ надо замѣстить — кѣмъ? вотъ сложный вопросъ. Жители Гильдизъ-Кіоска по отношенію къ выбору людей вертятся какъ бѣлки въ колесѣ; всѣ спицы этого колеса давно испробованы, по нѣскольку разъ убѣждалась бѣлка, что въ нихъ нѣтъ толку, а надо подвинуться впередъ — опять игра лапками по тѣмъ же спицамъ. Заколдованный кругъ людей и у султана; выбирать можно лишь изъ тѣхъ, кто уже не разъ былъ испробованъ и не разъ оказался по той или другой причинѣ негоднымъ. Султанъ зоветъ Мехмеда-Рушди-пашу и предлагаетъ ему составить министерство. Старикъ отказывается наотрѣзъ. То же предлагается Савфетъ-пашѣ, но и добрѣйшій изъ турецкихъ министровъ не соглашается утѣшить своего повелителя. Вспоминаютъ про Садыкъ-пашу. Онъ по происхожденію грекъ изъ Смирны, человѣкъ способный, ловкій, но безъ всякаго образованія и принциповъ. Его прошлое доказываетъ то и другое: онъ былъ министромъ финансовъ во время великаго визирства Али-паша, былъ, затѣмъ, посланникомъ въ Парижѣ; завѣдывалъ таможнями Порты и исправлялъ должность губернатора Дунайскаго вилайета. На всѣхъ разнообразныхъ постахъ онъ умѣлъ быть человѣкомъ неслышнымъ и спокойнымъ, ему около 50-ти лѣтъ и, какъ бывшій посланникъ, онъ обладаетъ знаніемъ французскаго языка, этой необходимой принадлежностью дипломатіи. Назначить его первымъ министромъ нельзя—какъ-то неловко, потому что онъ совсѣмъ неопредѣленный человѣкъ — ни вѣрный, ни измѣнникъ—одинъ Богъ его вѣдалъ до сей поры. Но такъ какъ междуцарствіе опасно и нужно назначить новое министерство сегодня же, то Садыку-пашѣ повелѣвается быть министромъ публичныхъ работъ и президентомъ совѣта министровъ. Такимъ образомъ, ему врученъ весь почетъ премьера и отнята всякая возможность дѣйствовать на

поприщѣ внутренней политики. Въ шейхъ-уль-исламы назначается нѣкто Ахмедъ-Мухтаръ-бей, бывшій въ этой должности во время великаго визиря Махмуда-паши, низложеннаго, сосланнаго и обвиненнаго въ сношеніяхъ съ Россіей послѣ сведенія съ трона Абдуль-Азиса. Новый шейхъ такой же нейтральный, необразованный, безпринципіальный турокъ, какъ и Садыкъ-паша. На мѣсто военнаго министра Реуфа-паши назначенъ Иззетъ-паша, бывшій во время войны командиромъ 5-го корпуса арміи и недавно исправлявшій должность предсѣдателя военнаго суда. Это chef d'oeuvre новаго министерства. Иззетъ хилый старикъ слишкомъ 60-ти лѣтъ и слыветъ за самаго бездарнаго генерала даже въ турецкой арміи; онъ не получилъ ровно никакого образованія и говоритъ лишь на турецкомъ языкѣ. Морское министерство отдано въ руки Ибрагимъ-паши, бывшаго командира константинопольскаго порта, тоже человѣка никому неизвѣстнаго и, по общему отзыву, самаго карманно-мамоннаго свойства. Президентство въ государственномъ совѣтѣ поручено Али-пашѣ, бывшему послу въ Парижѣ. Остаются на мѣстахъ Савфетъ-паша, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, и Огонесъ-эфенди (армянинъ - католикъ) министромъ коммерціи. Въ товарищи министра Садыка-паши назначены двое: безразличный старикъ Риза-бей и (по министерству публичныхъ работъ) Одіанъ-эфенди, армянинъ-грегоріанъ, совершенно понапрасну обозванный «Голосомъ» англоманомъ. Какъ ни натягивалъ султанъ свою заколдованную клѣтку, все-таки не хватило новой спицы для поста министра юстиціи. Одинъ — глупъ, другой — воръ, третій—молодъ и т. д. Въ этихъ случаяхъ падишаху остается одно утѣшеніе: призвать кого-нибудь изъ своихъ скучающихъ безъ дѣла родственниковъ, поцѣловать его и сказать: «спаси славу Аллаха». Такъ поступилъ и Гамидъ: онъ обнялъ со слезами на глазахъ своего молодого шурина (27-ми лѣтъ) Махмуда-пашу и упросилъ его принять многотруд-

ный портфель министерства юстиціи. Молодой человѣкъ согласился пожертвовать собой на нѣкоторое время для блага отечества. Итакъ, великій трудъ созданія завершенъ! Но такъ какъ всѣ министры на столько же нравственно связаны другъ съ другомъ, какъ кирпичи двухъ разныхъ домовъ, то не удивляйтесь, если завтра же составъ новаго кабинета измѣнится въ какой-либо части. Могу васъ увѣрить лишь въ двухъ вещахъ: что русская дипломатія до сихъ поръ была чужда всѣхъ этихъ перемѣнъ и что никакое сочетаніе именъ въ совѣтѣ турецкихъ министровъ не можетъ теперь сдѣлаться выраженіемъ того или другого твердаго, опредѣленнаго образа политическихъ дѣйствій или политической программы Порты. Для созданія чего-либо опредѣленнаго въ этой политикѣ не хватаетъ двухъ вещей: смысла и силы. То и другое дадутъ ей или Англія, если она объявитъ войну Россіи и возьметъ Турцію на помощь, въ качествѣ революціоннаго союзника, или Россія, если она успѣетъ заблаговременно занять важнѣйшій пунктъ восточной стратегіи и политики на востокѣ — Константинополь съ Босфоромъ и придастъ скользящему по наклонной плоскости султану должную устойчивость и авторитетъ. Англія для турецкихъ министровъ играетъ роль листочка для куколки: какую бы куколку ни положили на листочекъ, куколка начнетъ кушать и превратится въ бабочку. Такъ и турецкіе министры. Придутъ въ зданіе Высокой Порты и начнутъ питаться разными англійскими произведеніями — смотришь, куколка отходитъ, сбрасываетъ понемногу свою неопредѣленную форму и становится глупымъ или умнымъ англоманомъ. Какъ совершается этотъ безхитростный процессъ — догадаться не трудно. А если вамъ интересно узнать, отчего онъ однимъ удается, а другимъ нѣтъ, то я готовъ пояснить. Разница происходитъ оттого, что одни сразу дадутъ крупный кушъ и вѣруютъ, а взявшій взялъ и знать больше никого не хочетъ; другіе же даютъ даже меньше, но выбираютъ

такіе моменты, что берущій какъ будто и не беретъ и не продается; онъ чувствуетъ себя свободнымъ, не «слугой» и привязывается къ дающему нравственной веревочкой. Я поясняю только главное или, лучше сказать, одно изъ главныхъ средствъ. Кромѣ его, необходимы тактъ, умъ и проч. аксессуары золотыхъ дѣлъ... Но такъ какъ для превращенія куколокъ въ бабочку нужно время, то англичане должны быть сильно недовольны министерской перемѣной. Въ особенности сердится Лэйардъ; можете представить его отчаяніе и досаду — онъ ничего не подозрѣвалъ и поѣхалъ на прогулку въ Измидъ. Теперь онъ возвратился и, конечно, уже разложилъ зелененькіе листочки подъ новыя куколки. Надо торопиться и намъ — наше время только до появленія бабочекъ, очень короткое время. А торопиться есть чѣмъ: Батумъ, Шумла и Варна не сданы намъ до сихъ поръ по совѣту англичанъ (это вѣрнѣйшій фактъ); западно-южная часть будущей Болгаріи еще не очищена отъ турецкихъ войскъ; Босфоръ все еще служитъ лагеремъ для турокъ и египтянъ и т. д., чуть не до безконечности. Между тѣмъ, кромѣ стратегическихъ причинъ, есть и другія, заставляющія насъ перевести нашу главную квартиру изъ Санъ-Стефано.

XIII.

Заблужденія наши относительно турокъ. — Турецкій народъ и культурные люди.—Преобладаніе канцеляризма.—Редакція „Ваката“.—Патріотизмъ и честь бюрократовъ — Страхъ передъ силой.—Англія станетъ во главѣ Турціи. — Черкесскіе полки.—Роль софтовъ. — Болгары ссыльные и слѣды пытокъ на нихъ.—Вопросъ объ отступленіи русскихъ и англичанъ.—Просьба великаго князя объ отставкѣ. — Знаменія времени: роль печати.—Саидъ-паша.—Пріобщеніе литературы къ политическимъ интригамъ. — Адресъ батумцевъ. — Возстаніе мусульманъ въ Демотикѣ.—Армяне.

Константинополь, 10-го (22-го) апрѣля.

На улицѣ громъ, молнія, вѣтеръ и дождь. Я не могу выдти изъ дома, слѣдуя своей обыкновенной дорогой туда, гдѣ всѣ мы, корреспонденты, почерпаемъ для нѣкоторыхъ свѣдѣнія, для другихъ намеки на мѣстную политику. Вынужденное сидѣнье дома даетъ мнѣ возможность отвлечься отъ вопросовъ дня и посвятить это письмо возстановленію правды, взамѣнъ нѣкоторыхъ сообщеній моихъ сотоварищей по профессіи. Я, конечно, выбираю лишь два-три вопроса настоящаго времени, иначе мнѣ пришлось бы писать очень много.

Многіе утверждаютъ путемъ печати, что турецкій народъ не сознаетъ понесенныхъ имъ пораженій, сохраняетъ нетронутой надежду на свои силы и смотритъ на прибытіе русскихъ къ столицѣ и въ столицу какъ на слѣдствіе любезности падишаха, дозволившаго «московамъ» поцѣловать

свою полу. Я нѣсколько конфужусь, что мнѣ приходится заниматься опроверженіемъ столь наивнаго утвержденія. Но послѣднее я читалъ недавно въ одной изъ русскихъ газетъ. Турки не глупый народъ, да и вообще на свѣтѣ нѣтъ глупаго народа. Бываютъ глупые культурные люди, месса же вездѣ и всегда сохраняетъ такую долю здраваго смысла, которая ей даетъ возможность понять главное значеніе тѣхъ міровыхъ событій, въ которыхъ она принимаетъ непосредственное участіе... Поэтому, совершенно неестественно предположить, будто турки Константинополя, при почти двухъ-сотъ тысячномъ приливѣ эмигрантовъ, могли не сознать и не признать своего пораженія русскими. Во всемъ Стамбулѣ съ утра до ночи ведутся нескончаемые разсказы объ этихъ пораженіяхъ, и, увѣряю васъ, народъ лучше правительства понимаетъ силу русскихъ. Всѣ дальнѣйшіе народные выводы изъ минувшей войны тоже носятъ на себѣ глубокую правду. Народъ не вѣритъ, чтобы онъ могъ быть побѣжденъ; онъ обвиняетъ въ проигрышѣ кампаніи правительство. Въ немъ онъ видитъ измѣну, неумѣлость, апатію и причину войны. Но отъ этого признанія до полной покорности очень далеко. Народъ, какъ масса, нигдѣ и никогда не проявлялъ иниціативы. Онъ покорялся и молчалъ всегда и вездѣ, пока кто-нибудь не бралъ на себя иниціативы и не велъ народъ противъ врага. Тогда народъ слѣдовалъ, бился и умѣлъ умирать. Турецкій народъ теперь находится безъ движенія, но въ періодѣ ожиданій. Національные вожаки не выходятъ впередъ — они знаютъ, что русскіе затушили бы всякую народную вспышку въ ея зародышѣ. Одна Англія гласно и открыто идетъ противъ Россіи. Это соотвѣтствуетъ естественному психическому расположенію побѣжденныхъ и изгнанныхъ мусульманъ. Оттого и только оттого, а не вслѣдствіе какой-нибудь душевной симпатіи, простой турокъ готовъ вѣрить Англіи и слушается ея на работахъ въ Измидѣ, Галлиполи и Дарданеллахъ. Если бы сегодня вышелъ на три-

буну турецкій вожакъ и сталъ бы проповѣдывать противъ Англіи и Россіи вмѣстѣ, народъ бы безъ всякой душевной борьбы разстался съ надеждой на Англію. Узы, связывающія его съ послѣдней, состоятъ единственно во внѣшней и гласной оппозиціи Великобританіи недавнему врагу Турціи—Россіи. Чтобъ понять это, надо хоть немножко знать народную психологію, которая почти одинакова для всѣхъ націй, стоящихъ на приблизительно тожественномъ уровнѣ культуры. Вѣрить отдѣльнымъ разговорамъ, разсказамъ того или другого мусульманина не слѣдуетъ. Настоящія дѣти народа обыкновенно не лгутъ сознательно, но иному ихъ трудно отличить отъ трактирно-образованнаго господина, который всегда больше лжетъ, чѣмъ говоритъ правду. Вотъ эти-то господа, отличающіеся отъ народа душой, а не по костюму, говорятъ разную гиль, хвастаются, шовинистничаютъ и плетутъ самую небывалую небылицу. Ихъ слушаютъ, заносятъ ихъ разговоры въ хронику и выдаютъ ихъ слова за настроеніе народа. Между тѣмъ, трактирно-образованные люди сами очень хорошо сознаютъ грошевую цѣну своего хвастовства. Такъ, въ одной изъ моихъ поѣздокъ по окрестностямъ Константинополя, я предпочелъ ночевать на дворѣ, а мой чичероне остался въ сельской локандѣ. Утромъ онъ приходитъ ко мнѣ и разсказываетъ, что нѣсколько военныхъ турокъ, ночевавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ одной комнатѣ, объяснили ему, что русскіе пришли къ стѣнамъ Константинополя лишь потому, что Европа посовѣтовала Турціи «не разбивать ихъ понапрасну—все-равно, они ни съ чѣмъ назадъ уйдутъ». Чичероне, конечно, не выдумалъ этотъ разговоръ. Я вхожу въ локанду и застаю этихъ господъ-щадителей Россіи. Спрашиваю у нихъ, дѣйствительно ли они такъ говорили и думаютъ, какъ передаетъ чичероне? Трактирные шовинисты сконфузились, замялись и стали смѣяться. Предо мной они не рѣшились повторить той глупости, которую храбро разводили передъ грекомъ-чичероне. Вооб-

ще, простые турки очень толковый народъ, и непростительно смѣшно представлять ихъ огуломъ бездарными до идіотизма. Въ то же время это народъ по натурѣ очень не дурной. Въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться сотни разъ во время моихъ путешествій по Востоку. Самый честный продавецъ, самый честный отельщикъ, кафеджи и пр. — турокъ. Напримѣръ, въ настоящее время въ Константинополѣ за все и вездѣ просятъ въ десять разъ дороже, чѣмъ стоитъ вещь. Вездѣ надо торговаться; за газету, стоющую 3 піастра, разнощикъ непремѣнно попробуетъ спросить одинъ франкъ. Идите въ Стамбулъ, обратитесь къ продавцу-турку, и онъ не запроситъ и не уступитъ ни одного гроша. Баснословные грабежи и убійства въ Царьградѣ среди бѣлаго дня — всѣ безъ исключенія совершались и совершаются греками, армянами, итальянцами и черкесами. Не было случая, чтобы совершилъ такое преступленіе простой турокъ. Только въ послѣднее время начали пошаливать голодные солдаты, повидавшіе всевозможные ужасы на войнѣ. Естественно, что при такихъ качествахъ турецкій народъ не способенъ на одиночное проявленіе ненависти къ русскимъ. Онъ только чувствуетъ себя какъ-то неловко при видѣ русскаго мундира, въ особенности если этитъ мундиръ оказываетъ ему вѣжливость и любезность. Турокъ въ эти минуты разглядываетъ русскаго съ величайшимъ интересомъ. Народная неиспорченная душа быстро примиряется съ «этимъ» русскимъ хорошимъ человѣкомъ. Послѣдній можетъ легко сдѣлаться дорогимъ «достомъ», другомъ, но отъ симпатіи къ отдѣльнымъ лицамъ еще очень далеко до теплаго чувства ко всей русской націи. Итакъ, среди простыхъ мусульманъ вы не сыщете ни симпатіи къ Англіи, ни ненависти къ Россіи. У него есть лишь инстинктивное сознаніе, что нельзя долго оставаться безъ дѣла, безъ хлѣба и безъ земли. Есть лишь два выхода изъ этого положенія: или погибель безъ борьбы, или погибель съ борьбой. Англія даетъ надежду на по-

слѣднюю, оттого Англію и слушаются. Участіе же Англіи необходимо, такъ какъ всякій понимаетъ невозможность теперь бороться съ Россіей безъ посторонней помощи. На этомъ сознаніи, и единственно на немъ основывается британскій престижъ среди народа Турціи. Если Англія не объявитъ войны Россіи или не вызоветъ насъ на такое объявленіе, всякое значеніе ея здѣсь пропадетъ надолго или навсегда. Къ намъ останется уваженіе, какъ къ силѣ, а симпатія къ Англіи замѣнится тѣмъ глубокимъ презрѣніемъ, которое питаетъ примитивный людъ въ умѣ и пословицахъ къ человѣку, много нашумѣвшему и ничего несдѣлавшему. Я убѣжденъ, что Англія никогда больше не будетъ имѣть столь удобнаго случая вооружить мусульманъ противъ Россіи и тѣмъ самымъ сохранить свой престижъ на Востокѣ, весьма полезный и необходимый для Индіи. Съ этой точки зрѣнія, я оправдываю военныя приготовленія Британіи и не вѣрю въ возможномъ мирнаго исхода настоящаго политическаго кризиса.

Сказавъ о турецкомъ народѣ то, что мнѣ казалось необходимымъ въ предупрежденіе печатныхъ заблужденій многихъ изъ моихъ собратій по профессіи, я посвящаю остальную часть письма въ разъясненіе того, что говорится и пишется по поводу англо-турецкаго союза и дѣятельныхъ приготовленій турокъ ради осуществленія этого союза.

Не однѣ книги, но и мои личныя наблюденія заставили меня вѣрить въ слѣдующій законъ политической жизни государствъ: чѣмъ менѣе звеньевъ въ общественной жизни, связующихъ народъ съ культурнымъ людомъ страны, тѣмъ безнравственнѣе и хуже послѣдній. Народъ какъ бы служитъ питомникомъ общественной морали, который недоступенъ безъ посредства третьихъ лицъ стоящимъ на верхней ступенькѣ политической культуры націи. Избранный народомъ депутатъ въ парламентъ, унтеръ-офицеръ, произведенный въ паши, тотчасъ теряетъ связь съ народомъ, если нѣтъ средней ступени, связующей ихъ съ нимъ—хорошихъ

муниципальныхъ учрежденій, милиціи и т. п. Тотъ и другой легко входятъ въ составъ бюрократіи, такъ какъ только въ ней они находятъ поддержку. Выборное народное начало поглощается оторванностью культурнаго люда. Этотъ законъ очень легко провѣрить въ новѣйшей исторіи Франціи; я лично наблюдалъ и замѣчалъ его проявленія въ особенности въ тѣхъ частяхъ Испаніи, которыя не имѣли fueros'овъ, во всей Португаліи, Турціи и Румыніи. Этотъ законъ доказываетъ, что первообразъ народной жизни долженъ пройдти сквозь сложный механизмъ развитія, чтобъ возвратиться очищеннымъ и обновленнымъ свѣтомъ науки. Итакъ, турецкій культурный людъ есть образецъ безнравственности и ея синонима — отчужденности отъ народной жизни. Естественно, что каждая личность его ищетъ надлежащей для себя среды; а такъ какъ для такихъ людей только и есть одна среда—бюрократизмъ, то все турецкое грамотное наполняетъ биткомъ канцеляріи, переднія и пріемныя. Воздухъ послѣднихъ для такого культурнаго люда то же, что вода для рыбы. Безъ канцеляріи имъ нечѣмъ жить, нечего дѣлать и даже не о чемъ думать. Этой духовной и матеріальной пищей такъ пропитано все существо каждаго культурнаго мусульманина, что проявленіе ея замѣтно вездѣ, во всѣхъ мелочахъ. Зайдите, напримѣръ, въ редакцію самой либеральной газеты «Вакитъ»; она возлѣ зданія Высокой Порты. Эта газета—преобразовательница турецкаго литературнаоо слога. Нѣкто Мурадъ-бей, родственникъ Шамиля, русскій черкесъ, воспитанникъ ставропольской гимназіи, переселился въ Турцію и былъ близкимъ лицомъ при Мидхатѣ. Послѣдній поручилъ ему завѣдываніе газетой, и русскій воспитанникъ первый въ Турціи бросилъ витіеватый восточный слогъ и сталъ писать просто и понятно для каждаго грамотнаго. Итакъ, «Вакитъ»— газета не только либеральная, но и преобразовательница турецкаго литературнаго слога. Что же вы видите въ этой редакціи? Зеленые столы точь въ точь какъ въ Высокой

Портѣ, шнуровыя книги, масса реестровъ; бюрократическія отношенія пишущаго передовыя къ вырѣзывающему новости изъ другихъ газетъ и т. д. Стоитъ перемѣнить лишь названія—редактора сдѣлать мустешаромъ, секретаря—беемъ, прочихъ—эффенди и т. д., и никакихъ нововведеній не потребуется — все: и реестры, и субординація готовы для любого департамента. Мнѣ, напримѣръ, достаточно пробыть полчаса въ канцеляріи, чтобы заразиться мигренемъ на цѣлый полдень; а молодые и старые культурные турки просиживаютъ въ своихъ департаментахъ цѣлые часы безъ всякаго дѣла. Дома имъ скучно и жутко. Постоянная возня съ формальностями и іерархическій интересъ быстро сушатъ умъ турецкихъ бюрократовъ и обращаютъ въ ихъ представленіи все живое въ юридическую фикцію, занесенную въ тотъ или другой реестръ: всякій неслужащій перестаетъ имъ казаться живымъ существомъ съ нервами, а превращается въ единицу, записанную куда слѣдуетъ. Этимъ же путемъ образуются у здѣшняго культурнаго люда понятія объ отечествѣ и его потребностяхъ. Первое представляется въ видѣ границъ по казенной картѣ, вторыя понимаются въ смыслѣ правильнаго и безостановочнаго отправленія всѣхъ департаментскихъ службъ. А такъ какъ, за измѣненіемъ перваго, главное второе осталось на мѣстѣ нетронутымъ, то большинство турецкихъ культурныхъ людей готово примириться съ русскими побѣдами, и не только примириться, но и не предпринимать ничего враждебнаго намъ, такъ какъ послѣднее можетъ грозить главной основѣ турецкаго государства: русскіе войдутъ въ Константинополь, запрутъ двери Высокой Порты и... турецкій культурный человѣкъ не можетъ даже представить себѣ, что будетъ дальше.

Такъ настроено большинство здѣшней интеллигенціи. Меньшинство—паши, ферики и муширы—не могутъ быть, конечно, другими людьми, чѣмъ ихъ меньшая братія. Между здѣшнимъ писаремъ и министромъ не особенно существен-

ная разница. Оба не знаютъ Турціи, не признаютъ народа, и занимаются бумагами. Одинъ попроще, другой поважнѣе. Различіе лишь во внѣшности; большая или меньшая доля образованія не кладетъ пропасти между младшимъ и старшимъ единокровными и единоутробными братьями.

Я нарочно нарисовалъ эту картину психической жизни турецкаго бюрократизма, чтобы читатель самъ догадался, какъ трудно ждать отъ этихъ бумажныхъ людей какого нибудь рѣшительнаго шага въ политикѣ, къ числу которыхъ принадлежало бы и заключеніе союза Турціи съ Англіей. Такой шагъ налагалъ бы на турецкое правительство извѣстныя обязательства и грозилъ бы неисчислимыми если не бѣдствіями, то усложненіями въ заведенномъ порядкѣ входящихъ и исходящихъ. Чтобы отказаться отъ рутины и сопряженнаго съ ней покоя, нуженъ, во-первыхъ, стимулъ. Гдѣ же онъ? Патріотизмъ? При незнаніи отечества, онъ не существуетъ. Честь? Къ таковой не привыкли и еще сомнѣваются въ ея цѣнности... Чтобы отказаться отъ привычной рутины и покоя, нуженъ сильный характеръ. Такой образуется жизнію, а турки, заносящіе жизнь въ реестры, сами не живутъ и ничего живого не знаютъ, кромѣ своихъ женъ. Слѣдовательно, только геній изъ пашей, какъ неподчиняющійся общему теченію и вырабатывающійся по исключительному закону развитія генія, могъ бы теперь (еслибы призналъ это разумнымъ) открыто или хоть тайно, но рѣшительно протянуть руку Англіи, взять на себя обязательства и выговорить для себя права. Но между турецкими современными сановниками, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного генія, и потому логически слѣдуетъ предположить, что заключеніе англо-турецкаго союза будетъ отложено до послѣдней минуты. Крайняя минута только одна можетъ вложить въ души турецкихъ бюрократовъ отчаяніе, замѣняющее имъ рѣшительность. Тогда они хотя со страхомъ, но подпишутъ трактатъ, приговаривая: «да поможетъ намъ Аллахъ!» и тая въ глубинѣ души надежду, что разныя уступки

и подвохи помогутъ имъ вывернуться, въ случаѣ неудачи. Съ этими логическими выводами о невозможности существованія готоваго англо-турецкаго союзнаго договора сходятся всѣ достовѣрнѣйшія свѣдѣнія изъ частныхъ и офиціальныхъ источниковъ. Этотъ выводъ и вышесказанное объясненіе характера турецкаго правительства даютъ поводъ предполагать, что, дѣйствуя на чувствительную струну турецко-бюрократическихъ душъ, мы еще имѣемъ время совершить поворотъ въ Высокой Портѣ, обративъ ее отъ Англіи лицомъ къ намъ... Нетрудно и догадаться, какая это чувствительнѣйшая струнка у культурныхъ турокъ. Она—страхъ передъ силой. Когда русская армія перескочила черезъ Балканы и турецкое войско разлетѣлось въ прахъ—Россія превратилась въ умѣ здѣшняго культурнаго люда въ идолъ. Пусть читатель припомнитъ, какими яркими красками изображала иностранная пресса того времени преклоненіе Турціи передъ Россіей. Въ Гильдизъ-Кіоскѣ говорили лишь о «великодушіи побѣдительницы»; о своихъ «правахъ» никто и не заикался. Въ англичанъ чуть не швыряли грязью на улицахъ, а турецкая печать низвела Великобританію до могущества тунисскаго бея.

Но вотъ выступаетъ Англія; ея мониторы проходятъ мимо Галлиполи, русскіе останавливаютъ свое побѣдоносное шествіе впередъ... Англичане захватываютъ выгодныя позиціи; Россія даже не протестуетъ... Англія идетъ куда хочетъ, не спрашивая позволенія; куда пришла, тамъ распоряжается какъ дома; Россія становится все деликатнѣе и деликатнѣе... Престижъ силы переходитъ съ Россіи на Англію. Вчера съ подобострастіемъ исполняли наши требованія; теперь отъ нихъ отмалчиваются и отъ насъ уклоняются, исполняя приказанія и совѣты англичанъ. «Разставьте тамъ войска, тамъ пушки, тамъ мониторы» и т. д., распоряжаются англичане, слѣдуя своему плану. «Чтожъ, это намъ ничего не стоитъ исполнить, особенно при благодарности... извольте-съ!» отвѣчаютъ турки. Но англичане хо-

рошо понимають, что отъ этого «намъ ничего не стоитъ» еще очень далеко до активнаго союза, и потому до сихъ поръ съ ихъ стороны не было сдѣлано о немъ прямого предложенія. Договоръ союза отлагается до послѣдней минуты; когда настанетъ она, турки, исполнившіе совѣты англичанъ, очутятся въ беззащитномъ положеніи по отношенію къ нимъ и въ оборонительномъ по отношенію къ русскимъ. Тогда англичане предложатъ имъ выбрать, и выборъ не будетъ подлежать ни колебаніямъ, ни сомнѣніямъ. До тѣхъ же поръ, повторяю, культурные люди Турціи останутся вѣрными принципу политической безнравственности, предписываемой ихъ оторванностью отъ народной жизни: они будутъ писать, торговаться, уступать по грошамъ и тянуть до крайности.

Итакъ, не вѣрьте, читатель, что турецкій народъ шовинистъ или нравственно убитъ пораженіемъ. Нѣтъ, онъ уменъ, какъ всякій народъ, и, какъ всякій же народъ, инертенъ. Не вѣрьте, когда васъ убѣждаютъ, будто правители Порты хитры и храбры до заключенія союза съ Англіей въ нерѣшительный періодъ политики. Нѣтъ. Они вѣтки дерева націи, оторванныя отъ корня и заброшенныя на чужую мачту. Придетъ рѣшительная минута, и Англія имѣетъ всѣ шансы стать тогда во главѣ турецкаго народа и взять въ свои руки турецкихъ культурныхъ людей...

Константинополь, 11-го (23-го) апрѣля.

Землетрясеніе и дурная погода, очевидно, нисколько не ослабляютъ спекулятивнаго духа завѣдующихъ внѣшней и внутренней политикой. «Не страшатъ ихъ и громы небесные», когда рѣчь идетъ о придержаніи земныхъ въ своихъ рукахъ. Главныя дѣйствующія здѣсь роли, какъ вамъ извѣстно—Англія и Турція; затѣмъ слѣдуетъ Австрія и, наконецъ, Россія. Въ этомъ порядкѣ ролей я и поведу свое сегодняшнее повѣствованіе.

Лэйардъ, какъ я писалъ вамъ, былъ на этихъ дняхъ въ

Измидѣ. Мой тамошній корреспондентъ сообщаетъ слѣдующія подробности объ этомъ пребываніи. Немедленно по пріѣздѣ его, на бортъ броненосца «Александра» были приглашены шесть вліятельнѣйшихъ черкесовъ, которыхъ угощали, наградили деньгами и надеждой на близкое свѣтлое боевое время. Затѣмъ Лэйардъ вмѣстѣ съ Горнби отправились на берегъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ начальникъ измидскаго вилайета Шефкетъ-эффенди; всѣ вмѣстѣ поѣхали въ находящійся вблизи города турецкій правительственный докъ, осматривали его и вернулись назадъ. Къ этому времени въ Измидъ приплылъ голландскій фрегатъ. Кто пріѣзжалъ на немъ—неизвѣстно. Но фрегатъ былъ встрѣченъ со стороны англичанъ залпомъ-салютомъ. Подали лошадей; Лэйардъ, Горнби, два голландца и свита человѣкъ въ двадцать поскакали на горы. Вечеромъ музыка, фейерверкъ и электрическое освѣщеніе. Офицеры эскадры пророчатъ необходимость войны и намекаютъ, что флотъ въ скоромъ времени подвинется впередъ и займетъ старую стоянку у Принцевыхъ острововъ. Маленькій военный пароходъ «Торчъ» ежедневно посылается и теперь къ Принцевымъ островамъ въ рекогносцировку. Англичане никакъ не могутъ повѣрить, что мы — наискромнѣйшая нація на свѣтѣ и предполагаютъ, что мы можемъ удивить ихъ какимъ-нибудь активнымъ сюрпризомъ, въ родѣ высадки на Принкипо. Свиданіе Лэйарда съ измидскими черкесами имѣетъ важный смыслъ. Слѣдуя заранѣе принятому плану—приготовить Турцію къ возможности бороться съ Россіею и невозможности противодѣйствовать Англіи, послѣдняя давно уже возбуждала въ Высокой Портѣ вопросъ о сформированіи черкесскихъ полковъ. Оттоманское правительство не соглашалось исполнить этотъ совѣтъ по двумъ причинамъ: вопервыхъ, султану извѣстно, что черкесы представляютъ наиопаснѣйшій революціонный элементъ мусульманства, а Ахмедъ-Вефикъ-паша считалъ неблагоразумнымъ отдавать мирное населеніе Малой Азіи въ жертву черкесскаго разбоя

ранѣе, чѣмъ настанетъ крайняя въ томъ необходимость. Англія не соглашалась ждать. Ей нужно имѣть здѣсь, подъ рукой, хотя тѣнь какого-нибудь сухопутнаго войска, могущаго грозить и Россіи, и правительству Турціи. Черкесы любятъ Мидхата и помнятъ его покровительство ихъ разбоямъ въ Болгаріи; въ то же время они крайне недовольны Гамидомъ, ставя ему въ вину ихъ разоруженіе и долгій голодъ. Съ этой точки зрѣнія, черкесы особенно дороги британскому политическому сердцу. Конечно, можно было бы согласиться съ Ахмедомъ и ждать рѣшительной минуты. Но этому препятствовали два соображенія. Вопервыхъ, черкесы, теперь отправляемые за десятки верстъ отъ береговъ проливовъ, могли бы, еслибы изъ нихъ образовали полки, остаться у самаго берега; вовторыхъ, Англія боялась, что Россія воспользуется крайнимъ положеніемъ своихъ бѣглыхъ черкесовъ и переманитъ ихъ на свою сторону помощью денегъ и обѣщаній. Сами черкесы надѣялись на такой поворотъ дѣла, какъ мнѣ не разъ приходилось слышать отъ ихъ оборванныхъ князей. Они, какъ и бывшіе крымскіе татары, считали возможнымъ, что русское правительство пригласитъ вліятельнѣйшихъ изъ нихъ и отправитъ ихъ на Кавказъ и Крымъ для установленія условій возвращенія. Англія понимала, что тогда было бы очень трудно разсчитывать на остальныхъ черкесовъ, обладающихъ, какъ извѣстно, въ сильной степени тѣмъ стаднымъ чувствомъ, по которому табунъ идетъ всегда за своимъ вожакомъ. Итакъ, надо торопиться, надо показать султану, что держать черкесовъ въ черномъ тѣлѣ опаснѣе, чѣмъ дать имъ оружіе и образовать изъ нихъ правильные полки. Тридцать черкесскихъ шефовъ были приглашены въ британскій посольскій дворецъ, гдѣ для нихъ составили жалобу на обращеніе правительства съ черкесами. Князья открыто заявили въ ней, что ихъ единородцы крайне недовольны Высокой Портой. Первымъ министромъ тогда былъ еще Ахмедъ-паша, и потому Лэйардъ нашелъ опаснымъ выра-

зить въ черкескомъ протестѣ какое-либо опредѣленное требованіе: Ахмедъ-паша человѣкъ крутой и могъ обидѣться на такую форму британскихъ притязаній. Оборванцамъ черкесамъ поручено поддержать протестъ слѣдующимъ манеромъ: они вездѣ, въ Константинополѣ и проч. мѣстахъ, должны подавать ежедневно длинныя прошенія на имя султана о помощи и жалобы на ихъ настоящее положеніе. Для составленія и писанія прошеній наняты Лэйардомъ особые агенты, которые и разосланы въ надлежащіе пункты (въ число ихъ попалъ одинъ изъ моихъ чичероне). Ахмедъ палъ; Лэйардъ воротился, понюхалъ и нашелъ, что дѣло упростилось. Немедленно собрались тѣ же 30 князей и представили новое прошеніе Садыку-пашѣ, въ которомъ они почти съ угрозой требуютъ образованія изъ себя «особыхъ полковъ» и посылки ихъ въ Дарданеллы и на азіятскую сторону Босфора. Просьба ихъ принята и передана для разрѣшенія въ сераскеріатъ... Если англичане будутъ очень надоѣдать съ поддержкой требованій черкесовъ, настоящій кабинетъ, вѣроятно, исполнитъ ихъ желаніе, такъ какъ кабинету теперь не до такихъ мелочей — онъ занятъ самоукрѣпленіемъ. Кому не совсѣмъ ясна важность такого занятія, тотъ долженъ представить себѣ, какого труда требуется отъ людей, всегда и вездѣ выказывавшихъ лишь одну лѣнь и неспособность, чтобъ заставить кого слѣдуетъ считать ихъ полезными и необходимыми! Садыкъ-паша, напримѣръ, управлялъ таможнями и, конечно, только контрабандисты и супруга-казначей знали его способности и талантъ. Теперь онъ президентъ совѣта; надо же зарекомендовать себя, чтобъ въ Гильдизъ-Кіоскѣ признали за нимъ хоть нѣкоторое охранительное значеніе. То же примѣнимо и въ отношеніи другихъ безцвѣтныхъ и безвѣстныхъ новыхъ министровъ. Для вбитія свай каждаго новаго министерства служитъ особое учрежденіе софтовъ. Въ немъ собираются, для зубренія непригодныхъ въ жизни теорій въ видѣ 23-хъ

тысячъ афоризмовъ, старые и молодые дѣти безвѣстныхъ фамилій. Сыновья не простыхъ смертныхъ учатся въ привиллегированныхъ школахъ султана. Софты не имѣютъ никакой будущности—ихъ почти не берутъ на службу, такъ какъ долгое изученіе теорій, хотя бы и въ смыслѣ теологической философіи, не совсѣмъ хорошая аттестація для бюрократическаго поприща. Такимъ образомъ, зеленые чалмоносцы существуютъ какъ бы спеціально для укрѣпленій министерствъ, возникающихъ изъ неизвѣстности. Софты собираются для лекцій или общаго чтенія комментаріевъ Корана въ одну изъ мечетей. Министръ, желающій укрѣпить себя въ Гильдизъ-Кіоскѣ, шлетъ въ такую мечеть заптіевъ и велитъ арестовать сколько можно. Приказаніе исполняется быстро. Наряженное слѣдствіе оправдаетъ всякое предположеніе. Такъ, въ Коранѣ повелѣвается мусульманамъ избирать себѣ падишаха. Сейчасъ происходитъ такой допросъ: «читали эту статью Корана?» — «Читалъ...» — «Значитъ говорили о выборномъ началѣ по отношенію къ султану?»—«Говорили...» Дальше о другомъ, но въ томъ же духѣ; напримѣръ: «вы знаете, что Мидхатъ-паша составилъ нашу конституцію?»—«Знаю»...—«Турція теперь конституціонное государство и вы, молодой человѣкъ, конечно, признаете этотъ образъ правленія наилучшимъ?»— «Да». — «Значитъ и Мидхату-пашѣ благодарны за его...?» — «Конечно».

Больше ничего не нужно. Министръ ѣдетъ въ Гильдизъ-Кіоскъ и докладываетъ, что онъ открылъ заговоръ, предупредилъ злой умыселъ, спасъ Турцію и пр. Въ удостовѣреніе прилагается «наглое» сознаніе вииновныхъ въ томъ, что они намѣревались замѣнить наслѣдственный образъ правленія выборнымъ и что они благодарны Мидхату. Для виновныхъ есть укромныя мѣста въ Малой Азіи. Министръ выходитъ изъ Гильдизъ-Кіоска въ пріятномъ настроеніи, а Гамидъ, хотя и не такъ пріятно настроенъ сообщеннымъ извѣстіемъ о заговорѣ противъ него, но, смотря вслѣдъ

удаляющемуся министру, думаетъ: «онъ, однако, не того... можетъ быть полезенъ».,. Такую самую комедію разыгралъ по старымъ нотамъ и Садыкъ-паша. Къ несчастью, теперь софтовъ здѣсь очень мало и заптіи не могли захватить болѣе 30 штукъ. Отъ этого заговоръ лишился своей грандіозности и Садыкъ-паша, всетаки, остался въ неустойчивомъ равновѣсіи: султанъ привыкъ къ сотнямъ и десятки на его не производятъ должнаго впечатлѣнія...

12-го (24-го) апрѣля.

По настоянію англичанъ, посланы тысячи палатокъ войскамъ на высотахъ Босфора, развезены патронные ящики по окрестностямъ Константинополя и даже сдѣлана ревизія новымъ фортификаціоннымъ работамъ. Все это вѣрно, но, конечно, совсѣмъ не согласуется съ извѣстіями о снятіи турецкихъ войскъ съ высотъ Босфора и прекращеніи построекъ новыхъ укрѣпленій. Впрочемъ, вы уже знаете, что все это совершилось лишь на словахъ. Для предупрежденія же новыхъ русскихъ дипломатическихъ попытокъ къ уступкѣ Буюкдере подъ предлогомъ гигіеническихъ условій, «The Levant Herald» распустилъ слухъ, что въ Терапіи и по всему Босфору господствуютъ ужаснѣйшія эпидеміи.

По самымъ достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ, количество войскъ, расположенныхъ параллельно линіи русской оккупаціи отъ Макрикіоя до Чернаго моря, увеличивается съ каждымъ днемъ. Подкрѣпленія теперь отсылаютъ отсюда не по сухому пути, а водой. Такъ позавчера туда отправилось изъ Константинополя 18 пароходовъ съ войскомъ. По разсказамъ турокъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, Босфоръ и Константинополь защищены теперь отъ русскихъ 100 тысячами турецкаго войска. Это показаніе вполнѣ подтверждается сегодняшнимъ указомъ султана, напечатаннымъ въ органѣ военнаго вѣдомства «Джереди-Авадисъ», которымъ турецкія войска въ окрестностяхъ столицы раздѣлены на три самостоятельныхъ корпуса. Къ пер-

вому принадлежатъ войска, расположенныя отъ Макрикіоя до Кіатъ-Хане; главная квартира 1-го корпуса помѣщается въ казармахъ Даудъ-паши и командованіе имъ поручено Мегеметъ-Али-пашѣ. Второй корпусъ заключаетъ войска, занимающія высоты отъ Кіатъ-Хане до Буюкдере и оттуда до Чернаго моря; главная квартира его учреждается въ Маслакѣ и командуетъ имъ Фуадъ-паша. Наконецъ, войска, находящіяся въ Константинополѣ и по азіятскому берегу Босфора, составляютъ третій самостоятельный корпусъ съ Шевкетомъ-пашой во главѣ. Османъ-паша назначенъ главнымъ начальникомъ всѣхъ этихъ силъ. Это свѣдѣніе оффиціальное.

Перехожу къ Австро-Венгріи. Какъ только распространилось извѣстіе о предположеніи оккупаціи Босніи и Герцеговины, тотчасъ турецкое «bureau de la presse» и австрійское посольство поспѣшили напечатать оффиціальное опроверженіе, «ничего, дескать, подобнаго не бывало». Такая уклончивость очень не нравится Лэйарду, и вотъ онъ помѣщаетъ въ сегодняшнемъ нумерѣ своего органа слѣдующую замѣтку: «Не смотря на оффиціальное опроверженіе, мы имѣемъ основаніе думать, что идея занятія вышесказанныхъ провинцій существовала въ умѣ австрійскаго кабинета (did cross the mind of the Austrian Chancellor) и была деликатно сообщена Портѣ. Кажется, что послѣдняя не вполнѣ (not sufficiently) одобрила эту идею, и по общему согласію она предана забвенію». Я имѣю основаніе думать, что послѣдняя фраза не вполнѣ справедлива: тонкіе переговоры объ австрійской оккупаціи ведутся здѣсь до сего дня; Турція не прочь отъ исполненія австрійскаго плана, но не хочетъ, чтобъ онъ разыгрался даромъ или безъ гарантированныхъ обѣщаній. Порта, какъ невѣста, ищетъ жениха, но боится позволить поцѣловать свою ручку безъ обезпеченія въ томъ, что женихъ не надуетъ, а дѣйствительно женится. Больше ни о какихъ австрійскихъ дѣлахъ здѣсь не слышно, а потому перехожу къ роднымъ интере-

самъ. Хотя объ этомъ никто не писалъ, но вы конечно знаете, что русское полукольцо, огибающее Константинополь, было одно время весьма непрочно. Теперь устранено всякое опасеніе—новыя войска прибыли, и полукольцо сдѣлалось настоящимъ желѣзнымъ. Не смотря на циркуляры и подтвердительныя депеши, до сихъ поръ не всѣ сосланные болгары возвращаются. Отъ бывшаго экзарха Анфима есть депеша, что ему былъ запрещенъ выѣздъ изъ Ангоры до прошлой субботы. Что случилось—никто не знаетъ. Надо опять ждать, и ждать вѣроятно придется долго, до тѣхъ поръ, пока англичане не высадятъ въ Европѣ надлежащее количество сипаевъ или пока не закончится предполагаемый конгрессъ, срокъ котораго вѣроятно будетъ синонимомъ перваго. Даже въ Константинополѣ еще много заключенныхъ болгаръ. Когда я спрашиваю объ ихъ участи, мнѣ обыкновенно отвѣчаютъ, что таковыхъ совсѣмъ не имѣется. Я намѣренъ пристыдить этихъ господъ, долженствующихъ знать и незнающихъ, и потому объясняю, что въ сераскеріатѣ содержятся, кромѣ многихъ другихъ, и два лица, извѣстныя во всей Болгаріи—скопскій архіепископъ Даніилъ Халендарскій и учитель изъ Габрова Стомоняковъ. Немногіе возвратившіеся изъ ссылки разсказываютъ ужасныя вещи: они носятъ на себѣ слѣды различныхъ пытокъ—прижиганія желѣзомъ, вырыванія зубовъ и вбиваній гвоздей за ногти. Болгары, пріѣхавшіе изъ Триполиса, не находятъ словъ, чтобъ достаточно благодарить маркизу Товерена, урожденную Римско-Корсакову, за ея доброе отношеніе къ несчастнымъ сосланнымъ. Всѣ болгары, бывшіе въ Триполисѣ, возвратились въ Константинополь насчетъ маркизы, которая, кромѣ того, дала каждому по 50 франковъ, одежду и бѣлье. Болгарская депутація, о которой я упоминалъ въ прежнихъ письмахъ, представлялась вчера великому князю. Болгарскій «момка» въ серебряномъ ковчегѣ преподнесъ адресъ; константинопольскій экзархъ прочелъ адресъ, и великій князь отвѣтилъ коротенькой рѣчью, въ которой,

между прочимъ, совѣтовалъ болгарамъ соблюдать миръ и любовь по отношенію къ ихъ мусульманскимъ согражданамъ. Увы, послѣднее едва ли исполнимо. Греція, Сербія, Молдавія и Валахія не успокоились до тѣхъ поръ, пока не покинулъ ихъ освобожденную территорію послѣдній османлисъ. То же, въ силу исторической и культурной необходимости, должно, вѣроятно, повториться и въ будущей Болгаріи. Къ тому же, Англія не упустила воспользоваться скорбнымъ духомъ болгарскихъ мусульманъ, и, какъ извѣстно, въ горахъ Султанъ-Іери, на западѣ отъ Демотики и рѣки Марицы отъ долины Кришмы на югѣ, почти до Эгейскаго моря, вспыхнуло возстаніе послѣдователей ислама. По счету «The Levant Herald», число возставшихъ простирается до 30 тысячъ и они владѣютъ четырьмя крушовскими орудіями. Надо думать, что это возстаніе—начало англо-русской кампаніи. Слухъ ходитъ, что ѳессалійскіе и македонскіе греки составятъ въ скоромъ времени второй анти-русскій инсургентскій лагерь. Органъ Лэйарда уже заранѣе радуется, что для насъ является въ Македоніи «some fear». Удивляться возникновенію этого возстанія нечего: всѣ затрудненія для русскихъ, какія только можемъ мы, читатель, выдумать, навѣрно будутъ употреблены англичанами въ дѣло. Между тѣмъ, пока вновь проливается кровь на югѣ Румеліи, въ Филиппополѣ учреждается русская школа для дѣтей и взрослыхъ. Въ ней уже до 200 учениковъ, изъ которыхъ большинство имѣющихъ надежду администрировать будущимъ княжествомъ. Надняхъ отсюда ѣдетъ въ Петербургъ болгарская депутація. Она везетъ адресъ Государю Императору. Вотъ личный составъ ея: рущукскій епископъ Климентъ, воспитанникъ Россіи; архимандриты Константинъ и Меѳодій; доктора медицины Боронъ, Янкуловъ и Протичъ; учитель габровской гимназіи и бывшій воспитанникъ Россіи Маноловъ, гг. Грековъ, Гурбановъ и Геровъ, состоящій при болгарскомъ управленіи. Всѣ болгары единодушно высказываютъ желаніе, чтобы въ будущемъ княже-

ствѣ было теперь же организовано мѣстное войско, могущее пригодиться и княжесту, и Россіи, въ случаѣ грозящей войны. Это желаніе пока не исполняется,—почему? Не знаю.

13-го (25-го) апрѣля.

Говорятъ, что приближается рѣшительная минута. Во время послѣдняго свиданія съ великимъ княземъ, султанъ высказалъ, что близость русскихъ къ Константинополю возбуждаетъ противъ правительства мусульманское населеніе столицы. Великій князь отвѣтилъ, что Россія согласна отвести свои войска въ границы Болгарскаго княжества, но подъ однимъ условіемъ, чтобы и британскій флотъ покинулъ Мраморное море и Дарданеллы. Вслѣдствіе этого, султанъ немедленно пригласилъ Лэйарда и обратился къ нему съ просьбой тотчасъ же телеграфировать въ Лондонъ отвѣтъ великаго князя и его, султана, личную просьбу убрать броненосцы изъ турецкихъ морей. Лэйардъ въ точности исполнилъ желаніе падишаха. Теперь, какъ утверждаютъ, на этихъ дняхъ долженъ придти отвѣтъ Биконсфильда, и тогда рѣшительная минута наступитъ. Все вышесказанное я передаю такъ, какъ бы доносилъ одинъ дипломатъ другому. Самъ я тоже признаю оставленіе окрестностей Царьграда нашими войсками за весьма рѣшительный шагъ, но я столько видѣлъ и слышалъ въ эти два мѣсяца, что не могу согласиться, чтобъ и оставленіе Мраморнаго моря и Дарданеллъ англичанами составляло для нихъ равный шагъ по стратегической и политической важности. Англія турецкими руками и штыками укрѣпила Босфоръ, Галлипольскій перешеекъ и окрестности столицы. Нѣтъ сомнѣнія, что удаленіе русскихъ дастъ возможность для турокъ повести постройку укрѣпленій свободнѣе, лучше и шире. Такимъ образомъ, въ случаѣ какого нибудь политическаго сюрприза, черезъ двѣ-три недѣли мы найдемъ по дорогѣ къ Галлиполи, Босфору и Царьграду въ десять разъ больше препятствій, чѣмъ су-

ществуетъ теперь. Англичане же, держа свой флотъ въ Безикской бухтѣ, будутъ имѣть лишь одинъ расходъ для того, чтобъ попасть на старыя стоянки—расходъ на уголь для паровъ. Если Порта пропустила британскіе броненосцы въ моментъ наисильнѣйшаго русскаго вліянія на нее, то какой же разумный доводъ можетъ убѣдить насъ въ томъ, что она не пуститъ броненосцы, когда будетъ чувствовать силы и въ себѣ самой. Если кто нибудь вѣритъ въ обѣщанія или даже письменные трактаты съ турецкимъ правительствомъ, тотъ можетъ очень зло разочароваться. Падишахъ Гамидъ, по сознанію даже высшихъ чиновъ нашей дипломатіи, сидитъ на весьма непрочномъ тронѣ. Удаленіе русскихъ дастъ возможность г. Лэйарду въ любую минуту замѣнить Гамида Мурадомъ или хедивомъ, Садыкъ-пашу—Мидхатомъ. Всѣ акты и договоры Гамида будутъ объявлены дѣломъ измѣны, и... мы можемъ раскаяться въ своемъ довѣріи. Я очень жалѣю, что г. Лэйардъ не прочтетъ этого письма; быть можетъ, онъ нашелъ бы въ немъ его мысль, записанную мною подъ его диктовку. Разчитывать на это даетъ мнѣ право слѣдующее соображеніе. Пока шли приготовительныя работы по Босфору и въ Галлиполи, никто изъ турокъ и англичанъ не хотѣлъ и вѣрить въ возможность отплытія флота изъ здѣшнихъ водъ. Работы окончены, турецкія войска на мѣстахъ, и въ Гильдизъ-Кіоскѣ пускаетъ въ ходъ мысль о необходимости удаленія русскихъ и флота не кто другой, какъ завзятый англоманъ, знающій по-англійски лучше, чѣмъ по турецки—бывшій морской министръ Саидъ-паша. Сами англичане теперь вѣрятъ въ возможность своего ухода и только прибавляютъ, что это, молъ, зависитъ отъ русскихъ. Англичане выказали много стратегическаго такта до начала военныхъ дѣйствій. Не продолжаютъ ли они эту военно-безкровную тактику побѣды?

Сегодняшній курьеръ изъ С.-Петербурга ожидается съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Онъ долженъ привезти раз-

рѣшеніе или отказъ на просьбу великаго князя объ оставленіи арміи; съ этимъ же курьеромъ, должно придти объясненіе нашимъ здѣшнимъ дипломатамъ какъ вытребовать отъ Порты еще незанятыя части будущаго княжества и нашихъ новыхъ земель въ Малой Азіи.

У оффиціальныхъ турокъ сегодня физіономіи какъ-то особенно праздничныя. Они, кажется, очень обрадованы возстаніемъ мусульманъ на югѣ Демотики. Пока новому министерству не грозитъ никакой опасности. Османъ-паша и Реуфъ-паша все еще въ опалѣ. На вакантное мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ прочатъ Афика-пашу, нынѣшняго багдадскаго губернатора. Онъ знаменитый человѣкъ въ Европѣ, болгарская рѣзня 1876 года была дѣломъ его ума и рукъ. Онъ былъ высланъ тогда изъ Европы и лишенъ мѣста адріанопольскаго губернатора по настоянію Англіи. Теперь есть вѣроятность, что онъ возвратится въ столицу съ повышеніемъ. Афикъ-паша будетъ вторымъ министромъ-мидхатистомъ въ составѣ нынѣшняго кабинета. Первый таковой — Мунифъ-паша, министръ народнаго просвѣщенія, занимавшій эту же должность при Мидхатѣ. Съ точки зрѣнія нашихъ и гамидовскихъ интересовъ, это «музыри»—опасные люди.

14-го (26-го) апрѣля.

«Знаменія времени» едва ли не самая интереснѣйшая вещь для наблюдателя. Видишь тѣхъ же, какъ и прежде, людей, съ такой же строгой физіономіей, такой же важной осанкой; они силятся постарому изображать изъ себя маленькихъ юпитеровъ, но, увы, во всемъ—позѣ, лицѣ и разговорѣ,—слышится и видится какая-то унылая струнка. Она-то и есть вліяніе «знаменій времени». Эти люди остались такими же, какъ были; но случились нѣкоторыя обстоятельства, которыя подкопали подъ ними основы преданія, и столбы стараго порядка вдругъ почувствовали подъ собой не прежній каменный фундаментъ, а зыбкій песокъ. Еще

есть надежда продержаться на немъ, но прежняя увѣренность исчезла и гордая осанка подчасъ смѣняется понурой головой. Я наблюдаю теперь эти «знаменія времени» въ Высокой Портѣ. Всего года два-три тому назадъ, всякій служащій турокъ, даже въ чинѣ «чапара» — нашего коллежскаго регистратора, сознавалъ себя неизмѣримо выше какого нибудь редактора или издателя мѣстной газеты. Даже редакторъ оффиціальнаго органа считался, по іерархической лѣстницѣ, ниже смотрителя таможенныхъ складовъ. Ни одинъ «ферикъ» и ни одинъ паша, за исключеніемъ Мидхата, не снисходилъ до дружбы, знакомства или даже простого свиданія съ литераторами. Изъ всѣхъ способовъ интригъ при гаремѣ, считался наиболѣе безчестнымъ и наименѣе благодарнымъ способъ составить себѣ карьеру помощью прессы. Похвала ея даже считалась нѣкоторымъ образомъ обидной и опасной, такъ какъ она давала компрометирующій намекъ на знакомство съ пишущей братіей. У пашей оказался недостатокъ въ собственныхъ средствахъ, и они теперь обращаются за помощью и поддержкой къ ежедневной прессѣ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ «Вакитъ» шлетъ громъ и молнію въ павшее министерство Ахмета-Вефика и поетъ восторженные панегирики Саиду-пашѣ, бывшему министру двора. Статьи обоихъ сортовъ наполнены прозрачными намеками на безличность и непрочность кабинета Садыка-паши и надеждой, что «лучшій человѣкъ Турціи», т. е. Саидъ-паша, взойдетъ скоро надъ Востокомъ, какъ заря правды, свѣта и т. п. хорошихъ вещей.

Очевидно, что предстоитъ новая министерская интрига, и я радуюсь, что борьба начинается не въ гаремѣ, а въ редакціи самой распространенной газеты. Ахмедъ-Вефикъ-паша обвиняется «Вакитомъ» въ безхарактерности и виляніи изъ стороны въ сторону—отъ русскихъ къ англичанамъ и обратно, причемъ главные упреки преподносятся бывшему премьеру за допущеніе британскаго флота без опредѣленныхъ выгодныхъ для Турціи условій и, вовто-

рыхъ, за отдачу русскимъ Санъ-Стефано; что же касается мирнаго договора, то «Вакитъ» не только не ставитъ его содержаніе въ вину Ахмеду-Вефику, но даже защищаетъ его отъ нападокъ по этому поводу.

По словамъ газеты, «уполномоченные нарочно выдумали такой неподходящій трактатъ, такъ какъ его несообразность служила лучшимъ ручательствомъ, что Европа не допуститъ его исполненіе». Редакторъ «Вакита», армянинъ Филиппъ-Эффенди, ходитъ по корреспонтентамъ и передаетъ содержаніе этихъ статей ради распространенія ихъ въ европейской печати. Самъ Саидъ-паша недавно пригласилъ къ себѣ корреспондента одной французской газеты, константинопольскаго грека, и сказалъ ему слѣдующее: Кабинетъ Садыка-паши распускаетъ слухъ, что я нахожусь въ немилости у султана—пожалуйста, не вѣрьте этому; я имѣю право бывать во дворцѣ и видѣться съ падишахомъ во всякое время дня. Вы узнаете сами въ скоромъ времени, что значитъ Садыкъ-паша и что значу я въ глазахъ Гамида. Напишите, что это передаю вамъ я самъ; но можете смѣло увѣрить всѣхъ, что если Саидъ-паша будетъ призванъ управлять государствомъ, онъ не будетъ ни англичаниномъ, ни русскимъ, а единственно турецкимъ патріотомъ. Теперь для насъ самое удобное время выдти изъ затрудненій: и русскіе, и англичане дадутъ намъ все, что мы пожелаемъ, чтобъ имѣть насъ на своей сторонѣ. Намъ слѣдуетъ торговаться, и тотъ, кто намъ больше дастъ, тотъ и другъ». Эта рацея была приготовлена для европейской прессы. Про Саида-пашу 2-го я уже упоминалъ не разъ въ своихъ прежнихъ письмахъ. Онъ очень молодой человѣкъ, большой интриганъ, имѣетъ вліяніе на султана и считается однимъ изъ самыхъ честолюбивыхъ и безпокойныхъ людей во дворцѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ паша съумѣетъ подставить ногу нынѣшнему кабинету министровъ, но едвали Гамидъ сдѣлаетъ его премьеромъ. Во всякомъ случаѣ, у Саида-паши есть будущность. Садыкъ-паша очень обижается статья-

ми «Вакита», но не может принять репрессивных мѣр против газеты—она бранит Ахмеда, и это согласно с настроеніем самого дворца. Вести же полемику невозможно. Из всѣх прочих турецких газет лишь одна «Бассирет» достаточно популярна, но у нея есть такое недавнее прошлое, которое не позволяет кабинету имѣть связь с ея редакціей: «Бассирет» до войны получал субсидію из русскаго посольскаго дворца, вслѣдствіе чего ея редактор Али-Эффенди чуть-чуть не был выслан из столицы административным порядком. Директор «bureau de la presse», Меджид-бей, хотя и призывает к себѣ на распеканцію редакторов, но в его грозном тонѣ уже звучит скорбная нотка «знаменій времени» и редакторы выходят из его кабинета не только без трепета в сердцѣ, но даже с саркастической улыбкой на устах. Непрочность падишахскаго режима сказывается, впрочем, не в одном пріобщеніи литературы к правительственным интригам, но и в народных разговорах Стамбула. Вчера, в сопровожденіи одного из моих знакомых по Парижу турок, я сдѣлал маленькую экскурсію в эмиграціонный лагерь. Множество молодых лиц и мускулистых рук невольно навели меня на вопрос: отчего эти молодцы не поступают охотниками в армію, набирающую теперь рекрутов? При коротком срокѣ службы, казалось бы, лучше быть солдатом, чѣм терпѣть холод, голод и всѣ невзгоды бѣглеца. «О, і--ок!» отвѣчали на этот вопрос мусульманскіе парни. В этом протянутом «нѣт» выражалось столько отрицанія, что только житель востока и юга умѣет дать так много смысла такому маленькому слову.—«Но вѣдь стыдно вам не защищать вѣру и отечество послѣ таких пораженій, какія понесла Турція?» попробовал спросить я.—«Мы не боимся военной службы; мы только не хотим служить падишаху и его генералам. Скоро будет война, и мы тогда всѣ пойдем волонтерами к англичанам!» отвѣчали с

большимъ воодушевленіемъ оборванные и исхудалые молодцы. Нѣтъ никакого основанія предположить, что азіятскіе мусульмане больше любятъ и уважаютъ Гамида съ его пашами, чѣмъ мусульмане Болгаріи. Скорѣе наоборотъ, такъ какъ паши въ Болгаріи наживались, грабя христіанъ, а въ Азіи—непосредственно своихъ братьевъ по корану. Это, кажется, очень правдоподобное разсужденіе заставляетъ сильно сомнѣваться въ подлинности поднесеннаго вчера султану адреса отъ батумскихъ гражданъ, въ которомъ они будто бы изъявляютъ свое желаніе остаться подданными Турціи, выплатить за себя деньги Россіи (sic!), а если она не возьметъ, то умереть, но не отдаваться во власть врага. Я убѣжденъ, что адресъ «сочиненъ» англичанами; это предположеніе подтверждается и нѣкоторыми фактами. Такъ, вѣсть объ адресѣ вышла впервые изъ редакціи «The Levant Herald'а»; затѣмъ, та же газета сегодня говоритъ, что адресъ не присланъ, а привезенъ батумской депутаціей. Между тѣмъ, я знаю навѣрно, что адресъ пріѣхалъ въ Константинополь по почтѣ, что именно почта, а никто другой, передала его Садыку-пашѣ. Слѣдовательно, если депутація теперь и существуетъ, то она не пріѣхала съ адресомъ изъ Батума, а организована здѣсь, въ Стамбулѣ, по тому же способу, какъ и прошлыя депутаціи мусульманъ и болгаръ, представлявшіяся Лэйарду. Въ Константинополѣ есть всякій сбродъ, и нетрудно отыскать четыре или пять уроженцевъ Батума и его округа. Цѣль адреса очевидна: затянуть сдачу намъ порта и доставить заграничной прессѣ случай поговорить лишній разъ о захватахъ Россіи. Во всякомъ случаѣ, это очень непріятный фактъ. Скажу откровенно: я не могу помириться съ русской неподвижностью, дающей нашимъ врагамъ возможность дѣлать намъ непріятности; неужели же мы не могли бы тоже составить адресъ отъ батумцевъ и, на основаніи его, вступить въ принадлежащій намъ городъ по праву побѣды и договора?

Извиняюсь за это маленькое невольное отступленіе и продолжаю разсказъ о мусульманахъ. Возстаніе ихъ на югѣ Демотики, судя по всѣмъ слухамъ и свѣдѣніямъ, приходящимъ въ Константинополь, идетъ crescendo. У инсургентовъ оказывается хорошій запасъ оружія, провіанта и денегъ. Оружіе они, дѣйствительно, могли добыть отъ разбѣжавшагося войска Сулеймана, но откуда у нихъ деньги и провіантъ, когда все и вездѣ поголовно терпитъ большую нужду въ этомъ краѣ? Я нахожу единственный отвѣтъ на этотъ вопросъ—англичане помогаютъ. Если, какъ я предполагаю, возстаніе вынудитъ русскія войска предпринять противъ инсугентовъ походъ, я, конечно, не замедлю побывать на мѣстѣ; тогда будетъ возможность узнать въ точности стимулъ къ возстанію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлить его цѣль. Что же касается до греческой инсуррекціи, то я намѣренно давно не упоминалъ о ней. Всѣ телеграфныя агентства, какъ извѣстно, оповѣстили міръ, что возстаніе въ греческихъ провинціяхъ окончено, вслѣдствіе англо-греческаго соглашенія. До меменя же доходили извѣстія совсѣмъ другого содержанія. Хотя я и довѣрялъ послѣднимъ больше, чѣмъ первымъ, однако предпочелъ выждать подтвержденія тѣхъ или другихъ. Теперь я могу смѣло сказать, что всѣ бывшія попытки заключить турецко-греческое перемиріе остались безъ результата. Причина тому была слѣдующая. Англія, предвидя въ будущемъ безнравственный союзъ Греціи съ Портой, очень старалась прекратить возстаніе въ греческихъ провинціяхъ, чтобъ затушить вовремя возбужденіе національной вражды, препятствующей будущему союзу. Въ то же время Британія хлопотала у Порты о такихъ позиціяхъ для инсургентовъ, которыя бы отнимали у турокъ возможность бороться съ возстаніемъ, еслибъ Порта по какой нибудь непредвидѣнной случайности пошла противъ Англіи.

Здѣсь, въ Константинополѣ, навѣрно согласились бы на

требованія Лейарда, но Ассафъ-паша, командующій войсками въ Θессаліи и Эпирѣ, какъ разъ въ это время разсердился на англичанъ за слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ корреспондента «Times'a» Огля и написалъ султану правдивое объясненіе предложенной Англіей демаркаціонной линіи. Такимъ образомъ, дѣло на время испортилось. Теперь кровь льется попрежнему; убиваютъ дѣтей, женщинъ; горятъ деревни, села и города. Надо ждать англо-русской войны, или смѣны Ассафа-паши—только то или другое можетъ положить конецъ страшной варварской рѣзнѣ съ обѣихъ сторонъ.

Коммерческая національность армянъ зондируетъ почву своего будущаго мирными безкровными средствами. Я писалъ вамъ, что бывшій армянскій экзархъ Кереміанъ, въ сопровожденіи одного монаха армянина-католика, отправились въ Европу въ качествѣ депутатовъ націи. Телеграммы уже извѣстили о ихъ пріѣздѣ въ Лондонъ. Другой депутатъ уѣхалъ отсюда тихонько, безъ шуму. О немъ никто не писалъ и не телеграфировалъ. Я тоже молчалъ, такъ какъ не хотѣлъ мѣшать хлопотамъ почтеннаго депутата. Теперь его миссія окончена, и я считаю себя вправѣ писать. Нѣкто Хоренъ де-Нарбекъ, армянскій архіепископъ, человѣкъ безъ всякаго прошлаго. надо думать, безъ большого будущаго, очень скромный и почтенный пастырь, около мѣсяца тому назадъ, отправился отсюда въ Петербургъ съ той же цѣлью, какъ важный Кереміанъ въ Лондонъ. Почему въ Англію послали экзарха, а въ Россію только архіепископа? Если оттого что надѣялись больше на Лондонъ, чѣмъ на Петербургъ, то кажется не ошиблись.Отъ Нарбека получены письма, въ которыхъ онъ жалуется на неудачу своей миссіи. Онъ пишетъ, что былъ принятъ въ оффиціальномъ Петербургѣ весьма радушно, но насчетъ надеждъ получилъ отвѣтъ столь же неопредѣленный, какъ и вся восточная политика настоящаго времени. Лондонскіе Бикон-

сфильды, конечно, не будутъ такъ безукоризненно честны и наобѣщаютъ Кереміану всего, что только желаетъ армянская нація. Послѣдняя укрѣпится вѣрой и надеждой въ Великобританію, а отъ Россіи отвернется окончательно. Наша судьба уже давно искусилась въ созданіи новыхъ враговъ Россіи и славянства.

XIV.

Пасха. — Какъ ее встрѣчали русскіе и какъ англичане. — Инсуррекція и наши комиссіи. — Пріѣздъ Тотлебена. — Потребность въ чтеніи у русскихъ.—Раздачи наградъ.—Статистическія данныя и болгарскія границы.—Синве и Симъ. — Протесты болгаръ и грековъ.—Отъѣздъ великаго князя.—Свиданіе съ султаномъ и прощаніе съ нимъ.—Представленіе султану Тотлебена; сухой пріемъ.

15-го (27-го) апрѣля.

Въ то время, когда я пишу эти строки, глухимъ эхомъ доносятся сюда залпы орудій въ Санъ-Стефано, перерываемые рѣзкимъ грохотомъ ружей и револьверовъ, изъ которыхъ стрѣляютъ здѣшніе греки въ честь наступающаго свѣтлаго праздника. По улицамъ опять тянутся безконечной цѣпью патрули; у запертыхъ дверей русскаго дворца безпрестанно останавливаются маленькія группы проходящихъ, спрашивая у портье, въ которомъ часу будетъ заутреня. Всѣ съ удивленіемъ узнаютъ, что никакой заутрени не будетъ, что не будетъ даже и обѣдни, такъ какъ въ Константинополѣ нѣтъ ни одного русскаго священника.— «Отчего же болгарскаго экзарха не пригласили, вѣдь у него нѣтъ никакой церкви въ Ортоніо?» спрашиваютъ богомольные люди. Портье-итальянецъ, уже отпраздновавшій Пасху недѣлю тому назадъ, пожимаетъ плечами, поворачивается спиной, и скрипъ запираемой наглухо калитки служитъ отвѣтомъ—«не догадались, молъ!» Охотники помолиться больше болгары, изъ числа пріѣхавшихъ сюда въ

качествѣ депутатовъ и возвратившихся изъ ссылки. Болгарская церковь, какъ я уже писалъ, помѣщается на той сторонѣ Золотого Рога, въ грязномъ кварталѣ съ узкими, ничѣмъ неосвѣщенными улицами. Поэтому неудивительно, что къ 12 часамъ у русскаго дворца соберется цѣлая масса народа и... познаетъ тамъ, что наше братство пока административно-благодарственное. Между тѣмъ, надежды болгаръ на сегодняшній день были очень большія. Какой-то шутникъ распустилъ слухъ, что вслѣдъ за заутреней раскроются пустыя, никѣмъ необитаемыя залы дворца и испытавшіе нечеловѣческое горе болгары будутъ приглашены разговѣться русской пасхой, куличемъ и красными яичками. Потолкавшись по грязи и у подъѣзда дворца, если только нелюбезный портье-иностранецъ не прогонитъ варваровъ, неумѣющихъ объясняться съ нимъ по-французски, «братушки» печально побредутъ въ греческую церковь. Эллины, увидѣвъ ихъ, посмѣются, и напищутъ: «русскіе заботятся лишь о своихъ политическихъ интересахъ; до болгаръ имъ ровно нѣтъ никакого дѣла; они третируютъ ихъ «en canaille!» Мы же утѣшимся тѣмъ, что любезность къ своимъ не входитъ въ программу испытаній на званіе дипломата съ десятками тысячъ жалованья, получаемаго золотомъ... Недѣлю тому назадъ была Пасха по новому стилю. Въ обитаемыхъ залахъ г. Лэйарда былъ пріемъ всѣхъ англичанъ, пріѣзжихъ и мѣстныхъ. Шампанское лилось рѣкой; съ бокалами въ рукахъ британцы чокались за могущество своего отечества съ греками, армянами и евреями. Понадобся завтра для Лэйарда кто-нибудь изъ этихъ приглашенныхъ — сдѣлаютъ отъ чистаго сердца за любовь и ласку. Нужны они намъ — начнется торгъ. Закрытіе церкви и воротъ въ величайшій праздникъ славянскихъ національностей Востока самъ по себѣ фактъ, конечно, не важный; но онъ служитъ доказательствомъ того, какими кандалами окуталъ насъ сухой формализмъ, далѣе котораго мы ничего не знаемъ,

не понимаемъ и знать не хотимъ. Формула его — «есть нужда — приходи съ прошеніемъ, а про что въ уставѣ не упомянуто, про то я не вѣдаю и дѣлать не обязанъ».

Къ нашему празднику г. Лэйардъ получаетъ изъ Галлиполи подарокъ: Сабитъ-паша, командиръ войскъ, расположенныхъ на полуостровѣ, ѣдетъ сюда съ извѣщеніемъ, что всѣ фортификаціонныя работы окончены и линія Викторія-Султанъ-Булаиръ-Наполеонъ неприступна. Вмѣстѣ съ Сабитомъ плыветъ въ Константинополь и британскій полковникъ генеральнаго штаба. Султанъ уже распорядился приготовить алмазный орденъ «Османіе» для галлипольскаго командира. Бѣдный Гамидъ! онъ, какъ лодка въ бурномъ морѣ, бьется объ берега; и то хорошо, что хотя не о нашъ, а о британскій ему суждено разбиться. Что же касается до его министровъ, то читатель, быть можетъ, не забылъ мое сравненіе ихъ съ куколками. Ростъ ихъ оказался неожиданно быстрымъ. Пока мы, должно быть, собирались утилизировать новизну кабинета, члены послѣдняго успѣли пройдти метаморфозу изъ безцвѣтности въ британскихъ подданныхъ. Такъ, изъ самаго достовѣрнаго источника русской главной квартирѣ стало извѣстно, что въ западной Македоніи турецкія власти собираютъ подписи грековъ о ихъ нежеланіи быть гражданами Болгарскаго княжества. Между тѣмъ возстаніе въ Родопѣ не прекращается. Одни утверждаютъ, что русскія войска уже не разъ сражались съ инсургентами, другіе телеграфируютъ и пишутъ, что возставшіе какіе-то разбойники, дезертиры и пр. То и другое неправда. До сей поры еще не было ни одной стычки съ возставшими. Послѣдніе—все мусульманское населеніе, а не разбойники. На мѣсто возстанія съ нашей стороны посланы простые кавалерійскіе разъѣзды, которые «приглашаютъ» инсургентовъ разоружиться, а такъ какъ инсургенты не изъявили на то своего «согласія», то образуется смѣшанная русско-турецкая коммисія, которая послѣ праздниковъ Пасхи разсмотритъ снача-

ла причины возстанія, потомъ опредѣлитъ его положеніе и затѣмъ изслѣдуетъ мѣры къ его прекращенію... Пока же инсургенты-мусульмане рѣжутъ болгаръ. Кто знаетъ — быть можетъ такимъ путемъ англичане и достигнутъ желаемыхъ ими статистическихъ выводовъ о національностяхъ Забалканья. Со стороны турокъ назначены въ коммисію по дѣлу о новомъ избіеніи болгаръ Самихъ-паша, бывшій губернаторъ Кандіи, Теврикъ-паша, начальникъ штаба въ Плевнѣ, и Васса-эффенди, въ качествѣ секретаря. Такимъ образомъ, мы учреждаемъ втеченіи одного мѣсяца уже третью смѣшанную коммисію, въ которую входятъ турки—демаркаціонную, объ эмигрантахъ и теперь—объ инсургентахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ путемъ мы окажемъ должное вліяніе на Порту, которая до сей поры не умѣла пользоваться въ столь широкой степени учрежденіемъ комиссій. Для нея онѣ особенно удобны: чуть потребуетъ что нибудь Европа—отвѣтъ готовъ: «коммисія уже 30 лѣтъ анализируетъ этотъ вопросъ!» Впрочемъ, Порту этихъ недѣль нельзя упрекнуть въ медлительной бездѣятельности. Недавно здѣшнія казармы и гауптвахты были совсѣмъ пусты—теперь опять все пополнилось, и по улицамъ взадъ и впередъ таскаютъ за руки новобранцевъ. Иностранцы говорятъ о какой-то реорганизаціи турецкаго войска. Это справедливо лишь въ томъ смыслѣ, что набраны рекруты, сформированы новые полки, и таковые вмѣстѣ съ старыми распредѣлены по особымъ отрядамъ. Я сомнѣваюсь, чтобъ это могло назваться громкимъ именемъ реорганизаніи. Въ эти дни я видѣлъ другого рода дѣятельность турокъ. Внизу Перы, въ Галатѣ, по берегу Босфора, невдалекѣ отъ Долма-Бахче есть зданіе и дворъ, называемые «Топхане», по нашему—арсеналъ. Неизвѣстно почему, это зданіе фигурируетъ во всѣхъ панорамахъ Константинополя, хотя оно ни архитектурой, ни мѣстоположеніемъ нисколько не лучше нашего бировковскаго замка. Еще дней пять тому назадъ, на дворѣ Топхане стояла масса

пушекъ всѣхъ калибровъ и фасоновъ. Въ складахъ валялась куча ядеръ, гранатъ и бомбъ. По двору арсенала нельзя было пройдти. Теперь вездѣ чисто—пушки и снаряды перевезены на азіятскій берегъ. Я сначала думалъ, что ихъ убираютъ, чтобы не попались въ русскія руки, но потомъ изъ разспросовъ убѣдился, что лежавшія въ Топхане орудія и снаряды были изъ числа негодныхъ. Если убираютъ даже негодныя, то цѣль, значитъ, другая. Какая же? Я надѣюсь отвѣтить на этотъ вопросъ, когда узнаю, что русскія войска, усмиряющія возставшихъ мусульманъ, отобрали у нихъ старую пушку, заряжающуюся съ дула каменнымъ ядромъ. Въ Топхане такія пушки и ядра стояли даромъ; у инсургентовъ они хоть разъ выстрѣлятъ; а если русскіе и отнимутъ ихъ — и бѣда, и выгода невелики.

17-го (29-го) апрѣля.

Генералъ Тотлебенъ пріѣхалъ, привезъ съ собою важныя инструкціи и завтра вступаетъ въ должность главнокомандующаго нашей арміей. Великій князь сегодня будетъ въ Константинополѣ, простится съ султаномъ и завтра на «Ливадіи» уѣзжаетъ въ Одессу и Петербургъ. Вмѣстѣ съ нимъ отправляются генералы Скобелевъ-отецъ, Гурко и Непокойчицкій, мѣсто котораго займетъ князь имеретинскій. Мое сообщеніе, что переговоры объ удаленіи русскихъ и англичанъ ведутся и здѣсь въ Константинополѣ—подтверждается. Вчера Савфетъ-паша ѣздилъ нарочно въ Санъ-Стефано, чтобы ускорить дѣло; онъ былъ принятъ великимъ княземъ, видѣлся съ нашими дипломатами, но вчера еще ничего не было опредѣлено окончательно, хотя самый вопросъ объ удаленіи русской арміи и британскаго флота считается въ принципѣ рѣшеннымъ. Я не думаю, впрочемъ, чтобы мы успѣли въ нѣсколько дней договориться о деталяхъ отступленія, предполагая, что подобное дѣло требуетъ самой тщательной осторожности; при ловкости англичанъ, при явной симпатіи къ нимъ турокъ, при

непрочности оттоманскаго правительства, малѣйшая наша оплошность и «довѣрчивость» можетъ отозваться въ недалекомъ будущемъ самыми тяжкими послѣдствіями. Турки сами очень хорошо понимаютъ это, и потому весьма недовольны пріѣздомъ Тотлебена, какъ военачальника, извѣстнаго своей пунктуальностью. Порта всегда считала дипломатическій путь наилегчайшимъ способомъ къ выигрышу, и теперь опечалилась вѣроятностью, что вопросъ о новой линіи русской оккупаціи будетъ разрѣшенъ съ точки зрѣнія стратега и военнаго инженера. Такія же надежды пріѣздъ новаго главнокомандующаго внушаетъ и русской арміи. Пріѣздъ сюда галлипольскаго командира Сабитъ-паши находится, конечно, въ зависимости отъ вопроса удаленія англичанъ отъ полуострова. Онъ долженъ отрапортовать, что фортификаціонная линія настолько готова къ встрѣчѣ русскихъ, что не нуждается болѣе въ помощи англичанъ, по крайней мѣрѣ, въ первые часы битвы. Г. Лэйардъ, по весьма достовѣрнымъ извѣстіямъ, совершенно не одобряетъ распоряженія лондонскаго кабинета убрать отсюда мониторы. Онъ нарочно, несмотря на отвратительную, свѣжую и холодную погоду, стоящую здѣсь уже недѣли двѣ, перебрался на дачу въ Терапію, чтобъ какъ можно меньше принимать участія въ переговорахъ этихъ дней. Изъ своего уединенія онъ уже два раза дѣлалъ попытку подставить ногу Савфету-пашѣ, слишкомъ добродушно и старательно хлопочущему объ ускореніи отхода русскихъ и отъѣзда англичанъ. Савфетъ удержался на своей позиціи лишь потому, что некѣмъ замѣнить его. Впрочемъ, при дворѣ интриги идутъ crescendo, и надо ждать въ самомъ скоромъ времени существенныхъ перемѣнъ въ кабинетѣ. На мѣсто Савфета молва прочитъ турецкаго посланника въ Берлинѣ. Если это вѣрно, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что Садуллахъ-паша мидхатистъ въ полномъ смыслѣ слова — это я знаю изъ наилучшихъ источниковъ.

16-го (28-го) апрѣля.

Лихорадка, схваченная на горахъ Галлиполи, устланныхъ павшимъ чумнымъ скотомъ, не позволила мнѣ вчера отправиться въ С.-Стефано, для присутствованія на торжествѣ встрѣчи Пасхи. Читатель, интересующійся празднествами въ нашей главной квартирѣ, можетъ самъ очень легко нарисовать въ своемъ воображеніи картинку и военнаго парада, и внутренняго состоянія духа войскъ. Блестящія ризы, мундиры и ордена съ одной стороны и скорбная дума героя-солдата съ другой—«когда-то Богъ приведетъ воротиться на родину, что-то подѣлываютъ дома жена дѣти, мать и отецъ». Сами дипломаты затрудняются объяснить, зачѣмъ мы стоимъ въ С.-Стефано, а гдѣ же офицерамъ и солдатамъ догадаться объ этихъ причинахъ. Долгая неизвѣстность кажется вѣчностью! Бездѣльное и безцѣльное проживаніе мѣсяцами на одномъ и томъ же бивуакѣ дѣйствуетъ въ высшей степени на нервы какъ интеллигентнаго, такъ и простого человѣка. Скука дѣлается чувствительнѣе отъ недостатка книгъ и газетъ. Какъ велика въ С.-Стефано потребность на чтеніе, можно судить по тому, что наши офицеры платили по 20 франковъ за маленькую книжечку стихотвореній Пушкина и по 5-ти франковъ за нумеръ какого-нибудь тощаго заграничнаго русскаго журнала. Ежедневныя константинопольскія газеты на французскомъ языкѣ, стоющія въ розничной продажѣ по 2 піастра—5 или 6 копѣекъ, покупаются нарасхватъ по франку за нумеръ. Русскія книги, какія только были въ здѣшнихъ либреріяхъ, всѣ раскуплены, нигдѣ не осталось ни одной, даже старой и залялящей. Книгопродавцы выписываютъ русскія изданія изъ Женевы, Лейпцига и Берлина, такъ какъ до сей поры они не имѣли прямыхъ сношеній съ Россіей. Наши издатели сдѣлали бы и выгодное и доброе дѣло, еслибъ прислали сюда хоть небольшой транспортъ новѣйшихъ русскихъ книгъ. Если кто-нибудь изъ нихъ пожелаетъ воспользоваться моимъ совѣтомъ, то они могутъ выслать книги на

имя г. Парапандопуло, служащаго въ здѣшнемъ русскомъ генеральномъ консульствѣ. Г. Парапандопуло одинъ изъ любезнѣйшихъ людей на свѣтѣ и, конечно, не откажется отдать книги на комиссію въ лучшіе магазины Константинополя и принять на себя трудъ свести счеты послѣ продажи присланныхъ изданій. Если же наши книгопродавцы предпочтутъ завести прямыя сношенія съ константинопольскими либреріями, то лучшая изъ нихъ Лоренца и Келя (Librairie internationale Lorenz et Keil, Grande Rue de Pera, 457, Constantinople). Всѣ письма и счеты могутъ быть адресованы въ этотъ магазинъ на русскомъ языкѣ, такъ какъ г. Лоренцъ отлично говоритъ по-русски. Мое утвержденіе о громадной потребности въ чтеніи с.-стефанскихъ гостей нѣсколько противорѣчитъ разсказамъ другихъ корреспондентовъ о всепоглощающемъ интересѣ нашей арміи къ наградамъ, чинамъ, крестамъ и пр. Я не смѣю сказать, что это клевета, но утверждаю, что мой собратъ ошибается. Ошибиться въ данномъ случаѣ было очень легко. По общему убѣжденію, раздача наградъ въ прошлую кампанію производилась не совсѣмъ удовлетворительно. Слишкомъ ли много было случаевъ отдѣльныхъ геройскихъ подвиговъ, такъ что трудно запомнить ихъ, или по другой причинѣ, но большая часть наградъ послѣдовала какъ бы за кампанію, а не за личныя заслуги того или другого офицера. Виновата, конечно, система представленія къ наградамъ и та быстрота, съ которой велась кампанія вслѣдъ за паденіемъ Плевны. Явилось неудовольствіе, пошли разговоры на эту тему. Немудрено человѣку свѣжему, попавшему въ исключительно-военную среду, ошибиться и сдѣлать выводъ, что наше офицерство поглощено заботой о наградахъ и орденахъ; между тѣмъ какъ вопросы о нихъ не болѣе, какъ сотенная доля другихъ, возбужденныхъ закончившейся войной и безконечнымъ сидѣніемъ на берегу моря. Я знаю, что наши офицеры не нуждаются въ защитникѣ; я упомянулъ о вышесказанномъ

лишь потому, что нравственное чувство обязываетъ меня устранить комочекъ грязи, пущенный понапрасну въ тѣхъ, кого нельзя было до сихъ поръ упрекнуть въ недостаткѣ любви къ родинѣ и геройства... Впрочемъ, все это извѣстно каждому русскому человѣку, и потому я перехожу къ болѣе веселой темѣ, соотвѣтствующей сегодняшнему празднику.

Я уже давно писалъ вамъ, что греки, при помощи англичанъ и турецкихъ властей, собираютъ статистическія данныя, долженствующія доказать полнѣйшую незаконность болгарскихъ границъ, установленныхъ санъ-стефанскимъ договоромъ. Теперь я разскажу, какимъ образомъ добываются эти цифры. Въ бывшей Европейской Турціи существуетъ около сотни греческихъ обществъ «силлогосовъ», завѣдующихъ школами, занимающихся отчасти литературой и въ послѣднее время попреимуществу—пропагандой панэлленизма и идеи греко-британскаго союза. По заключеніи санъ-стефанскаго трактата, богатые греческіе банкиры, Зографосъ, Зорифи и проч., пожертвовали въ каждое изъ такихъ обществъ по небольшому капиталу спеціально на собраніе статистическихъ свѣдѣній о количествѣ грековъ въ Турціи. Предполагается, что цифры, доставленныя яко бы учеными обществами, будутъ имѣть для Европы несравненно большее значеніе и авторитетность, чѣмъ завѣдомо ложная статистика церквей и турецкой администраціи. Въ сущности же доставкой цифръ занимается то же греческое духовенство, такъ какъ оно, вопервыхъ, стоитъ во главѣ всей школьной администраціи, вовторыхъ, со времени болгарскаго раскола, оно сдѣлалось главнымъ руководителемъ эллинской пропаганды и, втретьихъ, въ настоящее время это духовенство болѣе всѣхъ матеріально заинтересовано исходомъ вопроса о политическомъ преобладаніи болгаръ по сю сторону Балкановъ. «Силлогосы» служатъ лишь прикрытіемъ истиннаго происхожденія новой греческой статистики. Какъ бы то ни было, но цифры собраны, приведены въ порядокъ, за под-

писью ученыхъ членовъ ученыхъ обществъ, и представлены г. Лэйарду. Такъ какъ цифры подобраны не для грековъ, знающихъ настоящую цѣну своей статистики, а для Европы, то поручено издать ихъ на французскомъ языкѣ марсельскому еврею А. Синвé, профессору географіи въ здѣшнемъ лицеѣ. Его титулъ служитъ какъ бы дополненіемъ къ ученому происхожденію брошюры. Таковая теперь лежитъ предо мной съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Les Grecs de l'Empire Ottoman, étude statistique et ethnographique par A. Synvet. 1878. Constantinople». По счету Синве, въ бывшей Турецкой имперіи проживаетъ 4.324,369 душъ грековъ, изъ которыхъ 1.313,094 находится въ Азіи и 3.011,275 въ Европейской Турціи. Послѣднее число почти втрое превышаетъ ту цифру, которой до сихъ поръ исчислялось количество грековъ въ Европейской Турціи. Такъ, во всемірныхъ статистическихъ таблицахъ Багжа за 1877 годъ число грековъ въ Европѣ, находящихся подъ властью турокъ, показано всего 1.024,200 д. Г. Синве перещеголялъ даже записного грекофила Стронфорда, который считаетъ своихъ любимцевъ ровно вдвое менѣе, чѣмъ почтенный профессоръ географіи. Такая анормальность различія между новой и старой греческой статистикой въ общихъ цифрахъ имѣетъ все-таки видъ правдоподобія, такъ какъ брошюра съ самымъ серьезнымъ видомъ перечисляетъ на 83 страницахъ не только города, но и деревушки, въ которыхъ проживаютъ всего десятки грековъ. Авторы новой статистики должно быть не догадались, что эта пунктуальность и сдѣлается ихъ ахиллесовой пятой. Жители какой-нибудь маленькой деревни душъ въ 200, 300 знаютъ, конечно, не только другъ друга наперечетъ, но и біографію каждаго односельца. Вслѣдствіе этого имъ не только легко опровергнуть выводы Синве, но и свести споръ, такъ сказать, на личную почву, т. е. прямо перечислить поименно всѣхъ болгаръ и грековъ своей деревни, указавъ въ видѣ неопровержимаго доказательства на покойнаго отца

и мать спорнаго грека или болгарина. Именно въ такой формѣ появились надняхъ въ «Courrier d'Orient» опроверженія цифръ Синве. Вотъ, напр., въ видѣ образчика разница въ выводахъ Синве и мѣстныхъ жителей Адріанопольскаго вилайета. По новой эллинской статистикѣ, въ этомъ вилайетѣ, за исключеніемъ города Адріанополя, проживаетъ 43,781 грековъ. Мѣстные болгары, переименовывая всѣ деревни и многихъ булгарофоновъ прямо по именамъ, доказываютъ, что въ Адріанопольскомъ округѣ есть 243 чисто болгарскихъ деревень и только 28 греческихъ, что всѣхъ болгаръ тамъ 85 тысячъ, а грековъ только 10,160, т. е. менѣе чѣмъ четверть показаннаго числа ихъ въ новой статистикѣ. Болгары другихъ мѣстностей шлютъ Синве ироническія письма, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго, напечатаннаго въ одной изъ здѣшнихъ газетъ: «Господинъ редакторъ! Мы, жители округа Лерины, въ которомъ считается 62 деревни, почти всѣ работаемъ въ Константинополѣ, занимаясь садоводствомъ. Изъ 62 нашихъ деревень, только двѣ населены неболгарами; жители одной—исключительно валахи, другой—албанцы. Мы узнали, что г. Синве доказываетъ въ своей брошюркѣ, что мы греки. Вслѣдствіе этого мы приглашаемъ его въ гости въ наши сады, гдѣ онъ убѣдится лично, что мы зовемся болгарами, родились болгарами, говоримъ по-болгарски и останемся навсегда болгарами. Если у Синве нѣтъ никакого матеріальнаго интереса ошибаться, то мы надѣемся, что онъ приметъ наше приглашеніе». Послѣдняя фраза, очевидно, прозрачный намекъ на тотъ гонораръ, который Синве получилъ отъ Лэйарда за составленіе брошюры. Вообще, надо отдать справедливую похвалу болгарамъ: они не остались пассивными зрителями англо-греческихъ статистическихъ подлоговъ и протестуютъ весьма энергично. Такъ, въ Македонію недавно пріѣзжалъ британскій генералъ Симъ, посланный англійскимъ правительствомъ для собранія этнографиче-

скихъ данныхъ этой страны. Вотъ описаніе дѣятельности этого господина среди грековъ и протестъ болгаръ, сдѣланный самими болгарами:

«Англичанинъ Симъ, пишутъ болгары Македоніи, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый греками, прибылъ наконецъ въ нашъ городъ 5-го апрѣля, въ сопровожденіи одного константинопольскаго грека, адвоката Мильтіадиса Каравоссари. Здѣшніе греки приготовили ему самый восторженный пріемъ; сопровождаемый епископомъ, священниками и туземными учеными, г. Симъ осматривалъ женскія и мужскія училища. По случаю его визита профессора произносили рѣчи, выражавшія надежду, что англійское правительство не откажетъ городу въ своемъ покровительствѣ относительно его присоединенія къ Греціи. Не менѣе ловко приготовленныя встрѣчи были устроены вездѣ, гдѣ только ждали г. Сима,и греки употребили всѣ усилія,чтобы показать ему нашу провинцію насквозь пропитанной эллинизмомъ. При отъѣздѣ Сима, епископъ вручилъ ему нѣсколько петицій, скрѣпленныхъ городскими и деревенскими печатями. Говорятъ, что Симъ попросилъ епископа доставить ему подробныя статистическія данныя относительно деревень, домовъ и школъ, находящихся подъ вѣдомствомъ духовенства. Болгаре, не имѣвшіе возможности при настоящихъ обстоятельствахъ дѣйствовать болѣе рѣшительно, удовольствовались поднесеніемъ г. Симу протеста, обвиняющаго грековъ въ двуличіи. Вотъ копія этого протеста:

«Милордъ!

«Вопросъ дня, наиболѣе интересующій нашу публику— это вашъ пріѣздъ. До вчерашняго дня, мы не знали о цѣли вашего путешествія; если не ошибаемся, вы пріѣхали сюда, желая увидѣть страну и тѣ народности, которыми она заселена. Цѣль самая почтенная; но, милордъ, какъ это ни грустно, мы должны сказать, что, взявъ на себя такое важное предпріятіе, имѣющее конечной цѣлью разрѣшеніе

одного изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ, вы не подумали сдѣлать болѣе глубокій анализъ этой странѣ. Вы поспѣшно осмотрѣли нѣкоторыя мѣстности; вы удовольствовались тѣмъ, что узнали какой языкъ употребляется въ церквахъ, школахъ и домахъ тѣхъ, которыхъ вы посѣтили; но вы не полюбопытствовали узнать нравы, языкъ и обычаи народной массы; такимъ образомъ, вы ничего не знаете о настоящей національности населенія — таково, по крайней мѣрѣ, наше общее мнѣніе. Ходитъ слухъ, что ваша миссія должна была касаться только греческаго элемента, а изученіе болгарскаго элемента, вмѣщающаго въ себѣ большую часть населенія и принадлежащаго къ земледѣльческому и промышленному классу—вѣроятно сохраняется для какого нибудь другого путешественника. Способъ, который вы употребили для собиранія свѣдѣній, заставилъ васъ принять и насъ за грековъ. Это будетъ жестокой ошибкой! За исключеніемъ 30 греческихъ деревень, расположенныхъ между Кавалой и Induced Сересомъ, весь санджакъ, составленный изъ общинъ Сереса, Демиръ-Гиссара, Петрича, Мельника, Неврокока и Зинея—населенъ болгарами. Благодаря языку, насильно навязанному нашимъ церквамъ и школамъ греческимъ патріаршествомъ и благодаря тѣмъ стараніямъ, которыя употребляли эллины, чтобъ убѣдить васъ, что мы греки, вы впали въ грубую ошибку и оклеветали болгаръ; мы не греки и не хотимъ быть ими. Нѣтъ, ни греческій, насильно навязанный языкъ, ни греческое духовенство, ни учителей школъ, ни эллинизированныхъ болгаръ — мы не признаемъ за своихъ представителей. Еслибъ вы остались среди насъ дней 15—20, еслибъ вы всмотрѣлись въ народную массу, еслибъ вы посѣтили нѣсколько деревень санджака—вы скоро узнали бы нашу истинную національность. Но такъ какъ вы спѣшите уѣхать, получивъ отъ греческихъ адептовъ петиціи и адресы, скрѣпленные печатями нѣсколькихъ деревень и кварталовъ города, то наша

община, во имя всего болгарскаго населенія Сереса, протестуетъ всѣми силами противъ подобнаго обмана.

«Мы обращаемъ ваше вниманіе, милордъ, на то, что называется болгарскимъ вопросомъ, на эту безконечную двадцатилѣтнюю борьбу, которую болгарскій народъ ведетъ съ греческимъ патріаршествомъ, желая избавить свои церкви и школы отъ чуждаго языка. Чтобы обэллинизировать Македонію, она не останавливалась ни передъ какими средствами: древніе болгарскіе монументы были разрушены, рукописи сожжены, болгарскіе патріоты, желавшіе ввести родной языкъ въ богослуженіе и школы, пали жертвами клеветъ греческихъ агентовъ. Такова наша грустная участь; мы утѣшаемся лишь сознаніемъ, что справедливость на нашей сторонѣ. «Твоя справедливость вѣчна, Создатель, и твой законъ — истина», сказалъ пророкъ. Съ этимъ словами мы обращаемся къ Тому, Который все видитъ и на Него возлагаемъ всѣ свои надежды. Отъ васъ же, милордъ, мы не просимъ другой услуги, кромѣ присоединенія этого письма къ тѣмъ документамъ, которые вы получили отъ грековъ, вѣроятно, съ опредѣленнымъ назначеніемъ». Слѣдуетъ печать общины и подписи ея членовъ.

Кстати, чтобъ дать полное понятіе о британско-греческихъ статистикахъ, передаю дѣйствительныя цифры народонаселенія протестующаго санджака: въ Сересѣ живетъ 81,323 болгаръ, 4,528 валаховъ и лишь 17,176 грековъ. Очевидно, новой статистикѣ эллиновъ недостаетъ откровеннаго объясненія: цифра грековъ въ 8 разъ болѣе дѣйствительной вѣроятно оттого, что каждый грекъ считаетъ себя стоящимъ по меньшей мѣрѣ 8 болгаръ.

Константинополь, 18-го (30-го) апрѣля.

Вчера на поляхъ Санъ-Стефано былъ произведенъ смотръ войскамъ. Великій князь простился съ своей доблестной арміей и представилъ ей новаго главнокомандующаго. Въ 4 часа пополудни великій князь покинулъ Санъ-

Стефано, и черезъ часъ былъ уже въ русскомъ дворцѣ Царьграда. Сегодня, въ 10 часовъ утра, растворились громадныя рѣзныя ворота Долма-Бахче. Къ набережной ея подъѣхали двѣ коляски султана—одна четверней съ форейторомъ, другая парой. За ними слѣдовало нѣсколько верховыхъ заптіевъ и адъютантъ падишаха, полковникъ Гуссейнъ-бей. Черезъ нѣсколько минутъ «Ливадія» остановилась противъ Долма-Бахче. На маленькомъ паровомъ катерѣ къ набережной дворца приплыли: великій князь, генералы Тотлебенъ, Имеретинскій и Непокойчицкій, адъютантъ Орловъ и нашъ драгоманъ Ону. Отсюда гости султана должны были проѣхать въ гору версты двѣ или три до верхняго павильона Гильдизъ-Кіоска, гдѣ ихъ ожидалъ Гамидъ. По причинамъ, изъясненнымъ ниже, мнѣ хотѣлось видѣть всѣ внѣшнія подробности пріема, и потому я, боковыми тропинками, обошелъ кортежъ и прибылъ къ воротамъ Гильдизъ-Кіоска ранѣе высокихъ гостей. Противъ воротъ была выстроена лишь одна рота солдатъ. Благодаря любезности адъютантовъ падишаха, я вошелъ въ еще запертый дворъ. Тамъ нѣсколько чернокожихъ евнуховъ и никакого караула. Съ нѣкоторыхъ поръ султанъ не дозволяетъ впускать солдатъ внутрь дворцоваго двора и сада. Павильонъ небольшой въ 3 этажа. Узкая мраморная лѣстница крутымъ поворотомъ вводитъ посѣтителей прямо во второй этажъ, гдѣ собрались: султанъ, Садыкъ, Савфетъ-паша и камергеръ для сопровожденія гостей до пріемной залы. Любезный адъютантъ выглянулъ въ окно и, увидя, что коляска великаго князя еще далеко, позвалъ меня во дворецъ, провелъ по лѣстницѣ, ввелъ въ первое зало, гдѣ должно состояться свиданіе, и пріотворилъ дверь въ слѣдующую обширную комнату—тамъ были султанъ, премьеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, въ ожиданіи гостей. Созерцая представившуюся мнѣ картину, я искренне и глубоко пожалѣлъ, что я не художникъ-живописецъ.

Возлѣ теплящагося камина на низкомъ глубокомъ кре-

слѣ сидѣлъ повелитель Турціи; руки неподвижно протянуты на длинныхъ боковыхъ подушкахъ кресла, голова съ сдвинутой на затылокъ феской упала на грудь; блѣдное лицо, кажущееся совершенно бѣлымъ отъ черной бороды и чернаго платья падишаха, подергивается безпрестанной нервной судорогой. Налѣво отъ него, столь же неподвижно и молчаливо стоятъ два министра; одинъ изъ нихъ сухой съ непомѣрно длинными руками осматриваетъ своего повелителя лукавымъ взглядомъ; въ этихъ хитрыхъ, но не умныхъ глазахъ премьера нѣтъ и тѣни подобострастія; выраженіе этихъ глазъ скорѣе напоминаетъ какого-нибудь хищнаго, но не сильнаго звѣрька. Рядомъ съ нимъ, сгорбившись и сложивъ руки крестомъ, стоитъ Савфетъ-паша; вѣрный мусульманскому обычаю, запрещающему смотрѣть на падишаха, онъ опустилъ и голову, и глаза.. Юркій камергеръ высунулся въ окно и наблюдаетъ приближеніе ожидаемыхъ гостей. Въ этой картинѣ ясны два смысла: смотря на всѣ эти скорбныя фигуры и вспоминая сколько скорби, сколько крови, сколько жертвъ пало отъ праздной похоти, глупости и подлости этихъ и имъ подобныхъ людей, невольно задаешь вопросъ: ужъ не примѣнима ли теперь народная мудрая пословица «воровское въ прокъ не идетъ» и къ внутренней политикѣ государства? Созерцая золотыя обои, роскошнѣйшую мебель, все въ самомъ лучшемъ европейскомъ вкусѣ, и переводя свой взоръ на неуклюжія фигуры обитателей, на раболѣпныя позы министровъ, на всѣ эти лица, въ которыхъ нѣтъ и тѣни того выраженія, которое дается лишь умственнымъ развитіемъ, также невольно чувствуешь, что въ ансамблѣ картины существуетъ непримиримое противорѣчіе; чтобъ устранить его, надо или замѣнить европейскую обстановку азіятской, или, вмѣсто азіятовъ, поставить и посадить сюда европейцевъ... Чрезъ нѣсколько минутъ во дворъ влетѣлъ верховой и за нимъ коляски гостей. Въ первой сидѣли рядомъ великій князь и генералъ Тотлебенъ, а напротивъ—драгоманъ Ону; во вто-

рой—старый и новый начальники штаба—генералы Имеретинскій и Непокойчицкій. Выставленная рота солдатъ отдала честь; не было ни музыки, ни почетнаго караула.

Султанъ встрѣтилъ гостей въ дверяхъ перваго зала. Великій князь тотчасъ представилъ Гамиду своего преемника и его помощника. Гамидъ поздоровался, но очень сухо. Нѣсколько лакеевъ принесли на головахъ подносы съ питьемъ и закуской. Никто, кажется, до нея не дотронулся: султанъ слишкомъ молчаливъ, чтобы быть хорошимъ хозяиномъ. Минутъ черезъ 15 великій князь всталъ, дружески пожалъ руку султана и вышелъ. Гамидъ проводилъ опять до дверей. На лѣстницѣ великій князь взялъ за руку Савфетъ-пашу и очень любезно бесѣдовалъ съ нимъ, пока подавали коляску. Всѣ усѣлись, выѣхали изъ воротъ павильона и тотчасъ завернули вбокъ, въ другія ворота, ведущія въ обширный садъ Гильдизъ-Кіоска. Тутъ опять случилась та же исторія, какъ и въ первый пріѣздъ великаго князя въ Царьградъ: одна изъ лошадей запуталась ногой въ постромкѣ; экипажъ остановился; пока форейторъ и кучеръ находились въ недоумѣніи, какъ пособить горю, одинъ изъ солдатъ подскочилъ и, не покидая своего ружья, храбро схватилъ лошадь за ногу и вытащилъ изъ подъ нея постромку. Это маленькое происшествіе въ связи съ предъидущимъ подобнымъ дало пищу для длинныхъ разсказовъ суевѣрнаго люда—«предъ посольствомъ лошади стали и при отъѣздѣ изъ султанскаго дворца опять остановились—значитъ судьба велитъ ему жить не въ «московъ сараѣ», а въ самомъ Гильдизъ-Кіоскѣ!»—разсуждаютъ догадливые люди, даже изъ турокъ.

Читатели моихъ писемъ изъ Константинополя, вѣроятно, замѣтили, что я не особенный любитель смотрѣть и описывать разныя торжества. Дѣйствительно, въ большинствѣ ихъ я не вижу другого смысла., кромѣ повторенія старыхъ отжившихъ традицій и привычекъ. Но сегодняшній торжественный пріѣздъ гостей въ Гильдизъ-Кіоскъ имѣетъ

особое освѣщеніе. Я уже писалъ, что во дворцѣ падишаха почувствовались признаки воскресенія власти старшаго Дамада-паши *), и говорилъ это, такъ какъ до меня доходили самые достовѣрные слухи, что уволенный отъ двухъ должностей—морского министра и гофмейстера двора Саидъ-паша 1-й снова появился въ Гильдизъ-Кіоскѣ. Свѣдѣнія эти вполнѣ подтвердились—Саидъ-паша снова получилъ званіе оберъ-гофмейстера двора. Англоманы Гильдизъ-Кіоска,подъ руководствомъ Саида, рѣшили воспользоваться отъѣздомъ великаго князя ради своихъ цѣлей. Они начали говорить султану, что пребываніе здѣсь его высочества вполнѣ облагораживаетъ отношеніе Турціи къ русской арміи, но что по отъѣздѣ августѣйшаго главнокомандующаго отношенія эти должны измѣниться—русскіе остаются простыми узурпаторами милостей султана (?) и не соблюдающими ими же предписаннаго мира. Гамидъ очень расположенъ къ великому князю; русская же армія для него вполнѣ terra incognita. Такъ какъ убѣжденія царедворцевъ не касались личныхъ симпатій падишаха, то онъ легко согласился съ доводами и выводами интригановъ. Въ результатѣ состоялось рѣшеніе, что великій князь, въ силу своего происхожденія, былъ принятъ какъ другъ султана по родству власти, безъ всякаго соотношенія къ его званію главнокомандующаго непріятельской арміей; что же касается до остальныхъ русскихъ, то они—враги еще, не ставшіе по отношенію къ Турціи на мирную ногу. Итакъ, великому князю почетъ, ласка и любовь; главнокомандующему сухость и намекъ на неокончившуюся враждебность. Я зналъ объ этихъ проискахъ, и въ церемоніи сегодняшняго пріема искалъ отвѣта—насколько британцы успѣли въ этой

*) Дамадъ въ переводѣ—значитъ зять, и это имя присоединяется къ фамиліи каждаго зятя султана; старшій изъ нынѣ существующихъ Дамадъ-пашей управлялъ Портой во время войны; младшій исправляетъ теперь должность министра юстиціи.

интригѣ? По моему мнѣнію, они могутъ радоваться успѣху: здѣсь встрѣчаютъ каждаго новаго посланника съ почетнымъ карауломъ, музыкой и съ несмѣтнымъ количествомъ всякихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ Порты; нашего же новаго главнокомандующаго въ Долма-Бахче встрѣтилъ всего одинъ адъютантъ султана въ чинѣ полковника; на крыльцѣ Гильдизъ-Кіоска былъ только одинъ дежурный церемонійместеръ; не было ни почетнаго караула, ни музыки... Изъ Гильдизъ-Кіоска гости проѣхали къ Долма-Бахче и оттуда опять на паровомъ яликѣ на бортъ яхты. Черезъ полчаса великій князь вышелъ на трапъ, и «Ливадія» тихимъ ходомъ отправилась въ путь на родину. Не могу опять не замѣтить: на пути стояло нѣсколько турецкихъ военныхъ пароходовъ—и ни одинъ изъ нихъ не салютовалъ нашего главнокомандующаго ни флагами, ни залпами, тогда какъ тѣ же суда салютуютъ не только британскихъ адмираловъ, но даже и вице-адмираловъ. Только германскій стаціонеръ «Комета» крикнулъ громкое «ура!» когда «Ливадія» прошла мимо его. На «Кометѣ» былъ принцъ Рейсъ, неуспѣвшій попасть на «Ливадію» до ея отплытія. Черезъ недѣлю уѣзжаетъ отсюда и г. Нелидовъ. Мы остаемся присутствовать при томъ же дѣйствіи, но съ другими дѣйствующими лицами. Дай-то Богъ скорѣе дожить до слѣдующаго акта современной политики. Слѣдуетъ только дивиться поистинѣ стоической твердости нервовъ тѣхъ, кто управляетъ ею—такъ тяжело это неопредѣленно-безконечное положеніе противорѣчій, словопреній и самообмановъ!

Однако, какъ ни скучна тема, я все таки обязанъ заняться ею и разсказать, что дѣлалось въ эти дни въ дипломатическихъ канцеляріяхъ и внѣ ихъ. По поводу возстанія мусульманъ въ горахъ Родопа, наша главная квартира обратилась къ Портѣ съ изъясненіемъ, что большинство возставшихъ состоитъ изъ солдатъ, дезертировавшихъ изъ бывшей арміи Сулеймана-паши; Порта приглашалась нами

употребить надлежащія мѣры для разоруженія ихъ, какъ того требуетъ одинъ изъ пунктовъ санъ-стефанскаго договора. Порта немедленно отправила на мѣсто возстанія двухъ чиновниковъ для производства дознанія, насколько справедливо заявленіе русскихъ властей. Всѣ здѣшнія газеты, независимыя и оффиціальныя, единогласно утверждаютъ, что число возставшихъ увеличивается ежедневно и что большинство ихъ вовсе не солдаты. Свѣдѣнія, полученныя мною, подтверждаютъ эти увѣренія. Мой корреспондентъ съ мѣста инсуррекціи пишетъ, что сигналъ къ возстанію былъ поданъ дѣйствительно бѣглыми солдатами, но затѣмъ къ нимъ присоединилось большое число эмигрировавшихъ изъ сѣверной Болгаріи помаковъ, т. е. мусульманъ-болгаръ. Изъ содержанія этого письма я вывожу заключеніе, что мы, церемонясь перейдти на нѣсколько верстъ впередъ за нашу оккупаціонную линію, дали время возстанію усилиться, организоваться и пріобрѣсти популярность. Будущее значеніе этого возстанія тоже въ нашихъ рукахъ— быстрымъ и энергическимъ натискомъ мы можемъ уничтожить его и спасти другіе еще не занятые нами округи Европейской Турціи отъ новыхъ избіеній христіанъ. Если же усмиреніе приметъ характеръ канцелярскій, то надо ждать не малыхъ затрудненій, и притомъ не только военныхъ, но и дипломатическихъ. Къ глубокому сожалѣнію, какъ я писалъ въ прошлой корреспонденціи, есть данныя предполагать, что канцеляріямъ будетъ удѣлена нѣкоторая часть вліянія въ этомъ дѣлѣ.

Другіе pourparler, такъ мѣтко переводимые на нѣмецкій языкъ словомъ Unterhandlung, происходятъ по поводу демаркаціонной линіи для отплывающихъ англичанъ и отходящихъ русскихъ. Я съ величайшимъ удовольствіемъ сообщаю, что таковая линія еще не отыскана, и есть вѣроятность, что такъ она и останется неотысканной. Сегодня одинъ паша съострилъ по этому поводу слѣдующимъ образомъ:

— Какъ вы думаете, куда должны уйдти русскіе и англичане, чтобы помириться? — спрашиваетъ нѣкто у паши.

— Русскіе должны уйдти въ море, а англійскіе корабли на сушу—серьезно отвѣтилъ остроумный паша.

Вчера прибылъ сюда изъ Бухареста одинъ румынскій полковникъ, ѣдущій съ спеціальнымъ порученіемъ къ аѳинскому двору. Туда же дня три тому назадъ отправился агентъ нашей главной квартиры г. Кораконовскій. Очевидно, что теперь въ Аѳинахъ тоже идутъ не малые Unterhandlung'и... Г. Сабуровъ, нашъ посланникъ въ Греціи, проживаетъ еще въ Санъ-Стефано.

XV.

Родопское возстаніе.—Цѣль пріѣзда Тотлебена.—Сулейманъ-паша.—Число войскъ, защищавшихъ столицу при входѣ нашей арміи въ Санъ-Стефано.—Происки Порты и Англіи.—Обаяніе русской силы падаетъ; мнѣніе Османа-паши.—Князь Лобановъ-Ростовскій.—Армяне и ихъ патріархъ.—Агитація противъ Россіи со всѣхъ сторонъ; пропаганда улемовъ и дервишей.—Крѣпостей не сдаютъ безъ благословенія Англіи.

Константинополь, 20-го апрѣля (2-го мая).

Полученныя мною сегодня свѣдѣнія имѣютъ весьма тревожный характеръ. Возстаніе въ Родопѣ растетъ и принимаетъ вполнѣ организованный видъ. Основаніе вспышкѣ ниположено шайкой различныхъ бродягъ, подъ начальствомъ Саали-Чауша, бывшаго фельдфебеля въ арміи Сулеймана. Эта банда оборванныхъ и голодныхъ дезертировъ знала, что въ Гимюрджинѣ есть складъ военныхъ матеріаловъ. Сначала она прямо обратилась къ мѣстному вали Юзуфу-бею, прося его выдать имъ оружіе, патроны и пушки, чтобъ бить «московъ». Получивъ отказъ, эта шайка попробовала силой овладѣть магазинами. Юзуфъ отбилъ нападеніе и еще мѣсяцъ тому назадъ телеграфировалъ Портѣ о происшествіи, пріѣхалъ самъ въ Константинополь и просилъ лично Ахмеда-Вефика или убрать оружіе изъ Гимюрджина, или дать достаточную силу для отраженія новыхъ шаекъ. Порта отказала въ исполненіи обѣихъ просьбъ. Нападеніе повторилось, дезертиры забрали всѣ оружія, патроны, снаряды и четыре пушки. Остальными орудіями

они не могли воспользоваться, такъ какъ у нихъ недоставало винтовъ. Съ этой добычей Саали-Чаушъ пробрался въ долину, образуемую двумя отрогами Родопскихъ горъ, куда есть только одна дорога — по теченію рѣки Арды. Тамъ еще со времени завоеванія нами Филиппополя и Адріанополя скопилось большое количество мусульманскихъ эмигрантовъ, по преимуществу болгаръ и грековъ. Они вели ужасную жизнь, боясь показаться изъ-за горъ и хорошенько не зная, гдѣ именно расположены русскія войска. Скалы такъ плотно окружаютъ эту долину, такъ трудно проходимы, что эмигранты тамъ вполнѣ были увѣрены, что русская оккупаціонная линія проходитъ и съ сѣвера, и съ юга долины. Одинъ изъ мѣстныхъ богатыхъ помѣщиковъ, Ибрагимъ-бей, дѣлалъ много добра бѣглецамъ, давалъ имъ пріютъ, поилъ и кормилъ, чѣмъ пріобрѣлъ себѣ большую популярность. Какъ только дезертиры показались въ долинѣ съ богатой военной добычей, Ибрагимъ-бей присталъ къ нимъ, роздалъ оружіе бѣглецамъ и сдѣлался главнымъ руководителемъ возстанія. Вначалѣ дѣло ограничивалось местью надъ немногими христіанами, живущими въ долинѣ (по турецкой статистикѣ, въ долинѣ 93 проц. мусульманъ и только 7 проц. христіанъ; по картѣ г. Теплова, мусульманъ отъ 50 до 100 проц.), и вполнѣ пассивнымъ отношеніемъ къ находящимся вблизи горъ русскимъ аванпостамъ. Вѣсть о возстаніи достигла Стамбула. Съ быстротою молніи облетѣли всѣ палатки и телѣги здѣшнихъ эмигрантовъ коротенькія прокламаціи, объявляющія, что часъ возмездія пробилъ, что «турки, греки и англичане заключили братскій союзъ противъ общаго врага— Россіи»; вѣрные сыны Турціи и Греціи приглашаются забыть прошлое и рука объ руку спѣшить на честное поле битвы въ Родопскихъ горахъ. Обездоленные мусульмане читали воззваніе со слезами на глазахъ. Тотчасъ явились англичане съ помощью, въ видѣ билетовъ на проѣздъ пароходомъ до Бурихане. Нашлись солдаты и офицеры изъ рас-

положенной по окрестностямъ арміи, которые взяли эти билеты и отправились къ мѣстамъ возстанія. Наконецъ, вчера поѣхали туда 6 англійскихъ офицеровъ: 4 съ измидской эскадры и двое изъ проживавшихъ въ Перѣ. Они повезли инсургентамъ весьма солидный денежный подарокъ отъ Лэйарда. Возбужденіе среди мусульманъ Константинополя большое. Вездѣ толки о начавшемся мщеніи. Ходитъ упорный слухъ, что къ Ибрагиму-бею пришла съ юга отъ Іенидже банда грековъ съ попомъ и однимъ англичаниномъ во главѣ. Не смотря на то, что этотъ слухъ передается изъ устъ въ уста и повторяется самыми компетентными людьми, я не могу повѣрить, чтобъ союзъ грековъ съ турками могъ состояться въ народной борьбѣ. Онъ возможенъ лишь для регулярныхъ армій по инціативѣ оффиціальнаго міра обѣихъ націй, но никакъ не между повстанцами. Сражаясь рядомъ съ греками, европейскій мусульманинъ-инсургентъ потерялъ бы всю нравственную основу борьбы.

Цѣль пріѣзда Тотлебена до сихъ поръ составляетъ неистощимую тему для разговоровъ и предположеній. Онъ, какъ вамъ уже сообщилъ телеграфъ, имѣлъ продолжительное свиданіе съ Садыкомъ, Савфетомъ и Иззетомъ-пашами. По городу ходитъ множество варіантовъ о цѣли этого свиданія. Достовѣрно лишь то, что генералъ Тотлебенъ хотѣлъ самъ услышать изъ устъ турокъ о причинахъ, мѣшающихъ имъ исполнить хоть одно изъ требованій нашей главной квартиры. Поэтому при свиданіи возбуждались всѣ старые вопросы по очереди. При переговорахъ присутствовалъ г. Ону, такъ какъ военный министръ Иззетъ-паша не говоритъ ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ. Я не думаю, чтобъ генералъ вынесъ какое-либо опредѣленное впечатлѣніе изъ этого перваго свиданія съ турецкими властями. Зато власти, по уходѣ генерала, остались съ весьма озабоченными лицами. Манера разговора и вопросовъ новаго главнокомандующаго показалась имъ не предвѣщающей ничего добраго для турецкой тактики—«ни да, ни нѣтъ».

Даже Савфетъ-паша не рѣшился показать генералу свое неистощимое и безконечное краснорѣчіе—онъ видѣлся съ новымъ главнокомандующимъ еще наканунѣ. Пока шли въ министерскихъ кружкахъ толки о характерѣ и рѣшительности генерала Тотлебена, изъ Санъ-Стефано получились на этотъ счетъ нѣкоторыя успокоительныя свѣдѣнія. Утверждаютъ, будто генералъ нашелъ западную линію обложенія столицы не соотвѣтствующей стратегическимъ соображеніямъ и потому намѣренъ отодвинуть ее отъ Царьграда къ Чаталджѣ, сосредоточивъ главныя силы у начала Босфора при Черномъ морѣ. Такимъ образомъ уменьшается опасность для существованія константинопольскихъ дворцовъ и канцелярій. Далѣе, говорятъ, будто генералъ Тотлебенъ заявилъ, что въ случаѣ войны между англичанами и русскими, роль частей нашей арміи, расположенныхъ по окрестностямъ Царьграда, будетъ чисто оборонительная, вслѣдствіе чего не только не предстоитъ надобности занимать или брать Константинополь, но даже будетъ вредно отвлекать силы для занятія столицы. Я сообщаю эти слухи, полагая, что они имѣютъ за собой нѣкоторую вѣроятность къ осуществленію. Если, дѣйствительно, наша армія отступитъ, то въ Константинополѣ, по окрестностямъ и по пятамъ нашихъ войскъ неминуемо польется кровь многихъ жертвъ—здѣсь и безъ того было много горючаго матеріала, а родопское возстаніе переполнило чашу. По отзывамъ турокъ, вовсе не пессемистовъ, слѣдуетъ ждать съ минуты на минуту народной вспышки въ Стамбулѣ. Это, говорятъ, знаетъ самъ Садыкъ-паша и потому не препятствуетъ отъѣзду эмигрантовъ на мѣсто инсуррекціи, полагая, что этимъ способомъ онъ избавляетъ столицу отъ наиопаснѣйшихъ элементовъ населенія. Нашъ постой въ Санъ-Стефано, какъ и слѣдовало ожидать, не остался безъ вліянія на столицу. Каждый день постоя убивалъ часть авторитетности турецкаго правительства, и трудно сказать, осталась ли теперь хоть доля уваженія къ нему въ сердцахъ изголодавшихся

бѣглецовъ и солдатъ. Великія вещи познаются порой и по малымъ признакамъ, и вотъ одинъ изъ таковыхъ, доказывающій значеніе власти для регулярнаго турецкаго войска. Два Саида-паши, заискивая расположеніе султана, стараются развлекать его и подъ видомъ государственныхъ дѣлъ занимаютъ Гамида проектами о новой военной формѣ и т. п. мелочами. Къ числу таковыхъ принадлежалъ проектъ замѣнить для арміи мусульманское привѣтствіе «селамъ», состоящее въ приложеніи руки къ подбородку, губамъ и лбу, простой отдачей чести подъ козырекъ. Иззетъ-паша, въ качествѣ военнаго министра, отдалъ приказъ о такой замѣнѣ; солдатъ начали учить новому привѣтствію. Что же вышло? Всѣ солдаты, какъ бы сговорившись, перестали вовсе салютовать свое начальство. Послѣднее такъ перепугалось, что не только сейчасъ отмѣнило указъ о новой формѣ отдачи чести, но даже признало его «подложнымъ». Это фактъ. Заговоривъ о мелкихъ признакахъ большихъ дѣлъ, не могу не упомянуть также и о мелочахъ въ отношеніяхъ турецкихъ властей къ русской арміи. Многіе наши офицеры и медики, получившіе отпускъ или командируемые въ Россію, за неимѣніемъ правильнаго прямого сообщенія между Одессой и Санъ-Стефано, принуждены переѣзжать изъ послѣдняго со всѣмъ своимъ багажемъ въ Константинополь и здѣсь ждать парохода. Таможня всегда очень тщательно осматриваетъ ихъ вещи и арестуетъ всякое оружіе, если оно имѣетъ какія нибудь турецкія примѣты—ружья Мартини, напримѣръ, шашки, кинжалы и т. п. Такой образъ дѣйствій, конечно, нельзя назвать уваженіемъ къ побѣдителю - другу. Обиженные чины нашей доблестной арміи приходятъ съ жалобой къ русскому генеральному консулу. Пока еще неизвѣстно—отдадутъ ли турки арестованное оружіе или нѣтъ... Я всегда утверждалъ, что наша снисходительность создаетъ намъ враговъ на Востокѣ и теперь считаю себя вправѣ прибавить: чѣмъ любезнѣе будемъ мы, тѣмъ нахальнѣе сдѣлаются эти враги.

Мѣсяца полтора тому назадъ я, вопреки всѣмъ иностраннымъ и турецкимъ увѣреніямъ, писалъ вамъ, что дѣло по обвиненію Сулеймана-паши отложено въ длинный ящикъ. Какъ видите, мои свѣдѣнія не обманули меня—Сулейманъ-паша до сихъ поръ не былъ судимъ. Сбывается и мое предсказаніе, что будетъ сдѣлано все, чтобъ оправдать его: бывшему полководцу позволено рыться въ военномъ архивѣ, откуда, какъ говорятъ, онъ долженъ добыть не только самооправданіе, но и улики противъ Реуфа-паши. Квартира и содержаніе арестанта измѣнены къ лучшему. Если только англичане не промахнутся, Сулейманъ-паша бѣжитъ, непремѣнно бѣжитъ или же будетъ торжественно оправданъ, быть можетъ даже безъ суда.

Политическая неопредѣленность даетъ возможность туркамъ увеличивать массу войскъ, сосредоточенныхъ въ столицѣ и кругомъ ея. Теперь насчитываютъ ихъ здѣсь до 170 тысячъ. Будетъ кстати разсказать читателямъ, что при входѣ нашей арміи въ Санъ-Стефано на всемъ протяженіи европейской стороны Босфора было только 40 турецкихъ солдатъ. Къ числу всѣхъ уже переданныхъ мною турецко-военныхъ хитростей надо отнести и слѣдующую ловкую выдумку: чтобъ не оставлять на европейскомъ берегу крупповскія орудія и въ то же время имѣть ихъ тамъ на случай, военное вѣдомство снарядило таковыми пушками два старыхъ-престарыхъ деревянныхъ корабля и поставило ихъ посрединѣ Босфора, одинъ противъ Буюкдере, другой около Бейкоса. Гдѣ представится надобность въ этихъ пушкахъ, туда онѣ и явятся въ надлежащее время, безъ всякаго риска попасть въ русскія руки. Нигдѣ такъ не удобно изучать разницу между умомъ и хитростью, какъ здѣсь, на Востокѣ!

21-го апрѣля.

Военные совѣты въ сераскеріатѣ слѣдуютъ одинъ за другимъ. Посланные Порты плывутъ и ѣдутъ по всѣмъ на-

правленіямъ — въ Батумъ, въ Варну, Шумлу и Родопскія горы. Савфетъ-паша мчится на парахъ взадъ и впередъ — въ Санъ-Стефано, Терапію и обратно. Съ виду всѣ принялись за что-то горячо и энергично, и я былъ бы безконечно радъ, еслибъ могъ побѣдить свой пессимизмъ и значеніе закулисныхъ фактовъ и слуховъ, могъ бы повѣрить, что изъ этой дѣятельности выйдетъ какой-нибудь положительный результатъ. Судите сами, могу ли я вѣрить, когда я вижу собственными глазами, что все, рѣшительно все направляется во вредъ намъ. Напр., всего нѣсколько дней тому назадъ, надъ государственнымъ и соціальнымъ строемъ Турціи висѣла грозная туча, готовая ежеминутно разразиться самымъ разрушительнымъ огнемъ и громомъ. Я говорю о сотняхъ тысячъ голодныхъ эмигрантовъ. И что же? Эта туча перенеслась съ турецкой головы на нашу. Въ родопскомъ, начатомъ возстаніи и въ македонскомъ, подготовляемомъ Порта отводитъ наставленный въ нее ножъ къ нашей груди. Масса бѣглецовъ изъ Константинополя, его окрестностей, Адріанополя и пр. пунктовъ, куда собиралась эмиграція, плыветъ на западъ и вмѣстѣ съ собой уноситъ изъ столицы самый опасный, легко воспламеняемый элементъ. Оставшіеся эмигранты могутъ умирать, страдать—это теперь не страшитъ Порту; остались на мѣстѣ лишь тѣ, кому страшенъ или невозможенъ бой; они не взбушуются, не посмѣютъ потребовать себѣ жизни силой и сойдутъ въ скутарійскія могилы со вздохомъ и проклятіями, неслышными ни въ Гильдизъ-Кіоскѣ, ни въ зданіи Высокой Порты. Около Шумлы и Варны также собрались десятки тысячъ бѣглецовъ-мусульманъ. Порта держитъ крѣпости тѣмъ дольше, чѣмъ больше накопляется и тамъ лишеній, мукъ и ненависти. Еслибъ эти города были очищены во-время, сюда поплыли бы вслѣдъ за войскомъ и эмигранты. Теперь ихъ тамъ слишкомъ много, чтобъ можно было удовлетворить ихъ желанію избѣжать появленія русскихъ. Придемъ мы, и на нашу долю достанется одно изъ двухъ—или

силой и кровью рѣшить участь этого несчастнаго люда, или взять на себя огромныя издержки по ихъ водворенію на прежнія мѣста жительства. Обратимся къ Македоніи, и тамъ найдемъ не лучшее положеніе дѣлъ. Порта, англичане и греки энергически подготовляютъ всевозможныя затрудненія для русской оккупаціи—пропаганда всѣхъ сортовъ, раздача оружія, собраніе подписей для протестовъ—все, что можно придумать. Чтобъ русская власть не могла знать вѣрно, скоро и легко о всѣхъ этихъ подготовленіяхъ, Порта высылаетъ или вызываетъ оттуда всѣхъ лицъ, могущихъ слѣдить за происками въ Македоніи и давать о нихъ знать русскимъ. Такъ, двѣ недѣли тому назадъ, оттуда былъ высланъ болгарскій митрополитъ Наѳанаилъ, почтенный старецъ, воспитанникъ кіевской духовной академіи. По его разсказу, въ сѣверной Македоніи очень мало турецкихъ войскъ, но вся мусульманская часть жителей вооружена съ ногъ до головы. Это подтверждается и другими болгарами, покинувшими тотъ край изъ боязни весьма вѣроятной рѣзни. Ихъ опасенія имѣютъ полную правдоподобность. Мусульмане удерживались отъ избіенія христіанъ изъ страха близкаго и скораго вступленія въ Македонію русскихъ войскъ. Стоустая молва разносила извѣстія о побѣдахъ «московов» въ видѣ эпическихъ разсказовъ о нашихъ силахъ, нашемъ количествѣ и геройствѣ, и многочисленные османлисы края не только боялись выступить прямо противъ райи, но даже начали искать дружбы и заручаться покровительствомъ своихъ сосѣдей-болгаръ. Затѣмъ настало періодъ ожиданій. Ожившіе духомъ и надеждой болгары понемногу лишались того и другого. Тѣ же турецкія власти, тѣ же порядки и слухи, что султанъ не дозволяетъ русскимъ вступить въ Македонію. Мусульмане подняли голову. Они вопросительно смотрятъ на христіанъ и спрашиваютъ: «да, полно, такъ ли сильна Россія, что съ ней страшно бороться, точно ли она побѣдила падишаха?» Вмѣсто отвѣта съ быстротою молніи облетаетъ му-

сульманскій міръ вѣсть о возстаніи въ Родопѣ съ еще большими украшеніями, чѣмъ былые разсказы о русскомъ нашествіи. Проходятъ дни и недѣли—возстаніе не только не умолкло, но расширилось, окрѣпло и охватило большій районъ дѣятельности. «О, значитъ, русскіе совсѣмъ не сильны, не страшны!»—поговариваютъ мусульмане, оглядывая свое оружіе и смотря на болгаръ, какъ на будущую свою жертву.—«Ихъ, ихъ надо избить»—подсказываютъ греки, мечтая объ этой рѣзнѣ, какъ могущей уничтожить ихъ будущихъ «господъ-болгаръ».—«Бейте ихъ»—говорятъ и турки, которымъ менѣе обидно терять опустошенную и облитую кровью провинцію, чѣмъ ее же цвѣтущей и богатой. Безоружные болгары Македоніи готовы теперь сами бросить родной край и спасаться заблаговременнымъ бѣгствомъ. Поѣздка туда г. Хитрово откладывается со дня на день, и, говорятъ, даже совсѣмъ отмѣнена. Что же мудренаго, если и тамъ вспыхнетъ огонь и мусульманство начнетъ избіеніе болгаръ. Тогда мы принуждены будемъ двинуться наконецъ въ Македонію и вмѣсто хлѣба-соли встрѣтить трупы «освобожденныхъ», и будемъ обязаны сами проливать свою кровь, чтобъ подвигаться впередъ... А Батумъ? Развѣ тамъ совершается не то же самое съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ? Кому неизвѣстна обыкновенная система сдачи городовъ по мирному договору: и прежній, и новый собственникъ взаимно принимаютъ мѣры къ охраненію порядка и къ соблюденію условій трактата. Между тѣмъ Порта поступила совершенно наоборотъ. Она позволила населенію, еще остающемуся подъ ея фактической и юридической властью, организоваться въ настоящее войско, собираться вмѣстѣ для протеста, и не только для протеста, но и для отдачи города подъ покровительство Англіи. Батумскіе депутаты изъ Трапезунда посылали телеграммы Лэйарду, Биконсфильду и британскому парламенту. Они не только не были арестованы, задержаны, но даже съ ними Порта вступила въ оффиціальные перегово-

ры, объявивъ, что она ничего не можетъ сдѣлать согласно ихъ ходатайству, но предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствовать такъ, какъ хотятъ, т. е. отдаться Англіи и сражаться противъ русскихъ. Обратимъ ли мы свой взоръ на мѣстную литературу, на частныя или полуоффиціальныя бесѣды—вездѣ найдемъ подтвержденіе тому, что «Россія не съумѣла во-время» стать твердой ногой на Востокѣ, и «теперь не имѣетъ силы» исполнить то, что задумала. Вотъ доказательства. «Бассиретъ», одна изъ турецкихъ газетъ, недавно служившая русскимъ интересамъ, обсуждая причины несдачи крѣпостей, кончаетъ свою статью такъ: «Наконецъ, русскіе должны помнить, что то время, когда побѣдитель могъ заставить побѣжденнаго подчиниться—прошло безвозвратно!» «La Turquie», органъ министерства, перепечатываетъ эту фразу дословно, нисколько не стараясь стушевать ея рѣзкость. Другая турецкая газета «Вакитъ», сообщая о вѣроятномъ отступленіи русскихъ въ Чаталджи, прибавляетъ: «русскіе оставляютъ Санъ-Стефано не вслѣдствіе какого-либо дипломатическаго соглашенія, а потому, что имъ самимъ опасно оставаться по близости къ Константинополю». Въ частныхъ разговорахъ теперь уже не зондируютъ насчетъ нашего великодушія—о немъ и слѣдъ простылъ; теперь спрашиваютъ совсѣмъ другимъ тономъ: «Ну-съ, какъ-то вамъ придется выбраться отсюда?» Предполагаемый другъ Россіи, якобы вкусившій много отъ нашего generosité—Османъ-паша, въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ, высказался слѣдующимъ образомъ: «Наша честь, конечно, обязываетъ исполнить по возможности подписанный нами договоръ, но мы не настолько наивны, чтобъ заботиться о дѣйствительности его, когда другая нація ищетъ его уничтоженія». Вѣры въ русскую мощь нѣтъ и у многихъ изъ насъ самихъ. Эти русскіе скептики по отношенію къ своему отечеству едва ли не самые злые и опасные наши враги. Забывшіе русскую рѣчь, десятки лѣтъ проведшіе за границей, они мѣшаютъ

съ грязью и ничтожествомъ все, что народилось, ростетъ и выросло хорошаго на нашей родинѣ въ послѣдніе годы нашей исторіи. Для нихъ Россія представляется въ видѣ глупаго, грубаго мужика, годнаго лишь для пробитія, хотя бы лбомъ, Балканскихъ горъ, невѣжественнаго нигилизма, замѣняющаго якобы русскую интеллигенцію, и вицъ-мундира съ свѣтлыми пуговицами, обязаннаго денно и нощно трудиться, чтобы удержать Россію на той позиціи, которую ей подобаетъ занимать въ Европѣ по ея убогой культурѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти люди, сознательно или нѣтъ, передаютъ нашимъ иностраннымъ врагамъ свои убѣжденія о родинѣ и укрѣпляютъ послѣднихъ въ презрѣніи къ Россіи, русскимъ людямъ и силамъ. Я въ этомъ убѣжденъ,—да и какъ не быть убѣжденнымъ, когда я слышу это чуть не каждый день. Есть иностранцы, которые, кажется, лучше знаютъ насъ, чѣмъ вышеупомянутые господа, и удивляются послѣднимъ. Такъ, одинъ очень образованный грекъ, занимающій высокое мѣсто въ турецкой іерархіи, говоря съ большой симпатіей о «будущей Россіи», въ заключеніе спросилъ меня:—«А вы любите Россію?»—«Конечно,—отвѣтилъ я;—какъ вы можете сомнѣваться въ этомъ, зная, что я русскій?»—«Очень просто—потому что я до сихъ поръ не встрѣчалъ ни одного русскаго, любящаго Россію,»—отвѣтилъ сановникъ.

Въ виду этого слѣдуетъ радоваться, что нашимъ посланникомъ сюда назначается человѣкъ, долго жившій въ Россіи—князь Лобановъ-Ростовскій. Онъ былъ, по своему оффиціальному положенію, близокъ ко всему хорошему и дурному современной Россіи и не можетъ цѣнить ее ниже, чѣмъ она заслуживаетъ. Здѣсь многіе еще помнятъ князя, бывшаго въ Константинополѣ до 1858 года, и съ удовольствіемъ вспоминаютъ о его прямодушіи. Къ намъ Порта намѣрена отправить Шакира-пашу. Вотъ коротенькая біографія этого господина. Онъ отлично кончилъ курсъ въ турецкой военной школѣ Пангальти, откуда вышелъ

съ чиномъ капитана генеральнаго штаба. Когда Мидхатъ-паша, его другъ и пріятель съ юныхъ лѣтъ, былъ назначенъ дунайскимъ вали, Шакиръ состоялъ адъютантомъ при Нусретъ-пашѣ. Мидхатъ уговорилъ его бросить военную службу и принять административный постъ. Шакиръ согласился, переименовался въ штатскій чинъ и поѣхалъ въ Багдадъ въ качествѣ помощника Мидхата. Затѣмъ, когда Мидхатъ сдѣлался великимъ визиремъ, Шакиръ снова перешелъ въ военную службу съ чиномъ бригаднаго генерала. Послѣдняя война доставила ему чинъ дивизіоннаго генерала. Какъ извѣстно, Шакиръ-паша стоялъ съ своимъ отрядомъ въ Орханіэ, а затѣмъ—подъ Софіей. На видъ ему около 45 лѣтъ. Знающіе его люди отзываются о его умѣ весьма неопредѣленно, но хвалятъ его характеръ и честность. Старинная дружба съ Мидхатомъ даетъ ясное понятіе о политическихъ взглядахъ будущаго посланника. Первымъ секретаремъ къ нему назначенъ Сулейманъ-бей, бывшій второй секретарь при султанѣ. Говорятъ, что это молодой человѣкъ, очень способный, хотя и мало образованный. Вторымъ секретаремъ ѣдетъ, по слухамъ, Мурадъ-бей, изъ русскихъ черкесовъ, знающій основательно нашъ языкъ.

Константинополь, 23 апрѣля (5-го мая).

Нѣсколько дней тому назадъ, въ «The Levant Herald» былъ напечатанъ разсказъ о встрѣчѣ «одного» русскаго съ «однимъ» армяниномъ. Имена не были названы газетой, хотя всѣмъ извѣстно, что рѣчь шла о визитѣ генерала Скобелева 1-го армянскому патріарху. Этотъ визитъ произошелъ въ то время, когда письма архимандрита Нарбека изъ Петербурга содержали въ себѣ различныя несбывшіяся упованія и надежды. Понятно, что послѣднія заставляли патріарха выразить за армянъ особую симпатію Россіи; патріархъ, какъ плохой дипломатъ, не съумѣлъ удержаться въ границахъ «ни да ни нѣтъ» и попросту намек-

нулъ, что армяне ждутъ спасенія единственно отъ Россіи. Всѣ прочли этотъ разсказъ, и молчали. Наконецъ, пришли письма съ опредѣленнымъ содержаніемъ отъ армянскихъ депутатовъ изъ С.-Петербурга и Лондона,—оказалось необходимымъ перемѣнить фронтъ къ Россіи и обернуться въ сторону Англіи, которая обѣщаетъ автономію. Вслѣдствіе этого во вчерашнемъ нумерѣ армянской газеты «Массизъ» помѣщена длинная статья, въ которой доказывается тщетность всѣхъ упованій на Россію и на ея обѣщанія покровительствовать армянской націи. «Не слѣдуетъ вѣрить,— говоритъ газета, будто Арменія хочетъ отдаться въ руки Россіи или прикрыться ея покровительствомъ. Россія до сихъ поръ не сдѣлала ровно ничего добраго для армянъ Турціи, и академическія реформы, обѣщаемыя 19 пунктомъ санъ-стефанскаго договора, едва ли принесутъ намъ самую малѣйшую пользу». Затѣмъ слѣдуетъ панегирикъ турецкимъ обѣщаніямъ и выраженіе симпатій мусульманскимъ компатріотамъ. Это значитъ, что въ Лондонѣ дали Кереміану такой совѣтъ: «дружите пока съ турками, нашимп союзниками; за это мы вспомнимъ въ свое время про васъ!» Возбужденіе національныхъ чувствъ среди армянъ было невыгодно какъ для Турціи, такъ и для Англіи. Оно могло помѣшать искренности будущаго союза этихъ державъ и, въ случаѣ заключенія таковаго, отдавало армянъ въ руки Россіи. Теперь ведется агитація среди армянъ и стараются склонить армянъ нашихъ новыхъ азіятскихъ владѣній послѣдовать примѣру другихъ и преподнести Биконсфильду адресъ съ мольбой объ избавленіи ихъ отъ варварскаго московскаго ига. Англія, имѣя полный портфель съ такими адресами, предъявитъ ихъ цивилизованному міру, какъ документальное доказательство гуманности войны противъ всепожирающей Россіи. Другое препятствіе къ англо-турецкому союзу—инсуррекція грековъ—до сихъ поръ не устранено. Теперь и здѣшнія газеты сознаются, что замиреніе Ѳессаліи и Эпира не удалось.

Всѣ переговоры консуловъ и британскихъ уполномоченныхъ не привели ни къ какому соглашенію относительно демарціонной линіи сражающихся. Свѣдѣнія, исходящія изъ британскаго посольства, утверждаютъ, что планъ остановить возстаніе при помощи договора оставленъ, какъ непримѣнимый. А такъ какъ англійскіе интересы все-таки требуютъ пріостановки инсуррекціи въ Эпирѣ и Ѳессаліи, то намъ надо надо зорко смотрѣть по сторонамъ и искать новый выходъ возстанію, который навѣрно уже нашли и подготовляютъ нелѣнивые англичане. Пока относительно этого новаго выхода я не могу сказать ничего опредѣленнаго, но уже есть нѣкоторые факты, какъ бы доказывающіе куда направились британскіе происки, До сихъ поръ изъ Румеліи, занятой русскими войсками, шли самыя пріятныя вѣсти для грековъ. «Русскіе насъ не обижаютъ,— писали греческіе корреспонденты,—платятъ за все хорошо; торговля развивается; болгары хотя и подымаютъ носы, но очевидно не надолго, такъ какъпреимущество интеллигенціи и богатства на «нашей сторонѣ». За этими сообщеніями забывались отдѣльные голоса, скорбящіе объ общемъ для всѣхъ эллиновъ отечествѣ—Греціи. Вдругъ тонъ этихъ писемъ круто измѣнился. Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ столбцы всѣхъ газетъ —въ Константинополѣ издается пять греческихъ газетъ—наполняются самыми рѣзкими укорами русскихъ въ ихъ несправедливости и грубомъ обращеніи съ греками. «Въ Филиппополѣ и Адріанополѣ,— пишутъ греки, всѣ лучшіе греческіе дома взяты подъ постой безъ платы, хозяева выгнаны изъ своихъ жилищъ; жены и дочери греческихъ семействъ подвергаются всевозможнымъ оскорбленіямъ со стороны русскихъ и болгаръ; судъ не принимаетъ отъ нихъ жалобъ» и т. д. безъ конца. Однимъ словомъ, вранье безъ конца, но вранье, достигающее цѣли. Подобныя сообщенія заключаются замѣткой, что Турція никогда не уничтожала «народности» и тѣмъ самымъ не умерщвляла въ нихъ надежды

на будущую эмансипацію; Россія же явно стремится къ истребленію грековъ въ Болгаріи, слѣдовательно, она наиопаснѣйшій врагъ элленизма, борьба противъ котораго оправдывается не только національной потребностью, но и чувствомъ самосохраненія; звѣрообразность Россіи подкрѣпляется обширными цитатами изъ русскихъ заграничныхъ сочиненій. Читая эти статьи, я принималъ появленіе ихъ сначала за простую случайность; но ихъ постоянство и явное желаніе возбудить активную ненависть къ русскимъ навели меня на сомнѣніе, не желаютъ ли англичане устроить греко-турецкій союзъ, сначала на почвѣ инсуррекціи, чтобъ потомъ было легче перейдти къ союзу оффиціальному? Я обратился за разъясненіемъ къ тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, но они.... они самые спокойные люди на всемъ свѣтѣ. Мы очень подозрительны дома, у себя, а за границей вѣримъ всѣмъ и каждому; поэтому искать отвѣта на вопросъ въ свѣдущихъ сферахъ равносильно толченію воды. Наша судьба извѣстна; подождемъ, пока дѣло рѣшится, и тогда сознаемся, что немножко опоздали.

Что касается до мусульманъ, то я, не разъ путешествовавшій по Востоку, никогда не могъ себѣ представить, чтобъ неподвижно-апатичная физіономія османлиса могла выражать столько ясной скорби и ненависти, какъ вижу теперь въ разныхъ закоулкахъ Стамбула и окрестностей Константинополя среди шалашей бѣглецовъ. Мои собратья по профессіи, пригоняющіе къ здѣшнему міру европейскія мѣрки, говорятъ о какихъ-то прокламаціяхъ, наклеенныхъ по стѣнамъ и даже на Гильдизъ-Кіоскѣ. Не говоря уже про то, что Гильдизъ-Кіоскъ находится въ необитаемой мѣстности и что къ нему запрещено приближаться, надо помнить, что въ Турціи даже по щедрому счету «Quarterly Review» приходится 1 ученикъ школы на 100 жителей, и потому печатныя и писанныя прокламаціи остались бы здѣсь гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ. Турецкая анти-рус-

ская и анти-правительственная пропаганда ведется не такъ, какъ описываютъ ее. Она раздѣляется рѣзко на три различныхъ способа. Одинъ предназначается для Европы. Это длинныя ученыя прокламаціи, сочиняемыя въ Лондонѣ Мидхатомъ и его канцеляріей. Въ нихъ о Коранѣ нѣтъ и помину. На первомъ планѣ европейскіе интересы, внутреннія реформы, конституція и прочее т. п. Этой частью пропаганды занимаются скорѣе ради личныхъ цѣлей, чѣмъ національныхъ,—вотъ, дескать, смотрите, какіе мы умные и либеральные! Другой способъ состоитъ въ отпечатаніи заново старыхъ нумеровъ бывшей мидхатовской газеты «Итехатъ» (по-русски «Единство»), въ которыхъ чисто восточнымъ слогомъ описана вѣковая вражда Россіи, обезсиленіе Турціи вслѣдствіе аминистративныхъ безпорядковъ, значеніе истиннаго османлизма и т. д. Вновь оттиснутые нумера безъ всякой опаски переходятъ изъ рукъ въ руки интеллигентнаго или грамотнаго люда мусульманской Турціи и заучиваются наизустъ. Этимъ путемъ достигается сразу три цѣли: утвержденіе ненависти къ русскимъ, критика настоящаго правительства и популяризація имени Мидхата, такъ какъ большая часть статей «Итехата» и сама газета принадлежатъ ех-визирю. Наконецъ, третій способъ пропаганды разсчитанъ на темный народъ, не знающій грамоты. Улемы, дервиши и простые любители-книжники призываются куда слѣдуетъ и тамъ, подъ руководствомъ надлежащихъ учителей, зазубриваютъ прокламаціи наизустъ,—но не тѣ прокламаціи, которыя предназначены для Европы или напечатаны въ «Итехатѣ», а особыя, составленныя въ стилѣ народной эпопеи, гдѣ въ живыхъ картинахъ представленъ послѣдній разгромъ мусульманства Европы. Зазубрившіе новую эпопею идутъ на базары, на паперти мечетей или въ бивуаки эмигрантовъ, садятся на землю, подложивъ подъ себя ноги, и, держа въ рукѣ тарелку для сбора пожертвованій въ пользу возставшихъ, заунывнымъ, носовымъ голосомъ поютъ эпопею, сотни разъ

повторяя ее отъ начала до конца. Публика окружаетъ ихъ сплошной толпой. По мѣрѣ разсказа эпопеи измѣняются позы и лица слушателей. Медленно, какъ бы захлебываясь слезами, поетъ дервишъ о страданіяхъ бѣглецовъ... Головы слушателей склоняются долу, у стариковъ подъ длинной сѣдой рѣсницей блеститъ крупная слеза. Но тонъ пѣсни измѣняется. Улемъ, отчеканивая каждое слово отдѣльно, разсказываетъ объ ужасахъ, совершаемыхъ русскими и болгарами. У слушателей заблестѣли глаза, руки тянутся къ поясу, гдѣ когда-то былъ привычный складъ кинжала, пистолетовъ и шашки. Пѣвецъ кончаетъ и этотъ періодъ. Онъ восторженно вскакиваетъ, подымаетъ руки вверхъ и уже не поетъ, а изступленнымъ голосомъ выкрикиваетъ, что дѣти Корана возстали во имя пророка, бьютъ и мстятъ поганымъ гяурамъ огнемъ и мечемъ—«да здравствуютъ любимые сыны Магомета, святые османлисы, проливающіе кровь за свое право и свободу!». Восторженные слушатели развеселились; они тоже подымаютъ руки и отвѣчаютъ на пѣсню столь же неистовыми криками негодованія, мести и надежды. Улемъ окончилъ; онъ сидитъ неподвижно, молчаливо, опустивъ глаза въ землю и медленно перебирая четки. Онъ ждетъ новыхъ слушателей, чтобъ начать свою пѣсню сначала. Къ нему подходитъ десятокъ молодыхъ и старыхъ мусульманъ. «Отецъ,—говорятъ ему,—у насъ нѣтъ никого—всѣхъ потеряли, всѣ умерли,—кто на дорогѣ, кто здѣсь съ голоду и отъ болѣзней... Мы тоже хотимъ умереть во славу пророка... куда намъ идти, чтобъ помочь тѣмъ братьямъ, что какъ святые сражаются съ московомъ?»—«Пророкъ съ вами, идите, дѣти мои, и узнаете путь»,—говоритъ улемъ, прикрывая мистицизмомъ свою боязнь попасться въ руки полиціи. Озадаченные таинственностью мусульмане встаютъ и отходятъ отъ улема. Они уже замѣчены кѣмъ слѣдуетъ изъ толпы. Молодой софтъ подходитъ къ нимъ, заглядываетъ въ ихъ лица и говоритъ: «Въ вашихъ глазахъ я читаю святыя мысли—возь-

мите эти деньги—поѣзжайте—васъ ожидаетъ рай со всѣми его прелестями. Вотъ записка; спрячьте ее до заката солнца; въ ней есть всѣ нужныя указанія, куда идти и къ кому обратиться!». Суевѣрный людъ наэлектризированъ окончательно. Онъ хранитъ записку какъ святыню и во время вечерней молитвы даетъ прочесть ее какому-нибудь муллѣ. Тотъ исполняетъ просьбу, и, не спрашивая ни о чемъ, опять какъ бы пророчествуетъ: «Сынъ мой, я вижу на тебѣ признаки благословенія неба—иди—спасайся самъ и спаси твоихъ братьевъ!». На утро пароходъ везетъ къ Гюмирджину или въ Шумлу нафанатизированныхъ больныхъ духомъ, повторяющихъ проклятіе гяуру, какъ самую угодную для Бога и Магомета молитву... Я опять обращаюсь къ тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, и спрашиваю: «Знаете ли вы объ этой пропагандѣ»?—«Не стоитъ вниманія»—отвѣчаютъ они. Спорить нельзя, да и нѣтъ надобности—я и безъ спора знаю ту пропасть, которая раздѣляетъ наши взгляды. Я считаю великимъ, несмываемымъ національнымъ грѣхомъ пролитіе лишней капли крови; они же говорятъ: «пустяки—двадцать-тридцать солдатъ ранено или убито...» Черезъ эту пропасть моста нѣтъ, и намъ никогда не согласиться другъ съ другомъ...

24-го апрѣля.

Что новенькаго?

— Пока ничего; ждемъ. Между Лондономъ, Петербургомъ и Берлиномъ идутъ дѣятельные переговоры...

Вотъ все, что можно узнать въ здѣшнихъ оффиціальныхъ сферахъ. Дальнѣйшій разговоръ неумѣстенъ, какъ необѣщающій никакихъ результатовъ, и, притомъ же, совѣстно безпокоить ихъ—вѣдь они столько пишутъ, пишутъ въ эти скорбные мѣсяцы мирныхъ пораженій.

Обратимся лучше къ тѣмъ источникамъ, гдѣ лица и мысли у всѣхъ ясныя, на устахъ самодовольная улыбка.

— Что-жъ, скоро начнете?—спрашиваемъ ихъ.

— Еще не все готово—подождите—отвѣчаютъ британ-

цы. Фраза почти та же, но сказана совсѣмъ другимъ тономъ, что въ качествѣ русскаго невольно краснѣешь. Этимъ яснымъ господамъ можно вѣрить и потому слѣдуетъ обратиться къ разбору вопроса—что именно не готово?

Вопервыхъ, войска изъ Индіи еще не доѣхали до Мальты. Вовторыхъ, сношенія предводителей ѳессалійскаго возстанія съ таковыми же родопской инсуррекціи только-что начались и пока еще не закончились соглашеніемъ насчетъ общаго дѣйствія противъ русскихъ и болгаръ. Втретьихъ, въ Албаніи смутное броженіе мусульманскихъ умовъ еще не достигло той степени, когда возможенъ быстрый поворотъ къ активнымъ дѣйствіямъ. Наконецъ, вчетвертыхъ, Порта еще не закончила своихъ военныхъ приготогленій и дѣятельно продолжаетъ рыться, сосредоточивать, вооружать и обучать свои прежнія и новыя военныя силы. Все это вещи старыя, но не я виноватъ, что мнѣ приходится повторять ихъ сотни разъ.

Я уже разсказывалъ о положеніи дѣлъ въ западной Македоніи. Теперь ея участь почти рѣшена. Въ виду сосредоточенія и усиленія турецкихъ войскъ въ Константинополѣ и окрестностяхъ, нашей главной квартирой признано невозможнымъ удѣлить часть русской арміи для занятія сказанной мѣстности. Г. Хитрово предполагалъ, что для оккупаціи не потребуется болѣе 2 полковъ, но прочіе власть имѣющіе весьма основательно усомнились въ возможности занять теперь злополучную провинцію безъ значительнаго кровопролитія, и потому не только отмѣнили предполагавшійся походъ, но г. Хитрово уже получилъ новое назначеніе. Онъ замѣняетъ теперь г. Нелидова въ качествѣ начальника дипломатической канцеляріи главнаго штаба. Этотъ постъ очень почетный. Болгары Македоніи очень горюютъ, что у нихъ нѣтъ ни оружія, ни денегъ для него. Считая вспышку мусульманъ неминуемой, они предпочитаютъ предупредить ее болгарскимъ возстаніемъ, которое, согласно ихъ надеждамъ, должно волей-неволей вы-

звать оккупацію провинціи русскими войсками. Я вполнѣ соглашаюсь съ ними въ разумности такого образа дѣйствій, хотя оффиціальныя лица совѣтуютъ имъ поостеречься— турки такъ многочисленны здѣсь—говорятъ имъ—что русская главная квартира можетъ быть вынужденной отказать болгарамъ въ военной помощи. Отмѣна поѣздки г. Хитрово въ Македонію — вещь вдвойнѣ грустная. Мало того, что она можетъ породить новое страшное кровопролитіе, что она доказываетъ увеличившуюся затруднительность положенія нашей арміи подъ стѣнами Царьграда, мы, благодаря ей, теряемъ однихъ изъ наивыгоднѣйшихъ нашихъ друзей-союзниковъ—албанцевъ. Я именно оттого и радовался назначенію г. Хитрово, что зналъ его обширныя связи съ албанскимъ краемъ. Г. Хитрово возлагалъ на нихъ надежды еще до перехода нами Балканъ и теперь собирался везти съ собой одного изъ мѣстныхъ литераторовъ, чтобъ немедленно создать органъ албанцевъ, который бы убѣждалъ воинственный народъ въ выгодахъ русской дружбы. Всѣмъ извѣстно, какъ долго продолжается колебаніе албанцевъ съ одной стороны къ другой. Русская оккупація рѣшила бы всѣ ихъ сомнѣнія. Родопское возстаніе рѣшитъ, вѣроятно, иначе. Я имѣю теперь уже изъ русскихъ оффиціальныхъ источниковъ подтвержденіе описанныхъ мною происковъ англичанъ въ Гюмюрджинѣ, Хаскіоѣ, на сѣверѣ Румеліи и въ Западной Македоніи. Хотя тотъ же оффиціальный міръ увѣряетъ, будто возстаніе уменьшается, но у меня подъ рукой самыя свѣжія новости, полученныя часъ тому назадъ отъ компетентныхъ людей, пріѣхавшихъ вчера изъ Адріанополя и Филиппополя. По ихъ разсказамъ о событіяхъ, до 21-го апрѣля (3-го мая) въ Хаскіойскомъ округѣ было предварительно разрушено 21 мусульманскихъ деревень. Оттуда и началось возстаніе. Жители бѣжали сначала на югъ, послѣдовало описанное мною происшествіе въ Гюмюрджинѣ, и инсургенты возвратились назадъ, въ горы. По поводу раззоренія этихъ деревень, русскими вла-

стями произведено много арестовъ въ Адріанополѣ и Хаскіоѣ. Арестованные болгары не сознаются въ винѣ и стараются свалить ее совершенно неосновательно на русскія войска. Слухъ о томъ, что инсургенты спустились съ горъ въ филиппопольскую долину, невѣренъ. Пока они занимаютъ въ горахъ неприступныя позиціи. Помаки долины Кречмы составляютъ особый инсуррекціоный лагерь и охраняютъ горный проходъ близъ Кюстендиля. Жители Неврекопа также организовались въ отдѣльную банду и расположились близъ Рахова. Кромѣ мусульманскихъ шаекъ, тамъ и сямъ бродятъ небольшими кучками греческіе инсургенты, пока не вступающіе въ бой, въ ожиданіи новыхъ подкрѣпленій. Англичане служатъ посредниками между всѣми отдѣльными лагерями родопскаго возстанія и для сношеній послѣдняго съ Албаніей и Өессаліей. Изъ подъ Рахова доставлены надняхъ въ Филиппополь 33 нашихъ раненыхъ; кромѣ того пропалъ безъ вѣсти одинъ юнкеръ съ тремя солдатами. Инсургенты прислали нашимъ властямъ четыре лошади, бывшія подъ пропавшими, но не захотѣли сказать, что сталось съ несчастными. Турецкіе уполномоченные для изслѣдованія причинъ и поводовъ возстанія прибыли въ Филиппополь, но, какъ говорятъ, они не имѣютъ ни желанія, ни интереса видѣть вблизи инсургентовъ.

Въ нашей главной квартирѣ пока еще ничего не рѣшено окончательно относительно перемѣны стоянки. Извѣстія иностранныхъ газетъ о какихъ-то грандіозныхъ русскихъ фортификаціонныхъ работахъ—невѣрны. Работаетъ лишь новый начальникъ штаба и когда его трудъ придетъ къ концу, генералъ Тотлебенъ пошлетъ въ Петербургъ полный и откровенный отчетъ о нашемъ здѣшнемъ военномъ положеніи. Въ Петербургѣ и рѣшатъ—что дѣлать.

Ежедневные военные совѣты Порты занимаются исключительно своими дѣлами. О сдачѣ крѣпостей въ нихъ не говорится ни слова. Очевидно, всѣ, съ молчаливаго обоюд-

наго согласія, рѣшили отложить вопросъ объ этой сдачѣ до разъясненія политическаго горизонта со стороны Англіи... Значитъ, опять — ждите. Что-жъ, будемъ ждать, только жаль очень нашихъ бумажекъ. Если бъ вы видѣли, какой бумажно-ассигнаціонный дождь льется изъ Санъ-Стефано на Константинополь! Офицеры получаютъ значительную часть своего жалованья бумажками; агентство-кормилецъ за все платитъ бумажками; провіантскіе чиновники мѣняютъ ежедневно сотни тысячъ тѣхъ же несчастныхъ бумажекъ... Понятно, что Царьградъ не устоялъ отъ такого наплыва и теперь предлагаетъ лишь 2 франка за рубль. Мы сердимся, а у нихъ свое оправданіе.

— Помилуйте—говорятъ они—у насъ золота не хватитъ для размѣна! Если вы дорожите вашимъ кредитомъ, то должны совершать размѣнъ въ разныхъ пунктахъ всей Европы и Америки, а не присылать цѣлые корабли ассигнацій въ раззоренный Константинополь. Мы скоро не станемъ и 2-хъ франковъ давать!

XVI.

Литературныя и астрономическія занятія султана. — Занятія англичанъ въ Измидѣ и Галлиполи.—Отвѣтъ турокъ на требованіе наше сдать крѣпости.—Управленіе Болгаріей въ настоящемъ и будущемъ.—Свиданіе съ экзархомъ Анфимомъ.—Пушки для колоколовъ—подарокъ болгарамъ отъ Государя.—Вооруженія турокъ.—Пристрастіе султана къ шампанскому.—Сладкія Воды.—Посѣщеніе Шакира-паши.— Землетрясеніе.—Свиданіе съ Левицкимъ и толки о Галлиполи и проч.—Свѣдѣнія англичанъ о Россіи: Кіевъ и Крымъ—одно и то же.

Константинополь, 25-го апрѣля.

Мое убѣжденіе, что султанъ не любитъ англичанъ, но дѣлаетъ все безсознательно въ ихъ интересахъ, находитъ для себя новое подтвержденіе. Такъ, въ «Вакитѣ», безспорно одной изъ наиболѣе распространенныхъ турецкихъ газетъ, появилась длинная статья, доказывающая абсолютную необходимость для Турціи не только сохранять строгій нейтралитетъ въ весьма вѣроятной англо-русской войнѣ, но и не отклоняться по долгу чести отъ исполненія санъ-стефанскаго договора. Всѣ, даже англичане, приняли эту статью за попытку помазать русскихъ по губамъ, чтобъ слаще намъ было ждать и надѣяться. Мнѣ же показалось, что статья слишкомъ длинна для такой простой цѣли, и потому я сталъ наводить справки объ ея авторѣ. Случай помогъ мнѣ не только найдти его, но и получить самыя точныя разъясненія относительно происхожденія самой статьи.

Писалъ ее лучшій турецкій публицистъ—Мидхатъ-бей, и притомъ по прямому личному приказанію самого Гамида. Вы, конечно, помните, что Гамидъ человѣкъ полупомѣшанный, и потому, пожалуй, удивитесь, какъ же можетъ онъ заниматься литературой? Вопросъ праздный: если можетъ таковымъ царствовать, то отчего же не можетъ заниматься литературой? Конечно, и первое, и послѣднее носятъ на себѣ слѣды помѣшательства, но если таковое прощается въ первомъ, еще легче простить его во второмъ. Гамидъ же теперь занимается не только прессой, но и астрономіей. Недавно онъ устроилъ въ своемъ Гильдизъ-Кіоскѣ обсерваторію, купилъ телескопъ и ежевечерне разсматриваетъ небесныя свѣтила.

Итакъ, султанъ желаетъ сохранить мирныя отношенія съ Россіей. Онъ же вчера подписалъ приказъ о назначеніи возвратившагося изъ Англіи Бэкера-паши командиромъ войскъ, расположенныхъ отъ Макрикіоя до Даудъ-Паши, назначивъ начальниками его штаба Беккеръ-бея и Алиса-бея, тоже англичанъ турецкой службы. Пусть читатель проведетъ на картѣ прямую линію отъ Макрикіоя къ концу Золотого Рога. Почти на половинѣ этой линіи находится теперь главная квартира британскихъ командировъ. Мѣстоположеніе ея, по общему отзыву, чрезвычайно важное въ случаѣ покушенія русскихъ занять Царьградъ. Есть двѣ дороги къ нему изъ Санъ-Стефано: одна по берегу моря, т. е. подъ ожидаемыми выстрѣлами британскихъ броненосцевъ, другая ведетъ прямо на Даудъ-Пашу. Сюда-то именно и назначилъ г. Лэйардъ своихъ компатріотовъ, а султанъ, заказывающій руссофильскія статьи, утвердилъ это назначеніе. Зато же и хлопочутъ англичане. Пароходики ихъ посольства такъ и крутятся взадъ и впередъ изъ Терапіи въ Стамбулъ. Лэйардъ то сидитъ у Савфета-паши, то у Иззета-паши, военнаго министра, то толкуетъ по цѣлымъ часамъ съ Садыкъ-пашей. Савфетъ вѣроятно скоро заболѣетъ — онъ ужь очень принимаетъ къ сердцу и бри-

танскіе интересы отъ Лэйарда, и русскіе изъ занумерованныхъ отношеній, и дворцовые черезъ уста султана. Остальные министры довольно спокойно смотрятъ на настоящее и едва ли помышляютъ о будущемъ, насколько оно не относится до ихъ личныхъ интересовъ. Впрочемъ, во всѣхъ здѣшнихъ оффиціально-турецкихъ сферахъ есть глубокое убѣжденіе въ неизбѣжности русско-англійской войны. Я начинаю даже думать, что втихомолку между турками и англичанами уже начались переговоры. Такъ, я слышалъ отъ весьма достовѣрнаго и уважаемаго лица, что англичане въ скоромъ времени высадятъ свои индійскія войска на европейско-турецкой территоріи, и когда послѣдуетъ изъ С.-Петербурга вопросъ: что это вы дѣлаете, по какому праву? то англичане отвѣтятъ: «по такому же, по какому вы не очищаете турецкую Румелію». Я на столько вѣрю лицу, передававшему мнѣ вышеприведенное извѣстіе, что не сомнѣваюсь въ существованіи таковаго плана, но не рѣшился послать вамъ о томъ телеграмму. Я лучше порадую читателя извѣстіями изъ Измида. На прошлой недѣлѣ британская эскадра покидала мѣшокъ залива и находилась дня три между Пендикеемъ и Тузлой, противъ деревни Карамонзали, упражняясь въ тѣхъ эволюціяхъ, которыя я уже описывалъ въ одной изъ предъидущихъ корреспонденцій. Англичане выдумали какое-то усовершенствованіе въ разрывчатости снарядовъ, и давай его пробовать. Должно быть снаряды вышли ужь очень хороши, такъ какъ одно изъ 35-тонныхъ орудій броненосца «Devastation» не выдержало ихъ, соскочило съ мѣста, разбило свою платформу, выворотило броню пушечнаго отверстія судна и перепортилось само до негодности къ новой стрѣльбѣ: однимъ словомъ, порча оказалась на столько серьезна, что броненосецъ вчера отправленъ прямо въ Ливерпуль для починки. Въ письмахъ моего измидскаго корреспондента есть и другая пріятная новость. Однажды онъ замѣтилъ на улицѣ почти голаго изможженнаго старика-черкеса. Онъ подошелъ къ

нему, чтобъ подать милостыню, и хотѣлъ заговорить съ нимъ. Вдругъ, оказывается, что черкесъ знаетъ лишь по-русски (мой корреспондентъ говоритъ и на болгарскомъ языкѣ). Начались разспросы. Оказалось, что сѣдой черкесъ православный русскій, захваченный абхазцами во время ихъ бѣгства изъ Сухума. Его вмѣстѣ съ абхазцами отправили внутрь Азіи. Оттуда онъ безъ платья, гроша денегъ и языка добрался до моря—Измидскаго залива и намѣревался пройдтись пѣшкомъ по желѣзной дорогѣ до Скутари, надѣясь хоть переплыть Босфоръ, чтобъ попасть на обѣтованную землю Санъ-Стефано. Мой милый корреспондентъ снабдилъ бѣдняка деньгами, билетомъ на поѣздъ и платьемъ. Теперь мнимый черкесъ вѣроятно уже въ Санъ-Стефано. Его зовутъ Григорій Матченко. Въ Измидъ прибыли два транспортныхъ судна съ военнымъ матеріаломъ и сотней солдатъ для замѣны больныхъ и умершихъ. Первыхъ повезъ теперь въ Англію «Devastation». Изъ Галлиполи мнѣ пишутъ, что тамъ уже два мѣсяца проживаетъ англійскій военный инженеръ мистеръ Файфъ (Faif). Онъ все время находился при работахъ въ Плайарѣ, гдѣ, какъ я писалъ, предполагается высадка англичанъ въ случаѣ наступленія русскихъ на Булаиръ. На броненосцѣ „Agincoutr“ каждую ночь производятся опыты дальняго освѣщенія электрическимъ огнемъ. Машина ставится на палубѣ и свѣтъ наводится на горы. Это означаетъ, что англичане предвидятъ возможность ночного нападенія на укрѣпленія перешейка и приготовляютъ на этотъ случай два солнца: одно будетъ свѣтить изъ Саросскаго залива и освѣщать сѣверную покатость, другое—изъ бухты Мраморнаго моря для освѣщенія южной покатости. Жители Галлиполи очень жалуются на своихъ неспокойныхъ гостей—днемъ въ пушки стрѣляютъ, а ночь превращаютъ электричествомъ въ день. Въ Измидѣ первые толчки недавняго землетрясенія были тоже приняты за слѣдствіе какихъ-нибудь упражненій британской эскадры, и мухтаръ (старшина) прибѣжалъ къ дежурному англійскому береговому посту съ убѣдительной просьбой перестать „трясти городъ“.

Такъ какъ сегодняшнее мое письмо путешествуетъ по Константинополю, Галлиполи и Измиду, то ужь кстати будетъ рѣчь о Батумѣ, Шумлѣ и Варнѣ. Не смотря на строго соблюдаемую канцелярскую тайну всѣхъ щекотливыхъ переговоровъ, случай помогъ мнѣ узнать, что именно турки отвѣтили на наши «предложенія объ ускореніи сдачи крѣпостей». 1) «Вы сами, помимо нашего желанія—пишутъ изъ Высокой Порты—признали санъ-стефанскій договоръ «прелиминарнымъ»; исполняются же договоры окончательные, слѣдовательно настаивать на приведеніи въ дѣйствіе санъ-стефанскаго трактата у васъ нѣтъ никакого логическаго основанія; окончательный договоръ можетъ измѣнить условіе «прелиминарнаго», и исполняя послѣдній, быть можетъ придется впослѣдствіи переисполнять для перваго. 2) Вы сами не считаете необходимымъ сообразоваться съ санъ-стефанскимъ договоромъ, иначе вы ушли бы въ границы будущаго Болгарскаго княжества, слѣдовательно и т. д. 3) По 8 пункту мирнаго договора, мы должны сдать крѣпости Шумлу и Варну Болгарскому княжеству, которое обязуется срыть ихъ. Гдѣ же это княжество? 4) У насъ столько разнаго имущества въ названныхъ крѣпостяхъ, что мы должны имѣть время забрать его—тѣмъ болѣе, что договоръ нисколько не заставляетъ насъ торопиться—въ немъ нѣтъ срока для очищенія сдаваемыхъ городовъ и ихъ укрѣпленій». Къ этому извѣстію могу прибавить, что наши войска стоятъ въ 14-ти верстахъ отъ Шумлы. Нѣсколько фортовъ этой крѣпости уже очищены турками въ полномъ смыслѣ этого слова—не только пушки и весь военный матеріалъ увезенъ изъ нихъ, но даже всѣ желѣзныя полосы и гвозди изъ стѣнъ повыдерганы. Но буквально такъ передавалъ мнѣ эту новость одинъ русскій генералъ, завѣдующій этимъ дѣломъ.

— Отчего же мы не занимаемъ эти форты?

— Отчего не занимаемъ ихъ и отчего вообще не занимаемъ крѣпости, хотя бы совмѣстно съ турецкими войсками—вѣдаетъ про то одинъ Богъ! горячо отвѣтилъ мнѣ генералъ.

По разсказамъ, у турокъ дѣйствительно много громоздкаго военнаго матеріала въ этихъ крѣпостяхъ. Есть, напримѣръ, старинныя громадныя пушки, которыя нельзя грузить безъ особыхъ паровыхъ элеваторовъ.

Что касается до Батума, то Порта получила извѣстіе, будто бы сильный корпусъ русскихъ войскъ показался близь Ливаны, въ разстояніи 18 часовъ отъ Батума. Турки увѣряютъ, будто русскіе выбрали наихудшій путь, чрезъ непроходимыя горы, и удивляются, почему мы не отправляемъ въ Батумъ наши войска моремъ.

26-го апрѣля.

Сегодня я видѣлся и говорилъ съ генералъ-лейтенантомъ Анучинымъ, управляющимъ Болгаріей до пріѣзда князя Дундукова-Корсакова, а потому могу сообщить вамъ хотя и краткія, но достовѣрныя свѣдѣнія о будущемъ княжествѣ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, гражданской частью завѣдуютъ въ Болгаріи русскіе губернаторы и болгары вице-губернаторы. Въ уѣздахъ учреждены должности начальниковъ изъ русскихъ и административные совѣты изъ выборныхъ гражданъ. Послѣдніе недавно выбрали, за своей отвѣтственностью, казначеевъ, въ руки которыхъ поступаютъ весьма охотно и аккуратно уплачиваемыя подати. Для общаго счета предполагается устроить въ Филиппополѣ контрольную палату. Въ іюлѣ мѣсяцѣ будетъ собрано первое національное собраніе. Явятся на него въ качествѣ представителей Болгаріи всѣ члены уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ, которыхъ считаютъ отъ 350 до 400 (счетъ не опредѣленъ точно, такъ какъ не вся еще Болгарія занята русскими). На разрѣшеніе этого собранія наше правительство представитъ проектъ закона о выборахъ, по которому право избирать и быть избраннымъ должно принадлежать каждому платящему что либо въ казну, при условіи, что избраннымъ можетъ быть лишь грамотное лицо. Тутъ наша администрація предуга-

дываетъ большія затрудненія. Въ будущее княжество входятъ, кромѣ болгаръ, много грековъ, албанцевъ и турокъ, и по необходимости является вопросъ, какого именно языка потребуется грамотность для избранныхъ—исключительно ли одного болгарскаго, или какого нибудь изъ четырехъ безразлично? Вопросъ этотъ важенъ въ виду отсутствія всякой ассимиляціи между народностями княжества. Тотчасъ по установленіи закона о выборахъ, собраніе будетъ распущено, и члены его вернутся къ своимъ прежнимъ обязанностямъ въ провинціальныхъ совѣтахъ. Затѣмъ, послѣдуетъ распоряженіе о производствѣ выборовъ на основаніи новаго закона во всемъ княжествѣ и будетъ назначенъ срокъ собранія на январь будущаго 1879 года. Это второе собраніе должно заняться разработкою законовъ юстиціи и администраціи, опредѣленіемъ штатовъ и т. д. Сколько времени продолжится его дѣятельность—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не особенно долго, и притомъ эта дѣятельность нисколько не будетъ касаться прерогативъ высшей исполнительной власти. Остальное время русской оккупаціи будетъ посвящено введенію новыхъ законоположеній, и только въ концѣ этого срока соберутся вновь представители народа, и тогда имъ будетъ предложено избрать себѣ князя. Это извѣстіе кажется совсѣмъ новое и очень важное. Оно устраняетъ новыя дипломатическія усложненія на безъ того смутномъ политическомъ горизонтѣ и, конечно, облегчитъ трудъ высшихъ русскихъ администраторовъ княжества. Съ другой стороны, присутствіе иностранцевъ, конечно, помѣшало бы установленію того братства болгаръ съ нами по языку и литературѣ, которое теперь осуществится легко и безъ всякой помѣхи. Этому дѣлу очень поможетъ рѣшеніе нашего правительства немедленно послать не малое число болгарскихъ священнослужителей въ русскія духовныя академіи и болгаръ-чиновниковъ или юношей въ наши университеты. Для надзора за этими учениками будутъ

учреждены въ Россіи особые свѣтскіе надзиратели и болгарскія подворья для учащагося духовенства. Чтобъ не затруднять на первыхъ порахъ поступленіе болгаръ въ наши учебныя заведенія, генералъ Анучинъ предложилъ подлежащимъ министерствамъ проектъ допущенія болгаръ къ слушанію курсовъ безъ экзамена, съ тѣмъ, что окончаніе курса даетъ право диплома лишь для Болгаріи, а не для Россіи. Военная часть устраивается весьма успѣшно. Уже теперь къ 6 тысячамъ болгарской дружины, имѣвшейся во время войны, объявленъ наборъ новыхъ 9 тысячъ рекрутовъ. Болгары весьма охотно поступаютъ въ военную службу. Зато мусульманская часть населенія относится къ созданію болгарской военной силы съ крайней ненавистью. Такъ, на прошлой недѣлѣ мусульмане одного изъ округовъ зарѣзали восемь односельцевъ-болгаръ, вынувшихъ жребій; въ другихъ округахъ мусульмане также грозятъ перебить рекрутовъ прежде, чѣмъ они успѣютъ вооружиться. Болгары рекруты поступаютъ въ русскіе учебные батальоны. Впослѣдствіи, нынѣшняя 15-тысячная болгарская дружина сдѣлается учителемъ и зерномъ будущей національной арміи княжества. Для образованія офицеровъ будутъ приняты тѣ же мѣры, какія предполагаются для духовенства и штатской службы, т. е. извѣстное число дружинниковъ будетъ послано въ наши военно-учебныя заведенія. Впрочемъ, уже и теперь имѣется около 10 офицеровъ изъ болгаръ; изъ нихъ 6 или 7 были произведены въ первый чинъ великимъ княземъ наканунѣ его отъѣзда изъ Санъ-Стефано. Болгарское духовенство приглашается отказаться отъ всякихъ поборовъ за исполненіе религіозныхъ требъ, взамѣнъ чего оно получитъ опредѣленное жалованье. По мнѣнію г. Анучина, этотъ расходъ будетъ не особенно великъ, такъ какъ количество жалованья опредѣлится средней цифрой нынѣшнихъ доходовъ священнослужителей,—доходовъ весьма небольшихъ, судя по тому, что митрополиты Болгаріи полу-

чали не болѣе 4 и 5 тысячъ рублей въ годъ. Одинъ изъ митрополитовъ по очереди, установленной экзархомъ, будетъ присутствовать въ качествѣ члена въ высшемъ выборномъ административномъ совѣтѣ при русскомъ комисарѣ князѣ Дундуковѣ - Корсаковѣ. Что же касается до экзарха, то его мѣсто вѣроятно будетъ занято старымъ экзархомъ Анфимомъ. Этотъ почтенный старецъ наконецъ вернулся изъ ссылки. Я былъ у него и просидѣлъ часа два, слушая умную и задушевную рѣчь этого старика; видѣлъ его рыдающимъ при воспоминаніи тѣхъ ужасовъ, которые переносила Болгарія, и тѣхъ личныхъ мукъ, которыя выпали на его долю во время заточенія и ссылки. Я сознавалъ ясно, что все это горе еще такъ свѣжо, такъ близко къ нему, что не посмѣлъ утруждать старика распросами о подробностяхъ, и потому пусть читатель не винитъ меня за отсутствіе разсказа о страданіяхъ почтеннаго Анфима. Онъ очень хорошо говоритъ по-русски, хотя прошло уже 14 лѣтъ, какъ онъ покинулъ Россію; интересуется русской литературой, просилъ меня дать ему русскихъ книгъ и газетъ и передать русской честной прессѣ его благодарность, какъ болгарина. Отецъ Іосифъ до сихъ поръ исправляетъ должность экзарха, а Анфимъ живетъ въ Кадыкіоѣ, на частной квартирѣ. Когда разсѣятся политическія тучи, соберется соборъ архіереевъ и митрополитовъ; на немъ, какъ предполагаютъ, Іосифъ откажется отъ экзархіи, и совѣтъ провозгласитъ экзархомъ снова старика Анфима. Лучшаго экзарха нельзя и желать намъ. Іосифъ очень хорошій человѣкъ, хорошій патріотъ, но все-таки онъ воспитанникъ не Россіи, а Франціи. Онъ учится теперь русскому языку, но знаніе послѣдняго конечно не замѣнитъ никогда той любви къ Россіи, которая дается выросшимъ и учившимся въ ней. Это любовь не только головы и разума, но и сердца, и лучшихъ воспоминаній розовой поры жизни. Дѣлами по народному просвѣщенію и духовными будетъ завѣдывать

на правахъ министра г. Дриновъ. Итакъ, будущее Болгаріи стало немножко яснѣе. Я этому очень радъ, и потому вспоминаю о колоколахъ. Извѣстно, что болгарскія церкви были лишены этого украшенія, и, за неимѣніемъ ни спеціальныхъ средствъ, ни литейныхъ заводовъ въ Болгаріи, вопросъ о колоколахъ представлялся до сихъ поръ весьма сложнымъ. Теперь все устроилось къ обоюдному удовольствію: въ Филиппополѣ русскіе нашли 6 громаднѣйшихъ пушекъ стараго фасона, которыхъ нѣтъ никакой возможности отвезти въ Россію въ качествѣ грандіозныхъ трофеевъ побѣды. Государь приказалъ распилить эти чудовища на куски и подарить ихъ болгарскому духовенству. Послѣднее можетъ или заказать изъ готоваго металла колокола, или продать металлъ и на вырученныя деньги купить колокола въ Россіи.

27-го апрѣля.

Наступило время лихорадочной дѣятельности турокъ по части приготовленій къ нейтралитету. Генералы цѣлые дни верхомъ, на всѣхъ концахъ города обширныя ученья, а войска уже расположены не только по старой линіи отъ Макрикіоя и Маслака къ Бѣлградчику, но и второй цѣпью съ центромъ у Сладкихъ Водъ. Въ одномъ изъ прошлыхъ писемъ я сказалъ, что въ столицѣ и ея окрестностяхъ сосредоточено до 170 тысячъ турецкихъ войскъ. Это свѣдѣніе я подтверждаю еще разъ, такъ какъ теперь мнѣ извѣстны и нѣкоторыя детали расположенія турокъ. Такъ, кругомъ Царьграда до Чернаго моря расположено 100 батальоновъ съ весьма неполнымъ комплектомъ людей; въ столицѣ находятся въ настоящее время 40 батальоновъ регулярныхъ войскъ и 30 національной гвардіи; въ Скутари 25 батальоновъ; остается прибавить къ этому нѣсколько десятковъ батальоновъ по азіятскому берегу Босфора, и станетъ очевиднымъ, что при самомъ незначительномъ составѣ каждаго батальона должно быть около той

цифры солдатъ, которую я привелъ выше. Комплектъ батальоновъ считается въ 500 человѣкъ; имѣя въ виду, что ежедневно привозятъ сюда сотни рекрутовъ, и что старые батальоны не соединяются вмѣстѣ для самоукомплектованія, есть поводъ думать, что турки мечтаютъ довести свою константинопольско-босфорскую армію до громадной цифры. Въ раздѣленіяхъ на корпуса произошла маленькая перемѣна. Къ 1-му корпусу, отданному подъ команду Бэккеръ-пашѣ, причислены всѣ войска, стоящія отъ Макрикіоя къ Маслаку, и главная квартира британца-генерала переведена въ Рашидъ-Чифликъ. 2-мъ и 3-мъ корпусами командуетъ Мегеметъ-Али-паша, имѣя квартиру штаба въ Левендъ-Чифликѣ; 4-й корпусъ состоитъ подъ начальствомъ Фуадъ-паши. Такимъ образомъ, Шефкетъ-пашу замѣнилъ окончательно Бэккеръ-паша. Вчера самъ бѣдный Гамидъ рѣшился показать себя войску. Съ блестящей свитой на чистокровномъ арабскомъ конѣ онъ выѣхалъ изъ Гильдизъ-Кіоска и отправился въ Маслакъ. Тамъ было сосредоточено до 50 тысячъ войска, и втеченіе 2 часовъ производились ученье и парадъ. Разныхъ малозначущихъ «ура» было конечно вдоволь, но впечатлѣніе, произведенное султаномъ на войско, было весьма неблагопріятное для падишаха. Дѣло въ томъ, что новый астрономъ-Гамидъ пристрастился въ послѣднее время къ шампанскому; больной изнѣженный организмъ не выноситъ этой отравы, и еще не старый по годамъ Гамидъ теперь пожелтѣлъ и скорчился какъ шестидесятилѣтній старикъ. Недѣли двѣ тому назадъ, весь Константинополь былъ крайне пораженъ неожиданнымъ извѣстіемъ о запрещеніи посѣщать европейскія Сладкія Воды. Коментаріямъ не было конца. Я рѣшился разузнать въ чемъ дѣло, нанялъ коляску и поѣхалъ туда. Не смотря на сотню «эссаковъ», я добрался не только до дворца, но даже погулялъ и въ роскошномъ саду султана. Вся цвѣтущая долина, мѣсяцъ тому назадъ совершенно пустая, теперь полна солдатами, офицерами и

палатками. На близлежащихъ горахъ то же самое. На всѣхъ удобныхъ площадкахъ вверху и внизу обучаются солдаты. Итакъ, запрещено тутъ гулять, конечно, лишь потому, что Сладкія Воды обращены въ военный лагерь, составляющій центръ второй фортификаціонной линіи. Теперь остается только припомнить оффиціальное заявленіе, будто турки убрали свои войска изъ мѣстъ ихъ расположенія, видѣнныхъ великимъ княземъ, и попробовать согласовать съ нимъ вышесказанное, чтобъ убѣдиться въ различіи между словомъ и дѣломъ.

Въ штатскихъ турецко-оффиціальныхъ сферахъ продолжается подпольная борьба партій. Министерство попрежнему настаиваетъ на назначеніи Акифа-паши (вооружившаго мусульманъ во время болгарскаго избіенія) на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, а во дворцѣ интригуетъ это мѣсто для себя молодой Саидъ-паша 2-й, окончательно разошедшійся съ кабинетомъ Садыкъ-паши. Интересно, что англичане теперь всѣми силами стараются помѣшать успѣху Саидъ-паши 2-го; такъ «Levant Herald» помѣстилъ у себя замѣтку, гдѣ, не называя никого по именамъ, говоритъ слѣдующее: «Министерство внутреннихъ дѣлъ до сихъ поръ остается вакантнымъ. Всѣ удивляются этому, но никто не винитъ въ томъ перваго министра. Напротивъ, всѣ благодарны ему за то, что онъ отказывается дать портфель кандидату, уже бывшему на вѣсахъ, но оказавшемуся слишкомъ легкимъ». Подобная замѣтка, направленная не въ бровь, а въ глазъ, не должна пройдти незамѣченной; она доказываетъ, что воспитаніе настоящаго кабинета окончено и г. учитель Лэйардъ на столько доволенъ имъ, что не желаетъ никакихъ перемѣнъ въ министерствѣ. Честь и слава британцамъ—облюбовали скоро, такъ скоро, что мы ровно ничѣмъ не успѣли воспользоваться въ короткое нейтральное время. Въ Высокой Портѣ идетъ наборъ старыхъ чиновниковъ, удаленныхъ Ахметомъ-Вефикомъ. Я тамъ нѣсколько разъ искалъ случая увидѣться съ Шакиръ-пашей,

будущимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Наконецъ рѣшилъ отправиться къ нему на домъ, т. е. совершить весьма длинное путешествіе. Шакиръ-паша, какъ извѣстно, до новаго назначенія посломъ, управлялъ измидско-скутарійской желѣзной дорогой; такъ какъ рельсовый путь давалъ ежегодные оффиціальные дефициты, то невдалекѣ отъ линіи естественно выросъ у паши собственный домъ и садъ. Чтобъ добраться до него, надо переплыть Босфоръ до одной изъ пристаней Скутари и потомъ часа полтора по дорогамъ, созданнымъ Господомъ Богомъ, тащиться въ горы, въ селеніе Мохъ-Куюсу. Тамъ стоитъ хорошенькій домикъ съ гаремными рѣшетками—это и есть резиденція паши. Къ моему великому огорченію, я не засталъ посла. Утомленный путешествіемъ подъ лучами утренняго горячаго солнца, я отдохнулъ немного въ его кабинетѣ. Обстановка кабинета всегда даетъ нѣкоторое понятіе о характерѣ и направленіи ума его хозяина, а потому я посвящаю нѣсколько строчекъ описанію рабочей комнаты представителя Турціи. Маленькій, очень маленькій письменный столъ съ громадной чернилицей, совершенно сухой. Затѣмъ, два кресла очень мягкихъ и по всѣмъ стѣнамъ кругомъ комнаты низкіе восточные диваны, предназначаемые для сидѣнья съ поджатыми ногами. Съ боку небольшой шкафъ съ книгами, гдѣ на одной полкѣ толстый въ переплетѣ религіознаго зеленаго цвѣта Коранъ, а подъ нимъ въ старинной кожаной оберткѣ два тома сочиненій Вольтера. Еще десятокъ греческихъ брошюръ и затѣмъ громадныя оффиціальныя книги, вѣроятно, относящіяся къ управленію желѣзной дорогой, судя по инициаламъ на корешкѣ. Какъ разъ передъ письменнымъ столомъ висятъ четыре гравюры, пріѣзжающія на Востокъ обыкновенно съ каждымъ туркомъ, побывавшимъ въ Европѣ. Три изъ нихъ изображаютъ канканныхъ танцовщицъ въ самыхъ натуральныхъ костюмахъ и въ позахъ, если и возможныхъ, то весьма непозволительныхъ. Четвертая гравюра изображаетъ какую-то католическую

мученицу, прикованную къ столбу на кострѣ; великомученица, судя по ея сосѣдству съ мученицами кафе-шантановъ, попала сюда, конечно, не за свои страданія, а за красоту своихъ обнаженныхъ формъ. Затѣмъ, къ временному аксессуару кабинета слѣдуетъ отнести 9-ти-лѣтняго круглаго какъ наливное яблочко сынка паши, одѣтаго и обстриженнаго на настоящій турецкій манеръ, и грязнаго, оборваннаго слугу.

Семейство Шакира-паши останется, конечно, здѣсь, такъ какъ мусульманскій обычай запрещаетъ женщинамъ выѣздъ за границу. Возвращаясь изъ поѣздки къ шакиру черезъ Стамбулъ, я заѣхалъ взглянуть на знаменитое произведеніе нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія Мушефа. Этотъ господинъ цѣлыхъ три мѣсяца занимался составленіемъ рельефнаго плана Европейской Турціи и создалъ его весьма красиво и вѣрно. Планъ величиной въ 5 квадр. саженъ, съ рельефомъ горъ, городовъ, рѣкъ, морей и дорогъ. Помѣщеніе плана служитъ яснымъ доказательствомъ неуваженія невѣжества къ труду. Онъ поставленъ по срединѣ двора и ровно ничѣмъ не прикрытъ сверху, вслѣдствіе чего недавніе дожди смыли часть горъ, городовъ и дорогъ. Теперь жаркое солнце превратитъ въ песокъ остатки, и долгая работа Мушефа пропадетъ безвозвратно. Рядомъ съ дворомъ, гдѣ находится планъ, стоитъ знаменитая мечеть Султаніе. Я зашелъ и въ нее, чтобъ поглядѣть на гробницу Абдулъ-Азиса. Бѣлый, громадный мраморный камень—и больше нѣтъ ничего; только одна простая феска зарѣзаннаго султана украшаетъ гробницу. Рядомъ съ ней саркофагъ падишаха Махмуда. На немъ драгоцѣнное покрывало изъ чернаго бархата, роскошно расшитое чистымъ серебромъ. На изголовьи тоже феска, но съ громадной брилліантовой звѣздой. Отсюда недалеко и до св. Софіи. Я читалъ во всѣхъ здѣшнихъ газетахъ, будто эта мечеть уже совершенно очищена отъ эмигрантовъ и дезинфектируется помпьерами. Прихожу во дворъ, на паперть, за-

глядываю во внутренность знаменитаго храма—все попрежнему полно несчастнымъ людомъ, съ тою лишь разницею, что внутри церкви нѣтъ теперь почти ни одного здороваго существа... Вѣрьте, послѣ этого, турецкой прессѣ!

P. S. Сейчасъ получилъ изъ Высокой Порты кажется вполнѣ достовѣрное извѣстіе, что состоялось соглашеніе въ принципѣ о немедленной сдачѣ Шумлы, Варны и Батума и удаленіи русской арміи изъ Санъ-Стефано и Чаталжи за линію, образуемую отъ Дедеагача до Адріанополя. Идутъ переговоры о деталяхъ. Между тѣмъ телеграфъ сообщаетъ, что русскія войска значительно подвинулись по направленію къ Батуму и даже заняли городъ Артвинъ, на югѣ порта, близъ Ардануча. Другая новость—предложеніе Турціи, посланное въ Вѣну, взамѣнъ оккупаціи Босніи и Герцеговины получить отъ Порты вознагражденіе расходовъ, понесенныхъ Австро-Венгріей на содержаніе бѣглецовъ, которымъ отнынѣ гарантируется полная амнистія и безопасность по возвращеніи на родину. Если все это правда, какъ должно думать, судя по источнику этихъ свѣдѣній, то все это дѣло очевидно не турецкаго ума...

Въ то время, когда я дописываю эти строки, новое сильное землетрясеніе качаетъ Константинополь. Нѣсколько секундъ я долженъ былъ прерывать процессъ письма.

Санъ-Стефано, 28-го апрѣля.

Я провелъ цѣлый день въ Санъ-Стефано; видѣлся и говорилъ съ генераломъ Левицкимъ, директоромъ дипломатической канцеляріи г. Хитрово, съ управляющимъ канцеляріей штаба г. Дараганомъ и многими другими. Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ долгихъ разговоровъ и разсказовъ, заставляетъ думать, что неминуемость грозы признается теперь неопровержимымъ фактомъ, и всѣ заботы обращены на то, чтобъ гроза эта не застала врасплохъ той или другой части нашего управленія. Англичане, не смотря на «усердное занятіе дипломатической полемикой», успѣли

уже убѣдить всѣхъ, что «мелочи и детали» министерскихъ меморій не болѣе какъ плохая маска, годная лишь для обмана младенчествующихъ. Мои константинопольскія извѣстія о предполагаемой высадкѣ англичанъ въ Плоярѣ, о которой я писалъ полтора мѣсяца тому назадъ, подтверждаются теперь людьми вполнѣ компетентными и серьезными. По поводу ея одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей прошлой кампаніи выразился о Галлиполи въ слѣдующихъ словахъ: «Даже и помимо высадки этихъ войскъ теперь нѣтъ возможности выкурить англичанъ съ полуострова; думать въ настоящее время о занятіи булаирскихъ укрѣпленій подъ огнемъ съ двухъ сторонъ британскихъ броненосцевъ—значитъ предаваться самой праздной фантазіи!» Это же лицо, совмѣстно съ другими знатоками военнаго дѣла, предполагаетъ, что англичане не удовольствуются высадкой на одномъ Галлиполи, но успѣютъ, подъ защитой флота, спустить дессантъ въ другіе пункты прибрежья Мраморнаго моря; вѣроятнѣе всего, по ихъ мнѣнію, англичане устроютъ будущіе пункты своихъ укрѣпленій на сушѣ въ Родосто и Дедеагачѣ. Изъ этихъ мѣстъ вѣроятнѣе всего можно ждать со стороны англичанъ наступательныхъ дѣйствій, такъ какъ, вопервыхъ, тутъ удобнѣе дѣйствовать на некрѣпкій нейтралитетъ Турціи, вовторыхъ, тутъ англичане найдутъ неподалеку многочисленное, уже возбужденное и уже бунтующее мусульманское населеніе. Высадка же на Галлиполи, говорятъ, не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ оборонительной, такъ какъ отъ Булаира къ материку нѣтъ ни одной удобопроходимой дороги; «пройдти это разстояніе все равно, что перейдти черезъ Балканы»—сказалъ генералъ. Иностранныя газеты уже давно говорили, что въ г. Дарданеллахъ англичане строятъ бараки. Я сообщалъ тогда, что это неправда. Теперь получено оттуда свѣдѣніе, что на прошлой недѣлѣ англичане сдѣлали большой заказъ тесоваго дерева; онъ вѣроятно и предназначается для бараковъ, уже

выстроенныхъ пылкимъ воображенiемъ иностранныхъ писателей. О количествѣ прибывающихъ войскъ изъ Индiи въ Европу и Египетъ пока ничего достовѣрно неизвѣстно, но вообще полагаютъ, что цифра ихъ весьма скромная. Вербовка турокъ англичанами — чистая выдумка; кто-то пустилъ эту утку, другiе подхватили. Впрочемъ, утка могла быть непреднамѣренной: весьма вѣроятно, что пропаганду англичанъ приняли за прямой наборъ. Вообще надо быть теперь крайне осмотрительнымъ по части грозныхъ извѣстiй. Востокъ даетъ для нихъ самую удобную почву—его мало знали всегда, а теперь дипломатическо-военная каша можетъ сбить съ толку и весьма добросовѣстнаго изслѣдователя. Такъ, напр., «Politische Corresp.» недавно довела родопское возстанiе до Салоникъ и вывела русскiя войска изъ Каваллы, куда до сихъ поръ не заглядывалъ, какъ извѣстно, ни одинъ русскiй солдатъ. Теперь все такъ непрочно, такъ натянуто, такъ нетерпѣливо каждый ждетъ перемѣнъ, неожиданностей и ужасовъ, что наблюдатель, во избѣжанiе грубыхъ ошибокъ, долженъ запастись большимъ скептицизмомъ и спокойствiемъ духа. Скучное, несносное ожиданiе накопилось какъ порохъ, и одна мимолетная непреднамѣренная искра зажигаетъ цѣлую массу толковъ, надеждъ и... противорѣчiй. Къ сожалѣнiю, обстоятельства сложились такъ, что центръ тяжести и починъ всякихъ движенiй впередъ и назадъ ушли изъ военныхъ штабовъ Санъ-Стефано въ дипломатическiя канцелярiи Петербурга, и вслѣдствiе этого очень часто здѣсь, при самомъ добромъ желанiи, никто не можетъ ни опровергнуть иное обманчивое ожиданiе, ни сообщить вмѣсто него извѣстiе достовѣрное. Въ такомъ туманѣ живутъ цѣлыя недѣли всѣ, безъ всякаго единичнаго исключенiя, и... если читатель добрый человѣкъ, онъ можетъ понять тяжесть этой жизни и пожалѣть вмѣстѣ со мной тѣхъ, кто отъ души говоритъ: «Опасности войны и кровь въ миллiонъ разъ лучше этого незаслуженнаго сидѣнья въ поть-

махъ и безъ дѣла!» Пока идутъ унылые разговоры, приближеніе громовой тучи почувствовали первыми баловни войны — «до провіанта касающіеся». Санъ-Стефано не признается надежнымъ мѣстомъ стоянки. Плоскій берегъ широкаго моря слишкомъ удобная и, притомъ, беззащитная цѣль для водяныхъ британскихъ чудовищъ. Девятифунтовыя орудія, иронически разставленныя дулами къ Принцевымъ островамъ, суть не что иное, какъ дѣтскія невинныя игрушки по сравненію съ 30-тонными пушками броненосцевъ. А потому накопившійся здѣсь провіантъ продовольствія приказано убрать подальше отъ моря, чтобъ не отдавать его въ руки враговъ, въ случаѣ поспѣшнаго отступленія. Поднялись съ сырой земли измученные, ограбленные хохлы-погонщики, и опять за старую, безплатную работу... Возникъ вопросъ и о мѣстопребываніи главнаго казначейства арміи. Князь Имеретинскій, какъ я слышалъ, полагаетъ болѣе благоразумнымъ держать кассу тоже подальше отъ моря. Перевозки и разговоры заставили насъ думать, что главная квартира предполагаетъ удалиться теперь же въ будущую линію русскихъ укрѣпленій. Добрые люди прибавили къ слуху, что уже и войска ушли изъ С.-Стефано, гдѣ будто бы осталось лишь полторы тысячи солдатъ. Послѣднее совершенно невѣрно, а вопросъ о новой стоянкѣ главной квартиры не разрѣшенъ до сего дня. Что же касается до удаленія за линію Дедеагачъ-Адріанополь, то это было лишь дружелюбнымъ предложеніемъ намъ со стороны Порты. На него, кажется, никто пока не обратилъ серьезнаго вниманія. Если мои свѣдѣнія не ложны, то изъ главной квартиры отвѣчали Портѣ, что разсмотрятъ ея проектъ, а Порта съ радости оповѣстила, что проектъ уже принятъ «въ принципѣ» и исполненіе послѣдуетъ немедленно за установленіемъ деталей. Однимъ словомъ, изъ этого шума можно сдѣлать лишь одинъ выводъ: Порта и многіе другіе пріучились не особенно высоко цѣнить нашу дипломати-

ческую интеллигенцію и надѣются сдвинуть насъ бумагой съ мѣста, купленнаго цѣною жизни десятковъ тысячъ русскаго лучшаго молодого люда...

Въ заключеніе письма не могу отказать себѣ въ удовольствіи передать вамъ назидательный разговоръ съ двумя англійскими полковниками, Алисомъ и Бэккеръ-беями, какъ извѣстно, состоящими въ качествѣ начальниковъ штаба при Бэккеръ-пашѣ. Мнѣ пришлось сегодня ѣхать съ ними въ одномъ купэ. Разговорились.

— Кѣмъ былъ князь Дундуковъ-Корсаковъ до назначенія его русскимъ коммисаромъ въ Болгарію?—спрашиваетъ меня между прочимъ Бэккеръ-бей.

— Генераломъ-губернаторомъ въ Кіевѣ—отвѣчаю я ему.

— Гдѣ это Кіевъ?

— Кіевъ и Крымъ—одно и то же—отвѣчаетъ Алисъ-бей съ сохраненіемъ полковничьяго авторитета физіономіи...

Неугодно ли послѣ этого доказать этимъ знатокамъ Россіи, что мы не варвары, прогрессируемъ и т. д.

XVII.

Какъ говорятъ военные и дипломаты о положеніи дѣлъ.—Какъ турки выигрываютъ время. — Фальшивая тревога. — Изгнаніе русскихъ офицеровъ изъ Константинополя.—Пашевъ, разбогатѣвшій болгаринъ.—Вліяніе русскихъ на болгаръ.—Реорганизація турецкаго войска.—Агитація противъ русскихъ во дворцѣ султана, при помощи астрономіи и картинокъ.—Султанскіе подарки и раболѣпіе придворныхъ. — Обѣдъ у султана. — Ловкость англичанъ.—Турецкій заемъ.—Эмигранты.

Константинополь, 30-го апрѣля.

Вчера я разговаривалъ съ военными, сегодня — съ дипломатами. Сравненіе однихъ съ другими приходитъ на умъ невольно. Въ Санъ-Стефано чувствуешь напряженную дѣятельность главныхъ лицъ, нервное ожиданіе грозы другихъ, видишь движеніе, заботы и т. д. Здѣсь лица невозмутимы, жесты разсчитаны, рѣчь плавна, спокойна, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ироніи сверху внизъ. Въ Санъ-Стефано слышишь: «Дѣло безъ грозы не обойдется; скорѣе бы только разразилась, чтобъ опять не прозѣвать что нибудь!» Здѣсь и фразы, и тонъ другой: «Боже сохрани войны; начнись она, продлится лѣтъ десять съ перерывами и съ измѣненіемъ именъ дѣйствующихъ лицъ; мы не желали и прошлой войны; одна лишь непредвидѣнная сила обстоятельствъ заставила Россію сдѣлать вызовъ; теперь ошибка не можетъ повториться, и новой войны не будетъ!» Сохрани меня Богъ отъ подозрѣнія къ словамъ этихъ людей обоихъ

взглядовъ; я знаю, что они говорятъ отъ души. Но такъ какъ оба они поставлены судьбой у кормила и направляютъ насъ къ будущему, то я полюбопытствовалъ спросить у нихъ, должны ли мы плыть по діагонали, по физическому закону взаимодѣйствія силъ противоположныхъ направленій, или потечемъ по пути одной изъ нихъ. Однимъ словомъ, гдѣ лежитъ корень этого противорѣчія? Увы, отвѣты получились самые неудовлетворительные: военные сказали мнѣ: «Помилуйте, столько денегъ, столько крови потратили—и чтобъ теперь назадъ уйдти? Быть этого не можетъ!» Дипломаты объяснили: «На то и существуютъ государственные люди, чтобъ противодѣйствовать грубой силѣ обстоятельствъ и спасать отъ опасности». Итакъ, съ одной стороны—война неминуема, съ другой—миръ неминуемъ. Оба мнѣнія исходятъ изъ источника одинаково достовѣрнаго и даже, такъ сказать, оба они одного и того же ранга, а потому читатель можетъ смѣло выбирать то, что ему нравится. Я же перехожу отъ разговоровъ къ повѣствованію о фактахъ.

Турки съ глубокимъ прискорбіемъ узнали двѣ неожиданныя новости: первая—что англійскій кабинетъ нанялъ самыя плохія суда для транспорта войскъ изъ Индіи, вторая—что этого войска прибыло въ Европу всего на всего... 8 тысячъ. До обиды мало, такъ мало, что въ Высокой Портѣ явилось подозрѣніе: не шутятъ ли только британцы, не имѣютъ ли они въ виду близкое заключеніе выгоднаго торга съ Россіей? Одного такого подозрѣнія достаточно для тревоги—вѣдь въ такомъ случаѣ министры, столь нецеремонящіеся сегодня и вчера съ нами, завтра могутъ очутиться въ русскихъ рукахъ. Успокоенія Лэйарда, говорящаго всѣмъ и каждому безъ малѣйшей церемоніи: «война будетъ, непремѣнно будетъ!»—не подѣйствовали: слишкомъ давно повторяетъ онъ эту истрепанную фразу. Другого спросить некого, время терять опасно. Остался одинъ путь—изобрѣсти зондъ и позондировать имъ Биконсфильда. Па-

ши—такой хитрый народъ, что разбредись они по міру, какъ евреи, непремѣнно сдѣлали бы дипломатію своей привиллегіей. Эта способность указала имъ средство узнать истинное настроеніе оффиціальнаго Лондона и въ то же время пугнуть послѣдній на счетъ опасной медлительности. Порта послала Муссурушу-пашѣ депешу, въ которой горько жалуется на угрозы русскихъ и объясняетъ, что волей-неволей она принуждена сдать русскимъ крѣпости, для чего и посылаетъ въ нихъ своихъ спеціальныхъ уполномоченныхъ. Увы, неумные лгуны чаще всего обманываютъ самихъ себя. На другой день, по отправленіи этой депеши, одинъ изъ уполномоченныхъ, ѣдущихъ въ крѣпости, давалъ прощальный обѣдъ своимъ знакомымъ иностранцамъ, и за бокаломъ шампанскаго сдобродушничалъ, заявивъ откровенно о дѣйствительныхъ инструкціяхъ, полученныхъ турецкими делегатами изъ министерства. «Моя миссія чисто дипломатическаго свойства—сказалъ откровенный человѣкъ:—мнѣ приказано вести переговоры и съ тѣми, и съ другими, имѣть рѣшительный видъ и выиграть... одно время!» Черезъ два часа послѣ этой бесѣды о ней говорили уже въ обоихъ политическихъ клубахъ. Кто знаетъ, можетъ быть депеша о ней дойдетъ до глазъ Биконсфильда даже раньше, чѣмъ телеграмма Порты. Обманъ не удался. Лгать съ барышемъ имѣютъ право только очень умные люди. Нетерпѣніе Порты по отношенію къ Англіи высказалось и въ другой формѣ. До сихъ поръ турецкія газеты, находящіяся въ качествѣ несовершеннолѣтнихъ подъ строжайшей опекой «Bureau de la presse», обязаны были доказывать необходимость нейтралитета Турціи въ предполагаемой войнѣ англичанъ съ русскими. Вчера директоръ бюро неожиданно потребовалъ къ себѣ редактора арабской газеты «Эль-Джаваибъ» и позволилъ ему слегка коснуться возможности союза Турціи съ Англіей. Редакторъ не преминулъ воспользоваться этимъ «отпущеніемъ», и совсѣмъ даже не слегка заговорилъ о нравственной и политической необхо-

димости для Турціи бросить въ сторону нейтралитетъ. По его мнѣнію, очень понравившемуся турецкому міру, Турція должна послѣдовать примѣру дѣйствій Сербіи въ прошлую кампанію, т. е. сначала дать волонтеровъ Англіи, затѣмъ, выждавъ удобный моментъ, двинуться открыто впередъ на новаго «великодушнаго друга». Между тѣмъ грозный видъ множества войскъ, сосредоточенныхъ кругомъ столицы, и ежедневныхъ ученій потерпѣлъ на дняхъ маленькое непріятное фіаско. На демаркаціонной линіи по скату горки стояли турки; у подошвы русскій лагерь. Вдругъ въ послѣдній пріѣзжаетъ генералъ-ревизоръ и дѣлаетъ фальшивую тревогу. Сидящіе на корточкахъ турки увидѣли внизу движеніе, солдаты строятся, пушки скачутъ... Не долго думая, сыны Аллаха приподнялись да во всю мочь бѣжать. Сзади хохотъ, шумъ; османлисы, не оглядываясь, еще пуще. Вышелъ такой переполохъ, что щепки полетѣли въ дипломатовъ. Высокая Порта обратилась къ нимъ съ оффиціальной просьбой не пугать турецкое войско, а кстати и предложеніе пускать поменьше русскихъ мундировъ въ Константинополь. Дипломаты нашли то и другое весьма разумными требованіями. «На что это похоже—говорятъ они:—на каждомъ шагу русскій мундиръ — это неприлично!» Не знаю, будутъ ли теперь отводить русскія войска для ученій подальше отъ пугливыхъ турокъ, но въ Санъ-Стефано уже изданъ приказъ не пускать офицеровъ въ Константинополь. Теперь сюда ѣздятъ лишь изъ Чаталжи, Родосто и проч. мѣстъ, куда вышесказанный приказъ, вѣроятно, не успѣлъ доѣхать. По поводу нервности турецкаго солдата наши генералы высказываютъ мнѣніе, что турецкое войско безъ окоповъ и траншей совсѣмъ не преграда для русской арміи. Нѣкоторые доходятъ до такого примиренія съ тѣмъ, что случилось, что считаютъ сосредоточеніе турокъ на пути въ Царьградъ весьма выгоднымъ. «Мы все равно войдемъ,—говорятъ они;—а одинъ выстрѣлъ со стороны турокъ дастъ намъ лишь поводъ войдти въ столицу

на правахъ непріятеля и взять контрибуцію». На эту мысль наводитъ масса претензій, предъявляемыхъ санъ-стефанскими проприіеторами по поводу убытковъ, якобы нанесенныхъ имъ пребываніемъ русской арміи. Эти господа, какъ разъ стоящіе на томъ уровнѣ культуры, когда люди перестаютъ вѣрить въ строгость Бога и, за неимѣніемъ интеллигенціи, поклоняются одному золотому тельцу, нажились рублями такъ, какъ и во снѣ имъ не снилось. Кромѣ торговли съ баснословно-глупыми цѣнами на товаръ, они берутъ за квартиры въ 20 разъ дороже обыкновеннаго, т. е. выручаютъ въ мѣсяцъ полутора-годовую обыкновенную плату, и еще рѣшаются жаловаться на убытки. Видно, мы ужь черезчуръ тароваты, если у нихъ хватаетъ нахальства выманивать изъ нашего кармана еще лишніе милліоны. И въ какія только руки не попадаетъ наше бѣдное золото! Напримѣръ, одинъ изъ сотоварищей Когана, нѣкій болгаринъ изъ Сливно, Пашевъ, нажилъ честной поставкой провіанта на армію-освободительницу его отечества болѣе 20 милліоновъ (въ одинъ годъ—довольно), получилъ на шею св. Анну (всѣ подрядчики получили крупные ордена) и пожертвовалъ 1,000 золотыхъ на греческое возстаніе. За это изъ Аѳинъ ему прислали еще одинъ орденъ. Теперь Пашевъ завелъ четверку великолѣпныхъ рысаковъ, разгуливаетъ по Царьграду, а на одну тысячу русскихъ полуимперіаловъ вооружаются десятки грековъ, собирающихся напасть на русскихъ. Эти сборы со времени родопскаго и балканскаго возстаній сдѣлали значительный шагъ впередъ. Во время общихъ увѣреній о пріостановкѣ ѳессалійской инсурректіи, я утверждалъ, что военныя дѣйствія будутъ тамъ продолжаться вплоть до смѣны губернатора Ибрагимъ-паши. Теперь этотъ паша подалъ въ отставку, и желаемая англичанами демаркаціонная линія установлена. Возстаніе затихло; не хватаетъ денегъ, такъ какъ англичане боятся давать ихъ, опасаясь возобновленія непріязненныхъ дѣйствій грековъ противъ турокъ. Вслѣдствіе

этого, греки рѣшились соорудить корсаровъ на Архипелагѣ, и грабятъ острова. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, разсказываемый мнѣ въ письмѣ съ Тенедоса. Въ мѣстечко Олимпъ на островѣ Хіосъ прибыло легкое парусное судно. Капитанъ его явился на берегъ съ обращиками вина и запродалъ таковое одному изъ купцовъ. Купецъ поѣхалъ на бортъ судна для уплаты денегъ и полученія вина, но вмѣсто таковаго, ему дали печатную квитанцію отъ греческаго инсуррекціоннаго комитета съ изъявленіемъ благодарности за крупное пожертвованіе на пользу эллинизма. Купецъ перетрусилъ, а судно съ его денежками уплыло на сѣверозападъ. Греки сильно агитируютъ противъ русскихъ не только въ Ѳессаліи, но и здѣсь, въ Константинополѣ. На радактора «Courrier d'Orient», писавшаго, какъ я извѣщалъ, опроверженія на греческую статистику европейской Турціи, посыпался цѣлый градъ ругани, печатаемой въ другихъ царьградскихъ газетахъ. Содержаніе ихъ очень ясно характеризуетъ чувства грековъ къ Россіи и направленіе здѣшней прессы, помѣшающей на своихъ столбцахъ эту брань, а потому я считаю не лишнимъ привести построчный, хотя и сокращенный по необходимости переводъ одного изъ такихъ печатныхъ заявленій; вотъ одинъ изъ протестовъ: «Редакторъ «Courrier d'Orient», взявшій на себя трудъ защиты татарской цивилизаціи Россіи, нахально лжетъ, утверждая, что я болгаринъ. Я грекъ, былъ грекомъ и останусь грекомъ даже въ томъ случаѣ, если казацкая Россія докончитъ свою разбойническую войну занятіемъ Константинополя. Димитранъ». Не смотря на ихъ злобу, вліяніе русскихъ на болгаръ сказывается во всѣхъ мелочахъ. Здѣшніе болгары, напримѣръ, носившіе на головѣ феску и на ногахъ широчайшіе курдюкообразные панталоны, теперь надѣли мѣховыя шапочки и урѣзали свои невыразимыя, придавъ имъ нѣкоторый европейскій видъ. Курьезно отношеніе турецкой полиціи къ этому нововведенію. Вчера въ Балкапханѣ жандармъ остановилъ

одного проходящаго въ шапкѣ и спрашиваетъ: «По какому праву ты носишь такую шапку?»—«Я болгаринъ.» «Врешь»,—усумнился жандармъ, и потащилъ бѣдняка въ полицію. Тамъ онъ просидѣлъ сутки, и когда удостовѣрилъ свое болгарское происхожденіе, его отпустили съ миромъ. Такимъ образомъ создается новый національный болгарскій костюмъ.

1-го мая.

Завтра какъ увѣряютъ, будетъ объявленъ законъ о реорганизаціи турецкихъ войскъ по общеевропейскому образцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнится и военная форма. Классическая феска исчезнетъ, и на головахъ воиновъ-османлисовъ появится традиціонная черкесская мѣховая шапочка съ изображеніемъ луны. Солдатскія куртки получатъ полы, а на ноги войско надѣнетъ длинные сапоги вмѣсто теперешнихъ зашнурованныхъ башмаковъ. Наконецъ, сегодня или завтра послѣ обѣда, султанъ сдѣлаетъ новый смотръ войскамъ, стянутымъ къ казармамъ Даудъ-паши. Рекруты прибываютъ сюда со всѣхъ сторонъ ежедневно; но ни семейства ихъ, ни сами они не получаютъ никакого вознагражденія, какъ ложно разсказываютъ иностранныя газеты. Напримѣръ, зачастую можно видѣть, какъ бѣдняковъ тянутъ два солдата подъ руки. Очевидно, что наборъ производится противъ желанія дальняго населенія и, притомъ, въ размѣрахъ самыхъ непозволительныхъ. Количество новобранцевъ еще не опредѣлено—каждый вали-губернаторъ высылаетъ столько, сколько можетъ набрать въ своей провинціи. Между рекрутами есть 15-тилѣтнія дѣти и 45-тилѣтніе пожилые люди. Однимъ словомъ, къ нынѣшнему набору не примѣняется ни одно изъ правилъ рекрутской повинности, и вся забота основана на томъ, чтобъ собрать войска какъ можно больше. Въ этой дѣятельности, въ которой теперь, неожиданно для всѣхъ, сталъ принимать личное участіе недавній отшельникъ Гильдизъ-Кіоска, Абдулъ-Гамидъ,

есть важный закулисный смыслъ. На немъ-то я и останавливаю особенное вниманіе читателя.

Какъ только прекратились визиты русскихъ во дворецъ, тамъ началась усиленная агитація противъ насъ и въ пользу Англіи. О перемѣнѣ убѣжденій султана, которыя иногда держатся весьма упрямо въ головѣ деспота-невѣжи, могли думать лишь наивные политики и интриганы. Лэйардъ человѣкъ образованный и умный, а потому онъ выбралъ другой путь. Возбудивъ въ султанѣ, при помощи Саида-паши 1-го, интересъ къ звѣздамъ и лунѣ, онъ помѣстилъ во дворцѣ телескопъ и двухъ астрономовъ англичанъ, изъ которыхъ одинъ отставной британскій морской офицеръ. Эти астрономы, для лучшаго объясненія политики небесъ, посовѣтывали султану обратиться къ Бэккеръ-пашѣ. Кому неизвѣстно, что въ падишахскомъ режимѣ личная услуга, доставившая минутное удовольствіе повелителю, цѣнится гораздо выше услуги отечеству? Бэккеръ-паша направилъ очень искусно телескопъ на планету Марсъ во время затмѣнія—и получилъ команду надъ 1 корпусомъ. Во дворцѣ англійскій элементъ усилился. Но этимъ достигалась лишь первая часть ловкаго проэкта Лэйарда. Объ Англіи никто не заикался въ Гильдизъ-Кіоскѣ, помня хорошо причины паденія кабинета Ахмеда-Вефика. Всѣ старанія обращены на то, чтобъ втянуть Гамида въ интересъ военнымъ дѣломъ. Начали съ самаго легкаго и пріятнаго для каждаго падишаха—съ вопроса о новой формѣ войскъ. Во дворецъ привозили массу обращиковъ, сооружали куклы, представляющія солдатъ, одѣтыхъ въ новый образецъ мундира. Это веселое времяпрепровожденіе положило первый камень будущей воинственности султана. Предполагали совершенно основательно, что выдумавъ новую форму, султанъ захочетъ увидѣть въ ней свои войска. «Вышелъ бы хоть разъ на парадъ—думали англичане,—а тамъ должны понравиться дружные крики «ура», фальшивый подготовленный энтузіазмъ, захочется другого парада—и... дѣло будетъ въ

шляпѣ». Имѣя же въ виду недостатокъ денегъ для немедленнаго обмундированія войскъ, англичане приступили къ другому средству. Они разложили предъ султаномъ тысячи картинокъ и гравюръ, изображающихъ различныя военныя эволюціи якобы съ цѣлью, чтобъ онъ рѣшилъ, которыя лучше, стратегичнѣе и умнѣе. Красивые эстампы возбуждали въ султанѣ непосредственный интересъ къ идеѣ ихъ содержанія, и англичане не ошиблись: султанъ, сдѣлавъ выборъ рисунковъ, получилъ охоту увидѣть одобренныя эволюціи въ натурѣ. Такимъ тонкимъ психологическимъ путемъ была побѣждена апатія падишаха, и на прошлой недѣлѣ Константинополь съ глубокимъ удивленіемъ узналъ о выѣздѣ Гамида изъ дворца и о произведенномъ имъ смотрѣ войскъ въ Маслакѣ. Тамъ громкія привѣтствія войскъ, раболѣпство высшихъ чиновъ, прелестный видъ бѣлѣющихъ среди зелени горъ палатокъ, блескъ ружей, сабель и штыковъ, восторженное эхо отъ далекихъ «ура», музыка, движеніе и свѣжій горный воздухъ произвели ожидаемое впечатлѣніе на засидѣвшагося въ гаремахъ властителя. Онъ воротился домой довольный и быть можетъ въ первый разъ послѣ цѣлаго года заснулъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ. Нервы его, какъ и разсчитывали англичане, потребовали новаго щекотанія той же военной обстановкой, а тѣло опять выражало желаніе получить новое подкрѣпленіе. Назначенъ уже второй смотръ; засимъ послѣдуетъ конечно третій, четвертый и т. д. Англичане достигли того, что желали. Падишахъ мало по малу, подъ впечатлѣніемъ боевыхъ картинъ, перестанетъ мѣшать британскимъ проискамъ въ Высокой Портѣ и Турціи, и отыщетъ невольно, въ силу психологическаго закона, цѣль своей воинственности; цѣлью же этой только и можетъ быть—русская армія. Съ другой стороны, турецкое населеніе, и притомъ не одного только Константинополя, еще больше проникается воинственнымъ духомъ, видя, что правительство въ лицѣ самого падишаха, недавно совсѣмъ неслышнаго, учитъ войска и приготовляется къ войнѣ.

Какъ бы мало народъ ни уважалъ своихъ правителей, последніе все-таки остаются на виду до момента паденія и потому не могутъ не вліять на массу примѣромъ. Такимъ образомъ, у Россіи исчезла послѣдняя подпора среди мусульманизма. Она была не прочна, не важна, не надежна, но все-таки это было «нѣчто», могущее хоть на одну минуту задержать событіе своимъ veto и котораго теперь уже нѣтъ у насъ.

2-го мая.

Воспитаніе султана подвигается весьма успѣшно. Гамидъ веселъ, твердо держатся и министры. Главная обязанность рабовъ-правителей — утѣшеніе падишаха; за хорошее исполненіе его полагается самая большая награда. Вотъ почему, вопреки всѣмъ предсказаніямъ, Садыкъ-паша не только не падаетъ, но и получаетъ дорогіе сюрпризы. Вчера, напр., падишахъ, разсматривая военные панталоны новаго образца, узналъ, что бѣдный премьеръ не имѣетъ своей дачи на Босфорѣ, гдѣ, по давно заведенному порядку, проживаютъ всѣ министры.

— Поѣзжай въ мой кіоскъ Календоръ и живи—ласково сказалъ ему падишахъ, плавающій въ счастливомъ настроеніи духа ребенка, отыскавшаго занятную игрушку.

Садыкъ-паша поцѣловалъ въ знакъ глубокой благодарности полу платья своего повелителя, но потомъ сталъ безпокоиться насчетъ неопредѣленнаго смысла фразы Гамида: подарилъ онъ богатый кіоскъ или позволилъ только жить въ немъ? Кто не знаетъ придворныхъ обычаевъ, тому покажется непонятнымъ это безпокойство. Чего, кажется, проще—спросить толкомъ—и всѣ сомнѣнія кончены. Нѣтъ, въ Гильдизъ-Кіоскѣ такая простота составляетъ чуть не государственное преступленіе. Тамъ принято за правило «не утруждать падишаха и не противорѣчить ему ни въ какомъ случаѣ». Напр., султанъ на парадѣ спрашиваетъ у одного миръ-алая, родомъ изъ Дамаска: «Ты, кажется,

изъ Рущука?». Миръ-алай, не зная придворныхъ правилъ, отвѣчаетъ: «Никакъ нѣтъ, в. в., я изъ Дамаска!». Султанъ тотчасъ нахмурился, грозно посмотрѣлъ на миръ-алая, а начальство усадило бѣдняка на гауптвахту съ такой рацеей: «ну не все-ли равно для васъ—откуда вы—изъ Рущука или Дамаска? Этакій чортъ противорѣчія сидитъ въ васъ! — вотъ теперь всю карьеру свою и испортили!». Такимъ образомъ, Садыкъ не могъ выяснить истинное значеніе словъ падишаха. Оффиціозныя газеты напечатали извѣстіе о милости султана глухо; только «Levant Herald», въ виду британской благодарности Садыку, сообщилъ, что кіоскъ данъ премьеру въ полную собственность. Какъ Гамидъ не любилъ недавно англичанъ въ качествѣ политиковъ-дипломатовъ, такъ понравились они ему въ качествѣ помогающихъ вертѣть телескопомъ и изобрѣтателей новыхъ сюртуковъ и шапокъ. А потому въ прошлую субботу въ Гильдизъ-Кіоскѣ на домашній обѣдъ были приглашены въ качествѣ закройщиковъ и астрономовъ Лэйардъ, военный агентъ при британскомъ посольствѣ, Диксонъ, первый секретарь Джоселейнъ, второй — Берингъ и драгоманъ Сендисонъ. Кромѣ ихъ обѣдали за султанской трапезой Османъ-паша и Бэккеръ-паша. За столомъ рѣчь шла вѣроятно о новыхъ петличкахъ и аксельбантахъ, такъ какъ по отпитіи кофе всѣ занимались астрономіей. Во время этого ученаго сеанса Бэккеръ-паша разсказалъ султану, что нѣкоторыя звѣзды отсюда не видны и что хорошо было бы наблюдать ихъ съ горы Маслака. Гамидъ тотчасъ пригласилъ присутствующихъ отобѣдать слѣдующій разъ въ военномъ лагерѣ Маслака, гдѣ кстати есть маленькій падишахскій кіоскъ. Такимъ образомъ, султанъ въ третій разъ попадетъ на смотръ войскъ, а интересное занятіе звѣздами съ горы Маслака будетъ, конечно, услаждено и фейерверками, и музыкой, и энергическо-громкими «ура». Система воспитанія самая вѣрная и бороться противъ нея крайне трудно—надо вдругъ снять съ себя вицъ-

мундиръ, превратиться изъ помышлявшихъ лишь о звѣздахъ на мундирѣ въ наблюдателя небесныхъ свѣтилъ и мало того—выказать на этомъ поприщѣ нѣкоторое знаніе обращаться съ телескопомъ... Ни австрійцы, ни французы на такой подвигъ не способны. Мы побѣдили, благородно проливая кровь; англичане побѣдятъ — мнѣ это кажется несомнѣннымъ—своимъ умомъ. Пусть направленіе его нѣсколько мошенническое, но видно ужь наше время требуетъ такой дипломатіи. Намъ можно вырвать изъ рукъ хитрыхъ британцевъ прошлыя и будущія побѣды лишь физической силой. Это единственно возможный путь борьбы съ ними. Мечтать о парализированьи ихъ дипломатической неутомимой дѣятельности равносильно иллюзіи о такихъ перемѣнахъ, которыя не создаются и въ десятки лѣтъ государственной жизни. Мы, конечно, лучше ихъ, честнѣе, но... есть нѣкоторое н о. Не довольствуясь пріобрѣтенной силой во дворцѣ и вліяніемъ на султана, которыя нашелъ бы дипломатъ иной національности вполнѣ достаточными для постройки ему мавзолея, англичане неутомимо работаютъ вездѣ. Въ Измидѣ осматриваютъ возможность водяного соединенія Чернаго моря съ заливомъ, конечно, не для того, чтобъ этимъ путемъ перевезти броненосцы, какъ оповѣстили пылкіе хроникеры, но чтобъ доставлять на берегъ нашего моря необходимые запасы угля и провіанта на тотъ случай, если по проходѣ броненосцевъ чрезъ Босфоръ, послѣдній будетъ занятъ русскими силами. Такъ какъ Галлиполи въ ихъ рукахъ, то подвозъ къ Измиду остается для нихъ всегда свободнымъ. Въ Ѳессаліи они выкупаютъ изъ рукъ греческихъ инсургентовъ турецкихъ плѣнныхъ, увѣряя, что это доброе дѣло совершаютъ сами греки, за что мусульманская пресса пишетъ длинные панегирики греческой національности, приглашая ее на совмѣстную защиту «дорогого отечества» противъ «варвара-москова». Такимъ образомъ, какъ въ Европѣ англичане съумѣли запутать понятія о европейскихъ и чисто

британскихъ интересахъ, точно также удалось имъ на Востокѣ сбить съ толку грековъ и турокъ по части понятія объ отечествѣ для тѣхъ и другихъ. По случаю начатаго набора въ Болгаріи англійскіе комиссары распространяютъ слухъ, что вслѣдъ за 9-тысячной дружиной, русскія власти начнутъ вербовать рекрутъ еще и еще, безъ конца. Всѣ болгары сначала записывались таковыми, полагая, что въ Болгаріи пріятнѣе, безопаснѣе и выгоднѣе принадлежать къ главной національности. Теперь огорченная часть этихъ господъ перепугалась и подняла суматоху. Она была готова сдѣлаться подрядчикомъ или губернаторомъ, но идти въ солдаты, сражаться — совсѣмъ другое дѣло. На крикъ этихъ многочисленныхъ господъ отозвались тѣ же англичане. «Васъ обижаютъ—мы вамъ поможемъ, какъ защитники истинной цивилизаціи».—«Какъ же помочь?»—«Откажитесь отъ національности, скажите, что васъ насильно зачислили въ число болгаръ и протестуйте предъ лицемъ Европы...» Въ Филиппополѣ составлять протесты противъ русскихъ не совсѣмъ безопасно; вслѣдствіе этого богатые учинили складчину, англичане подбавили въ нее своихъ совереновъ, и по чугункѣ покатились въ Константинополь цѣлые поѣзды протестующихъ и обиженныхъ. Теперь они гуляютъ на казенный счетъ по Стамбулу; въ каждомъ греческомъ приходѣ Царьграда открыто бюро; туда идутъ дезертиры-ренегаты, записываютъ свои протесты и удостовѣряютъ, что они греки. Когда окончится собираніе подписей съ многочисленными автобіографіями и прописаніемъ измышленныхъ генеалогическихъ деревьевъ, долженствующихъ доказать несомнѣнность греческаго происхожденія подписавшихъ, будетъ готовъ протестъ. Онъ разошлется въ копіяхъ всей Европѣ, дабы убѣдить послѣднюю въ необходимости замѣнить русскую оккупацію Болгаріи европейской; уменьшить границы княжества, какъ захватывающія столько греческаго элемента и т. д. Эллинскія газеты забарабанятъ набатъ по поводу ужас-

ныхъ притѣсненій, дѣлаемыхъ русскими властями грекамъ; приведутъ протестъ, какъ доказательство варварскаго намѣренія ославянизировать болгарскихъ грековъ, и, въ заключеніе, воспоютъ хвалебный гимнъ спасителямъ-англичанамъ. Не удивляйтесь, читатель, что я съ такой легкостью описываю будущія послѣдствія протеста. Здѣсь знаетъ ихъ всякій, кромѣ, конечно, тѣхъ, которые умышленно, ради собственнаго спокойствія, игнорируютъ факты.

Достойна вниманія осторожность англичанъ и въ отношеніи къ Саидъ-пашѣ 2-му. Зная, что онъ, въ качествѣ министра двора, завѣдывавшаго гаремной поставкой, связанъ съ султаномъ узами нѣкотораго родства, они вовсе не препятствовали развитію его честолюбія. Напротивъ, Лэйардъ помогъ Саиду, и султанъ назначилъ послѣдняго на почетный постъ президента сената. Въ отставкѣ, находясь не у дѣлъ, Саидъ былъ опасенъ для Садыка, такъ какъ онъ могъ интриговать, не рискуя ничѣмъ. Теперь же онъ поневолѣ сдѣлается осторожнѣе — въ случаѣ неуспѣха интригъ предстоитъ лишиться выгоднаго и почетнаго мѣста.

Я, конечно, не виноватъ, что сюжетомъ моихъ двухъ корреспонденцій сряду послужила дѣятельность англичанъ. Кто работаетъ, тотъ оставляетъ слѣдъ своей работы; мое же дѣло—уловить его. Гдѣ нѣтъ работы, нѣтъ и слѣда, нѣтъ и не можетъ быть сюжета для корреспонденціи. Это понятно, и потому я остановлюсь, въ заключеніе корреспонденціи, на поясненіи нѣкоторыхъ вещей дипломатическаго міра, безъ яснаго понятія о которыхъ читатель можетъ обвинить меня въ кое-какихъ противорѣчіяхъ. Я описываю доброе согласіе англичанъ съ турецкимъ падишахомъ и кабинетомъ и въ то же время сообщаю, какъ Порта пугаетъ Британію ложными извѣстіями, а Лэйардъ хитро подготовляетъ Турцію къ невозможности противустоять требованіямъ Англіи въ случаѣ войны. Чтобъ понять совмѣстимость дружбы и перехитриваній, надо лишь пом-

нить, что дружба, любовь и согласіе въ государственномъ словарѣ имѣютъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ на языкѣ и въ душѣ простыхъ смертныхъ. Послѣдніе любятся и дружатся для взаимнаго удовольствія—въ политикѣ умные люди ведутъ дружбу и любовь ради собственной выгоды, съ надеждой на взаимность, какъ на средство удобнѣе и легче провести пріятеля и сдѣлать ему требуемый шахъ или матъ. Понятно, что такіе друзья, сладко цѣлуясь, могутъ ощупывать взаимно карманы.

3-го мая.

Сообщаю вамъ сегодня въ высшей степени важную новость, еще не вышедшую изъ оффиціальныхъ сферъ: Турціи удалось заключить заемъ въ 1 милліонъ лиръ, т. е. въ 23 милліона франковъ. Сумма эта, конечно, капля въ морѣ, и важное значеніе имѣетъ лишь то, что Порта опять пріобрѣла кредитъ, хотя и ничтожный. Договоръ займа заключенъ съ здѣшнимъ греческимъ банкиромъ Зарифи, состоящимъ издавна банкиромъ двора. Условія займа слѣдующія: Зарифи вноситъ немедленно 200 тысячъ лиръ (лира равняется 23 франкамъ или почти 10 кредитнымъ рублямъ) турецкими ассигнаціями по биржевой ихъ цѣнѣ; другія 300 тысячъ лиръ онъ оставляетъ себѣ въ видѣ уплаты недавнихъ авансовъ сераскеріату и падишаху; остальныя 500 тысячъ лиръ Зарифи вноситъ такъ: еженедѣльно чеками на Лондонъ по 6 тысячъ лиръ и здѣсь золотомъ по 10 тысячъ. Такимъ образомъ,турецкая казна получитъ всѣ деньги втеченіе 32 недѣль, причемъ въ ея руки достанется около 700 тысячъ лиръ, или, приблизительно, 7 милліоновъ кредитныхъ рублей. Заемъ гарантируется таможенными доходами Константинополя, исчисленными суммой 80 тысячъ лиръ въ мѣсяцъ. Зарифи получаетъ 12 проц. интереса и 2 проц. за коммисію, такъ что, приблизительно 15 мѣсяцевъ, будетъ пользоваться таможеннымъ доходомъ столицы. Банкиру отдано приказаніе внести первый пла-

тежъ въ 200 тысячъ лиръ непосредственно въ распоряженіе военнаго министра Иззетъ-паши. Другія суммы поступаютъ регулярнымъ порядкомъ въ кассу министерства финансовъ. Платежи на Лондонъ устроены въ виду новыхъ заказовъ въ Англіи военныхъ матеріаловъ; беря въ соображеніе количество ихъ совмѣстно съ имѣющимися уже запасами, надо думать, что Порта разсчитываетъ имѣть 500-тысячную армію. Недавно Лэйардъ хлопоталъ, какъ преданнѣйшій адвокатъ Порты, о дозволеніи иностранныхъ державъ увеличить таможенныя пошлины Константинополя на 2 проц., убѣждая всѣхъ, что эта надбавка пойдетъ на поддержку эмигрантовъ-мусульманъ. Почти всѣ представители націй изъявили на то согласіе, и теперь становится яснымъ, для чего было нужно повышеніе пошлинъ—для успѣха турецкаго займа. Эмигранты же бѣдствуютъ такъ, какъ никогда. Правительство совершенно прекратило высылку ихъ въ Азію; подъ вліяніемъ новыхъ хлопотъ и заботъ объ организаціи военныхъ силъ, забыло о несчастныхъ, и смерть безпощадно коситъ жертвы исторіи, врываясь во всѣ улицы и закоулки Стамбула, Перы, Галаты и всѣхъ окрестностей Царьграда. Доктора уже отказываются входить въ вертепы заразы—въ мечети и школы, наполненныя голодными больными. Ихъ самоотверженная работа нѣсколькихъ послѣднихъ недѣль заключилась потерей четырехъ молодыхъ, полныхъ силъ медиковъ. Помпьеры, до сихъ поръ кое-какъ очищавшіе жилища эмигрантовъ, стали бунтоваться, когда ихъ заставляли вновь отправлять эту ужасную обязанность. Благотворительность мало по малу остываетъ и становится все скуднѣе и бѣднѣе. Султанъ, занятый астрономіей, позабылъ объ участи несчастныхъ, и вотъ уже двѣ недѣли, какъ не собирался дворцовый комитетъ о помощи страдальцамъ-бѣглецамъ. Дворцовые люди боятся напомнить падишаху о «непріятной вещи», да и нѣтъ у нихъ къ тому стимула—имъ хорошо, а до горя сотенъ тысячъ оборванцевъ кому какое дѣло? Смерть коситъ,

и страшный образъ человѣческаго мора растетъ не по днямъ, а по часамъ. Онъ перешагнулъ черезъ Золотой Рогъ, и не разбирая ни хижинъ, ни палатъ, вырываетъ изъ семей стариковъ, взрослыхъ и дѣтей. Онъ переплылъ на азіятскій берегъ вмѣстѣ съ ежедневно отправляемыми изъ Стамбула двумя стами труповъ и нашелъ тамъ, среди нищеты, грязныхъ и узкихъ улицъ, обильную жатву. Всѣ встревожены. Незначительная боль головы съ вечера, пустое разстройство желудка на завтра обращается въ бредъ, горячку, тифъ или оспу. Черезъ три дня, на мѣсто сегодняшняго здороваго и веселаго человѣка—холодный трупъ. Похоронныя процессіи тянутся нескончаемой чередой не только по Стамбулу, но и главной улицѣ Перы. Нѣтъ ни денегъ, ни времени сколачивать гробы. Для бѣдняковъ сдѣланы десятки большихъ гробовъ-носилокъ. Въ нихъ сносятъ трупы на кладбище, бросаютъ прямо въ яму, а гробъ несутъ назадъ, за новой жертвой. Такіе общіе гроба стоятъ на улицахъ, въ казармахъ, въ мечетяхъ, сохнутъ и испаряютъ подъ знойнымъ солнцемъ міазмы, оставшіеся отъ покойниковъ, умершихъ отъ эпидеміи. На кладбищахъ нѣтъ мѣстъ. Роютъ сверху вчерашней могилы, на нее кладутъ новое тѣло и забрасываютъ ее полувершковымъ слоемъ земли. Жаркіе дни вызвали изъ этихъ могилъ страшный запахъ; проѣзжая мимо кладбищъ по европейской сторонѣ, всякій съ ужасомъ зажимаетъ носъ и спѣшитъ бѣгомъ миновать садъ чумы. Отъ сосѣдства съ азіятскими кладбищами отказались даже голые бѣдняки убогихъ кварталовъ городовъ и мѣстечекъ; они бросили дома и живутъ подъ открытымъ небомъ. Проѣзжія дороги мимо этихъ кладбищъ запустѣли — на нихъ никто не отваживается показаться...

XVIII.

Пріѣздъ князя Лобанова-Ростовскаго; задача его.—Переговоры съ Портой.—Тостъ султана за Бэккера-пашу.—Саидъ-инглезъ.—Графъ Зичи о санъ-стефанскомъ договорѣ. — Движеніе русскихъ войскъ къ Константинополю; приготовленія къ встрѣчѣ русскихъ.—Протесты.—Отношенія султана къ парламенту.—Возстаніе у Чараганскаго дворца; его подробности и причины.

Константинополь, 4-го мая.

Князь Лобановъ-Ростовскій пріѣхалъ, встрѣченный драгоманомъ дивана Муширъ-беемъ и остатками штатнаго персонала здѣшняго русскаго посольства. Я говорю—остатками, потому что въ Константинополѣ у насъ нѣтъ ни совѣтника посольства, ни 2-го драгомана, ни 1-го и 2-го секретарей, ни архиваріуса-казначея. При русскомъ посольствѣ остаются лишь одинъ драгоманъ г. Ону и третій драгоманъ г. Аргиропуло. Такимъ образомъ, князю предстоитъ, кромѣ исполненія трудныхъ дипломатическихъ обязанностей, заняться почти съизнова организаціей штата посольства. Въ виду общепризнанныхъ недостатковъ въ русскомъ дипломатическомъ персоналѣ, новыя назначенія въ Константинополь имѣютъ свой интересъ; по избраннымъ лицамъ можно всегда судить объ избирающемъ и отчасти пророчествовать на счетъ будущей дѣятельности послѣдняго; дѣятельность русскаго посла въ Царьградѣ при настоящихъ обстоятельствахъ можетъ принести нашему отечеству столько добра, какъ никогда прежде. Князь завтра же вручитъ султану свои

вѣрительныя грамоты, а въ воскресенье, послѣ обѣдни отрекомендуется, по обычаю, русскимъ подданнымъ, проживающимъ въ Константинополѣ. Этотъ церемоніалъ можетъ имѣть нѣкоторый политическій интересъ, такъ какъ новый посолъ, по обыкновенію, обращается къ своимъ компатріотамъ съ коротенькой рѣчью.

Я уже писалъ, что князя очень хорошо помнятъ жители Константинополя—онъ уже служилъ здѣсь совѣтникомъ и посланникомъ. Пока я могу сообщить о немъ лишь то, что, не смотря на свои 53 года, онъ высматриваетъ очень моложавымъ и бодрымъ. Будущая дѣятельность его не скроется отъ глазъ Россіи и Европы. Онъ пріѣхалъ какъ разъ вовремя. Комиссары Порты, посланные усмирять родопскихъ повстанцевъ, бездѣйствуютъ, и возстаніе, по всѣмъ извѣстіямъ, усиливается въ числѣ и оружіи, грозя принятіемъ весьма неудобнаго для насъ вида. Вслѣдствіе этого генералъ Тотлебенъ обратился къ Портѣ съ энергическимъ заявленіемъ, предваряя, что если турецкіе уполномоченные не поторопятся исполненіемъ своей миссіи, то онъ прекратитъ ее и приметъ самыя рѣшительныя мѣры къ подавленію инсуррекціи. Иззетъ-паша немедленно телеграфировалъ объ этой нотѣ комиссарамъ. Будетъ кстати замѣтить, что Портѣ предоставлено право переговариваться съ комиссарами шифромъ—мы любезны до крайности. Что касается до несданныхъ крѣпостей, то наши дипломаты даже перестали вѣрить въ возможность полученія ихъ до разрѣшенія англо-русскихъ споровъ. Въ Галлиполи и Булаирѣ англичане устраиваютъ на широкую ногу бараки, лазаретныя и военныя кухни, помѣщая въ нихъ пока, для отведенія глазъ, десятки больныхъ турецкихъ солдатъ. Туда же третьяго дня отправились два кавалерійскихъ турецкихъ полка, а поставщикъ англичанъ повезъ нѣсколько десятковъ лошадей и воловъ для устройства перевозочныхъ средствъ на полуостровѣ. Въ Константинополь прибыли еще два парохода—одинъ англійскій, другой американскій—съ воен-

нымъ грузомъ. Послѣдній предназначенъ для турецкихъ войскъ, такъ какъ складывается въ Топхане, на европейской сторонѣ Босфора, и деньги за него, въ количествѣ 40 тысячъ лиръ (около 400,000 бумажныхъ рублей), уплачены сполна старому поставщику Порты Лазоріану. Въ Измидъ ждутъ новаго броненосца, такъ какъ поломанному «Devastation», намѣревавшемуся ѣхать чиниться въ Ливерпуль, приказано по телеграммѣ ждать смѣны другимъ мониторомъ. Прибавьте къ этому массу всевозможныхъ національныхъ протестовъ Востока противъ санъ-стефанскаго договора, составленію которыхъ никто здѣсь не препятствовалъ, поразительную активность англичанъ-дипломатовъ, соперничество съ которыми немыслимо для бюрократическаго элемента,—и вамъ будетъ ясно, какой тяжелый крестъ выпадаетъ на долю нашего новаго посла въ Константинополѣ. Очевидно, онъ ведетъ къ двумъ путямъ: узкому, терновому, изъ котораго выходъ великая слава; широкому, торному, устланному аккуратнымъ исполненіемъ формъ безъ содержанія, безъ почетнаго мѣста въ отечественной исторіи. Будемъ же помнить, что первый путь теперь сталъ колоссально-тяжелымъ. Единственной помощью ему служитъ энергическій языкъ, которымъ ведетъ переговоры съ Портой генералъ Тотлебенъ. Я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ, что вчера онъ рѣшительно заявилъ Савфету-пашѣ, что онъ не можетъ позволить усиленія британскихъ морскихъ военныхъ силъ въ водахъ Востока, и потому предлагаетъ Портѣ выбрать одно изъ двухъ: или заставить Англію удалиться изъ Мраморнаго моря, или видѣть Константинополь занятымъ русскими войсками. Изъ турецкихъ источниковъ я знаю, что Высокая Порта не вѣритъ возможности исполненія этой угрозы, надѣясь задержать своими силами вступленіе русскихъ въ столицу и тѣмъ вызвать немедленное вмѣшательство англійскихъ броненосцевъ. Копія съ ноты генерала Тотлебена передана однако Лэйарду, и послѣдній послалъ приказъ

измидской эскадрѣ быть на-готовѣ. Мой корреспондентъ въ Измидѣ телеграфируетъ мнѣ, что всѣ офицеры и солдаты эскадры получили приказъ вернуться на бортъ и не отлучаться на берегъ. Будемъ ждать, чѣмъ разрѣшится этотъ кризисъ. Судя по прошлому, надо думать, что мы сначала попробуемъ побѣдить на полѣ дипломатіи, и такимъ образомъ рѣшительный образъ дѣйствія будетъ отложенъ на нѣкоторое время.

Пока же... султанъ кормитъ англичанъ и австрійцевъ произведеніями своей европейско-турецкой кухни. Третьяго дня обѣдали у него Лэйардъ и Беккеръ-паша, причемъ Гильдизъ-Кіоскъ впервые отъ сотворенія міра услышалъ тостъ падишаха, провозглашенный за простого смертнаго: султанъ пилъ за здоровье Бэккера-паши. Этотъ генералъ и среди войска пользуется хорошей славой. Солдаты разсказываютъ, что онъ во время сраженій и атакъ не подражалъ сынамъ османлизма, туземнымъ пашамъ, прятающимся сзади, а шелъ всегда впереди отряда.

Вліяніе на дворецъ британцевъ тянетъ вверхъ упавшаго было Саида 1-го, прозваннаго турками Саидъ-инглезъ, въ отличіе отъ нынѣшняго президента сената Кучукъ-Саида, малаго Саида. Чтобъ дать ему возможность быть постоянно на глазахъ Гамида и пріобрѣсти расположеніе гарема, англичане устроили при дворѣ комиссію сокращенія расходовъ двора, президентомъ которой назначенъ Саидъ-инглезъ. А такъ какъ ему же вручено 10 тысячъ лиръ, полученныхъ въ счетъ займа Зарифи, то понятно, что, отложивъ вопросъ объ экономіи и усладивъ дворъ и султана на счетъ новыхъ суммъ, Саидъ пріобрѣтетъ въ гаремѣ и сердцѣ падишаха подобающее мѣсто и сможетъ быть болѣе полезенъ для англичанъ... Вчера у султана обѣдалъ возвратившійся графъ Зичи. Этому господину далеко до ловкости англичанъ. Онъ не на столько умный и образованный человѣкъ, чтобъ хоть на минуту и ради пользы отечества забыть, что онъ графъ и тайный совѣтникъ. Впрочемъ,

онъ въ этомъ не виноватъ, такъ какъ принадлежитъ къ той категоріи людей, у которыхъ титулъ составляетъ всю ихъ суть и безъ него они обращаются въ абсолютное «ничто». Изъ числа многихъ разсказовъ о разговорѣ Зичи съ султаномъ привожу слѣдующій отрывокъ, какъ имѣющій нѣкоторую достовѣрность, судя по лицу, передававшему его мнѣ. Гамидъ поинтересовался узнать, какъ смотритъ европейское общество на санъ-стефанскій договоръ. Зичи будто бы отвѣтилъ такъ: «Мы (т. е. оффиціальный міръ) знаемъ этотъ договоръ и не признаемъ его; публика же и знать его не хочетъ!»

5-го мая.

Въ первый разъ впродолженіе трехмѣсячнаго моего пребыванія въ Царьградѣ я испытываю нѣкоторое удовлетвореніе моему наболѣвшему патріотическому чувству; и, боже мой, какъ я боюсь, чтобъ мои надежды не разлетѣлись въ прахъ, какъ я страстно хочу, чтобъ мое предчувствіе не обмануло меня. Русскія войска двинулись впередъ и стали боевымъ бивуакомъ подъ палатками предъ вновь сформированной арміей Константинополя. То, что вчера передавалось въ ограниченной сферѣ оффиціальныхъ лицъ, сегодня сдѣлалось достояніемъ всей массы населенія. Каждый прислушивается къ случайному шуму, предполагая, что уже настала пора торжеству русской политики и, слава Богу, я не видалъ никого, кто бы не вѣрилъ въ полную вѣроятность, что русская спина выпрямится и спугнетъ геройскимъ мечемъ насѣвшаго на нее нахала. Только дамы трусятъ, да и то не русскихъ, а британскаго огня, предполагая, что англичане станутъ бомбардировать столицу, въ случаѣ занятія ея русской арміей. Купцы всѣхъ національностей ликуютъ, предвидя неисчислимый дождь золотыхъ; мусульмане ускоренно перевозятъ свое имущество на азіятскую сторону и увѣрены въ немедленномъ возникновеніи англо-русской войны. Во дворцѣ происходитъ борьба двухъ

партій: одна изъ нихъ тянетъ султана въ Бруссу, другая— только на тотъ берегъ Босфора, въ Сладкія Азіятскія Воды. Высокая Порта, передавая Лэйарду мотивированныя требованія Тотлебена, поддержанныя новымъ разговоромъ князя Лобанова-Ростовскаго съ представителями кабинета, заявила, что отъ Англіи зависитъ впустить русскихъ въ столицу Турціи или нѣтъ; если, дескать, Англія и теперь не дастъ никакого прочнаго ручательства въ будущей помощи, то Порта сочтетъ излишнимъ всякое новое кровопролитіе и впуститъ русскихъ въ Константинополь безъ выстрѣла, сознавая свое безсиліе бороться съ Россіей безъ союзниковъ. Лэйардъ посовѣтывалъ тянуть переговоры до крайняго предѣла, обѣщая съ своей стороны ходатайствовать въ Лондонѣ о быстромъ поворотѣ нерѣшительной политики. Ночью отсюда помчалась къ Биконсфильду шифрованная депеша Лэйарда, написанная мелкимъ шрифтомъ на двухъ страницахъ большого листа. Сегодня рано утромъ меня разбудили увѣдомленіемъ, что изъ Топхане, здѣшняго артиллерійскаго склада, везутъ пушки на позиціи. Я тотчасъ отправился посмотрѣть на эти приготовленія, и увидѣлъ 9 круповскихъ орудій, везомыхъ на громадныхъ лафетахъ буйволами. Всѣ они отправлены на мѣсто расположенія турецкихъ войскъ между Макрикіоемъ и Даудъ-пашой. Возвратившись къ Топхане, я узналъ, что ночью перевезли къ Макрикіою двѣ барки полныя различныхъ снарядовъ. Наконецъ, часъ тому назадъ, мнѣ передавалъ одинъ полковникъ-англичанинъ, что нѣсколько батальоновъ турецкихъ стрѣлковъ вызваны на вышесказанную позицію съ высотъ сліянія Босфора съ Чернымъ Моремъ. Итакъ, приготовленія къ встрѣчѣ русскихъ дѣлаются en grand. Всѣ военачальники и муширы безотлучно на своихъ постахъ и отъ каждаго изъ нихъ устроена цѣпь всадниковъ къ Гильдизъ-Кіоску. Не знаю, на сколько вѣренъ слухъ, будто на Сладкихъ Водахъ болѣе 1,000 работниковъ заняты дѣланіемъ фашинъ, вѣрно лишь то, что обсерваціонный корпусъ Кон-

стантинополя снабженъ въ изобиліи шанцевымъ инструментомъ. Вслѣдствіе этого всѣ высшіе офицеры турецкой арміи увѣрены въ возможность выстроить за ночь такое количество земляныхъ укрѣпленій, которое нанесетъ значительный вредъ нашей арміи и задержитъ на значительное время вступленіе ея въ столицу. Я сегодня нарочно заговаривалъ объ этомъ предметѣ съ десяткомъ разныхъ миръалаевъ; всѣ они одного и того же мнѣнія и все единогласно прибавляютъ, что все-таки турецкой арміи безъ содѣйствія англичанъ не отразить окончательно русское войско, которому, по ихъ словамъ, «до смерти надоѣло длинное ожиданіе въ Санъ-Стефано». Турецкія приготовленія не ограничиваются одной столицей, ея окрестностями и Босфоромъ. Сегодня отправлено въ Митровицу 10,000 солдатъ, подъ начальствомъ Гафизъ-паши. Эта отправка имѣетъ двоякое значеніе: вопервыхъ, стратегическое положеніе Митровицы служитъ отличнымъ базисомъ противъ ожидаемыхъ операцій Сербіи; вовторыхъ, въ случаѣ нужды, она составитъ центръ между албанскими инсургентами на западѣ и балканско-родопскимъ возстаніемъ. Незначительная цифра посланныхъ батальоновъ объобъясняется отчасти нежеланіемъ отнять у столицы большія боевыя силы, отчасти полученнымъ Гафизъ-пашой приказомъ вербовать какъ можно больше албанцевъ и бродячихъ мусульманъ востока и юга позиціи, которые и послужатъ связью съ обоими театрами возстанія. Такимъ образомъ, Гафизъ-паша изъявляетъ надежду имѣть въ скоромъ времени подъ своей командой до 100 тысячъ разнаго сброда. Англичане должны надняхъ подыматься къ Тузлѣ или опять къ Принцевымъ островамъ. У нихъ было это намѣреніе уже давно, и мѣсяцъ тому назадъ я писалъ о немъ, такъ какъ поставщикамъ британскаго флота было приказано имѣть наготовѣ въ Тузлѣ магазины для склада свѣжаго провіанта. Значитъ, англичане предвидѣли поставленіе вопроса ребромъ, и приготовились отвѣчать на него

приближеніемъ къ угрожающимъ. Теперь всѣ броненосцы и фрегаты нагружены до нельзя. Кромѣ недавно пришедшаго съ торпедами и электрическими машинами, разгрузившагося уже «Salamis», позавчера, какъ пишетъ мой корреспондентъ, въ Измидъ прибылъ изъ Мальты новый фрегатъ «Woyt» тоже съ военнымъ грузомъ. Такимъ образомъ, измидскій флотъ имѣетъ теперь семь судовъ, а вмѣстѣ съ фрегатами стоящими въ Босфорѣ—девять. Если же справедливъ слухъ, что 5 англійскихъ коммерческихъ судовъ, уже давно праздно покачивающіяся противъ Гайдаръ-Паши, скрываютъ въ своихъ трюмахъ полное вооруженіе, то сила англійскаго флота по сосѣдству съ Константинополемъ исчисляется весьма почтенной цифрой 14 судовъ. Надняхъ изъ Англіи съ пассажирскими пароходами прибыло въ Константинополь до 30 новыхъ офицеровъ, которые немедленно пересѣли на присланный за ними изъ Измида «Salamis». Разсказываютъ, что часть этихъ вновь прибывшихъ артиллеристы, другая—кавалеристы. Итакъ, фитиль, столь долго горѣвшій на нашъ счетъ надъ пороховымъ складомъ, уже зажегъ первые слои. Потушить, отступить мы можемъ лишь сожигая плоды нашихъ побѣдъ, крови, жертвъ и денегъ. Я не шовинистъ и безъ содроганія не могу подумать о взаимномъ убійствѣ. Но если самые миролюбивые наши дипломаты говорятъ, что миръ уступокъ все-таки приведетъ рано или поздно къ войнѣ, то я считаю себя вправѣ сказать про настоящее—«лучше война!» Во всякихъ европейскихъ конгрессахъ я предвижу лишь бездну обидъ русскому имени. Я уже забылъ счетъ всѣмъ протестамъ и адресамъ, лежащимъ въ портфелѣ англійскаго министерства, выражающимъ нежеланіе разныхъ группъ, разныхъ національностей подчиниться русской власти и мотивированныхъ бездной вымышленныхъ разсказовъ о русской несправедливости, пристрастіи и просто варварствѣ. Сегодня къ массѣ такихъ жалобъ я долженъ причислить еще двѣ новыхъ. Вчера

пріѣхала сюда смѣшанная изъ грековъ и мусульманъ депутація Варны съ длиннымъ протестомъ, адрессованнымъ Портѣ и представителямъ западныхъ державъ противъ присоединенія этого округа къ Болгарскому княжеству. Затѣмъ, мусульмане-бѣглецы изъ Румеліи, находящіеся въ Коссовѣ и Салоникахъ, прислали сегодня Лэйарду длиннѣйшую просьбу о покровительствѣ ихъ, изгнаніи русскихъ и водвореніи эмигрантовъ на прежнія мѣста *). Кромѣ коллективныхъ удостовѣреній нецивилизованности русской націи, у Лэйарда и другихъ посланниковъ Европы есть тысячи разныхъ писемъ и депешъ частныхъ лицъ, разсказывающихъ объ ужасахъ, якобы творимымъ русскими въ Болгаріи и болгарами подъ покровительствомъ русскихъ властей. Эти письма и депеши носятъ характеръ полной достовѣрности и подкрѣпляются позднѣйшими сообщеніями дипломатическихъ агентовъ съ мѣстъ происшествія. Вотъ для примѣра обращикъ одной изъ такихъ депешъ; она прислана отъ рущукскаго бека Рашидъ-Аги изъ Варны на имя проживающаго въ Константинополѣ парламентскаго депутата дунайскаго вилайета Тахиръ-Эффенди: «Мы удостовѣрились—телеграфируетъ Рашидъ—что Фейзи-Ага, нотабль (бекъ) Рущука, 70-лѣтній старецъ, три дня тому назадъ, вмѣстѣ съ его женой, дочерью и сыномъ публично зарѣзаны болгарами, причемъ послѣдніе ограбили весь домъ жертвы. Я васъ прошу отъ имени всѣхъ рущукскихъ мусульманъ передать содержаніе этой депеши всѣмъ представителямъ иностранныхъ державъ». Я нарочно привожу исторію этой телеграммы, чтобъ читатель увидѣлъ, какъ ловко и умно устроена вся процедура подобныхъ сообщеній. Въ самомъ дѣлѣ, она ни въ комъ не возбудитъ подозрѣній. Прислана она на имя депутата, а не прямо Лэйарду;

---

*) Одинъ изъ иностранныхъ консуловъ, пріѣхавшій изъ тамошнихъ мѣстъ, разсказываетъ, что среди этихъ бѣглецовъ, составившихъ адресъ, нѣтъ ни одного грамотнаго.

депутатъ передастъ копію ея всѣмъ посланникамъ, а не одному Лэйарду; имя депутата какъ бы скрѣпляетъ достовѣрность содержанія депеши, а донесеніе консула сдѣлаетъ депешу окончательно неоспоримой. Протесты, жалобы, просьбы о покровительствѣ, депеши и письма будутъ положены на столъ европейскаго конгресса въ видѣ неопровержимаго доказательства, что Россія даже менѣе, чѣмъ Турція, способна внести на безпокойный Востокъ миръ, согласіе, законъ, правду, терпимость и цивилизацію. Повальное невѣжество Европы по отношенію къ современной Россіи послужитъ крѣпкимъ подспорьемъ и... что же будетъ тогда? Опять война? Такъ лучше и выгоднѣе война безъ предварительныхъ обидъ...

Съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ слѣдующаго фазиса настоящаго дорогостоющаго вопросительнаго времени, перехожу къ повѣствованію о внутреннихъ турецкихъ дѣлахъ. Саидъ-паша маленькій (кучукъ), не успѣвъ столкнуть Садыка помощью газетныхъ статей и гаремныхъ интригъ, давно уже хлопочетъ о созваніи парламента. Онъ успѣлъ сблизиться со многими депутатами и разсчитываетъ на паденіе нынѣшняго кабинета при содѣйствіи парламентскаго большинства. Садыкъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта— желаетъ ли онъ возобновленія прерванныхъ парламентскихъ сессій. Премьеръ не желаетъ ни обидѣть конституціонную партію отрицаніемъ, ни возстановить противъ себя Гамида утвердительнымъ отвѣтомъ. Зато падишахъ открещивается отъ парламента и руками, и ногами. Султанъ никакъ не можетъ понять, что оппозиція, нападая на чиновниковъ, нетолько не имѣетъ въ виду обижать повелителя, но даже служитъ послѣднему на пользу, открывая его глаза на плохихъ совѣтниковъ. Нѣтъ, онъ видитъ въ каждомъ словѣ парламентскихъ ораторовъ стрѣлу, направленную въ тронъ, а обличительную рѣчь какого-нибудь депутата признаетъ неизмѣримо опаснѣе для падишахскаго престола сотни самыхъ дурныхъ губернаторовъ. Что же касается до народ-

ной помощи, создавшей настоящую армію Турціи вмѣсто числившейся прежде на бумагѣ, то султанъ давно забылъ о ней. Чувство нравственныхъ обязанностей не имѣетъ мѣста въ сердцѣ жителей Гильдизъ-Кіосковъ. Когда приперли обстоятельства — разослалъ патетическія просьбы помочь государству съ подгнившими основами; дали помощь—взялъ; а про отчетъ и заикнуться не смѣй. Такимъ образомъ, всѣ толки о возобновленіи парламентскихъ сессій въ Стамбулѣ или о новыхъ конституціонныхъ выборахъ по меньшей мѣрѣ преждевременны. Я думаю, что они состоятся лишь тогда, когда Портѣ и дворцу ея опять будутъ нужны деньги и таковыя народъ не дастъ вновь па безконтрольный грабежъ пашей.

8-го мая.

Я преспокойно окончилъ мое сегодняшнее утреннее письмо къ вамъ, отнесъ его на отходящую въ 12 часовъ почту и возвратился домой, чтобъ провести нѣсколько часовъ пріятнаго кейфа съ только-что полученными русскими газетами и журналами, какъ прискакалъ мой агентъ и въ попыхахъ заявилъ, что во дворцѣ революція. Взять револьверъ въ карманъ и быть на сѣдлѣ—дѣло одной минуты. Въ 20 минутъ перваго я былъ уже въ Чараганѣ, откуда издалека слышалось рѣзкое пощелкиваніе ружейныхъ и пистолетныхъ выстрѣловъ. Дворецъ Чараганъ стоитъ внизу, на плоскомъ берегу и выходитъ на Босфоръ; съ улицы, продолженіе Галаты, нѣсколько дальше Долма-Бахче и Бешикъ Таша; его отдѣляетъ сначала красивая литая чугунная невысокая рѣшетка, за которой скрывается небольшой паркъ. За паркомъ идетъ громадная, высотой въ трехъ-этажный домъ, каменная стѣна, которая выходитъ далѣе рѣшетки на улицу и продолжается на 1/4 версты, имѣя лишь двое желѣзныхъ, украшенныхъ золотой рѣзьбой воротъ, стерегомыхъ днемъ и ночью небольшими отрядами регулярныхъ войскъ. Противъ стѣны, на другой сторонѣ улицѣ, тянется

версты на 1 1/2 ограда парка Гильдизъ-Кіоска; дворецъ же послѣдняго стоитъ на верху начинающейся отсюда горы, на разстояніи не менѣе верстъ двухъ или полуторыхъ. Съ одного конца Гильдизскаго парка, ближе къ городу, существуетъ открытая зеленая площадка и дорога вверхъ къ госпиталямъ. На эту площадку обыкновенно собирается каждый день значительное число эмигрантовъ, идущихъ въ гору, въ госпитали, для посѣщенія своихъ больныхъ родственниковъ и знакомыхъ. Такимъ образомъ, полиція уже привыкла видѣть тутъ скопленіе голоднаго люда и не обратила вниманія, что сегодня съ ранняго утра сюда собралась масса народу, тысячи въ три, если не больше. Отсюда эта толпа двинулась отдѣльными кучками дальше, мимо чугунной рѣшетки Чарагана по направленію къ высокой стѣнѣ. Тутъ передовыя группы остановились, кто-то влѣзъ на плечи другому и обратился къ народу съ рѣчью, въ которой бранилъ Гамида за лишеніе послѣдней помощи раззоренныхъ бѣглецовъ (какъ я уже сообщалъ въ одномъ изъ прошлыхъ писемъ, Гамидъ дѣйствительно забылъ о несчастныхъ; комитеты же и паши оттого перестали вовсе выдавать какую либо помощь деньгами или натурой). Рѣчь закончилась приглашеніемъ освободить Мурада и провозгласить его законнымъ султаномъ. Сказано—сдѣлано. Человѣкъ 10 ринулись къ воротамъ, опрокинули стражу и проникли внутрь дворцоваго двора; за ними, повинуясь скорѣе голодному инстинкту, чѣмъ какой либо мысли, полѣзли человѣкъ 200 или 300, въ томъ числѣ и нѣсколько женщинъ. Ворота узкія и отворена была всего одна половинка ихъ, такъ что напиравшая сзади толпа съ трудомъ проталкивала внутрь двора по два, по три человѣка заразъ. Поднялась тревога. Войска, стоящія по ту сторону Гильдизскаго парка, гдѣ есть небольшая дворцовая казарма, немедленно прибыли на мѣсто происшествія, Толпа, не попавшая на дворъ, завидя штыки, бросилась бѣгомъ отъ Чарагана къ городу. Для этой толпы было

большимъ счастіемъ, что войска шли не на встрѣчу ей—ее навѣрно встрѣтили бы огнемъ, какъ всегда водится въ этакихъ дѣлахъ; распорядители лишь послѣ узнали бы, что толпа была невооружена. Ворота теперь растворились настежъ, войска вступили въ Чараганъ по пятамъ возмутившихся. Послѣдніе попали въ ловушку—съ одной стороны море, съ другой—штыки. Къ тому же, несчастная ошибка завлекла ихъ не въ покои, обитаемые сумасшедшимъ ех-султаномъ, а въ гаремное отдѣленіе дворцовыхъ женщинъ, признанныхъ негодными къ дальнѣйшему пребыванію на очахъ падишаха. Такимъ образомъ, у инсургентовъ не оказалось никакого средства обезоружить войска—они не могли выдвинуть предъ ними святость и неприкосновенность новаго султана Мурада, котораго еще не нашли въ лабиринтѣ гаремныхъ залъ и салоновъ; вожаки не могли даже обратиться съ подобающею рѣчью къ солдатамъ; они были впереди; отъ солдатъ ихъ отдѣляла сотенная масса перепуганныхъ и бѣгущихъ. Наступило было мгновеніе всеобщей нерѣшительности. Кричащія громче выстрѣловъ гаремныя женщины успѣли запереться. Бунтовщики, какъ испуганное стадо барановъ, столпились въ огромной залѣ; солдаты стояли во входѣ. Вдругъ прилетаетъ адъютантъ падишаха, скачетъ по ступенькамъ вверхъ и, махая издали саблей, кричитъ: «пли!» Солдаты не повинуются и лишь опустили штыки. Раздается изъ тѣхъ же устъ вторичная команда—и вылетаетъ въ толпу первая пуля. Бунтовщики отвѣчаютъ цѣлымъ залпомъ пистолетныхъ выстрѣловъ. Трое изъ солдатъ падаютъ. Началась общая перестрѣлка, и солдаты пущены въ штыки. Не забудьте, что все это происходитъ внутри дома; внутри дома солдаты бросаются въ штыки на попавшихъ въ западню!.. Когда я подъѣзжаю къ открытымъ настежъ воротамъ, я вижу лишь пустую площадку двора и слышу выстрѣлы, крики ужаса, да вдали бѣгущую сюда колонну новыхъ войскъ. Но вдругъ выстрѣлы смолкли, раздался раз-

дирающій душу вопль, звякнули зеркальныя стекла дворца, и изъ готическихъ оконъ валятся на каменную мостовую сначала двѣ женщины, а потомъ и десятки мущинъ. Это спасающіеся отъ комнатной атаки въ штыки! Странное, никогда еще неиспытанное чувство я переживалъ въ эти минуты. Лица чужія, языкъ чужой, костюмы чужіе, цѣли чужія, а между тѣмъ моя рука невольно тянулась къ карману, гдѣ лежалъ револьверъ,—сердце такъ ускоренно билось. Черезъ двѣ минуты все затихло. Адъютантъ съ сіяющей физіономіей приказалъ прискакавшимъ черкесамъ летѣть въ Гильдизъ-Кіоскъ съ донесеніемъ о «благополучномъ» окончаніи происшествія; съ лѣстницы возвращались солдаты, отирая потъ съ раскраснѣвшагося лица и кровь съ затемнѣвшихъ штыковъ... По обоимъ концамъ улицы, прилегающей ко дворцу, поставили караулы и запретили проходъ и проѣздъ, хотя на улицѣ не было уже никого, кромѣ войска. Начали выносить изъ дворца раненыхъ и убитыхъ солдатъ; тѣхъ и другихъ я насчиталъ двѣнадцать. Затѣмъ стали выводить бунтовавшихся; ихъ вышло до 150 человѣкъ; всѣхъ ихъ поставили по срединѣ дворцовой площадки и окружили густой цѣпью штыковъ. Потомъ солдаты же понесли раненыхъ и убитыхъ инсургентовъ. Таковыхъ я счелъ 41, изъ которыхъ одинъ имѣлъ 8 штыковыхъ ранъ въ животъ и все еще шевелился, лежа на каменномъ помостѣ. Послѣ шума, выстрѣловъ и крика настала невозмутимая тишина; всѣ замолкли, словно сговорившись. Такъ прошло еще полчаса. Наконецъ, изъ Гильдизъ-Кіоска примчались гонцы съ приказаніемъ забрать всѣхъ инсургентовъ раненыхъ и здоровыхъ на близь стоящіе 2 турецкіе броненосца, а раненыхъ солдатъ помѣстить въ чараганской сторожкѣ. Явился и докторъ-грекъ; онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на бунтовщиковъ и только поинтересовался узнать ихъ число. Чрезъ нѣсколько минутъ отъ броненосцевъ отчалили лодки и приняли всѣхъ борцовъ голода и Мурада.

Дворецъ, дворъ и улица наполнились вновь прибывшими войсками. Траги-комедія окончилась, и я оставилъ это мѣсто пролитія крови. По дорогѣ все двигаются войска. Я за ними. Оказалось, что трусливые правители такъ испугались сотни бунтовщиковъ, что уже окружили Гильдизъ-Кіоскъ цѣлымъ десяткомъ тысячъ солдатъ, сидящихъ и стоящихъ со сложенными въ козлы ружьями и со штыками наголо. Тутъ же разбиваютъ многочисленныя палатки. Въ султанскомъ павильонѣ всѣ ставни заперты. Вѣрно слабонервному падишаху сдѣлалось дурно. Какъ жаль, что я не богатырь Илья Муромецъ,—подумалъ я невольно, смотря на эти роскошныя палаты падишаха, на это кладбище всѣхъ человѣческихъ достоинствъ. Дальше—везутъ пушки; еще дальше – сидятъ трое оборванныхъ исхудалыхъ турка. Я подхожу къ нимъ закурить папиросу и спрашиваю, знаютъ ли они зачѣмъ тутъ войска?—«Знаемъ», отвѣчаетъ одинъ скорбно и неохотно.—«Еслибъ они защищали такъ насъ, какъ умѣютъ защищать себя», прибавляетъ другой...

Оставалось узнать о началѣ бунта, его поводахъ и цѣли. Собрать подробныя свѣдѣнія сегодня же, конечно, не успѣютъ сами слѣдователи, но можно попытаться узнать хоть что нибудь. Я беру каикъ и ѣду прямо на одинъ изъ мониторовъ, принявшихъ къ себѣ на бортъ бунтовщиковъ. Къ моему удивленію, никто не говоритъ «нельзя» и офицеры даже очень любезно пожимаютъ мнѣ руку. Но мой спутникъ-армянинъ все-таки струхнулъ и поспѣшилъ заявить, что я журналистъ-американецъ. Переводчикомъ явился сынъ доктора султана, очень изящный молодой человѣкъ, который сообщилъ намъ слѣдующее; нѣкоторые офицеры низшихъ чиновъ національной гвардіи, не получающіе издавна ни гроша на расходы и жалованье, переодѣлись въ заурядные костюмы эмигрантовъ и начали проповѣдывать въ Стамбулѣ необходимость собраться къ Гильдизъ-Кіоску и просить султана о приказаніи выдавать

вновь помощь бѣглецамъ, прекращенную недѣли двѣ тому назадъ, со времени начала занятій падишаха астрономіей. Толпа послушалась, и пошла за вожаками. Къ ней присоединились другіе изъ любопытства, не зная зачѣмъ и куда они идутъ. Приблизившись къ нижней части парка Гильдизъ-Кіоска противъ дворца Чарагана, вожаки остановились и просили толпу подождать, пока они переговорятъ съ султаномъ. Черезъ нѣсколько минутъ, они снова появились, достали изъ-за своихъ полъ цѣлый арсеналъ мелкаго оружія, начали его раздавать толпѣ, говоря, что Гамидъ отказываетъ въ помощи, и что настало время освободить законнаго султана-узника, во время царствованія котораго было всѣмъ хорошо, тепло и сытно. Отсюда загорѣлся сыръ боръ въ томъ порядкѣ, какъ я разсказалъ выше.

Вотъ и вся фактическая сторона дѣла, представляющая обширное поле для всевозможныхъ догадокъ и соображеній. Я объясняю это прискорбное происшествіе такъ: изъ сближенія англичанъ съ султаномъ Гамидомъ, Мидхатъ увидѣлъ, что его фонды падаютъ, и далъ приказъ своимъ поклонникамъ, попреимуществу юнымъ, быть поэнергичнѣе, посмѣлѣе, подѣятельнѣе и пр. Самое теплое чувство къ изгнанному ex-визирю питаютъ, какъ извѣстно, софты; часть же таковыхъ, для избѣжанія арестовъ, записалась въ національную гвардію. Слушаясь приказа лондонскаго повелителя, они рискнули, и попались въ ловушку, увлекая за собою неразумную толпу сначала обманомъ, а потомъ энергическимъ натискомъ на дворецъ. Конечно, они поступили весьма неблагоразумно, но у всякой неудачи есть два конца, изъ которыхъ одинъ имѣетъ весьма положительное свойство—онъ называется заразительностью примѣра. Сегодня неудалось, завтра можетъ удасться,—разсуждаютъ зараженные, и идутъ по дорожкѣ, проторенной погибшими сотоварищами. Только съ этой точки зрѣнія, сегодняшняя революція имѣетъ нѣкоторый смыслъ и значеніе.

XIX.

Князь Лобановъ у султана.—Запросъ Порты о движеніи русскихъ войскъ и слѣдствіе того.—Дѣйствія Лэйарда. — Представленіе русской колоніи князю Лобанову. — Заботливость нѣмецкаго посольства.—Допросъ о чараганскихъ безпорядкахъ.—Али-Суави.—Отправка эмигрантовъ.—Турецкія укрѣпленія.—Русскій взглядъ на родопское возстаніе.—Погонцы.—Слѣдствіе о чараганскомъ возстаніи. — Пожаръ Высокой Порты.—Аресты.—Обѣдъ у Лэйарда.—Укрѣпленія Босфора.—Мегеметъ-Али о русской арміи. — Зависимость арміи отъ дипломатіи.—Славянское возстаніе въ Македоніи.

Константинополь, 8-го мая.

Въ СУББОТУ нашъ новый посланникъ съ небольшой свитой представилъ султану свои вѣрительныя грамоты. Торжественная аудіенція сошла нетолько вполнѣ благополучно, но и не отличалась отъ всѣхъ подобныхъ ей ни однимъ словомъ, а потому остается занести ее въ хронику голымъ фактомъ и перейдти къ дальнѣйшему повѣствованію. Нѣкто встрѣтилъ Садыкъ-пашу, возвращавшагося изъ дворца послѣ представленія, и спросилъ его—ну, что новаго?— «Новый русскій посолъ настоящій джентльменъ—отвѣтилъ премьеръ;—я имъ очень доволенъ!» Вечеромъ въ тотъ же день пріѣхали въ Константинополь генералъ Тотлебенъ и г. Хитрово. Савфетъ-паша, узнавъ о томъ, послалъ въ нашъ дворецъ одного изъ своихъ чиновниковъ съ приказаніемъ узнать, что значитъ рѣшительное приближеніе русскихъ войскъ по всѣмъ пунктамъ защиты столицы и Босфора.

Турецкому чиновнику отвѣтили, что Порта напрасно безпокоится движеніями русскихъ войскъ: они вызваны гигіеническими условіями; и такъ какъ турецкое правительство конечно заботится о приведеніи въ дѣйствіе санъ-стефанскаго договора и исполненіи законныхъ требованій русскихъ военныхъ и дипломатическихъ властей, то, слѣдовательно, никакой опасности отъ близости русскихъ войскъ ожидать нечего. Не смотря на этотъ отвѣтъ, Порта рѣшила укрѣпляться какъ бы въ ожиданіи неминуемаго нападенія. Почти всѣ войска, стоявшія на азіятскомъ берегу Босфора, вызваны сюда и распредѣлены по стратегической линіи защиты Царьграда. Всѣ пушки изъ города вывезены на высоты и земляные окопы почти повсемѣстно окончены. Наибольшую активность въ военныхъ приготовленіяхъ оказываютъ Османъ-паша и Бэккеръ-паша. Въ самомъ Константинополѣ сосредоточенъ 50-ти-тысячный гарнизонъ съ легкой артиллеріей, готовый двинуться куда укажетъ надобность, почему солдаты и офицеры спятъ въ казармахъ не раздѣваясь. Для удобства сообщенія, чрезъ Сладкія Воды (рѣку, впадающую въ конецъ Золотого Рога) строятъ мостъ, годный для перевозки военныхъ тяжестей. На турецкія линіи теперь не допускаютъ никого, и мои двѣ попытки попасть на главную изъ нихъ, близь казармъ Даудъ-Паши, чуть-чуть не стоили мнѣ моей лошади. Турецкій солдатъ, послѣ энергичнаго «ясака», хотѣлъ попросту пырнуть мою лошадь штыкомъ. Этотъ маловажный случай однако доказываетъ, что во вновь сформированной арміи изъ рекрутовъ существуетъ весьма плохое расположеніе ко всякому гяуру, къ которымъ старые побѣжденные солдаты уже достаточно попривыкли.

О движеніи русскихъ существуетъ много разсказовъ. Такъ, передаютъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что при приближеніи частей нашей арміи къ Даудъ-Пашѣ, Бэккеръ прислалъ къ намъ парламентера и просилъ удалиться. Когда же ему объяснили, что выбранная стоянка занята

съ разрѣшенія Порты, то англичанинъ-паша сказалъ, что онъ знать не хочетъ этихъ разрѣшеній и знаетъ только свои обязанности командира корпуса, согласно съ которыми и поступитъ, если русскіе не отодвинутся. На высотахъ Буюкдере произошла сцена нѣсколько другого характера. Сотня развѣдчиковъ казаковъ подошла къ самымъ траншеямъ турецкихъ войскъ—командиръ-турокъ перепугался и началъ просить казаковъ отойдти хоть на сто шаговъ, что и было исполнено. Столь близкое сосѣдство двухъ армій внушаетъ здѣшней оффиціальной прессѣ самыя черныя подозрѣнія. Малѣйшая неосторожность — говоритъ она— можетъ повести къ неисчислимымъ непріятностямъ. И дѣйствительно, если дисциплина нашихъ войскъ сдерживаетъ ихъ естественное движеніе впередъ и всякую отдѣльную провокацію, то на умѣренность Бэккера-паши—плохая надежда. Онъ любимецъ Лэйарда, а послѣдній мечтаетъ во снѣ и на яву о разрывѣ съ Россіей. Итакъ, до сихъ поръ наши стратегическіе маневры только вызвали рожденіе новыхъ турецкихъ укрѣпленій и нѣкоторую панику среди христіанъ и оффиціальныхъ мусульманъ. Послѣдніе со вчерашняго дня даже успокоились.

Вотъ какія свѣдѣнія получены ими изъ устъ Лэйарда. Графъ Шуваловъ везетъ Англіи ультиматумъ, въ которомъ Россія исчисляетъ все, что она можетъ уступить изъ санъ-стефанскаго договора, и приглашаетъ Англію немедленно согласиться на конгрессъ. Если Биконсфильдъ не дастъ опредѣленнаго отвѣта или скажетъ—нѣтъ, не согласенъ, то Россія, не объявляя войны Англіи, сдѣлаетъ попытку занять Константинополь и Босфоръ или только послѣдній, смотря по обстоятельствамъ. Тогда-то — увѣряетъ Лэйардъ—Англія рѣшительно прерветъ всякія дипломатическія отношенія къ московамъ и открыто приметъ сторону Турціи; «впрочемъ — добавилъ посолъ — я уполномоченъ направить на русскихъ всѣ имѣющіяся на Востокѣ англійскія силы въ каждый данный моментъ». Для большаго,

должно быть, удостовѣренія въ послѣднемъ, Лэйардъ послалъ въ Измидъ простую, нешифрованную депешу, приказывающую британскому флоту быть на высокихъ парахъ. Дипломатъ не ошибся въ разсчетѣ: содержаніе депеши облетѣло весь городъ съ быстротою молніи. Теперь всѣ заботы константинопольскихъ жителей состоятъ въ отысканіи хорошихъ погребовъ, гдѣ бы можно было укрыться въ случаѣ бомбардированія. Предусмотрительные отцы семействъ уже законтрактовали таковые и сдѣлали на всякій случай запасъ хлѣба и консервовъ. Слухъ, что Константинополь будетъ зажженъ турками, если русскіе успѣютъ прорвать линію защиты, возобновился съ прежней упорностью и наводитъ на всѣхъ бо́льшую панику, чѣмъ вѣроятность бомбардировки. Надо имѣть въ виду, что слухъ о поджогѣ столицы, какъ о средствѣ остановки русскихъ, представляетъ дѣйствительно нѣкоторыя разумныя основанія: масса домовъ здѣсь сдѣлана изъ смолистаго дерева, улицы вездѣ узкія; огонь можетъ задержать наступающую армію и дать время атакуемымъ уйдти на другую сторону пролива или за новую демаркаціонную линію.

Вчера князь Лобановъ-Ростовскій знакомился съ здѣшней русской колоніей. Собственно русскихъ въ Царьградѣ, кромѣ нѣкоторыхъ служащихъ въ консульствѣ и посольствѣ—одинъ я, но подданныхъ русскихъ наберется много. Большинство такіе же безотечественники, какими я описывалъ вообще все населеніе Перы и Галаты. Это греки и армяне, давно живущіе въ Константинополѣ, родившіеся или выросшіе здѣсь, не знающіе ни слова по-русски и обращающіеся къ русскимъ властямъ лишь за защитой и протекціей. Всѣ разодѣлись во фраки и бѣлые галстуки и явились въ посольство. Г. Губастовъ, исправляющій должность генеральнаго консула, помѣстивъ сначала представляющихся въ маленькой пріемной, обревизовалъ физіономіи и костюмы, потомъ повелъ всѣхъ въ другую пріемную, побольше и покрасивѣе. Тамъ всѣ выстроились въ кружокъ

и въ середину вышелъ князь. Какой-то маленькій грекъ или армянинъ сдѣлалъ шагъ впередъ и отъ лица русской колоніи сказалъ слѣдующую рѣчь: «Князь, мы привѣтствуемъ съ великой радостью вашъ пріѣздъ сюда и желаемъ вамъ всякаго успѣха. Память о вашемъ предшественникѣ (графѣ Игнатьевѣ) не умретъ въ насъ никогда, и мы надѣемся, что вы блистательно закончите то, что началъ великій патріотъ, и не откажете намъ въ такой же постоянной протекціи, какой мы пользовались у незабвеннаго графа Игнатьева!» Рѣчь, какъ видите, не отличалась особеннымъ тактомъ. Князь отвѣтилъ: «Такъ же, какъ мой предшественникъ, я буду протежировать ваши интересы... на сколько они будутъ справедливы». Затѣмъ, г. Губастовъ началъ представлять князю поименно нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ. Послѣ рекомендацій человѣкъ шести—семи, князь снова вышелъ на середину и сказалъ заключительную рѣчь: «Господа, мы переживаемъ весьма серьезный политическій кризисъ. Есть надежда, что добрая воля всѣхъ сторонъ приведетъ его къ желанному миролюбивому исходу, но, тѣмъ не менѣе, настоящее время полно глубокой неизвѣстности». Мы поклонились, и князь вышелъ. Всѣ рѣчи и все представленіе происходили исключительно на французскомъ языкѣ. Подхожу къ г. Губастову и спрашиваю: «Всегда такія церемоніи совершаются на французскомъ языкѣ?»—«Всегда»—отвѣчаетъ онъ мнѣ, видимо удивляясь моему вопросу.

Князь Лобановъ привезъ генеральному германскому консулу орденъ св. Владиміра, въ знакъ благодарности за его попеченія во время войны о русскихъ подданныхъ. Это награда заслуженная и невольно напоминаетъ мнѣ слѣдующій курьезный случай: въ германское консульство пришелъ одинъ русскій армейскій офицеръ, его встрѣтили тамъ самымъ искреннимъ «извиненіемъ», что не знаютъ русскаго языка. Не знаю, награждены ли также драгоманъ и секретарь германскаго консульства. Я самъ видѣлъ, съ какой за-

душевной любезностью и предупредительностью они исполняли всякую просьбу русскихъ, и знаю, что они приняли не мало труда, добросовѣстнѣйшимъ образомъ относясь ко всѣмъ заявленіямъ и нуждамъ русскихъ подданныхъ.

9-го мая.

Вчера, по окончаніи неудавшейся революціи, всѣ министры и приближенные ко двору паши собрались въ Гильдизъ-Кіоскѣ. Публикѣ было объявлено, что тамъ происходитъ совѣщаніе, на самомъ же дѣлѣ работалъ лишь одинъ Мавкракіано, докторъ Гамида. Падишахъ такъ перепугался,—не происшествій въ Чараганѣ, о которыхъ онъ сначала не зналъ ничего, но появленія войскъ вокругъ Гильдиза,—что съ нимъ сдѣлался продолжительный нервный припадокъ. Только послѣ долгихъ хлопотъ, удалось привести его въ чувство и къ сознанію. Немедленно приступили къ разсказу о происшествіи, передавая его, конечно, въ болѣе смягченной формѣ; такъ, напримѣръ, Гамида увѣрили, что толпа бунтовщиковъ шла въ Чараганъ, намѣреваясь проститься съ своимъ падишахомъ наканунѣ отправленія въ Родопскія горы на присоединеніе къ мусульманской инсуррекціи. Султанъ потребовалъ къ себѣ главныхъ виновныхъ для личнаго допроса. Какъ тутъ быть? Турокъ на судѣ всегда очень откровененъ, а предъ лицомъ падишаха дѣтище народа сочтетъ непремѣнно своей обязанностью сказать всю сущую правду. Забитый, ограбленный казенными пашами народъ, по вѣковой традиціи, хотя и утраченной уже на 90%, все-таки не хочетъ видѣть въ повелителѣ главнаго виновника бѣдствій отечества, и, въ наивности своей собственной душевной чистоты, вѣритъ, что въ сердцѣ даже самаго худого изъ падишаховъ есть кой-какой уголокъ, открытый для справедливости. Итакъ, привести предъ лицо султана настоящихъ бунтовщиковъ—значитъ для пашей уличить себя въ завѣдомой лжи. Прихватили на дворѣ дворца 6 садовниковъ (изъ нихъ четыре помака-бол-

гарина), научили какъ говорить и привели на страшный судъ тѣни пророка. Допросъ и разговоръ импровизованныхъ возмутителей прошелъ какъ по маслу. Это происшествіе—истина. Я ручаюсь въ томъ.

Вчера до 12 часовъ ночи я оставался на броненосцѣ, гдѣ производилось слѣдствіе и гдѣ заключены всѣ инсургенты до послѣдняго. Никого изъ нихъ не свозили на берегъ, никого не требовали куда-нибудь съ броненосца, а между тѣмъ допросъ таковыхъ Гамидомъ происходилъ между 6-ю и 7-ю часами вечера. Другой фактъ еще болѣе странный. Сегодняшнія газеты заявили, что въ числѣ убитыхъ бунтовщиковъ находится Али-Суави-паша, бывшій директоръ лицея, знамеиитый турецкій писатель и закадычный другъ Мидхата, недавно воротившійся изъ ссылки. Въ то же время цѣлая масса людей, хорошо знающихъ Суави, его друзья и родственники, разсказываютъ, что Суави лежалъ вчера дома больной, былъ арестованъ въ 5 часовъ вечера, а сегодня утромъ показанъ убитымъ. Мало того, эти же достовѣрные люди увѣряютъ, что Суави въ послѣднее время разошелся съ Мидхатомъ и проповѣдывалъ въ виду близости непріятеля устраненіе отъ всякихъ революціонныхъ попытокъ. Итакъ, Суави попросту убили въ жандармской канцеляріи, воспользовавшись возможностью избавиться подъ шумокъ отъ опаснаго человѣва. Испугались и оставлять долѣе Мурада въ Чараганѣ. Министры очень хорошо знаютъ, что турецкая стража не сопротивлялась толпѣ, хлынувшей во дворецъ, что прибывшее войско отказалось стрѣлять въ толпу и что только батальонъ негровъ—этихъ исчадій человѣчества—рѣшился палить, бить и колоть соотечественниковъ. Этотъ батальонъ находится безотлучно при султанѣ, и потому рѣшили перевести въ Гильдизъ-Кіоскъ ех-падишаха. Бѣдный Мурадъ, предчувствуя губительные кофе и ножницы, долго сопротивлялся перемѣщенію, но сила ломитъ и соломушку—ех-повелителя связали и такъ доставили въ верхній павильонъ Гильдизъ-Кіоска.

Наконецъ, всѣ власть имѣющіе порѣшили немедленно отправить изъ столицы всѣхъ эмигрантовъ, для чего ночью вызывались агенты разныхъ народныхъ обществъ и ночью же заключенъ договоръ о перевозкѣ бѣглецовъ. Сегодня утромъ нагружали ими три парохода. Такимъ образомъ, вчерашняя революція имѣетъ пока санитарные результаты: Константинополь очистится отъ заразы, Болгарія отъ распространенія ея при посредствѣ возвращающихся бѣглецовъ, коммисія для таковаго возвращенія благополучно оканчиваетъ свои работы. Для насъ революція указала на признаки неудовольствія въ турецкой арміи и тѣмъ самымъ дала надежду, что Господь Богъ поможетъ намъ и теперь войдти въ столицу, въ случаѣ нужды, безъ пролитія потоковъ крови. Я былъ сегодня на русскихъ передовыхъ позиціяхъ отъ Санъ-Стефано до vis-à-vis Даудъ-Паши. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наши войска стоятъ на разстояніи 300 саженъ отъ турокъ. Турки роются днемъ и ночью и уже вывели три линіи новыхъ укрѣпленій. Наши солдатики, стоящіе на аванпостахъ, не отрываютъ глазъ отъ кротообразныхъ турокъ. Подъѣзжаемъ къ одному изъ такихъ аванпостовъ. «Здравія желаемъ вашему благородію!»—гаркаютъ въ отвѣтъ молодцы.—«Много ли сегодня нарыли турки?»—«Еще восемь ложементовъ, ваше благородіе!» Неудивительно, что при такой дѣятельности почти неприступная тройная линія защиты Константинополя выросла въ три дня. Роются турки вездѣ. Очевидно, что они хотятъ сдѣлать здѣсь то же, что совершили на Галлиполи, подъ руководствомъ англичанъ, т. е. взрыть стрѣлковыми ямками, траншеями, редутами и отдѣльными укрѣпленіями все пространство между столицой и линіей русскихъ. Солдаты очень довольны перемѣной стоянки, видя въ ней приближеніе исхода изъ неопредѣленнаго положенія, въ которомъ лихорадка, тифъ и тоска по родинѣ выводила изъ строя нѣкоторыхъ ротъ по 120 человѣкъ. Недавно генералъ Скобелевъ 2-й производилъ смотръ своей дивизіи; когда онъ сообщилъ, что

быть можетъ опять предстоитъ послужить кровью отечеству, солдаты отвѣтили: «Чтожъ, драться, такъ драться, только чтобы безъ остановки—прямо въ Константинополь, ваше превосходительство!»

Въ заключеніе письма могу сообщить вамъ, что одна изъ статей санъ-стефанскаго договора уже измѣнилась. Срокъ русской оккупаціи Болгаріи будетъ не двухлѣтній, а 1½ годовой, считая съ 19-го февраля, т. е. еще 1 годъ и 3 мѣсяца. Въ виду этого, управленіе русскаго комиссарами князя Дондукова-Корсакова озабочивается замѣстить всѣ мѣста по администраціи и суду будущаго княжества попреимуществу болгарами, почему теперь уже оставленъ принципъ замѣщенія губернаторскихъ должностей исключительно русскими.—«А если все-таки не хватитъ годныхъ болгаръ къ концу срока оккупаціи?»—спрашиваю я.—«Тогда русскіе чиновники примутъ болгарско-турецкое подданство и останутся»—отвѣчаютъ мнѣ. Въ эту субботу, т. е. 12-го мая по старому стилю, князь Дондуковъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ управленіемъ окончательно переѣзжаютъ въ Филиппополь. Ко времени ихъ пріѣзда начинается тамъ первое русско-болгарское изданіе—оффиціальная ежедневная газета «Болгарско-русскій-Вѣстникъ».

Хотя всѣ сообщенія иностранныхъ газетъ о кровавыхъ битвахъ въ Родопскихъ горахъ за послѣднее время абсолютно ложны, но возстаніе это обращаетъ на себя все болѣе и болѣе серьезное вниманіе нашей главной квартиры. Турецкіе уполномоченные не сдѣлали ничего. Одного изъ нихъ инсургенты совсѣмъ не пустили въ свой лагерь, другой побылъ тамъ три дня и воротился ни съ чѣмъ. Возставшіе теперь упорно держатся такой стратегіи—они не сходятъ съ своихъ позицій и не подпускаютъ къ себѣ. Вслѣдствіе этого никто съ достовѣрностью не знаетъ ни численности возставшихъ, ни ихъ средствъ и состава. По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, наша главная квартира думаетъ, что въ числѣ инсургентовъ есть до 20 тысячъ регулярныхъ

солдатъ сулеймановской арміи и что кадры инсургентовъ пополняются ежедневно новыми пришлецами со всѣхъ мѣстъ имперіи. Присутствіе англичанъ и грековъ считается несомнѣннымъ и выжидательная тактика повстанцевъ приписывается вліянію англичанъ-полководцевъ, не желающихъ тратить силы возстанія безъ опредѣленной надежды на успѣхъ. Что касается до русско-правительственнаго взгляда на значеніе этого возстанія, то онъ заключается въ слѣдующемъ разсужденіи: главные пункты инсуррекціи находятся внѣ границъ будущей Болгаріи, а потому, при мирномъ разрѣшеніи англо-русскаго спора, намъ нѣтъ никакого дѣла до этого возстанія; но, въ случаѣ войны, это возстаніе, связанное съ турецкими войсками въ Митровицѣ и чрезъ послѣднія съ албанцами, является дѣломъ весьма серьезнымъ, въ особенности если послѣдуетъ ожидаемая высадка англійскихъ войскъ гдѣ нибудь на берегу Мраморнаго моря. Вслѣдствіе этого генералъ Тотлебенъ лишь ожидаетъ изъ Петербурга нѣкоторыхъ свѣдѣній о ходѣ дипломатическихъ переговоровъ, чтобъ рѣшить, нужно ли теперь же принять энергическія мѣры противъ возстанія. Я предвижу, что читатель задастся вопросомъ—какъ же могло возникнуть и укрѣпиться это возстаніе? Знающіе люди объясняютъ эту неожиданность тѣмъ, что въ мѣстахъ инсуррекціи на протяженіи 100 верстъ и безконечныхъ горъ стоялъ всего одинъ казачій полкъ, а потому... и т. д. Впрочемъ, свѣдущіе люди, можетъ быть, черезъ-чуръ строги въ сужденіяхъ о прошломъ. Такъ, они благодарятъ судьбу, что не произошло никакихъ большихъ сюрпризовъ, утверждая, что «наша армія была расположена подъ стѣнами Царьграда, какъ въ Саратовской губерніи». Если въ Константинополѣ становится подчасъ жутко русской душѣ, то поѣздка въ родной лагерь отбрасываетъ весь пессимизмъ. При видѣ этихъ борцовъ-героевъ, русскихъ солдатъ, вѣришь, что они лягутъ горой, израненные и искалѣченные, но возьмутъ все, что опоздали взять безъ крови. И сколь-

ко при геройствѣ доброты и сердца! Подхожу къ кучкѣ солдатъ и спрашиваю: «Скучаете, братцы?»—«Намъ-то—что, а вотъ имъ такъ ужь очень тяжко—отвѣчаютъ они, указывая на кучку погонщиковъ, уныло стоящихъ близь станціи желѣзной дороги;—съ насъ драли не на животъ, а на смерть; съ раненаго, ваше благородіе, брали по франку за рюмку водки,—вотъ-те Христосъ, самъ видѣлъ, какъ брали, а ихнему брату теперь ни хлѣба, ни денегъ не даютъ—поѣзжай, молъ, въ Одессу, тамъ разочту?».

10-го (22-го) мая.

Слѣдствіе о революціи производится и день, и ночь. Что узнали чиновники—сказать пока трудно, такъ какъ коноводы-бунтовщики сохраняютъ благоразумное молчаніе, а другіе обвиняемые лишь жалуются на свою судьбу. Но, помимо подсудимыхъ, есть другой, болѣе вѣрный способъ слѣдствія—косвенныя улики; ихъ набралось много. Наканунѣ чараганскаго происшествія, Ахмедъ-Вефикъ-паша, бывшій первый министръ, вмѣстѣ съ престарѣлымъ министромъ безъ портфеля Мехмедъ-Рушди-пашей, уѣхали изъ Константинополя по измидской желѣзной дорогѣ и до сихъ поръ оттуда не возвращались. Савфетъ-паша тоже наканунѣ заболѣлъ, а сегодня, какъ ни въ чемъ не бывало, явился въ Высокую Порту; наконецъ, морской министръ далъ утромъ дня революціи приказаніе двумъ броненосцамъ стать какъ разъ противъ Чарагана. Изъ всѣхъ вышеназванныхъ лицъ, послѣдній, очевидно, болѣе другихъ попалъ подъ подозрѣніе, и потому еще вчера его смѣнили, и на постъ морского министра назначенъ теперь другъ Гобарта-паши—Ахмедъ-Весимъ-паша, бывшій командиръ дунайской флотиліи. Что касается до Али-Суави-паши, то его пропажа можетъ считаться доказанной. Изъ оффиціальнаго отчета слѣдуетъ, будто бы Али-Суави-паша былъ убитъ при такой обстановкѣ: онъ впереди ворвавшейся въ Чараганъ толпы вошелъ въ комнату Мурада, взялъ его за руку и повелъ

было къ выходу, какъ находившійся тутъ солдатъ, уже раненый Суави, бросился на послѣдняго, прокололъ его штыкомъ и выкинулъ затѣмъ за окно, въ море. Этотъ разсказъ выдуманъ, чтобы объяснить, почему тѣло Суави не найдено между другими убитыми, вытащенными изъ Чарагана. Нѣтъ сомнѣнія, что завтра или послѣзавтра найдутъ гдѣнибудь на взморьѣ трупъ Суави, котораго попросту утопили часа черезъ три послѣ революціи. Для такой расправы оказался не одинъ только политическій мотивъ, но и другой—свойства амурнаго. Находясь въ изгнаніи, Суави долго жилъ въ Англіи и тамъ сошелся съ проституткой, которую и привезъ сюда въ качествѣ своей жены. Здѣсь англичанка успѣла получить расположеніе Дамадъ-паши старшаго. Когда этотъ зять султана стоялъ во главѣ управленія, Суави-паша смотрѣлъ сквозь пальцы на поведеніе своей супруги, но съ устраненіемъ съ политической арены Дамада, Суави возымѣлъ уваженіе къ своимъ супружескимъ правамъ, и свиданія Дамадъ-паши съ англичанкой прекратились. Смерть ревниваго мужа, конечно, развязала руки Дамаду, который, какъ супругъ сестры султана, не можетъ имѣть другой жены или содержать невольницъ дома. Всякая мусульманка сочтетъ за грѣхъ вступить съ нимъ въ связь, и потому англоманизмъ Дамада понятенъ...

Въ день революціи Стамбулъ былъ спокоенъ; лишь черезъ часъ послѣ завершенія траги-комедіи узнали купцы базаровъ, что былъ бунтъ; тревога поднялась вслѣдствіе предположенія, что русскіе немедленно вступятъ въ Константинополь, какъ скоро узнаютъ о политическомъ волненіи въ столицѣ. Вліяніе бунта сказалось лишь на другой день, когда все портящіе усердные исполнители начали таскать за шиворотъ эмигрантовъ къ пристанямъ и отсылась на пароходъ мать, не слушая, что она оставляетъ тутъ своихъ дѣтей, ушедшихъ въ Перу собирать милостыню; мужа, не давая ему времени сыскать его жену, сидя-

щую въ гостяхъ у сосѣдей и т. д. Испытавшіе и просто наблюдающіе это административное варварство невольно жалѣютъ, что вспышка не удалась, и, зная, что возставшіе безъ боя проникли во дворецъ, смекаютъ возможность повторенія подобнаго же происшествія, приговаривая: «только бы не ошибиться и знать навѣрно, гдѣ находится Мурадъ!» Интеллигентные турки (Господи, къ кому только не примѣняется этотъ эпитетъ!) безъ стѣсненій на улицахъ и даже въ корридорахъ Высокой Порты увѣряютъ всѣхъ, что Мидхатъ-паша пріѣхалъ въ Измидъ, проживаетъ тамъ на броненосцѣ «Александръ» и что въ самомъ непродолжительномъ времени начнется новая революція, рука объ руку съ арміей и съ Османъ-пашой во главѣ. Все это, конечно, лишь громкія лживыя фразы, но все-таки онѣ важны, какъ характеристика признаковъ болѣзни, названной мною заразительностью примѣра.

Косвенныя улики противъ нѣкоторыхъ государственныхъ людей въ участіи въ чараганскомъ происшествіи, конечно, должны во многихъ возбудить вопросъ—отчего же революція была такъ плохо подготовлена и исполнена такъ неудачно, что бунтовщики ошиблись даже апартаментами, и, вмѣсто кабинета Мурада, попали въ салоны отставныхъ женъ? Повидимому, одно какъ будто исключаетъ другое. Не говоря уже про то, что званіе государственнаго мужа вовсе не синонимъ серьезности, надо помнить, что бездарность въ павлиньихъ перьяхъ всегда ретируется въ рѣшительныя минуты на задній планъ, а довѣрчивая честность лѣзетъ въ огонь. Такъ и случилось третьяго дня: Вефикъ и Рушди заблаговременно удрали, а молодежь, подъуськанная ими, попала въ просакъ, умерла, лежитъ раненая или ждетъ казней.

11-го (23-го) мая.

Телеграмма васъ извѣстила уже о сегодняшнемъ ночномъ пожарѣ въ зданіи Высокой Порты, а теперь я разскажу подробности его. О зданіи этомъ я уже писалъ въ

первые дни пріѣзда въ Константинополь, но теперь оно имѣетъ право на особый некрологъ. По-турецки «Баба-Али» или «Паша-Капуссу», громадное желто-красное зданіе, находилось въ Стамбулѣ на одномъ изъ самыхъ высокихъ холмовъ этой части столицы. Къ нему можно было подъѣзжать со всѣхъ четырехъ сторонъ. На широкомъ дворѣ есть маленькій садикъ, полный днемъ и ночью различнымъ людомъ въ самыхъ невозможныхъ костюмахъ. Эти проходимцы и бѣглецы тутъ жили, спали и готовили себѣ кушанье на маленькихъ жаровняхъ. Когда начинало палить сверху горячее солнце, жители садика и двора отправлялись въ гостепріимно открывавшіеся съ 9 часовъ утра безконечные корридоры зданій, гдѣ на лѣсенкахъ и уступахъ всегда бывала масса оборванныхъ праздныхъ завсегдатаевъ. Баба-Али, не смотря на то, что имѣла въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ четыре этажа, построена вся изъ дерева и только нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ее обстроили снаружи каменной стѣной. Такимъ образомъ, вышли въ одномъ зданіи два дома—внутри деревянный, снаружи кирпичный. Полы и внутреннія стѣны остались деревянныя, причемъ полъ не паркетный, а просто состоящій изъ настланныхъ въ длину бѣлыхъ досокъ, ссохшихся, протертыхъ отъ употребленія, и представлявшій не малое число глубокихъ дыръ, наполненныхъ бумажнымъ соромъ. Посѣщая Бабу-Али, я не разъ недоумѣвалъ—отчего это Высокая Порта до сихъ поръ не горитъ. Всѣ—служащіе, пришедшіе по дѣламъ и праздные любители бюрократическихъ корридоровъ курили вездѣ безпрепятственно. Почти каждые 40 шаговъ въ корридорѣ—дверь, прикрытая соломенной занавѣской; за ней опять небольшой корридоръ, имѣющій двѣ двери. Направо или налѣво—маленькая служительская, гдѣ сторожа на такомъ же, какъ я разсказывалъ выше, полу готовятъ себѣ обѣдъ и ужинъ въ маленькихъ жаровняхъ, топимыхъ обыкновенно бумагой, которая цѣлой кучей лежала для

этой надобности въ углу каждой сторожки. Прямо другая дверь, тоже съ соломенной занавѣсью, ведущая въ бюро, или кабинетъ паши. Вездѣ мягкая мебель и непремѣнно соломенный коверъ. Въ Высокой Портѣ помѣщались всѣ министерства, за исключенiемъ министерствъ публичныхъ работъ и двора; она считала у себя болѣе трехъ тысячъ пишущей братiи, и потому можно себѣ вообразить, сколько хранилось исписанной и чистой бумаги въ этомъ канцелярскомъ вертепѣ. Архивъ составляетъ особое зданiе, спасенное отъ пожара. Министерства были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ восточной стороны дома. Мраморный подъѣздъ вводилъ посѣтителя въ широкую переднюю, раздѣляемую на двѣ неровныя половины деревянной перегородкой. Въ дверяхъ перегородки стоятъ часовые съ ружьями, но входъ и тутъ свободенъ для всѣхъ. Первая дверь налѣво принадлежитъ кабинету драгомана перваго министра, армянина Киркоръ-эффенди, завѣдомо состоящаго на жалованьи у Лэйарда. Это первый щеголь изъ чиновниковъ Порты. За перегородкой стеклянныя двери большого салона, гдѣ происходитъ засѣданiе совѣта министровъ, и затѣмъ—нѣсколько кабинетовъ визиря, гдѣ онъ и другiе министры принимали посѣтителей. Тутъ было сочетанiе грязнаго пола съ роскошной бархатной мебелью. Далѣе по корридору шли разные департаменты и отдѣленiя президента министровъ и ихъ совѣта. За ними въ разныхъ этажахъ министерство юстицiи, наконецъ «bureau de la presse» и министерство иностранныхъ дѣлъ на другомъ концѣ. Все зданiе было дотого однообразно расположено внутри, что я даже въ двадцатое посѣщенiе его не могъ отыскать нужное мнѣ бюро иначе, какъ по физiономiи его сторожа. Чиновники являлись на службу отъ 9 до часа дня, смотря по чину, и уходили изъ Бабы-Али около 5 или 6 часовъ вечера. Мнѣ случалось проѣзжать мимо этого зданiя въ 9 часовъ, и я не видѣлъ уже ни въ одномъ окнѣ свѣта, значитъ сторожа въ эти часы вечера уже по-

коились сномъ; уборка зданія ими производилась всегда утромъ, часовъ съ 5. Константинополь вообще ложится рано спать—часовъ въ 10 или 11, а Стамбулъ ранѣе Перы часа на два. Вчера въ 1 часъ ночи разомъ посрединѣ зданія въ нѣсколькихъ мѣстахъ прорвалось черезъ крышу грозное пламя и обняло весь средній фасадъ, отъ начала канцелярій президента министровъ до министерства иностранныхъ дѣлъ. Къ утру вся эта часть сгорѣла до тла—остались однѣ голыя наружныя стѣны. Часть архивовъ и кассы нѣкоторыхъ министерствъ также сдѣлались жертвой пламени. Случись это происшествіе до чагаранскаго, всѣ приписали бы его волѣ Божіей, и тѣмъ дѣло закончилось бы. Но у страха глаза велики, и вотъ теперь многіе находятъ какую-то связь между пожаромъ Высокой Порты и покушеніемъ на тронъ Гамида. Для чиновниковъ, конечно, очень выгодно раздуть происшествіе въ гору и отличиться на поприщѣ новыхъ арестовъ, подозрѣній и ссылокъ. Но всякій незаинтересованный въ этой административной практикѣ и знавшій сгорѣвшее зданіе и его порядки понимаетъ очень хорошо, что загорѣться онъ былъ долженъ рано или поздно по неосторожности сторожей, публики или служащихъ, что загорѣвшись въ одномъ мѣстѣ, онъ неминуемо долженъ былъ быть объятъ пламенемъ черезъ нѣсколько секундъ, и что таковыхъ ночью должно было быть потеряно не мало, прежде чѣмъ пожаръ сдѣлался замѣченнымъ, такъ какъ внутри зданія вовсе не было ночной стражи. Помимо этихъ соображеній, само собой разумѣется, что у революціонеровъ не могло быть глупаго желанія сжигать ни въ чемъ неповинныя стѣны въ отсутствіи виновныхъ завсегдатаевъ ихъ. Но турецкимъ слѣдователямъ резоны—излишняя тягость и ненужное стѣсненіе. Они даже рады, что случился пожаръ. Привлекать слишкомъ большое число лицъ къ чараганскому происшествію не совсѣмъ тактично—это означало бы придать революціи серьезность и силу. Теперь же всѣхъ, кого тре-

буется цапъ-царапъ, можно приглашать въ тюрьму по двумъ любымъ мотивамъ—по дѣлу о пожарѣ или о бунтѣ. Такимъ манеромъ оба происшествія, оставаясь незначительными для Европы, позволяютъ спровадить въ подлежащія мѣста на томъ свѣтѣ или въ Азіи двойное число музыровъ—опасныхъ людей. Назначена спеціальная комиссія для слѣдствія, и предсѣдателемъ ея избранъ Саидъ-паша 2-й. Султанъ убѣжденъ, что Саидъ явился въ Чараганъ однимъ изъ первыхъ и порѣшилъ кампанію революціонеровъ; на самомъ же дѣлѣ Саидъ пріѣхалъ въ каретѣ къ Чарагану въ тотъ моментъ, какъ уже выносили изъ дворца раненыхъ солдатъ. Какъ всегда бываетъ съ спеціально-слѣдственными комиссіями, намыковская принялась за дѣло такъ горячо, что наивный наблюдатель можетъ даже подумать, что слѣдователи задались цѣлью искоренить окончательно всякую даже не гласную, а подозрѣваемую оппозицію. Хватаютъ днемъ, вечеромъ, ночью цѣлыя сотни разныхъ гражданъ. Тюрьмы переполнены. Кончится эта травля, конечно, тѣмъ, что слѣдователи сами запутаются, потеряютъ нить слѣдствія, при помощи бюрократической діалектики, собьютъ большинство подсудимыхъ съ толку и въ результатѣ придутъ къ сознанію, что всѣ арестованные виновны, но уликъ противъ нихъ нѣтъ, а потому власть распорядится помимо суда и приложитъ къ арестантамъ административныя мѣры во имя общественнаго спокойствія... Забрали, конечно, и представителей печати, въ томъ числѣ Али-эффенди, редактора «Бассирета», почему эта газета уже перестала выходить. Противъ Али уликой служитъ напечатанное имъ наканунѣ чараганскаго происшествія письмо Суави слѣдующаго содержанія: «Мы, турки, переживаемъ такую трудную эпоху, что долженъ быть выслушанъ съ величайшимъ вниманіемъ голосъ каждаго, кто рѣшится сказать что либо о средствахъ къ выходу изъ настоящаго кризиса. Завтра я помѣщу статью, посвященную изысканіямъ этихъ средствъ, и теперешнее

письмо пишу для того, чтобы публика обратила вниманіе на слѣдующій нумеръ «Бассирета». Слѣдователи утверждаютъ, что «завтрашней статьей» Суави иносказательно назвалъ чараганское происшествіе и своимъ письмомъ предварялъ мусульманъ о революціи. Глупѣе этого предположенія, кажется, и придумать что-либо трудно; но извѣстно, что ретивые слѣдователи всегда самые вѣрующіе люди, и, въ качествѣ таковыхъ, они вѣрятъ и выше сказанной нелѣпости. Турецкія газеты имѣютъ весьма ограниченное число читателей; чтобы привлечь вниманіе таковыхъ къ какой-нибудь «платной» статьѣ извѣстнаго писателя, здѣшніе редакторы употребляютъ тотъ же способъ, какой практикуется во всей Европѣ — они предувѣдомляютъ публику о появленіи статьи наканунѣ ея печатанія. Ради же большихъ выгодъ, дорогая статья откладывается еще на день, причемъ редакторъ извиняется и обѣщаетъ ужъ непремѣнно завтра помѣстить обѣщанную статью. Такъ дѣлали не разъ «Вакитъ», «Бассиретъ» и пр. газеты,—точно также хотѣлъ смошенничать теперь бѣдный Али-эффенди. Гамидъ принимаетъ личное участіе въ производствѣ слѣдствія. Это, конечно, еще болѣе отягчитъ участь заподозрѣнныхъ, такъ какъ участіе падишаха не можетъ выразиться, конечно, ни въ чемъ иномъ, кромѣ укрѣпленія наипошлѣйшаго слѣдственнаго принципа — «по рожѣ вижу, что виноватъ!». Батальонъ негровъ, палившій и бившій штыками бунтовщиковъ, обращенъ теперь въ тѣлохранителей султана и получилъ неслыханную награду—каждому солдату его выдали изъ шкатулки падишаха (вѣрнѣе, казны) по 1,000 піастровъ, а офицеры всѣ произведены въ слѣдующій чинъ и награждены орденомъ. Я полагаю, что такая награда даже не снилась и тѣмъ героямъ, которые на Шибкѣ лѣзли отбивать у насъ фортъ св. Николая! Мурадъ караулится крѣпко. Участь его, надо полагать, рѣшена, такъ какъ оффиціозныя газеты уже заявили, что у ех-султана есть опасная

наклонность къ самоубійству... вѣроятно, ножницами. Къ Сулейману-пашѣ сдѣлались тоже немилосердно строги. Его опять заперли, не позволяютъ выходить изъ комнаты, а на его объясненіе написали длинную обвинительную реплику, доказывающую и безталанность, и лживость бывшаго полководца. Между прочимъ, эта реплика упоминаетъ и объ еленинскомъ сраженіи. Сулейманъ хвалится, что онъ одинъ изъ всѣхъ турецкихъ полководцевъ выигралъ сраженіе въ открытомъ полѣ и взялъ въ плѣнъ русскаго полковника Клевезаля—реплика отвѣчаетъ, что ошибка русской стратегіи не можетъ служить лавромъ для Сулеймана; а что касается до полковника Клевезаля, то всѣмъ извѣстно, что онъ былъ взятъ тогда, когда сильная контузія лишила его возможности даже подняться съ земли и тѣмъ болѣе защищаться.

13-го (25-го) мая.

Вчера въ лѣтней резиденціи англійскаго посольства былъ большой обѣдъ въ честь дня рожденія королевы Викторіи. Присутствовавшимъ на празднествѣ пашамъ адмиралъ Горнби заявилъ, что изъ Лондона полученъ приказъ оставаться въ измидской гавани до конца настоящаго мѣсяца. Затѣмъ, во время послѣобѣденнаго куренья, зашла рѣчь о войнѣ; заговорили о ней конечно наименѣе посвященные въ тайны дипломатіи. Лэйардъ снова повторилъ, что война неизбѣжна, но что англійское правительство только тогда сочтетъ возможнымъ начать ее, когда все будетъ готово для достиженія успѣха быстраго и неотразимаго. Одинъ изъ турокъ замѣтилъ, что Россія тоже имѣетъ выгоду тянуть, такъ какъ она собираетъ ополченіе и покупаетъ крейсеровъ. На это замѣчаніе Лэйардъ не отвѣтилъ ни слова, но его первый драгоманъ возразилъ пашѣ по-турецки: «Крейсеры и ополченіе могутъ конечно пригодиться Россіи, но... капитуляція не всегда бываетъ только послѣ объявленія войны»! Другой паша не выдержалъ, и весьма нескромно за-

явилъ, что теперь Турція могла бы и одна начать опять войну противъ Россіи и подготовить послѣднюю къ окончательному пораженію Англіей. Турки дѣйствительно окончили приготовленія къ защитѣ столицы. Всѣ укрѣпленія, надняхъ выросшія изъ земли, соединены полевымъ телеграфомъ между собой, съ главными квартирами командировъ отряда и съ сераскеріатомъ — военнымъ министерствомъ, гдѣ въ обширныхъ казармахъ помѣщается резервъ лѣвой стороны обороны. Подрядчикъ Лазоріанъ получилъ отъ банкира Зарифи чекъ на 200,000 фунтовъ стерлинговъ и передалъ Османъ-пашѣ военный грузъ двухъ недавно пришедшихъ изъ Америки пароходовъ. На траншеяхъ происходитъ каждые 8 часовъ смѣна сторожевыхъ полковъ, а отдыхающіе помѣщаются въ палаткахъ за третьей линіей защиты. Крупповскія пушки, помѣщенныя сначала впереди, отвезены теперь на вторую линію и поставлены такъ, что могутъ стрѣлять черезъ своихъ. На передовой линіи находятся лишь 9-фунтовыя орудія и около нихъ хранятся ядра и шрапнели. Шаговъ на 20 впереди 1-й линіи вырыта бездна маленькихъ ровиковъ, нисколько не мѣшающая стрѣльбѣ изъ орудій. Вообще новая линія константинопольской защиты, видѣнная мною со стороны русскихъ лагерей и сзади отъ города, производитъ впечатлѣніе въ высшей степени искусно и заботливо исполненнаго дѣла. По большей части турки воспользовались для возведенія линій холмами; но тамъ, гдѣ ихъ не было, выросли искусственныя возвышенія, такъ что почти весь полукругъ защиты на всѣхъ своихъ пунктахъ расположенъ на одинаковой высотѣ и между всѣми линіями существуетъ нѣчто въ родѣ овраговъ, безъ всякаго прикрытія для наступающихъ. Кромѣ того въ этихъ ровикахъ зарыты сухопутныя торпеды съ электрическими проводниками на близлежащую сзади батарею. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ импровизированныхъ рвовъ, гдѣ считается доступъ для русскихъ легче, на землѣ лежитъ рядъ проволокъ, которыя въ каждую данную ми-

нуту могутъ быть натянуты и ровъ превратится тогда въ струнный инструментъ, весьма неудобный для быстрой атаки. Наконецъ, въ виду предположенія о ночномъ нападеніи русскихъ на передовые посты, доставлены бочки съ керосиномъ, которыя, въ случаѣ надобности, будутъ зажжены и скачены внизъ къ сторонѣ русскихъ. Совершенно нѣтъ никакой возможности побывать вблизи турецкихъ укрѣпленій по Босфору, и потому о нихъ я не могу ничего сказать въ качествѣ очевидца. Говорятъ однако, что тамъ еще не все готово у турокъ, но работа ихъ идетъ весьма дѣятельно. Впрочемъ, оно и не мудрено, если Османъ-паша не такъ заботится объ укрѣпленіяхъ Босфора, какъ Константинополя. На Босфорѣ сама мѣстность, перерытая глубокими оврагами и высокими горами, можетъ служить подмогой защищающемуся, тогда какъ Царьградъ совсѣмъ не имѣетъ природныхъ укрѣпленій, за исключеніемъ немногихъ болотъ, отдѣляющихъ столицу отъ русской главной квартиры. О количествѣ прибывающихъ рекрутовъ можно судить по тому, что недавно въ Топхане лежали безъ употребленія 60,000 ружей, теперь же они всѣ разобраны и въ арсеналѣ нѣтъ ни одного штыка. Трудно, конечно, сказать опредѣленно о цифрѣ турецкихъ войскъ, пребывающихъ въ столицѣ и ея окрестностяхъ, но я знаю навѣрно, что поставщики обязаны доставлять провизію ежедневно на 200,000 душъ. Кромѣ того, турки обѣщаютъ, что черезъ двѣ недѣли у нихъ будетъ здѣсь до 250 тысячъ войска. По поводу этой надежды Мегеметъ-Али-паша, сидя надняхъ въ гостинницѣ «Пештъ» за стаканомъ пива, выразилъ увѣренность, что Россія скоро принуждена будетъ перейдти обратно Балканы, такъ какъ ея силамъ будетъ черезъ двѣ-три недѣли угрожать съ тылу турецкая армія въ Митровицахъ, албано-мусульманско-греческое возстаніе и съ фронта ¼ милліонная регулярная армія Порты съ броненосцами у береговъ. Онъ назвалъ такую систему побѣды надъ противникомъ «англійской» и добавилъ, что эта система вводитъ въ

военное искусство такойже переворотъ, какой Дарвинъ совершилъ въ философіи естествознанія. Какъ бы ни было дико это сравненіе научныхъ открытій съ военнымъ нахальствомъ, но въ словахъ Мегемета-Али-паши есть доля истины: по иниціативѣ англичанъ, наступила пора для новой системы дипломатическихъ игръ. Въ виду этого, а также прислушиваясь къ вопросамъ и толкамъ нашей печати, я постарался добыть свѣдѣнія о томъ, какъ раздѣляется дипломатическая работа между нашимъ константинопольскимъ посольствомъ и дипломатической канцеляріей главной квартиры. Я полагаю, что знать разграниченіе дѣятельности между этими двумя нашими факторами на Востокѣ должно быть интересно всякому, такъ какъ если дипломатія можетъ хромать оттого, что хромаетъ флотъ, то и войско, въ свою очередь, можетъ хромать отъ хромоты дипломатіи. До пріѣзда князя Лобанова-Ростовскаго, опредѣленнаго разграниченія между дипломатической дѣятельностью въ С.-Стефано и Константинополѣ не существовало — главной квартирѣ были даны совѣты на всякій случай и изрѣдка шли туда изъ Петербурга телеграммы съ приказаніемъ, напримѣръ, о невступленіи въ Константинополь, о незанятіи Галлиполи и т. п. Обыкновенно главная квартира сама начинала переговоры съ Портой и затѣмъ поручала г. Ону продолжать ихъ въ начатомъ направленіи. Съ прибытіемъ посла, у главной квартиры взято право на веденіе самостоятельныхъ переговоровъ. Генер. Тотлебенъ долженъ обращаться не прямо къ Портѣ, а къ кн. Лобанову-Ростовскому и отъ воли послѣдняго зависитъ согласиться съ главнокомандующимъ и дать дальнѣйшій ходъ его требованію или отказать въ дипломатическомъ ходатайствѣ. Роль дипломатической канцеляріи главной квартиры низведена на степень простой передаточной инстанціи между посольствомъ и главнокомандующимъ. Всѣ заботы о соблюденіи и исполненіи условій с.-стефанскаго договора лежатъ всецѣло и нераздѣльно на обязанности дипломатіи, и главная квартира по этимъ во-

просамъ имѣетъ лишь совѣщательный голосъ. Въ то время, когда въ Санъ-Стефано громко раздается критикующій голосъ—«давно бы слѣдовало покончить съ Константинополемъ и Босфоромъ (о Галлиполи уже не говорятъ) и не терять теперь мѣсяцы, посвященные турецко-англійскому укрѣпленію», здѣсь, въ Константинополѣ, разсуждаютъ иначе: «Россіи не подъ силу задача переустройства Востока; она должна раздѣлить тяжесть хлопотъ съ Европой». Такимъ образомъ, хотя сердятся обѣ стороны, но по разнымъ мотивамъ—одни на миролюбіе, другіе на упорство. Пока исторія будущаго витаетъ во облацѣхъ разговоровъ, въ Македоніи началось двойное возстаніе, давно предсказанное центромъ болгаръ-націоналовъ, со словъ которыхъ я писалъ о положеніи дѣлъ въ этой спорной странѣ. На сѣверѣ Македоніи возстали албанцы, а на югѣ появились четы болгаръ. Первыхъ поддержатъ турецкое правительство (лагерь въ Митровицѣ) и англичане, развитіе же болгарскаго возстанія тоже обезпечено. Я, конечно, не имѣю права передавать подробности его организаціи, пока оно не получило еще полнаго осуществленія, но могу увѣрить читателей, которымъ близко къ сердцу славянское дѣло, что у македонскихъ болгарскихъ повстанцевъ есть прекрасный вождь, обладающій всѣми нравственными качествами для предводительствованія борьбой; есть теперь оружіе и есть деньги; въ борцахъ же недостатка не будетъ. Мало того, славянскому движенію въ Македоніи обѣщана помощь многихъ валашскихъ горныхъ общинъ, которыя тоже сильно ненавидятъ господъ грековъ. Говоря о разговорахъ съ этими будущими борцами за свободу родины, я не могу не вспомнить того глубоко-радостнаго и освѣжающаго впечатлѣнія, которое произвели на меня эти скромные люди, въ блестящихъ глазахъ и голосѣ которыхъ такъ и звучитъ вошедшая въ плоть и кровь рѣшимость принести себя въ жертву за дорогую идею.

XX.

Успѣшность военныхъ приготовленій турокъ. — Новая система назначенія губернаторовъ. — Организація новыхъ армій. — Быстрое возведеніе укрѣпленій у Константинополя.— Подготовленіе возстанія въ Родопскихъ горахъ и въ Македоніи.—Перемѣна тона Порты по отношенію къ русскимъ.—Турція начинаетъ чувствовать свою силу. — Планы Садыка-паши провести конгрессъ.—Саидъ-паша 2-й и его партія.—Отставка Иззета-паши и назначеніе Дамада военнымъ министромъ.— Его характеристика.—Смѣна Садыка и возобновленіе должности великаго визиря въ лицѣ Мехмеда-Рушти-паши.—Признаки возвращенія султана къ прежнему деспотизму.

Константинополь, 14-го мая.

Когда турки приступили къ вырытію перваго укрѣпленія для защиты столицы, ихъ души содрогались отъ страха, что вотъ—вотъ русскіе пришлютъ парламентера и прикажутъ остановить работы, подъ угрозой немедленнаго занятія Константинополя. Паши очень хорошо знаютъ безсиліе солдата-мусульманина въ открытомъ бою и его значеніе за высокой траншеей. Опасенія оказались напрасными, и теперь, по выраженію Османа-паши, у каждаго солдата есть свой редутъ. Радостному впечатлѣнію удачнаго конца фортификаціонныхъ работъ помѣшала на время исторія въ Чараганѣ; но за отплытіемъ 8 пароходовъ, наполненныхъ эмигрантами и послѣ благополучнаго ареста 500 опасныхъ людей, страхъ улегся, и правительственные мусульмане торжествуютъ вполнѣ. — «Теперь у насъ съ вами разговоръ будетъ другой!»—говорятъ они съ насмѣшливой улыбкой, и, дѣйствительно, все измѣнилось. Перемѣ-

на подготовлялась очень медленно, но наступила почти внезапно. Считая только съ 19-го февраля, турки имѣли три мѣсяца на военныя приготовленія. Въ другихъ, не истощенныхъ и не больныхъ государствахъ, таковыя совершаются въ двѣ, три недѣли. Турція была ослаблена кампаніей во всѣхъ отношеніяхъ: въ финансовомъ, административномъ, территоріальномъ и въ правительственномъ авторитетѣ. Оттого ей нужно было вчетверо больше времени для приготовленій, и при томъ осторожныхъ, чтобы не вызвать какихъ нибудь репрессалій со стороны русской арміи. Ей требовалось дать администраціи новую силу и власть; она исполнила задачу, совершивъ перетасовку чиновниковъ, держась совершенно новаго принципа—удовлетворенія протестовъ и жалобъ населенія. Такъ, Порта оставила безнаказанными жителей одного города въ Малой Азіи, выгнавшихъ своего губернатора, и назначила имъ въ правители того, на кого они указывали въ своей просьбѣ. На основаніи правила «новая метла хорошо мететъ», тѣ же чиновники, но на новыхъ мѣстахъ, оказывались дѣятельными помощниками Высокой Порты. Требовались деньги. По настоянію британскихъ банкировъ, оттоманскій банкъ дозволилъ выпускъ новыхъ каиме на 6 милліоновъ лиръ, а Зарифи далъ подъ залогъ таможеныхъ пошлинъ 1 милліонъ лиръ. Такимъ образомъ, нашлись и средства, чтобы закончить вооруженія, пользуясь громаднымъ боевымъ запасомъ, лежавшимъ въ Топхане наготовѣ. Нужны были солдаты. Подновленная администрація, испуганная перетасовкой въ сферѣ чиновниковъ, отбросила навремя свою обычную апатію и дѣятельно занялась доставкой пушечнаго мяса. Здѣсь, въ Константинополѣ, оказался совершенно достаточный контингентъ всякаго военнаго начальства, готоваго заняться организаціей и обученіемъ вновь формируемаго войска. Возвращеніе Османа-паши придало надлежащую увѣренность правительству и народу въ цѣлесообразность приготовленій, а усиливающаяся пута-

ница въ англо-русскомъ конфликтѣ внушала надежду имѣть достаточно времени для устраненія всѣхъ препятствій, порожденныхъ внутреннимъ состояніемъ имперіи. Когда же новые батальоны съ учебныхъ площадей были направлены на предположенную линію защиты, турецкіе военачальники, убѣдившись въ вынужденной или добровольной инертности русскихъ, приступили къ заложенію первой траншеи. Благополучное окончаніе ея пустило въ ходъ всѣ кирки и лопаты, и въ три дня выросло то, что я описывалъ вчера. Наконецъ, мало-по-малу было побѣждено и территоріальное затрудненіе. Въ занятыхъ русскими округахъ Родопскихъ и Балканскихъ горъ подготовлялось, росло и выросло возстаніе, считающее у себя до тридцати или сорока тысячъ борцовъ; въ Македоніи, которую турки считали совсѣмъ потерянной, развилось возстаніе албанцевъ и такъ далѣе. Такова исторія военныхъ приготовленій Порты за послѣдніе три мѣсяца, кажется, вполнѣ подтверждающая основательность моего пессимизма. Я зналъ настроеніе умовъ руководящихъ людей обѣихъ сторонъ, видѣлъ во-очію все совершающееся, и не могъ не предугадывать печальныхъ результатовъ. Сообразно съ перипетіями этой исторіи видоизмѣнялось и все остальное. Укажу на нѣкоторыя частности. Сначала о Портѣ никто и не думалъ—на сценѣ были только Англія, Австрія и Россія. Затѣмъ, возникъ вопросъ—чью сторону приметъ Турція—Англіи или Россіи? Возможность предположенія, что Турція приметъ сторону вчерашняго врага, конечно, могла исходить лишь изъ соображенія о полной зависимости Порты отъ нашей главной квартиры. Сами турки проповѣдывали нейтралитетъ, твердили, что они не будутъ и пробовать защищать Константинополь, а просто зажгутъ его и удалятся. Всѣ броненосцы были отосланы изъ Босфора, во избѣжаніе всякихъ столкновеній съ той или другой изъ спорящихъ сторонъ. Въ pendant ко всему этому шли толки объ очищеніи крѣпостей и т. д. Великій князь безпрепят-

ственно осматриваетъ новыя турецкія позиціи и отдаетъ приказаніе о пріостановкѣ турецкихъ фортификаціонныхъ работъ, объ удаленіи турецкихъ войскъ съ стратегическихъ пунктовъ на Босфорѣ. Но турки скромно, тихо, безъ всякаго шума продолжаютъ приготовленія. Никто даже не вѣритъ ихъ успѣху; къ сообщаемымъ корреспондентами цифрамъ прибывающихъ турецкихъ силъ всѣ относятся съ скептицизмомъ. Русскія войска покидаютъ «Саратовскую губернію» въ Санъ-Стефано и его окрестностяхъ, становятся боевымъ лагеремъ рядомъ съ турецкими аванпостами. Въ правительственныхъ кружкахъ Порты переполохъ, и всѣ публично сознаются, что хотя турецкіе 200 тысячъ солдатъ и могутъ нанести русскимъ значительный вредъ, но столицу имъ не удержать, если генералъ Тотлебенъ захочетъ взять ее. Принялись рыться, и благополучно окопались тремя сплошными линіями. Османъ-паша, осмотрѣвъ послѣднюю ямку новыхъ укрѣпленій, поѣхалъ къ Гамиду и громогласно доложилъ: «Теперь я ручаюсь, ваше величество, что русскіе въ Константинополь не войдутъ!» Съ этой минуты всѣ принятыя прежде мѣры предосторожности оказались излишними. Отосланные на ту сторону Босфора запасы военнаго матеріала возвращаются въ Константинополь и свозятся прямо на позиціи. Удаленные броненосцы призываются опять къ столицѣ и становятся длиннымъ рядомъ противъ города; слѣдуя примѣру англійскихъ судовъ, они стоятъ съ нагрѣтой водой, готовые двинуться по первому приказанію. Наконецъ Мегеметъ-Али-паша ѣдетъ въ Санъ-Стефано и требуетъ договора о новой демаркаціонной линіи, о которой никто не думалъ три-четыре дня тому назадъ. Да, теперь разговоры другіе! Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу ихъ суть.

15-го (27-го) мая.

Отдадимъ туркамъ справедливую похвалу: они выказали втеченіе трехъ мѣсяцевъ большую энергію и сдѣлали все, что можно было приготовить для самозащиты. Съ этой

поры Порта перестала быть вассаломъ Россіи и, въ виду конгресса, не желаетъ также подчиниться вполнѣ Англіи. Война послѣдней противъ Россіи бросила бы Турцію въ объятія Великобританіи, и такъ или иначе Порта была бы принуждена отдать намъ безъ боя если не Константинополь, то Босфоръ; конгрессъ же грозитъ и славянамъ и, въ особенности, существованію Европейской Турціи. Тонкіе мусульманско-греческіе дипломаты очень хорошо догадываются о значеніи строгаго секрета въ международныхъ сношеніяхъ Россіи съ Англіей; они увѣрены, что петербургскій кабинетъ разсчитываетъ на тяжелое положеніе британскаго народа, и выступитъ на конгрессѣ съ проектомъ самаго либеральнаго раздѣла европейскихъ владѣній Турціи и тѣмъ дастъ новую силу партіи Гладстона, успѣхъ которой вызоветъ трескучее паденіе Биконсфильда и замѣнитъ теперешнія натянутыя отношенія Россіи къ Англіи самымъ искреннимъ союзомъ во вредъ мусульманству Европы. Турки вѣрятъ въ силу Биконсфильда до конгресса; полагаютъ, что эта сила еще болѣе увеличилась бы въ случаѣ объявленія войны Россіи; но признаютъ несомнѣннымъ паденіе его кабинета, какъ скоро международные переговоры получатъ огласку, а Россія успѣетъ доказать міру свое безкорыстіе и справедливость. Тогда, очевидно, британскія силы въ турецкихъ водахъ, вмѣсто ожидаемыхъ отъ нихъ враждебныхъ дѣйствій противъ русской арміи, обратятся въ помощники послѣдней для приведенія въ исполненіе рѣшеній конгресса. Вообще самое слово конгрессъ внушаетъ туркамъ страхъ.—«Всѣ противъ насъ будутъ,—говорятъ они:—Франція управляется теперь Гамбеттой и, конечно, примкнетъ, въ силу республиканскихъ принциповъ, къ сторонѣ русскихъ гуманныхъ проектовъ; Германія сдѣлаетъ то же самое, по дружбѣ императора Вильгельма; Австрія будетъ согласна, такъ какъ получитъ вознагражденіе насчетъ Турціи; долги Порты будутъ гарантированы и общественное мнѣніе всѣхъ странъ возста-

нетъ противъ воинственнаго задора Биконсфильда съ К°.» Напоминаю читателю, что такъ говорятъ теперь турки самые интеллигентные и всякую власть имѣющіе. Правы они совсѣмъ или въ части—я не знаю. Въ виду предполагаемой изолированности и предсказываемаго оружія Россіи на конгрессѣ, турки приготовляются явиться на международное засѣданіе со всѣми онерами. Вопервыхъ, они скажутъ, что Блистательная Порта вовсе не умерла, что она, напротивъ, настолько живуча, что черезъ три мѣсяца послѣ небывалаго погрома съ врагомъ у воротъ столицы и резиденціи властителя, она смогла и успѣла организовать новую армію, а мусульманскій народъ во всѣхъ пунктахъ имперіи самъ вооружился противъ врага и стойко удерживаетъ свои позиціи. Съ другой стороны, Турція представитъ конгрессу выработанный уже проектъ самыхъ широкихъ реформъ и предложитъ международной комиссіи гарантіи въ ихъ исполненіи. Проекты реформъ пока составляютъ канцелярскую тайну, но этотъ занавѣсъ, какъ извѣстно, имѣетъ всегда дырочки, сквозь которыя проникаетъ взоръ всякаго дающаго, а потому общее содержаніе проектовъ уже извѣстно многимъ. Вотъ, въ краткихъ словахъ, ихъ суть: 1) по части администраціи: остается старое дѣленіе государства на вилайеты, санджаки, казы и нахіи, но правители ихъ должны быть назначаемы сообразно большинству населенія административной единицы; гдѣ большинство составляетъ христіанская часть жителей, тамъ долженъ быть правителелъ христіанинъ и наоборотъ; вице-правители должны принадлежать къ вѣроисповѣданію меньшинства, т. е. тамъ, гдѣ, напримѣръ, губернаторъ будетъ христіанинъ, туда вице-губернаторомъ назначается мусульманинъ и т. д. Въ каждомъ вилайетѣ будетъ находиться губернскій выборный парламентъ съ правомъ контроля надъ адиинистраціей и почина въ законодательныхъ реформахъ, касающихся губерніи. Мѣстная финансовая часть будетъ находиться въ исключительномъ вѣдѣніи этого парламента.

2) По юстиціи: вводится судъ присяжныхъ безъ всякаго различія религій и уничтожаются всѣ привиллегіи мусульманства. Судьи будутъ выборные и имъ предоставляется право несмѣняемости. Шейхъ-уль-исламу остается юрисдикція, ограниченная одними чисто-духовными дѣлами мусульманъ. 3) По части военной: объявляется всеобщая воинская повинность съ 3-хъ-лѣтнимъ срокомъ службы. Вообще Порта приготовилась заявить, что она прекращаетъ свое существованіе, какъ мусульманская держава, и начинаетъ новую эру своей исторіи, гдѣ всѣ народности, связанныя общей территоріей, могутъ свободно развиваться, пользуясь самой широкой административной, судебной и финансовой автономіей. Для большаго убѣжденія Европы въ выгодности этихъ реформъ подъ эгидой Турціи, сравнительно со всякимъ другимъ способомъ разрѣшенія восточнаго вопроса, Порта приготовила и другой документъ, въ которомъ подробно излагаетъ исторію возникновенія санъ-стефанскаго договора и происковъ Россіи. По словамъ этого документа, Турція лишь оттого согласилась на подписаніе мирнаго трактата 19-го февраля, что ей было сказано: «Видите эти войска, собравшіяся для парада? Если не подпишите сію минуту, то все это войско прямо съ плаца двинется въ Константинополь!» Поэтому, Порта отрицаетъ силу статей санъ-стефанскихъ условій, какъ вынужденныхъ угрозой, а не заключенныхъ по доброй волѣ обоихъ контрагентовъ. Санъ-стефанскій трактатъ невыгоденъ для Турціи и абсолютно вреденъ для европейскихъ интересовъ и т. д., на извѣстную тему. Статистика будетъ призвана турецкими делегатами для доказательства, что, вопервыхъ, граница Болгаріи—Балканскія горы; вовторыхъ, что вся остальная часть Европейской Турціи, за исключеніемъ Эпира (его, значитъ, Порта уступаетъ добровольно Греціи) и части Босніи (?), имѣетъ такое разнообразное населеніе, которое не даетъ возможности, безъ нарушенія основъ справедливости, устроить какія-либо самостоятельныя кня-

жества или присоединить ихъ къ какой-либо державѣ. Для жизни этихъ провинцій нужна власть, основанная на объективномъ отношеніи ко всѣмъ національностямъ и религіямъ,—власть, имѣющая за собой авторитетъ историческаго происхожденія, т. е. падишаха. Всякая проба устроить разноплеменныя Ѳессалію, Македонію и Румелію, по словамъ турокъ, всегда и теперь вызываетъ борьбу религій и національностей, застой дѣлъ и раззореніе.

Понятно, что этотъ проектъ сочиненъ безъ всякой помощи англичанъ. Онъ отъ начала до конца чисто-турецкаго происхожденія и принадлежитъ почти исключительно перу Садыка-паши. Говорятъ, что онъ лично явится на конгрессъ съ своимъ произведеніемъ и возьметъ на себя защиту проекта. Султанъ одобрилъ идею Садыка, но партія мусульманъ, считающая своимъ представителемъ Саида-пашу 2-го, отнеслась къ проекту Садыка весьма недружелюбно. Она, вопервыхъ, не вѣритъ въ возможность обмануть Европу тысяча первымъ обѣщаніемъ всестороннихъ реформъ; вовторыхъ, полагаетъ, что еслибъ надуть и удалось, то тогда Турція сдѣлается еще менѣе самостоятельнымъ государствомъ, чѣмъ при существованіи санъ-стефанскаго договора, такъ какъ Европа возьметъ исполненіе реформъ подъ свою опеку, и подъ видомъ таковой каждая держава станетъ искать удовлетворенія своихъ интересовъ на Востокѣ. Саидъ-паша громко проповѣдуетъ необходимость бросить заботы о европейскомъ мнѣніи и воспользоваться настоящимъ моментомъ для заключенія союза съ Россіей или Англіей. «Мы—говоритъ молодой паша—теперь внушаемъ къ себѣ уваженіе, какъ къ силѣ, обѣимъ сторонамъ; вступимъ же съ ними въ откровенный разговоръ, и кто выгоднѣе, съ тѣмъ и поладимъ окончательно. Если русскіе захотятъ быть нашими друзьями, пускай сажаютъ на наши мониторы своихъ офицеровъ и прогоняютъ англичанъ; получивъ наши броненосцы во временное распоряженіе, какъ залогъ искренности нашего союза, русскіе со-

гласятся удалиться сейчасъ же въ предѣлы Болгаріи; когда же англичане будутъ изгнаны съ Востока, мы съумѣемъ не пустить ихъ вновь и вмѣстѣ съ тѣмъ заставимъ Грецію вложить мечъ въ ножны. Если же—продолжаетъ паша—выгоднѣе для насъ союзъ съ Англіей, то заключимъ его формально, съ взаимными гарантіями и поторопимся приступить къ нападенію на русскихъ со всѣхъ концовъ».

— Кто же изъ этихъ двухъ союзниковъ удобнѣе для Турціи по мнѣнію вашего Excellence? — спрашиваютъ у паши.

— Предсказывать не берусь, — отвѣчаетъ Саидъ-Кучукъ;—но мы теперь настолько сильны, что можемъ договариваться открыто, не боясь никого.

Это разногласіе въ правительственной турецкой средѣ имѣетъ весьма важное значеніе для Россіи, и слѣдуетъ помнить, что Саидъ-Кучукъ состоитъ теперь предсѣдателемъ слѣдственной коммисіи, т. е. облеченъ наибольшимъ довѣріемъ султана. Это даетъ основаніе думать, что рано или поздно Саидъ восторжествуетъ надъ проектами Садыка и успѣетъ попробовать свою политику торга.

16-го (28-го) мая.

Старѣйшій и неспособнѣйшій членъ нынѣшняго турецкаго кабинета, военный министръ Иззетъ-паша уволенъ въ отставку. На мѣсто его назначенъ тотъ, про чьи интриги я разсказывалъ мѣсяцъ назадъ, знаменитый по непопулярности старшій зять султана Махмудъ-Джелиль-Эддинъ-Дамадъ-паша. Это тотъ самый государственный мужъ, который управлялъ Турціей во время послѣдней войны, грабилъ казну и не позволялъ Гамиду искать примиренія съ Россіей. Наконецъ, это тотъ Махмудъ-Дамадъ-паша, который впродолженіе всей войны аккуратно запасался совѣтами англичанъ, и онъ же впустилъ чрезъ Дарданеллы первый британскій броненосецъ. На сестрѣ Дамада женатъ, какъ я уже писалъ, Саидъ-паша-инглезъ, бывшій морской министръ, нынѣ оберъ-шталмейстеръ дворца. Съ появленіемъ снова на

политической аренѣ Дамада, надо ждать открытія карьеры и для Саидъ-инглеза; какъ разъ въ день назначенія перваго военнымъ министромъ, второму Гамидъ поднесъ бриллiантовый орденъ Османіе. Дамадъ-паша хотя и не обладаетъ способностями, достаточными для высокаго государственнаго поста, но зато имѣетъ деспотическій характеръ, не терпящій противорѣчій; къ этому качеству слѣдуетъ прибавить полное отсутствіе какихъ либо нравственныхъ принциповъ, могущихъ задерживать злую волю, и опытность въ придворныхъ интригахъ, которыя для него особенно легки, благодаря близкому родству его жены съ фамиліей султана. Вслѣдствіе этого министерству Садыка предстоитъ неминуемо два пути: или подчиниться воззрѣніямъ Дамада-паши и разыгрывать роль его рабовъ, или сойдти со сцены, уступивъ Дамаду президентство, а его друзьямъ—портфели. Послѣдній исходъ вѣроятнѣе, а потому надо ждать радикальныхъ перемѣнъ въ кабинетѣ министровъ, — хотя эти перемѣны теперь уже не будутъ имѣть никакого важнаго значенія—Дамадъ-паша выдвинулся впередъ и въ его личности заключается вся суть будущей политики. Какой же?

Личность Дамада, какъ типа, на столько интересна сама по себѣ, что и помимо этого вопроса стоитъ посвятить ему нѣсколько строкъ. Такіе индивидумы выростаютъ и выдвигаются впередъ только тамъ, гдѣ государственная жизнь строго и рѣзко разграничила все населеніе страны на платящихъ, управляющихъ и недовольныхъ. При такомъ порядкѣ вещей человѣкъ безъ души и таланта, попавшій случайно на дорогу бюрократической карьеры, дѣлаетъ обыкновенно быстрые шаги. Люди бюрократическаго педантизма и рутины всегда принимаютъ бездушіе за умъ, а безталанность за благоразуміе. Человѣкъ сознаетъ, что онъ обязанъ счастіемъ этимъ двумъ отрицательнымъ качествамъ своей души и головы и старается о развитіи ихъ. Достигая крупнаго чина, человѣчекъ готовъ—онъ совсѣмъ лишился

даже тѣхъ добрыхъ инстинктовъ и той логики, которые добрая природа удѣляетъ хоть въ маленькой дозѣ самому негодному своему созданію. Человѣчекъ становится гордъ, безсердечно глупъ съ важнымъ видомъ; однимъ словомъ, превращается въ самаго опаснаго двуногаго, который имѣетъ всегда больше права на висѣлицу, чѣмъ самый отъявленный злодѣй. Свѣжіе люди, встрѣчаясь съ такой личностью, чувствуютъ невольное омерзѣніе; а такъ какъ человѣчекъ, добывъ важный постъ, уже не стѣсняется въ выраженіи своего невѣжества и глупости при простыхъ смертныхъ, то послѣдніе сразу раскусываютъ такихъ кастратовъ мысли и слава «глупаго» растетъ съ каждымъ часомъ. Но падишахъ и паши-сотоварищи, видя человѣчка въ работѣ, созерцая какъ онъ претъ все безъ разбора, какъ онъ валитъ все направо и налѣво, не обращая вниманія что и кто на пути его—мертвое или живое тѣло, проникаются къ человѣчку страхомъ, который въ этихъ исключительныхъ сферахъ общества замѣняетъ уваженіе. Безотвѣтность платящихъ и недовольныхъ даетъ широкій просторъ деспотизму дурака, и всѣ, видящіе его побѣдоносное шествіе, убѣждаются въ его силѣ характера, непоколебимости и пр. качествахъ. Султанъ охотно ввѣряетъ ему свою жизнь, а паши испуганно подбираютъ полы своихъ мундировъ и спѣшатъ уѣхать подальше съ дороги этого въ своемъ родѣ желѣзнаго человѣка. Дамадъ принадлежитъ къ этому типу и составляетъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ образчиковъ послѣдняго, какъ по своей біографіи, такъ и по душевнымъ своимъ качествамъ. Первымъ его дѣломъ по вступленіи въ должность былъ докладъ Гамиду о необходимости судить замѣшанныхъ въ чараганской исторіи военнымъ судомъ, на основаніи осаднаго положенія столицы. Султанъ конечно и не подумалъ, что подсудимые не посмѣли бы даже пискнуть о протестѣ, еслибъ Дамадъ порѣшилъ судить ихъ на основаніи какого-нибудь колесовательнаго положенія, и что потому изощреніе строгости на счетъ закованныхъ въ кандалы есть лишь

доказательство глупой безсердечности. Падишаху приходила во время доклада другая мысль: «вотъ, дескать, какой у него характеръ, какая энергія, какая рѣшительность!» Дамадъ изберетъ самыхъ кровожадныхъ судей и заставитъ ихъ постановить массу смертныхъ приговоровъ, будетъ настаивать, чтобъ султанъ утверждалъ вердикты, и весь дворецъ будетъ отъ него въ восхищеніи: «вотъ, дескать, богатырская сила воли, не поддающаяся человѣческой слабости къ снисхожденію и добротѣ!» Этотъ Дамадъ давалъ Сулейману приказъ занять шибкинскій перевалъ «во что бы то ни стало»; онъ приказывалъ Мухтару-пашѣ идти на Тифлисъ, а Мегемету-Али-пашѣ отрѣзать русскую армію отъ Дуная. Еще раньше Дамадъ писалъ ех-муширу истребить всѣхъ черногорцевъ. Что же будетъ дѣлать теперь это величіе ничтожества? Онъ не одобряетъ хитросплетеній Садыка, подготовляемыхъ къ европейскому ареопагу; по своей натурѣ, онъ противъ всякихъ сложностей, и потому скорѣе соглашается съ мнѣніемъ Саида-Кучука о необходимости вступить въ переговоры и торгъ съ русскими и англичанами. Вслѣдствіе этого онъ громко разсуждаетъ, что лучшее время для торга потеряно, что надо торопиться и т. д. «Если же мы не успѣемъ ничего сдѣлать и теперь, то пусть Европа попробуетъ прогнать насъ въ Азію. Обсуждать и рѣшать на словахъ легко, только хватитъ ли у Европы желанія облить своею кровью весь Балканскій полуостровъ, чтобы привести въ исполненіе свои проекты? Ха, ха, ха»!—заключаетъ Дамадъ свой взглядъ на будущій конгрессъ.

Слушая эту наглую рѣчь, я прихожу къ убѣжденію, что если Дамадъ смогъ довести русскую армію до Адріанополя, то точно также его хватитъ для принесенія въ жертву послѣдняго турецкаго солдата, прежде чѣмъ онъ согласится упустить изъ своихъ рукъ власть и государственную казну.

Возвышеніе Дамада имѣетъ значеніе и для главнаго полководца Турціи — Османа-паши. Всѣмъ извѣстно, что псевдо-плевненскій герой признавалъ причиною своего плѣ-

нenія нераспорядительность и глупость Высокой Порты, а послѣднею въ то время завѣдывалъ съ безграничной властью Дамадъ-паша. Такимъ образомъ, слѣдуетъ думать, что зять султана теперь изыщетъ средство отмстить за упреки Осману. На такое желаніе указываетъ слухъ, что Фуадъ-паша увольняется отъ должности командира 3-го корпуса, съ назначеніемъ начальникомъ дворцовой гвардіи, т. е. на то мѣсто, занимаемое пока Османомъ, которое даетъ послѣднему возможность часто видѣться съ султаномъ.

«Чего же смотрятъ англичане?»—спроситъ читатель моихъ корреспонденцій, научившійся вмѣстѣ со мной уважать энергію и трудолюбіе нашихъ враговъ-дипломатовъ. Представители Британіи въ Константинополѣ крайне недовольны поведеніемъ Салисбюри, по выраженію ихъ—«аристократическаго флюгера». Лэйардъ написалъ Биконсфильду собственноручно рапортъ на 6 листахъ, доказывая необходимость дѣйствовать быстро и энергично, грозя отставкой, если его мыслей не раздѣляетъ кабинетъ. Въ ожиданіи отвѣта, англійскій посолъ заперся въ Терапіи, побывавъ предварительно во дворцѣ и у Садыка, гдѣ повторилъ увѣреніе, что Англія продолжаетъ заботиться о существованіи Турціи и вынудитъ Россію уйдти за Балканы.

Простите меня, что я посвятилъ цѣлое письмо личности Дамада — послѣ Мидхата онъ единственый государственный дѣятель Турціи, имѣющій право быть упомянутымъ въ исторіи, какъ геній зла мусульманскаго царства.

17-го (29-го) мая.

Картина чисто въ турецкомъ вкусѣ: въ полуобгорѣлой Высокой Портѣ засѣдаетъ совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ Садыка-паши. Президентъ старается пояснить своимъ сотоварищамъ сущность предполагаемыхъ имъ реформъ. Уже поздно; часы бьютъ $8^1/_2$ вечера. Въ Гильдизъ-Кіоскѣ въ золоченой бархатной мебели сидятъ трое—Гамидъ и два Саида; они также держатъ совѣтъ.

Наконецъ по улицѣ скачетъ адъютантъ падишаха; растворяются двери Высокой Порты, и Садыкъ-паша прерванъ на полусловѣ.

— Его величество падишахъ прислалъ меня потребовать отъ васъ государственную печать,—говоритъ входящій адъютантъ, обращаясь къ предсѣдателю совѣта.

— Значитъ, я смѣненъ?—спрашиваетъ поблѣднѣвшій отъ неожиданности Садыкъ.

— Да,—отвѣчаетъ адъютантъ Османъ-бей и, повертываясь къ членамъ совѣта, продолжаетъ:—Вамъ его величество приказываетъ остаться здѣсь и ждать его распоряженій.

Страхъ общій. Черезъ боковую дверь незамѣтно исчезаютъ Садыкъ и другіе наиболѣе боязливые паши. Адъютантъ остается на подъѣздѣ, какъ бы охраняя его. Проходятъ томительные полчаса. Раздался звукъ копытъ, и на дворъ Порты влетаетъ другой всадникъ.

— Вотъ гатти его величества, которымъ назначается Мехмедъ-Рушти-паша великимъ визиремъ. Его величество приказываетъ немедленно исполнить церемонію возведенія Мехмеда въ новый санъ.

— Но теперь уже девятый часъ!—замѣчаютъ министры.

— Его величество такъ приказалъ.

Читаютъ гатти султана и ѣдутъ въ Гильдизъ-Кіос
Къ 10 часамъ все кончено, и казенный пароходъ ра
зитъ удивленныхъ пашей по ихъ дачамъ на Босфорѣ.

Обратимся къ объясненію происшедшаго.

Садыкъ-паша, изобрѣтя описанное мною средство пр
вести конгрессъ, началъ выказывать нѣкоторую долю самостоятельности, держась упорно своихъ плановъ и опровергая всѣ чужія комбинаціи, направленныя къ той же цѣли. Я уже характеризовалъ личность Дамада, какъ сухую, деспотическую, нетерпящую, чтобъ кто нибудь около его могъ «свое мнѣніе имѣть». Такимъ образомъ, наступила необходимость смѣнить Садыка. За это дѣло взялись два

Саида, одинъ по родству съ Дамадомъ, другой—ради своихъ цѣлей. Чараганская исторія и пожаръ Высокой Порты послужили достаточными мотивами къ возбужденію недовѣрія султана къ первому министру. Интриганы конечно не замедлили раздуть и преувеличить многое, и запугали ничего невѣдающаго представителя на землѣ всевѣдущаго небеснаго Бога и довели свою жертву до такого состоянія, что онъ рѣшился все передѣлать сейчасъ, сію же минуту. Произошли вышеописанныя сцены въ засѣданіи министровъ, нарушающія приличіе, законъ и обычай. То, другое и третье повелѣваетъ смѣнять должностное лицо, а тѣмъ болѣе важное по занимаемому имъ сану, никакъ не во время отправленія имъ своихъ оффиціальныхъ обязанностей. Напримѣръ, во время царствованія Абдулъ-Азиса, огромная толпа народа окружила зданіе Высокой Порты и съ оружіемъ въ рукахъ требовала смѣны и выдачи головой великаго визяря Мехмедъ-Наддимъ-паши, прозваннаго за его сочувствіе къ русскимъ Мехмедовымъ; султанъ тогда объявилъ публично, что онъ не можетъ смѣнить чиновника, пока онъ находится на мѣстѣ службы. Сама толпа вспомнила про существованіе этого закона, разошлась, и Мехмедъ спокойно вышелъ изъ Порты; только тогда появился приказъ объ его отставкѣ. Затѣмъ никто изъ монарховъ не рѣшится публично порицать своего перваго помощника, такъ какъ это значитъ порицать самого себя. Между тѣмъ Гамидъ въ своемъ гатти не только не упомянулъ о благодарности Садыку, но выразился объ отставкѣ послѣдняго слѣдующей загадочной и обидной фразой: «Бу дефа Садыкъ пашининъ инфисали», т. е. «я отдаляю отъ себя Садыкъ-пашу» *). Вообще гатти имѣетъ весьма странное содержаніе: вопервыхъ, въ немъ такъ сильно напирается

*) Оффиціальный переводъ гатти на французскій языкъ, какъ приготовленный очевидно для Европы, невѣренъ и потому я разбираю подлинный гатти, писанный по-турецки.

на охраненіе прерогативъ султана, что употреблены даже два синонима для обозначенія какихъ именно правъ добивается падишахъ; такъ, въ гатти сказано: «охраненіе всѣхъ (есъ-херджіетъ) вполнѣ (те ма мене) священныхъ правъ султана, истекающихъ изъ закона (конупъ)»; затѣмъ прежде употреблявшіяся обычныя въ конституціонныхъ государствахъ слова «отечество» замѣнено: «наша имперія» и мѣстоименіе «нашъ» (мызъ) (султанъ говоритъ про себя во множественномъ числѣ) придано даже къ слову «конституція». Во французскомъ переводѣ гатти слово «конституція» упомянуто невѣрно и не на мѣстѣ; говоря о всѣхъ полныхъ священныхъ прерогативахъ, султанъ не упоминаетъ конституціи, а говоритъ просто о законѣ; въ концѣ же гатти есть слово «кануни-эссааси», которымъ выражается по-турецки всякое законодательное изданіе; такимъ образомъ, судя по началу гатти, скорѣе можно предполагать, что подъ «кануни-эссааси» султанъ подразумѣвалъ законъ по шерифу, а не основы парламентскаго порядка. Общественное мнѣніе видитъ въ содержаніи гатти признакъ возвращенія къ старому деспотизму. Будущее отвѣтитъ, справедливы ли эти ожиданія. Мы же обратимся къ слѣдующему вопросу—кто такой Мехмедъ-Рушти-паша?

Уже пожилой офицеръ, Мехмедъ-бей, во время крымской кампаніи, состоя прикомандированнымъ къ французской арміи, научился французскому языку и французскимъ военнымъ порядкамъ. Тотчасъ послѣ мира онъ принялся за переводъ на турецкій языкъ лучшихъ французскихъ сочиненій того времени объ организаціи и обученіи войска. До той поры въ турецкой литературѣ не было ни одного труда, посвященнаго европейской арміи, и турецкое войско имѣло своеобразную организацію. Переводъ этихъ книгъ доставилъ Мехмеду извѣстность. Турецкая армія начала учиться по европейскому образцу и усвоила себѣ изобрѣтенные Мехмедомъ военные термины, недостававшіе прежнему турецкому языку. Мехмедъ пошелъ въ гору и достигъ званія

великаго визиря. На этомъ постѣ застала его революція, направленная противъ Абдулъ-Азиса. Мехмедъ палецъ о палецъ не ударилъ, чтобъ спасти повелителя, которому онъ былъ обязанъ своимъ повышеніемъ. Во все время кратковременнаго царствованія Мурада, Мехмедъ безслѣдно оставался въ званіи великаго визиря. Онъ долго не соглашался съ Мидхатомъ въ необходимости замѣнить заболѣвшаго сюзерена Гамидомъ. Когда же узналъ, что Мидхатъ-паша распространяетъ въ народѣ извѣстіе о болѣзни султана и готовитъ своихъ неизмѣнныхъ сотрудниковъ-софтовъ къ насильственному перевороту, то Мехмедъ тайкомъ пробрался къ Гамиду и объявилъ ему свое намѣреніе замѣстить имъ Мурада. Такимъ образомъ, Мехмедъ сохранилъ за собой визиріатъ и при третьемъ султанѣ, смѣстивъ въ своей жизни двухъ повелителей, изъ которыхъ одинъ погибъ отъ ножницъ, другой, какъ говорятъ, при помощи чашки кофе. Теперь Мехмеду слишкомъ 80 лѣтъ, но онъ еще бодрый и здоровый старикъ. Умѣя быть со всѣми въ ладу, зная про всѣ интриги и намѣренія всѣхъ партій, онъ то устраняется отъ дѣлъ, то снова появляется во дворцѣ, смотря по обстоятельствамъ, благопріятствующимъ тому или другому образу дѣйствій. Наживши милліоны, онъ отказывался до сихъ поръ отъ всякой службы и не принялъ дважды предлагаемое ему мѣсто перваго министра. «Я могу быть великимъ визиремъ,—другой службы я не возьму»,—говорилъ онъ султану и своимъ знакомымъ. Благодаря тому, что онъ всегда умѣлъ во-время молчать и показывать видъ, что онъ ничего не видитъ и не слышитъ—всѣ, за исключеніемъ Мидхата, любятъ его. Эти качества указали интригамъ Дамада и Саидовъ на Мехмеда, какъ на удобнѣйшаго визиря для смѣны Садыка. «Быть по сему», — отвѣтилъ султанъ—и разсказанное совершилось.

Стоитъ ли теперь говорить еще о мнѣніяхъ и политическихъ убѣжденіяхъ Мехмеда? Конечно нѣтъ, еслибъ за этими разсказами не скрывалось кой-что постороннее. Не-

дѣлю тому назадъ, одинъ изъ европейцевъ сидѣлъ въ гостяхъ у Мехмеда, тогда еще министра безъ дѣла и портфеля. Разговоръ шелъ о перспективѣ будущаго Порты.— «Я—сказалъ Мехмедъ—убѣжденъ глубоко, что возрожденіе Турціи можетъ совершиться лишь тогда, когда Англія, освободивъ насъ отъ русскихъ, возьметъ на себя трудъ привести въ порядокъ наши финансы и нашу администрацію. Намъ нужны учителя, и таковыми могутъ быть только англичане, такъ какъ только ихъ знаетъ, любитъ и уважаетъ нашъ народъ».

Повторяя это мнѣніе старика, высказанное имъ не разъ, здѣсь полагаютъ, что возведенію Мехмеда въ санъ великаго визиря немало помогъ Лэйардъ, который знать не хочетъ о конференціи и готовитъ Порту къ обращенію ея въ британскую провинцію. Что же станется съ проектами Садыка?

Вспоминая его гордую осанку, расшитый золотомъ мундиръ и повелительный взглядъ, я смѣюсь: сколько невыразимаго комизма во всѣхъ этихъ Садыкахъ!

XXI.

Переговоры объ очищеніи Шумлы и Варны. — Усиленіе возстанія въ Родопскихъ горахъ.—Константинопольскій комитетъ для вербовки инсургентовъ и денежная помощь англичанъ.—Слѣдствіе о чараганскомъ происшествіи.—Усиленная отправка эмигрантовъ въ Малую Азію. — Признаки паденія мусульманизма въ его инертной формѣ.—Переѣздъ русскаго посольства на дачу въ Буюкдере.—Отъѣздъ въ Филиппополь кн. Дондукова-Корсакова и членовъ гражданскаго управленія Болгаріи.—Перемѣны въ прѣдполагавшейся организаціи княжества.—Проектъ статистическихъ изслѣдованій. — Сочувствіе болгаръ къ русскимъ.—Происки грековъ и вражда ихъ къ болгарамъ.—Печальное положеніе Македоніи. — Отношенія русскихъ и турецкихъ солдатъ.—Противодѣйствіе Лэйарда усиленію дворцовой партіи.—Угрожающее письмо въ «Levant Herald».—Разговоръ Мехмета-Рушти съ султаномъ о возвращеніи Мидхата.

Константинополь, 18-го (30-го) мая.

Порта заявила нашему посольству, что она приказала приступить къ немедленному очищенію Шумлы и Варны; кромѣ написанной въ этомъ смыслѣ бумаги, Садыкъ-паша наканунѣ своего паденія далъ слово, что Турція честно исполнитъ это обѣщаніе. Срокомъ положено считать «какъ можно скорѣе», но Садыкъ-паша выговорилъ при этомъ условіе, что, во избѣжаніе всякихъ непріятныхъ столкновеній, русскіе займутъ крѣпости лишь по окончательномъ ихъ очищеніи турками. Послѣднее невольно напоминаетъ

мнѣ разсказъ одного оффиціальнаго лица объ обстоятельствахъ, давшихъ возможность организоваться родопскому возстанію.—Мы, говорило лицо—стояли южнѣе границъ будущей Болгаріи до заключенія мира; по подписаніи таковаго, мы отвели свои войска изъ округа Родопскихъ горъ къ сѣверу, держась границъ Болгаріи. Такимъ образомъ, цѣлый горный районъ, густо населенный мусульманами, остался совсѣмъ безъ властей—мы ушли, а турки еще не пришли». Такой грустный опытъ даетъ надежду, что въ Варнѣ уже не повторится исторія Родопа; а повториться она могла бы легко—желѣзнаи дорога поломана, русскія войска стоятъ въ 14-ти верстахъ отъ Шумлы, а между этой крѣпостью и Варной, по слухамъ, давно кой-кто мутитъ правовѣрныхъ и снабжаетъ ихъ оружіемъ. Не дай Богъ, если и тамъ разыграется что нибудь хоть бы и вдесятеро меньше, чѣмъ въ Родопскихъ горахъ, гдѣ возстаніе продолжаетъ усиливаться. Очевидная безполезность парламентерской дипломатіи съ вооруженными дезертирами уже заставила генерала Тотлебена послать въ непроходимыя горы нашу храбрую армію.

Родопское возстаніе, какъ оказывается, было поддерживаемо изъ Константинополя почти оффиціально. Въ первый же день пріѣзда сюда, князь Лобановъ-Ростовскій узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ извѣстной мечети Султана-Баязета ежедневно засѣдаетъ многолюдный комитетъ для вербовки инсургентовъ, отправки ихъ къ отрогамъ Родопа и сбора пожертвованій на возстаніе. Въ мечети произносились открыто письменныя рѣчи разныхъ интеллигентныхъ турокъ, въ которыхъ проповѣдывали мщеніе московамъ и святость борьбы съ ними; улемы тутъ же совершали публичныя молебствія, прося для возставшихъ помощи Аллаха. Князь немедленно далъ знать о томъ Садыкъ-пашѣ, и получилъ въ отвѣтъ завѣреніе, что министерству совершенно не было извѣстно о существованіи и дѣятельности такого комитета, и что теперь онъ,

Садыкъ-паша, приметъ самыя строгія мѣры къ закрытію комитета и наказанію участвовавшихъ въ немъ. Со времени этого разговора прошло дней 10, и на сцену явилось чараганское происшествіе. Всѣ арестованные по этому дѣлу эмигранты единогласно разсказываютъ слѣдующее: «Мы собирались каждый день въ мечеть Султана-Баязета и слушали тамъ рѣчи разныхъ лицъ и улемовъ, которые заклинали насъ взяться за оружіе и отправиться къ нашимъ братьямъ, возставшимъ противъ москововъ. Въ день чараганскаго происшествія мы также были въ этой мечети, и оттуда насъ повели ко дворцу, говоря, что намъ слѣдуетъ проститься съ падишахомъ». Итакъ, комитетъ существовалъ еще 10—12 дней послѣ того, какъ нашъ посолъ заявилъ о существованіи его Садыкъ-пашѣ. Предсѣдателемъ этого комитета, какъ говорятъ въ оффиціальныхъ сферахъ, былъ якобы убитый въ Чараганѣ Суави-паша. Интересно также прогуляться теперь по Стамбулу и заглянуть въ стеклянные ящички уличныхъ мѣнялъ. Видишь цѣлую кучу англійскихъ шиллинговъ и стерлинговъ, мирно разложенныхъ рядомъ съ русскими рублями, французскими наполеондорами и турецкими лирами.

— Откуда это у васъ столько англійской монеты? спрашиваемъ у испанскаго еврея-мѣнялы.

Здѣшніе евреи должно быть унаслѣдовали частичку испанскаго благородства, потому что они много симпатичнѣе нашихъ нѣмецко-польскихъ евреевъ.

— Все выходцы намѣняли—отвѣчаетъ мѣняла, хитро подмигивая въ сторону Мраморнаго моря.

Теперь добрая часть обогащенныхъ англійскими деньгами бѣдняковъ отправилась уже въ Азію, такъ какъ втеченіе одной недѣли со времени бунта въ Чараганѣ, изъ Константинополя вывезено до 30 тысячъ бѣглецовъ. Очевидно, что своя рубашка ближе къ тѣлу не только чужой, но и рубашки всего народа. Султанъ, изъ-за страха потерять престолъ и обрѣзаться ножницами, плюнулъ на

всѣ политическія комбинаціи и теперь повторяетъ только одно слово: «гоните ихъ, гоните скорѣе!» И гонятъ дѣйствительно съ замѣчательной энергіей, не справляясь куда сколько можно направить несчастныхъ и что ихъ ожидаетъ на новомъ мѣстѣ переселенія. Базары опять полны остатками прежняго богатства бѣглецовъ—продаются ожерелья, старинное оружіе и пр. Все идетъ за безцѣнокъ, за грошъ. Сидящіе въ тюрьмахъ перевозятся въ сераскеріатъ, такъ какъ Дамадъ подкрѣпилъ свое возвращеніе на арену государственной дѣятельности настояніемъ судить бунтовщиковъ по военнымъ законамъ. Поэтому и слѣдственная комиссія перебирается изъ Гильдизъ-Кіоска въ зданіе военнаго министерства. Подсудимые, которыми сначала интересовался Гамидъ, уже надоѣли падишаху; удостоившись милостиваго вниманія повелителя на цѣлую недѣлю, они теперь сдаются Дамаду, какъ матеріалъ для висѣлицы. Неизвѣстно только, многіе ли доживутъ до нея. Здѣсь не знаютъ европейскихъ «пристрастій» въ видѣ одиночнаго заключенія, пятичасового допроса и т. п. цивилизованныхъ слѣдственныхъ мѣръ; здѣсь попросту выбиваютъ изъ души искреннее признаніе средствами физическаго свойства—палками по спинѣ и пятамъ. Я думаю, что и предсѣдательство въ слѣдственной комиссіи перейдетъ въ руки Дамада-паши, такъ какъ ходитъ слухъ, что Саидъ-Кучукъ-паша назначается на мѣсто министра полиціи, занимаемаго теперь Мегемедъ-пашой.

Въ заключеніе, я полагаю не безъинтереснымъ передать сущность разговора нѣкоторыхъ европейцевъ съ главными улемами по поводу предположенныхъ правительствомъ реформъ. Я присутствовалъ при этомъ разговорѣ, и онъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе, хотя я и знаю, что въ милліонъ милліоновъ разъ легче говорить хорошо, чѣмъ дѣлать порядочно.

«Мусульмане и христіане, говорили намъ улемы, жили между собой всегда очень дружно, въ мѣстахъ удаленныхъ

отъ правительственныхъ центровъ. Вражда между ними началась съ того момента, когда правительство и его органы начали различать населеніе по вѣроисповѣданіямъ и своими произвольными дѣйствіями внушали подчиненнымъ понятія о неравноправности. Чтобъ поправить это, предпринимались реформы по европейскимъ образцамъ, но въ которыхъ всегда упоминалось не о гражданахъ имперіи, а о мусульманахъ и христіанахъ. Все это происходило оттого, что въ десяткахъ изъ 60,000 томовъ поясненій Корана заключаются постановленія, дающія преимущество исповѣдующему исламизмъ надъ райей. Пока невѣжественный народъ и правительство считаютъ эти толкованія Корана священными, до тѣхъ поръ никакіе гражданскіе законы злу не помогутъ. Слѣдовательно, намъ необходима не постройка новаго зданія, а сначала ломка стараго. Въ шерифѣ сказано: «основы справедливости вѣчны, а примѣненіе ихъ къ жизни обусловливается временемъ и обстоятельствами». На основаніи этого правила, продолжаютъ улемы, необходимо теперь же объявить, что всѣ толкованія Корана и истинно-священныхъ книгъ признаются потерявшими свою силу. Пусть народъ обратится къ чистому ученію Корана, и тогда христіане увидятъ, какъ много въ ученіи Магомета есть чисто евангельскихъ истинъ. Тогда и только тогда можетъ прекратиться враждебное отношеніе вѣроисповѣданій и будутъ прочными всѣ благія реформы». Конечно, всѣ эти разсужденія отзываются иллюзіей, но все же интересно узнать, что испытанія Турціи не пропали совсѣмъ даромъ для мусульманской интеллигенціи. Рѣчь улемовъ указываетъ на начало паденія мусульманизма въ его инертной формѣ и что взамѣнъ его на сцену жизни выступаетъ протестъ мысли—«расколъ».

Наше посольство вчера переѣзжало въ Буюкдере на дачу—это извѣстіе одинъ изъ крупныхъ вѣстниковъ мира. Такъ какъ Константинополь все еще находится въ паникѣ, навѣянной нашей главной квартирой и пробавляется

самыми баснословными предположеніями и разсказами, то я счелъ себя вынужденнымъ обезпокоить нашего посла своимъ визитомъ. Получасовая бесѣда съ княземъ подтвердила мнѣ полную справедливость всѣхъ симпатичныхъ отзывовъ о нашемъ представителѣ.

Санъ-Стефано, 19-го (31-го) мая.

Я только-что возвратился съ проводовъ экстреннаго поѣзда, увезшаго въ Филиппополь князя Дондукова-Корсакова и чиновъ гражданскаго управленія Болгаріи. Вмѣстѣ съ нашимъ комиссаромъ отправились—ближайшее лицо къ князю, бывшій болгарскій губернаторъ генералъ Домонтовичъ (авторъ извѣстнаго статистическаго описанія Черниговской губерніи); профессоръ Иванюковъ, завѣдующій статистическимъ бюро Болгаріи; г. Цѣнинъ, котораго, конечно, помнитъ Москва, какъ одного изъ лучшихъ своихъ мировыхъ судей — онъ будетъ управлять внутренними дѣлами княжества; г. Покоморевъ, бывшій екатеринбургскій протоіерей и гласный думы, зинимающійся теперь устройствомъ на новыхъ началахъ духовно-учебной части Болгаріи; гг. Баумгартенъ, Кюхельбекеръ и проч. Поѣздъ состоялъ изъ 5 вагоновъ и почти всѣ купе были полны ѣдущими на службу. Пожелавъ всѣмъ отъ души успѣха на новомъ историческомъ поприщѣ дѣятельности, на которой такъ опасенъ каждый промахъ и такъ важенъ каждый вѣрный шагъ, какъ способствующій возрожденію великой славянской семьи, я возвратился на свой бивуакъ, чтобъ передать вамъ свѣдѣнія, собранныя мною въ теченіи цѣлаго дня бесѣдъ, разговоровъ и споровъ.

Когда я писалъ въ послѣдній разъ о будущемъ Болгаріи, здѣсь былъ генералъ Анучинъ, а князь Дондуковъ-Корсаковъ еще оставался въ Петербургѣ. Тамъ, подъ вліяніемъ международныхъ разговоровъ конечно должны были измѣниться нѣкоторыя прежнія предположенія объ организаціи княжества. Эти перемѣны, впрочемъ, въ весьма

общемъ схезматическомъ видѣ были изложены въ инструкціи, данной русскому комиссару и привезенной имъ сюда.

Какъ въ виду спорности нашего положенія по южную сторону Балкановъ, такъ и для избѣжанія всякихъ толковъ враждебныхъ лагерей о русификаціи края, князю рекомендовано воздерживаться повозможности отъ реформаторской дѣятельности, наблюдая лишь за общимъ спокойствіемъ и правильнымъ отправленіемъ общественной и оффиціальной жизни по существующимъ уже узаконеніямъ. А такъ какъ предполагается вѣроятность несостоятельности Порты къ платежу ея контрибуціи Россіи и долговъ иностраннымъ кредиторамъ, то одна изъ заботъ русскаго гражданскаго управленія Болгаріи должна обратиться на экономію и собраніе нѣкотораго запаснаго фонда, хотя бы милліоновъ въ 25 звонкихъ рублей. Исполненію этой задачи сильно мѣшаетъ отсутствіе статистическихъ свѣдѣній не только о настоящемъ положеніи края, но и о его финансовыхъ силахъ за прошлое время. Горю полагаютъ пособить извлеченіями изъ прежнихъ турецкихъ финансовыхъ отчетовъ, составленіемъ программъ для статистическихъ изслѣдованій, которыми займутся администрація и центральное статистическое бюро. П. П. Семеновъ, уважаемый директоръ петербургскаго центральнаго статистическаго комитета, которому мы обязаны уваженіемъ Европы къ русской статистикѣ, обѣщалъ князю Дондукову-Корсакову прислать въ Филиппополь 5 или 6 чиновниковъ, хорошо знакомыхъ съ статистической счетной частью; затѣмъ, географическое общество также дало обѣщаніе пособить изученію новорожденнаго княжества деньгами и людьми. Исполненію послѣдняго проекта я не совсѣмъ довѣряю, зная, что въ территоріи русской имперіи есть еще по крайней мѣрѣ 5 Болгарій, куда не заглядывалъ до сихъ поръ ни одинъ членъ почтеннаго общества. Я уже говорилъ не разъ, какъ важно для нашихъ интересовъ поторопиться приготовить хоть какой нибудь отвѣтъ на гре-

ческо-турецкіе этюды послѣднихъ дней, доказывающіе преимущественную численность греческаго элемента по сю сторону Балканъ и подтверждаемые авторитетомъ турецкаго правительства, духовенства и ученыхъ обществъ (силлогосовъ). Недостатокъ во времени, людяхъ и средствахъ тормозилъ до сей поры вопросъ о собраніи русскими статистическихъ данныхъ Болгаріи и, какъ я вижу, впослѣдствіи дѣло ограничится статистикой административной. Конечно, при извѣстныхъ условіяхъ и при ученомъ содѣйствіи профессора Иванюкова эта статистика можетъ оказаться во сто кратъ вѣрнѣе греческо-турецкихъ данныхъ, но нашу вѣру въ нее не раздѣлитъ никто на Западѣ. Если теперь разсказываютъ, будто русская власть принуждаетъ грековъ записываться болгарами, будто она переселяетъ придунайскихъ болгаръ въ Румелію и т. д., то очевидно, что враги въ отвѣтъ на нашу оффиціальную статистику скажутъ съ привычной нахальностью: «ваши чиновники выдумали эти цифры!» Мы (слава Богу и за то) живемъ въ томъ вѣкѣ, когда вопросы о національности, цифровыя данныя имѣютъ огромное значеніе для общихъ выводовъ, а потому слѣдуетъ, мнѣ кажется, сыскать общественную опору для русской оффиціальной статистики Болгаріи; найти ее нетрудно — стоитъ учредить на манеръ греческихъ силлогосовъ, въ каждомъ санджакѣ статистическое бюро изъ мѣстныхъ жителей, которые бы и провѣряли въ положенный срокъ статистическія цифры, добытыя администраціей. Быть можетъ такія бюро не принесли бы существенной пользы дѣлу, но зато они придали бы оффиціальной статистикѣ авторитетъ безпристрастія. Вообще очень прискорбно, что мы досихъ поръ не имѣемъ почти никакихъ цѣльныхъ свѣдѣній о Болгаріи, что конечно и стыдно для всѣхъ насъ, и неудобно для русской власти въ княжествѣ. На дняхъ отсюда уѣхалъ въ Петербургъ полковникъ генеральнаго штаба Соболевъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей при покойномъ Черкасскомъ. Мнѣ разска-

зывали, что г. Соболевъ ежедневно записывалъ все, что ему, при сложной дѣятельности организатора, удавалось узнать о Болгаріи, что онъ повезъ эти обширныя замѣтки въ Россію и теперь занятъ приведеніемъ ихъ въ систему, предполагая издать обширный трудъ, посвященный описанію будущаго княжества. Г. Соболевъ заслужилъ здѣсь самую глубокую симпатію сослуживцевъ и уваженіе къ своей неутомимой дѣятельности; остается, слѣдовательно, пожелать ему успѣха въ заключеніи этой дѣятельности первымъ серьезнымъ литературнымъ трудомъ русскаго о современной Болгаріи.

Общая организація княжества по инструкціи князя Дондукова-Корсакова радикально измѣнена по сравненію съ прежними проектами. Вторичное собраніе, избранныхъ по закону о выборахъ, постановленному членами провинціальныхъ совѣтовъ на первомъ собраніи будетъ призвано написать конституцію, «руководствуясь лучшими образцами европейскихъ конституціонныхъ государствъ». Излишне объяснять какъ важно и отрадно это извѣстіе. Благодаря, вѣроятно, ему, первая богарская газета, издаваемая въ Трновѣ извѣстнымъ писателемъ Каравелловымъ, не подвергается цензурѣ и не имѣетъ залога. То же широкое право свободы слова предполагается дать независимому болгарскому органу въ Филиппополѣ. Другая газета столицы княжества, «Болгарско-Русскій Вѣстникъ», будетъ имѣть оффиціальный характеръ. Наконецъ, къ числу важнѣйшихъ документовъ переживаемаго нами времени надо отнести пространную записку князя Дондукова-Корсакова, въ которой весьма вѣскими и правильными соображеніями доказывается абсолютная невозможность управленія Болгаріи двумя или нѣсколькими комиссарами иностранныхъ державъ. Имѣя въ виду, что князь такъ недавно покинулъ Петербургъ, есть, кажется, основаніе думать, что выводъ этой записки не можетъ не быть солидарнымъ съ взглядами петербургскихъ оффиціальныхъ сферъ. Дай Богъ.

Между русской и европейской организаціей цѣлая пропасть. Мы внесемъ въ край нѣкоторую долю бюрократическаго элемента, дадимъ порядокъ, покой и русскій языкъ, какъ источникъ для пользованія нашимъ литературнымъ богатствомъ. И только. Европейская оккупація введетъ въ молодой не развращенный край тысячи поддонковъ буржуазнаго разврата; эти тысячи хищниковъ воспользуются неопытностью честнаго народа, заберутъ въ свои руки капиталы, промышленность и земли княжества и въ десятокъ лѣтъ съумѣютъ мѣстное населеніе обратить въ рабовъ пролетаріевъ, а парламентъ и власть въ орудіе эксплуататорства. Вотъ уже почему, помимо всѣхъ другихъ соображеній, была бы крайне нежелательна замѣна русской оккупаціи Болгаріи международной и вышеназванная записка князя Дондукова-Корсакова является отраднымъ фонтомъ, какъ дающая надежду, что Болгарія будетъ защищена отъ наплыва европейско-буржуазной саранчи. Объ исключеніи Румеліи изъ предѣловъ будущаго княжества никто не хочетъ и думать. Самая мысль о томъ оскорбляетъ честныхъ людей, ѣдущихъ помочь отъ всей души организаціи молодого края.

— Если Европа заставитъ Россію отказаться отъ Румеліи, мы всѣ примемъ болгарское подданство и всетаки останемся тамъ и сдѣлаемъ, что предполагаемъ исполнить теперь—всѣ болгары будутъ за насъ и не позволятъ никакимъ англичанамъ связать намъ руки и заткнуть рты! говорятъэти люди.

Дѣйствительно, сочувствіе болгаръ къ русскимъ—фактъ неопровержимый. Не смотря на смутное неопредѣленное время, до сей поры противъ Россіи раздался только одинъ болгарскій голосъ. Я не хочу называть его и только констатирую, что всѣ болгары единогласно заклеймили его позорнымъ именемъ измѣнника. Это достаточное наказаніе, если не за глупость, то за безтактность. Теперь не время для ссоры и обличеній. Мы стоимъ, окруженные врагами и всякій

поводъ къ охлажденію другъ къ другу—есть дѣйствительно измѣна. Настоящее время нуждается больше всего во взаимномъ довѣріи, дружбѣ и солидарности всѣхъ. Подождемъ. Настанетъ пора, когда будетъ можно спокойно вложить необсохшій мечъ въ ножны, тогда будетъ и позволительно, и обязательно взяться за перо и безпристрастно разобрать что дурно и что хорошо.

Теперь же, повторяю, все хорошо, что упрочиваетъ плоды нашихъ недавнихъ жертвъ, и все сплошь дурно, что мѣшаетъ или идетъ противъ этого упрочиванья...

Читалъ я сегодня и письма болгаръ изъ Македоніи. Невеселыя новости. Греческое духовенство, изощрившееся на поприщѣ политическихъ доносовъ на болгаръ, теперь неистовствуетъ. Оно предаетъ въ руки турецкой полиціи всѣхъ славянъ края, могущихъ по интеллигенціи или вліянію помѣшать эллинизаціи Македоніи. Аресты идутъ безъ конца и безъ счета. Куда вывозятся жертвы, что онѣ претерпѣваютъ — одинъ Богъ про то вѣдаетъ! Измученные, обезсиленные, съ исчезнувшей надеждой, что солнце свободы взойдетъ вслѣдъ за зарей, возвѣщенной С. Стефанскимъ договоромъ, подписаннымъ императоромъ могущественнѣйшей державы, болгары Македоніи поняли, что теперь идетъ вопросъ о ихъ жизни и смерти. Безправіе, поддерживаемое штыкомъ и тюрьмой, грозитъ поголовнымъ истребленіемъ. Протекція грековъ готовитъ нравственную смерть—элленизацію. Остается одинъ выходъ — унія. И вотъ, въ православной Македоніи, состоялось рѣшеніе братскаго племени — преклониться папѣ и просить его принять въ лоно котолической уніи доведенный до отчаянія славянскій народъ. И это не простой слухъ, не праздная фантазія, подхваченная на лету сухимъ хроникеромъ. Нѣтъ, это свѣдѣніе почерпнуто изъ самаго серьезнаго и самаго вѣрнаго источника и передаетъ вамъ его, читатель, человѣкъ, готовый дорого заплатить за то, чтобъ все это было неправдой. Трудно сказать, худшая или лучшая участь готовится той

части Румеліи, которая по заключяніи окончательнаго мира будетъ очищена отъ русскихъ войскъ. Турки и греки открыто говорятъ, что они не оставятъ въ живыхъ ни одного славянина; болгары всѣ поголовно собираются бѣжать вслѣдъ за отступающей русской арміей. И такъ, сколько слезъ, горя и крови готовитъ близкое будущее! И неужели нельзя обойти ихъ? Неужели Россія не имѣетъ ни права, ни силы, ни обязанности радикально обезпечить участь и жизнь славянскаго элемента этихъ провинцій?

Гдѣ же легче сбросить съ себя невеселыя думы, навѣваемыя этими вопросами, какъ не въ лагерѣ простыхъ добросердечныхъ героевъ русскаго народа? Какой тутъ кладъ, неисчислимое богатство сознанія собственной силы, великодушія, честности и ума! Бѣлыя палатки, костеръ на зеленой сочной травѣ, треножникъ, черный громадный котелъ, около него сидятъ на корточкахъ десятка два турецкихъ солдатъ и молча со смакомъ хлебаютъ щи. Русскіе солдатики стоятъ и съ добродушной улыбкой наблюдаютъ проявленіе турецкаго апетита.

— Кого это, братцы, угощаете?

— Турокъ, в. б., паши ихъ только кукурузой кормятъ, такъ мы ихъ приглашаемъ щи наши отвѣдать—все равно остаются.

— И часто угощаете ихъ?

— Да почти кажинный день, в. б. Они уже знаютъ въ какой часъ мы обѣдаемъ, сами и приходятъ.

— И ссоры никакой небываетъ между вами?

— Какая ссора, в. б.? Они и драться-то съ нами не будутъ. Мы тоже бываемъ у нихъ и спрашиваемъ,—а что, «достъ» какъ мы вздумаемъ Царьградъ брать, будешь препятствовать?—Нѣтъ, говоритъ, идите берите, мы съ вами сражаться не будемъ.

— Надуютъ!

— Ну, турокъ-то все ничего, честный народъ, не то что греки. Эти поганцы какъ придутъ, тотчасъ уворуютъ, что

плохо лежитъ, а турокъ никогда—поѣстъ и всѣ ложки назадъ возвратитъ.

— А если и надуетъ, такъ мы побережемся. в. б., заговорилъ другой солдатикъ; пускай только скажутъ намъ впередъ, когда надо на Царьградъ итти. Мы пойдемъ къ туркамъ въ ложементы, словно въ гости, безъ оружія, заберемъ тамъ ихъ ружья и скажемъ имъ—«ну, ребята, ступайте теперь къ намъ въ гости, въ Россію!» И имъ это будетъ очень пріятно, а мы, взявши безъ бою первую линію, въ 5 минутъ выгонимъ турка и со второй, и съ третьей!

Константинополь, 20-го мая.

Припомните мои недавнія письма, характеризовавшія личность и убѣжденія Дамада-паши, и вамъ будетъ вполнѣ понятно, что Лэйардъ не могъ остаться спокойнымъ зрителемъ возвышенія дворцовой партіи. Первая его попытка устранить истекающее изъ этого зло была направлена на уравновѣшеніе въ дворцовой партіи британскихъ представителей въ ней съ мусульманскими, т. е. возвысить Саида-инглеза; это удалось легко, но не совсѣмъ удачно. Султанъ дѣйствительно обратилъ милостивое око на Саида 1-го, возвелъ его въ санъ «бала»—гражданскій чинъ, соотвѣтствующій военному званію маршала — и только. Саидъ-инглезъ не сдѣлался министромъ. Подѣйствовать деньгами или разговорами на Мехмедъ-Рушти-пашу — праздная надежда. Визирь, дожившій до 80 лѣтъ, смѣнившій двухъ султановъ, награбившій милліоны и искусившійся во всѣхъ дипломатическихъ обманахъ, которыми такъ богата новѣйшая Турція, такой визирь—опасный другъ. Онъ все выслушаетъ, возьметъ все, что предлагаютъ ему, и—ничего не сдѣлаетъ. Его не пристыдишь, не испугаешь отвѣтственностью; на всѣ упреки глазомъ не моргнетъ. Но у всякаго есть свои слабости. У бодрыхъ стариковъ, богатыхъ и властныхъ, слабая струнка въ душѣ—боязнь смерти. Таковая водится понятно и у Рушти-паши. На нее и рѣши-

лись дѣйствовать. Вдругъ, какъ громъ изъ яснаго неба, посыпались въ кабинетъ великаго визиря анонимныя письма якобы отъ турецкихъ революціонеровъ, въ которыхъ сначала Мехмедъ-Рушти превозносится за его прежнія славныя заслуги отечеству, потомъ идутъ упреки, что онъ рѣшился связаться оффиціальными узами съ «подлецомъ» Дамадомъ и въ заключеніе угроза смертью, если старецъ не вступитъ на былой путь славы. При существованіи только карательной полиціи всякая угроза страшна. Мехмедъ смутился, и сталъ ѣздить по городу съ конвоемъ. Лэйардъ вызываетъ въ Терапію редактора «Levant Herald'a» и на другой день въ этой газетѣ появляется слѣдующая замѣтка:

«Мы получили—пишетъ редакторъ «Levant Herald'a»— слѣдующее злонамѣренное письмо, содержаніе котораго считаемъ не лишнимъ довести до свѣдѣнія министра полиціи; его превосходительство, можетъ быть, посмотритъ на это дѣло, какъ на достойное изслѣдованія»:

«Г. редакторъ! между тѣмъ какъ оттоманскій народъ, основывая всѣ свои надежды на Англіи, тщетно ищетъ средства сбросить съ себя иго, тяготѣющее надъ нимъ въ видѣ узурпатора, благодаря невѣжеству, близорукости и безграничному честолюбію котораго отечество повержено въ прахъ, и желая возвести на тронъ того единственнаго человѣка, пользующагося народнымъ довѣріемъ и имѣющаго возможность возродить свою страну и далеко подвинуть ее на пути прогресса и свободы, — мы съ величайшимъ удивленіемъ узнаемъ, что редакторъ «Levant Herald'a», журнала весьма уважаемаго въ Константинополѣ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать законамъ справедливости и правосудія, вмѣсто того, чтобы сочувствовать незаслуженному несчастію, вмѣсто того, чтобы сообразоваться съ великими принципами гласности, основанными на истинѣ,—допускаетъ возможность увлекаться ложными свѣдѣніями и такимъ образомъ дѣлаться редакторомъ рабскаго органа тиранніи

и тѣхъ, низкіе интересы которыхъ требуютъ извращенія истины.

«Мы удивляемся, повторяемъ, видя, что человѣкъ, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ и здравымъ смысломъ, кидается въ разставленныя ему козни и печатаетъ въ своемъ журналѣ статьи, противорѣчащія истинѣ,—напримѣръ, извѣстіе, что здоровье султана Мурада очень плохо и не даетъ надежды на выздоровленіе, между тѣмъ какъ всякому извѣстно, что ех-султанъ пользуется вполнѣ всѣми своими интеллектуальными способностями.

«Итакъ, мы васъ просимъ, г. редакторъ, во имя человѣчества, справедливости и вашей собственной совѣсти, исправить то, что вы напечатали, быть впередъ выше подобныхъ безчестныхъ инсинуацій и сдѣлаться честнымъ передателемъ въ печати желаній цѣлой націи. Только этимъ образомъ вы можете надѣяться быть честнымъ человѣкомъ и безпристрастнымъ журналистомъ.

«Въ противномъ случаѣ, мы не въ состояніи гарантировать васъ отъ непріятныхъ послѣдствій вашего сознательнаго ослѣпленія.

«Устами всей оттоманской націи».

Копія съ этого письма отдана въ полицію и будетъ, конечно, черезъ часъ въ рукахъ Мехмеда, который еще болѣе струситъ. Безъименная атака угрозами на людей съ характеромъ не дѣйствуетъ совсѣмъ, а безхарактерныхъ порой она повергаетъ въ паническій страхъ. Я уже разсказывалъ, что Мехмедъ-Рушти знакомъ со всѣми политическими партіями Турціи, т. е. знаетъ кто какъ думаетъ въ той средѣ, гдѣ вращается онъ самъ. Вслѣдствіе этого онъ обратился къ Фуаду-бею, сыну знаменитаго визиря Али-паши, съ вопросомъ:

— Что же я долженъ дѣлать? объясните, посовѣтуйте!

— Прогоните Дамата и возвратите Мидхада,—отвѣтилъ адъютантъ Гамида.

— Т. е. я долженъ подать въ отставку?

— Нѣтъ. Мидхатъ согласенъ занять мѣсто президента государственнаго совѣта; вы же останетесь великимъ визиремъ. Это единственный исходъ.

Старикъ, мѣнявшій султановъ такъ же спокойно, какъ свой халатъ, конечно, не боится гнѣва повелителя и съумѣетъ отвести его по направленію мимо. И вотъ великій визирь, безъ всякихъ предисловій, объявляетъ Гамиду слѣдующее: «Въ Турціи образовалась очень сильная партія, недовольная Дамадомъ, требующая его смѣны и призыва Мидхата. Количество недовольныхъ такъ велико, что я рѣшился доложить вамъ о томъ и чистосердечно предупредить, что я не ручаюсь за вашу безопасность, если вы откажетесь исполнить народную волю».

Читатель можетъ легко вообразить, какой музыкой раздались эти слова въ ушахъ Гамида—тѣмъ же тономъ и тотъ же человѣкъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорилъ Гамиду о предположеніи смѣнить Абдулъ-Азиса—и смѣнилъ; о смѣнѣ Мурада—и смѣнилъ. Въ отвѣтъ на такого вѣщателя нельзя просто разсердиться, прогнать—можетъ быть за первой дверью стоитъ уже новый подготовленный кандидатъ на тронъ.

— Я подумаю,—отвѣтилъ растерявшійся падишахъ.

— Рѣшайте скорѣе, в. в., и если откажете, то примите и мою просьбу объ отставкѣ. Я умываю руки,—прибавилъ старикъ, сознавая свою силу.

Осторожный Мехмедъ поспѣшилъ передать о своемъ разговорѣ мидхатистамъ, и такимъ образомъ явилась и для меня возможность передать его вамъ дословно.

Узналъ объ этомъ разговорѣ и городъ. Всѣ толкуютъ о немъ, и знакомые съ пашами одолѣваютъ ихъ визитами, чтобъ узнать рѣшеніе султана. Пока еще неизвѣстно ничего опредѣленнаго. Гамидъ имѣлъ совѣщаніе съ Дамадомъ, и этотъ господинъ горячо увѣрялъ своего патрона-родственника, что Мехмедъ лжетъ, и что онъ, Дамадъ, ру-

чается за спокойствіе трона и цѣлость особы падишаха. Итакъ, одно изъ двухъ: или Дамадъ превратится въ великаго визиря, или Мидхатъ пріѣдетъ въ Царьградъ. Въ первомъ случаѣ либеральные турки готовятъ coup d'etat и загадочно говорятъ: «вы увидите вещи невиданныя!» Я вѣрю ихъ угрозамъ—для Мидхата настало время «to be or not to be»; послѣ раздѣла Турціи онъ никому не будетъ нуженъ; слѣдовательно онъ долженъ торопиться и обратить подъ пули всѣ чужіе лбы, готовые подставить себя за него, благо что его собственный лобъ находится подъ охраной европейской полиціи за тридевять земель отъ падишахской власти. Между тѣмъ, трудно допустить, что Гамидъ согласится вызвать Мидхата; какъ дворецъ ни портитъ и ни коверкаетъ натуру человѣка, все же не можетъ онъ перевернуть ее вверхъ дномъ, а потому и въ душѣ султана должна быть нѣкоторая доля самоуваженія. Возвратить Мидхата равносильно дачѣ себѣ публичнаго оскорбленія дѣйствіемъ. Слѣдовательно мы въ качествѣ константинопольскихъ жителей весьма вѣроятно будемъ имѣть удовольствіе присутствовать при второй революціи. Теперь народъ едва ли кто потащитъ за собой. Турецкая революція народными руками обречена впередъ на неудачу. Народъ не созрѣлъ для такой дѣятельности и годится лишь для декораціи, для запугиванья тѣхъ, кто не знаетъ, что слѣдуетъ лишь выскочить къ этому народу и крикнуть покрѣпче: «на колѣни!» Главный и единственно рѣшительный актъ революціонно-турецкой драмы можетъ быть совершенъ лишь внутри стѣнъ дворца. Тамъ все способствуетъ успѣху—лучшіе друзья тамъ хуже враговъ; съ знаніемъ этикета вмѣсто души и ума, они не пожертвуютъ и кусочкомъ ногтя для спасенія или защиты своего властелина. Итакъ, будемъ надѣяться, а пока займемся маленькимъ счетомъ. За послѣднюю нѣдѣлю въ Константинополь прибыли: три транспорта изъ Варны съ 6 тысячами солдатъ; изъ Воло—2 парохода съ $3^1/_2$ тысячами таковыхъ

же; изъ разныхъ мѣстъ Азіи 8 пароходовъ съ 11 тысячами рекрутовъ; итого прибыло за 7 дней 20,500 солдатъ. Кромѣ обученія новобранцевъ, замѣтна только одна дѣятельность въ войскѣ — развозка военныхъ припасовъ по линіямъ укрѣпленій. У турокъ опять будетъ масса зарядовъ. Цѣлыя горы ящиковъ привозятъ во всѣ части ихъ войскъ. Изъ Измида мнѣ пишутъ отъ 18-го числа, что у броненосца «Темерера» испортился паровикъ и потому онъ будетъ посланъ для починки въ Ливерпуль, а мѣсто его замѣнитъ ожидаемый мониторъ «Monark». Черкесы, которымъ наскучило сидѣть сложа руки, занимаются грабежами и убійствами. Такъ, два дня тому назадъ, близь сел. Армаша, въ 8 километрахъ отъ Измида, найденъ убитымъ и ограбленнымъ мѣстный греческій негоціантъ. Офицеры и матросы эскадры совсѣмъ не сходятъ на берегъ, избѣгая заразы лихорадкой, свирѣпствующей въ окраинѣ залива. Письма моего корреспондента изъ Галлиполи аккуратно запаздываютъ на цѣлую недѣлю и доходятъ до меня въ измятыхъ конвертахъ—надо полагать, что ими интересуется нѣкто; между тѣмъ, въ нихъ особенно интереснаго и нѣтъ ничего. Постоянно приходятъ пароходы съ грузомъ угля, военнаго матеріала и съ миноносными лодками. Англичане не желаютъ, чтобъ кто нибудь считалъ доставляемое ихъ флоту, и потому разгрузку прибывшихъ для нихъ судовъ производятъ исключительно ночью. Контръ-адмиралъ Коммерель ѣздилъ въ Дарданеллы, гдѣ оставался два дня; часто посѣщаетъ турецкія укрѣпленія и вообще, какъ выражается мой корреспондентъ, «il prend un interet pour les turcs». Порта прислала въ Галлиполи двѣ тысячи кавалеріи и около 4-хъ тысячъ рекрутъ. Шоссе между Галлиполи и Булаиромъ окончено, и теперь весьма энергично работаютъ надъ устройствомъ удобныхъ сообщеній Булаира съ фортами Султана, Викторіи и Наполеона. Вотъ и все пока.

XXII.

Тревожное положеніе Константинополя. — Что говорятъ во дворцѣ, посольствахъ и въ народѣ. — Запрещеніе «Levant Herald».—Отставка Мехмеда Рушти и Дамада.—Назначеніе Савфета великимъ визиремъ.—Непріятное положеніе Лэйарда.—Двойственность въ эллинскомъ народѣ. — Нерѣшительность аѳинскаго правительства.—Проектъ кн. Дондукова-Корсакова объ условіяхъ возвращенія мусульманскихъ выходцевъ. — Открытіе дѣйствій противъ родопскихъ повстанцевъ. — Война или миръ?—Мѣры противъ злоупотребленій въ арміи.—Вредное вліяніе долгой стоянки.

Константинополь 22-го мая (3-го іюня).

Я НАХОЖУСЬ въ большомъ затрудненіи: чувствуется, что надъ Константинополемъ виситъ туча, готовая разразиться, а предсказывать, какъ и гдѣ она грянетъ—не желаю. Вслѣдствіе этого ограничиваюсь ролью простого повѣствователя.

Мехмедъ-Рушти-паша на другой день послѣ описаннаго мною разговора съ султаномъ, снова отправился во дворецъ. Гамидъ, завидя его карету издалека, выслалъ къ нему на встрѣчу адъютанта.

— Куда вы ѣдете?

— Въ Гильдизъ-Кіоскъ.

— Султанъ поручилъ мнѣ передать вамъ, чтобы вы не являлись къ нему безъ его приглашенія, — докладываетъ адъютантъ.

— Очень хорошо,—спокойно отвѣчаетъ старикъ, и приказываетъ кучеру ѣхать все-таки впередъ ко дворцу.

— Доложите султану, что мнѣ необходимо видѣть его,— приказываетъ Мехмедъ, входя на лѣстницу.

— Султанъ въ гаремѣ и доложить ему нельзя,—рапортуетъ камергеръ.

Мехмедъ повертывается и молча идетъ въ садъ. Тамъ есть маленькій павильонъ, называемый Мальта-Кіоскъ. Въ немъ сидитъ запертый со всѣхъ сторонъ ех-султанъ Мурадъ. Наружную дверь нѣсколько работниковъ обиваютъ листовымъ желѣзомъ; другая партія слесарей вставляетъ въ окна чугунныя рѣшетки.

— Ступайте вонъ,—говоритъ имъ Мехмедъ, и самъ входитъ въ кіоскъ.

Черезъ пять минутъ, великій визирь спускается по саду внизъ, ведя подъ руку Мурада. По дорогѣ имъ встрѣчается Неджибъ-паша, престарѣлый шефъ дворцовой музыки. Мурадъ узнаетъ его, останавливается и привѣтствуетъ.

— Простите, Неджибъ,—говоритъ онъ,—если я когда нибудь и чѣмъ нибудь обидѣлъ васъ!

— Аллахъ да сохранитъ васъ, в. в.! — отвѣчаетъ старикъ, пораженный неожиданностью встрѣчи и обращенной къ нему рѣчью падишаха.

Мехмедъ и Мурадъ благополучно достигаютъ нижнихъ воротъ парка, выходятъ на улицу, пересѣкаютъ ее и исчезаютъ въ Чараганскомъ дворцѣ. Немного погодя изъ дворца выѣзжаетъ карета и поднимаетъ въ гору къ Гильдизъ-Кіоску одного великаго визиря. Онъ опять входитъ во дворецъ и снова требуетъ, чтобы доложили о немъ Гамиду. На вторичный отвѣтъ — «нельзя» Мехмедъ спокойно проговариваетъ:

— Необходимо доложить — е. в. Мурадъ ушелъ изъ Мальты-Кіоска.

Гамидъ, конечно, принялъ Мехмеда, который подробно и точно разсказалъ ему свое похожденіе съ Мурадомъ.

— Какъ ты смѣлъ это сдѣлать?

— Ради спасенія вашей чести, в. в. Я знаю, что все происходящее во дворцѣ извѣстно народу, и я не хотѣлъ, чтобы народъ упрекалъ васъ въ устройствѣ тюрьмы для Мурада,—отвѣтилъ неумолимый старикъ, и тотчасъ же прибавилъ:—какъ рѣшили вы насчетъ возвращенія Мидхата-паши?

— Онъ не воротится, и я не желаю тебя видѣть.

— Я прошу отставки, в. в.

— Можешь идти.

Черезъ часъ послѣ этого разговора, всѣ мелочи его предупредительно были переданы Мехмедомъ нѣсколькимъ лицамъ, и сдѣлались достояніемъ толпы.

Теперь, читатель, сразу перейдемте на время въ салоны дипломатовъ. Одинъ изъ простыхъ смертныхъ сидитъ въ кабинетѣ графа Зичи и освѣдомляется у него о политикѣ дня.

— Англичане не могутъ допустить существованія нынѣшняго правительства Турціи,—говоритъ роскошный графъ;—они должны желать ко времени конференціи коренныхъ перемѣнъ въ политикѣ Порты, чтобы Россія чувствовала силу Англіи на Востокѣ.

Тотъ же простой смертный отправляется отъ Зичи къ французскому посланнику. Этотъ господинъ-католикъ не такъ близко заинтересованъ въ судьбѣ Турціи, какъ графъ, и говоритъ откровенно:

— Сначала призовутъ Мидхата, сдѣлаютъ конгрессъ, а потомъ начнутъ воевать. Смѣшно предполагать, что дѣло обойдется безъ войны.

Нѣкто пробирается въ фескѣ, какъ въ мечеть, въ англійскую посольскую дачу на берегу Терапіи. Тамъ поясняютъ ему:

— Нашъ Лэйардъ жить не можетъ безъ русскаго посланника князя Лобанова-Ростовскаго; свой стаціонеръ—пароходъ послалъ за княземъ, приглашая его къ себѣ на обѣдъ за просто. А что касается до Гамида, то ему не сдоб-

ровать. Пріѣдетъ Мидхатъ-паша и подъ именемъ полубольного Мурада заведетъ старую пѣсню.

Наконецъ нѣкто, пробирается по сосѣдству въ Буюкдере.

— Мы вотъ пари держимъ—будетъ война или нѣтъ,— говорятъ ему тамъ...

Читатель все узналъ, что говорится во дворцѣ и посольствахъ, перейдемъ же въ сераскеріатъ. Тамъ засѣдаетъ Дамадъ-паша въ качествѣ военнаго министра и главнаго охранителя персоны султана—beau-frere'а. Отсюда издаются слѣдующія приказанія: остановить составленіе обвинительнаго акта противъ Сулеймана, которому въ то же время сообщается, чтобъ онъ нетолько не безпокоился, но даже приготовился бы, въ случаѣ нужды, выдти и снова принять команду надъ войскомъ. За Османомъ-пашой посылали изъ сераскеріата сто разъ;—гази спрятался въ своемъ конакѣ и отвѣчаетъ на всѣ приглашенія: «я не политикъ, а военный; когда будетъ нужда—я выйду, а теперь не хочу выходить». Другой приказъ перевозитъ съ позиціи пушки въ Стамбулъ и къ Гильдизъ-Кіоску; въ городѣ устраиваются форты. Третій приказъ повелѣваетъ держать мостовую команду наготовѣ, чтобъ развести мосты, соединяющіе Стамбулъ съ Галатой, по первому приказанію. Этотъ Дамадъ тоже почувствовалъ грозу въ атмосферѣ. Вчера султанъ долго уговаривалъ его принять званіе великаго визиря—наотрѣзъ отказался. То же сдѣлалъ и Савфетъ-паша.

— Я не чувствую въ себѣ достаточно силы, чтобъ править страной въ столь тяжелую эпоху,—сказалъ несмѣняемый министръ.

— Садыкъ-паша, укравшій 30 тысячъ лиръ у Зарифи, такъ испортилъ внутреннее положеніе страны, что я не хочу принимать на себя отвѣтственнось за ошибки и подлость другихъ,—отвѣтилъ Дамадъ на просьбу султана.

Остается еще пойдти въ народъ, чтобъ узнать что говорятъ и тамъ.

— Выходцевъ здѣсь было слишкомъ 200 тысячъ; всѣхъ сразу не увезешь, толкуютъ въ мечетяхъ и школахъ.—Правительство погубило себя окончательно, вопервыхъ, назначеніемъ Дамада военнымъ министромъ,—Дамада, которому, справедливо или нѣтъ, народъ приписываетъ всѣ несчастія прошлой войны; вовторыхъ, безчеловѣчной высылкой эмигрантовъ. Теперь всѣ оставшіеся поневолѣ превратились въ революціонеровъ и предпочтутъ смерть отъ пули смерти отъ голода въ неизвѣстныхъ пустыняхъ. Погодите, быть можетъ завтра же Гамида не станетъ. Мехмедъ уже спасъ Мурада, и за то онъ останется великимъ визиремъ.

— Гамидъ вовсе не сынъ султана Меджида. Посмотрите на его лицо и сравните вотъ съ этимъ, этими членами султанской фамиліи (при этомъ показываются фотографическія карточки)—ни на кого не похожъ. А вотъ на этого похожъ (показывается фотографія армянина-носильщика), — какъ двѣ капли воды—похожъ *).

Такъ говорятъ на базарахъ и площадяхъ.

Наконецъ, мы въ остаткахъ Высокой Порты. Въ бюро сидитъ рядъ чиновниковъ. На столѣ ни одной бумаги.

— Что это у васъ такъ чисто сегодня?

— Да никто ничего не дѣлаетъ.

— Отчего же?

— Нестоитъ,—говорятъ.—Министры ждутъ, что Мехмедъ ихъ смѣнитъ и возьметъ мидхатистовъ, а мы... пользуемся случаемъ и—отдыхаемъ... Посмотрите-ка въ окошко—видите?

— Что это такое?—спрашиваемъ, смотря на нѣсколькихъ оборванцевъ, несущихъ по тюку револьверовъ.

— Раза по три въ день возвращаются въ магазинъ за новымъ оружіемъ — всѣ на базарахъ нарасхватъ раскупаютъ,—смѣются бюрократы.

---

*) Физіономія Гамида дѣйствительно типично-армянская и не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ другими членами фамиліи Османовъ.

Случалось ли вамъ, читатель, не зная гдѣ туча, чувствовать приближеніе грозы? Вы видите всѣ признаки ея, идете и не знаете навѣрно откуда она разразится огнемъ и громомъ, разразится ли, или подуетъ противный вѣтеръ и отодвинетъ грозовую тучу? Именно такова теперь атмосфера Константинополя и таково чувство, которое испытываемъ мы, его жители.

P. S. «Levant Herald» запрещенъ за письмо, переводъ котораго я включилъ во вчерашнюю корреспонденцію. Редакторъ продолжаетъ жить въ Терапіи и... весело смѣется.

24-го мая (5-го іюня).

Послѣ описаннаго мною разговора Мехмеда съ султаномъ, первый прислалъ просьбу объ отставкѣ. Во дворецъ немедленно призванъ Дамадъ-паша. Какой разговоръ онъ велъ съ Гамидомъ—неизвѣстно. Люди дворца утверждаютъ только, что падишахъ вечеромъ ушелъ въ гаремъ и не выходилъ оттуда до 8 часовъ вчерашняго дня. Оттуда же, изъ гарема, былъ посланъ въ Высокую Порту кафеджи—метръ-д'отель двора, съ приказаніемъ отобрать государственную печать отъ Мехмеда-Рушти. Въ то время въ Высокой Портѣ только-что началось засѣданіе совѣта министровъ, собирающееся въ виду «исключительныхъ обстоятельствъ» не два раза въ недѣлю, какъ бывало прежде, а три—по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Мехмедъ, узнавъ о миссіи дворцоваго ресторатора, положилъ печать на столъ и немедленно вышелъ изъ засѣданія. Черезъ часъ, т. е. въ 7 часовъ вечера, прибылъ Али-Фуадъ-бей (мидхатистъ), съ приказомъ возвести въ санъ великаго визиря Савфетъ-пашу. 65-тилѣтній старикъ-дипломатъ не повѣрилъ сначала истинности приказа—только третьяго дня онъ еще разъ отказался наотрѣзъ отъ визиріата. Однако, приказъ прочтенъ и сомнѣніямъ нѣтъ мѣста. Въ 9 часовъ вечера, съ музыкой во главѣ, министры поѣхали къ султану. Дамадъ-паша тоже

смѣненъ и на его мѣсто назначенъ Мустафа-паша, уже бывшій однажды военнымъ министромъ. Участникъ крымской кампаніи, губернаторъ многихъ вилайетовъ—Мустафа-паша принадлежитъ къ категоріи самыхъ безобидныхъ и неизвѣстныхъ людей. Въ гаттѣ султана, изданномъ по поводу перемѣнъ министровъ, открывается ларчикъ ихъ стимула. Всего четыре дня тому назадъ, въ приказѣ о назначеніи Мехмеда, Гамидъ исключительно заботился о сохраненіи своихъ личныхъ прерогативъ. Теперь же о нихъ ни слова; на первомъ планѣ конституція и реформы. Тогда диктовалъ Дамадъ, теперь, очевидно, руководилъ султаномъ Саидъ-Кучукъ, едва ли не собирающійся разъиграть роль Мидхата. Сегодня уже говорятъ съ достовѣрностью, что пошли снова въ ходъ проекты Садыка-паши и послѣдній будто бы уже предназначенъ въ делегаты Порты на конгрессъ. Прекрасный режимъ! Что касается до конгресса, то ходитъ слухъ о соглашеніи князя Лобанова-Ростовскаго и принца Рейса не передавать Турціи приглашенія на него до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ очищенія Шумлы и Варны. Я передаю этотъ слухъ, но самъ не вѣрю въ него и пе имѣю данныхъ подтвердить его.

Письмо «Levant Herald'а» произвело на султана глубокое впечатлѣніе. Кто-то догадался и объяснилъ Гамиду англійское происхожденіе этого посланія, и падишахъ выразился въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ о британцахъ вообще. Дали знать о томъ Лэйарду; тотъ немедленно прикатилъ въ Гильдизъ-Кіоскъ и тамъ разсыпался въ самыхъ искреннихъ увѣреніяхъ дружбы, любви и уваженія. Пользуясь этимъ, Гамидъ далъ приказъ выслать бывшаго редактора «L. Herald'а», г. Уитекера (онъ же корреспондентъ «Times'а») изъ Турціи. Противорѣчить при такихъ обстоятельствахъ было трудно, и Лэйардъ выразилъ полное согласіе на эту мѣру. Бѣдный Уитекеръ никакъ не ожидалъ такого сквернаго оборота дѣлъ, и теперь, скрываясь отъ турецкой полиціи, ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ сво-

его соблазнителя-протектора Лэйарда и обѣщается пропечатать всѣ нечистыя продѣлки знаменитаго дипломата. Я думаю, что Уитекеръ исполнитъ свое обѣщаніе, и мы узнаемъ, благодаря вышесказанной случайности, не мало курьезныхъ вещей по части восточной дипломатіи. Типографія «Levant Herald'а» опечатана и къ бюро редакціи поставлена стража.

Лэйардъ, побывавъ у Гамида и узнавъ, что Савфетъ-паша находится въ Чараганѣ, куда послалъ его султанъ провѣдать крѣпость замковъ, укрывающихъ опаснаго братца, тоже отправился въ Чараганъ—посмотрѣть на «надежду Англіи». Его, однако, туда не пустили. Возвращаясь назадъ, на дачу въ Терапію, онъ получилъ изъ Измида депешу, увѣдомляющую его, что тамъ арестованы пять нотаблей, у которыхъ найдены черкесскіе костюмы. Прочитавъ депешу и передавая ее секретарю, великій дипломатъ выразился такъ: «Это скверно!» Сегодня, вечеромъ, прибыло подобное же извѣстіе въ министерство. Оказывается, что въ Измидѣ былъ организованъ батальонъ черкесовъ, готовыхъ отплыть въ Константинополь для поддержанія чараганскихъ бунтовщиковъ. Шефы батальона всѣ арестованы; изъ нихъ трое турокъ, одинъ паша. Эти-то господа и запаслись черкесскимъ платьемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что батальонъ былъ организованъ съ вѣдѣнія и съ помощію англичанъ. Неизвѣстно пока, когда онъ долженъ былъ отправиться въ столицу. «Это скверно» Лэйарда относится конечно къ убѣжденію, что существованіе батальона бунтовщиковъ подъ бокомъ британской эскадры должно еще болѣе утвердить непріятное чувство султана къ Англіи. Вообще, надо сказать, что Лэйардъ сдѣлалъ промахъ — онъ слишкомъ поторопился переустроить Порту по-своему въ короткій промежутокъ до конгресса—и попался въ просакъ. Впрочемъ, человѣкъ энергичный, умный и преданный извѣстной идеѣ, хотя бы и ошибочной, непремѣнно рано или поздно достигаетъ пред-

положенной цѣли, когда имѣетъ для того средства въ рукахъ, и потому я полагаю, что Лэйардъ находится только во временно-непріятномъ положеніи. А положеніе затруднительно и съ другой стороны. Вѣсть объ англо-русскомъ соглашеніи и дѣятельность русскаго агента въ Греціи, г. Карокогеовскаго вразумили аѳинскую печать, и теперь въ ней нерѣдки рѣзкіе отзывы объ Англіи и горячія воззванія къ эллинскому уму, съ представленіемъ возможности безнравственнаго союза съ Турціей чрезъ посредство Англіи. Честные греки отрицаютъ всякую идею о такомъ союзѣ, считая его самымъ ужаснымъ позоромъ для «націи, призванной провидѣніемъ къ просвѣщенію и цивилизаціи Востока». Въ то же время протесты противъ русскихъ въ Болгаріи неудержимымъ градомъ сыпятся въ портфели иностранныхъ представителей. Такая двойственность въ эллинскомъ народѣ служитъ прямымъ доказательствомъ его незрѣлости. Его правительство, также колеблющееся изъ стороны въ сторону, очевидно стоитъ ниже той великой національной задачи, которая силою исторіи послѣднихъ годовъ сама напрашивается на разрѣшеніе. Рѣдкіе умные греки сознаютъ необходимость поставить греческій вопросъ ребромъ и разрѣшить его теперь же помощью оружія и конгресса съ тѣми выгодами для Греціи, которыя возможны при конкуренціи Россіи съ одной стороны и помощью Англіи — съ другой. Виляніе эллинской прессы и нерѣшительность аѳинскаго правительства, думается мнѣ, служатъ вѣрными показателями, что современная Греція не въ состояніи выступить на активную дѣятельность съ разумной и опредѣленной программой и цѣлью. Вслѣдствіе этого для нашихъ дипломатовъ есть обширное поле дѣятельности въ Греціи и греческихъ провинціяхъ Порты. Мы могли бы при нѣкоторомъ трудѣ весьма легко воспользоваться наступившей неопредѣленностью въ эллинизмѣ и приголубить его тѣми же приманками, которыя ему были обѣщаны Англіей, т. е. Ѳессаліей и Эпиромъ. Теперь Греція повѣрила бы намъ больше,

чѣмъ Великобританіи, подъ вліяніемъ разочарованія въ искренности послѣдней. Будемъ же надѣяться, что это удобное время не пройдетъ безслѣдно для нашей пользы. Всѣ разсчеты на Турцію давно уже канули въ Лету, и у насъ, кажется, нѣтъ никакого логичнаго основанія заботиться о царствѣ Гамида.

25-го мая (6-го іюня).

Вчера и сегодня отплыли отсюда 7 пароходовъ нагруженныхъ мусульманскими эмигрантами. Эта поспѣшная высылка, а также и родопское возстаніе не могли, конечно, остаться безъ вліянія на русско-турецкія комиссіи, занимающіяся возвращеніемъ бѣглецовъ въ Болгарію. Въ канцеляріи русскаго комиссара выработаны новыя правила для разрѣшеній эмигрантамъ возвращаться, а также и установленъ особый порядокъ для производства этого рода дѣлъ. Нѣтъ сомнѣнія, что возвращеніе мусульманскихъ выходцевъ не можетъ остаться безъ вліянія на будущее устройство княжества, а потому я полагаю небезъинтереснымъ привести цѣликомъ проектъ князя Дондукова-Корсакова, представленный на согласіе генерала Тотлебена. Бывшія двѣ комиссіи—одна для возвращенія мусульманъ, подъ предсѣдательствомъ 2-го драгомана посольства г. Макѣева, другая для водворенія бывшихъ сельскихъ болгаръ, подъ предсѣдательствомъ г. Лаговскаго, русскаго консула въ Кандіи—соединяются въ одну, причемъ предсѣдатель (г. Коченовскій, бывшій юрисконсультъ посольства) и 2 члена русскихъ назначаются гражданскимъ управленіемъ Болгаріи, а 1 членъ главной квартирой арміи; кромѣ того, должны присутствовать въ комиссіи 1 болгаринъ и 1 турокъ. Главнымъ принципомъ постановлено: «начать возвращеніе мусульманъ не раньше, чѣмъ всѣ сосланные и заключенные Портой болгары будутъ возвращены турецкимъ правительствомъ». Введеніе этого принципа дѣлаетъ большую честь составителямъ проекта. Я уже давно писалъ, что Порта не выпу-

скаетъ всѣхъ пострадавшихъ за національное дѣло болгаръ и въ доказательство называлъ по фамиліи нѣкоторыхъ болгаръ, еще находящихся подъ стражей. Теперь это признано правдой, и управленіе княжествомъ нашло весьма удобный путь къ настоянію, чтобъ Порта исполнила этотъ пунктъ санъ-стефанскаго договора. Право на возвращеніе имѣютъ только мусульмане, имѣющіе въ Болгаріи недвижимое имущество. Такое требованіе мотивируется броженіемъ османлисовъ въ Родопскихъ и Балканскихъ горахъ, къ которому, конечно, имѣетъ больше вѣроятности присоединиться мусульманинъ-пролетарій, чѣмъ таковой же собственникъ. Право такой собственности должно быть удостовѣрено актами. Каждая просьба мусульманина о дозволеніи возвратиться отсылается комиссіей предварительно мѣстному губернатору, который обязанъ произвести тщательное дознаніе, не участвовалъ ли просящій въ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ своихъ односельцевъ. Необходимость подобной предосторожности была указана опытомъ. По возвращеніи нѣкоторыхъ мусульманъ въ Болгарію, произошли двоякаго рода сцены. Нѣкоторые мусульмане оказались убитыми. Слѣдствіе показало, что эти господа-покойники занимались предъ утекомъ изъ Болгаріи грабежомъ и вѣшаніемъ христіанъ. Въ другихъ мѣстахъ къ губернатору являлись болгары и заявляли: «Ваше превосходительство, нынѣ возвратившійся изъ бѣговъ Абдулъ-Ага, годъ тому назадъ, изнасиловалъ мою дочь, повѣсилъ двухъ племянниковъ и ограбилъ всѣхъ насъ дочиста — мы не ручаемся за его безопасность...». Благоразумный губернаторъ принужденъ послѣ такого вѣскаго заявленія прибрать скорѣе храбраго мусульманина и выслать его немедленно административнымъ порядкомъ опять въ Константинополь, такъ какъ, въ силу высочайшаго повелѣнія, всѣ преступленія, совершенныя до 19-го февраля, не подлежатъ взысканіямъ по суду. Возвращеніе мусульманъ должно происходить исключительно на ихъ счетъ или при помощи турецкаго

правительства. Русская власть можетъ и должна помогать лишь болгарскимъ сосланнымъ. Я очень радуюсь этому принципу. Въ Константинополѣ давно уже процвѣталъ фальшивый взглядъ, будто русская честь требуетъ раздачи вспомоществованій всѣмъ инородцамъ. Рубли и меджидіи сыпались въ карманы не только мусульманскихъ, но — я самъ видѣлъ это — и англійскихъ проходимцевъ. Это совершалось въ то время, когда въ другихъ русскихъ посольствахъ и консульствахъ безъ всякой церемоніи рекомендовалось русскимъ подданнымъ умирать съ голоду. Помню, въ Парижѣ я сидѣлъ въ канцеляріи г. вице-консула Рюмина и слышалъ какъ этотъ уважаемый дипломатъ насмѣшливо говорилъ молодому русскому человѣку съ посинѣлой отъ голода физіономіей: «Ни франка не можемъ дать; какое намъ дѣло до васъ? Зачѣмъ ѣхали? и т. д.» Тотъ молодой человѣкъ былъ настоящій русскій, а здѣсь русскіе подданные греки и армяне, небывавшіе никогда въ Россіи и незнающіе ея языка, пользуются всѣми благами безотечественниковъ. Они имѣютъ въ консульствѣ совершенно безпошлинный судъ и, не неся никакихъ ни повинностей, ни податей, не платя ни прямыхъ, ни косвенныхъ налоговъ, въ случаѣ нужды, получаютъ еще помощь. Консульское судебное производство ведется исключительно на французскомъ языкѣ и вполнѣ даровое. Канцелярія его завалена работой и едвали имѣетъ въ своемъ обширномъ составѣ трехъ-четырехъ русскихъ служащихъ. Пора бы, кажется, подумать о тѣхъ совершенно напрасныхъ громадныхъ расходахъ, которые мы несемъ на пользу безполезныхъ своихъ здѣшнихъ соотечественниковъ, отличавшихся во время войны особаго рода патріотизмовъ—многіе изъ нихъ занимались поставкой провіанта для турецкой арміи.

Я невольно уклонился отъ первоначальной темы письма и снова возвращаюсь къ болгарскимъ дѣламъ. Родопское возстаніе, раздутое иностранцами до невѣроятныхъ предѣловъ, вступило во второй желанный фазисъ существованія.

Генералъ Тотлебенъ приказалъ преслѣдовать инсургентовъ. Получены уже донесенія съ двухъ различныхъ мѣстъ — съ сѣвера Родопскихъ горъ и съ юга. Про одно дѣло разсказывается такъ: русскій отрядъ приблизился къ лагерю возставшихъ, требуя удаленія ихъ. Инсургенты не послушались. Тогда полковникъ, командующій отрядомъ, открылъ огонь. Часа черезъ два, банда бѣжала, оставивъ 600 тѣлъ, уборкой которыхъ русскій отрядъ занимался два дня. У насъ ранено 8 человѣкъ. Другое дѣло было слѣдующее: невдалекѣ отъ Хаскіоя русскія войска, закрывъ легкую артиллерію, подскакали къ инсургентамъ. Послѣдніе, не видя пушекъ, поджидали непріятеля на вѣрный выстрѣлъ. Войска разомкнули—и посыпались гранаты. Около 150 инсургентовъ пало, остальные бѣжали въ горы, на югъ. У насъ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ.

Въ нашей арміи дѣла улучшаются. Болѣзни стали рѣже, а главное—начинается движеніе въ пользу отвѣтственности разныхъ командировъ, слишкомъ усердныхъ къ своему карману въ ущербъ солдатской жизни и военнаго интереса. Такъ, въ гвардейскихъ-артиллерійскихъ паркахъ недавно была произведена ревизія, показавшая, что несчастные солдаты получали отъ командировъ на содержаніе въ сутки всего 7 коп.; ревизія нашла у комиссаровъ говядину въ «ужасно испорченномъ видѣ» и т. д. Такіе порядки оказались въ 9 паркахъ, и говорятъ, что теперь Тотлебенъ приказалъ отдать подъ судъ командировъ-грабителей. Дай Богъ—такіе люди заслужили позора и казни, да и для многихъ другихъ это будетъ примѣромъ. Новый главнокомандующій составилъ проектъ устраненія мошенническаго товарищества по поставкѣ продовольствія войскъ, и теперь въ С.-Стефано ожидаютъ утвержденія этого проекта. Кромѣ того, ради пользы лошадей, въ конныя команды отпускается фуражъ натурой, а не деньгами. Нѣтъ сомнѣнія, что лошадки останутся довольны.

Санъ-Стефано, 27-го мая (8-го іюня).

Маленькая рѣчка, отдѣляющая Санъ-Стефано отъ Макрикіоя, оживилась. На обоихъ берегахъ тянутся безконечными линіями русскіе и турецкіе аванпосты. Ружья сложены въ козлы, солдаты лежатъ подъ тѣнью широковѣтвистыхъ деревьевъ; офицеры сгруппировались въ свой кружокъ. Часто черезъ убогій мостикъ идутъ турецкіе офицеры къ намъ въ гости, и заводится безконечный разговоръ на французскомъ языкѣ пополамъ съ мимикой. Отсюда уже незамѣтно никакихъ фортификаціонныхъ работъ турокъ. Они взрыли поблизости все, что можно было выкопать и накопать, и роются теперь далеко, вблизи самыхъ стѣнъ Константинополя. Чуть не сплошной прерывающейся и неправильной линіей, сообразно съ выпуклостями поверхности земли, турки устраиваютъ отдѣльные форты, вооружая пушками и населяя ихъ войсками, прибывающими съ запада—изъ Воло и Салоникъ. Земляныя торпеды играютъ не малую роль въ вооруженіяхъ. Мнѣ удалось два раза видѣть ихъ устройство и способъ укладки. Торпедо изображаетъ собой чугунный ящикъ величиной въ кубическій метръ съ продольными желобками сверху и съ боковъ. Онъ погружается въ яму глубиной метра въ два или нѣсколько больше и обкладывается со всѣхъ сторонъ толстымъ слоемъ камней. Затѣмъ накладывается дернъ, подъ которымъ идетъ проволока къ галванической батареѣ. На ровной мѣстности число подземныхъ торпедъ больше, чѣмъ но холмистой. Внутреннее содержаніе ихъ различно: однѣ наполнены особымъ взрывчатымъ веществомъ съ расположеннымъ верхнимъ слоемъ разрывной картечи; другія, мѣстнаго производства, просто насыпаны порохомъ и картечью въ мѣшечкахъ; тамъ же, наконецъ, гдѣ не хватило образцовыхъ чугунныхъ ящиковъ, вмѣсто нихъ зарыты деревянные ящики отъ патроновъ, обшитые въ кожу и наполненные мелкозернистымъ англійскимъ порохомъ. Изъ этого

описанія явствуетъ, что турецкія земляныя торпеды не тѣ, которыя изобрѣтены въ позапрошломъ году венгерцемъ Зайчевскимъ и испробованы Портой предъ началомъ русской кампаніи. Венгерскія торпеды признаны здѣсь слишкомъ дорогими и сложными. Вмѣсто ихъ нашъ бывшій плѣнникъ Османъ-паша изобрѣлъ другія и вѣритъ въ ихъ силу. По убѣжденію гази, которому принадлежитъ главная роль въ укрѣпленіи Плевно и теперь Константинополя, земляныя торпеды должны произвести на атакующихъ деморализующее вліяніе и затруднить имъ подступъ даже послѣ взрывовъ, такъ какъ почва сдѣлается неудобопроходимой. Несоглашающіеся съ этимъ взглядомъ Османа-паши полагаютъ напротивъ, что торпеды только измѣнятъ тактику атакующихъ, которые пойдутъ разсыпнымъ строемъ, потеряютъ отъ взрывовъ тысячъ 5—6 человѣкъ, и зато въ торпедныхъ ямахъ найдутъ для себя прикрытіе вблизи непріятеля. Новый фельдцейхмейстеръ Реуфъ-паша выказываетъ замѣчательную неутомимость. Видимо, онъ хочетъ своею дѣятельностью смыть съ себя названіе руссофила. Достовѣрныя извѣстія о происхожденіи его руссофильства слѣдующія: въ послѣднюю сессію турецкаго парламента Реуфъ-паша, какъ извѣстно, подвергался сильнымъ нападкамъ всѣхъ партій и вызывалъ своими некрасnорѣчивыми отвѣтами самыя оскорбительныя насмѣшки; въ Петербургѣ одно лицо сказало ему: «что такое ваша конституція, вашъ парламентъ? Никуда негодная, глупая и опасная комедія!» Оскорбленному парламентомъ Реуфу-пашѣ такъ понравилась эта фраза, что онъ, возвратясь въ Константинополь, вездѣ повторялъ ее, и почувствовалъ даже, быть можетъ, нѣкоторую симпатію къ русскимъ. Теперь онъ сошелся съ Саидъ-Кучукомъ, и уже проповѣдуетъ конституціоннизмъ.

Мегеметъ-Али и Османъ-паша производили вчера осмотръ всѣхъ турецкихъ позицій и прямо съ ревизіи поѣхали въ Гильдизъ-Кіоскъ съ рапортомъ султану.

Остановясь для отдыха и закуски въ Макрикіоѣ, они за бутылкой шампанскаго пили такой тостъ, провозглашенный Бэккеръ-пашой: «за здоровье гази Османа-паши, который въ короткое время нетолько довелъ турецкую армію до такой силы, что теперь столица и ея окрестности обезпечены отъ вторженія непріятеля, но и далъ возможность султану отбросить враговъ далеко отъ столицы!» Мегеметъ-Али-паша, подымая бокалъ, прибавилъ, улыбаясь: «вплоть до Адріанополя!» Османъ тоже улыбнулся и проговорилъ: «да, не дальше!» Этотъ восторгъ шовинизма объясняется убѣжденіемъ турецкихъ военачальниковъ, что подъ ихъ командой находится теперь втрое болѣе войска, чѣмъ можетъ сосредоточить противъ нихъ русскій главнокомандующій. Эта увѣренность такъ сильна въ османлисахъ, что надняхъ нѣсколько турецкихъ офицеровъ, придя въ гости къ русскимъ аванпостамъ, серьезно спрашивали: «Отчего вы не укрѣпляетесь? Вѣдь теперь вамъ на Константинополь и Босфоръ идти нельзя и наши навѣрно будутъ атаковывать васъ». Среди нашихъ войскъ также сложилось печальное убѣжденіе въ неисчислимыхъ трудностяхъ атаки на Константинополь и къ Босфору. Теперь только и слышишь горячіе упреки дипломатіи, помѣшавшей своевременно занять Галлиполи, столицу и Босфоръ. Турецко-французскія газеты, очень часто начинающіяся фразой: «посмотримъ, до какой степени униженія доведетъ Россію лордъ Биконсфильдъ»—производятъ большую сенсацію и вызываютъ длинные разсказы о тѣхъ лишеніяхъ, которыя пришлось перенести каждому во время кампаніи, чтобъ придти къ такому неожиданному результату... Вопросъ «война или миръ?» волнуетъ армію съ новой силой, какъ будто слово «конгрессъ» даетъ толчекъ еще въ большую тьму и хаосъ. Дипломатія говоритъ розно. Одни утверждаютъ, что 7-го числа (по н. с.) рѣшится вопросъ объ отступленіи русскихъ; другіе, напротивъ, говорятъ, что главной квартирѣ придется прожить въ Санъ-Стефано до ноября мѣсяца, такъ какъ, въ случаѣ мирнаго

исхода путаницы, отсюда будутъ высылаться войска на родину. Между офицерами ходитъ содержаніе депеши, полученной генераломъ графомъ Шуваловымъ отъ его брата, въ которой извѣстный дипломатъ выражаетъ надежду увидаться съ братомъ не позже, какъ черезъ два мѣсяца. Генералъ Тотлебенъ уже два раза ѣздилъ осматривать нѣкоторые русскіе лагери и, разсказываютъ, остался доволенъ выборомъ мѣстъ для нихъ. Количество больныхъ нѣсколько сократилось, но все-таки ихъ много. Прибывшіе врачи и сестры милосердія размѣстили свои лазареты въ десяткѣ обширныхъ палатокъ, разставленныхъ между лагерями. Выборъ для нихъ мѣста не всегда можно одобрить. Такъ, напримѣръ, одинъ госпиталь находится близь маяка, гдѣ зараженное городскими нечистотами море несетъ на берегъ невыносимые міазмы гнили. Разговаривая съ солдатами о Красномъ Крестѣ, я услышалъ весьма мѣткую характеристику русскаго простого человѣка объ этомъ учрежденіи: «домъ-то хорошъ,—говорятъ солдаты,—да хозяина въ немъ нѣтъ!» Русскій простолюдинъ, какъ извѣстно, подъ словомъ «хозяинъ» разумѣетъ «хорошаго домовладѣльца».

Проѣзжая по необозримымъ голымъ холмамъ окрестностей С.-Стефано, я встрѣчалъ массу казенныхъ подводъ съ сѣномъ. Главнокомандующій, замѣтивъ общеизвѣстное пристрастіе нѣкоторыхъ командировъ къ карману предпочтительно предъ желудками лошадей, отдалъ приказъ замѣнить прежнюю фуражировку деньгами раздачей фуража натурой. Лошадки, конечно, будутъ очень благодарны за эту мѣру. На лугахъ пасется скотъ, стерегомый евреями-агентами, еще неуспѣвшими ни нажить милліоновъ и не получившими права носить кокарду *). Далѣе тянется рядъ

*) Многіе изъ евреевъ-поставщиковъ, какъ извѣстно, получили награды орденами. Выставляя въ петлицахъ ленточки, эти „баловни судьбы“ считаютъ себя вправѣ носить кокарды и серьезно отвѣчаютъ кивкомъ головы на отдаваемую имъ воинскую честь солдатами.

бѣлыхъ низенькихъ палатокъ, среди которыхъ возвышаются красивыя зеленыя большія маркитантовъ. Возлѣ нѣкоторыхъ лагерей уже устроены бараки-рестораны. Вывѣски на нихъ обыкновенно говорятъ о какихъ-либо выдающихся особенностяхъ хозяина. Такъ, около стоянки преображенцевъ читаю на баракѣ: «Restauration propriétaire Becasse»—прозваніе «бекасса» ресторатор-армянинъ получилъ за свой неимовѣрно-длинный носъ. Во время поѣздки по лагерю, меня, конечно, занимали главнымъ образомъ два вопроса: какъ живется солдатамъ и какъ чувствуетъ себя офицерство? Нетолько увлекающаяся молодежь, но и командиры почтенныхъ лѣтъ и солидныхъ чиновъ единогласно утверждаютъ, что долгая, неудобная стоянка отразилась физическимъ ослабленіемъ войска. «Мы,—говорятъ они,—боимся тянуть ученье больше получаса; стоитъ только немного утомить солдатъ — сейчасъ явится десятокъ новыхъ больныхъ».—«Я и самъ,—прибавляютъ другіе,—чувствую на себѣ это ослабленіе силъ; бывало верстъ 20 пройду безъ отдыха, а теперь три версты отойдешь—и долженъ лечь». Поэтому, разсказываютъ, въ каждомъ полку есть теперь многочисленныя неоффиціальныя команды слабосильныхъ. Не смотря на однообразіе мѣстности, количество больныхъ разнится по командамъ въ громадной пропорціи. Это объясняется двумя причинами. Вопервыхъ, есть полки, въ которыхъ не было палатокъ и недостатокъ въ такихъ чувствуется до сихъ поръ. Такъ, отъ одного казачьяго полка, стоящаго въ дождливое время совсѣмъ безъ палатокъ, осталось въ строю только 120 рядовыхъ. Заболѣванія происходятъ главнымъ образомъ среди аванпостной стражи, которая стоитъ подъ лучами солнца безъ прикрытія, такъ какъ у арміи не хватаетъ палатокъ. Нѣкоторые благоразумные командиры взяли примѣръ съ турокъ, и выстроили для часовыхъ соломенные грибы, подъ которыми и располагается стража; но такихъ грибовъ, къ сожалѣнію, видно по линіи очень

мало. Солдаты спятъ на сырой землѣ въ дождь и на влажной послѣ жаркаго дня, вызывающаго испареніе. Сѣно и солома такъ дороги (привозятъ изъ Марсели), что солдатамъ нѣтъ возможности настилать полъ палатки. Разнообразіе пищи въ разныхъ частяхъ поразительно. Части, стоящія рядомъ, продовольствуются одна голодомъ, другая въ проголодь, третья роскошно до-сыта. Привожу примѣръ. Верстахъ въ 9 отъ С.-Стефано расположена 2-я батарея первой л.-гв. артиллерійской бригады (командиръ полковникъ Герингъ). Тутъ всѣ солдаты смотрятъ молодцами и изъ 400 рядовыхъ, кажется, только 12 больныхъ. Я пробовалъ ихъ пищу: отличные щи, «сколько хочешь», кусокъ говядины въ фунтъ вѣсомъ, каша рисовая и гречневая, свѣжій бѣлый хлѣбъ; однимъ словомъ, лучшаго и желать нельзя. Невдалекѣ стоитъ 2-й дивизіонный летучій паркъ (командиръ капитанъ Сафьяно). Произведенное надъ нимъ слѣдствіе показало, что солдаты вовсе не имѣли горячей пищи, что они получали всего хлѣба по $1^1/_2$ фунта въ день и 7 коп. на руки, да по прошествіи мѣсяца еще по $4^1/_2$ коп. за сутки *). Понятно, что при существующей здѣсь цѣнѣ 1 фр. за фунтъ мяса, эти солдаты не имѣли возможности на 7 коп. покупать говядину, крупу и овощи; они голодали и пропивали деньги. Тутъ, конечно, была масса больныхъ и слабыхъ. Еще маленькій переѣздъ— и мы въ 7-мъ кавалерійскомъ отдѣлѣ у капитана Попова и въ летучемъ паркѣ стрѣлковаго отдѣленія у капитана Карнилова. У перваго во время смотра отобрали 10 пудовъ гнилой говядины, предназначенной для солдатскаго корма, у другого—30 пудовъ, заготовленныхъ на цѣлый мѣсяцъ! Я нарочно привелъ эти крайности, какъ рисующія

---

*) По закону, солдатъ, не получающій пищи натурой, имѣетъ право на дневной раціонъ въ 25 коп.; получающій только хлѣбъ пользуется 15 коп. въ сутки. Имѣніе горячей пищи обязательно для всякаго командира.

истинное положеніе дѣлъ и дающія мнѣ возможность оффиціальнымъ образомъ увѣрить читателя въ справедливости моего разсказа.

Проливные дожди, рѣзко смѣнившіе свѣтлые солнечные дни, сдѣлали дороги почти непроходимыми, и я поневолѣ долженъ былъ прекратить свою дальнѣйшую поѣздку.

XXIII.

Отношеніе турокъ къ предстоящему конгрессу. — Турецкіе уполномоченные Мегеметъ-Али и Каратеодори. — Турецкая печать о конгрессѣ.—Впечатлѣніе произведенное на грековъ англо-русскимъ соглашеніемъ.—Настроеніе султана.—Старанія Лэйарда о возвращеніи Мидхата. — Персоналъ русскаго посольства и его содержаніе.—Притязанія панэллинизма.

Константинополь, 28-го мая (9-го іюня).

Конгрессъ—вотъ слово, которое слышишь здѣсь на каждомъ шагу. Международное собраніе для Востока не новость: Турція уже участвовала въ семи конференціяхъ и конгрессахъ: два раза въ Лондонѣ, три раза въ Парижѣ, разъ въ Вѣнѣ и разъ въ Константинополѣ. Теперь дипломаты собираются въ Берлинѣ. Дай Богъ, чтобъ новое мѣсто помогло дѣлу! Турки относятся къ этимъ собраніямъ съ большимъ юморомъ и, очевидно, не придаютъ никакого серьезнаго значенія разговорамъ Европы. «Если,—говорятъ они,—Европа рѣшитъ совершить раздѣлъ Турціи, то кто же будетъ приводить въ исполненіе этотъ приговоръ? Повѣрьте, ни одна держава не захочетъ взять эту рискованную роль на себя, а Россіи никто не довѣритъ этого дѣла». Сообразно съ народными воззрѣніями смотритъ на конгрессъ и оффиціальная Порта. Наканунѣ отъѣзда дипломатовъ въ Гильдизъ-Кіоскѣ разрѣшался вопросъ о ихъ выборѣ. Относительно честный новый в. визирь Сафветъ-паша указалъ

султану на двухъ—на Садыкъ-пашу, бывшаго перваго министра, какъ на изобрѣтателя реформъ, и на Александра Каратеодори—мустешара, или товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Гамидъ сначала согласился и предназначенныя лица были приглашены въ Гильдизъ-Кіоскъ. Изъ доклада Садыка султанъ догадался, что этотъ прожектеръ относится къ реформамъ черезчуръ серьезно и едвали не намѣревается искренно завѣрить Европу въ будущемъ благоденствіи Турціи. Это дало поводъ отпустить Садыка изъ дворца и призвать Мегеметъ-Али-пашу. Теперь этотъ воинъ въ почетѣ. На всѣхъ другихъ были доносы, а на немъ нѣтъ ни малѣйшаго пятнышка.—«Не хотите ли заняться дипломатіей?»—«Съ величайшимъ удовольствіемъ». Однако Савфетъ не удержался и замѣтилъ, что маршалу трудно будетъ сразу перемѣнить карьеру и потому послать его первымъ или главнымъ делегатомъ—неловко. Каратеодори простой эфенди; это препятствіе Гамидъ побѣдилъ однимъ словомъ, произведя тутъ же мустешара въ гражданскій чинъ, равный маршальскому (въ муширы). Такимъ образомъ, Каратеодори превратился черезъ полчаса изъ второго въ перваго делегата. Онъ очень умный человѣкъ, весьма образованный и въ личныхъ сношеніяхъ очень милый и любезный. Онъ грекъ, греческаго вѣроисповѣданія и принадлежитъ къ знаменитой фамиліи князей Аристархи. До войны онъ былъ очень хорошъ съ генераломъ Игнатьевымъ и слылъ за горячаго приверженца Россіи. У меня есть основаніе думать, что руссофильство его было вполнѣ безкорыстное. Еще во время константинопольской конференціи онъ отшатнулся отъ преданности къ Россіи, объясняя перемѣну своихъ симпатій тѣмъ, что «русскіе несправедливы къ грекамъ». Съ тѣхъ поръ онъ извѣстенъ за панэллиниста; но его умъ и громадная начитанность внушаютъ туркамъ такое уваженіе къ нему, что онъ сохранилъ свой постъ во время всѣхъ неурядицъ на Востокѣ и вотъ теперь, какъ видите, ѣдетъ первымъ делегатомъ Порты на конгрессъ. Мнѣ не разъ приходилось вести долгія бе-

сѣды съ Каратеодори, и нетрудно было подмѣтить въ немъ любовь къ грекамъ, въ каждой фразѣ его о санъ-стефанскомъ договорѣ такъ и слышался упрекъ Россіи за безучастіе къ греческой народности. Александръ Каратеодори-паша еще молодъ—ему не болѣе 40 лѣтъ; онъ прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ и говоритъ очень увлекательно, живо и образно. Лучшаго дипломатическаго адвоката не надо и искать, но только не Портѣ, а Греціи. Мегеметъ-Али-паша, родомъ нѣмецъ, бывшій унтеръ-офицеръ германской службы. Онъ довольно плохо говоритъ по-французски. Его посылаютъ какъ европейца для лучшаго удостовѣренія Европы въ искреннемъ желаніи Порты превратиться изъ больного въ порядочнаго человѣка, а главное— для разъясненія представителямъ державъ, что Турція теперь вовсе не безсильное государство, что она, напротивъ, обладаетъ такими живучими силами, которыя позволяютъ ей думать даже о реваншѣ. Совѣщаніе объ инструкціи делегатамъ продолжалось цѣлую ночь. Къ утру всѣ согласились, что роль турецкихъ представителей должна быть по возможности пассивной. Имъ предписано не входить въ споры по вопросамъ, касающимся цѣлости и независимости Турціи; они обязаны только увѣрять всѣхъ въ возможности реформъ, но соглашаться на гарантіи таковыхъ лишь по полученіи спеціальнаго на то согласія султана. Наименьшая активная роль предоставлена Садуллаху, турецкому посланнику въ Берлинѣ, какъ извѣстному за человѣка, преданнаго Мидхату-пашѣ. Разсужденія кончились, делегаты отправились, и мы перейдемъ къ турецкой печати. Что думаетъ она о конгрессѣ? Въ «Вакитѣ», съ недавнихъ поръ служащей отголоскомъ мнѣній двора, появилось опять длинное разсужденіе Мидхата-бея. Вотъ резюме водянистой статьи знаменитаго публициста османлисовъ: «европейская Турція представляетъ амальгаму различныхъ народностей. Мусульманскій элементъ единитъ ихъ силой своего религіознаго единства; противъ этой силы можетъ возстать лишь одна

интеллигенція; до сихъ же поръ ни одна изъ народностей имперіи не владѣетъ такой интеллектуальной силой, чтобъ имѣть шансы на успѣхъ въ борьбѣ съ османлизмомъ и на замѣнъ его. Албанцы и валахи—дикари; болгары—варвары и только греки представляютъ націю, имѣющую великое будущее. Очевидно, что имъ и суждено Аллахомъ замѣнить впослѣдствіи власть турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, но только время для того еще не настало. Интеллигентная сила грековъ пока не такъ велика, чтобъ сразу могла замѣнить и физическую силу мусульманства, и противустоять русскимъ вліяніямъ и захватамъ. Такимъ образомъ, греки, оставаясь нынѣ послушными овцами мусульманскихъ пастуховъ, тѣмъ самымъ приготовятъ себѣ будущее царство. Сами турки тогда признаютъ ихъ превосходство и подчинятся ихъ власти». Маленькія столичныя и провинціальныя турецкія газеты поютъ хоромъ вздорный концертъ о пораженіи и приниженіи «московов» и кричатъ на правительство, чтобъ оно не оставило безъ помощи родопскихъ повстанцевъ. Забота Порты о грекахъ явствуетъ также изъ тѣхъ условій, на которыхъ султанъ согласился прекратить борьбу противъ греческихъ инсургентовъ Эпира и Ѳессаліи. Вотъ подлинный текстъ этихъ условій: «Амнистія всѣмъ инсургентамъ безъ исключенія, которые возвратятся на мѣсто жительства втеченіе 20-ти дневнаго срока. Удаленіе всѣхъ иррегулярныхъ войскъ Турціи изъ провинцій Ѳессаліи и Эпира*). Освобожденіе всѣхъ арестованныхъ. Изъятіе всѣхъ округовъ, гдѣ была инсуррекція, отъ всякихъ податей втеченіе года. Возвращеніе жителямъ забраннаго властями скота или выдача вознагражденія за него». Секретной статьей договора Порта обязывается еще вручить мѣстнымъ англійскимъ консуламъ 4,000 лиръ (92,000 фр.) для раздачи раззореннымъ гре-

---

*) Черкесы, зейбеки и проч. дикари направлены въ Македонію и къ Родопамъ.

ческимъ семействамъ. Не смотря на эти любезности турокъ, греки очень возбуждены представившейся возможностью англо-русскаго соглашенія. Такъ, въ прежнихъ многочисленныхъ протестахъ грековъ Болгаріи упоминалась не разъ фраза «общее отечество—Турція», теперь же въ продолжающемся ливнѣ анти-русскихъ протестовъ этой фразы уже нѣтъ

Гречская пресса аыражается еще опредѣленнѣе. Напримѣръ, «Меримна», одинъ изъ популярнѣйшихъ органовъ греческаго министерства, пишетъ по поводу англо-русскаго соглашенія: «Въ немъ нѣтъ тѣни вниманія ни къ народамъ Востока, ни къ будущему спокойствію Европы, ни къ справедливости и цивилизаціи XIX вѣка». Другая газета, «Имериссіа Неа», принадлежащая партіи панэлленистовъ, извѣщаетъ, что въ храмѣ Юпитера каждый вечеръ собирается совѣтъ «дѣятелей», подъ предсѣдательствомъ Чарики, бывшаго предводителя ѳессалійскаго возстанія, и что совѣтъ этотъ единогласно постановилъ слѣдующую резолюцію: «Слѣдуя увѣщаніямъ Англіи, мы прекратили протестъ оружіемъ во имя правъ Греціи. Къ сожалѣнію, тяжелый опытъ прошлаго и настоящее снова убѣждаетъ насъ въ лживости всѣхъ чужихъ обѣщаній, и мы видимъ теперь ясно, что наша судьба зависитъ единственно отъ нашихъ усилій». Въ виду этого движенія, здѣсь опасаются новаго возстанія въ Эпирѣ, Ѳессаліи и даже Македоніи, гдѣ, какъ слышно, греки договариваются относительно инсуррекціи съ многочисленными горцами-валахами. Въ свѣдущихъ оффиціальныхъ кружкахъ говорятъ даже о необходимости скорѣйшей организаціи въ Македоніи мусульманскаго возстанія на манеръ бывшаго во время болгарскаго избіенія, чтобы противопоставить его проискамъ грековъ. Итакъ, я не ошибался, когда говорилъ о невозможности крѣпкаго союза грековъ съ турками.

Я знаю, что вниманіе читателя теперь приковано къ Берлину, какъ предполагаемому рѣшителю судебъ Востока, а потому боюсь разсказывать о здѣшнихъ домашнихъ малень-

кихъ дѣлишкахъ. Обойдти ихъ совсѣмъ молчаніемъ я не имѣю права, и потому сокращаю лишь по возможности свое повѣствованіе объ этихъ дѣлишкахъ.

Султанъ Гамидъ перевелъ опять Мурада въ Мальту-Кіоскъ, превращенный въ тюрьму. Разсуждая заднимъ умомъ властелина о бывшихъ безпорядкахъ и о существованіи революціонеровъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что народъ—неблагодарная дрянь, и потому о немъ заботиться и его жалѣть нестоитъ. «Отнынѣ я знаю свои права и—больше ничего!»—изрекъ падишахъ, отвѣчая на представленіе Сафвета въ качествѣ новаго великаго визиря. Всѣхъ приближенныхъ, въ количествѣ 13 флигель-адъютантовъ и свитскихъ генераловъ и 5 штатскихъ придворныхъ чиновъ, султанъ удалилъ изъ своихъ палатъ однимъ почеркомъ пера—отъ нихъ онъ когда-то слышалъ слово «конституція». На вакантныя мѣста назначаются изъ арміи разныя посредственности безъ имени и прошлаго. Изъ эвнуховъ гарема устроена особая стража тѣлохранителей, и теперь всѣ женообразные стражи носятъ на себѣ цѣлый арсеналъ разнаго оружія. Саидъ-Кучукъ, какъ конституціоналистъ, тоже подвергся опалѣ—его назначили губернаторомъ Ангоры; но утверждаютъ, что ловкій интриганъ не покинетъ столицы и успѣетъ добиться возвращенія милостей падишаха.

0-го мая (11-го іюня).

Турецкія дѣла подвигаются впередъ. Въ военномъ вѣдомствѣ состоялось рѣшеніе вызвать изъ провинцій всѣ войска въ Константинополь, оставивъ на мѣстахъ лишь немногочисленные гарнизоны. Такимъ образомъ, къ концу конгресса столица Порты будетъ обладать весьма солидными военными силами. Всѣ броненосцы уже здѣсь и красуются вдоль Босфора. Въ сферахъ гражданскихъ также ожидается немаловажная перемѣна: Гамидъ рѣшился вызвать изъ ссылки Мидхата-пашу. Къ этому заключенію падишахъ пришелъ слѣдующимъ путемъ. Когда Мехмедъ-

Рушти настаивалъ на возвращеніи Мидхата, султанъ обратился за совѣтомъ къ Осману-пашѣ. Послѣдній отвѣтилъ:

— Въ военномъ отношеніи, ваше величество сдѣлали даже больше, чѣмъ кто-либо могъ ожидать отъ побѣжденной Турціи; внутреннюю же неурядицу можетъ упорядочить лишь одинъ Мидхатъ.

— Это почему?

— Не потому, ваше величество, что онъ единственный по способностямъ государственный человѣкъ; очень можетъ быть, что у насъ есть люди и болѣе честные, и болѣе умные, чѣмъ онъ; но у Мидхата есть сила, которой нѣтъ у другихъ—его любитъ и ему вѣритъ народъ.

Этотъ разговоръ былъ тогда причиною удаленія Османа изъ дворца и увольненія его отъ должности командира гвардіи. Въ головѣ у султана раздавалось зловѣщее слово «Мидхатъ, Мидхатъ»... Во время свиданія съ Лэйардомъ, Гамидъ не удержался, и спросилъ у британскаго дипломата его мнѣніе о ех-визирѣ-изгнанникѣ. Умный англичанинъ сразу угадалъ значеніе вопроса и прочелъ въ пытливомъ взглядѣ Гамида необходимость отвѣтить слѣдующимъ образомъ:

— Я лично совершенно не знаю Мидхата-пашу, но могу васъ смѣло увѣрить, ваше величество, что Европа и Англія были бы очень недовольны, если бы вы рѣшились возвратить его. Теперь наступило время соглашеній, и мы знаемъ хорошо, какъ трудно вести дѣло съ Мидхатомъ.

После такого отвѣта, султанъ замѣтно пересталъ раздражаться, когда слышалъ вновь объ изгнанникѣ. Мало того: онъ приказалъ перевести на турецкій языкъ новую брошюру Мидхата: «Настоящее и будущее Турціи». Дѣло устроили такъ, что переводъ былъ порученъ не придворному писателю Мидхату-эффенди, бывшему воспитаннику Мидхата-паши, продавшему затѣмъ своего благодѣтеля Дамаду, но одному маленькому писателю-чиновнику. Въ пе-

реводъ было вставлено нѣсколько фразъ, льстящихъ падишаху, и выкинуто все, что могло шокировать ухо повелителя. Полетѣла въ Парижъ телеграмма, и оттуда пріѣхало письмо Митхата къ Гамиду, въ которомъ первый, отрицая всякое свое участіе въ чараганскомъ происшествіи, пишетъ, что ему извѣстно безнадежное состояніе ума Мурада, и потому онъ никакъ не могъ одобрять революціонные происки, особенно теперь и противъ падишаха, столь много страдавшаго за свое отечество и столь неутомимо трудящагося къ защитѣ интересовъ мусульманъ. Случай помогъ доброму впечатлѣнію письма на Гамида. Саидъ-инглезъ обѣдалъ у Намыка-паши. Послѣдній, старый воробей и мидхатистъ, спрашиваетъ у Саида:

— Вы говорили съ Мурадомъ;—ну, какъ вы находите его умственныя способности?

— Признаюсь,—отвѣтилъ откровенно Саидъ, не подозрѣвая подвоха,—я не считаю его съумасшедшимъ; правда, онъ очень нервно настроенъ, но такое возбужденное состояніе легко объясняется страхомъ за жизнь.

Сказано это было при свидѣтеляхъ, и черезъ часъ ихъ допрашивалъ самъ падишахъ. Немедленно послѣ доноса и слѣдствія послѣдовалъ приказъ удалить Саида изъ дворца. Султанъ говоритъ, что тотъ, кто считаетъ Мурада здоровымъ, долженъ считать его, Гамида, узурпаторомъ. Это, конечно, очень логично, такъ какъ Гамидъ, по нравственному долгу обязанъ уступить тронъ брату, если послѣдній выздоровѣлъ. На открывшуюся вакансію гофмаршала дворца, занимаемую до того Саидомъ-инглезомъ, призванъ Османъ и въ то же время онъ опять назначенъ командиромъ гвардіи.

— Ты знаешь о письмѣ Мидхата ко мнѣ?—встрѣтилъ его вопросомъ Гамидъ.

— Нѣтъ, ваше величество.

— Вотъ оно.

Османъ прочелъ письмо.

— Я всегда такъ думалъ о немъ,—замѣтилъ онъ, подавая конвертъ обратно.

— Я еще подожду вызывать его. Увидимъ, что будетъ говорить Европа на конгрессѣ,—проговорилъ падишахъ въ раздумьѣ.

Такимъ образомъ, въ туркахъ возникла надежда на возвращеніе Мидхата. О всемъ вышесказанномъ передано руководящимъ революціоннымъ кружкамъ и кому слѣдуетъ данъ изъ Парижа сигналъ удержаться отъ всякихъ демонстрацій, враждебныхъ Гамиду. Для послѣдняго это очень кстати. Не далѣе какъ три дня тому назадъ, всѣ иностранные послы въ Константинополѣ (за исключеніемъ русскаго) получили слѣдующее анонимное извѣщеніе: «Народная турецкая партія, рѣшившись на активную роль въ судьбахъ Турціи, проситъ ваше превосходительство вѣрить, что въ могущихъ произойдти безпорядкахъ въ столицѣ личность христіанъ и ихъ имущество не подвергнутся ни малѣйшей опасности». Судя по содержанію этого письма и по тону всѣхъ турецкихъ разговоровъ, очевидно, предполагалось нѣчто весьма серьезное. Теперь все пріостановлено до поры, до времени; только разговоры о конгрессѣ продолжаются.

— Мы послали,—говорятъ турки, — своимъ первымъ делегатомъ христіанина, вторымъ иностранца по рожденію потому, что мы считаемъ неприличнымъ для османлиса слышать нападки на наше отечество и засѣдать вмѣстѣ съ гяурами, хотящими рѣшить нашу участь. Пусть грекъ Каратеодори говоритъ за насъ, возражаетъ и соглашается; мы же хотимъ знать лишь результаты конгресса и оставляемъ за собой право не согласиться, противиться и воевать до послѣдняго солдата, до послѣдняго старца и ребенка, могущаго владѣть оружіемъ.

Что думаютъ турки о конгрессѣ, конечно, очень интересно, но интереснѣе во сто кратъ знать, о чемъ мечтаетъ въ терапійскомъ дворцѣ г. Лэйардъ. Узнать это, конечно, очень не легко, но случай можетъ помочь.

Въ тихую лунную ночь изъ садовой калитки этого дворца вышли однажды два господина, просто одѣтые, съ фесками на головахъ. Они пошли вдоль уединеннаго берега, разбудили лодочника, сторговались съ нимъ на чистомъ турецкомъ языкѣ, сѣли въ каикъ и поплыли къ Черному морю, бороздя серебристую спокойную воду Босфора. У Акадоли-Гисоръ остановились, вышли на берегъ, поднялись на небольшой холмикъ и тамъ скрылись въ трехэтажномъ старинномъ домѣ. Здѣсь сразу потухли огни въ окнахъ на улицу и зажглись вновь со стороны двора въ гаремной половинѣ дома. Хозяинъ пренебрегъ ради предосторожности мусульманскимъ уставомъ, и угощаетъ дорогихъ гостей въ одной изъ комнатъ своихъ женъ. Дорогіе гости—Лэйардъ и его драгоманъ. Увы, великій дипломатъ сдѣлалъ большую ошибку. Нѣкто изъ окна своей дачи въ Терапіи узналъ британскаго представителя и въ фескѣ, поѣхалъ за нимъ вслѣдъ на другомъ каикѣ, выслѣдилъ Лэйарда и на утро купилъ у хозяина дома весь вчерашній разговоръ съ посломъ и драгоманомъ. Немножко позже эти свѣдѣнія о бесѣдѣ дошли и до ушей корреспондентовъ. Такимъ-то путемъ мы узнали слѣдующія мысли г. Лэйарда, ѣздившаго ночью успокоивать одного изъ шефовъ мусульманско-англійскаго союза.

— Въ настоящее время,—говорилъ Лэйардъ, для Турціи необходимъ Мидхатъ. Всѣ Саиды были хороши тогда, когда стоялъ на очереди вопросъ о союзѣ съ Англіей, теперь же, напротивъ, нужны люди, способные идти и противъ Россіи, и противъ Европы, и даже противъ Англіи. Есть вѣроятность, что Биконсфильдъ мѣтитъ сдѣлаться главой не только консервативной, но и либеральной партіи, а потому онъ, слѣдуетъ полагать, войдетъ въ такое соглашеніе съ Россіей, которое отдастъ половину Европейской Турціи во владѣніе Англіи. Въ сущности, это будетъ очень невыгодно и для Турціи, и для Великобританіи. Россія уже успѣла посѣять зерна славянскаго броженія во всей Румеліи и Македоніи.

Воспользовавшись миромъ, она снова пріобрѣтетъ силу при помощи внутреннихъ коренныхъ реформъ и, не упуская времени, могущаго затушить славянское движеніе на югѣ Балкановъ, двинется впередъ. Тогда война съ ней для обоихъ государствъ будетъ несравненно труднѣе, а главное—еще неизвѣстно, кто будетъ тогда во главѣ британскаго правительства. Если же Порта наложитъ свое veto на всякое рѣшеніе конгресса, касающееся территоріальныхъ измѣненій имперіи, Россія очутится въ томъ же положеніи, въ которомъ она находится теперь. Чтобы смирить Порту, она обязана будетъ вести новую войну. Попытка занять Константинополь снова вызоветъ бурю въ Европѣ и Англіи. Начнутся опять переговоры, битвы, неудачи, и довольно еще 6 мѣсяцевъ, чтобы довести Россію до окончательнаго изнеможенія, и тогда... тогда Турція и Англія смогутъ потребовать отъ нея все, что захотятъ.

— Популярность Мидхата,—заключилъ Лэйардъ,—обязываетъ его предпочесть смерть всякой даже малѣйшей уступкѣ въ дѣлѣ мусульманской чести, и потому-то я считаю его единственнымъ человѣкомъ, который волей-неволей долженъ будетъ отказаться отъ какого бы то ни было соглашенія съ Европой.

Отъ Терапіи близко и до Буюкдере. Хорошенькій домикъ русскаго посольства весело смотритъ своими высокими свѣтлыми окнами на Босфоръ. Направо отъ него изъ-за густой зелени громаднаго сада выглядываетъ другое зданіе, тамъ дальше—еще третье. Это дачи русскихъ дипломатовъ. Въ Константинополѣ русскій дворецъ запертъ наглухо, и всякій, имѣющій надобность до русскаго посольства, дышетъ свѣжимъ воздухомъ цѣлый день—онъ ѣдетъ на пароходѣ часа два или три до Буюкдере, подождетъ тамъ, и снова три часа прогулки обратно. Тамъ въ тиши и уединеніи совершается масса работы. Русскіе пароходы, обязанные дожидаться посольской почты, принуждены опаздывать всегда часа на два. Посольская канцелярія не успѣваетъ пригото-

вить все къ опредѣленному сроку. За массу работы, совершаемой въ нашемъ посольствѣ, говоритъ и персоналъ его, и его содержаніе. Здѣшнее русское посольство стоитъ въ годъ $152^{1}/_{2}$ тысячи металлическихъ, или около $^{1}/_{4}$ милліона бумажныхъ рублей. Кромѣ посольства, какъ извѣстно, здѣсь есть у насъ генеральное консульство, въ которомъ только одинъ консулъ получаетъ 7 тысячъ металлическихъ рублей жалованья (болѣе 11 тысячъ бумажныхъ). Всѣ служащіе безъ исключенія пользуются казенной квартирой, а посольскіе чиновники и казеннымъ столомъ, имѣя завтракъ и обѣдъ у посла. Всего въ нашемъ посольствѣ служитъ 14 чиновниковъ и еще 3 канцелярскихъ служителя,—всего 17 человѣкъ. Сравнивая этотъ персоналъ съ таковымъ же германскаго посольства въ Константинополѣ, мы найдемъ, что послѣдній вдвое меньше нашего по числу служащихъ и втрое меньше по расходамъ. Заговоривъ о германцахъ, будетъ кстати упомянуть, что въ нѣмецкомъ консульствѣ только одинъ, г. Жоле, получилъ до сихъ поръ русскую награду за пропасть дѣлъ, доставшихся на долю консульства съ нашими компатріотами во время войны. Между тѣмъ, драгоманъ консульства, докторъ философіи Мордтманнъ, на котораго было возложено выручать русскихъ подданныхъ изъ-подъ ареста, днемъ и ночью являлся въ турецкую полицію и константинопольскія тюрьмы, просиживалъ въ нихъ по 5 и 6 часовъ, дожидаясь освобожденія русскихъ, и не выходилъ иначе, какъ вмѣстѣ съ освобожденными арестантами. Его отношеніе къ русскимъ, имѣвшимъ несчастіе попасть подъ подозрѣніе турокъ, было выше всякихъ похвалъ; оно поистинѣ можетъ служить образцомъ и для родного представителя. Наши дѣла на Востокѣ далеко не такъ прочны, чтобъ не разсчитывать на новое покровительство здѣсь германскаго консульства русскимъ подданнымъ, и потому, нетолько чувство благодарности и справедливости, но и практическій разсчетъ указываетъ на необходимость поддержать лестной наградой доброе отношеніе чи-

новъ германскаго представительства на Востокѣ къ намъ, русскимъ, никогда невидавшимъ ни ласки, ни привѣта отъ своихъ собственныхъ дипломатовъ. Я могу прибавить къ этому, что здѣшніе нѣмцы сильно поохладѣли къ намъ, русскимъ, и весьма иронически отзываются о своихъ бывшихъ хлопотахъ и безпокойствахъ по русскимъ дѣламъ. Я это передаю, вовсе не желая обижать потрудившихся отъ всего сердца на нашу пользу: кто же не знаетъ, что всѣ люди— человѣки.

Константинополь, 31-го мая (12-го іюня).

Вы уже знаете, конечно, что въ Аѳинахъ получена оффиціальная депеша изъ Лондона, извѣщающая, что до сихъ поръ не существуетъ никакого другого соглашенія между Россіей и Англіей, кромѣ согласія идти на конгрессъ, и что всѣ измышленія «Globe» и «Times'а» по этому поводу абсолютно ложны. Эта телеграмма, напечатанная во всѣхъ здѣшнихъ греческихъ газетахъ, произвела сильное впечатлѣніе на греческое общество столицы. Немедленно въ Фанарѣ состоялось собраніе патріотовъ, и восемь выборныхъ депутатовъ поѣхали въ Терапію заявить Лэйарду отъ имени греческой націи глубокую любовь и вѣру въ Англію. Въ то же засѣданіе нѣкто Аристоклъ-эффенди, учитель фанарско-греческой школы, былъ отправленъ къ князю Лобанову-Ростовскому. Вотъ что передаетъ газета «Θρακία» по поводу этого свиданія:

«Аристоклъ-эффенди, учитель греческой школы въ Фанарѣ, обратился къ князю Лобанову, россійскому послу, съ слѣдующей просьбой отъ имени школы. Владѣя въ Бессарабіи землями, съ давнихъ поръ конфискованными русскимъ правительствомъ, школа считаетъ себя вправѣ требовать ихъ назадъ.

«Представитель царя съ величайшей добротой выслушалъ рѣчь Аристокла, въ отвѣтъ на которую сказалъ, что онъ и самъ смотритъ на этотъ захватъ какъ на неспра-

ведливость и незаконность, и что, разсматривая разные относящіеся сюда документы, онъ пришелъ къ убѣжденію, что настоящій владѣтель земель, т. е. греческая школа въ Фанарѣ, имѣетъ самое неотъемлемое право на доходы конфискованныхъ имѣній.

«Князь прибавилъ, что онъ уже писалъ въ Петербургъ о необходимости возвращенія земель въ руки его настоящему владѣтелю.

«Во время разговора, князь просилъ Аристокла-эффенди рекомендовать ему греческаго учителя для преподаванія турецкаго языка въ Россіи.

«Не много позже,—сказалъ князь въ заключеніе,—я попрошу васъ выбрать человѣкъ двадцать молодыхъ грековъ, которые будутъ посланы въ Россію для преподаванія современнаго греческаго языка въ русскихъ гимназіяхъ».

Я передаю содержаніе этого извѣстія какъ весьма хорошую и вѣрную характеристику безграничной безшабашности притязаній и самолюбія панэллинистовъ: что же иное какъ не безшабашность притязанія обучать Россію современному греческому языку, т. е. языку несуществующему? Спросите любого грека, незнакомого съ діалектомъ Солона и Ликурга: «знаете вы по-гречески?» Отвѣтитъ: «нѣтъ».—«На какомъ же языкѣ вы говорите?»—«На румелійскомъ». Этимъ именемъ и называется современный языкъ грековъ, такъ какъ онъ состоитъ изъ словъ и корней греческихъ, латинскихъ, турецкихъ и славянскихъ. Современная греческая литература не создала до сихъ поръ ничего такого, что бы могло поставить румелійское нарѣчіе на высоту національнаго, самостоятельнаго языка; а пока это не произошло— какая нужда иностранцамъ учить своихъ дѣтей этому нарѣчію? Здѣшніе греки не разсуждаютъ по такимъ вопросамъ и безъ всякой церемоніи говорятъ: «мы съ Аристотелемъ», хотя даже менѣе чѣмъ русскіе ученики классическихъ гимназій разумѣютъ въ томъ языкѣ, на которомъ писалъ знаменитый учитель Александра Македонскаго. Без-

шабашную сторону элленизма слѣдуетъ имѣть въ виду теперь, когда на очереди стоитъ вопросъ о соглашеніи славянскихъ интересовъ на Востокѣ съ греческими. Какъ чрезмѣрная притязательность самолюбія человѣка служитъ доказательствомъ его недоразвитости, такъ и безграничныя національныя мечтанія извѣстнаго народа — вѣрный признакъ его несовершеннолѣтія. А потому проба поладить съ такимъ народомъ при помощи разума, логики и снисходительности была бы не только политической ошибкой, но и государственнымъ вредомъ; на практикѣ она оказалась бы покровительствомъ незрѣлой софистикѣ и несовершеннолѣтнимъ мечтаніямъ националовъ. Къ такому именно заключенію приходитъ и одинъ весьма пожилой русскій, живущій теперь въ Аѳинахъ и обсуждающій вопросъ о нашихъ будущихъ отношеніяхъ съ Греціей. Я нахожу такому взгляду подтвержденіе на каждомъ шагу здѣсь, въ Константинополѣ, и желающимъ провѣрить мои слова рекомендую прочесть, напримѣръ, статьи г. Д. Бернадаки въ «Journal des Economistes», гдѣ этотъ образованнѣйшій представитель панэллинизма раскрываетъ предъ Европой всю незрѣлость и необъятность національныхъ мечтаній грековъ. При извѣстной непрочности королевскаго престола въ Греціи, правительство послѣдней волей-неволей должно слѣдовать несовершеннолѣтнимъ стремленіямъ националовъ, и потому намъ, славянамъ, нечего и разсчитывать на пріобрѣтеніе дружбы Греціи. Отношенія эллинизма къ намъ могутъ быть только двоякія: или мирныя и спокойныя, основанныя на уваженіи къ нашей силѣ и твердости нашего характера, или придирчивыя, вредящія намъ на каждомъ шагу (протесты Македоніи, Филиппополя, Киръ-Килиссы и т. д.) при увѣренности въ нашей добротѣ, непостоянствѣ и зависимости отъ Европы.

Я заговорилъ о вышесказанномъ, такъ какъ эллинизмъ одинъ изъ сильнѣйшихъ по интенсивности элементовъ востока Европы. Читатель въ моихъ прошлыхъ письмахъ

найдетъ десятки фактовъ, подтверждающихъ мое мнѣніе объ эллинизмѣ, и потому я, избѣгая повтореній, перехожу къ разсказу о другихъ царьградскихъ дѣлахъ.

Прежде чѣмъ идти въ раззолоченныя палаты дворцовъ, зайдемте въ простую больницу и поклонимтесь только-что умершему талантливому, честному труженику, столь любившему русскихъ и Россію — бывшему корреспонденту «Daily News» Макъ-Гахану. Молодой человѣкъ, краснощекій, цвѣтущій здоровьемъ, сдѣлался жертвой эпидеміи тифа, заболѣлъ—и черезъ восемь дней мы уже видимъ его исхудалый трупъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что Макъ-Гаханъ былъ единственный иностранецъ, говорившій правду о русскихъ, не умаляя нашихъ достоинствъ, а потому на насъ лежитъ обязанность помянуть добрымъ словомъ этого честнаго иностранца—друга.

Теперь можемъ отправиться и во дворецъ. Султанская дружба не стоитъ больше мѣднаго гроша. Сегодня—Саиды въ чести, первые совѣтники, завтра—безъ всякаго резона падишахъ шлетъ одного губернаторомъ въ Бруссу, другого въ Ангору. Но и Саиды знаютъ цѣну своему повелителю. Происходитъ въ высшей степени характерная исторія. Оба Саида пишутъ въ Ангору и Бруссу къ губернаторамъ, ждущимъ смѣны, чтобъ они составили отъ жителей адресы, въ которыхъ бы населеніе изъявило нежеланіе имѣть своимъ правителемъ бывшихъ приближенныхъ Гамида. Губернаторы не смѣютъ ослушаться, и въ Высокую Порту поступаютъ два прошенія: Брусса проситъ избавить ее отъ Саида-инглеза, а Ангора умоляетъ не назначать въ нее Саида-Кучука. Адресы представлены султану. Саиды уже заранѣе возликовали: Гамидъ избралъ путь удовлетворенія народныхъ желаній и, конечно, не пойдетъ противъ просьбъ двухъ провинцій. Увы, полоумный Гамидъ неожиданно оказался Соломономъ по мудрости:

— Въ такомъ случаѣ,—рѣшилъ онъ,—пусть Саидъ-Кучукъ отправляется въ Бруссу, а Саидъ-инглезъ—въ Ангору!

Тѣмъ не менѣе оба Саида никуда не ѣдутъ и ждутъ, что на берегу ожиданій скоро настанетъ ясная погода. У Лейарда теперь одна idée fixe—Мидхатъ-паша; но, конечно, онъ не забываетъ и другихъ своихъ союзниковъ. Между тѣмъ, Османъ-паша въ качествѣ гофмаршала дворца оказался весьма крутымъ человѣкомъ. Онъ распустилъ полкъ черкесовъ—тѣлохранителей падишаха, безжалостно растасовавъ черкесскихъ князей по регулярнымъ полкамъ арміи; нанялъ себѣ домъ вблизи Гильдизъ-Кіоска и почти цѣлый день проводитъ во дворцѣ, тщательно заботясь о сокращеніи придворныхъ и гаремныхъ расходовъ. Онъ убѣдилъ султана въ важномъ стратегическомъ значеніи родопскаго возстанія и получилъ разрѣшеніе послать инсургентамъ изъ дворцовой шкатулки 10,000 лиръ, т. е. 230 тысячъ франковъ; въ то же время делегатамъ Порты на конгрессѣ посланы дополнительныя инструкціи, которыми они обязываются выставить передъ Европой всю незаконность дѣйствій русскихъ, сражающихся съ мусульманами на территоріи, оставленной за Турціей по санъ-стефанскому договору. Въ этомъ же смыслѣ составляется международный циркуляръ Савфетъ-пашой. Въ немъ будутъ перечислены всѣ случаи угнетенія мусульманъ русскими и болгарами и всѣ протесты грековъ на попраніе ихъ національныхъ правъ тѣмъ же русско-болгарскимъ правительствомъ. Циркуляръ Савфета-паши заканчивается такъ: «всѣ дѣйствія русско-болгарскихъ властей ясно клонятся къ уничтоженію мусульманъ и грековъ нетолько въ границахъ предполагаемаго княжества, но и во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ Турецкой имперіи, которыя заняты русскими войсками». Въ разговорѣ съ генераломъ Тотлебеномъ Савфетъ-паша рѣзко сказалъ:

— Мы не можемъ сдать крѣпостей, потому что это означало бы оставить скученныхъ тамъ мусульманъ на произволъ русскихъ и болгаръ.

Такимъ образомъ, очищеніе крѣпостей отложено на не-

определенное время. Въ Родопскихъ горахъ идетъ война, бываютъ небольшія маловажныя стычки, до сихъ поръ почти всегда съ благопріятнымъ результатомъ для насъ. Не смотря на это, мѣстная пресса разсказываетъ о великихъ сраженіяхъ, о блистательныхъ побѣдахъ инсургентовъ, о бѣгущихъ русскихъ войскахъ и т. д. Эти вымышленные разсказы, подготовляемые спеціально для Европы и конгресса, конечно, повторятся всѣми иностранными органами печати, и потому я предупреждаю читателя о ихъ лживости. Благодаря настоянію генерала Тотлебена, періодъ дипломатическихъ отношеній къ повстанцамъ оконченъ; а когда вопросъ разрѣшается геройской грудью русскаго солдата, у насъ не должно быть и тѣни сомнѣнія въ хорошемъ результатѣ.

Въ Константинополѣ революціонная агитація притаилась и затихла. Она ждетъ разрѣшенія вопроса о вызовѣ Мидхата-паши. Султанъ, отдавшись подъ опеку Османа-паши, теперь болѣе гарантированъ отъ всякихъ случайностей и будетъ имѣть за собой войско въ случаѣ необходимости. И для Лэйарда выгоднѣе теперь хлопотать не столько о революціи, сколько о возвращеніи ех-визиря. Революція можетъ быть и неудачной, и тогда она пошатнетъ въ Европѣ послѣднее довѣріе къ живучести Порты; Мидхатъ же, навѣрно, исполнитъ задушевное желаніе британскихъ дипломатовъ — онъ доведетъ Порту до пропасти, предварительно истощивъ до извѣстной степени Россію. Тогда-то мечтамъ Лэйарда представляется широкое поле для благопріобрѣтеній — бери, дескать, съ кого хочешь и что хочешь!

XXIV.

Наши „кормильцы".—Товарищество продовольствія и интендантство.—Печальная исторія недавняго прошлаго.—Учрежденіе ревизіонной комиссіи надъ дѣйствіями товарищества.—Наша почта.—Санитарное положеніе войскъ. — Исторія возникновенія родопскаго возстанія и настоящее его положеніе.—Дѣйствія новой администраціи Филиппополя. — Взаимныя отношенія болгаръ и грековъ.

Адріанополь, 5-го (17-го) іюня.

Что за неожиданная перемѣна: еврейскія физіономіи «кормильцевъ», напоминавшія до сихъ поръ, по выраженію довольства, Чичикова, произведеннаго въ генеральскій чинъ, теперь озабочены и снова превратились въ настоящихъ «ицко» съ печалью на челѣ? Та же печать замѣтна и на многихъ счастливыхъ носителяхъ провіантской формы... Порадуйтесь, читатель, взята вторая Плевна, перейдены вторые Балканы—товарищество «кормильцевъ» закончило свое скандальное существованіе. До 1-го іюня оно каталось въ золотомъ маслѣ, съ 1-го іюня готовится къ скамьѣ подсудимыхъ. Столь неожиданный оборотъ дѣлъ заслуживаетъ нѣкоторыхъ историческихъ объясненій; притомъ же, если Тропманъ имѣлъ право на некрологъ, то было бы крайне несправедливо отказать въ таковомъ же родимымъ кормильцамъ. Я помню что и когда говорилось о нихъ и знаю,

что повторять прежнее можно лишь при условіи новыхъ фактовъ или новой группировки ихъ. Поэтому я излагаю сказанное другими въ возможно короткой формѣ, подтверждая выводы оффиціальными данными.

Какъ могло существовать такъ долго столь позорное для русскаго имени учрежденіе, какъ товарищество кормильцевъ? Совсѣмъ несправедливо предполагать, что среди участниковъ войны не было честныхъ энергичныхъ людей, готовыхъ бороться съ зломъ еврейской эксплоатаціи казны и героевъ. Такіе люди были. Напримѣръ, полевой генералъ-контролеръ г. Черкасовъ ровно три мѣсяца тому назадъ представлялъ обширный трудъ — докладъ, въ которомъ была собрана масса самыхъ живыхъ и свѣжихъ доказательствъ абсолютнаго вреда и нахальной недобросовѣстности товарищества. Этотъ докладъ—историческій документъ, рисующій яркими красками наше невеселое недавнее прошлое. Онъ временно разбился о камни и камешки, и оставался подъ сукномъ до настоящей поры. Камни были всякіе: и крупные, прерывавшіе доклады восклицаніемъ: «посмотрите-ка какая хорошенькая идетъ!», и сравнительно маленькіе, упрекавшіе: «время ли теперь слѣдствіе производить? Помилуйте!» Были, кромѣ г. Черкасова, и другіе честные дѣятели, но старанія ихъ искоренить зло постигала та же печальная участь... Голословность надоѣла, пріѣлась и уже не производитъ впечатлѣнія на наши уши, вдоволь напрактиковавшіяся въ слушаніи стольких дѣйствительныхъ, хотя и не возможныхъ вещей, а потому подкрѣпляю вышесказанное оффиціальнымъ фактомъ. Въ великомъ посту въ провіантскомъ складѣ Чаталджи, находившемся въ завѣдываніи Д. П. Есакова, оказался недочетъ въ натурѣ 11 тысячъ пудовъ ячменя и 3-хъ тысячъ пудовъ муки, на сумму приблизительно 50 тыс. руб. золотомъ. Актъ о томъ переданъ великимъ постомъ бывшему генералъ-интенданту Росситскому... Г. Есаковъ до сихъ поръ управляетъ вышесказаннымъ складомъ. Другой по-

добный же случай. Чиновнику особыхъ порученій при генералъ-интендантѣ, коллежскому секретарю Горичу было поручено купить «хозяйственнымъ» способомъ брезента на сумму 150 тысячъ звонкихъ рублей. Брезентъ оказался очень похожимъ на парусину, «хозяйственный» способъ покупки возвысилъ его цѣну противъ существующихъ въ Константинополѣ раза въ три. Оберъ-контролеръ гвардіи Пацковскій составилъ о томъ при понятыхъ-офицерахъ надлежащій актъ и передалъ его въ надлежащую инстанцію. Это было на Ѳоминой недѣлѣ, и съ тѣхъ поръ никто не слышалъ о послѣдствіяхъ акта. Я помню хорошо законы о диффамаціи и потому довольствуюсь сообщеніемъ только такихъ фактовъ, о которыхъ есть оффиціальныя бумаги. А сколько дѣлъ безъ бумагъ — нѣсть имъ числа и счета! Разбивались о камни не одни только честныя стремленія устранить зло оффиціальнымъ путемъ. Бюрократизмъ и формализмъ, столь противорѣчащій идеѣ войны, убивалъ и всякую русскую инициативу замѣнить другой порядокъ «кормленія» лучшимъ. Вотъ наглядный примѣръ. Всѣмъ извѣстно, что московскій купецъ Т. Морозовъ предлагалъ устроить русское общество по продовольствію арміи. Объ основахъ этого предпріятія я не буду повторять уже много разъ писанное другими. Я хочу лишь числами исходящими и входящихъ познакомить читателя съ тѣми препятствіями, которыя встрѣчались на пути каждаго предпріятія. Г. Морозовъ предложилъ свой проектъ покойному князю Черкаскому, въ письмѣ отъ 10 октября 1877 г.; докладъ о немъ составленъ 17 ноября, проектъ былъ утвержденъ 13 январа 1878 г., т. е. прошло 3 мѣсяца въ исполненіи формальностей, иначе сказать—время, достаточное для цѣльной правильной кампаніи отъ лѣваго берега Дуная до паперти св. Софіи. Понятно, что всякое «военное» предпріятіе должно было разстроиться, коль скоро формальное признаніе его откладывалось до кануна заключенія мира. Итакъ, несправедливо выводить изъ прошлаго, что не было

среди русскихъ людей иниціативы и честнаго долга. Они были, но ихъ старанія разбивались о крѣпкую скалу историческихъ недостатковъ общественнаго строя. Она перепутала не только дѣла, но даже и мысли: забалканскіе администраторы родились раньше, чѣмъ забалканскіе герои; рядомъ съ аванпостной рекогносцировкой двигалась гражданская канцелярія; передового бойца съ оружіемъ обгонялъ столоначальникъ съ перомъ въ рукахъ; война и миръ, эти два столь же противорѣчащія въ исторіи обществъ начала, какъ огонь и вода въ природѣ, взялись рука объ руку и отправились въ походъ. Никто не считалъ себя такимъ великимъ геніемъ, чтобъ помирить небо съ адомъ, но точно также многіе забыли о различіи войны отъ мира— военную потребность въ быстротѣ замедлялъ канцелярскій порядокъ; разсудительность мирной администраціи сбивалась съ толку стратегическимъ интересомъ дня, часа и минуты... Но, слава Богу, война давно окончилась, и одно изъ великихъ золъ ея—товарищество кормильцевъ лишилось своего жала. Уныніе кормильцевъ и ихъ родныхъ братьевъ объясняется еще и тѣмъ, что генералъ Тотлебенъ приказалъ задержать всѣ платежи «товарищамъ», назначить ревизіонную комиссію и поручить послѣдней провѣрить дѣйствительность цѣнъ, показанныхъ за время кампаніи товариществомъ и утвержденныхъ бывшими генералъ-интендантами Армсомъ и Росситскимъ. Изловленіе воровъ началось, и это служитъ ручательствомъ, что будущая комиссія раскроетъ зло до его корней и тогда... тогда представится лишь одинъ сложный вопросъ — въ какомъ судебномъ учрежденіи Россіи найдется такая длинная скамья подсудимыхъ, которая бы могла помѣстить на себѣ всѣхъ заслужившихъ ее? Такой оборотъ дѣла—счастье; но судьба наша извѣстна—на полное счастье мы не имѣемъ права: недаромъ, въ силу исторической необходимости, поетъ намъ народъ заунывную пѣсню и на веселой вечеринкѣ. Высокая Порта ухитрилась убѣдить насъ, что всѣ ея обширные за-

балканскіе склады провіакта принадлежали не турецкому правительству, а «иностранной» кампаніи румелійской желѣзной дороги. Мы согласились (еще до пріѣзда генерала Тотлебена) признать, что эти склады были отданы Портой желѣзной дорогѣ за доставку въ Константинополь мусульманскихъ бѣглецовъ; теперь производится счетъ, что мы «истратили» изъ чужихъ запасовъ и приготовляемся за убытки заплатить, а оставшееся возвратить. И послѣ такого безпримѣрно-великаго факта великодушной справедливости насъ, русскихъ, заподозрѣваетъ Европа въ коварствѣ? Неужели для убѣжденія ея въ нашей нравственной чистотѣ нужно еще намъ признать, что не только турецкіе мониторы принадлежатъ Англіи, турецкій провіантъ французамъ и австрійцамъ, но и то, что турецкіе солдаты запроданы Испаніи, турецкія пушки заложены Португаліи, и возвратить плѣнныхъ и трофеи, заплативъ за подержаніе ихъ соотвѣтствующіе убытки?

Кара постигла, какъ извѣстно и г. Романуса, отодвинувшаго по движенію почтъ Россію отъ Болгаріи почти на тридевять земель. Извѣстно, что письма и посылки изъ Одессы до Адріанополя шли по полугоду, что масса ихъ пропадала безслѣдно. Г. Романусъ, бывшій начальникъ полевой почты, уволенъ по высочайшему повелѣнію отъ службы, съ преданіемъ суду. Слѣдствіе, конечно, укажетъ кто виноватъ; я же передаю упорный слухъ вотъ о какихъ благовидныхъ продѣлкахъ нѣкоторыхъ лицъ: разсказываютъ, что денежныя письма задерживались нарочно и послѣ кровавыхъ битвъ адресы сравнивались съ списками убитыхъ; затѣмъ, деньги доходили до оставшихся въ живыхъ, а деньги покойниковъ-героевъ хоронились въ грѣшныхъ карманахъ подлецовъ. И не жгли ихъ сердце эти деньги?.. Теперь болгарская почта старается лишь доказать, что у семерыхъ нянекъ дитя бываетъ дѣйствительно безъ глазъ. Заправляютъ ею самостоятельные начальники отъ полеваго штаба, отъ гражданскаго и военнаго управленія Болгаріей, а

письма доходятъ изъ С.-Стефано въ Адріанополь на 8 день, а въ Филиппополь на 12, неговоря уже о пунктахъ несоединенныхъ между собою рельсовымъ путемъ. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, будучи крайне недоволенъ черепашливой скоростью корреспонденцій, отзывающейся весьма невыгодно на дѣлѣ организаціи и администраціи края, надѣется устранить неряшливость трехъ почтъ учрежденіемъ четвертой, посылая особыхъ жандармовъ съ корреспонденціей между Санъ-Стефано и Филиппополемъ.

Скудныя и неточныя свѣдѣнія о санитарномъ положеніи нашихъ войскъ въ Болгаріи заставили меня обратить особое вниманіе на этотъ вопросъ. Я посѣтилъ много госпиталей, заставъ въ нихъ не только палаты, но и корридоры наполненными всевозможными больными; видѣлъ какъ эти несчастные страдальцы тѣломъ и душой валялись во многихъ мѣстахъ въ грязи, на полу, почти безъ подстилки. Я усердно записывалъ въ своей книжечкѣ названія этихъ госпиталей, имена ихъ докторовъ, чтобъ предать ихъ общественному суду печатнымъ словомъ; но крупная и вполнѣ достовѣрная цифра всѣхъ больныхъ родичей на чужбинѣ заставила меня опустить руки и сказать: «нѣтъ, тутъ доктора не причемъ!» Въ гвардіи есть до 12 тысячъ больныхъ, въ арміи до 25 тысячъ. Медицинскій персоналъ работающихъ несоразмѣрно малъ. Онъ выбивается изъ силъ, но дѣлать дѣло какъ требуетъ того наука и гигіена—не въ состояніи. Высшій медицинскій персоналъ, доктора распоряжающіеся, во главѣ которыхъ стоитъ молодой докторъ Кадацкій, который прежде могъ быть особенно полезнымъ медицинской части арміи по близкимъ родственнымъ отношеніямъ къ генералу Непокойчицкому, теперь словно прекратилъ свое существованіе. Многіе изъ высокопоставленныхъ докторовъ почтенныхъ лѣтъ бросаютъ службу, которая стала невыносимо тяжелой и по работѣ, и по ухудшающимся ихъ отношеніямъ къ молодежи, требующей отчетовъ за дорогой хининъ и за прочіе медикаменты, пожертвован-

ные арміи добрыми людьми. Эвакуація больныхъ моремъ теперь увеличилась почти вдвое, т. е. вмѣсто 200 отправлявшихся прежде еженедѣльно, нынѣ отсылаются въ тотъ же промежутокъ времени въ числѣ 400 душъ. Всетаки это конечно крайне недостаточныя средства для очищенія Болгаріи отъ эпидемическихъ больныхъ и облегченія положенія страдающихъ.

Обратимся теперь къ Адріанополю. Его архитектура напоминаетъ небогатое восточное мѣстечко; узкія, кривыя, пыльныя и грязныя улицы; разношерстные костюмы болгаръ, русскихъ, грековъ, армянъ и евреевъ—и надъ всѣмъ этимъ стоитъ громкимъ эхомъ русскій языкъ. Всѣ его понимаютъ хорошо, всѣ съ грѣхомъ пополамъ говорятъ на немъ. Великолѣпныя мечети заняты провіантскими складами; роскошный храмъ Селима одинъ только поетъ хвалу Магомету. На его обширномъ дворѣ ютятся бѣглецы мусульмане. Тутъ же сложена масса сухарей подъ охраной русскаго часового. Каждое утро сухари раздаются бѣднякамъ ислама. Тѣмъ не менѣе христіанское населеніе города живетъ не безъ страха и опасеній. Темные слухи, отрывочные намеки и огромная численность собравшихся здѣсь магометанъ настроиваютъ нервы на ожиданіе какой-нибудь неожиданной, кровавой вспышки. Здоровыхъ солдатъ здѣсь небольше 4 тысячъ, стоятъ они лагеремъ, а офицеры почти живутъ въ городѣ. Изъ этого боязливые люди выводятъ опасность быть застигнутыми врасплохъ. Въ настоящее время Адріанопольская губернія подчинена князю Дондукову-Корсакову. Онъ остановился здѣсь въ проѣздѣ къ Филиппополю всего на одинъ часъ, а потому надо ждать его сюда въ скоромъ времени. Его посѣщеніе конечно устранитъ безпокойные слухи и возможность всякихъ безпорядковъ, столь тяжелыхъ въ это неопредѣленное глупое время.

Филиппополь, 7-го (19-го) іюня.

Давно уже слухи о родопскомъ возстаніи лежали тяжелымъ гнетомъ на русской душѣ. Иностранная пресса не-

устанно сообщала всему міру самые чудовищные разсказы о трудностяхъ борьбы съ инсуррекціей и объ ея баснословныхъ силахъ, о чудовищной природѣ мѣстности, гдѣ ведется борьба, и о многочисленныхъ, чуть не ежедневныхъ пораженіяхъ русскихъ съ потерей сотнями и даже тысячами нашихъ героевъ. Живя въ Константинополѣ, я зналъ отчасти происхожденіе и цѣль этихъ тенденціозныхъ извѣстій, чувствовалъ инстинктивно и по логикѣ прошлаго, что неблагопріятные для Россіи слухи исходятъ изъ того лагеря, гдѣ признается честнымъ всякое оружіе и всякій способъ борьбы съ сѣвернымъ колоссомъ; тѣмъ не менѣе сердце билось усиленно и болѣло, когда вышесказанныя вѣсти попадались на глаза во всѣхъ столбцахъ прессы всѣхъ языковъ. Отрывочныя свѣдѣнія о возстаніи, доходившія до нашей главной квартиры, не могли успокоить настолько, чтобъ покрыть своимъ авторитетомъ нравственную обиду, чувствуемую отъ неожиданнаго новаго потока крови гдѣ-то съ краю, гдѣ не предполагалъ никто никакого врага. Чѣмъ ближе дѣло подвигалось къ конгресу, чѣмъ упорнѣе становился слухъ объ англо-русскомъ соглашеніи, тѣмъ грознѣе и мучительнѣе стали появляться извѣстія о нашемъ пораженіи въ Родопахъ. Извѣстія эти уже перестали ограничиваться одной частной сферой источниковъ — наблюденій и писаній корреспондентовъ грековъ, англичанъ и нѣмцевъ. Они начали исходить изъ терапійской канцеляріи Лэйарда и полусгорѣвшей Высокой Порты. Справки въ Санъ-Стефано имѣли еще менѣе опредѣленный результатъ, чѣмъ прежде. Тамъ слышалась единственная фраза: «преувеличиваютъ, раздуваютъ!», но никто не могъ разсказать точно и подробно о происшествіяхъ въ горахъ. Оставалось одно средство выйдти изъ неизвѣстности — отправиться самому на мѣсто и на немъ, и вблизи его почерпнуть извѣстія точныя и достовѣрныя какъ о темной исторіи этого печальнаго дѣла, такъ и о настоящемъ положеніи его. 1-го іюня я выѣхалъ съ этою

цѣлью изъ Константинополя, и вотъ теперь, сидя въ будущей столицѣ будущаго княжества, считаю себя абсолютно счастливымъ, что могу подѣлиться съ русскимъ читателемъ подробными и достовѣрными свѣдѣніями о томъ черномъ пятнѣ нашего и безъ того невеселаго политическаго горизонта, которое называется родопскимъ возстаніемъ. Мы съ читателемъ знакомы, и я храню надежду, что онъ повѣритъ моему ручательству за достовѣрность сообщаемыхъ извѣстій. Я считаю своимъ долгомъ выразить мою искреннюю признательность всѣмъ тѣмъ, къ кому я обращался съ вопросами о возстаніи, за ихъ любезную готовность познакомить меня съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Родопахъ. Имъ я обязанъ тѣмъ, что съ моей души свалился тяжелый камень, нагроможденный услужливыми врагами Россіи, и увѣренъ, что мою благодарность къ нимъ раздѣлятъ и мои русскіе читатели.

По глубокимъ снѣгамъ, чрезъ непроходимыя вершины горъ, неудержимо хлынула русская геройская армія къ югу Румеліи; раздалось неожиданное «стой!»—въ Казанлыкѣ подписано перемиріе. Дивится армія этой поспѣшности, но разсуждать не ея дѣло. Командиры отрядовъ посылаютъ офицеровъ проводить демаркаціонную линію. Къ сторонѣ Родопскихъ горъ ѣдутъ капитанъ Евреиновъ и поручикъ Коробчевскій. Это было въ концѣ января. Евреиновъ, дѣйствующій у подножія горъ, вездѣ встрѣченъ радушно; его всюду угощаютъ, ему вездѣ помогаютъ и турки, и болгары. Поручикъ Коробчевскій работалъ нѣсколько выше, и пріемъ его населеніемъ былъ совсѣмъ другого характера. Жители не допускали его до съемокъ, отговариваясь невѣдѣніемъ о перемиріи и отвергая подлинность копіи съ договора за отсутствіемъ на немъ султанской печати. Около селенія Довленъ русскій разъѣздъ былъ встрѣченъ выстрѣлами и принужденъ отступить. Мѣстныя военныя власти, неимѣвшія права самостоятельно дѣйствовать оружіемъ во время перемирія, составили о вышесказан-

номъ подробное донесеніе и отправили самого поручика Коробчевского къ генералу Непокойчицкому для личнаго разъясненія о враждебномъ настроеніи турокъ въ Родопскихъ горахъ. Поручикъ воротился безъ всякихъ результатовъ; на донесеніе не послѣдовало никакого отвѣта; оффиціальное дѣло замолкло, чтобъ проснуться чрезъ полтора мѣсяца подъ громъ выстрѣловъ и стоны сотенъ зарѣзанныхъ болгаръ. Мѣстные командиры, стоя у склоновъ высотъ, гдѣ нѣтъ никакихъ удобныхъ тропинокъ для сообщеній, гдѣ густые лѣса и каменныя скалы загораживаютъ отъ взора все, что дѣлается впереди, неимѣющіе права двигаться впередъ даже для рекогносцировокъ, — не могли знать о происходящемъ за демаркаціонной линіей. Между тѣмъ, въ горахъ собирались мусульманскіе отщепенцы бывшей арміи и мирнаго занятія; между ними тутъ и тамъ рыскали турецкіе и англійскіе агенты; опустошались казенные запасы оружія и зарядовъ; образовывались шайки, выдвигались впередъ атаманы и предводители. Къ концу марта организація инсуррекціонныхъ бандъ была готова и духъ возставшихъ оказался настолько высокъ, что они осмѣлились двинуться впередъ. Впереди рядъ болгарскихъ селъ; въ нихъ начались первыя дѣйствія мусульманскихъ патріотовъ: разрушались и осквернялись христіанскіе храмы, сжигались до тла деревни и мѣстечки; мужское населеніе безъ суда и разбора убивалось; молодыя женщины и дѣвушки уводились инсургентами въ горы, какъ добыча. Пожары и грабежъ обложили цѣлой полосой русскую демаркаціонную линію, захватывая нетолько передъ ея, но и забѣгая въ тылъ русскихъ аванпостовъ.

Послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, насилій надъ женщинами, убійствъ, пожаровъ, истребленія цѣлыхъ селъ, совершенныхъ родопскими повстанцами надъ болгарами, полетѣли новыя донесенія въ Санъ-Стефано. Какъ я уже сообщалъ своевременно, приступили къ дипломатической пе-

репискѣ съ Высокою Портой. Инсургенты приняли наше бездѣйствіе за слабость: 4-го апрѣля, въ количествѣ 4 тысячъ они появились даже въ виду Кюстендиля, грозя атакой городу. 9-го апрѣля они выдержали упорный бой въ стѣнахъ Джумы; съ другой стороны центра возстанія шла тоже рѣзня болгаръ; турки раззорили 26-го марта и въ послѣдующіе дни селенія Софійскаго и Филиппопольскаго санджаковъ—Урузляръ, Эскекіой, Ситово, Лельково и др. Тутъ 8-го апрѣля маіоръ Радзышевскій былъ принужденъ перейдти въ наступленіе и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ прогналъ инсургентовъ на ту сторону рѣки Арды. 17-го апрѣля произошло новое сраженіе съ возставшими около деревни Михалково, причемъ мы лишились двухъ нижнихъ чиновъ убитыми. Отъ 20-го по 24-е апрѣля болѣе сильный русскій отрядъ подъ командой барона Дризена имѣлъ многочисленныя стычки съ мелкими бандами и, разогнавъ ихъ, воротился обратно на демаркаціонную линію. Съ этого времени въ горахъ насталъ періодъ затишья. 3-го и 4-го мая еще разъ полковникъ Тимирязевъ сдѣлалъ нападеніе на турокъ, укрѣпившихся у Кадыкіоя; турки почти не сопротивлялись и отступили. Частые разъѣзды стали доносить о спокойствіи и отсутствіи шаекъ. Инсургенты, потерпѣвъ первыя неудачи, очевидно удалились въ глубь горъ и тамъ, подъ наблюденіемъ и съ помощью англичанъ, занялись реорганизаціей. Извѣстіе о вѣроятности конгресса и примирительной миссіи графа Шувалова заставило инсуррекцію снова выступить на свѣтъ божій и заявить міру о своемъ существованіи рядомъ звѣрствъ и поруганій надъ христіанами. Такія происшествія совершились въ округѣ деревень Мангуфъ и Брюиронъ. Русскіе разъѣзды натыкались безпрестанно на турецкія засады, такъ напримѣръ, разъѣзды поручика Нельговскаго и корнета Беренса. Прибывшіе турецкіе комиссары Самыхъ-паша, Олеко, Измаилъ и Мустафа-бей, по мнѣнію генерала Столыпина, командовавшаго всѣми вой-

скамии въ районѣ Родопскихъ горъ, нетолько не старались потушить возстаніе, но, напротивъ, усиленно заботились объ укрѣпленіи духа повстанцевъ, распространяя между ними ложныя свѣдѣнія о ходѣ европейскихъ дипломатическихъ переговоровъ, о положеніи и силѣ русскихъ войскъ и т. п. Вслѣдствіе этого генералъ Столыпинъ настоялъ на скорѣйшемъ отъѣздѣ этихъ честныхъ делегатовъ. 11-го мая они уѣхали, и въ тотъ же день, вечеромъ, получилось донесеніе, что одна рота 123-го козловскаго полка окружена многочисленнымъ непріятелемъ въ селѣ Повлоскѣ. Двѣ роты того же полка подъ командой маіора Романова немедленно двинулись на подмогу попавшимъ въ засаду, взяли съ бою Повлоскъ, другое село Совтешти и совмѣстно съ отрядомъ маіора Орловскаго атаковали 14-го мая главный притонъ инсургентовъ въ Дарковѣ. 17-го мая произошелъ особенно упорный бой. Турки засѣли на страшной крутизнѣ во вновь построенный каменный редутъ. Герои, взявшіе Балканы, всетаки взяли съ бою всѣ утесы, и унтеръ офицеръ Райко вскочилъ первымъ въ редутъ. Турки бѣжали, оставивъ на мѣстѣ до 60 тѣлъ. Наша потеря состояла изъ 3-хъ нижнихъ чиновъ раненыхъ и 1 контуженнаго. Того же числа происходили незначительныя дѣла близъ Брунрена и Мангуфа. Тамъ турки ограничились сожженіемъ и ограбленіемъ деревень и отступили. Полковникъ Конрожевскій, посланный для развѣдокъ въ тылъ и флангъ одного изъ главныхъ стратегическихъ пунктовъ возстанія, въ селеніе Борово, оттѣснилъ и тутъ возставшихъ. Наступило недолгое затишье. Черезъ три дня, 21-го мая, турки неожиданно появились въ болгарской деревнѣ Пловунъ, разрушили ее дотла, зарѣзали до 30 болгаръ мужчинъ, разграбили церковь и увели въ горы 30 христіанскихъ дѣвицъ. Эта шайка была самая многочисленная изъ всѣхъ прежде и потомъ появлявшихся. Въ ней было отъ 3½ до 5 тысячъ повстанцевъ. Русскіе отряды подъ начальствомъ поручика Выгановскаго и прапорщика Окинчица вступили

въ бой съ этой шайкой по линіи селенія Каротоке-Демерлера, а команда маіора Жихарева — по линіи Пловунъ-Каротене; всѣми отрядами командовалъ маіоръ Лашкаревъ. Ловкими обходами войска заставили турокъ обратиться въ безпорядочное бѣгство, оставивъ на мѣстѣ до 150 раненыхъ и убитыхъ. Въ Демерлерѣ русскія войска захватили много турецкихъ припасовъ, въ видѣ сѣна, ячменя, галетъ и проч., а также и патронный ящикъ съ англійскимъ клеймомъ. Въ Пловунѣ представилась нашимъ войскамъ обычная картина турецкой войны—по раззоренным улицамъ валялись трупы замученныхъ и изуродованныхъ мирныхъ жителей болгаръ. Это былъ послѣдній бой до сегодняшняго дня. Такимъ образомъ, родопское возстаніе до сихъ поръ стоило сотней зарѣзанныхъ жителей, сотни раззоренныхъ дотла деревень и селъ, убитыхъ 2 офицеровъ и 7 солдатъ, раненыхъ 3 офицеровъ и 32 нижнихъ чиновъ. Начало возстанія положено анархіей и бѣгствомъ сулеймановской арміи; организація возстанія обязана нетороплипости и дипломатическимъ пріемамъ нашихъ въ Санъ-Стефано. Матеріальная и нравственная поддержка англичанъ удостовѣряется всѣми показаніями какъ жителей района инсуррекціи, такъ и самихъ повстанцевъ. По разсказамъ тѣхъ и другихъ, въ числѣ начальниковъ бандъ находится 6 англійскихъ офицеровъ; въ Каваллу прибываютъ время-отъ-времени парусныя суда отъ британскаго флота съ военнымъ грузомъ и провіантомъ; наконецъ, во время одной изъ нашихъ рекогносцировокъ солдаты нашли въ оставленномъ турецкомъ лагерѣ цѣлую пачку англійскихъ газетъ.

Теперь положеніе дѣлъ въ Родопахъ слѣдующее. Послѣ взятія 22-го мая Борова, къ князю Дондукову-Корсакову явились мусульманскіе старшины селеній Делашгаръ и Доушкіой съ изъявленіемъ покорности жителей этого округа и съ просьбой занять ихъ селенія русскими войсками для защиты отъ инсуррекціонныхъ бандъ, насильно вербую-

щихъ рекрутовъ и раззоряющихъ населеніе реквизиціей. Наши силы двинуты по направленію этого округа. Онѣ занимаютъ въ настоящее время слѣдующую линію: Курьянъ, Томрышъ, Лельково, Ситово, Рахово, Повлоскъ, Нарѣчинъ, Бачково, Чаушкіой, Бюльмиджи, Іеръ, Кепрю, Буково, Сарныджъ, Эскекіой, Мандра, Каванлыкъ. Впереди этой линіи на далекое пространство разстилается пустыня раззоренныхъ селъ и деревень, не представляющихъ никакого прикрытія для инсургентовъ. Еще дальше—край разбоя, грабежа, анархіи, полнаго отсутствія властей и свободной агитаціи всѣхъ, кому солоны плоды русскихъ побѣдъ за Балканами. Князь Дондуковъ-Корсаковъ отправляетъ на нашу линію дивизіонъ ингушей подъ командой полковника Панкратова. Роль нашихъ войскъ теперь ограничивается охраненіемъ демаркаціонной линіи и наблюденіемъ, чтобъ шайки не приближались къ ней. Наступательныя мѣры признаны несоотвѣтствующими ни русскимъ интересамъ, ни неопредѣленному политическому положенію русскихъ въ Румеліи. Притомъ же неприступная мѣстность, незнакомая нашимъ топографамъ, отсутствіе дорогъ и неизвѣстность силъ возстанія заставляютъ думать, что наступательныя движенія обошлись бы намъ слишкомъ дорого кровью и лишеніями. Но, на всякій случай, производятся работы по устройству удобной дороги отъ села Тахтанлы до с. Карамушъ, а частые разъѣзды и патрули освѣщаютъ всю мѣстность впереди, доступную военнымъ развѣдкамъ.

Для успокоенія дѣлъ и умовъ въ районѣ Родопскихъ горъ, незанятомъ русскими войсками, предпринята лишь одна мѣра: русское посольство въ Константинополѣ предлагаетъ Портѣ учредить правильную администрацію и власть въ округахъ грабежа и разбоя. Многіе вѣрятъ, что это возстановило бы нѣкоторый порядокъ среди хаоса страстей, иностраннаго поджигательства и анархіи, упростило и облегчило бы трудную въ настоящую минуту аванпост-

ную службу русскихъ. Признаюсь, я плохо вѣрю въ успѣхъ этой мѣры. Я сильно сомнѣваюсь, чтобъ непопулярная сила Гамида оказалась въ состояніи ввести тамъ хотя бы тѣнь порядка. Что будетъ потомъ—сообщу своевременно и подробно; теперь же еще разъ завѣряю въ достовѣрности сообщаемыхъ мною фактовъ и предостерегаю русскаго читателя противъ всѣхъ измышленій заграничныхъ писателей по отношенію къ родопскому возстанію. Я уже десятки разъ писалъ о глубокой ненависти къ намъ грековъ, о беззастѣнчивости въ выборѣ средствъ британской дипломатіи и въ послѣдующихъ корреспонденціяхъ подтвержу то и другое новыми фактами, взятыми здѣсь, на мѣстѣ, такъ-сказать, изъ первыхъ рукъ. Литературный заграничный міръ устроенъ такъ: нѣсколько лгуновъ-чужеземцевъ нахально выдумываютъ чудовищныя басни о русскихъ пораженіяхъ и затрудненіяхъ; инстинктивная антипатія Европы и ея невѣжество по отношенію къ Россіи облегчаютъ вѣру въ измышленіе тенденціозныхъ лгуновъ, и творенія послѣднихъ перепечатываются всѣми органами заграницы. Логично ли и позволительно ли русской прессѣ слѣдовать этимъ же путемъ? Или мало у насъ на душѣ дипломатическихъ, историческихъ и кровныхъ обидъ, чтобъ увеличивать ихъ тяжесть новымъ гнетомъ завѣдомой лжи?

Филиппополь, 8-го (20-го) іюня.

Румелійская желѣзная дорога, вѣроятно, построена г. Поляковымъ по разсчету поверстной платы: она идетъ неизмѣнными зигзагами нетолько на спускахъ и подъемахъ, но даже и по абсолютно равнымъ степямъ и полямъ; она, какъ и наши чугунки, двигается медленно, задумчиво пріостанавливаясь предъ мостиками и насыпями. Окончивъ по ней путь, невольно благодаришь судьбу за оставленіе жизни до слѣдующаго путешествія. Около Константинополя только синее море и голубая даль Левантійскихъ горъ краситъ неприглядную голую землю, обливаемую нестерпимо знойны-

ми лучами солнца. Скрылось изъ глазъ море, и хоть не выглядывай изъ окна вплоть до самаго Адріанополя. Отсюда начинаютъ темнѣться густой полосой на всѣхъ сторонахъ горизонта далекія горы Балкановъ и Родопа. Чѣмъ ближе подвигаешься къ Филиппополю, тѣмъ природа становится разнообразнѣе и грандіознѣй. Неширокая долина врывается какъ узкій заливъ среди высокихъ горъ и на самомъ кончикѣ этого залива возвышаются словно искусственно сложенные два каменистыхъ холма-конуса. На нихъ-то и расположена будущая столица княжества. Внутри столицы картина невеселая. Масса разрушенныхъ или необитаемыхъ домовъ, узкія улицы съ убійственной мостовой и только Марица, вьющаяся нескончаемой лентой по филиппопольской равнинѣ, спокойно готовится увидѣть на берегахъ своихъ другую по виду столицу, болѣе достойную этой славянской исторической рѣчки. Еще недавно, разсказываютъ, по Филиппополю было ходить нельзя—міазмы скученныхъ домовъ, построенныхъ помимо всякихъ гигіеническихъ правилъ, отравляли дыханіе. Новая администрація города дѣятельно занялась ассенизаціей столицы, и теперь здѣсь даже въ самые жаркіе дни дышется вполнѣ свободно. Въ правительственныхъ сферахъ уже вырабатывается проектъ новаго распланированія города, но санъ-стефанскій договоръ поставилъ этому дѣлу немалое препятствіе, установивъ двухъ-лѣтній срокъ для мусульманскихъ выходцевъ по отысканію ихъ правъ собственности на недвижимыя имущества въ Болгаріи. Европейская распланировка города требуетъ снятія многихъ покинутыхъ мусульманскихъ домовъ—какимъ же образомъ экспропріировать ихъ ранѣе двухъ-лѣтняго срока по договору въ отсутствіи хозяевъ? То же переходное положеніе города къ столицѣ и отъ Азіи къ Европѣ замѣтно во всѣхъ проявленіяхъ здѣшней жизни. Рестораны представляютъ смѣсь восточной грязи съ европейской кухней, полиція—соединеніе восточной неподвижности съ цивилизованной субординаціей; извощи-

ки—совмѣщеніе грязной рубашки вмѣсто кучерской одежды съ лежачими рессорами; наконецъ, переходное состояніе закрадывается и въ прекрасное зданіе Измаила, гдѣ помѣщаются всѣ бюро высшей администраціи края, и въ отношеніи различныхъ націй, населяющихъ городъ. Отлагая рѣчь о дѣятельности администраціи до слѣдующаго письма, я приведу лишь краткій очеркъ мѣстныхъ греческихъ и болгарскихъ думъ и дѣлъ. Греки здѣсь успѣли въ послѣднее время забрать въ свои руки даже то, что не могли захватить при туркахъ. Русская администрація нашла въ ихъ власти чуть не всѣ городскіе капиталы и учрежденія. По мнѣнію здѣшнихъ правительственныхъ кружковъ, настоящее время неопредѣленности и конгресса обязываетъ русскую администрацію къ крайней сдержанности въ сношеніяхъ съ мѣстными враждебными славянству элементами, и потому греки продолжаютъ пока пользоваться своими незаконными прерогативами. Одна въ высшей степени скромная экскурсія въ сферу этихъ прерогативъ русской администраціи немедленно открыла истинную цѣль эллинскаго патріотизма филиппопольскихъ грековъ. Здѣсь есть городская больница съ обширнымъ и постояннымъ источникомъ доходовъ для нея, заключающихся въ лавкахъ, отдаваемыхъ внаемъ за крупную сумму. Въ эту-то больницу, захваченную вмѣстѣ съ доходами греческой митрополіей, заглянула случайно русская власть и ужаснулась картинѣ, представившейся ея глазамъ. Десятки тяжелобольныхъ помѣщались въ отвратительно-грязныхъ палаткахъ прямо на полу: въ больницѣ нѣтъ ни одной кровати. Пищу имъ выдавали всего два раза въ недѣлю; никакой медицинской помощи вовсе не существовало; одна умалишенная помѣщена въ отдѣльной клѣти, замурованная тамъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Всѣ громадные доходы больницы очевидно поступали въ карманы широкихъ рясъ греческаго духовенства. Объ этой позорной дѣятельности эллиновъ составленъ подлежащій актъ, и больница въ скоромъ вре-

мени будетъ отобрана отъ грековъ и перейдетъ къ своему законному владѣльцу—городу. Вражда грековъ къ русскимъ, конечно, сильна, но она проявляется не здѣсь, гдѣ показывать ее небезопасно, а въ корреспонденціяхъ, посылаемыхъ отсюда греками во всю Европу. Зато ихъ вражда къ болгарамъ выражается въ самой грубой формѣ. Для лучшей характеристики, я беру примѣръ такой вражды въ наиболѣе высокопоставленномъ изъ здѣшнихъ грековъ—ихъ митрополитѣ. Этотъ пастырь обращается однажды съ письмомъ къ князю Дондукову-Корсакову, въ которомъ горько жалуется на безчинства болгаръ и приводитъ тому какъ доказательство нападеніе почетнаго болгарина Коропакли на грека Вамбри, причемъ послѣдній былъ будто бы избитъ и ограбленъ. Пока жалоба дошла оффиціальнымъ путемъ отъ князя до полиціи, въ греческихъ газетахъ уже появилась статья, повторяющая все содержаніе письма митрополита. Между тѣмъ, Вамбри, будучи вызванъ къ формальному допросу въ качествѣ потерпѣвшаго лица, показалъ, что его никто не грабилъ и никто не нападалъ на него, а извѣтъ на Коропакли былъ сдѣланъ его женой по мести. Такимъ образомъ, греческій митрополитъ, очевидно, завѣдомо выдумалъ цѣлую лживую исторію, чтобъ имѣть случай лишній разъ ругнуть русскихъ и болгаръ. Если пастырь не брезгаетъ ложью для достиженія извѣстныхъ цѣлей, то чего же надо ждать отъ меньшей братіи мѣстнаго эллинизма? Болгары ненавидятъ грековъ, но по старой памяти чувствуютъ къ нимъ нѣкоторый страхъ. Боязнь эллиновъ усиливается подъ вліяніемъ греческихъ увѣреній, что Румелія будетъ отторгнута рѣшеніемъ конгресса отъ княжества. Слушая эти мечты панэллинизма, забитые славяне внимательно присматриваются къ дѣятельности русской администраціи, стараясь найдти въ ней фактическое опроверженіе греческихъ угрозъ. Пяти-вѣковой гнетъ сказывается въ болгарахъ недостаткомъ инициативы и активности, а между тѣмъ настоящіе и недавно прошедшіе

дни были лучшимъ временемъ для опроверженія тѣхъ заблужденій Европы о Румеліи, которыя возникли благодаря лживымъ корреспонденціямъ и статистикамъ мѣстныхъ грековъ. Теперь болгарская интеллигенція задумываетъ устроить первое здѣсь славянское общество; идетъ разработка уставовъ разныхъ благотворительныхъ обществъ, женскаго дружества и пр. Это лучшее начало для возбужденія самодѣятельности болгаръ. По части болгарской литературы можно отмѣтить предположеніе издавать здѣсь двѣ газеты, но пока дѣло тормозится неимѣніемъ типографій. Мѣстный органъ крайне необходимъ—его главной обязанностью будетъ противопоставить греческимъ инсинуаціямъ правду и познакомить всѣхъ, интересующихся Востокомъ, съ дѣйствительностью, вмѣсто тенденціозной лжи, распускаемой отсюда славянофобами всѣхъ расъ. Только славянскій юморъ не молчитъ среди тяжелой атмосферы, предвѣщающей или грозу, или ясное солнце. Недавно здѣшній греческій митрополитъ выпросилъ въ Константинополѣ прибавку къ своему жалованью. Болгары, узнавъ о томъ, зло подсмѣиваются надъ греками: «Скажите,—спрашиваютъ они эллиновъ,—зачѣмъ это понадобилась вашему митрополиту прибавка жалованья, если ваша статистика доказываетъ, что въ Филиппополѣ почти совсѣмъ нѣтъ болгаръ, а все греки, прихожане вашихъ церквей?»

Вообще, судя по всѣмъ фактамъ и разсказамъ, я здѣсь нахожу полное подтвержденіе той мысли, которую я высказывалъ въ своихъ константинопольскихъ корреспонденціяхъ: смирное сожитіе грековъ съ славянами не можетъ быть основано на взаимной любви, искренней дружбѣ и довѣріи. Только внушительное уваженіе къ нашей силѣ можетъ теперь сдѣлать грековъ спокойными и лишить ихъ возможности клеветать на насъ и вредить великому славянскому дѣлу.

XXV.

Недоразумѣнія по установленію сербской демаркаціонной линіи. — Пререканія между русскими и сербскими властями.— Столкновенія между русской администраціей и мѣстными представителями и иностранными консулами въ Болгаріи. — Оттоманскій банкъ.—Значеніе русской администраціи въ Болгаріи для Россіи.—Ея представители.

Филиппополь, 9-го (21-го) іюня.

Конечно, не для меня одного извѣстіе о враждебныхъ намъ дѣйствіяхъ сербовъ въ Пиротѣ, Тернѣ и другихъ мѣстахъ было крайне печальнымъ фактомъ, которому просто не хотѣлось вѣрить. Въ С. Стефано и русскомъ посольскомъ дворцѣ въ Константинополѣ говорили о вышесказанномъ дѣлѣ весьма озабоченно, а иностранная и турецкая пресса прямо заявляла объ открытомъ дипломатическомъ разрывѣ Россіи съ Сербіей и о переходѣ послѣдней на сторону австрійской политики. Я настолько знаю и уважаю г. Ристича и другихъ современныхъ сербскихъ дѣятелей, что предпочелъ молчать о русско-сербскомъ спорѣ, пока судьба не дастъ въ мои руки болѣе фундаментальныхъ данныхъ, чѣмъ дипломатическая неопредѣленность Константинополя и С. Стефано. Здѣсь, вблизи къ мѣсту спора я дождался возможности провѣрить многое и услышать изъ устъ

очевидцевъ исторію ряда прискорбныхъ недоразумѣній, а потому считаю теперь себя вправѣ сказать свое слово объ этой печальной исторіи.

Извѣстно, что часть сербской арміи по приказанію нашего главнокомандующаго заняла нѣкоторыя мѣстности софійскаго и радомірскаго санджаковъ. Въ договорѣ перемирія Сербія, Россія и Турція согласились послать сюда комиссію для установленія демаркаціонной линіи, но поспѣшный миръ 19-го февраля опередилъ исполненіе договора о перемиріи. Установленныя мирнымъ трактатомъ границы территоріи воюющихъ сторонъ указали, что часть турецкой территоріи, занятой русскими войсками, должна отойти во владѣніе Сербіи, а часть таковой же территоріи, завоеванной сербской арміей — къ Болгаріи. Повидимому дѣло не заключало въ себѣ никакихъ прецедентовъ на споръ и ссору. Русскій главнокомандующій былъ таковымъ же для сербскихъ войскъ и могъ приказать послѣднимъ здѣсь отступить, а тамъ занять. Наконецъ, еслибъ и возникли какія либо недоразумѣнія или замедленія со стороны сербовъ, то въ нашихъ рукахъ было понудительное средство: мы могли отдавать Сербіи принадлежащее ей по договору по мѣрѣ очищенія ею земли отходящей къ Болгаріи. Наконецъ, и это главное, соглашеніе и переговоры съ Сербіей могли быть ведены или дипломатическимъ путемъ, какъ съ государствомъ, или военнымъ — какъ съ подчиненнымъ союзникомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ не могло быть въ результатѣ ничего темнаго и неопредѣленнаго—Сербія не имѣла бы ни права, ни основанія оставить безъ отвѣта дипломатическую ноту петербургскаго кабинета или требованія главнокомандующаго; отвѣтъ же ея непремѣнно выяснилъ бы истинныя намѣренія Сербіи и далъ бы намъ точный матеріалъ къ разрѣшенію вопроса—что дѣлать съ своимъ вчерашнимъ союзникомъ-единоплеменникомъ? Все это, полагаю я, должно быть ясно каждому, какъ дважды два—четыре. Посмотримъ же теперь на то, какъ простое

дѣло запуталось и выросло въ гору, пришедшуюся весьма поправу всѣмъ нашимъ зложелателямъ.

21-го марта, т. е. спустя мѣсяцъ послѣ заключенія мира и абсолютнаго молчанія о болгарской территоріи, занятой сербами, изъ Санъ-Стефано посылается софійскому губернатору приказъ открыть немедленно гражданское управленіе въ округахъ Пирота, Врана и Терна, находящихся за сербской окупаціонной линіей. Международное дѣло такимъ образомъ поступило въ вѣдѣніе гражданскаго губернатора Алабина и сербскаго чиновника Спасоіевича. Между ними начинается споръ, и послѣдній не допускаетъ перваго исполнить приказаніе изъ Санъ-Стефано. Мѣстные жители, узнавъ о возникшихъ международныхъ недоразумѣніяхъ въ уѣздной сферѣ, тревожатся и принимаютъ въ спорѣ участіе. Значительная часть ихъ цѣлыми толпами является къ г. Алабину, полагая, что у послѣдняго въ рукахъ не только дипломатическая миссія, но и сила для реализаціи ея. Другая часть жителей, меньшинство, поддѣлывающееся подъ желаніе хозяевъ округовъ — сербовъ, устраиваетъ антирусскія администраціи, и на спорной территоріи завязывается ожесточенная борьба партій. Видя у себя эти волненія, сербы просятъ русскія власти даже не являться въ спорныя земли. Тутъ и то на очень короткое время дѣло заскакиваетъ въ кабинетъ дипломатовъ и снова возвращается на старый путь. Между русскими и сербами много селъ и деревень, незанятыхъ никѣмъ. Къ какому округу или санджаку принадлежатъ они—во многихъ случаяхъ вопросъ темный. Въ V-мъ выпускѣ 3-ей части матеріаловъ о Болгаріи, изданныхъ по повелѣнію великаго князя, Брезнесно, напр., совсѣмъ нѣтъ, а есть Беркникъ, и нахія (волость) послѣдняго отнесена къ Радомірскому округу, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она принадлежала къ Софійскому санджаку. Когда начался споръ и стало очевиднымъ возбужденіе умовъ мѣстнаго населенія, обѣ стороны, русскія и сербскія власти, постарались двинуться впередъ. Демар-

каціонной линіи никогда не существовало, и вотъ русскія и сербскія войска перепутались — это еще болѣе усложнило споръ и усилило взаимное раздраженіе. Къ тому же сербы начали собирать подати, а русскіе—дѣлать рекрутскій наборъ. Нежелающіе платить податей дѣлались руссофилами, нежелающіе идти въ солдаты—руссофобами. Наконецъ, изъ С.-Стефано сначала пришелъ приказъ: «рекрутъ не брать», а затѣмъ и другой отъ 10 апрѣля: «введеніе гражданскаго управленія тамъ не вводить». Такъ закончился второй періодъ и мѣсяцъ страннаго дѣла. Начался третій. Въ спорныхъ провинціяхъ распоряжается уже человѣкъ весьма рѣшительнаго характера Средковичъ, бывшій воспитанникъ кіевскаго университета. Съ нашей стороны дипломатія оставалась въ рукахъ г. Алабина. Жители продолжаютъ волноваться все больше и больше; изъ Пирота и другихъ мѣстъ бѣгутъ толпы на болгарскую территорію, шлютъ адресы и депутаціи. Г. Алабинъ, наконецъ, заявляетъ, что онъ тогда-то прибудетъ въ Пиротъ. Мѣстныя городскія власти шлютъ ему привѣтственную телеграмму; Средковичъ задерживаетъ ее; г. Алабинъ не пріѣзжаетъ, и перепуганная городская власть въ лицѣ предсѣдателя городскаго совѣта спасается бѣгствомъ въ Софію. Является формальная депутація отъ Пирота, желающая ѣхать въ С.-Стефано для выясненія невозможнаго положенія дѣлъ. Ее не пускаютъ дальше. Бѣглецы разсказываютъ о насиліяхъ, несправедливости и пристрастіи сербовъ; въ сосѣднихъ съ сербской окупаціей деревняхъ слагается недовѣріе къ софійской администраціи. Очень можетъ быть, что этотъ народный скептицизмъ обязанъ въ нѣкоторой долѣ грубымъ происканъ немногихъ сербовъ, но несомнѣнно, что главный источникъ недовѣрія къ власти заключался въ невольной неуступчивости дипломатіи г. Алабина и видимой силѣ настояній г. Средковича. Изъ С.-Стефано получается приказъ посовѣтывать сербамъ не вводить на спорной территоріи свою администрацію и не брать

налоги. То и другое, конечно, не было исполнено сербами— безъ учрежденія властей, очевидно, они не могли обойтись и одного дня, а подати взыскивались по приказанію, послѣдовавшему изъ Бѣлграда уже давно, до заключенія мира. Г. Нелидовъ, на совѣтъ котораго былъ предложенъ русско-сербскій споръ, высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ остерегаться изъ столь маловажнаго дѣла раздувать большое, что теперь время политической неопредѣленности и что участь спорныхъ провинцій остается и послѣ с.-стефанскаго договора нерѣшенной окончательно. Итакъ, дѣло, казалось, должно было успокоиться до того времени, когда Европѣ будетъ угодно отрѣзать намъ тотъ ломтикъ, который мы заслужили на Востокѣ своими побѣдами. Но злая судьба распорядилась вопреки благоразумію. По близости къ Пироту есть селеніе Распики, гдѣ по отчетностямъ губернатора значилось введеннымъ въ дѣйствіе гражданское управленіе Болгаріей. Туда окружнымъ начальникомъ были посланы болгарскіе стражники Бакалъ и Галыбъ для взятія рекрутъ. Бѣдняковъ связали и вмѣстѣ съ помогавшими имъ старшинами отправили въ Пиротъ. Г. Средковичъ возвратилъ ихъ г. Алабину съ любезнымъ письмомъ, въ которомъ извинялся въ несправедливомъ задержаніи стражниковъ, происшедшемъ не по его винѣ. Немного позже случилось дѣло похуже. Въ с. Брезьѣ приглашали жителей къ вынутію рекрутскаго жеребья. На зовъ никто не явился, жребій вынули власти, и село должно было поставить 11 новобранцевъ. Послали за ними стражника, но его прогнали, объявивъ, что село принадлежитъ Сербіи. Командировали корнета Мосолова съ 10 драгунами, придавъ къ нему для помощи болгарина, члена окружнаго совѣта, Коцева. Жители и тутъ не соглашаются дать рекрутъ.

— Мы, говорятъ они, принадлежимъ сербамъ, но если русскій царь прикажетъ, то всѣ—старые и малые—пойдемъ на его службу. Софійскимъ же властямъ не вѣримъ и слушаться ихъ не будемъ!

Корнетъ Мосоловъ беретъ одного старика за руку и приказываетъ ему ѣхать въ Софію, убѣдиться тамъ въ существованіи русскихъ дѣйствительныхъ властей и передать видѣнное своимъ односельцамъ. Населеніе приняло эту мѣру за арестъ старика, разбѣжалось со сходки, засѣло въ окольныя горы и открыло пальбу по русскому отряду. Къ счастію, никто не былъ ни раненъ, ни убитъ. Это произошло въ концѣ мая. Черезъ нѣсколько дней болѣе сильная русская команда заняла безъ всякаго сопротивленія Брезну и съ тѣхъ поръ по сей день не случилось здѣсь ничего выдающагося, но и споръ въ свою очередь не подвинулся впередъ ни на іоту. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, узнавъ о прискорбномъ положеніи дѣлъ въ этой части ввѣренной ему Болгаріи—немедленно командировалъ капитана генеральнаго штаба Чичагова для дознанія на мѣстѣ. Докладъ этого офицера еще не представленъ и потому пока невозможно сказать ничего опредѣленнаго о томъ, что предприметъ новое болгарское правительство для избѣжанія грустныхъ послѣдствій формальной ошибки. Въ свое время я, конечно, постараюсь познакомить читателей съ будущей дѣятельностью здѣшней администраціи по этому вопросу, теперь же мнѣ остается резюмировать по возможности все разсказанное. Славянское политическое единство такая святая вещь, на которой нельзя оставлять ни одного темнаго пятна безъ подробнаго изслѣдованія.

Всѣмъ памятно, что сербы до заключенія мира, т. е. до окончательнаго рѣшенія участи занятой ими территоріи, сослали митрополита Евстафія и употребляли всѣ старанія склонить жителей Пиротскаго, Вранскаго и Тернскаго округовъ къ ходатайству о присоединеніи ихъ къ Сербіи. Эти мѣры сербовъ, конечно, противорѣчили справедливости и законности, но объясненіе онѣ находятъ въ нѣкоторомъ историческомъ и практическомъ родствѣ спорныхъ округовъ съ сербской національностью. Санъ-стефанскій договоръ оказался временно дѣйствительнымъ лишь на бумагѣ

и потому Сербія опять имѣла практическое, хотя и не братское основаніе игнорировать трактатъ, признанный нами самими прелиминарнымъ и неисполняемый никѣмъ — ни Россіей въ Македоніи, ни турками въ крѣпостяхъ Болгаріи и Батумѣ. Неопредѣленность положенія нашей политики на Востокѣ отозвалась, какъ мы видѣли, и на сношеніяхъ Санъ-Стефано съ Бѣлградомъ. Переговоры о сдачѣ спорной территоріи попали вмѣсто кабинета дипломатовъ въ руки губернской власти, а исполненіе мирнаго договора вмѣсто военнаго полка въ канцелярію гражданскаго губернатора. А потому, если сербы и заслуживаютъ упрека съ точки зрѣнія нравственности, то все-таки погрѣшность противъ логики остается на душѣ другой стороны. Какъ бы ни окончился странный споръ, онъ не можетъ имѣть никакого другого результата, кромѣ печальной памяти о немъ. За это ручается наша сила и разумъ сербскаго правительства.

Филиппополь, 10-го (22-го) іюня.

Въ день моего отъѣзда изъ Константинополя секретари многихъ посольствъ съ весьма озабоченнымъ видомъ размѣнивались визитами, показывая другъ другу на какую-то длинную бумажку, якобы весьма интересную для всей Европы и конгресса. Секретъ сохранялся недолго. Греческія газеты съ нескрываемой радостью опубликовали крупнымъ шрифтомъ подробный разсказъ о происшествіи, обезпокоившемъ дипломатовъ. Радость эллинской прессы живо раздѣлили всѣ многочисленные руссофобы Востока и Запада, а безпокойство дипломатовъ, очевидно, коснулось и нашего посольскаго дворца. Будучи большимъ скептикомъ не только по отношенію къ греческимъ литераторамъ, но и ко многимъ мѣстнымъ русскимъ дѣятелямъ, я рѣшилъ отложить печаль и безпокойство до пріѣзда въ Филиппополь, гдѣ, конечно, легче узнать настоящую правду. Я не ошибся. Нижеописанное происшествіе принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ, которыя раздуты изъ пустяковъ въ цѣлую

тору, т. е. съ нимъ повторилась исторія родопскаго возстанія. Здѣсь такимъ дѣламъ никто не придаетъ серьезнаго значенія, такъ какъ знаютъ ихъ настоящую цѣну и обстановку, знаютъ правду. Въ Константинополѣ и Европѣ объ этихъ дѣлахъ пишутъ цѣлыя ноты, ведутъ переговоры, созидаютъ международныя затрудненія и посвящаютъ имъ цѣлые столбцы періодической прессы. Именно къ такимъ происшествіямъ принадлежатъ всѣ столкновенія между русской администрацией и мѣстными представителями, консулами и вице-консулами иностранныхъ державъ.

Первый изъ такихъ случаевъ произошелъ въ Рущукѣ. Въ домѣ, носящемъ вывѣску оттоманскаго банка, помѣстилась канцелярія гражданскаго управленія. Вдругъ въ высшихъ дипломатическихъ сферахъ Петербурга и Лондона заговорили объ ужасномъ дѣлѣ: «русская администрація при помощи насилія захватила квартиру англійскаго консула въ Рущукѣ, воспользовалась его архивомъ и пр.» Боже мой, какіе варвары эти русскіе, они совсѣмъ не знаютъ, не уважаютъ международнаго права—вторила хоромъ иностранная пресса. Что же было на самомъ дѣлѣ? Англійскій консулъ, удирая изъ бомбардируемаго Рущука, сложилъ свои вещи въ зданіи оттоманскаго банка; его вещи такъ и остались въ отдѣльной комнатѣ неприкосновенными; только въ другихъ комнатахъ банка расположилась русская канцелярія, принявшая на себя и охраненіе консульскихъ вещей. Дѣло оказалось преднамѣренной клеветой, но цѣль была достигнута—европейскіе читатели, не знающіе конца шума, такъ и остались при убѣжденіи въ варварствѣ русскихъ, и должная частичка раздраженія противъ насъ легла въ душѣ западниковъ. Не успѣли забыть о рущукской исторіи, какъ въ Филиппополѣ выросла другая столь же неожиданно и изъ того же источника лжи и клеветы, выросло на вполнѣ подготовленной почвѣ довѣріе ко всякому недоброму слуху о русскихъ.

На четвертый день пріѣзда князя Дондукова-Корсакова

къ нему явились четыре здѣшніе вице-консула—греческій, англійскій, австрійскій и французскій. Помня недавнее дипломатическое изъясненіе, что, по введеніи въ Румеліи русскаго гражданскаго управленія, акредитованіе иностранныхъ консуловъ при турецкомъ правительствѣ потеряло свою силу въ сказанной провинціи, консулы постарались отнять у своего представленія князю всякій намекъ на оффиціозность. Они не представили ни своихъ паспортовъ, ни уполномочій и одѣлись въ самые простые костюмы, избѣгая мундира и орденовъ. Русскій комиссаръ въ свою очередь сказалъ имъ, что онъ хотя и не считаетъ за собой права признать представляющихся оффиціально дипломатическими агентами державъ, состоящихъ при его правительствѣ до исполненія надлежащихъ формальностей, тѣмъ не менѣе очень радъ видѣть вице-консуловъ, надѣясь, что въ недалекомъ будущемъ они помогутъ управленію края. Такимъ образомъ, обѣ стороны сразу лишили свиданіе всякаго оффиціальнаго характера. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ князь, опредѣляя подробнѣе какую помощь для Болгаріи ждетъ отъ проживающихъ въ ней представителей иностранныхъ державъ, упомянулъ конечно и о взаимной враждѣ мѣстныхъ національностей, прибавивъ, что она поддерживается и разжигается главнымъ образомъ лживыми сообщеніями тенденціозныхъ людей. «Филиппополь, замѣтилъ между прочимъ князь, одинъ изъ главныхъ пунктовъ, откуда разсылаются въ константинопольскія греческія газеты массы клеветъ и самыхъ недобросовѣстныхъ инсинуацій на русскихъ и болгаръ». Тутъ-то, по пословицѣ «всякая кошка знаетъ чье мясо съѣла», обижается вдругъ греческій консулъ Николай Матала, состоящій при помощи своего секретаря Влахидія спеціальнымъ корреспондентомъ «Неологоса», греческой газеты въ Константинополѣ, наиболѣе изъ всѣхъ своихъ собратій враждебной славянству и ежедневно наполняющей свои столбцы грубѣйшей ложью, подъ заглавіемъ «Корреспонденціи изъ Болгаріи».

Еслибъ я былъ членомъ аѳинскаго кабинета, я бы немедленно уволилъ отъ службы г. Маталу—какъ можно дипломату такъ выдавать себя и свою дѣятельность своимъ врагамъ? Впрочемъ, Матала и не дипломатъ по спеціальности. Онъ купецъ, ловко торгующій лѣсомъ и бумажными матеріями. Записавшись членомъ во всевозможныя мѣстныя греческія общества, онъ вездѣ мутитъ, пропагандируетъ панэллинизмъ и шлетъ своему правительству и въ газеты измышленныя злыя свѣдѣнія о русскихъ и болгарахъ. Такое дѣло здѣсь теперь очень выгодно для грека—и правительство награждаетъ, и пресса платитъ, и популярность создается. Итакъ, Матала обидѣлся, выдавъ себя головой; его поддержалъ англійскій вице-консулъ Кальвертъ, братъ жены Уитекера, редактора безвременно погибшаго «Levant Herald'a», органа Лэйарда, служившаго для оклеветанія русскихъ въ Болгаріи съ неменьшимъ пафосомъ, чѣмъ греческія газеты съ «Неологосомъ» во главѣ. Австрійскій консулъ Адельбургъ, человѣкъ довольно скромный и честный, но извѣстенъ здѣсь за весьма не талантливаго господина. Вотъ эти-то трое достойныхъ представителей современной дипломатіи немедленно послѣ свиданія съ княземъ составили актъ объ обидѣ ихъ русскимъ комиссаромъ, который и не призналъ ихъ консулами, и будто бы заподозрилъ и уличалъ ихъ въ распространеніи завѣдомо ложныхъ извѣстій. Актъ посланъ въ Константинополь, и будетъ конечно удостоенъ прочтеніемъ на конгрессѣ.

Какъ же можно такъ нахально лгать, вѣдь ихъ же уличатъ, вѣдь имъ будетъ совѣстно, они потеряютъ кредитъ общества и своихъ правительствъ? скажетъ пожалуй читатель, не испорченный пребываніемъ въ атмосферѣ тѣхъ кабинетовъ, гдѣ рѣшаются судьбы народовъ. Увы, не такая участь ждетъ вице-консуловъ Филиппополя! Грекамъ, англичанамъ и всей Европѣ нужно лишь оффиціальное удостовѣреніе неспособности русскихъ къ исполненію великихъ задачъ на Востокѣ и нѣтъ никакого дѣла до изслѣдо-

ванія насколько справедливо это удостовѣреніе. Есть оно—давайте сюда, оно лжетъ—кому какое дѣло?

Всѣ разсказанные мною сегодня факты имѣютъ глубокое значеніе для нашей политики, для точнаго уясненія того мѣста, которое мы занимаемъ въ умахъ Европы, и для опредѣленія точки отправленія нашей дѣятельности въ сферѣ славянства. Мы оберегаемся всѣми способами не задѣть никого; стараемся пропустить многое мимо ушей, лишь бы избѣжать малѣйшаго столкновенія съ враждебными элементами завоеваннаго нами края, и что же въ результатѣ? Масса измышленныхъ клеветъ, масса надругательствъ надъ русскимъ и славянскимъ именемъ. Наша церемонность, также какъ и наше великодушіе, не принесли намъ пока никакой пользы. Между тѣмъ, чѣмъ подробнѣе ознакомляется русская власть съ происходящимъ въ Болгаріи, тѣмъ болѣе возникаетъ вопросовъ, въ которыхъ требуется отбросить щепетильность и дѣйствовать рѣшительно, съ полнѣйшей вѣроятностью навлечь гнѣвъ Европы. Избѣжать этого, значило бы пожертвовать для Запада сокровеннѣйшими интересами молодой и родной націи. Вотъ одинъ изъ примѣровъ тому. Въ Константинополѣ есть, какъ извѣстно, оттоманскій государственный банкъ, учрежденный англичанами. Отношенія его къ правительству Порты были всегда весьма близкія. Банкъ давалъ ссуды и возвращалъ ихъ, собирая подати; банкъ содержалъ всѣхъ представителей Турціи заграницей, получалъ таможенные доходы, регулировалъ выпускъ каимэ и т. д. Понятно, что открытіе отдѣленій этого банка въ свободной Болгаріи грозитъ неисчислимымъ вредомъ и противно всѣмъ интересамъ нашимъ и болгарскимъ. Между тѣмъ, 31 марта, въ Рущукъ прибылъ агентъ оттоманскаго банка и намѣревается открыть тамъ дѣйствіе бывшаго до войны отдѣленія, пока же при содѣйствіи его скупается англичанами множество земель въ Болгаріи, для чего и заключены запродажныя сдѣлки съ

бѣжавшими отсюда мусульманами. Пока здѣсь нѣтъ никакихъ властей для регистрованія правъ собственности на недвижимыя имѣнія, пока рущукское отдѣленіе оттоманскаго банка только намѣревается открыть свои дѣйствія—все еще ничего. Но когда иностранные скупщики имѣній пожелаютъ укрѣпить ихъ за собой, а отдѣленіе банка обратится съ просьбой о разрѣшеніи ему начать операціи—гдѣ исходъ безъ грома и молніи со стороны всей буржуазной Европы? Обезземелить Болгарію, отдать за грошъ ея чудную плодородную почву эксплуатаціи политическихъ враговъ, ищущихъ здѣсь по преданію одной наживы, значило бы совершить величайшій грѣхъ и покрыть трауромъ святое дѣло освобожденія Болгаріи; позволить оттоманскому или какому нибудь другому иностранному банку наводнить страну чужеземными капиталами, значитъ исключить возможность появленія здѣсь русскихъ товаровъ и развитія мѣстной мануфактуры. Итакъ, волей-неволей намъ придется здѣсь начать и выдержать не малую борьбу съ всевозможными иностранными интересами во имя блага самой Болгаріи. Пожелаемъ отъ души успѣха именно этой борьбѣ!

Филиппополь, 11-го (23-го) іюня.

Меня нѣсколько удивляетъ отчего наша пресса до сихъ поръ почти ни слова не сказала о значеніи русской администраціи въ Болгаріи для Россіи. Оставляя даже будущему отвѣтить на вопросъ—насколько хорошо или дурно поведетъ свои дѣла эта администрація, мы и теперь не можемъ отказать ей въ нашемъ интересѣ. Здѣсь русскіе люди—важные и мелкіе администраторы и чиновники—стоятъ на почвѣ организаціи, свободной отъ тѣхъ многихъ камней преткновенія, которые исторически выискиваются на родинѣ, когда дѣло идетъ о перемѣнахъ, нововведеніяхъ и реформахъ. Русскій либерализмъ, не чуждый у насъ, какъ извѣстно, и бюрократическихъ сферъ, здѣсь не имѣетъ права повторить рукоомовенія Пилата, приговаривая съ видомъ авто-

ритетной основательности: «все это очень хорошо, да къ намъ то не примѣнимо!» Волею Государя, въ Болгаріи предполагается къ введенію самоуправленіе на широкихъ началахъ и учреждается децентрализація, о которой могутъ только мечтать западно-европейскіе свободолюбцы. Исполняя эти августѣйшія предначертанія и примѣняя ихъ къ молодому народу, готовому поддаться всякой формѣ жизни, какъ воскъ въ рукахъ скульптора, русскіе чиновные организаторы Болгаріи дѣлаются исключеніемъ изъ числа своихъ собратовъ на Руси. Если велика ихъ отвѣтственность предъ Царемъ и славянскимъ міромъ, то будетъ также велико ихъ и значеніе для будущаго нашей родины. Возвратясь изъ Болгаріи, познакомившись съ самоуправленіемъ страны, не имѣющей за собой даже той исторіи, которую прожила Россія, русскіе дѣятели въ Болгаріи будутъ призваны сказать про ощущенія своей службы при другомъ политическомъ строѣ жизни и отвѣтить опытомъ на многіе отечественные вопросы, возникшіе подъ вліяніемъ русскаго прогресса. Намъ, русской интеллигенціи, странно было бы и сомнѣваться въ содержаніи отвѣта теперешнихъ дѣятелей Болгаріи. Помимо личнаго знакомства съ послѣдними, мы не имѣемъ права не вѣрить въ жизненность, правду и пользу учреждаемыхъ по царскому слову основныхъ порядковъ въ Болгаріи, въ такую правду и пользу, которыя не даютъ мѣста скептицизму въ ихъ убѣдительную силу и вліяніе на самую черствую рутину. Русскіе администраторы Болгаріи такимъ образомъ являются теперь учениками новаго строя общественной жизни, чтобъ приготовиться къ учительству на родинѣ. Вотъ та точка зрѣнія, которая создается на первомъ планѣ въ моемъ умѣ при повѣствованіи объ оффиціальныхъ сферахъ будущаго княжества. Какъ устроится Болгарія—для меня представляется второстепеннымъ вопросомъ. Предначертанныя для нея основы государственной жизни такъ хороши, что ихъ серьезно и надолго испортить невозможно. Во вторыхъ, я русскій прежде чѣмъ славянинъ и потому

даже маленькое будущее Россіи для меня естественно дороже большихъ болгарскихъ административныхъ интересовъ.

Немногіе дни и недѣли, проведенные русскою администраціей въ Филиппополѣ, конечно не могутъ дать почти никакого отвѣта на тѣ широкія ожиданія, которыя я только-что высказалъ. Глубокая темная неопредѣленность политическихъ дѣлъ, нервное ожиданіе конца конгресса, затаенное опасеніе возможности перемѣщенія столицы Болгаріи, конечно, не такіе прецеденты, которые бы располагали къ активности и давали бы вѣру въ ея продуктивность. Тѣмъ не менѣе работа идетъ, и притомъ, работа не безъинтересная, хотя она почти не выходитъ изъ сферы проектовъ, предположеній и т. п. нереальныхъ дѣлъ. Число такихъ работъ такъ многочисленно уже и теперь, что обсужденіе ихъ можетъ дать нѣкоторую краску русской администраціи въ краѣ и послужить не безполезной темой для корреспондента; трудно только найти пока методъ. Я думаю, что пока дѣло ведется безъ участія представительства страны, оно можетъ быть названо личнымъ и потому у меня есть логическое основаніе повести рѣчь о программѣ, гдѣ вмѣсто заголовка дѣлъ по существу будутъ стоять имена руководящихъ ими.

Первое лицо въ здѣшней администраціи—русскій императорскій комиссаръ, князь Дондуковъ-Корсаковъ. Наша жизнь съ крѣпко затворенными дворами канцелярій не только исполнительныхъ, но и законодательныхъ, даетъ матеріалъ сужденію о многихъ государственныхъ дѣятеляхъ рѣдко ранѣе 10, 20 лѣтъ послѣ ихъ смерти. Въ этой неизвѣстности виноваты конечно не дѣятели, а исторія. Къ тому же, какъ я сказалъ выше, наше 1,000 лѣтнее существованіе создало много такого, что не даетъ никакой возможности, стоя въ сторонѣ, судить сколько нибудь вѣрно о находящемся по званію на виду. По этимъ самымъ причинамъ пазначеніе сюда верховнымъ представителемъ князя Д.-Корсакова вызвало множество самыхъ элементарныхъ

вопросовъ, хотя имя князя повторялось давно, какъ завѣдывающаго важными отдѣлами родной администраціи. Элементарные вопросы въ связи съ широкой властью званія комиссара сами собой вызываютъ необходимость наблюденія всѣхъ мелкихъ деталей, относящихся къ личности, пока дальнѣйшее будущее не дастъ болѣе крупныхъ основаній для сужденій.

По общему отзыву, князь произвелъ въ Болгаріи впечатлѣніе въ высшей степени благопріятное для него и для русскихъ. Онъ выходилъ къ народу, встрѣчавшему его на пути къ Филиппополю, съ непокрытой головой, внимательно выслушивалъ обращенныя къ нему привѣтственныя рѣчи и отвѣчалъ на нихъ тѣмъ тономъ, въ которомъ слышался больше совѣтъ «перваго изъ равныхъ», чѣмъ приказаніе начальства. Среди болгаръ еще сохранилась грустная память о вольной или невольной рѣзкости покойнаго Черкасскаго и это еще болѣе расположило слышавшихъ Д.-Корсакова къ его личности. Масса даже не грамотнаго народа умѣетъ понять уваженіе къ себѣ, умѣетъ всегда оскорбляться за недостатокъ этого уваженія и быть благодарной за выраженіе его. Здѣсь въ Филиппополѣ князь принялъ дѣятельное участіе въ созданіи благотворительныхъ обществъ, въ которыхъ предстоитъ такая нужда послѣ военнаго и разбойнически-сулеймановскаго погрома. Когда рѣчь шла, рѣчь хотя и частная, но при случайной публикѣ, объ устройствѣ пріюта для многочисленныхъ сиротъ перевѣшанныхъ или перерѣзанныхъ родителей, князь сказалъ: «я весь съ головой, руками, ногами, готовъ отдаться на пользу Болгаріи». Эта простая фраза не осталась безъ глубокаго вліянія на народъ, не знавшій до сихъ поръ ничего, кромѣ гоненій и не слыхавшій никакихъ другихъ обращенныхъ къ нему словъ кромѣ грубой фразы. Фраза облетѣла городъ и послужила основой для идей и дѣятельности болгарской молодой интеллигенціи, считавшей себя до сей поры обиженной русскимъ недовѣріемъ. Вотъ какъ велика впечатлительность молодой

націи! Послѣ нелѣпыхъ намековъ на неблагонадежность болгарской образованной молодежи (въ которыхъ, между прочимъ замѣчу, вовсе не былъ виноватъ князь Черкасскій, связанный въ этомъ отношеніи по рукамъ и по ногамъ) эти хорошіе соки княжества почувствовали грустную необходимость стать особнякомъ отъ Россіи, вѣру въ которую всосали съ молокомъ и ростили въ своей душѣ даже среди западныхъ клеветъ и брани на могучую Русь. Образованіе налагаетъ на людей обязанность въ смыслѣ естественной необходимости служить родинѣ. Направленіе и полезность этой службы опредѣляется исторіей. Реальное участіе въ дѣлахъ и судьбахъ родины создаетъ изъ этой молодежи здоровый, крѣпкій оплотъ національности, честныхъ, способныхъ и преданныхъ душею дѣятелей—помощниковъ власти. Отторженіе этихъ силъ отъ реальной дѣятельности ведетъ къ общему результату всякаго остракизма. Оно направляетъ эти силы въ сферу отвлеченныхъ теорій, къ враждѣ всему земному и въ концѣ концовъ изъ наиполезнѣйшихъ силъ создаетъ вредную и опасную оппозицію. Болгарская молодая интеллигенція стояла на рубежѣ двухъ судебъ и съ ужасомъ думала о той пропасти, куда толкаетъ ее недовѣріе власти. Теперь, слушая искреннія слова князя, замѣчая, что они никому не грозятъ, зная, что онъ призванъ устроить «свободную» Болгарію, видя многихъ своихъ собратій уже теперь призванными реально служить родинѣ, эта молодежь сдѣлала шагъ назадъ отъ пропасти и поставила своимъ лозунгомъ, какъ вѣру въ свое будущее, полное подчиненіе русской власти, ея видамъ и намѣреніямъ, не предпринимать ничего безъ ея вѣдома и согласія и вести пропаганду въ пользу этой власти и ея предначертаній. Я отмѣчаю этотъ фактъ, какъ весьма важный и какъ особенно интересный для насъ русскихъ по психическому своему существу. Литературныя силы Болгаріи также съ большимъ довѣріемъ собираются въ будущую столицу. Онѣ съ глубокимъ чувствомъ признательности узнаютъ объ отсут-

ствіи какихъ-либо приготовленій къ устройству цензуры и совершенно справедливо говорятъ, что князь-комиссаръ не могъ найдти лучшаго средства заставить болгарскую прессу служить выраженіемъ его мыслей и глубоко уважать его и Россію, какъ дарованіемъ полной независимости этой прессѣ.—«Мы знаемъ, говорятъ болгары-литераторы, что этимъ великимъ даромъ мы обязаны князю и нашъ языкъ не повернется, перо не напишетъ ни одного слова противъ него и Россіи!» Такимъ образомъ, создается здѣсь взаимное довѣріе власти и мѣстной интеллигентной силы, что, конечно и служитъ лучшимъ залогомъ для спокойствія и благоденствія будущаго княжества.

Вторая инстанція власти—верховный административный совѣтъ. Пока членами его состоятъ: генералы Домонтовичъ, Золотаревъ, Грессеръ, баронъ Гюбшъ и профессоръ Дриновъ. Дѣятельность совѣта двойная. Вопервыхъ, онъ долженъ водворить временной порядокъ вещей, вовторыхъ подготовить почву дѣятельности для будущаго собранія нотаблей и представителей страны. Обѣ задачи обставлены большими затрудненіями вслѣдствіе недостаточности нашего знакомства съ бытомъ и экономическими силами страны. Но эти затрудненія имѣютъ свою въ высшей степени хорошую сторону. Невозможность легко и скоро пополнить знаніе Болгаріи ставитъ административный совѣтъ въ необходимость теперь же раздѣлить свою власть съ провинціей и децентрализировать туда иниціативу рѣшеній или приложеній законодательныхъ и административныхъ проэктовъ. Такой способъ веденія организаціи строитъ два прекрасныхъ основанія государственной жизни.

Съ одной стороны центральная власть вводитъ въ свои принципы голосъ провинціи; съ другой—провинція привыкаетъ къ дѣятельному участію въ общегосударственныхъ дѣлахъ, избѣгая той спячки, которая стала характерестическимъ эпитетомъ всякой провинціи. Въ результатѣ опять можетъ послѣдовать взаимное довѣріе и солидарность по

общности дѣла. Какъ примѣръ, привожу разрѣшеніе совѣтомъ вопроса о статистикѣ. Не только въ каждой губерніи, но по возможности и въ каждомъ уѣздѣ предположены къ учрежденію исключительно болгарскія статистическія общества. На нихъ всецѣло возлагается трудъ перваго собранія вѣрной болгарской статистики. Вѣра въ административное счисленіе, какъ анахронизмъ, отвергнута вовсе и принята порукой въ истинность будущихъ цифръ добросовѣстность самодѣятельности провинціи и ея живыхъ силъ. Проба восполнить недостатокъ знанія Болгаріи администраціей совершается и въ другой столь же добросовѣстной формѣ. Пришла пора подумать о собраніи налоговъ, но въ виду нѣтъ никакого опредѣленнаго кадастра. Никто не вѣритъ въ цѣлесообразность и истинность турецкаго финансоваго счисленія; никто не знаетъ величину тѣхъ экономическихъ перемѣнъ, которыя совершились въ Болгаріи подъ вліяніемъ ужасовъ войны и послѣдовавшаго за ней неопредѣленнаго мира. Опять исходъ одинъ—въ болгарской самодѣятельности. Г. Дринову, какъ прирожденному болгарину, поручено созвать со всѣхъ концовъ княжества людей компетентныхъ по практикѣ или наукѣ, или литературѣ въ финансовыхъ силахъ страны. Собраніе свободныхъ, свѣдущихъ людей будетъ приглашено рѣшить, не стѣсняясь никакими рамками формальности, наиважнѣйшій вопросъ государственной жизни и опредѣлить тѣ начала и способы, по которымъ слѣдуетъ призвать народъ къ платежу казнѣ, пока точная статистика и правильное представительсто не издадутъ прочный законъ. Таковыя занятія, которыя привлекутъ къ себѣ лучшія и молодыя силы страны, служатъ залогомъ, что здѣсь не повторится той ужасной вещи, которая зовется раздвоенностью общества. Интеллигенція, считая народъ, изучая его зажиточность и платежную возможность, почерпнетъ изъ этого соприкосновенія съ базисомъ государства благодѣтельнѣйшіе уроки для своей будущей службы обществу.

Изъ числа членовъ совѣта мнѣ удалось познакомиться лишь съ двумя—гг. Домонтовичемъ и Дриновымъ. О дѣятельности послѣдняго рѣчь будетъ впереди, такъ какъ онъ занимаетъ здѣсь постъ, соотвѣтствующій званію министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Господинъ же Домонтовичъ управляетъ канцеляріей комиссара и верховнаго совѣта, т. е. въ сущности завѣдуетъ всѣми дѣлами.

По отсутствію кодексовъ, подробныхъ законоположеній и опредѣленнаго строя государственной жизни, каждая минута приноситъ съ собой недоразумѣнія и вопросы, требующіе немедленнаго разрѣшенія ихъ такъ или иначе. Съ этой точки зрѣнія, г. Домонтовичъ, какъ сотрудникъ неутомимыхъ трудовъ Черкасскаго по изслѣдованію Болгаріи, особенно полезенъ. Судя же по тому, что этотъ генералъ въ былое недавнее время числился дѣятельнымъ членомъ географическаго общества и снискалъ себѣизвѣстность въ ученой военной литературѣ, надо думать, что онъ не можетъ не раздѣлять тѣхъ основъ, которыя полагаются въ учрежденіе княжества. Къ этому же выводу склоняетъ меня та свобода, которой пользуются здѣшнія не славянскія національности. Къ нимъ могла быть примѣнена строгость, система запрещеній, репрессалій и т. п. столь знакомыхъ намъ мѣропріятій. Между тѣмъ до сихъ поръ ничего подобнаго не произошло, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, даже самихъ грековъ. Они свободно высказываютъ свои убѣжденія, аккуратно съ русской почтой получаютъ свои панъ-эллинскія газеты, безпрепятственно пишутъ отсюда во всѣ концы свѣта и т. д. Система непреслѣдованія исходитъ, конечно, изъ кабинета князя комиссара, гдѣ второе лицо г. Домонтовичъ. Проба новаго мѣропріятія, умнаго laissez faire, laissez passer принесла почти немедленно хорошіе плоды. Простые греки, видя, что русская власть не обращаетъ вниманія на распускаемыя противъ нея клеветы, начали сомнѣваться въ истинности клеветъ; тѣмъ самымъ эти греки мало по малу освобождаются отъ страст-

наго отношенія къ раздутому національному вопросу и, вступая на путь холоднаго размышленія, перестаютъ довѣрять и своимъ колонновожатымъ. Послѣдніе бѣсятся отсутствію преслѣдованія; удвоеніемъ брани стараются вызвать его и своимъ злобнымъ увлеченіемъ убиваютъ послѣдній кредитъ у своихъ прежнихъ почитателей—читателей. Князю и генералу Домонтовичу остается лишь созерцать съ улыбкой самоубійство обезумѣвшихъ борцовъ за Византію и, убѣдившись на опытѣ въ цѣлесообразности принятой ими мѣры, повѣдать ее своей родинѣ. Есть растенія, которыя только и способны процвѣтать и плодиться въ темныхъ подвалахъ. Разберите крышу, пустите къ нимъ лучъ солнца и растенія погибнутъ, не оставивъ и слѣда.

XXVI.

Печальное положеніе македонскихъ болгаръ.—Унія, какъ средство спасенія.—Пропаганда іезуитовъ.—Адресъ македонскихъ болгаръ къ русскому правительству.—Подготовляющееся возстаніе.—Статистика населенія.—Была ли Македонія когда нибудь греческою.—Неудобства положенія русскаго корреспондента.—Отставка И. И. Иванюкова.—Его дѣятельность по завѣдыванію финансовымъ отдѣленіемъ гражданскаго управленія при дѣйствующей арміи.—Уничтоженіе пошлинъ въ пользу духовенства въ Болгаріи.—Духовная реформа.

Филиппополь, 12-го (24-го) іюня.

Въ МАКЕДОНІИ дѣла идутъ хуже и хуже. Масса мусульманскихъ бѣглецовъ и черкесовъ, наводнившихъ несчастную провинцію, питаясь насчетъ христіанъ, вымещая на болгарахъ месть за турецкій погромъ, гонятъ нашихъ братьевъ въ свободную Болгарію. Изъ глубины страны приходятъ за линію русской оккупаціи голые и голодные; кто поближе сюда, тотъ гонитъ за собой стада, везетъ свое имущество, переселяетъ свою семью. Въ Кюстендилѣ и Софіи теперь тысячи бѣжавшихъ македонянъ. Есть довольно ихъ въ Константинополѣ и здѣсь, въ болгарской столицѣ — Пловдивѣ. Уже давно, мѣсяца два тому назадъ, представители несчастной родины Александра В. подали первый адресъ на имя Государя и прошеніе великому князю главнокомандующему. Адресъ остался неотосланнымъ, на прошеніе отвѣта не было. Страхъ отъ мусульманства за жизнь

и имущество, опасеніе отъ эллинизма за національность производитъ глубокое броженіе среди македонскихъ болгаръ.—Что дѣлать, что намъ дѣлать? спрашиваютъ лучшіе люди ихъ, такъ неожиданно перешедшіе отъ радостнаго ожиданія свободы къ горькому разочарованію.— «Нѣтъ, пишутъ имъ ихъ соотчичи, оставшіеся на родинѣ, скорѣе мы измѣнимъ на время славянской вѣрѣ предковъ, чѣмъ позволимъ грекамъ элленизировать насъ!» Страшная вѣсть объ этой рѣшимости росла и укрѣплялась по часамъ, подгоняемая невыносимымъ соціальнымъ строемъ провинціи, звѣрствомъ бродячихъ шаекъ мусульманъ и изувѣрствомъ растревоженныхъ грековъ. Баши-бузуки били, рѣзали и грабили на улицахъ и дорогахъ; панъ-эллинисты и греческое духовенство выслѣживало, подслушивало и доносило; турецкая власть по этимъ доносамъ хватаетъ всѣхъ болгаръ-націоналовъ и наполняетъ ими тюрьмы. Гдѣ искать помощи, гдѣ защитникъ? Россія подъ тяжестью великой задачи уклонилась отъ разсѣченія вопроса о Македоніи; Европа въ лицѣ Англіи согласна приготовить изъ Македоніи греческую провинцію; Греція прямо грозитъ поглощеніемъ ея. Кто приходилъ на помощь южнымъ славянамъ, когда отъ нихъ отказывалась ихъ общая мать—Россія? Католичество въ формѣ уніи. «Какъ кокушане нашли еще недавно, менѣе 20 лѣтъ тому назадъ, спасеніе своей національности въ уніи, такъ и теперь эта унія прикроетъ насъ своей защитой отъ насилія мусульманъ, доноса грековъ и преслѣдованія властей», говорятъ печально македонцы. Іезуиты не дремлютъ. Вотъ около Салоникъ тащутъ связаннаго ограбленнаго мельника-болгарина.—Куда ведете его? спрашиваетъ встрѣтившійся патеръ-доминиканецъ.—Въ тюрьму, отвѣчаетъ стража.—Какой ты вѣры? допытываетъ патеръ у несчастнаго.—Болгарской.—Назовись моимъ сыномъ, другъ, признай папу и я спасу тебя!—Бѣднякъ послушался, показалъ на допросѣ, что онъ католикъ, а іезуитъ сдержалъ слово, освободилъ ограбленнаго.

Одинъ, два, три такихъ фактовъ и вѣсть о нихъ мчится по страдающему краю въ формѣ эпопеи. Горе, страхъ и слезы учатъ этой музѣ и создаютъ изъ отдѣльнаго факта цѣлую легенду.—Въ унію, въ унію! кричитъ израненный; въ унію, въ унію, взываетъ раззоренный.—Въ унію, въ унію, тихо вторятъ по тюрьмамъ и по селамъ слуги Рима. Пастыри славянства, оберегатели православія и національности съ глубокимъ страхомъ прислушиваются къ этимъ воплямъ изступленнаго отчаянія. Связь ихъ съ народомъ крѣпка по закону, обычаю и общему горю.—«Мы не въ силахъ сдѣлать что либо для паствы; намъ некуда вести ее; настало горькое время, когда пастырь долженъ послѣдовать за овцой, чтобъ окончательно не убили ее. Если Россія не спасетъ — преклонимся и мы предъ Римомъ и лицемѣрно назовемъ папу своимъ непогрѣшимымъ отцомъ!» Нельзя этого сдѣлать, нельзя идти на такой великій шагъ, не предувѣдомивъ Россію; не слѣдуетъ брать на душу грѣха, не раздѣливъ его съ своей матерью. Македоняне-славяне сознаютъ это и недѣли двѣ тому назадъ послали князю Горчакову въ Берлинъ извѣщеніе о горестной вынужденной рѣшимости. Почтенный старецъ, 40 лѣтъ съ честью занимавшій постъ охридскаго митрополита, воспитанникъ Россіи Наѳанаилъ, на котораго молятся славяне Македоніи, высланный изъ провинціи турецкими властями по доносу грековъ, явился въ С.-Стефано.—Я не могу, сказалъ онъ тамъ, сидѣть спокойно, зная о глубокомъ бѣдствіи моей родины. Скажите моей паствѣ хоть одно слово утѣшенія; если же нѣтъ его у васъ, то мнѣ, 70 лѣтнему старику, служителю церкви, придется взять въ одну руку крестъ, въ другую мечъ и честно умереть вмѣстѣ съ моими духовными дѣтьми! — Погодите конца конгресса, отвѣтили ему въ С.-Стефано.

Дни остраго народнаго бѣдствія тяжелѣе и длиннѣе цѣлыхъ годовъ дурной жизни. Поэтому нельзя упрекать македонцевъ—долго ждали, отчего же не хотите подождать

еще?—Ждать невозможно, въ буквальномъ точномъ смыслѣ невозможно. «Помогите, постарайтесь за насъ!» пишутъ здѣшнимъ македонянамъ ихъ соотчичи, оставшіеся на родинѣ, вы живете возлѣ русской власти — молите ее!» Подъ нравственнымъ гнетомъ этихъ просьбъ, македонцы, проживающіе въ Пловдивѣ, уныло ходятъ изъ конца въ конецъ города, обращаются за совѣтомъ къ каждому, кого они знаютъ по имени или дѣятельности. Отвѣтъ всѣхъ одинаковъ: «не знаемъ, ничего не знаемъ!» Князь Дондуковъ-Корсаковъ, въ частномъ разговорѣ съ однимъ лицомъ, высказалъ, что онъ не имѣетъ никакихъ полномочій или указаній свыше относительно Македоніи, что онъ не считаетъ себя вправѣ какимъ бы то ни было образомъ вмѣшиваться въ національныя распри несчастной провинціи. Разговоръ этотъ былъ дословно переданъ македонянамъ. Но съ родины имъ пишутъ: «идите къ князю, молите его заступиться за насъ!» Отказать нельзя. Написали страстный адресъ, собрали массу подписей и чрезъ депутацію, украшенную сѣдиной, поднесли его князю-комиссару, умоляя сообщить адресъ Государю и сдѣлать его извѣстнымъ конгрессу. Задушевная любезность, съ которой принялъ князь депутацію, та нотка въ голосѣ его, которая подсказывала страдальцамъ, что русская душа болитъ, подчиняясь сухой необходимости, внушили бѣднякамъ вѣру и надежду. Лица прояснились, полетѣли утѣшающія телеграммы. Ясный ли день предвѣщаетъ утѣшеніе, или новый убійственный фальшфейръ?... Князь распорядился немедленно извѣстить русское посольство въ Константинополѣ и просить его передать содержаніе адреса телеграммой князю Горчакову въ Берлинъ.

Слушая этотъ разсказъ, идемъ по узкой уличкѣ, спускаясь къ базару. Въ сторонкѣ, облокотившись на полуразрушенную стѣну, стоятъ люди въ лохмотьяхъ съ такими лицами, на которыхъ голодъ и лишеніе стерли надпись о лѣтахъ и возрастѣ.

— Вонъ наши македонцы! говорятъ мнѣ спутники, пріостанавливаясь.

— Откуда, братья?

— Изъ подъ Кюстендиля, раненые! отвѣчаютъ они.

— Болгары?

— Такъ-есть.

Тутъ мы выслушали цѣлую повѣсть горя, о которой мелькомъ упоминалось уже давно. Баши-бузуки, оттолкнутые отъ Родоповъ внутрь страны русской силою, лишенные крова и хлѣба, съ однимъ запасомъ оружія за поясомъ и злобой въ груди, накинулись какъ всеистребляющая саранча на болгарскія пограничныя села и деревни, лежащія въ Македоніи, за русской окупаціонной линіей. Пожаръ, грабежъ, истязаніе, насиліе длились всего нѣсколько дней. Кто остался изъ христіанъ живъ, тотъ бѣжалъ въ горы; пришлецы заняли мѣсто бѣглецовъ въ ихъ домахъ и даже въ ихъ семьяхъ. Бѣжавшіе сошлись въ мелкія четы, запаслись кое-какимъ оружіемъ и безпомощные стараются съ дикихъ высотъ каменныхъ горъ прогнать незванныхъ гостей. Образовалась правильная, хотя и мелкая война. Раненые и больные возстанцы-болгары ползутъ съ горъ въ нашу сторону, рѣдко достигая ея, отдавая Богу душу за камнемъ, за скалой. Кто дошелъ, тотъ собираетъ здѣсь милостыню, заживляетъ раны и снова съ поникшей головой идетъ къ родичамъ: «авось баши-бузукъ подастся безсильному натиску, уйдетъ и оставитъ живымъ въ родной хатѣ хоть одного члена плѣненной семьи». Итакъ, возстаніе болгаръ македонянъ уже существуетъ. Его роль и значеніе будутъ указаны рѣшеніемъ конгресса. Если сборище сухихъ дипломатическихъ сердецъ не уважитъ правъ несчастной провинціи, возстаніе отвѣтитъ багрянымъ заревомъ по всей Македоніи. Если не придетъ къ нему помощь извнѣ, зальется оно кровью, наподобіе Босніи и изъ пепла и свѣжей крови создастся тамъ исконный злѣйшій врагъ славянства—образъ римской куріи.

Но какія же права у Македоніи?

Заглянемте въ статистику двухъ вилайетовъ.

Вилайетъ Монастырскій:

Населеніе: 152,534 болгаръ мужскаго пола; 40,236 мусульманъ; 15,853 валаховъ; 3,250 евреевъ; 3,175 албанцевъ и всего 700 грековъ.

Вилайетъ Салоникскій:

Населеніе: 216,895 болгаръ мужскаго пола; 68,775 мусульманъ; 40,300 евреевъ; 24,666 грековъ и 5,070 валаховъ.

Итого 65% болгаръ на 4% грековъ. Это-ли не право?

Теперь обратимся къ исторіи. «Съ какой эпохи мы должны начать наше изслѣдованіе? спрашиваютъ македоняне въ статьѣ Qu i'l n'y a jamais eu de grecs en Macédoine» кажется невозможнымъ до комизма взять точкой отправленія нашихъ доказательствъ троянскую войну, удаленную отъ нашего времени болѣе, чѣмъ на 30 столѣтій, тѣмъ не менѣе мы вынуждены начать нашу повѣсть именно съ этой легендарной эпохи.

Посмотримъ каково было населеніе Македоніи, когда Грецiя, собравъ всѣ свои силы, осадила столицу короля Пріама . Для этого возьмемъ въ руководители Гомера. Этотъ поэтъ говоритъ намъ, что не будучи греками, жители Македоніи находились въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ грекамъ и снабжали помощью троянцевъ. Перечисляя имена вождей, сражавшихся за троянцевъ, поэтъ говоритъ: «Пирекмъ предводительствовалъ пеонійцами, народомъ, вооруженнымъ изогнутыми луками и пришедшимъ изъ дальняго Амидона и береговъ рѣки Аксіуса, рѣки самой красивой на земномъ шарѣ». Всякому извѣстно, что древній Аксіусъ и нынѣшній Вардаръ — одно и то же. Пеонія была часть Македоніи, орошенная этой рѣкой. По выраженію одного германскаго писателя, Аксіусъ протекаетъ почти по всей землѣ пеонійцевъ. Въ XXI пѣснѣ, описывая сраженія, происходящія подъ стѣнами осажденнаго города, Гомеръ

говоритъ: «Тогда Пелидъ, вооруженный копьемъ, бросился на Астеропея, сына Пелегона, намѣреваясь умертвить его. Пелегонъ былъ сынъ Аксiуса, богатаго водами. Когда сошлись оба героя, тогда быстроногiй Ахиллъ сказалъ слѣдующее: «Изъ какой страны, отъ какого народа происходишь ты, дерзающiй сражаться со мною? Горе тѣмъ, дѣти которыхъ захотятъ смѣяться надъ моимъ гнѣвомъ!» На это знаменитый сынъ Пелегона ему отвѣтилъ: «Великодушный сынъ Пелея, зачѣмъ спрашивать о моемъ происхожденiи? Я пришелъ изъ плодородной Пеонiи и привелъ съ собой пеонiйцевъ, вооруженныхъ длинными копьями. Одиннадцатая заря взошла съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ въ Трою. Что же касается до моего рода, то я происхожу отъ неизмѣримаго Аксiуса, самаго прекраснаго во всей землѣ; отъ него родился знаменитый Пелегонъ, котораго называютъ моимъ отцомъ. Теперь будемъ драться, славный Ахиллъ!» Слѣдуетъ замѣтить, что слово Пелегонъ сохранилось до нашихъ дней въ названiи епархiи Пелагонiи (Монастырь).

Оставимъ Гомера и перейдемъ къ Геродоту. Геродотъ разсказываетъ, что два пеонiйца, при возвращенiи короля Дарiя въ Сарды, отправились въ этотъ городъ съ своей красивой сестрой. Они замѣтили, что Дарiй остановился въ предмѣстьи лидiйцевъ и вотъ что они сдѣлали: они одѣли въ самое красивое платье свою сестру и отправили ее за водой; на головѣ у ней была кружка для воды, вокругъ руки намотана узда лошади, которую она вела; въ то же время она пряла пряжу. Когда она проходила мимо Дарiя, его любопытство было возбуждено въ высшей степени, такъ какъ дѣлаемое ею не было ни въ персидскихъ, ни въ лидiйскихъ нравахъ. Чтобы удовлетворить своему любопытству, Дарiй послалъ своихъ сторожей посмотрѣть, что эта женщина будетъ дѣлать съ лошадью. Они не выпускали ее изъ вида ни на минуту; когда она пришла къ рѣкѣ, то, напоивъ коня, наполнила

свою кружку и направилась по прежней дорогѣ, продолжая свою пряжу. Дарій, удивленный этимъ разсказомъ, велѣлъ призвать къ себѣ странную женщину. Братья сопровождали ее, но остались въ отдаленьи, желая видѣть, что произойдетъ. Король спросилъ, изъ какой она страны. «Мы молодые пеонійцы,—отвѣчали за нее братья,—а это наша сестра». Дарій опять спрашиваетъ: что за люди пеонійцы, въ какой странѣ они живутъ и зачѣмъ вы пришли сюда?—«Мы пришли,—отвѣтили они,—чтобы отдаться въ твое распоряженіе; Пеонія расположена на Стримонѣ, протекающемъ невдали отъ Геллеспонта; мы происходимъ отъ троянскихъ выходцевъ».

Тотъ же историкъ говоритъ, что одинъ изъ предковъ Александра Великаго, македонскій князь, желавшій принять участіе въ олимпійскихъ играхъ, встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны грековъ, утверждавшихъ, что ни одинъ варваръ не смѣетъ принимать въ нихъ участія, которое всецѣло должно принадлежать грекамъ. Тогда князь объявилъ себя происходящимъ изъ аргійскаго племени и былъ допущенъ къ играмъ. Это заявленіе подобно таковому же королевы Викторіи, что она нѣмка, потому что ея родъ происходитъ изъ Ганновера. Едва можно насчитать одно столѣтіе съ того времени, какъ гановерскій домъ снабжаетъ англійскій престолъ королями, между тѣмъ какъ семь родовъ стоитъ между вышеназваннымъ македонскимъ княземъ и аргосскимъ бѣглецомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи королемъ.

Семейство Александра достигло апогея своей славы во время Филиппа II, когда ему удалось соединить подъ своей властью всѣ маленькія княжества и завоевать Грецію. Нѣсколько столѣтій спустя, Греція была обращена въ римскую провинцію; до тѣхъ поръ мы не встрѣчали грековъ въ Македоніи. Затѣмъ послѣдовало паденіе Римской имперіи, слѣдствіемъ чего было нашествіе варваровъ. Готы, вандалы и пр. наводнили Грецію и сосѣд-

нія страны. Послѣ нихъ явились славяне и заняли Македонію подъ предводительствомъ Юстиніана II. Болгары поработили славянъ и смѣшались съ побѣжденнымъ народомъ.

Мы не говорили ни о взятіи Константинополя крестоносцами, ни объ остаткахъ Греческой имперіи, раздѣленной на 12 маленькихъ государствъ, какъ, напримѣръ, Ѳессалоника, княжество Морея, герцогство аѳинское и т. д. Можно себѣ представить, насколько уменьшилось греческое населеніе во время войнъ. Въ царствованіе Тиберія уже говорили, что нѣтъ грековъ; у Тацита мы находимъ подтвержденіе этого мнѣнія.

Римскій императоръ поручилъ Пизону дѣйствовать противъ Германика, находившагося въ Средней Азіи, послѣ возвращенія изъ Аѳинъ. Аѳиняне принимали его съ большими почестями. Вотъ что говоритъ объ этомъ историкъ: «Между тѣмъ Пизонъ, для скорѣйшаго выполненія своего проекта, вступилъ съ угрожающимъ видомъ въ удивленные Аѳины. Въ горячей рѣчи онъ сурово упрекаетъ Германика въ уничиженіи римскаго имени и говоритъ, что не слѣдуетъ смѣшивать эту кучку людей съ древнимъ народомъ аѳинскимъ, уничтоженнымъ вслѣдствіе страшныхъ бѣдствій».

Въ XI столѣтіи не только Балканскій полуостровъ, но и сама Греція вплоть до Пелопонеса была заселена славянами. Калькондиль аѳинянинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «жилища славянъ разбросаны по Пелопонесу до горы Таягета и на мысѣ Танаро, въ Лаконіи».

Когда Вильгардуанъ, по взятіи крестоносцами Константинополя въ 1204 г., сдѣлался княземъ Мореи, онъ велѣлъ построить въ Лутрокѣ крѣпость, такъ что съ двумя прежними онъ окончательно поработилъ славянскую землю. Это говоритъ «Хроника Мореи».

Пароподуло Вретосъ, въ своемъ сочиненіи «Древняя и новѣйшая Болгарія», говоритъ: «Въ началѣ XI вѣка почти вся Македонія быля занята болгарами». Г. Вретосъ былъ

греческимъ консуломъ въ Варнѣ и изданіе его сочиненія относится къ 1853 году. Съ XI вѣка до турецкаго разгрома было нѣсколько болгарскихъ королей, поддерживавшихъ въ теченіи трехъ вѣковъ дѣятельную борьбу съ византійскими императорами. Въ этотъ продолжительный періодъ, который мы вкратцѣ описали, можно съ увѣренностью сказать, что греки не были жителями Македоніи». Такъ заканчивается историческая реплика болгаръ на увѣренія грековъ о принадлежности Македоніи эллинизму. Я нарочно привелъ и реальную статистику, и классицизмъ въ доказательство болгарскихъ правъ на эту страну. Еслибъ нашелся третій способъ доказать это и тогда былъ бы одинъ и тотъ же выводъ—нельзя отдать этотъ славянскій край по природѣ никому другому, кромѣ славянъ!

PS. Сейчасъ бѣглецы извѣстили о жаркихъ стычкахъ между возставшими болгарами-македонянами и турками близъ селенія Паланки между Коротовымъ и Ускюбомъ. Ратники болгарскаго ополченія, отпускаемые въ резервъ, направляются туда для оказанія помощи своимъ братьямъ: плохой миръ кровавѣе хорошей ссоры!

Филиппополь, 13-го (25-го) іюня.

Я началъ описаніе администраціи Болгаріи по завѣдывающимъ ею личностямъ. У меня есть искреннее желаніе быть послѣдовательнымъ и вести рѣчь въ начатомъ порядкѣ, излагая методически здѣшнія дѣла подъ заголовками фамилій; но, увы, судьба корреспондента не такова, чтобъ благопріятствовала доброму желанію. Сегодня когонибудь не засталъ, завтра онъ будетъ очень занятъ и система летитъ кувыркомъ, предоставляя избирать для писемъ ту тему, матеріалъ для которой пошлетъ сегодня Господь Богъ по неизреченной милости своей. За границей съ чужими людьми трудъ нашъ много полегче. Тамъ привыкли къ корреспондентамъ, привыкли знать и уважать общественное значеніе газетныхъ извѣстій и это пониманіе

замѣнило тамъ уже давно то недоброжелательно-назойливое чувство, которое испытывается многими, смотрящими до сихъ поръ на литературное занятіе, какъ на дипломъ неблагонадежности. За границей никто не интересуется даже вашимъ именемъ; названіе органа прессы, куда пишетъ корреспондентъ, замѣняетъ всякую личную рекомендацію. Оттого и намъ тамъ чувствуется легче. Разспросы и вопросы уходятъ съ личной почвы; отвѣты имѣютъ въ виду печать, а не уши корреспондента. Не всегда такъ легко и хорошо ощущеніе наше, когда приходится имѣть дѣло съ родичами. Редакціонная карточка иному изъ нихъ ровно ничего не говоритъ, не объясняетъ. Да вы-то сами кто такой? сурово спрашиваютъ уста и разговоръ становится сразу на почву формулярнаго списка. Въ эти минуты невольно чувствуешь себя истиннымъ сыномъ Руси: литературный чинъ забытъ и злобной насмѣшкой звучитъ другая рекомендація: «я титулярный совѣтникъ, ваше превосходительство!» Ничтожный девятый классъ не располагаетъ къ откровенности уважающихъ ранги. Предъ глазами раскладывается кипа бумагъ съ печатными заголовками; въ нихъ углубляется тотъ, отъ кого ждешь поясненій, какъ манны небесной; отъ бумажной груды несетъ какимъ-то паническимъ ужасомъ: подъ дыханіемъ ея леденѣетъ всякій литературный интересъ и на смѣну ему выступаетъ одно, лишь одно болящее желаніе: «какъ бы уйдти отсюда скорѣе!» Желаніе исполнено, но систематичность разбита. Надо отдохнуть, набраться вновь живыми силами, чтобъ попасть опять туда же другой, третій, четвертый разъ, пока отверзятся, наконецъ, двери и титулярный совѣтникъ будетъ впущенъ въ святилище тайны. Двѣ-три такія встрѣчи и исторически воспитанная русская робость пріобрѣтаетъ постоянную квартиру—уголокъ въ сердцѣ. У робости глаза такъ же велики, какъ и страха и потому нельзя и винить, если подчасъ и понапрасно чувствуешь себя больше титулярнымъ совѣтникомъ, чѣмъ корреспондентомъ.

литераторомъ. Итакъ, да простится мнѣ, какъ истинному сыну родной Руси, невольный страхъ предъ систематичностью!

Вчера отсюда уѣхалъ профессоръ московской земледѣльческой академіи по кафедрѣ политической экономіи и статистики И. И. Иванюковъ. Конечно, оставляя здѣсь службу теперь, до разсѣянія политической темноты насчетъ будущаго устройства Болгаріи, онъ не можетъ увезти съ собой сознанія въ опредѣленности и прочности созданнаго имъ, хотя бы при помощи великаго труда. Все, что дѣлалось доселѣ, все носило печать временного, неустойчиваго, вызваннаго потребностью дня, минуты или измѣнчивымъ интересомъ стратегіи. И потому дѣятели, покидающіе Болгарію, не виноваты, если не оставляютъ послѣ себя некрологовъ. Съ этой точки зрѣнія я бы и не рѣшился говорить объ отставкѣ г. Иванюкова, еслибы участіе его въ организаціи Болгаріи не имѣло особаго значенія по профессіи этого работника на «братушекъ». Г. Иванюковъ былъ вызванъ княземъ Черкасскимъ, въ апрѣлѣ 1877 года, для завѣдыванія финансовымъ отдѣломъ гражданскаго управленія при дѣйствующей арміи. Вызовъ на этотъ постъ молодого профессора-экономиста дѣлаетъ большую честь уму покойнаго князя. Именно эта часть управленія нуждалась не въ чиновникѣ министерства, а въ ученомъ и молодомъ человѣкѣ, способномъ внести въ дѣло не рутину стараго заведеннаго, сто тысячъ разъ раскритикованнаго порядка, а свѣжую силу теоріи. На такой трудъ былъ особенно способенъ г. Иванюковъ. Онъ усидчиво работалъ надъ вопросомъ о справедливомъ взиманіи налоговъ съ болгаръ, оставленной при старой турецкой системѣ послѣднихъ. Военная потребность не позволяла, конечно, развиваться дѣятельности финансоваго управленія правильнымъ путемъ; въ эту дѣятельность ежеминутно закрадывалась потребность минуты, ломая систему и нарушая логическій порядокъ. Такъ, имѣя въ виду не-

обходимость для войскъ провіанта и открытый грабежъ арміи разными жидовскими и нежидовскими поставщиками, финансовое отдѣленіе еще до перехода черезъ Балканы, подъ руководствомъ профессора, рѣшило собирать налоги натурой, устроить изъ нихъ склады и тѣмъ самымъ освободить войска отъ печальной необходимости давать стричь свою шерсть искуснымъ парикмахерамъ по части эксплоататорства. Я видѣлъ эти грандіозныя работы и свидѣтельствую о ихъ многосторонности и строгой систематичности. Свидѣтельствую, потому что читателю быть можетъ придется очень долго ждать, пока дѣло это предстанетъ на судъ людей. Оно похоронено пока въ канцеляріи, какъ неимѣвшее практическаго результата—въ военномъ совѣтѣ большинствомъ четырехъ голосовъ противъ двухъ (Черкасскаго и оберъ-контролера арміи Черкасова) было рѣшено остановить сборъ натурой. Товарищество кормильцевъ восторжествовало тогда. Живая сила теоріи молодого ученаго сказалась также и во многихъ другихъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ былъ замѣненъ откупъ по взиманію десятины при отсутствіи всякаго кадастра. Взяты откупныя суммы 5 лѣтъ; изъ нихъ выкинутъ 1 годъ самый доходный, суммы остальныхъ годовъ, сложенныя вмѣстѣ, раздѣлены на 4; изъ частнаго вычтено 20% и остатокъ переданъ самому населенію для самостоятельной раскладки между собой. Въ этомъ смѣломъ обходѣ рутинныхъ путей и явной заботѣ о плательщикахъ сказывается свѣжая молодая мысль, недоступная чиновнику по профессіи. Въ Санъ-Стефано и Филиппополѣ финансовое отдѣленіе, все оставаясь въ исключительномъ завѣдываніи г. Иванюкова, занималось разработкою данныхъ о современномъ экономическомъ положеніи разныхъ частей Болгаріи, какъ будущаго кадастра, необходимаго для перваго собранія представителей страны. До собранія этихъ данныхъ, какъ я уже писалъ, всѣ прямые налоги соединены въ одинъ подоходный. При рѣшеніи этого во-

проса на засѣданіи верховнаго совѣта былъ приглашенъ г. Иванюковъ. Имъ, если я не ошибаюсь, была подана первая мысль о введеніи въ Болгаріи единственнаго налога—подоходнаго. Всѣ, у кого течетъ въ жилахъ кровь, кто желаетъ добра Болгаріи, пожалѣютъ, что обстоятельства заставили г. Иванюкова покинуть дѣло на полдорогѣ. Кто закончитъ его?

Разъ извинившись въ непослѣдовательности, перехожу отъ финансовъ къ клиру. Здѣсь его количество порядочное. Въ Филиппополѣ проживаетъ мѣстный болгарскій митрополитъ Панаретъ, весьма не популярный грекъ, мало образованный и не внушающій къ себѣ довѣрія своимъ прошлымъ. Онъ и многіе ему подобные весьма недовольны новыми порядками, запрещающими собирать съ народа пошлины въ пользу духовенства. Хорошая ли это мѣра? Вопросъ трудный и сложный. Если, съ одной стороны, отсутствіе прямыхъ финансовыхъ сношеній духовенства съ народомъ очищаетъ въ глазахъ послѣдняго первое, за то матеріальная зависимость клира отъ народа задерживаетъ обращеніе этого клира въ обыкновенное чиновничество, получающее жалованье изъ государственнаго казначейства. Кто знаетъ, можетъ быть тѣсная связь церкви съ славянами заключалась отчасти въ страхѣ духовенства потерять доходъ отъ перехода, вполнѣ свободнаго по закону Турціи, отъ одного культа къ другому? Если въ этой догадкѣ есть хотя доля правды, то надо признать день освобожденія Болгаріи и обезпеченія мѣстнаго клира казначействомъ днемъ уничтоженія того братства, которое было характеристическимъ принципомъ жизни православныхъ славянъ и ихъ пастырей. Здѣсь же находится отецъ Іосифъ, возведенный Портой въ санъ экзарха. Скромный молодой человѣкъ ведетъ уединенную жизнь, изучая русскую рѣчь и богословскую науку. Его будущее весьма неопредѣленно. Болгарская церковь теперь должна неминуемо отдѣлиться окончательно отъ вселенскаго патріарха, представляющаго

уже съ давнихъ поръ исключительно греческаго папу. При такихъ обстоятельствахъ званіе экзарха, какъ лица, подчиненнаго патріархату, теряетъ свой смыслъ. Учрежденіе особаго патріархата для Болгаріи немыслимо въ наше время, какъ слишкомъ большой анахронизмъ. Будетъ здѣсь, конечно, устроено коллегіальное управленіе церковью и тогда отцу Іосифу придется развѣнчаться въ простого митрополита. Мѣста же митрополитовъ всѣ заняты и на сценѣ «embarras de richesse». Послѣднее еще болѣе усложняется отъ натиска греческаго духовенства. Богатые греки-міряне Болгаріи твердо рѣшили покинуть княжество, если конгрессъ не обкарнаетъ его въ ихъ пользу. Вслѣдствіе этой предположенной эмиграціи будущее не особенно свѣтло улыбается глубокимъ карманамъ эллинскихъ пастырей. Лакомая сторона переходитъ въ руки болгарскаго клира и въ немъ-то видятъ греки-священники, архимандриты и митрополиты спасеніе своихъ земныхъ интересовъ. Въ этомъ духѣ замѣчаются уже многія пощупыванія завѣдующаго духовными дѣлами, г. Дринова. Греческо-духовнымъ надеждамъ, однако, сбыться не суждено. Болгарія нуждается не въ рясоносителяхъ, а въ духовенствѣ образованномъ, котораго почти нѣтъ въ эллинскомъ клирѣ. Многіе изъ болгаръ священниковъ и даже одинъ архіерей собираются ѣхать учиться въ русскія академіи. До тѣхъ же поръ, пока они не воротятся, церковно-обрядную педагогію въ Филиппополѣ безкорыстно принялъ на себя русскій священникъ-сибирякъ Н. А. Пономаревъ. Работы ему не мало. Въ болгарское священнодѣйствіе вкралось множество мелкихъ греческихъ нововведеній. Исключить ихъ и замѣнить православно-русскими обрядами—вотъ забота болгаръ. Досаждаетъ имъ и церковное пѣніе въ носъ, на манеръ турецкихъ пѣсенъ, пѣніе, въ которыхъ не слышно человѣческаго голоса и нельзя разобрать ни одного слова. Оказывается, что изъ болгарскаго духовенства почти никто не знаетъ читать по нотамъ. Въ виду этого рѣшили пока

пѣть главнымъ образомъ ртомъ, а не носомъ, а для доскапальнаго изученія русскихъ церковныхъ мотивовъ послать въ Кіевъ салоникскаго іерея отца Петра, обладающаго громаднымъ голосомъ. Какъ устроится сельская церковь— пока о томъ никто не говоритъ, а потому едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что духовная реформа въ Болгаріи начинается не съ надлежащаго конца. Но, быть можетъ, ошибка будетъ исправлена и тѣ, кому вѣдать о томъ надлежитъ, догадаются, что вопросъ о тысячахъ мелкихъ пастырей важнѣе участи одного экзарха и нѣсколькихъ митрополитовъ, которымъ никогда не было худо.

XXVII.

Волненіе болгаръ по поводу извѣстій съ конгресса.—Выпускной экзаменъ въ русской школѣ.—Выдержка болгарской учащейся молодежи.—Характеръ султанскаго режима о турецкой администраціи.—Настроеніе правительства и народа въ виду ожидаемыхъ рѣшеній конгресса.—Предполагаемый отъѣздъ пословъ изъ Константинополя.—Отношеніе Порты къ требованіямъ грековъ. — Каратеодори-паша. — Книга, изданная турецкимъ правительствомъ о клеветѣ на русскихъ.

Филиппополь, 17-го (29-го) іюня.

Трудно передать перомъ, рѣзцомъ или кистью ту глубину не только возбужденія, но просто возмущенія, которое поднялось въ душѣ каждаго болгарина со дня первой телеграммы о занятіяхъ конгресса и продолжаетъ волновать его съ новой силой при чтеніи послѣдующихъ телеграммъ изъ Берлина. Города, села и деревни посылаютъ своихъ стариковъ и священниковъ узнать, точно ли грозитъ южной Болгаріи та несправедливость, которую обѣщаютъ ей съ пѣной злорадства всѣ греческія газеты?— Быть не можетъ! А русскіе?—вотъ отвѣты и вопросы, которые слышатся изъ устъ простого народа, сильнаго глубокой вѣрой въ могущество и сердце своего сѣвернаго покровительства. Болгарская интеллигенція конфузится вы-

сказать свое мнѣніе откровенно, боясь оскорбить русское ухо. Но, читатель, если вы въ глубинѣ Россіи многимъ недовольны, то легко понять, какое впечатлѣніе производитъ дѣятельность конгресса на русскихъ, живущихъ здѣсь, на военныхъ, взявшихъ Шибку съ сѣвера, и гражданскихъ организаторовъ, собирающихся перешагнуть знаменитый проходъ съ другого конца. Слушая наши откровенныя рѣчи (бываютъ же такія обстоятельства, когда всякое политиканство отсылается къ чорту), болгарская интеллигенція убѣждается, что мы въ ихъ горѣ не только «не при чемъ», но даже ближе къ нимъ, чѣмъ къ любому мѣстечку за подковообразнымъ столомъ конгресса, и сами начинаютъ прояснять свои задушевныя думы.—«Россія—говорятъ они—смотритъ на насъ съ тѣмъ же презрѣніемъ, какъ и остальная Европа; если бы это было не такъ, то какъ же можно рѣшиться дать намъ фактическую и юридическую свободу (комиссаръ, гражданское управленіе съ выборнымъ началомъ) и затѣмъ отнять ее безъ спроса населенія?» Г. Дриновъ, экзархъ и митрополиты принуждены принимать ежедневно десятки лицъ отъ разныхъ округовъ, пришедшихъ за разъясненіемъ: что же надо дѣлать? Какъ ни успокоительны рѣчи оффиціальныхъ людей, возбужденіе такъ велико, что не можетъ обойтись безъ того, чтобъ не вылиться въ форму активнаго противодѣйствія кабинетному лукавству. Люди мира, прислушиваясь къ тому простому крестьянскому говору, который именно простотой своей доказываетъ непоколебимость, находятъ, что они не въ силахъ предотвратить повсемѣстныхъ вспышекъ, волненій и возстаній. Умъ учитъ, что волненіе безъ организаціи, возстаніе безъ связи и центра увлекутъ массу неповинныхъ жертвъ, не давъ никакого практическаго результата. Честь и патріотизмъ говорятъ, что въ подобные горячечные моменты исторіи канцелярское перо должно быть заперто на ключъ, а интеллигенція, опытъ и знаніе обязаны придти на помощь «неустранимой»

аномаліи; обязаны взять на себя съ рискомъ за карьеру и жизнь руководство народнымъ неотразимымъ движеніемъ, направить его къ должной цѣли, объединить и усилить будущіе результаты историческаго пароксизма. Для Болгаріи настаетъ тотъ великій моментъ, когда нисходитъ на землю судъ Божій и дѣлитъ всѣхъ большихъ и малыхъ на овецъ и козлищъ. Направо—тѣ, въ комъ сердце бьется чистой неугасшей совѣстью, кому дорогъ народъ, кто живетъ не только собой, но и ближними—малыми своими; эти избранные пойдутъ съ народомъ. Налѣво—всѣ, кому *я* дороже всего. Великій моментъ народной исторіи стряхиваетъ съ себя всѣ тѣ неправые пути, которыми пробирается въ рутинное время фаланга мелюзги на высоту, и взамѣнъ этой накопившейся дряни ставитъ на вершины забитыхъ, но великихъ душой, умомъ и отвагой. Такая пора наступаетъ теперь для Болгаріи. Какъ и что будетъ сдѣлано — говорить не имѣю права. Увѣряю васъ лишь въ одномъ, что Болгарія не позволитъ никому распоряжаться съ собой, какъ въ древнія времена распоряжались судьбой завоеванныхъ варваровъ. Въ этомъ смыслѣ и въ весьма категорическихъ выраженіяхъ посланы болгарами телеграммы императору Вильгельму и князю Бисмарку...

Какъ это можетъ быть? Нашъ ореолъ на Востокѣ—громадное крѣпкое зданіе и гдѣ такой исполинъ-фактъ, который бы разрушилъ его? Зачѣмъ же исполинъ? Простая, скромная искра—и зданіе горитъ, и отъ зданія останутся однѣ стѣны, которыя придется отдѣлывать заново родной кровавой щекатуркой, чтобъ зданіе было опять зданіемъ...

А природа словно смѣется надъ всѣми этими вопросами. То теплое солнце, то обильный мелкій дождь тянутъ изъ почвы, удобренной человѣческой костью, небывалый урожай. Всякій хлѣбъ, розы, виноградъ сулятъ такой сборъ, котораго не запомнятъ старожилы. Вотъ, напримѣръ, въ

одномъ Іени-Загрскомъ округѣ, недавно вырѣзанномъ будущими господами южной Болгаріи, по донесенію губернатора Шепелева, предвидится сборъ винограда въ 6.207,000 окъ, а око равняется почти 3-мъ фунтамъ. Какое богатство! Генералъ Шепелевъ посланъ осмотрѣть Сливенскій округъ, куда предполагается впослѣдствіи стянуть русскія войска. Это предположеніе основано, вѣроятно, на богатствѣ провіанта, ростимаго тамъ землей, наивные же люди увѣряютъ, будто русскую армію оттого не хотятъ повести обратно черезъ шибкинскій проходъ, что горы могутъ поддаться естественному чувству стыда и, увидя печальное шествіе своихъ легендарныхъ героевъ, запереть имъ проходъ.

Отлагаю повѣствованіе до слѣдующей почты. Трудно писать теперь.

Филиппополь, 21-го (3-го іюля) іюня.

Наканунѣ моего отъѣзда изъ Филиппополя я попалъ на выпускной экзаменъ русской школы. Сильное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ экзаменъ. Ученики отъ 17-ти до 33-хъ-лѣтняго возраста занимали парты и спокойно, съ полнымъ сознаніемъ правоты своего дѣла, выходили къ экзаменаціонному столу и отвѣчали на задаваемые имъ вопросы. Большинство учившихся вышло изъ болгарскихъ школъ; нѣкоторые изъ нихъ получили высшее образованіе за границей. Курсъ русской школы продолжался три мѣсяца и заключалъ въ себѣ изученіе русской грамматики, русскаго чтенія и письма. Почти всѣ безъ исключенія доказали на экзаменѣ замѣчательные успѣхи въ русскомъ языкѣ. Наибольшая доля успѣха должна быть, конечно, приписана учителю болгарину Поповичу, кандидату филологическаго факультета московскаго университета, но очевидно было, что ученикамъ сильно помогалъ церковно-славянскій языкъ, который они всѣ проходили въ своихъ школахъ. Насколько хороши успѣхи школы, настолько же дур-

ны были нѣкоторыя условія ея учрежденія. Такъ, школа, принимая до 40 стипендіатовъ, давала имъ по 100 франковъ въ мѣсяцъ, что составляетъ ровно втрое болѣе, чѣмъ нужно для скромной жизни молодого человѣка въ дешевомъ Филиппополѣ; кромѣ того, каждый, кончающій трехмѣсячную школу съ успѣхомъ, получаетъ 150 рублей награды и мѣсто переводчика при администраціи. Припомнимъ, что въ старой подневольной Болгаріи учители-мученики народныхъ и городскихъ школъ довольствовались самымъ скуднымъ жалованьемъ; что отсутствіе цивилизованныхъ привычекъ и соединенныхъ съ ней потребностей комфорта дѣлало возможнымъ безбѣдную жизнь при самыхъ маленькихъ обыденныхъ расходахъ. Очевидно, что условія школы были писаны людьми, не знавшими болгарской обстановки, и расходы на учениковъ были составлены по мѣркѣ нашихъ трехъ-окладныхъ штатовъ. Хотя и говорятъ, что вся ошибка кончится 3-хъ-тысячной тратой денегъ, но я все таки останавливаюсь на ней, такъ какъ главный вредъ ея не въ непроизводительной величинѣ расхода, а въ несвоевременной порчѣ зараждающейся администраціи княжества. Кандидаты на должность, получавшіе въ школѣ по 75 рублей стипендіи въ мѣсяцъ, захотятъ получать отъ службы тысячи и, такимъ образомъ, съ нашей помощью положено здѣсь два дурныхъ начала общественной жизни: предпочтительная и неестественная выгода коронной службы предъ другими общественными занятіями,—предпочтительность, соединяющаяся всегда съ извѣстной долей бюрократическаго нахальства, и, вовторыхъ, отвлеченіе общественныхъ силъ и денегъ на непроизводительную дѣятельность администраціи.

Я уже упомянулъ объ удивительной выдержкѣ болгарской учащейся молодежи, невольно бросающейся въ глаза. Всѣ замѣтили ее и всюду слышались вопросы: откуда эта выдержка въ угнетенномъ народѣ? Многіе, по почину г. Домонтовича, порѣшили, что замѣчательное tenu учениковъ

дается имъ присутствіемъ финской крови въ ихъ организмахъ. Я, однако, не настолько рьяный поклонникъ анатомическихъ основъ, чтобъ останавливаться на нихъ однѣхъ. Въ вѣкъ и въ сферѣ цивилизаціи должны играть одну изъ главныхъ ролей историко-психическія вліянія и безъ таковыхъ, конечно, не могъ жить ни старый, ни молодой болгаринъ. Обращаясь къ болгарской молодежи и припоминая, что главной сферой дѣятельности ея было образованіе народа, я нахожу, что турецкій гнетъ съ одной стороны и греческіе происки въ послѣднія 18 лѣтъ съ другой, должны были выдвинуть въ болгарскомъ школьномъ дѣлѣ не столько образовательную цѣль, сколько національно-охранительную. Вслѣдствіе этого учащаяся молодежь тотчасъ по достиженіи того возраста, когда появляется умственный анализъ, начинала смотрѣть на свою подготовку не только какъ на дѣло эгоистической полезности, но и какъ на подготовленіе къ борьбѣ національной, религіозной и общественной. Впереди не было ничего розоваго личнаго: скудное жалованье, убогая обстановка, преслѣдованіе власти. Мечтательная потребность юной головы и сердца устремлялась къ будущей свободѣ Болгаріи и т. д. Я глубоко вѣрю, что ранній эгоизмъ, развиваемый въ молодомъ умѣ дипломами на чины и предстоящей карьерой, изгоняетъ все то чистое, что сохраняется молодостью и, наоборотъ, что только одно воспитаніе юной впечатлительности на вопросахъ общественныхъ и національныхъ, хотя и немыслимое безъ уклоненій въ сферу иллюзій, можетъ вырабатывать людскую честь и характеръ. Поэтому я убѣжденъ, что именно ограниченіе прежней дѣятельности образованнаго болгарина школой и національное значеніе этой школы воспитали тѣхъ хорошихъ, спокойныхъ и сознательныхъ учениковъ-юношей, которыхъ мы видѣли на экзаменѣ въ русскомъ подготовительно - административномъ училищѣ. Экзаменъ раскрылъ намъ также истинную цѣну бывшихъ болгарскихъ школъ. Правильные и начатые съ надлежащей точки

отправленія мысли отвѣты показали, что болгарскія школы умѣли развивать, а положительное знаніе юношей доказало, что курсъ обученія этихъ школъ былъ достаточно объемистъ. Эти достоинства прежней болгарской школы, конечно, хорошо извѣстны М. С. Дринову и потому можно порадоваться, что организація народнаго просвѣщенія въ будущемъ княжествѣ попала въ руки болгарина, а не русскаго—дѣло это должно обойтись безъ всякой реформы и заключаться единственно въ поддержкѣ и развитіи старой школы.

Не такъ легко разрѣшить вопросъ о среднемъ образованіи въ Болгаріи. При невозможности устроить свои собственныя, высшія образовательныя учрежденія, княжество будетъ принуждено еще долгое время посылать за границу своихъ молодыхъ людей для слушанія высшихъ курсовъ наукъ. Конечно, всѣмъ было бы желательно, чтобъ болгары по преимуществу избирали наши университеты. Но для этого нужно, чтобъ и болгарскія гимназіи удовлетворяли нашимъ испытаніямъ зрѣлости, т. е. ввести въ Болгаріи классическое образованіе въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, въ которыхъ оно, увы, существуетъ у насъ. Г. Дриновъ честный человѣкъ и, я убѣжденъ, у него не хватитъ силы наложить на болгарскія гимназіи столь тяжелое наказаніе за родство съ Россіей. Онъ, вѣроятно, изберетъ средній путь, т. е. введетъ классицизмъ, но постановитъ ему разумные предѣлы. Какъ же тогда попадутъ болгары въ наши университеты? На правахъ вольнослушателей отпускать ихъ не согласятся, такъ какъ это званіе исключаетъ возможность провѣрки трудолюбія и способностей студента. Это такой вопросъ, на который не мѣшаетъ обратить вниманіе Россіи, какъ alma mater всей славянской семьи. Доступъ въ наши высшія учебныя заведенія въ десять разъ труднѣе, чѣмъ на Западѣ. Вслѣдствіе этого хорваты, сербы и чехи, а въ будущемъ, вѣроятно, и болгары, не отваживаются ѣхать къ намъ учиться, хотя, напримѣръ, для хорватовъ и чеховъ русскій дипломъ составляетъ pia desideria по вы-

годности у насъ учительской карьеры, а сербы и болгары пошли бы къ намъ учиться по родству ихъ языковъ. Я лично знаю нѣсколько сербскихъ семействъ, которыя указывали на печальную невозможность послать своихъ сыновей въ Россію и отправляли ихъ въ Парижъ и Вѣну. Юноши, возвратившіеся съ Запада, привозятъ съ собой на родину общеевропейское страхо-презрѣніе къ Россіи и тотъ неудобный для славянъ космополитизмъ, который отлично произрастаетъ на европейской территоріи, не могущей удовлетворить половины живущихъ на ней желудковъ. Такимъ образомъ, благодаря нашимъ университетскимъ правиламъ, не дѣлающимъ исключенія даже для тѣхъ мотивовъ, ради которыхъ убито и ранено въ одинъ годъ сотни тысячъ русскихъ героевъ, мы не только теряемъ въ нашей славянской политикѣ годныя и полезныя для насъ силы, но даже пріобрѣтаемъ родныхъ враговъ. Можно ли надѣяться, что это будетъ, наконецъ, понято и двери нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній гостепріимно отворятся для всѣхъ славянъ, которые будутъ снабжены отъ своего правительства надлежащимъ удостовѣреніемъ въ ихъ правоспособности къ слушанію высшаго курса наукъ? Г. Дриновъ озабоченъ пріисканіемъ учителей для будущихъ болгарскихъ гимназій. Взять ихъ изъ Россіи невозможно—у княжества не хватитъ средствъ удовлетворить русскія претензіи по части жалованья. Выборъ останавливается на чехахъ, отъ которыхъ летятъ въ Филиппополь кучи прошеній. Русскій языкъ предполагается сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ школъ и преподавателями его будутъ на первыхъ порахъ, конечно, русскіе. Такъ, мнѣ извѣстно, что для такого занятія предполагается по вызову одинъ мой знакомый воспитатель одесскаго реальнаго училища, г. Ортинскій.

Константинополь, 22-го (4-го іюля) іюня.

Трудно передать то впечатлѣніе, которое овладѣваетъ душой при переѣздѣ изъ умной и реальной деревенской

обстановки болгарскаго села въ хаосъ путаницы неожиданностей съ непослѣдовательностью, который называется турецкимъ правительственнымъ міромъ. Дѣла безъ внутренней связи, люди безъ идейной симпатіи, ворохи бумаги и лжи, эгоизмъ дворца—вотъ государственная дѣятельность, люди и ихъ продукты. Недовѣріе другъ къ другу, взаимныя сплетни и брань—это подкладка государства Порты и только уголовная и платежная отвѣтственность народа даетъ всему государственному зданію силу, видъ, связь и временную прочность. Существованіе такого государства дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на умъ наблюдателя. Ради вѣрнаго и безпристрастнаго анализа умъ привыкаетъ отбрасывать въ сторону всякое притязаніе отыскать гдѣ нибудь руководящую идею ежедневныхъ фактовъ и происшествій, исходящихъ изъ правительственныхъ сферъ; только имена правителей и ихъ личный характеръ поясняютъ здѣсь исторію. А между тѣмъ частные визиты къ пашамъ, беямъ и эфенди на первыхъ порахъ сбиваютъ съ толку наблюдателя. Всякій завзятый воръ и бездѣльникъ умѣетъ показать свою либеральность, наговорить кучу упрековъ правительству, обругать безпощадно своихъ сослуживцевъ и даже нарисовать гостю нѣкоторую картину улучшеній. Слушая этихъ рьяныхъ либераловъ со звѣздой, можно подумать, что они страдаютъ отъ правительственнаго хаоса, болятъ душой за родину и готовы пожертвовать для нея и временемъ, и карманомъ, и животомъ. Таково впечатлѣніе, производимое каждымъ чиновникомъ въ отдѣльности; а запрягутся они вмѣстѣ и возъ, именуемый здѣсь государствомъ, съ мѣста не двигается. Иной, быть можетъ, и натянулъ бы свои постромки, да боится потревожить сотоварищей и прослыть оттого человѣкомъ безпокойнымъ. Всякій чувствуетъ этотъ страхъ и притомъ каждому извѣстно, что у воза есть тормазъ, именуемый султанскими прерогативами Гамида. Этотъ полубольной и полудикій падишахъ тоже не прочь двинуть государство куда

нибудь въ рай земной жизни, но не можетъ по своему званію всесильнаго повелителя знать дороги и безсознательно тормозитъ другихъ. Тутъ только и есть руководящая идея турецкой государственной жизни. Она заключается въ смыслѣ падишахскаго режима. Какъ догматъ жизни, этотъ режимъ исключаетъ всякій идеалъ, къ которому было бы позволительно стремиться государству. Всякое движеніе впередъ оказывается въ концѣ концовъ враждебнымъ этому догмату и потому всѣ честныя пожеланія султана и его сотрудниковъ поглощаются чувствомъ самохраненія и за каждымъ проблескомъ прогресса слѣдуетъ немедленно и неминуемо рядъ регрессивныхъ мѣропріятій. Гильдизъ-Кіоскъ и Высокая Порта словно чувствуютъ себя живущими на пороховомъ погребѣ и ежеминутно готовы залить пожарной трубой всякую искру свѣта—пусть, дескать, будетъ темно, но за то безопасно. Въ спокойное время въ этихъ потьмахъ всѣмъ живется хорошо, но чуть горизонтъ поблизости освѣтится чѣмъ либо экстраординарнымъ, государство немедленно чувствуетъ свое безсиліе, тревожится, копошится и начинаетъ грозить своимъ пороховымъ погребомъ. Такъ случилось и теперь. Пока дѣло шло объ устномъ препирательствѣ на конгрессѣ, о немъ паши говорили свысока и пороховой погребъ услаждали статьями Мидхата-бея, заказанными во дворцѣ и твердившими, что Европа собирается отомстить Россіи за оскорбленіе турецкихъ правъ, что Европа не можетъ жить безъ Турціи, что существованіе послѣдней чуть ли ни raison d'être всѣхъ западныхъ державъ. Все это было глупо, но за то смѣло. Теперь же стоитъ упорный слухъ, что на дняхъ въ воды Босфора пожалуетъ европейскій флотъ въ качествѣ судебнаго пристава конгресса для приведенія въ исполненіе рѣшеній международнаго ареопага. Отъ брони, пушекъ и солдатъ не отдѣлаешься никакимъ длиннымъ меморандумомъ, отъ него не отпишешься и отъ него не отвертишься какимъ либо обѣщаніемъ насчетъ будущаго съ непредвидѣнными об-

стоятельствами. Общій переполохъ. Никто не обижается ни во дворцѣ, ни въ Высокой Портѣ. Напротивъ, всѣ готовы принять съ распростертыми объятіями гостей, вооруженныхъ многотонными орудіями, лишь бы послѣднія только салютовали холостыми зарядами, но удовольствуются ли гости однимъ радушіемъ пріема? Они потребуютъ дѣла, дѣло требуетъ силы, а гдѣ же сила у падишаха? Скажутъ— вводи реформы. Реформы коснутся порохового погреба— народа; народъ не послушается, порохъ вспыхнетъ и что тогда будетъ съ падишахомъ и его слугами? Если и не вспыхнетъ, то просто пассивно не послушается приказаній. Повторится это разъ, другой, третій. Гости убѣдятся, что власть существуетъ здѣсь номинально и тогда не рѣшатся ли они замѣнить падишаха европейской верховной комиссіей, не уничтожатъ ли призракъ Турціи и здѣсь, въ столицѣ Порты? Вотъ вопросы, которые терзаютъ сердце дворца и конаковъ пашей. Безсиліе предупредить прямо вмѣшательство Европы, безсиліе исполнить приказаніе этой Европы и страхъ оказаться абсолютно лишними для народа и Европы. Мехмедъ-Рушти-паша мститъ за попытку сослать его и скорбнымъ голосомъ поясняетъ султану безвыходность настоящаго положенія. Гамидъ, слушая его, плачетъ слезами ребенка, готовящагося перенести неминуемое наказаніе. Савфетъ упорно молчитъ—это такой человѣкъ, который спокойнѣе упадетъ въ пропасть, чѣмъ будетъ думать о борьбѣ. Османъ-паша тоже молчитъ — онъ чувствуетъ безсиліе Турціи противъ Европы, но не можетъ, какъ военный патріотъ, отказаться даже отъ неосновательной мечты такъ или иначе охранить отечество отъ униженія и потери европейскихъ владѣній. Онъ безмолвно продолжаетъ учить войско, укрѣплять и вооружать Константинополь. Прочіе члены правительства озабочены лишь вывѣдываніемъ будущаго, ничего не предсказывая и ничего не предпринимая. Подъ вліяніемъ ихъ султанъ безпрестанно открываетъ свои двери для иностранныхъ пословъ, приглашая ихъ на обѣды

и завтраки. Это дѣлается съ цѣлью узнать хоть что нибудь о намѣреніяхъ европейскихъ правительствъ. Такъ угощали Лэйарда, но совершенно напрасно. Ловкій дипломатъ-нахалъ хмурилъ брови и былъ нѣмъ, какъ рыба.—«Если этотъ молчитъ и ничего не обѣщаетъ, то значитъ дѣло плохо!» рѣшили паши. Послѣдовало приглашеніе французскаго посла Фурнье. Истый французъ, конечно, не молчалъ, но произвелъ впечатлѣніе еще худшее, чѣмъ Лэйардъ. Онъ объявилъ, что думаетъ въ скоромъ времени покинуть Константинополь, такъ какъ Макъ-Магонъ прочитъ его включить въ число правой стороны сената.

— Его величество и мы съ глубокимъ сожалѣніемъ узнаемъ о вашемъ рѣшеніи оставить вашъ постъ въ Константинополѣ,—перевелъ ему Савфетъ любезность султана.

— О, вамъ придется еще многихъ пожалѣть!—замѣтилъ въ отвѣтъ Фурнье съ французской живостью.

— Какъ такъ?

— Есть такія исключительныя обстоятельства, когда chargé d'affaire бываютъ необходимѣе пословъ,—намекнулъ Фурнье.

— Потому что они могутъ многое не знать и на многое не отвѣчать?—пояснилъ опытный Мехмедъ-Рушти.

Послѣ этого разговора возникъ вопросъ — кто же еще изъ пословъ, кромѣ Фурнье, собирается въ дорогу? Ужь не русскій ли?

Послѣдовало приглашеніе князя Лобанова-Ростовскаго на обѣдъ, который предназначается султаномъ «въ честь русскаго представителя». Обѣдъ запросто, въ простыхъ сюртукахъ, обѣдъ располагающій къ откровенности. Увы, и тутъ всѣ подвохи окончились пріятной бесѣдой, взаимными тостами и добрыми пожеланіями. — «Непремѣнно уѣдетъ и этотъ!» порѣшили турки, не смогши добиться отъ посла ни да, ни нѣтъ. Отсутствіе пословъ—страшная вещь. Оно означаетъ, что роль представителей державъ перейдетъ къ военнымъ командирамъ флотовъ и армій. Послѣд-

ніе не любятъ объясненій, будутъ настаивать не перомъ, а ружьемъ и отвѣтъ у нихъ не хорошій: «такъ приказано»— и только. Повѣренные въ дѣлахъ будутъ отдѣлываться отъ всѣхъ вопросовъ ничего-незнаніемъ и передачей недоразумѣній на бумагѣ своимъ властямъ безъ всякой надежды на своевременный отвѣтъ. Наводятъ справки въ Санъ-Стефано. Тамъ говорятъ соглядатаямъ, что со вчерашняго дня работаетъ военная комиссія по установленію трехъ линій отступленія русскихъ войскъ въ границы Болгаріи и о скоромъ отъѣздѣ главнокомандующаго Тотлебена.—Какія же это три линіи? недоумѣваютъ турки; ужь не три ли линіи укрѣпленій Константинополя? Вообще засѣданіе русскаго военнаго совѣта безпокоитъ падишаха. Слухъ объ отъѣздѣ генерала Тотлебена кажется еще страшнѣе и непонятнѣе. Если русская армія дѣйствительно собирается отступить, то генералъ Тотлебенъ самое подходящее лицо для укрѣпленій границъ русской оккупаціи. Зачѣмъ же онъ уѣзжаетъ? Не имѣетъ ли въ виду русская армія совмѣстное съ другими державами занятіе Царьграда и тогда не прибудетъ ли въ Санъ-Стефано командиромъ героевъ тотъ, кому пророчествовали подновленіе щита Олега на царьградскихъ воротахъ?

— Помилуйте, говорю я, съ какой же стати ѣхать ему сюда для «совмѣстнаго» занятія!

— При немъ русская армія получитъ первенствующее значеніе,—отвѣчаютъ мнѣ:—вотъ для чего онъ и пріѣдетъ.

Признаюсь, я до сихъ поръ чувствовалъ нѣкоторую долю уваженія къ государственнымъ людямъ, по крайней мѣрѣ ту долю, которая не допускала во мнѣ предположенія, что эти люди могутъ быть болѣе насъ, простыхъ смертныхъ, воспріимчивы ко всякому слуху. Теперь, видя сегодняшній правительственный Константинополь, я убѣждаюсь въ ошибочности моихъ взглядовъ на государственныхъ людей. Хватая налету всякій вздоръ, они теряютъ возмож-

ность отнестись къ новостямъ дня съ хладнокровнымъ анализомъ и соразмѣрить свою дѣятельность съ потребностью минуты. Отъ этого происходитъ масса нелѣпыхъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ мусульманство столицы относилось съ полнымъ довѣріемъ къ конгрессу и даже руководители всякихъ революціонныхъ затѣй пріостановили свою пропаганду, надѣясь, что Европа и въ особенности Англія поможетъ отвертѣться Турціи отъ результатовъ пораженій. Въ столицѣ все было спокойно. Турки надѣялись, а греки уповали на освобожденіе Эпира и Ѳессаліи. Казалось бы, что прямой интересъ правительства лелѣять этотъ покой, столь удобный и выгодный для падишахскаго режима; народъ бы остался неподготовленнымъ къ какой либо протестаціи въ случаѣ необходимости въ совмѣстномъ на него давленіи Европы и дворца. Между тѣмъ Высокая Порта разсудила сдѣлать наоборотъ. Ей показалось, что необходимо подготовить народъ къ воспріятію предполагаемаго давленія Европы и въ то же время пугнуть послѣднюю народомъ. Для этой глупой цѣли Мидхадъ-бей опять призывается во дворецъ и тамъ ему заказана статья, появившаяся вчера въ «Вакитѣ». Въ ней публикѣ преподносятся всѣ опасенія правительства, предвѣщается приходъ иностранныхъ флотовъ, замѣна власти мусульманской Высокой Порты международною христіанскою комиссіей, участіе Англіи въ этой «несправедливости» и все кончается ради страха Европѣ— убѣжденіемъ, что народъ не позволитъ гяурамъ распоряжаться собой и съумѣетъ защитить свою неприкосновенность. Легко представить себѣ впечатлѣніе этой заказной оффиціальной статьи на мусульманъ. Противъ кого долженъ готовиться народъ? Противъ иностранцевъ? Но что же подѣлаешь противъ Европы, если само правительство не въ силахъ противодѣйствовать гяурамъ? говорятъ улемы. — Если правительство предполагаетъ, что мы можемъ защитить отечество, то тѣмъ болѣе оно само можетъ защитить страну, а если не защищаетъ, то значитъ не хочетъ

или боится; если же не хочетъ или боится, то оно правительство дурное, неспособное; надо замѣнить его заблаговременно другимъ. Эти разсужденія, какъ и слѣдовало ожидать, создаютъ оппозиціи правительству, а не Европѣ.

Въ той же статьѣ Митхада-бея заявляется, что Турція никогда не согласится даже на административное освобожденіе Эпира и Ѳессаліи. Греки-патріоты, прочитавъ эти строки и зная источникъ мыслей Мидхада-бея, встрепенулись. Коли такъ, рѣшили они, то намъ надо приготовляться. Въ вечеръ выхода статьи состоялось засѣданіе панъ-эллинистовъ и сегодня телеграфъ и почта передаютъ въ Эпиръ и Ѳессалію совѣтъ начать возстаніе, а на Митилену, гдѣ уже вторую недѣлю льется обильная кровь, гдѣ греки почти всѣ поголовно возстали противъ турокъ, провозгласивъ островъ принадлежащимъ Англіи,—отправился агентъ съ почтенною суммою помощи. Пошла депеша и къ Каратеодори. Греки предупреждаютъ его, что Порта готовится противодѣйствовать выигрышу Греціи на конгрессѣ. Умный и хитрый грекъ—представитель Порты съумѣетъ конечно заручиться болѣе прочными гарантіями для интересовъ эллинизма. Каратеодори ругаютъ греки публично на улицахъ и кофейняхъ, называя его измѣнникомъ національности, упрекая его въ томъ, что забылъ свою родину ради интересовъ турецкой службы и т. д. Эта брань — уловка. Въ глубинѣ души всѣ предводители панъ-эллинизма питаютъ къ Каратеодори непоколебимую вѣру. Они шлютъ ему письма и телеграммы, конечно, черезъ подставныхъ лицъ въ Берлинѣ; онъ читаетъ и принимаетъ все, слушаетъ всѣхъ со вниманіемъ и, если не прямыми словами, то ласковостью прямо доказываетъ свое полнѣйшее сочувствіе стремленіямъ эллинизма.

— Турки только впослѣдствіи раскусятъ его дѣятельность на конгрессѣ, говорилъ мнѣ вчера одинъ знатный господинъ про Каратеодори; но я не думаю, чтобы этотъ грекъ былъ настолько недогадливъ, чтобъ возвратиться въ

Константинополь на долго. Его мѣсто теперь въ Аѳинахъ рядомъ съ Кумундуросомъ. Тотъ предалъ турецкій флотъ; этотъ—турецкую дипломатію.

Въ связи съ этимъ разговоромъ достойно вниманія самое положительное извѣстіе, что Каратеодори былъ посланъ на конгрессъ по совѣту и настоянію Лэйарда. Этотъ фактъ, въ связи съ освѣщеніемъ политической личности Каратеодори, направили мой послѣдній сегодняшній визитъ къ тому умному старику-дипломату, который въ жизни мало дѣлалъ, но зато много думалъ и часто предугадывалъ событія. Съ нимъ совѣтуется султанъ, къ нему ѣздятъ всѣ правители страны за разрѣшеніемъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ; у него въ скромной залѣ собирается совѣтъ министровъ, когда старикъ говоритъ, что онъ нездоровъ и не можетъ выйдти изъ дома. Это единственный турокъ, у котораго нѣтъ восточнаго уклончиваго выраженія глазъ. Онъ долго живетъ на свѣтѣ, долго властвовалъ и никогда не падалъ. Оттого, вѣроятно, въ немъ есть смѣлость и взглядъ и мысли.

— Ваша свѣтлость, мнѣ чудится, что наступаетъ время, которое докажетъ справедливость вашего недовѣрія къ Англіи, сказалъ я старику.

— А именно? спросилъ старый дипломатъ, никогда невысказывающій своихъ мыслей ранѣе своего собесѣдника.

— Я думаю, что Англія покидаетъ идею поддерживать свое вліяніе на Востокѣ при помощи Турціи.

— Кто же тогда будетъ служить ей здѣсь?

— Я не знаю, отвѣтилъ я, улыбаясь.

— Нетрудно было предвидѣть этотъ исходъ, началъ самъ старикъ, угадавъ мою мысль. Всѣ противъ Турціи и всѣ за Грецію... Но я не думаю, чтобъ Англія рѣшилась отказаться отъ насъ, не испробовавъ въ послѣдній разъ нашу преданность и силу. Если послѣдняя проба будетъ неудачна, то конечно центръ тяжести будетъ перемѣщенъ въ Аѳины и...

— Оттуда будетъ исходить антиславянская политика?

— Разумѣется.

— А всѣ обѣщанія Лэйарда, ваша свѣтлость?

— Они обязываютъ его лишь къ отъѣзду безъ прощанія, съострилъ старикъ.

— Простите еще за вопросъ — сможетъ ли Турція не подчиниться рѣшенію конгресса?

— Не думаю, хотя Османъ-паша обѣщаетъ, что Порта не продастъ дешево христіанству свою Европу.

На этихъ многообѣщающихъ словахъ оканчиваю мой разговоръ съ знаменитымъ въ Турціи старикомъ.

Константинополь, 23-го іюня (5 іюля).

Предо мной только-что вышедшая изъ печати объемистая книжка въ красной обложкѣ съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Appel des musulmans opprimés au congrés de Berlin. Leur situation en Europe et en Asie depuis le traité de San-Stefano. Constantinople 1878». Книгу эту издало турецкое правительство; оно послало ее во всѣ столицы сотнями экземпляровъ и роздало здѣсь всѣмъ корреспондентамъ. Предназначена она для ознакомленія Европы и конгресса съ варварствомъ русскихъ и болгаръ, т. е. служитъ той цѣли, о которой я не разъ упоминалъ въ своихъ письмахъ, говоря о различныхъ антирусскихъ протестахъ. Написана книга на французскомъ языкѣ и отпечатана роскошно. Познакомимся же съ ея содержаніемъ. На первомъ листѣ длинное письмо «угнетенныхъ мусульманъ», адресованное Бисмарку, какъ предсѣдателю конгресса. Оно подписано 29 іюнемъ нов. стиля. Вотъ самый патетическій пассажъ письма: «Послѣ ужасовъ войны и нашествія непріятеля, мы надѣялись, что заключеніе мира положитъ конецъ нашимъ долгимъ страданіямъ. Нѣтъ! разнузданность дурныхъ страстей, кровавые инстинкты врага сказываются вездѣ и послѣ прекращенія войны. Подъ ужасомъ рѣзни массъ, отдѣльныхъ убійствъ, грабежа, насилія

и пожара мы бѣжали, преслѣдуемые всюду какъ звѣри, покрывая поля и долы трупами нашихъ женъ, дѣтей и несчастныхъ соотечественниковъ. Голодъ и эпидемія—вотъ результаты варварства дикихъ (т. е. русскихъ), недостойныхъ имени людей. Вотъ каковы благодѣянія, истекающія для насъ изъ с.-стефанскаго трактата, который долженъ былъ установить эру мира и согласія!» Затѣмъ слѣдуетъ глава подъ заглавіемъ: «Atrocités, mefaits, deprédations etc.». Въ ней разсказывается въ 50 отдѣльныхъ статейкахъ, какъ русскіе солдаты убивали мирныхъ мусульманъ, какъ болгары жгли и грабили турецкіе деревни и села и т. д. Вторая глава: «Plaintes et réclamations» содержитъ въ себѣ 27 жалобъ на русскія войска и болгаръ въ томъ, что они отнимали разное имущество и раззоряли недвижимую собственность мусульманъ; третья глава заключаетъ въ себѣ двадцать протестовъ противъ присоединенія Румеліи и Азіи къ Болгаріи или Россіи. Наконецъ, въ четвертую главу вошли всѣ незаконныя дѣйствія русской и союзныхъ съ ней армій относительно условій перемирія и мира или направленныя противъ международныхъ интересовъ; числомъ ихъ 32. Я не смѣю оскорблять русскаго читателя переводомъ всѣхъ 109 клеветъ на нашу великую націю, заключающихся въ названной книжкѣ. Я не думаю также, чтобъ эта книга произвела какое-либо благопріятное для Турціи впечатлѣніе на контрессѣ, но за то ею воспользуется масса иностранныхъ борзописцевъ, которые найдутъ въ книгѣ цѣлый складъ литературныхъ зарядовъ, направленныхъ въ «славянство»; затѣмъ книга переводится на турецкій языкъ и послужитъ крѣпкимъ основаніемъ ненависти мусульманскаго міра къ намъ русскимъ и болгарамъ. Съ этой точки зрѣнія книга является въ высшей степени вредной нашимъ интересамъ и при всемъ моемъ уваженіи къ нашему представителю въ Константинополѣ, я не могу не сказать, что интересъ Россіи долженъ былъ задержать появленіе этой книги. Сдѣлать

это было совсѣмъ легко, такъ какъ нынѣ собранный въ книгѣ воедино матеріалъ существовалъ на письмѣ и въ такомъ видѣ могъ быть представленъ Портой конгрессу, если Порта считала необходимымъ его представленіе. Еще вопросъ: неужели послѣ изданія «правительствомъ» громадной книги, заключающей въ себѣ самое грубое поношеніе русской національности, мы можемъ оставаться въ отношеніи съ этимъ правительствомъ съ прежней предупредительной любезностью? Первые листы этой книги, переведенные на турецкій языкъ, уже оказали свое дѣйствіе. Турецкіе солдаты и офицеры, бывшіе до сихъ поръ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ нашими аванпостами, вдругъ перемѣнили свое поведеніе. Они стали ругаться и всячески оскорблять и провокировать нашихъ героевъ. Только великодушная сдержанность и сила долга нашихъ солдатъ, какъ разсказываютъ, спасаетъ ихъ отъ послѣдствій мусульманской провокаціи. Тяжелая доля русскаго героя-солдата. Врагъ оскорбляетъ, а чуждая Европа рѣшаетъ участь пролитой родной крови! Главнокомандующій нашелся вынужденнымъ написать о томъ князю Лобанову-Ростовскому и послѣдній имѣлъ по этому поводу свиданіе съ турецкимъ военнымъ министромъ.

— Это вовсе не книга виновата, поясняетъ Османъ-паша, просто турецкій солдатъ, видя мѣсяцами врага бездѣйствующимъ, почувствовалъ свою силу!

Англійскій флотъ, какъ извѣстно, стоитъ у Принкипо и туда въ прошлое воскресенье ѣздилъ нашъ посолъ, чтобъ отдать визитъ адмиралу Горнби. Былъ ли Лэйярдъ въ С.-Стефано? Кажется не былъ.

XXVIII.

Совѣтъ во дворцѣ. — Протестъ противъ оккупаціи Босніи и Герцеговины.—Распространеніе ложныхъ свѣдѣній объ укрѣпленіи русскихъ позицій. — Угрожающій тонъ Порты по отношенію Греціи.—Вызовъ изъ Англіи Гобарта-паши.—„Вакитъ" о будущности Турціи.—Планы парализовать рѣшенія конгресса. — Возстаніе на о. Митиленѣ. — Волненія въ Сиріи и Албаніи. — Свиданіе Османа-паши съ генераломъ Тотлебеномъ.—Планъ Лэйарда для возрожденія Турціи.

Константинополь, 25-го іюня (7-го іюля).

ВСѢ бѣгаютъ и суетятся, чтобъ узнать результатъ двухночнаго засѣданія совѣта государственныхъ людей Турціи подъ предсѣдательствомъ султана. Бѣдные паши такъ долго разсуждали, что даже заснули во дворцѣ и только въ шесть часовъ утра мирная улица Галаты была обезпокоена длиннымъ рядомъ экипажей, сопровождаемыхъ конвоемъ. — Ай, пеки, всѣхъ пашей арестовали! кто-то догадался порадоваться вслухъ, увидя каретное шествіе, но стоило заглянуть внутрь экипажей, чтобъ разочароваться: лица государственныхъ людей носили на себѣ отпечатокъ такой глубокой и спокойной сонливости, что всякая мысль объ арестѣ ихъ становилась очевидно нелѣпой. Паши ѣхали на отдыхъ. Теперь времена пришли крутыя и оттого государственные люди начали спать днемъ, а ночью совѣщаться. Зачѣмъ же? Очень просто: падишахъ предпола-

гаетъ, что паши днемъ заняты отправленіемъ своихъ ординарныхъ обязанностей и потому сзываетъ ихъ только по ночамъ. Паши не прекословятъ. Конечно, падишаху было бы не трудно догадаться, что во снѣ имѣютъ потребность не только члены святой крови Магомета, но и простые смертные, да гдѣ же султану еще догадываться. И такъ, совѣщались двѣ ночи; къ участію въ совѣтѣ были приглашены всѣ не только настоящіе министры, но и бывшіе таковыми, даже тѣ, которыхъ иностранные корреспонденты уже давно выслали изъ Константинополя за тридевять земель. Разсказываютъ, что засѣданіе было очень скучное; больше томились, чѣмъ разсуждали и спорили. Это очень вѣроятно, такъ какъ вопросъ шелъ о томъ—подчиниться ли рѣшеніямъ конгресса по оккупаціи Босніи и Герцеговины, или противодѣйствовать. Извѣстно, для какихъ умовъ бываетъ обыкновенно самое море по колѣно; по такой именно причинѣ султанъ немедленно рѣшилъ, что онъ не дозволитъ Австріи распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ. «Будетъ, молъ, англичанъ и русскихъ». Паши переглянулись. Они знаютъ, что не позволить на дѣлѣ нечѣмъ, но противорѣчить падишаху не полагается. Савфетъ немедленно приступилъ къ составленію депеши делегатамъ Порты на конгрессѣ и протеста противъ занятія Босніи и Герцеговины. Тутъ собраніе оживилось. Нашлось много компетентныхъ лицъ по части редакціи фразъ протеста и много филологовъ насчетъ истиннаго значенія и силы отдѣльныхъ словъ важнаго документа. Съ 8 часовъ до полуночи составляли общими силами протестъ. Падишахъ такъ утомился, что ушелъ въ гаремъ отдохнуть. Тутъ Мехмедъ-Рушти прервалъ дебаты по протесту и предложилъ разсудить—можно ли въ самомъ дѣлѣ воспрепятствовать входу австрійскихъ войскъ?—Нельзя. — Это ничего, мы дадимъ приказъ войскамъ отступать по мѣрѣ приближенія австрійцевъ, замѣтилъ кто-то. — Отлично, тогда мы покажемъ, что уступаемъ только силѣ, но вовсе не согласны на окку-

пацію, порѣшили паши, пока отдохнувшій падишахъ не вернулся и не одобрилъ окончательной редакціи депешъ и протеста. Засѣданіе окончилось, телеграммы посланы и паши возвратились домой съ надеждой поспать не только днемъ, но и ночью, какъ вдругъ изъ дворца несется недобрая вѣсть: ресторэторъ дворца несогласенъ съ вчерашнимъ рѣшеніемъ совѣта министровъ. Проснулся Савфетъ и шлетъ за Лэйардомъ—«помогите, ради Бога!» Британскій дипломатъ немедленно ѣдетъ во дворецъ, ждетъ терпѣливо цѣлый часъ выхода султана и докладываетъ повелителю, что Порта обязана охранять достоинство и честь мусульманской націи и не позволять дѣлить себя, какъ Польшу. Султанъ выслушалъ совѣтъ молча и удалился опять въ сообщество женъ и ресторатора. Къ вечеру паши снова созваны. Гамидъ объявляетъ столпамъ отечества, что ему и его ресторатору кажется болѣе цѣлесообразнымъ выбрать какую нибудь державу своей пріятельницей, чѣмъ ссориться со всѣми, т. е. не признавать с.-стефанскаго договора, не допускать австрійской оккупаціи, противиться автономіи греческихъ провинцій и, наконецъ, ругать Англію.

— Если такъ, то лучше прямо отозвать делегатовъ съ конгресса, заключилъ свою рѣчь Гамидъ, вѣроятно, повторяя слова ресторатора.

Немедленно приступили къ исправленію вчерашняго протеста. Потребовалось сдѣлать такъ: отстоять свою честь и въ то же время обойтись ласково съ Австріей. Съ виду невозможная задача разрѣшена просто и легко: зачеркнули написанное вчера: «Оттоманская имперія не можетъ согласиться на занятіе какой бы то ни было части ея территоріи иностранными войсками» и написали: «Оттоманская имперія надѣется, что австрійскій императоръ не захочетъ нарушить дружескія отношенія съ Турціей занятіемъ помимо ея согласія какой либо части ея территоріи». Ресторатор выигралъ сраженіе и побѣдилъ всѣхъ дипломатовъ по жалованью. Заходила рѣчь и о Россіи, и объ Англіи.

Съ первой нельзя имѣть никакихъ вѣрныхъ соглашеній— она, рѣшили паши про нашу родину, находится въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи, какъ и Турція, пока у нея нѣтъ самостоятельной политики и ея будущимъ на Востокѣ распоряжается Европа. Англія надувала ужь очень часто; впрочемъ, ей можно было бы еще разъ повѣрить, еслибъ она не путалась въ панъ-эллинскихъ проискахъ. Мегеметъ-Али-паша телеграфируетъ, что хотя за Грецію публично стоитъ больше Ваддингтонъ, французскій министръ, но въ сущности имъ руководитъ Англія. На этотъ разъ паши разошлись раньше. Вчера графъ Зичи не показывался, а сегодня утромъ поѣхалъ въ конакъ Сафвета-паши съ благодарностью. Сафветъ немедленно смекнулъ въ чемъ дѣло и, не смотря на свою осторожность, сказалъ графу: «поздравляю васъ съ новымъ другомъ во дворцѣ». Я думаю, что визирь не ошибся — Австрія обдѣлываетъ свои интересы чрезъ ресторатора Гильдизъ-Кіоска. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Турція была покрѣпче, графъ Игнатьевъ управлялъ Портой чрезъ нищаго-банкира, теперь Турція поменьше и послабѣе и дѣятелемъ въ иностранной политикѣ является ресторагоръ. И такъ, вопросъ объ оккупаціи Босніи и Герцеговины здѣсь рѣшенъ окончательно. Что касается до другихъ постановленій конгресса, то русское мѣстное добродушіе увѣряетъ, будто бы Порта склоняется къ предпочтенію с.-стефанскаго договора. Не знаю, что происходитъ въ глубинѣ души правительственныхъ турокъ, но очевидно, что еслибъ они даже дѣйствительно предпочли с.-стефанскій трактатъ, то ничего реальнаго изъ этого предпочтенія выйдти не можетъ. Ничего, потому что, во-первыхъ, турки такъ много ругали публично и печатно вышеназванный трактатъ, что теперь немыслима перемѣна ихъ взгляда на него. Вотъ еслибъ мы своевременно успѣли поудержать Порту отъ этой ругани, тогда дѣло стояло бы иначе; Порта могла бы стать на почву договора и отказаться отъ рѣшенія конгресса; мы же тогда предложили

бы Европѣ приводить въ исполненіе приказъ конгресса; послѣдовало бы одно изъ двухъ — или раздѣлъ Европейской Турціи или реализація с.-стефанскаго договора. Во-вторыхъ... впрочемъ, эта вторая причина требуетъ маленькаго отступленія.

Благодаря щедрости нашего довѣрія къ иностраннымъ извѣщеніямъ, мы давно уже слышали, что русскіе укрѣпляются во многихъ пунктахъ—и въ Санъ-Стефано, и въ Родосто, и въ Адріанополѣ, и въ Сельви и т. д. Свѣдѣнія шли заграницу изъ турецкихъ и французскихъ газетъ и якобы подтверждались корреспондентомъ и «Кельнской Газеты», особенно напиравшимъ вмѣстѣ съ покойнымъ Levant Herald'омъ на значеніе родопскаго возстанія. Я только два дня тому назадъ возвратился изъ долгой поѣздки вплоть до Филиппополя и могу какъ очевидецъ и слушатель наидостовѣрнѣйшихъ людей засвидѣтельствовать, что наша армія не возводитъ нигдѣ никакихъ укрѣпленій. Сообщеніе со всѣми пунктами нашей оккупаціи вполнѣ свободно отъ всякихъ паспортныхъ препятствій и потому удостовѣряемое мною не можетъ быть секретомъ ни для турецкихъ властей, ни для кого нибудь другого. Сопоставленіе настойчивости турецкой оффиціальной прессы въ увѣреніи о русскихъ новыхъ фортификаціонныхъ работахъ съ полнѣйшимъ отсутствіемъ таковыхъ заставило меня видѣть тутъ какую-то загадку и попробовать сыскать для нея разрѣшеніе. Наведенныя мною справки показали, что здѣшній корреспондентъ «Кельнской Газеты» состоитъ въ весьма близкихъ и интересныхъ отношеніяхъ съ Высокой Портой, а «Вакитъ», «Басиретъ» и прочія газеты получали свѣдѣнія о русскихъ укрѣпленіяхъ непосредственно изъ кабинета директора «bureau de la presse». Гдѣ же разгадка? Должно быть, соображаю я, въ Стамбулѣ. Приближаясь къ излюбленнымъ мѣстечкамъ улемской пропаганды, еще издали слышно рѣзкое для уха восточное, протяжное, однообразное завываніе. Два-три десятка женщинъ, не снимая покрывалъ, усѣлись

на землѣ отдѣльными кружками и тянутъ унисономъ какой нибудь параграфъ корана, единственный извѣстный имъ. Около нихъ толпятся слушатели. Но такъ какъ мороситъ маленькій дождь, то всѣ «вліятельные» не здѣсь, на улицѣ, а въ мечети. Мечеть со времени чараганскаго происшествія часто навѣщаютъ иностранцы, въ числѣ которыхъ есть и шпіоны, а потому всѣ улемы и пропогандисты перебрались на обширные хоры, куда ведетъ зигзагой узенькій мощенный переулочекъ. Проскользнуть въ этотъ переулочекъ дѣло не дешевое для иностранца съ тѣхъ поръ, какъ полиція ищетъ революціонеровъ. Нужны деньги и солидная рекомендація. На хорахъ устроено нѣчто въ родѣ невысокихъ и небольшихъ полатей. На нихъ, съ четками въ рукахъ, съ поджатыми ногами возсѣдаютъ духовные и свѣтскіе коноводы; внизу на полу слушатели, удостоенные впуска на хоры. Съ меня за входъ взяли деньги, а потому и посадили тоже на полати. Система разговора здѣсь слѣдующая: надо наклониться къ уху одного изъ молчащихъ въ этотъ моментъ ораторовъ и задать ему желаемый вопросъ. Когда придетъ его очередь говорить, онъ повторяетъ вопросъ вслухъ и отвѣчаетъ на него во всеуслышаніе. Это очень умная система для того, чтобъ не возбуждать въ слушателяхъ никакого сомнѣнія. Я приступилъ къ вопросу прямо: «зачѣмъ паши увѣряютъ, что русскіе строютъ укрѣпленія?» Улемъ, молодой статный красавецъ, повторилъ немедленно мой вопросъ слово въ слово съ пунктуальной точностью и прибавилъ: «зачѣмъ мнѣ объяснять это, когда всякому извѣстенъ отвѣтъ, скажите правовѣрные татару (т. е. мнѣ)!» Одинъ изъ слушателей нѣсколько сконфуженно началъ объясненіе, прерываемое замѣчаніями улема.

— Московъ мало, насъ много, говорилъ онъ.

— Мало мужчинъ осталось не взятыхъ въ войско, добавилъ улемъ.

— Московъ надѣется на пашей.

— Знаетъ, что они трусы!

— Паши боятся и ничего не дѣлаютъ, а чтобъ...

— Можно очень легко теперь москововъ разбить три раза и въ плѣнъ взять.

— А чтобъ правовѣрные не узнали...

— Не догадались объ ихъ измѣнѣ...

— Да, такъ они твердятъ, что московъ крѣпко стоитъ...

— А это все ложь.

И такъ, есть и вторая причина, почему турецкое правительство не можетъ стать на почву Санъ-Стефанскаго договора и сдѣлаться другомъ Россіи: въ народѣ выросло негодованіе противъ москова, негодованіе взлелѣянное и взращенное съ нашего позволенія самимъ турецкимъ правительствомъ при помощи прессы мусульманской и иностранной, негодованіе тѣмъ болѣе крѣпкое, что въ народѣ воскресла глубокая вѣра въ свои возрожденныя военныя силы и въ безсиліе русской арміи, простоявшей 150 дней безъ всякаго признака жизни и проявленія силы. Возбужденіе противъ русскихъ усиливается еще слѣдующимъ слухомъ. Говорятъ, что Румелія будетъ занята иностранными войсками (по 10 тысячъ отъ державы) и что главнымъ командиромъ всѣхъ эдихъ международныхъ войскъ предназначается генералъ Тотлебенъ. Изъ этого слуха турки дѣлаютъ выводъ, будто московы сами сознаютъ свое безсиліе и для помощи призываютъ другихъ гяуровъ. Безсиліе и коварство—самыя антипатичныя черты по мнѣнію народа.

Однимъ словомъ, русская увѣренность въ склоненіи турокъ на нашу сторону происходитъ больше отъ родной привычки, поддержанной войной, уповать, что Господь Богъ по своему милосердію довершитъ все то, что мы не додѣлали сами для себя.

Константинополь, 26-го іюня (8-го іюля).

Дурные люди всегда съ маленькими смѣлы, а съ сильными подобострастны. Турецкое правительство руковод-

ствуется такой же системой. Противъ замысловъ Австріи протестуетъ только на бумагѣ, да пугаетъ возстаніемъ мусульманъ, а съ Греціей грозитъ не на шутку поссориться, если конгрессъ окажется слишкомъ уступчивымъ по отношенію къ эллинизму. Послѣдній совѣтъ министровъ, снова засѣдавшій подъ президенствомъ Гамида и въ сообществѣ отставныхъ государственныхъ дѣлъ мастеровъ и подмастерьевъ, обсуждалъ a priori, на основаніи пришедшихъ депешъ отъ делегатовъ, что можно ожидать отъ конгресса для Греціи? Единогласно рѣшили ни подъ какимъ видомъ не соглашаться на фактическое или юридическое отдѣленіе Эпира и Ѳессаліи. Но такъ какъ удовлетворенія претензій Греціи требуетъ конгрессъ, то, чтобъ не вступать въ ссору съ Европой, паши постановили сдѣлать Греціи уступку Кандіи и нѣкоторыхъ другихъ острововъ. Въ этомъ предположеніи быть можетъ есть доля желанія наказать Англію за двоедушіе, такъ какъ, по словамъ достовѣрныхъ лицъ, Порта хочетъ дать Греціи именно тѣ острова, на которые точитъ зубы Великобританія. Есть и другая весьма характерная сторона въ этомъ планѣ. Порта, заботясь объ удовлетвореніи Греціи, очевидно не думаетъ и не допускаетъ мысли, что конгрессъ имѣетъ въ виду не только претензіи грековъ, но и водвореніе цивилизованной справедливости въ провинціяхъ Эпира и Ѳессаліи. Этотъ послѣдній оттѣнокъ заботъ конгресса вовсе не существуетъ для пашей. Ихъ точка отправленія въ политикѣ такая: насъ побили и хотятъ пообщипать, больше ничего. Какъ только стало извѣстно, чего добивается Греція, въ Лондонъ полетѣла телеграмма съ вызовомъ Гобарта-паши. Сей великій мужъ, не получивъ ожидаемаго назначенія въ Англіи, немедленно прибылъ сюда и вчера производилъ смотръ броненосцамъ, выстроеннымъ вдоль Босфора. Онъ будетъ главнымъ командиромъ этого флота въ случаѣ войны съ Греціей. Прежде о немъ и слышать здѣсь не хотѣли, называя попросту измѣнникомъ, вслѣдствіе неудачныхъ атакъ въ Черномъ морѣ,

но чараганская исторія возстановила во дворцѣ репутацію Гобарта. Султанъ, прослышавъ о разныхъ косвенныхъ уликахъ въ участіи по названной исторіи многихъ пашей и подъ вліяніемъ тяготѣющаго надъ его душой страха, естественно предпочелъ вѣрить больше иностранцамъ, чѣмъ туземцамъ. Я говорю естественно, потому что въ наши времена неспокойныхъ народовъ падишахскій режимъ инстинктивно долженъ искать себѣ поддержку въ чужеземцахъ и окружать таковыми свой тронъ, теряя любовь и вѣру въ свою націю. На этомъ основаніи флотъ опять порученъ Гобарту, а искренность его куплена прибавкой жалованья. Секретное завѣдываніе внутренней политикой поручено также двумъ иностранцамъ. Одного изъ нихъ я не назову, такъ какъ все-таки если не уважаю, то люблю его, а другой изъ тайныхъ соглядатаевъ дѣятельности пашей — секретарь британскаго посольства Сандиссонъ. Эти господа все подслушиваютъ и по очереди ежедневно докладываютъ лично Гамиду. Молва утверждаетъ, будто бѣдный султанъ жестоко ошибается, довѣряя вышесказаннымъ двумъ лицамъ. Говорятъ, будто первый, не названный мною, служитъ интересамъ Россіи (?), а Сандиссонъ — стремленіямъ Лэйарда. Если въ такой молвѣ есть хоть доля правды, то доклады соглядатаевъ султана должны быть очень веселые— одинъ одно, другой противоположное. Падишаху остается ротъ раскрыть отъ удивленія и потерять, наконецъ, всякую вѣру въ людей. Ходитъ также упорный слухъ, что умный ресторaторъ Гильдизъ-Кіоска лишился своихъ австрійскихъ доходовъ. Вѣна, получивъ энергическій протестъ Порты (первый) относительно занятія Босніи и Герцеговины, рѣшилась смѣстить блестящаго графа Зичи, какъ болѣе способнаго на улучшеніе породы свиней на родинѣ (это его спеціальность въ Венгріи), чѣмъ на занятіе дипломатіей. Я, впрочемъ, съ послѣднимъ не согласенъ и по моему Зичи куда подѣятельнѣе и поэнергичнѣе многихъ другихъ дипломатовъ. Его несчастье лишь въ томъ, что въ Портѣ про-

изошла коллизія австрійскихъ интересовъ съ англійскими и Лэйардъ, конечно, одолѣлъ венгерскаго графа. Винить за это трудно — не всѣмъ же дипломатамъ суждено рождаться Элліотами и Лэйардами, а главное — не всѣ государства способны дѣлать надлежащій выборъ своихъ представителей — одни берутъ по чинамъ и титуламъ, другія по способностямъ. Вина въ критеріи.

Обращаясь къ турецкимъ мнѣніямъ и предположеніямъ по поводу конгресса, я долженъ сказать, что абсолютно не знаю, что будетъ здѣсь, когда настанетъ пора реализировать постановленія международнаго ареопага. Очевидно, что здѣсь никто еще не рѣшилъ будущаго поведенія Порты; замѣтно лишь одно отчаяніе и только вскользь проглядываетъ нѣкоторый шовинизмъ, да и то шовинизмъ страха: мы, дескать, хотя и не сладимъ съ Европой, быть можетъ даже потеряемъ всѣ наши владѣнія по сю сторону Босфора, но за то наше сопротивленіе будетъ чувствительно и гяуры получатъ въ наслѣдство одни трупы да обожженные камни. «Вакитъ», вообще отличающійся умѣньемъ воспроизводить народныя чувства, говоритъ въ своихъ статьяхъ именно о такомъ исходѣ конгресса. Онъ старается примирить мусульманизмъ съ необходимостью для Турціи покинуть Европу и ласкаетъ своихъ читателей обширностью азіятскихъ владѣній, гдѣ каждая губернія якобы больше цѣлой Франціи. По словамъ газеты, у Порты впереди много великихъ задачъ и вѣроятности на великое бытіе. Стоитъ реформировать богатыя народомъ, природой и духомъ османлизма азіятскія провинціи и на Турцію ляжетъ въ Азіи та же задача, которую теперь рѣшаютъ христіане въ Европѣ, т. е. освобожденіе изъ-подъ чужого ига братьевъ-османлисовъ. Въ Азіи безпокойства внѣшней политики прекратятся надолго, независимость отъ своекорыстныхъ западныхъ державъ настанетъ будто бы полная, Турція не будетъ служить болѣе карманному интересу Англіи или Франціи и, предоставленная сама себѣ, своимъ демократическимъ осно-

вамъ чистаго Корана, пойдетъ по такой счастливой дорогѣ прогресса, по какой еще не хаживала ни одна нація. Англичанамъ очень не нравится такое направленіе турецкихъ мыслей. Новый органъ Лэйарда «Stamboul», издаваемый и редактируемый англичаниномъ Лефаномъ Генли, пробуетъ удержать «Вакитъ» маленькимъ доносомъ за его антипатріотизмъ. «On parle, говоритъ «Stamboul», des reformes exclusives pour l'Asie. On va jusqu'a laisser échapper des expressions telles, qu'en les écoutant on se demande si ceux qui les formulent'n entendraient pas regretter le traité de San-Stefano. Ce sont là, selon nous, des voeux sacrilèges et des idées antipatriotiques. Il faut lutter toujours et se reformer partout!» заключаетъ британскій органъ *).

Константинополь, 28-го іюня (10-го іюля).

Когда въ правительственномъ Царьградѣ настаетъ хаосъ разнородныхъ предположеній и нерѣшенныхъ проектовъ и дѣлается невозможнымъ почерпнуть какое либо свѣдѣніе изъ обыкновенныхъ прямыхъ или косвенныхъ источниковъ, я беру верхового коня и скачу къ Гильдизъ-Кіоску. Проѣхавъ два пригорка, откуда растилается живописный видъ Босфора съ сотней лодокъ, барокъ и пароходовъ, разрѣзывающихъ бѣлой пѣной темно голубую воду, неподвижно стоящую среди зеленыхъ береговъ; два глубокія ущелья съ садами, мраморнымъ дворцовымъ павильономъ, изящнымъ какъ прихотливая игрушка, — подымаюсь я вверхъ подъ тѣнью старыхъ-престарыхъ каштановъ и предо мной словно выросшій изъ окружающихъ его цвѣтовъ — дворецъ Гильдизъ-Кіоскъ. Налѣво ворота, охраняемыя часовыми, на-

*) „Говорятъ исключительно о реформахъ въ Азіи... Договариваются до такихъ выраженій, что читая ихъ кажется, что они жалѣютъ санъ-стефанскій договоръ. По нашему мнѣнію— это святотатственныя и анти-патріотическія мысли. Надо бороться всегда и реформироваться вездѣ!“

право подъ густыми раскинувшимися вѣтвями столѣтняго дерева притаился еврей продавецъ прохладительныхъ напитковъ, къ числу которыхъ относится здѣсь и «мастика» — мятная водка. Еврей притащилъ сюда дряхлый коверъ, разостлалъ его на мягкой травкѣ и, какъ паукъ, спокойно ждетъ своей жертвы. Судьба его не обманываетъ. Съ ранняго утра къ нему на коверъ садятся разные полупаши дежурные дворца; уходитъ одинъ, приходитъ другой — и такъ до заката солнца, когда ворота дворца скрипнутъ подъ тяжестью ночныхъ запоровъ. Сюда-то я и стремился.

— Buenos noches! кричу еврею, отдавая коня подъ покровительство четырехлѣтняго сына коврохозяина.

— A, muy buenos noches tenga vsted! отвѣчаетъ мнѣ радостнымъ тономъ еврей. Мое знаніе испанскаго языка заставляетъ его подозрѣвать во мнѣ соотчича и отсюда — ко мнѣ особое расположеніе.

На коврѣ сидитъ муха въ поношенномъ адъютантскомъ мундирѣ и спѣшитъ застегнуть пуговицы своего распахнутаго сюртука.

— О, не безпокойтесь, Monsieur, обращаюсь я къ нему; лучше позвольте и мнѣ растегнуться!

Такъ начинается разговоръ. Чрезъ полчаса является изъ Гильдизъ-Кіоска еще нѣсколько собесѣдниковъ и за кальяномъ, кофе и мастикой выкладывается незамѣтно, оживленно и весело все, что думается, дѣлалось и дѣлается въ этомъ постномъ монастырѣ мысли, называемомъ дворцомъ. Молодымъ бѣднякамъ-карьеристамъ тамъ очень тошно и скучно. Все монотонно, на умственныхъ цыпочкахъ ходитъ; даже воздухъ не смѣетъ двинуться, не даромъ существуетъ повѣрье, что во дворцахъ сквозного вѣтра не бываетъ. Бесѣда съ зачумленными бѣдняками и пріятна, и поучительна. Пріятна, потому что чувствуешь на себѣ, что не въ одной только матушкѣ-родинѣ честятъ иностранцевъ и охотно выворачиваютъ передъ ними свои изнанки; поучительно, такъ какъ усатыми устами этихъ младенцевъ мысли

вѣщаются идеи опытныхъ людей: эти мальчики сами не въ состояніи ничего выдумать и пережовываютъ то, что говорятъ старшіе отцы, научившіеся разсуждать въ свою очередь точно такимъ же образомъ отъ дѣдовъ.

— Конгрессъ вышелъ очень глупый, говоритъ одинъ изъ 30 лѣтнихъ отроковъ, полковникъ; дѣлятъ Турцію, распоряжаются ея провинціями, какъ будто уже завоевали ее! Россія—злая держава; одной ей не позволяли уничтожить насъ въ Европѣ и вотъ теперь она нашла себѣ двухъ союзниковъ—Австрію и Грецію, а сама будетъ отдыхать и ждать. Опять усложнятся дѣла, польется вездѣ кровь и Россія еще разъ потянетъ Европу на новый конгрессъ.

— Ну, а вы, ваша Блистательная Порта что будетъ дѣлать?

— Мы постараемся не попасться на удочку, подставляемую русскими; мы не начнемъ войны; австрійцевъ будетъ удерживать многочисленное мусульманское населеніе Босніи, которое отлично вооружено еще со времени славянскаго возстанія.

— А съ Греціей?

— Ну, съ ней другое совсѣмъ дѣло. Намъ стоитъ подчиниться постановленію конгресса, чтобъ въ Эпирѣ и Өессаліи не осталось ни одного грека.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Уберемъ оттуда сразу свои войска и администрацію, сотни тысячъ бѣглецовъ мусульманъ немедленно перерѣжутъ всѣхъ грековъ.

— Неужели и его величество султанъ такъ же разсуждаетъ, какъ вы? спрашиваю отроковъ.

Полу-паши при этомъ вопросѣ переглянулись и улыбаются.

— Падишахъ не можетъ идти противъ воли народа! ни къ селу, ни къ городу внезапно выпаливаетъ самый усатый и страшный адъютантъ.

Ну, думаю себѣ, за такое свободомысліе, мой другъ, мо-

жешь легко въ кутузку угодить, кстати же теперь здѣсь началось процессуально-уголовное время, какъ увидите дальше.

— Вотъ тоже и армяне ищутъ какихъ-то своихъ правъ, начинаетъ другой.

— Канальи!

— Я удивляюсь, что этого патріарха попросту не повѣсятъ.

— За что же, господинъ маіоръ?

— А развѣ вы не слышали, что онъ отвѣтилъ Савфету-пашѣ?

— Не слыхалъ.

— Султанъ потребовалъ отъ армянскаго патріарха, чтобъ онъ отозвалъ изъ Берлина своихъ депутатовъ, Савфетъ передалъ патріарху это приказаніе его величества, а старый чертъ въ отвѣтъ дерзость — «это, говоритъ, вы хотите повѣсить депутатовъ? Ошибаетесь, молъ, теперь времена другія; мои депутаты возвратятся, когда найдутъ это нужнымъ!»

Узнавъ затѣмъ, что Фуадъ-паша увѣрилъ султана, будто онъ своей демонстраціей заставилъ таки русскихъ снять двѣ ближайшія вышки, что Османъ съ Фуадомъ не въ ладахъ, что Бэккеръ-паша не принимаетъ званіе мушира, пока не наградятъ всѣхъ его офицеровъ, я почувствовалъ, что болтать довольно и отправился въ Стамбулъ.

— Ба, что это такое? Васъ опять кормить начали! невольно удивился я, увидѣвъ раздачу хлѣба остаткамъ полунагихъ бѣглецовъ.

Дѣйствительно, страхъ чараганской исторіи поостылъ, а сыны Магомета понадобились опять для турецкой политики. Оттого ихъ и начали кормить. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, всѣхъ мусульманскихъ бѣженцовъ въ столицѣ и ея окрестностяхъ осталось около 90 тысячъ, но эта цифра не вѣрна. Я имѣю точныя свѣдѣнія, что такое число эмигрантовъ проживаетъ лишь на одной азіятской сторонѣ

Босфора; на европейской же ихъ гораздо больше. Принимая въ разсчетъ, что высылка эмигрантовъ производилась въ послѣднее время вяло, что до чараганскаго происшествія всѣхъ бѣглецовъ насчитывали здѣсь слишкомъ 300 тысячъ, мы не ошибемся, если скажемъ, что въ Константинополѣ осталось ихъ болѣе двухъ сотъ тысячъ. Какъ только Порта пронюхала объ оторваніи Восточной Румеліи отъ Болгаріи, тотчасъ она прекратила высылку и начала даже приголубливать бѣглецовъ проржавленными селедками и прокислымъ хлѣбомъ. Она ихъ готовитъ къ отправкѣ въ Румелію вмѣстѣ съ 40 тысячами такихъ же изголодавшихся и иззлобившихся проживающихъ въ Адріанополѣ. Хорошъ подарокъ для свободной Болгаріи, подарокъ не безъ смысла. Теперешніе бѣженцы, знающіе, какихъ страданій стоитъ бѣгство отъ рассы, въ слѣдующій разъ не побѣгутъ, а постараются рѣзать христіанъ направо и налѣво. Невольно припоминается мнѣ слѣдующій грустный эпизодъ: мѣсяца два тому назадъ я писалъ, что падишахъ хранитъ надежду возвратить бѣглецовъ-мусульманъ въ Болгарію; вся наша пресса единогласно осмѣяла эту, якобы нахально-несбыточную мечту Гамида, какъ продуктъ мозгового разстройства султана... И что же?... полупомѣшанный потомокъ Магомета оказался болѣе дальновиднымъ и ясновидящимъ...

Хотя высокіе люди міра сего употребляютъ всѣ мѣры къ сохраненію даже ампутированной Турціи, я все-таки осмѣливаюсь сказать, что паціентъ дипломатовъ продолжаетъ разлагаться. На островѣ Митиленѣ возстаніе приняло такіе грозные размѣры, что туда посланы войска, броненосцы и командовать поѣхалъ самъ военный министръ. Другой пунктъ разложенія поважнѣе. Въ Константинополѣ съ незапамятныхъ временъ издавался арабскій журналъ «Эль-Джаваибъ»; со времени санъ-стефанскаго договора онъ откровенно призналъ Турцію погибшей въ Европѣ и предсказывалъ, что если само правительство Порты за-

благовременно не откажется отъ власти надъ гяурами, то Западъ воспользуется этимъ, сохранитъ тѣнь Европейской Турціи, чтобъ забрать въ свои руки ея азіятскія владѣнія. Убѣдясь, наконецъ, что Высокая Порта вовсе не думаетъ слѣдовать совѣту арабскаго журнала, послѣдній, не измѣняя своей точкѣ зрѣнія, сталъ проповѣдывать необходимость для турецкихъ мусульманъ Азіи теперь же озаботиться самоохраненіемъ отъ покушеній гяуровъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что арабы, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ (вѣроятно, по неимѣнію въ ихъ средѣ дипломатовъ), схватили оружіе и возстали. Сегодня «Эль-Джаваибъ» запретили навсегда, а губернатору Алеппо приказано усмирить арабовъ. Пришло извѣстіе, что даже курды отказались повиноваться делегату Порты и для усмиренія ихъ оказалось необходимымъ послать еще одного делегата (Али-Шефикъ-бея). Разсказываютъ, будто эти дикіе номады провозгласили себя подданными Великобританіи и надняхъ въ Терапію явится ихъ депутація. Наконецъ и Албанія намѣрена объявить себя независимою. Близь Призрѣна, въ горномъ селеніи Дринѣ, было многочисленное собраніе албанцевъ, на которомъ они порѣшили: провозгласить Албанію свободною; всѣ способные носить оружіе входятъ въ составъ національнаго войска; христіане получаютъ равныя права съ мусульманами, но въ случаѣ нападенія на страну русскихъ, турокъ или сербовъ, христіане будутъ связаны и выставлены впереди албанскаго войска. Руководителями независимой Албаніи называютъ Хаджи-Мустафбея, Абдула, Реджеба и Яшеръ-Падишку, но есть люди, которые утверждаютъ, будто главную роль въ этихъ происшествіяхъ играетъ нѣкая держава, попросту — Италія.

«Kekeriki» изобразилъ слѣдующую картинку: на кровати лежитъ подъ одѣяломъ больная Порта; ее обступили со всѣхъ сторонъ дипломаты съ клестирными трубками въ рукахъ и стклянками микстуры въ карманахъ. Очень остро-

умная картинка—хотятъ вылечить органическое разложеніе промывательнымъ.

Слѣдствіе о чараганскомъ происшествіи окончено. На скамью подсудимыхъ будетъ посажено около 150 несчастныхъ. Судъ надъ Сулейманомъ начался при закрытыхъ дверяхъ. Утверждаютъ, что муширъ, удачно спровадившій на тотъ свѣтъ сотню тысячъ компатріотовъ, отдѣлается почетной ссылкой, а чараганцы, неудачно покушавшіеся извести одного, будутъ повѣшены.

Константинополь 29-го іюня (11-го іюля).

Визитъ Османа-паши генералу Тотлебену былъ вызванъ недавними происшествіями на аванпостахъ и демаркаціонной линіи, чуть не сдѣлавшимися причиной большихъ послѣдствій... Гази искренне увѣрялъ нашего главнокомандующаго, что турецкое правительство питаетъ задушевное желаніе сохранить добрыя отношенія къ русскимъ, и потому онъ, Османъ-паша, ручается, что турецкое войско не предприметъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ русской арміи.

— Что это вы такъ задумались? обращаюсь я къ офицеру, вмѣстѣ со мной слушающему разсказъ о свиданіи Османа съ генераломъ Тотлебеномъ.

— Коли увѣряютъ, что не нападутъ, значитъ почувствовали возможность напасть, отвѣчаетъ мнѣ пессимистъ въ эполетахъ.

Лэйардъ посѣтилъ султана.

— Мнѣ очень грустно, говорилъ онъ молчаливому Гамиду, мнѣ очень грустно убѣждаться на каждомъ шагу, что турецкая нація не понимаетъ тѣхъ великихъ услугъ, которыя оказала ей Англія.

Затѣмъ, великобританскій дипломатъ, указавъ на бранящую Англію турецкую прессу, перешелъ къ дѣламъ и представилъ падишаху слѣдующіе резоны:

1) Занятіе Босніи и Герцеговины необходимо въ виду

безпокойнаго характера Ристича, который непремѣнно воспользовался бы присутствіемъ русскихъ войскъ на турецкой территоріи, завелъ бы новыя смуты въ сосѣднихъ безпокойныхъ провинціяхъ, вызвалъ бы тѣмъ новыя политическія усложненія, даже, весьма вѣроятно, новую войну. Тутъ Лэйардъ быть можетъ впервые въ своей жизни упомянулъ о могуществѣ Россіи, о ея способности на великія жертвы.

— Теперь, говорилъ онъ, не время дѣлать новый вызовъ Россіи; она слишкомъ велика и «своеобразна», чтобъ съ ней можно было шутить и раздразнивать ея національныя страсти *). Надо дать ей время успокоиться отъ волненій внѣшней политики; тогда она уйдетъ въ самое себя, а разъ занявшись своимъ внутреннимъ дѣломъ, она надолго не будетъ въ состояніи отвлечься отъ этой работы—ей предстоитъ грандіозная внутренняя дѣятельность, которая на нѣсколько лѣтъ поглотитъ все ея общественное вниманіе, всѣ ея силы. Въ этотъ промежутокъ вы (турки) успѣете тоже заняться реформами и укрѣпиться военными силами, приготовиться вполнѣ встрѣтить новую неминуемую наступательную войну Россіи.

По мнѣнію Лэйарда, условія восточной Румеліи, установленныя конгрессомъ, какъ нельзя лучше способствуютъ вышесказанной турецкой цѣли.

2) Граница новыхъ азіятскихъ владѣній Россіи, по словамъ дипломата, представляетъ неистощимыя выгоды для Турціи. Построивъ новыя крѣпости, Порта сдѣлается неприступной на своей территоріи и будетъ имѣть передъ собой полную возможность перейти въ наступленіе на русскую землю, гдѣ на обширномъ пространствѣ только и есть два пункта удобно защищаемыхъ. Батумъ, лишенный серьезныхъ укрѣпленій, на другой же день по объявленіи войны сдѣлается снова пунктомъ сбора турецкихъ военныхъ кораблей.

---

*) Эту фразу передаю дословно.

3) Всякій споръ съ Греціей послужилъ бы предвозвѣстникомъ окончательнаго паденія европейской Турціи. Во первыхъ, онъ вызвалъ бы греко-русскій союзъ, во вторыхъ сама Англія принуждена была бы отступиться отъ Турціи и перенести центръ тяжести своихъ интересовъ на Востокѣ въ Грецію. Отъ греко-турецкаго конфликта осталось бы въ выигрышѣ одно славянство. Поэтому, заключилъ Лэйардъ, Порта обязана принести жертву Греціи и, притомъ, вовсе не во имя конгресса, а своихъ собственныхъ интересовъ. Надо имѣть Грецію другомъ, чтобъ не поставить ее въ грустную необходимость дать свой мечъ Россіи.

4) Островъ Кипръ необходимъ для Англіи тоже въ интересахъ независимости Турціи. Россія успѣла внести въ умы европейскихъ дипломатовъ недовѣріе къ британской политикѣ на Востокѣ. Въ случаѣ новыхъ распрей Россіи съ Турціей, Англіи будетъ трудно ввести въ воды Востока свой флотъ, не вызвавъ европейскаго протеста, который послужилъ бы покровительствомъ русской политики. Съ другой стороны и Россія едвали повторитъ свою ошибку и остановитъ свои войска въ такихъ пунктахъ, которые бы давали полную свободу нашимъ дѣйствіямъ и вліянію здѣсь. Имѣя же Кипръ, Великобританія будетъ всегда располагать по близости къ Дарданелламъ надлежащимъ флотомъ и, защищая Турцію, будетъ имѣть личный интересъ въ этой защитѣ, интересъ, который никто не назоветъ поддержкой мусульманизма противъ христіанъ, и отъ котораго не откажется никакое министерство королевы. Разсказываютъ, что длинная рѣчь Лэйарда произвела глубокое впечатлѣніе на турецкихъ сановниковъ.—Рѣчь ли или какое нибудь было приложеніе къ ней—не знаю, но я убѣдился лично въ перемѣнѣ взглядовъ пашей—турокъ на нынѣшнія обстоятельства. Вдругъ все здѣсь заговорило въ такомъ тонѣ:

— Надо скорѣй покончить съ этой политической кашей, заваренной, Аллахъ знаетъ, по чьей милости, зачѣмъ и для

кого! У насъ столько внутреннихъ вопросовъ, всплывшихъ благодаря этой проклятой войнѣ, что благоразумные люди должны считать даже всѣ наши уступки и потери за большой выигрышъ. Финансы разстроены, вездѣ взятошничество, нѣтъ настоящихъ генераловъ, нѣтъ порядочныхъ государственныхъ людей, вездѣ злоупотребленія и безпорядки, всюду голодъ, народъ обремененъ податями, въ столицѣ и большихъ городахъ царитъ революціонный духъ и пр. и пр.

Отсюда слѣдуетъ, разсуждаютъ турецкіе бюрократы, необходимость во что бы то ни стало избѣжать новой войны съ кѣмъ бы то ни было, сохранить что можно изъ обрѣзковъ, сдѣланныхъ конгрессомъ и перейти немедленно къ излеченію внутреннихъ ранъ.

— Чѣмъ же будете лечить?

— Конституціей.

— Помоги вамъ аллахъ, бюрократы-патріоты-паши! говорю я, слушая эти разсужденія.....

Ахъ, какъ душно, если бы вы знали, какъ душно въ Константинополѣ! Узкія спертыя улицы, не допускающія ни одной струи чистаго воздуха и вездѣ, на троттуарахъ и мостовой... вездѣ жиды! Нѣмецко-жидовскій и русско-жидовскій говоръ стоитъ надъ задыхающимся городомъ, какъ шумъ отъ саранчи. Расфранченные, съ крупными брилліантами на грязныхъ пальцахъ, съ кокоткой подъ всезагребающей рукой, съ важнымъ видомъ на челѣ, съ печатью всеобщей антипатіи, разгуливаютъ эти настоящіе побѣдители по садамъ и кафе-шантанамъ. Откуда они и зачѣмъ такъ много собралось этой дряни въ Константинополѣ, и безъ того изобилующемъ безотечественными греками и армянами? Увы, они здѣсь не по волѣ своей. Учрежденіе слѣдственной комиссіи по голоду арміи, какъ ладонъ чертей погнало этихъ живодеровъ съ русской земли.

— Знаемъ, молъ, мы, что дѣло кончится ничѣмъ, а все же безопасности ради пожуируемъ нѣкоторое время въ Царьградѣ!

И журируютъ. Константинопольцы, привыкши къ безразсудно-щедрой честности русскаго офицерства, часто принимаютъ жидовъ въ бѣлыхъ фуражкахъ за наше воинство (вотъ обида-то!), а сыны Израиля отлично эксплоатируютъ это довѣріе. Письма и телеграммы такъ и летятъ безостановочнымъ дождемъ съ родины въ карманы жидовъ.

— Что это у васъ за такая частая переписка?

— На всякій случай свое имѣніе въ Россіи переводимъ на другое имя. Ишь вѣдь наша (?) литература раздулась на насъ, какъ мышь на крупу—обезпечить себя не мѣшаетъ!

Это означаетъ, что чѣмъ бы ни кончила комиссія по ревизіи казнокрадства и солдатскаго мора, денежекъ мы обратно съ воровъ не получимъ.

Сижу я въ маленькомъ муниципальномъ садикѣ и прислушиваюсь къ переливамъ «Мандолинаты»; раздается громъ, трескъ и стукъ; гремятъ сабли, волочась по землѣ; всѣ привстали и смотрятъ: «Идутъ побѣдители русскіе!» слышится насмѣшливый шепотъ. Оглядываюсь—и вижу трехъ нашихъ телеграфистовъ. За ними рой еврейскихъ расфуфыренныхъ рожъ.

— Ха, ха, ха, смѣется мой собесѣдникъ французъ, c'est drôle! Вѣдь эти телеграфисты нѣмцы?

— Да.

— Согласитесь, что послѣ рѣшеній конгресса они и эти жиды имѣютъ полное право считать себя единственными побѣдителями!

PS. Я телеграфировалъ извѣстія изъ Варны и о занятіи острова Кипра. Могу добавить лишь то, что Кипръ вовсе не купленъ англичанами, какъ это увѣряютъ многіе. Англія уплатитъ Портѣ лишь стоимость государственныхъ доменъ на этомъ островѣ.

XXIX.

История заключенія англо-турецкой конвенціи.—Впечатлѣніе, произведенное ею на турокъ.—Разговоръ съ Лэйардомъ и его мнѣніе о будущемъ образѣ дѣйствій Россіи. — Разговоръ съ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ о значеніи англо-турецкой конвенціи для Россіи.—О результатахъ берлинскаго конгресса.—Дѣятельность Лэйарда по отправленію обязанностей управителя Турціи.—Англійская тайная полиція въ Константинополѣ.—Интриги Лэйарда противъ Россіи и планы выставить предъ Европой „несостоятельность" русской оккупаціи Болгаріей. — Новыя продѣлки жидовъ-поставщиковъ русской арміи.—Подготовленіе австро-турецкаго союза.

Константинополь, 1-го (13-го) іюля.

Сегодня здѣсь опубликованъ оффиціальный текстъ англо-турецкаго договора. Впечатлѣніе, произведенное имъ, чрезвычайное и вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ не такое, на которое очевидно разсчитывало турецкое правительство. Но разскажу по порядку происхожденіе этого договора.

Въ послѣднихъ числахъ мая, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Константинополя, я писалъ, что Лэйардъ однажды былъ вынужденъ дать Портѣ письменное удостовѣреніе въ томъ, что Англія принимаетъ на себя защиту Турціи въ случаѣ новаго на нее нападенія со стороны Россіи. Въ это время въ Лондонѣ велись переговоры объ уступкѣ Англіи острова Тенедоса, а потому Биконсфильдъ, узнавъ о продѣлкѣ Лэйарда, остался крайне недоволенъ имъ, что и выразилъ въ длинной депешѣ. Лэйардъ, кажется, самъ сознавалъ свою ошибку и намѣревался даже подать въ отстав-

ку. Но, какъ человѣкъ энергичный и талантливый, онъ хотѣлъ сначала испробовать всѣ средства сдѣлать изъ своего промаха успѣхъ. Воспользовавшись чараганской исторіей, онъ подставилъ султану въ качествѣ шпіона своего секретаря Сандиссона и этотъ послѣдній успѣлъ выполнить програму своего начальника: онъ наклеветалъ невѣжественному падишаху на всѣхъ придворныхъ. Послѣдовала общая смѣна совѣтниковъ и адъютантовъ дворца. На мѣсто ихъ, какъ я сообщалъ своевременно, были избраны преданные невѣжды безъ всякихъ политическихъ идеаловъ. Прежняя дворцовая чиновная дворня была не такъ удобна, какъ новая, по двумъ причинамъ: вопервыхъ, она, привыкнувъ подавать о государственныхъ дѣлахъ хотя бы и глупые совѣты, все таки развила въ себѣ практикой нѣкоторыя государственныя понятія и идеи; вовторыхъ, она научилась знать себѣ цѣну и требовала значительной платы за свой голосъ. Этихъ двухъ препятствій въ новой дворнѣ не существовало. Лэйардъ, съ помощью генерала Джонсона, успѣлъ убѣдить Лондонъ въ предпочтительномъ значеніи острова Митилены. Тамъ согласились. Обоихъ Саидовъ не стало, Мехмедъ-Рушти предназначался къ ссылкѣ, во дворцѣ были съ голосомъ только Гамидъ и Савфетъ. Настала пора посылать кого нибудь на конгрессъ. Лэйарду было извѣстно то вліяніе, которое оказывалъ на Савфета умный и образованный Каратеодори, было извѣстно, что этотъ Каратеодори употребитъ всѣ усилія, чтобъ устранить заключеніе формальнаго союза Турціи съ Англіей и уступку послѣдней какъ бы то ни было эллинской территоріи. Лэйардъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ Каратеодори былъ посланъ на конгрессъ, т. е. чтобъ оставилъ Константинополь и свободу дѣйствія въ немъ британской политикѣ. Каратеодори уѣхалъ, узнавъ, что въ Высокой Портѣ идутъ переговоры объ уступкѣ Англіи острова Митилены. На другой же день Лэйардъ явился во дворецъ съ проектомъ союза, а на третій—этотъ проектъ былъ подписанъ

обѣими сторонами. Только трое и переговаривались о немъ: Лэйардъ, Савфетъ и Гамидъ. Цѣль перваго понятна, второй, говорятъ, получилъ за сдѣлку знатный кушъ, а падишахъ согласился изъ страха, что Россія не признаетъ рѣшеній конгресса и начнется новая война. Итакъ, договоръ заключалъ въ себѣ уступку острова Митилены. Все это произошло какъ разъ въ то время, когда британская Терапія выказывала самую глубокую симпатію къ русскому Буюкдере. Я писалъ о началѣ этой іудейской дружбы... Въ Греціи узнали о союзѣ; немедленно три большихъ судна вышли въ открытое море и направились къ Митиленѣ. Тамъ они высадили до 400 вооруженныхъ грековъ и значительное число военнаго матеріала. На другой день на островѣ вспыхнуло возстаніе, продолжающееся, какъ извѣстно, до сей поры. Всѣ уговоры мѣстнаго британскаго дипломатическаго агента не привели ни къ какому результату.— «Мы греки и хотимъ принадлежать только Греціи!»—отвѣчали инсургенты.

Въ Лондонѣ или, лучше сказать, въ Берлинѣ, гдѣ въ это время уже былъ Биконсфильдъ, задумались. Брать Митилену, значитъ принять на себя неблаговидную задачу усмиренія грековъ, задачу совсѣмъ не подходящую, такъ какъ для Англіи необходимо сохранить тѣсныя отношенія съ Греціей. Порта продолжаетъ упорствовать въ уступкѣ Тенедоса, говоря, что онъ стоитъ слишкомъ близко къ материку. Рѣшили промѣнять Митилену на Кипръ. Турція потребовала за это дополнительную плату; ее дали въ видѣ платы за домены, переписали договоръ, немедленно послали броненосцы для охраненія береговъ острова, дабы не повторилась и тутъ та же исторія, что и на Митиленѣ, дали приказъ привезти съ Мальты войска и такъ какъ примѣръ Митилены и присутствіе въ Греціи массы эллинскихъ эмигрантовъ, готовыхъ на все и вездѣ, требовали быстрыхъ дѣйствій, то признали возможнымъ обнародовать теперь же союзъ, чтобъ объяснить причину поспѣшнаго занятія острова.

Обязанность корреспондента принудила меня ѣхать въ Терапію, чтобъ узнать о цѣли только-что публикованнаго договора. Суровая на этотъ разъ обязанность. Я ни тѣломъ, ни душой не виноватъ въ томъ, что кровное право моей великой, могучей родины попрано, что славянскій умъ побѣжденъ ничтожной плутней «учителей», не виноватъ я въ томъ, а между тѣмъ нѣтъ здѣсь шага, на которомъ бы я не чувствовалъ за то наказанія! Самый добрый человѣкъ говоритъ вамъ здѣсь: «Эхъ, батюшка, съ одними солдатами вы ничего не подѣлаете!», а что говорятъ намъ, русскимъ, люди менѣе добрые — не дай Богъ вамъ догадаться, читатель!

И такъ, я въ Терапіи. Всѣ здѣсь веселы и никто не откажетъ имъ въ правѣ на это веселье. Вотъ резюме здѣшнихъ цѣлей и взглядовъ на близкое будущее.

Русскую скромность мы не можемъ считать искренней, думаютъ англичане; она безпримѣрно велика для этого. Ближе всего предполагать въ ней затаенный іезуитизмъ. Россія не приготовлена къ новой войнѣ, у ней нѣтъ флота, нѣтъ денегъ и болгарскія крѣпости, также какъ и Батумъ пока не въ ея рукахъ. Но, какъ бы ни глубоко ушла она внутрь себя, она абсолютно не можетъ отказаться отъ плодовъ своихъ побѣдъ. Поэтому она соглашается на все, лишь бы выиграть время. Русскіе делегаты на конгрессѣ доказали своимъ поведеніемъ, что имъ всего необходимѣе длинный срокъ окупаціи обѣихъ Болгарій, т. е. возможность подготовиться къ новой войнѣ, не выпуская изъ своихъ рукъ одинъ изъ главныхъ плодовъ прошлой кампаніи—Болканы. Изъ Петербурга уже пришелъ приказъ составить какъ можно большую дружину болгаръ, которая до сихъ поръ заключала въ себѣ всего 15 тысячъ солдатъ. Болгарскую армію можно довести въ теченіи года до стотысячнаго состава. Въ Сливенскомъ округѣ русскіе дѣлаютъ громадныя заготовленія провіанта, а въ сѣверную Болгарію ежедневно прибываютъ военные запасы и оружіе. Однимъ

словомъ все—отъ русской «невозможной» уступчивости на конгрессѣ, до военныхъ приготовленій—все указываетъ на цѣль Россіи воспользоваться неминуемыми при очищеніи восточной Румеліи безпорядками, чтобъ начать новую войну и закончить то, что не удалось сдѣлать теперь по... довѣрію, помѣшавшему занять своевременно Галлиполи и Босфоръ. Въ виду этого Англія должна быть насторожѣ и быть готовой ежедневно отразить новое нападеніе Россіи. Держать свой флотъ въ чужихъ водахъ стоитъ дорого и можетъ вызвать непріязнь другихъ державъ; совмѣстить всѣ необходимыя на случай индѣйскія войска на одной Мальтѣ невозможно—населеніе острова не можетъ перенести долговременной тягости такого постоя. Островъ Кипръ устраняетъ оба препятствія. Англія будетъ держать тамъ по праву свои броненосцы, а войска будутъ распредѣлены на обширныхъ государственныхъ доменахъ пріобрѣтеннаго острова... Такимъ образомъ, Англія будетъ ежеминутно на сторожѣ и готова къ содѣйствію Турціи.

— А Австрія?

— Она дала письменное ручательство, что не допуститъ ни Черногорію, ни Сербію до новаго союза съ Россіей.

— Позвольте. Вы убѣждали Порту, что Россія по заключеніи мира немедленно увлечется внутренними реформами и подъ вліяніемъ ихъ долгое время не будетъ способна на занятіе внѣшней политикой...

— Вы находите тутъ противорѣчіе? Ошибаетесь. Въ Россіи не всѣ желаютъ радикальныхъ реформъ и эта часть Россіи согласится на нихъ только тогда, когда будетъ убѣждена въ невозможности новой войны. И такъ, нашими приготовленіями мы помогаемъ вамъ, способствуемъ...

— Способствуете на свою голову, милордъ: Россія реформированная не будетъ знать уступокъ въ своемъ національномъ призваніи, въ своемъ заслуженномъ могуществѣ и въ своей стомилліонной чести!

— Я знаю направленіе вашего журнала, отвѣтилъ

счастливый дипломатъ на мое патетическое замѣчаніе, и отъ души желаю, чтобъ ваша редакція перемѣнила перо на высшую дипломатію.

— Я объясняю это пожеланіе, милордъ, вашимъ воспоминаніемъ о томъ, что шестнадцать лѣтъ тому назадъ вы путешествовали по Востоку также въ качествѣ корреспондента, отвѣтилъ я на грубый юморъ британца.

Отрадно отмѣтить лишь то, что англійскіе происки иногда встрѣчаютъ на пути къ своему осуществленію не малые коммерческія претыканія. Такъ, Лэйардъ настаиваетъ, чтобъ къ каждому отряду турецкихъ войскъ былъ прикомандированъ англичанинъ-инструкторъ, а Османъ-паша сильно противится этому плану, желая отстоять самостоятельность турецкой арміи. Затѣмъ, тотъ же Лэйардъ предлагаетъ организовать поскорѣе христіанскіе полки изъ армянъ и грековъ, руководствуясь въ расположеніи этихъ полковъ австрійской системой, а при дворѣ этотъ проектъ въ ходъ не идетъ и главнымъ образомъ, не изъ боязни христіанъ, какъ многіе предполагаютъ, а по нежеланію имѣть христіанскихъ офицеровъ и генераловъ для этой арміи. Мусульманскіе военные чины основательно полагаютъ, что имъ предстоитъ большая опасность отъ конкуренціи христіанскаго офицерства. Опасенія эти такъ велики, что внушаютъ самыя смѣлыя фантазіи: турки не прочь думать, что Англія ищетъ охристіанизировать Турцію и ищетъ предлогъ къ тому посредствомъ устройства христіанскаго двора вокругъ султана. Сама по себѣ эта фантазія даетъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ чувствахъ, которыя питаютъ мусульмане къ Англіи и я не безъ основанія сказалъ въ началѣ письма, что обнародованіе заднимъ числомъ англо-турецкаго союза произвело неожиданное впечатлѣніе. Здравый умъ народа находитъ, что Англія взяла слишкомъ дорогую плату за тѣ небольшія услуги, которыя были до сихъ поръ оказаны ею Турціи. Если, думаютъ мусульмане, Турціи приходится покупать союзъ съ

Европой такими крупными уступками, какъ Кипръ, Боснія и Герцеговина, то лучше бы было обратиться къ Россіи, которая взяла бы за союзъ меньше, чѣмъ сумма взятаго теперь ею и другими. Далѣе турки полагаютъ... но, простите, читатель, — скучно разсказывать думы турокъ. Они—невинная tabula rasa, на которой умѣлый и умный можетъ написать свой девизъ, а не умѣлый и не умный даетъ время написать такой девизъ другому... Ожидаютъ пріѣзда инкогнито Мидхата-паши. Къ Мураду входъ для всѣхъ мужчинъ запрещенъ. Бѣднякъ сидитъ въ замуравленной комнатѣ, имѣющей свѣтъ только съ потолка. Допускаютъ къ нему только женщинъ. Въ числѣ послѣднихъ есть одна француженка. Я видѣлъ ее вчера. Она увѣряетъ, что ех-султанъ совершенно здоровъ. Ходитъ все тотъ же подпольный слухъ, что съ пріѣздомъ Мидхата, Мурадъ снова вернется на тронъ. Англичане сошлись съ Гамидомъ; Мидхатъ умный человѣкъ. Неужели и тогда, когда свершится ожидаемая весьма вѣроятная дворцовая революція, мы не успѣемъ и не съумѣемъ написать на новой чистой tabula rasa нашего двухглаваго орла?

Буюкъ-Дере, 2-го (14-го) іюля.

Второй разъ приходится мнѣ писать изъ этого лучшаго уголка вселенной. Здѣсь раннимъ тихимъ утромъ и поздно молчаливой ночью, подъ лазурью чистаго неба и подъ таинственный шепотъ волны сходитъ забвеніе даже отъ того кошмара, который охватываетъ все существо русскаго, со всѣмъ его прошлымъ, настоящимъ и будущимъ. Картина зеленыхъ береговъ, съ врѣзывающимися въ него синими заливчиками, бѣлыхъ парусовъ, мелькающихъ по поверхности воды, туманной дали, сливающейся съ синевою горъ— такъ божественно-мирно хороша, что мысли о дипломатическихъ плутняхъ и казуистикѣ кажутся сущимъ наказаніемъ. Тамъ налѣво слышится шумъ отъ волнъ, бьющихъ о каменистый берегъ — тамъ Черное море, тамъ родина.

Пять мѣсяцевъ ежеминутной борьбы, сомнѣнія и надежды; пять мѣсяцевъ послѣдовательныхъ разочарованій, обидъ и оскорбленій самому святому чувству! Удивительно ли, что всплески родной волны зовутъ къ себѣ, какъ голосъ доброй матери? Русскій говоръ на улицахъ, русскій гербъ на дачѣ, русская музыка на набережной — все тутъ напоминаетъ Россію, о ней-то я и веду здѣсь рѣчь съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ.

— Англо-турецкій союзъ, говоритъ нашъ посланникъ, не имѣетъ серьезнаго значенія для Россіи. И безъ него Англія, въ случаѣ новой войны, вступилась бы за Порту. Слѣдовательно этотъ договоръ можно разсматривать лишь съ международной точки зрѣнія.

Англо-турецкій договоръ абсолютно противорѣчитъ 7-му пункту парижскаго трактата, по которому территоріальная неизмѣняемость Порты составляетъ европейскій интересъ. Такимъ образомъ, уступка Портой острова Кипра Англіи есть прямое нарушеніе парижскаго трактата. Оказывается, что Англія въ то самое время, когда она настаивала на разсмотрѣніи конгрессомъ Санъ-Стефанскаго договора по силѣ 7-го пункта парижскаго трактата, сама совершенно откровенно нарушала силу послѣдняго. Затѣмъ, протекторатъ надъ христіанами Порты по смыслу того же трактата долженъ принадлежать всѣмъ державамъ сообща, а на практикѣ покровительство христіанъ въ турецкой Азіи всегда исходило изъ Россіи на Востокѣ и изъ Франціи на Западѣ (Сирія). Теперь же по англо-турецкому договору, Великобританія пріобрѣла исключительное право на протекторатъ азіятско-турецкихъ христіанъ, игнорируя трактатъ 1856 года и задѣвая непосредственно историческіе интересы Россіи и юридическое право Франціи. Не забудемъ, при томъ, что англо-турецкій договоръ заключенъ ранѣе конца берлинскаго конгресса, т. е. въ то время, когда по общему согласію всѣхъ державъ парижскій трактатъ признавался хотя и требующимъ измѣненій, но продолжающимъ сохра-

нять свою обязательную силу для всей Европы. Англичане могли не торопиться обнародованіемъ договора, могли заключить его на другой день послѣ закрытія берлинскаго конгресса, избѣжать оскорбленія правъ другихъ державъ— они этого однако не сдѣлали, потому что сознаютъ свои интересы, свои чувства, а все остальное для нихъ—несуществующій нуль. Никто не протестовалъ противъ этой «несправедливости», противъ этого нарушенія «неприкосновенныхъ» международныхъ договоровъ. Вотъ поучительный урокъ, данный Англіей Европѣ.

— Но что же дѣлать намъ теперь?

— Мы нравственно обязаны заявить о недѣйствительности нынѣшняго англо-турецкаго договора, т. е. поступить такъ, какъ поступила Англія по отношенію къ Санъ-Стефанскому миру!

— Но въ такомъ случаѣ опять конгрессъ, и такъ можетъ продлиться безъ конца!

Наше посольство узнало о сущности англо-турецкаго договора только третьяго дня, когда былъ обнародованъ оффиціальный текстъ союзнаго трактата. Недѣли три тому назадъ было слышно о какихъ-то тайныхъ переговорахъ англичанъ съ турками, о предполагаемой уступкѣ Митилены, Тенедоса или Кипра, но въ точности и о подробностяхъ соглашенія никто ничего не зналъ. Такъ и сообщало посольство въ Петербургъ только о неопредѣленныхъ слухахъ. Договоръ явился на свѣтъ полнымъ сюрпризомъ. Здѣсь объясняютъ это необыкновенное обстоятельство тѣмъ, что Лэйардъ потребовалъ и султанъ приказалъ отобрать отъ всѣхъ министровъ особую присягу, что они никому не скажутъ ни слова о предполагающемся трактатѣ. Когда я сходилъ съ лѣстницы послѣ свиданія съ княземъ Лобановымъ, къ дачѣ подъѣхалъ Фурнье. Сухой, съ безжизненной физіономіей, французскій представитель еще болѣе похудѣлъ и пожелтѣлъ за эти дни. Оно и не мудрено—уступка Кипра жестокая обида Франціи. Я могу за-

свидѣтельствовать, что англо-турецкій договоръ вовсе не входилъ въ программу предварительнаго соглашенія графа Шувалова съ Салисбюри, какъ многіе думаютъ *).

— Есть ли какія нибудь основанія предполагать, что Турція заключила или заключитъ такой же союзъ съ Австріей?

— Не думаю, отвѣчаетъ князь, но... все можетъ быть.

Часа черезъ три послѣ этого разговора я встрѣтилъ на набережной одного изъ чужихъ дипломатовъ.

— Порта настаиваетъ, сказалъ онъ мнѣ, на заключеніи однозначущаго договора съ Австріей, но послѣдняя пока отказываетъ обѣщать больше, чѣмъ нейтралитетъ Сербіи и Черногоріи въ случаѣ новаго нападенія Россіи на Турцію.

Это слово въ слово то, что вчера говорилъ мнѣ англичанинъ-дипломатъ.—Но мы все узнаемъ въ точности, замѣтилъ я, когда оффиціальный договоръ Австріи съ Портой будетъ напечатанъ.

— Ну, и на это надежда плохая, разочаровываетъ меня дипломатъ-нѣмецъ. — Едва ли Австрія захочетъ такъ же откровенничать, какъ Англія. Послѣдней нужно было мотивировать публично причину занятія Кипра, а Австрія вступитъ въ Боснію и Герцеговину на основаніи рѣшенія конгресса. У нея нѣтъ никакого повода доводить до чьего бы то ни было свѣдѣнія о своихъ секретныхъ соглашеніяхъ съ Турціей.

— Ужь не хотите ли вы сказать, что Биконсфильдъ, предлагая Боснію и Герцеговину Австріи, предвидѣлъ будущую необходимость для послѣдней заключить союзъ съ Портой?

— Нѣтъ никакого сомнѣнія.

— А потомъ?

---

*) Такъ думала, между прочимъ, наша биржа, по внушеніямъ изъ Берлина.

— Совершенно естественный переходъ къ установленію англо-австрійскаго союза.

Нѣчто похожее сказалъ мнѣ и князь-посланникъ:

— Еслибъ мы не уступили, Англія и Австрія неминуемо начали бы противъ насъ войну.

— А не было ли все это со стороны Англіи однѣми пустыми угрозами? спросилъ я князя.

— Нѣтъ, Англія серьезно рѣшила начать съ нами войну и не отступила бы отъ этого рѣшенія.

— Скажите мнѣ, князь, что ожидаетъ бѣдную Восточную Румелію? Когда русскія войска удалятся, на нее грянутъ со всѣхъ сторонъ голодные, потерявшіе привычку къ работѣ 120 тысячъ мусульманъ изъ Константинополя, 40 тысячъ изъ Адріанополя и 20 тысячъ съ Родопскихъ горъ. Не перерѣжетъ ли эта двухсотъ-тысячная ватага бродягъ административно-освобожденныхъ болгаръ?

— Тамъ будетъ международная комиссія.

— Что же она можетъ сдѣлать противъ голодныхъ разбойниковъ? Мнѣ думается, что только два исхода предстоитъ: или русскія войска принуждены будутъ возвратиться, и тогда... новая война?

— Конечно.

— Или будутъ призваны турецкія войска внутрь Румеліи, и автономія обратится въ ничто?

— Это правда.

Есть у Додэ хорошая сказочка.—Забрались американцы въ лѣсъ, срубили деревья и на корняхъ ихъ выстроили городъ. Пришла весна, корни дали новые побѣги, разрушились силой ихъ роста дома и жители бѣжали. Не то же ли случится первой же весной съ рѣшеніемъ конгресса, обрубившимъ все, что выросло изъ корней національности и на послѣднихъ построившимъ свое зданіе?

— Я знаю, говоритъ мнѣ князь,—какое тяжелое впечатлѣніе на Россію произвелъ конгрессъ; національное чувство будетъ, конечно, еще болѣе огорчено извѣстіемъ объ

англо-турецкомъ союзѣ. Ваша обязанность, какъ публициста, не поддерживать эту печаль, а, напротивъ, способствовать утѣшенію общественнаго мнѣнія.

Князь, можетъ быть, и правъ; можетъ быть намъ дѣйствительно нужно побольше хладнокровія и самообладанія, безъ которыхъ никакое дѣло спориться не можетъ. Все вспышки да вспышки — нельзя этимъ жить: необходимъ анализъ, необходима внутренняя работа и та вдумчивость въ событія, которой у насъ совсѣмъ нѣтъ. Но какъ оторваться отъ впечатлѣній данной минуты? Мы—кость отъ костей и плоть отъ плоти своего народа.

Русскій военный хоръ музыкантовъ выходитъ на набережную,—и въ душу, полную обиды и печальной думы, летятъ звуки родной пѣсни...

Мой сосѣдъ краснѣетъ и наклоняетъ голову.

— Я никогда не могъ слушать равнодушно русскую народную музыку, теперь же она волнуетъ меня такъ сильно, что невольныя слезы навертываются на глаза... Неудачи въ насъ воспитали, взростили и усилили наше святое національное чувство.

— Вы отвѣтили какъ разъ на тотъ вопросъ, надъ которымъ я задумался; чѣмъ больше чужихъ враговъ, тѣмъ ближе будетъ русскій къ русскому. Есть теперь у насъ не мало героевъ-товарищей на поляхъ битвъ, да пошлетъ намъ Богъ героевъ-товарищей на поприщѣ мирнаго преуспѣянія нашей великой родины! Только они и могутъ утѣшить насъ...

Константинополь, 3-го (15-го) іюля.

Лэйардъ уже вступилъ въ отправленіе обязанностей управителя Турціей. Почти ежедневно онъ пріѣзжаетъ сюда изъ Терапіи на маленькомъ бѣломъ пароходикѣ, останавливается на набережной Бешикъ-Таша, тутъ садится въ карету и продолжаетъ путь въ гору къ Гильдизъ-Кіоску. Въ нижнемъ павильонѣ зимняго султанскаго дворца Лэйарду отве-

дены три комнаты—пріемная, кабинетъ и канцелярія. Британскій дипломатъ взялъ эту даровую квартиру не потому конечно, что у него мало мѣста въ громадномъ пустомъ посольскомъ домѣ. Ему нужно быть возлѣ султана, ему необходимо принимать не какъ англійскому послу, а первому совѣтнику и руководителю падишаха... Здѣсь не существуетъ пока слова «докладъ», но за то ежедневно сюда является то тотъ, то другой паша и обязательно поясняетъ лорду положеніе того или другого колеса испортившейся телѣги, называемой турецкимъ государствомъ. Покончивъ съ внѣшней политикой, Лэйардъ немедленно принялъ мѣры къ обезпеченію плодовъ англо-турецкаго соглашенія отъ внутренней опасности, угрожающей трону падишаха. Раздѣляя всеобщее недовѣріе къ турецкой сыскной полиціи, дипломатъ въ первый же день своего засѣданія въ Гильдизъ-Кіоской канцеляріи повысилъ всѣхъ турецкихъ чиновниковъ, шефовъ тайной службы повысилъ въ такіе ранги, которые не позволили имъ оставаться на старыхъ мѣстахъ. Ихъ перевели въ армію, а на ихъ должности назначены чистокровные англичане, пока въ количествѣ тридцати штукъ. Въ Лондонъ послана надлежащая депеша и недѣли черезъ двѣ сюда прибудутъ 120 британскихъ полисменовъ. Такимъ образомъ, уже теперь положено зерно англійской полиціи въ Турціи. Говорятъ, что на Мальту послано многимъ офицерамъ предложеніе перейти въ турецкую службу съ повышеніемъ въ чинахъ. Это, конечно, начало устройства британско-турецкой арміи. По приказанію Лэйарда образовано нѣсколько комиссій по спеціальнымъ вопросамъ, напримѣръ—о приведеніи въ полную извѣстность всѣхъ финансовыхъ силъ и долговъ Турціи; по собранію существующихъ правилъ провинціальной администраціи съ ихъ штатами и расходами; о государственныхъ тратахъ на центральныя управленія; о духовныхъ имуществахъ и положеніи мусульманскаго духовенства и пр. Англичане очень торопятъ лѣнивыхъ турокъ окончаніемъ возложенныхъ на

нихъ работъ, торопятъ безъ церемоніи. Такъ, вчера Лэйардъ, спрашивая у Савфета отчетъ о заготовленномъ матеріалѣ въ теченіи двухъ дней, на отвѣтъ бѣднаго паши, что «ему пока ничего неизвѣстно», далъ такой нагоняй великому визирю, что послѣдній, хотя и турецкій чиновникъ, но обидѣлся и пригрозилъ своей отставкой. Изъ этого столкновенія возникъ здѣсь слухъ о новой смѣнѣ великаго визиря и о вызовѣ Махмудъ-Недима-паши на мѣсто Савфета. Англичане торопятся проанализировать Турцію, чтобъ имѣть возможность немедлепно составить законопроекты реформъ, собрать парламентъ и отдать на его утвержденіе новый порядокъ финансовъ, администраціи и управленіе Турціи. Британцы не безъ основанія полагаютъ, что такимъ способомъ имъ удастся побѣдить мусульманское общественное мнѣніе, настроенное теперь, какъ я писалъ, противъ Англіи. Что касается до султана, то онъ значительно поздоровѣлъ, заручившись британскимъ формальнымъ союзомъ и британской полиціей. Надо отдать справедливость англо-туркамъ— они не забываютъ насъ и отъ доброты своихъ сердецъ кидаютъ намъ утѣшенія. Такъ, Савфетъ-паша убѣждалъ князя Лобанова-Ростовскаго, что дѣленіе Болгаріи на двѣ части «миѳъ».

— Разрѣжьте, ваше сіятельство, говорилъ великій визирь, разрѣжьте кусокъ каучука на двое и оставьте ихъ лежать рядомъ—обѣ части сейчасъ соединятся вновь. То же самое случится и съ Болгаріей!

Добрый Лэйардъ, разговаривая съ нашимъ первымъ драгоманомъ г. Ону, тоже не лишилъ насъ утѣшенія.

— Повѣрьте, говорилъ онъ дружескимъ тономъ, что я самъ вижу полную невозможность оставить Болгарію по истеченіи срока безъ вашихъ войскъ. Это не бѣда, что мы теперь сократили вашъ срокъ оккупаціи; пройдетъ годъ, составимъ новое «международное» соглашеніе и продлимъ его, продлимъ!

Эти разговоры даютъ поводъ думать, что дѣйствительно

черезъ годъ понадобятся новыя «усилія» дипломатовъ, чтобъ поддержать еще на нѣкоторое время искусственный порядокъ вещей, созданный на Востокѣ конгрессомъ. Лэйардъ сказалъ г. Ону правду, но только не закончилъ свою мысль, передаваемую теперь его адептами. Великобританія дѣйствительно имѣетъ въ виду продлить нашу оккупацію въ Болгаріи по истеченіи года, еще на такой же срокъ, но только совмѣстно съ австрійскими войсками. Какъ слышно, сегодня въ этомъ смыслѣ ведутся переговоры между Константинополемъ, Лондономъ и Вѣной. Кромѣ того, какъ увѣряютъ весьма почтенные люди, Австрія обязывается быть готовой ввести часть своихъ оккупаціонныхъ войскъ въ Болгарію во всякое время, когда Англія и Турція потребуютъ этого; возможность же требованія объясняется пристрастіемъ русскихъ къ болгарамъ и ожидаемыми оттого несправедливостями русскихъ властей къ мусульманамъ, имѣющимъ возвратиться въ Румелію. Итакъ, за нами будутъ слѣдить. Чуть въ Болгаріи случится малѣйшее замѣшательство, столь вѣроятное при ожидаемомъ наплывѣ голодныхъ мусульманъ, изувѣрствовавшихъ надъ несчастными славянами почти 5 вѣковъ,—турки и англичане заявятъ міру о нашей неспособности поддерживать порядокъ въ освобожденной странѣ и, конечно, съ согласія всей Европы, приведутъ къ намъ на помощь иностранныя войска...

Господи, въ какое тяжелое время живемъ мы! Въ самое чистое и независимое дѣло—литературу забирается сюжетомъ мысли и пера такая грязь, какъ наши продовольцы арміи. Я послалъ вамъ телеграмму объ ихъ продѣлкахъ и намѣреніяхъ. Теперь добавляю нѣкоторыя подробности. Полученія съ нашей главной квартиры, задержанныя до рѣшенія ревизіонной комиссіи, переводятся на имена австрійскихъ жидовъ и поляковъ. Австрійское представительство въ Константинополѣ уже обѣщало свое содѣйствіе по востребованію отъ русскаго казначейства задержанныхъ платежей. Больше не хочется и говорить объ этой мрази....

XXX.

Натянутыя отношенія Порты къ Греціи.—Вѣроятная роль Англіи въ этомъ столкновеніи.—Торжественный обѣдъ у Лэйарда.—Графъ Зичи.—Усложненіе греческаго вопроса.—Возстаніе въ Эпирѣ, Ѳессаліи и Македоніи.—Комиссія по изслѣдованію причинъ Родопскаго возстанія.—Дипломатическая нота Портѣ объ удовлетвореніи желаній Греціи.—Происки Лэйарда.—Положеніе нашей арміи въ Санъ-Стефано.—Два слова противникамъ гласности.—Дѣло о захватѣ русскими нѣсколькихъ англичанъ.—Толки въ почати и въ публикѣ по поводу попечительства Лэйарда надъ Турціей.

Константинополь, 4-го (16-го) іюля.

НА ЧЕМЪ остановятся нынѣшнія возбужденныя отношенія Порты къ Греціи?—вотъ вопросъ, который задаютъ себѣ совершенно понапрасну люди, далекіе отъ международно-политической биржи. Ради этихъ людей, число которыхъ, къ счастію для всемірной морали — милліоны, сегодня отправились изъ Босфора три турецкихъ броненосца и блиндированный фрегатъ, увозя 14 батарей съ пушками и артиллерійской прислугой къ Воло. Туда же ѣдетъ Монтарбъ-бей (англичанинъ, командовавшій во время войны въ Сулинѣ). Онъ останется въ Воло, а батареи двинутся къ греческой границѣ и къ Призрену подъ общимъ начальствомъ Гамидъ-Галеди-паши. И такъ, повидимому сегодня-завтра слѣдуетъ ожидать греко-турецкаго разрыва. Греки двинутся въ Эпиръ, ихъ встрѣтятъ турки, завяжется кровавый бой, оттоманскіе броненосцы разгромятъ Пирей, Сиру и Аѳины,

всеобщій переполохъ въ Европѣ есі. Увы, все это праздныя ожиданія! Опытъ доказалъ, что военный шумъ и громкія побѣды менѣе выгодны, чѣмъ подсиживанье изъ-подъ угла. Эта система политики увѣнчала лаврами еврейскую главу англійскаго кабинета въ русско-турецкой распрѣ и было бы непослѣдовательно ожидать другого образа дѣйствій отъ Биконсфильда съ Лэйардомъ въ греко-оттоманскомъ спорѣ. Намъ дали время побиться и—побить потому, что въ нашихъ симпатіяхъ въ Лондонѣ нисколько не нуждаются. Греціи не позволятъ даже меча вынуть изъ ноженъ, такъ какъ эллинская любовь весьма выгодна для британскаго кармана. Дѣло ограничится слѣдующей водевиль-шуткой—обѣ арміи сойдутся на весьма близкое другъ отъ друга разстояніе. Г. Кондуріоти, здѣшній представитель Греціи, будетъ имѣть не одинъ весьма оживленный споръ съ великимъ визиремъ и, наконецъ, покажетъ послѣднему изъ кармана кусочекъ греческаго ультиматума. Въ этотъ комическо-критическій моментъ явится на сцену Лэйардъ, а Биконсфильдъ пошлетъ изъ Лондона въ Аѳины и Стамбулъ нѣсколько облагоразумливающихъ нотъ.

— Полноте, дѣти, ссориться, дружески скажетъ Лэйардъ. Вы чего хотите? обратится онъ къ Кондуріоти.

— Всю Ѳессалію и весь Эпиръ.

— Отлично. А вы что хотите дать ему? спроситъ онъ у Савфета.

— Ровно ничего.

— Превосходно. Вы хотите все, а вы не хотите ничего. Я помирю васъ: Савфетъ, отдайте Греціи половину Эпира и Ѳессаліи; Кондуріоти—получите!

Обѣ примиренныя стороны останутся искренно благодарными Англіи. Турція избѣжитъ, благодаря заступничеству вѣрнаго союзника, усложненій внѣшней политики; Греція пріобрѣтетъ частицу землицы безъ пролитія капли крови. «Вотъ такъ другъ, вѣрный, умный, добрый другъ — Англія!» запоютъ обѣ стороны. Именно такимъ способомъ,

смѣю я полагать, закончится страшный вопросъ о греко-турецкомъ разрывѣ. Еслибъ Англія теперь приняла чью-нибудь сторону, другая непремѣнно обидѣлась бы; а когда дѣло дойдетъ на одну секунду отъ взаимнаго кровопролитія и враги будутъ стоять другъ противъ друга съ одинаковымъ сомнѣніемъ въ побѣдѣ — посредничество будетъ принято всѣми съ восторгомъ и живѣйшей признательностью.

Мидхатисты сильно пріуныли, узнавъ и почувствовавъ учрежденіе англійской секретной полиціи въ Константинополѣ.

Почувствовали, говорю я, потому что въ теченіи двухъ дней существованія британской жандармеріи въ столицѣ произведено уже много арестовъ въ средѣ такъ называемой младо-турецкой. Этотъ фактъ указываетъ, по моему мнѣнію, на солидность существующихъ здѣсь опасностей для трона Гамида, ибо англичане, очевидно, могли рѣшиться на столь непопулярную мѣру не безъ достаточно принудительныхъ причинъ. Впрочемъ, полицейская неприкосновенность дѣйствуетъ не всегда антипатично на невѣжественную массу. Какъ только молва разнесла слухъ о новыхъ арестахъ по почину англичанъ, многіе богобоязливые турки стали кланяться при встрѣчѣ со всякимъ гяуромъ, напоминающимъ по безцвѣтности глазъ и желтизнѣ волосъ британца. Признакъ это хорошій, такъ сказать, индійскій.

Вотъ пока и все, что я могу сообщить сегодня.

Константинополь, 5-го (17-го) іюля.

Британскій посолъ, получивъ съ Кипра извѣстіе о благополучной передачѣ острова Англіи, пригласилъ къ себѣ на торжественный обѣдъ всѣхъ турецкихъ министровъ и представителей иностранныхъ державъ. Шампанское обильной струей заливало многочисленные тосты за турецко-британскій союзъ, процвѣтаніе Порты и т. д. Графъ Зичи сидѣлъ по срединѣ между Лэйардомъ и Савфетовъ. Когда янтарная

влага нѣсколько разгорячила государственные умы кушающихъ, Лэйардъ наклонился къ Савфету и что-то шепнулъ ему; оба встали и съ молчаливымъ тостомъ протянули свои бокалы къ Зичи. Всѣ турецкіе сановники послѣдовали ихъ примѣру, а другіе послы, желая, какъ тонкіе дипломаты, показать, что они не понимаютъ въ чемъ дѣло, провозгласили здоровье графа, тоже чокнулись и выпили. Молчаливый тостъ означалъ поздравленіе съ австрійско-турецкимъ союзомъ. Со времени рѣшенія о таковомъ союзѣ Лэйардъ взялъ къ себѣ, въ видѣ ненужной пристяжки, графа Зичи и таскаетъ его за собою повсюду. Бѣдный графъ, привыкшій къ спокойному занятію дипломатіей въ комфортѣ кабинета чрезъ драгомановъ и мальчиковъ-кандидатовъ (конечно, я говорю не про кандидатство университетское, а кандидатство на званіе дипломата) знакомиться съ дѣлами міра сего, пыхтитъ отъ усталости, но отстать отъ Лэйарда не хочетъ. Въ заключеніе комедіи, онъ будетъ имѣть право сказать: «ужь какъ мы пахали!», а другіе собратья его по профессіи останутся при одномъ удивленіи отъ сюрпризовъ. На вышеописанномъ обѣдѣ рѣчь шла и о Греціи. Британскій здѣшній консулъ совершенно справедливо доказывалъ, что насколько легко не допустить обѣ арміи до кровопролитія, настолько же трудно разсчитывать на спокойствіе въ пограничной турецкой Греціи, гдѣ народъ слишкомъ привыкъ возставать и обращаться съ оружіемъ. Лэйардъ не спорилъ и не возражалъ. Когда кончился обѣдъ, онъ взялъ подъ руку подгулявшаго графа Зичи, повелъ его на балконъ, съ балкона на набережную, съ набережной на маленькій посольскій паровой мушъ и увлекъ сіятельнаго дипломата по направленію къ Бешикъ-Ташу.

— Любезный графъ, снимите вашу шляпу, чтобъ освѣжиться, сказалъ британецъ единственную фразу во время путешествія, замѣтя, что венгерскій магнатъ поклевываетъ носомъ.

Легонькій пароходикъ въ полчаса примчалъ ихъ къ при-

стани. Экипажа нѣтъ. Графъ, потѣя, вытираясь и проклиная судьбу, заставляющую сіятельныхъ ходить пѣшкомъ въ гору, добрался подъ руку съ живымъ британцемъ-плебеемъ до Гильдизъ-Кіоска.

— Слава Аллаху, ваше величество, я получилъ сейчасъ самыя успокоительныя свѣдѣнія изъ Аѳинъ. Я разскажу вамъ ихъ послѣ, а теперь пошлите немедленно адъютанта съ приказомъ эскадрѣ, долженствующей идти въ Воло, остаться здѣсь.

Гамидъ хорошо сознаетъ лишь одно обстоятельство, что въ рукахъ Лэйарда тайная полиція Константинополя. Это сознаніе заставляетъ падишаха пріятно улыбаться британскому послу и немедленно исполнить его совѣтъ.

— Да, да, повторяетъ машинально Зичи, чрезвычайно благопріятныя извѣстія изъ Аѳинъ...

Черезъ часъ летитъ шифрованная депеша греческому кабинету такого содержанія: «Вслѣдствіе дипломатическаго вмѣшательства представителей Англіи и Австріи Высокая Порта отказалась отъ отправленія войскъ и эскадры на границу Греціи». Изъ Аѳинъ приходитъ отвѣтъ: «Греческое правительство искренне желаетъ избѣжать всякаго столкновенія съ Турецкой имперіей и сохраняетъ пріятную надежду, что доброе согласіе между двумя государствами ни въ какомъ случаѣ нарушено не будетъ, благодаря великодушной политикѣ Англіи и Австріи». Эта депеша вносится на собравшійся вечеромъ совѣтъ оттоманскихъ министровъ, уже настроенныхъ секретарями и драгоманами Терапіи въ то время, когда Лэйардъ прогуливался съ Зичи по вонючимъ улицамъ во дворецъ и обратно. Плебей Лэйардъ неутомимъ. Часовъ около 7-ми я поѣхалъ въ Маслакъ посмотрѣть, откуда взяты войска для отправленія въ Воло, и, не доѣзжая до лагеря, увидѣлъ британскаго дипломата скачущимъ во весь опоръ въ Константинополь въ сопровожденіи одного каваса. Лэйардъ спѣшилъ на совѣтъ министровъ. На послѣднемъ, прочитавъ депешу изъ Аѳинъ,

рѣшили: «мы-де вовсе не намѣрены начинать войну, и если Грецiя дѣйствительно не хочетъ вызывать ее, то зачѣмъ же и войска посылать? Мы не только-что войны не желаемъ, но даже готовы дать Грецiи маленькiй кусочекъ земли — душъ тысячъ въ 300, какъ вещественный знакъ нашей къ ней симпатiи». Принесли карту и уже привычными ножницами вырѣзали предполагаемый Грецiи даръ.

На другой день одинъ изъ министровъ вчерашняго совѣта разсуждаетъ:

— Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что Грецiя не удовольствуется этимъ даромъ.

— Значитъ война неизбѣжна?

— Ничуть не бывало. Грецiя предложитъ свой союзъ, а мы ей еще прирѣжемъ за то кусочекъ.

— Грецiя предложитъ союзъ?

— Чтожъ тутъ удивительнаго? Пока проливы въ нашихъ рукахъ, ей нечего бояться Россiи, а въ случаѣ новой войны съ московами, Грецiя прiобрѣтетъ за помощь намъ все, что ей теперь хочется.

По истинѣ здѣсь началась манiя на союзы! Сегодня же я слышалъ и такой разговоръ отъ весьма компетентныхъ лицъ: «съ Англiей кончили: подарили ей Кипръ и взяли отъ нея обязательство защищать отъ Россiи; съ Австрiей кончили: дали ей Боснiю и Герцеговину, получивъ отъ нея такое же обязательство; на такихъ же условiяхъ кончимъ на дняхъ съ Грецiей; потомъ съ Францiей, а затѣмъ, быть можетъ, и съ Испанiей!»

— Да вѣдь вы, такимъ образомъ, лишитесь бóльшаго, чѣмъ по санъ-стефанскому договору!

— Очень можетъ быть, въ территорiальномъ отношенiи; за то мы гарантируемъ себя отъ Россiи.

— Чего же вы такъ боитесь насъ, насъ—самыхъ скромныхъ людей на свѣтѣ?

— Да вы всегда такiе; долго ровно ничего не дѣлаете, а потомъ вдругъ налетите со штыками. Мы, конечно, очень

хорошо понимаемъ, что такой обычай для васъ естественный—у васъ большая солдатская сила, да намъ-то онъ не сподрученъ.

По части внутренней турецкой политики, вопросъ дня—будущій парламентъ. Къ открытію его приготовляются съ большимъ нетерпѣніемъ. Младо-турки съ саркастической улыбкой разсуждаютъ о положеніи правительства при самомъ началѣ сессіи. Они увѣряютъ, что ни одинъ изъ чиновъ нынѣшняго министерства не сможетъ остаться при парламентѣ на своемъ тепленькомъ мѣстѣ. Такое убѣжденіе основывается на томъ, что между нынѣшними правителями Порты нѣтъ ни одного лица, совмѣщающаго въ себѣ качества государственнаго человѣка при представительномъ образѣ правленія. Пока паши работаютъ за ширмами канцелярій—единственно Господь Богъ имъ судья; но чуть они будутъ вызваны на публичную трибуну, окажется, что они не только не обладаютъ государственнымъ смысломъ, но даже и по части грамоты плохи. — Вы, быть можетъ, не повѣрите намъ,—говорятъ младо-турки,—но клянемся, что разсказываемъ правду: подите къ любому министру по дѣлу: какъ только онъ перестанетъ кричать и ругаться, тотчасъ вы замѣтите, что онъ не умѣетъ владѣть собой, соблюдать самое обыденное самоуваженіе—начнетъ болтать глупости, сплетничать и т. д.

— Какъ не повѣрить: видѣли мы это, отвѣчаю я.

— У насъ совсѣмъ нѣтъ консервативной партіи; у нашихъ консерваторовъ нѣтъ ни образованія, ни таланта. Посмотрите на нашу литературу—все въ рукахъ оппозиціи, только и есть одна газетишка въ старушкѣ Бруссѣ, да и эта газета начинаетъ теперь лягать консерватизмъ.

— Значитъ, можно надѣяться, что паши сами заблаговременно подберутъ свои фалды и удалятся съ поприща государственной бездѣятельности и казнокрадства.

— Никогда! Они только тогда догадаются, что государственный умъ долженъ быть въ головѣ, а не въ пугови-

цахъ, когда публично докажутъ свою глупость. Сами не уйдутъ, а будутъ прогнаны!

— А съ внѣшней политикой какъ раздѣлаетесь?

— Что-жъ, пожалѣемъ, пожалѣемъ прошлое, да и примемся за исправленіе грѣховъ своихъ отцовъ. Авось, Аллахъ дастъ, поправимся!

Вотъ какъ разсуждаютъ младо-турки безъ усовъ, а съ сѣдиной.

Константинополь, 6-го (18-го) іюля.

«Человѣкъ предполагаетъ—Богъ располагаетъ», говоритъ пословица. Третьяго дня все было сдѣлано къ благополучному окончанію греко-турецкаго вопроса, всѣ разошлись спать спокойные, съ надеждой на миръ, а вчера утромъ вдругъ получается отъ командира пограничныхъ войскъ депеша, увѣдомляющая о переходѣ черезъ границу 3-хъ тысячъ греческихъ регулярныхъ войскъ, о появленіи многочисленныхъ бандъ въ Эпирѣ, Ѳессаліи и Македоніи. Савфетъ немедленно летитъ къ Лэйарду (они живутъ vis-à-vis по Босфору) и докладываетъ. Британскій дипломатъ съ досадой увидѣлъ всю свою работу предъидущаго дня разрушенной, согласился, что войска, приготовленныя къ отправкѣ въ Воло, необходимо послать и могъ придумать только одинъ совѣтъ—«телеграфируйте въ Аѳины, что войска предназначаются для водворенія спокойствія въ провинціяхъ, а не противъ Греціи!» Въ то же время британское посольство отправило телеграммы—въ Аѳины съ протестомъ противъ допущенія участія регулярныхъ войскъ въ греческой инсуррекціи, и въ Лондонъ съ просьбой подкрѣпить этотъ протестъ. Наконецъ, Савфету далъ Лэйардъ приказъ принять самыя энергичныя и суровыя мѣры къ прекращенію волненій въ Македоніи, для чего, какъ я писалъ уже давно, приготовлена армія редифа и всякаго мусульманскаго сброда въ Митровицахъ. Серьезное возстаніе въ Македоніи особенно нелюбо англійскому сердцу, потому

что оно славянское и ежеминутно грозитъ получить базисъ и поддержку въ обѣихъ Болгаріяхъ. По этому поводу уже давно ходятъ здѣсь странные слухи. Говорятъ, будто нѣкій извѣстный русскій генералъ обѣщалъ свое личное содѣйствіе славяно-македонскому возстанію, если оно съумѣетъ доказать свою силу, организацію и идею. Я имѣю основаніе думать, что этотъ слухъ есть не болѣе, какъ плодъ воображенія, но у страха глаза видятъ далеко и потому неудивительно, что англичанамъ и туркамъ мерещится новый ливень русскихъ добровольцевъ и за нимъ—русское вмѣшательство.—Да неужели же англичане боятся насъ? спросите вы. И да, и нѣтъ. Россіи въ дипломатическомъ смыслѣ—ни малѣйшимъ образомъ; Россіи-солдата—даже очень. Теперь въ британскомъ умѣ отпечаталась самыми опредѣленными красками картина будущей неприступности Англо-Турціи: въ Европѣ окованные желѣзомъ каменные Балканы, въ Азіи желѣзныя дороги и подвозъ по нимъ индійскихъ войскъ. На устройство такой noli me tangere требуется minimum года три. Теперь все это только планы и проекты, не могущіе представить какого либо препятствія русскому штыку; азіятско-англійскихъ войскъ въ Европѣ всего 18 тысячъ, да и то съ прислугой считая, турецкія войска требуются на границу Греціи, съ Австріей Россія можетъ договориться особо, отдѣливъ ее отъ Англо-Турціи... нѣтъ, теперь англичанамъ совсѣмъ не желательно видѣть русскую армію двигающуюся куда-нибудь впередъ. Одна у нихъ надежда на переговоры. Это нужно знать, чтобъ предвидѣть конецъ комичной исторіи оскорбленія нами британскаго самолюбія, случившейся дня три тому назадъ. Маленькій военный англійскій пароходикъ, отваливъ отъ галлипольской эскадры адмирала Комерелля, причалилъ къ берегу, находящемуся подъ русской властью; экипажъ, состоявшій изъ десяти матросовъ и одного лейтенанта, сошелъ на берегъ. Русскія власти забрали безцеремонныхъ голубчиковъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ ихъ пароходикомъ. Ко-

мерелль отправилъ еще команду развѣдать, что сталось съ его соглядатаями. Русскіе, какъ увѣряютъ, послали по вновь прибывшимъ два ядрышка и британцы возвратились во-свояси. Естественно, что предвидится цѣлая масса вопросовъ—какъ могли? какъ смѣли? съ обыденными послѣдствіями. Пароходикъ и плѣнники будутъ возвращены съ надлежащимъ процентомъ извиненій, виновные строго наказаны, дипломаты тяжело вздохнутъ: «ахъ, хотя-бы эта армія поскорѣе ушла подальше!» Такое желаніе вѣроятно скоро исполнится на радость въ особенности тѣмъ маленькимъ дипломатамъ, которые играютъ на биржѣ, заботясь только о собственномъ карманѣ.

Комиссія по изслѣдованію причинъ родопскаго возстанія уже отправилась на мѣсто своего дѣйствія. Навѣрно не для меня одного было темнымъ дѣломъ цѣль учрежденія такой комиссіи, а потому позвольте разсказать зачѣмъ англичанамъ понадобилась анатомія послѣ смерти урода, носившаго названіе родопскаго возстанія. У враговъ есть страстное желаніе вырвать изъ нашихъ рукъ южную Болгарію до истеченія годового срока оккупаціи. Для такой охоты существуетъ два, даже три мотива. Во-первыхъ, чтобъ не допустить руссификаціи края, и тѣмъ сохранить возможность сдѣлать тутъ вмѣсто Болгаріи Грецію (не даромъ въ Берлинѣ дали этой мѣстности названіе Восточной Румеліи, т. е. греческое имя); во-вторыхъ, чтобъ успѣть до истеченія года заняться укрѣпленіемъ Балкановъ; въ третьихъ, говоря вообще, не дать Россіи возможность возобновить войну до очищенія Болгаріи, ибо послѣ таковаго Болгарія можетъ быть скорѣе занята австрійскими войсками, чѣмъ русскими. Для реализаціи такого желанія у англичанъ есть только одинъ, конечно, путь—дипломатическихъ побѣдъ—а именно, потребуется сначала возвратить въ Румелію 300 тысячъ мусульманскихъ бѣглецовъ, дать ихъ болгарамъ порѣзать немножко, вооружить въ то же время мусульманъ и ихъ, въ свою очередь, уськнуть на болгаръ. Дѣло, конечно,

не въ томъ, сколько душъ отправится на тотъ лучшій свѣтъ, а чтобъ возникли видимые безпорядки. Русской дипломатіи будутъ совѣтывать мягкія мѣры, чтобъ безпорядки продолжались подольше. Наконецъ, Англія и Австрія какъ будто выйдутъ изъ терпѣнія, громогласно начнутъ стонать о «бѣдной» Румеліи и предложатъ Европѣ замѣнить тутъ русскую оккупацію международной. Мы, чтобъ доказать наше безкорыстіе, конечно согласимся на эту мѣру; есть и теперь въ средѣ нашихъ дипломатовъ такіе, которые говорятъ: «что-жъ, международная оккупація только отстранитъ отъ насъ разные упреки!» Вотъ для подготовленія-то почвы къ уничтоженію русской оккупаціи въ Румеліи и поѣхала въ Родопы комиссія. Она раскроетъ ужасное положеніе мусульманъ, докажетъ звѣрское поведеніе болгаръ, бездѣятельность русскихъ войскъ и властей. Все это будетъ опубликовано на всѣхъ языкахъ и коментировано всякой прессой. Посѣются плоды комиссіи какъ сѣмя для будущей жатвы. Придетъ вышеописанное время безпорядковъ въ Румеліи, сѣмя взростетъ: «уже международная комиссія при участіи русскаго члена (г-на Базили) доказала полную неспособность русской власти къ сохраненію порядка и обезпеченію всѣхъ національностей Румеліи; теперь этотъ выводъ вновь подтверждается убійствомъ Абдулъ-Рахима въ Базарджикѣ, пораненіемъ Гакулъ-Халемъ въ Станимакахъ» и т. д. и тому подобными пустяками, частными случаями, не имѣющими значенія въ военное время, а теперь время военное, сколько бы мирныхъ трактатовъ ни было написано, не имѣющими наконецъ значенія и въ мирное время въ такой странѣ, какъ Турціи, гдѣ только годы и законность могутъ смягчить нравы. Результатъ уже описанъ.

— Да быть этого не можетъ, сомнѣваетесь вы, вѣдь у русской власти столько штыковъ, неужели же она допуститъ какіе нибудь безпорядки?

Не дѣло корреспондента отвѣчать на вопросы будущаго

и потому замѣчу лишь, что въ исторіи народовъ бываютъ моменты весьма схожіе съ отроческимъ возрастомъ людей; какъ въ послѣднемъ никакіе гувернеры не могутъ убить зарождающихся правъ на жизнь и на опредѣленіе личности, такъ и въ извѣстные моменты исторіи націи ничего не подѣлаетъ полицейскій, приставленный къ каждому жителю: естественное стремленіе національности возьметъ свое. Въ будущихъ безпорядкахъ виновата не администрація Румеліи, а вѣковой гнетъ и прошлое дѣтство выростающаго народа.

Кончая письмо, не могу не сказать вамъ одной правды. Многіе полагаютъ большія надежды на болгарскую дружижину, исчисляя ее въ 50 и даже 100 тысячъ. Хотя я не имѣю права сообщать надлежащую цифру этого ополченія, но я знаю ее и потому предостерегаю отъ напраснаго очарованія. Люди конечно есть, чтобъ быть солдатами, но нѣтъ офицеровъ. Кстати, куда дѣвалось оружіе, отобранное нами у турокъ? Въ Систовѣ былъ по бумагамъ складъ 80 тысячъ ружей, отобранныхъ отъ плѣнныхъ турокъ, оказалось же по ревизіи г. Нодбека, что тамъ осталось всего 28 тысячъ системы Снейдера, нѣтъ ни одного—Пибоди и только одна поломанная магазинка; изъ 28 тысячъ оставшихся ружей дурной системы половина испорченныхъ; исчезновеніе это можетъ объяснить только Господь Богъ.

Константинополь, 8-го (20-го) іюля.

Въ среду, какъ я телеграфировалъ вамъ, въ терапійскомъ британскомъ дворцѣ засѣдали нѣкоторые дипломаты, соображаясь съ картой Европейской Турціи. Ни къ какому опредѣленному соглашенію они не пришли, но за то составили коллективное заявленіе о своемъ желаніи, чтобъ Порта удовлетворила требованія Греціи, «насколько они справедливы». Въ четвергъ собрался совѣтъ министровъ, долго просидѣлъ, много поспорилъ и закончился все-таки ничѣмъ. Вопросъ о территоріальной прирѣзкѣ къ Греціи не порѣ-

шенъ и только распорядились передать аѳинскому кабинету чрезъ своего посланника протестъ противъ скопленія инсуррекціонныхъ бандъ на границахъ, съ обыденной прибавкой къ нотѣ: «отвѣтственность-де за таковое нарушеніе международныхъ правъ исключительно падаетъ на васъ, господа эллинскіе министры». Увѣренность въ мирномъ исходѣ конфликта, конечно, нисколько не мѣшаетъ рѣзать инсургентовъ, такъ какъ опытъ показалъ, что единственно подъ эту музыку могутъ шевелиться дипломатическіе умы. Впрочемъ, заготовленный наскоро второй резервъ войскъ къ отправкѣ въ Воло пока еще не посланъ, но стоитъ на готовѣ. Сумятица въ Македоніи, какъ извѣщаютъ даже турецкія газеты, принимаетъ весьма опасные размѣры и, при томъ, съ колоритомъ очень обиднымъ для грековъ. Утверждаютъ положительно, что эллины Македоніи пристаютъ къ славянскимъ четамъ и вмѣстѣ съ послѣдними нападаютъ на мусульманъ. Губернаторъ Салоникъ прислалъ уже три депеши съ требованіемъ «какъ можно больше войскъ». Его желаніе еще не было исполнено, и, дай Богъ, чтобъ подольше. Порта съ большимъ неудовольствіемъ отрываетъ солдатъ отъ константинопольскихъ укрѣпленій для посылки въ провинцію. Эти солдаты были до сихъ поръ ея гордостью и силой въ виду русской арміи, все еще стоящей у стѣнъ столицы. Разстроить этотъ оплотъ защиты — значитъ лишиться своего престижа и попасть подъ нѣкоторыя моральныя тиски генерала Тотлебена. Это обстоятельство очень хорошо понято во дворцѣ и В. Портѣ, а Лэйардъ пользуется тутъ случаемъ, чтобъ не допустить Турцію до прямого разрыва съ Греціей. Вотъ еслибъ русская армія отодвинулась подальше, говорятъ турки, такъ мы бы задали этимъ торгашамъ-грекамъ! — Слушая такія фразы, я начинаю думать, что въ настоящую минуту наше присутствіе въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Царьграда желательно самому Лэйарду, и вслѣдствіе этого полагаю, что скоро мы изъ Санъ-Стефано не тронемся.

Понемногу подымающійся туманъ съ исторіи возникновенія англо-турецкаго союза раскрываетъ, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство: когда на совѣтѣ министровъ разсматривался окончательно проектъ договора, составленный Лэйардомъ, то Османъ-паша остановился на пунктѣ, гласящемъ: «Турція исполняетъ всѣ тѣ реформы, которыя обѣ державы признаютъ необходимыми»; плевненскій гази находилъ это условіе крайне неудобнымъ и требовалъ прибавки: «если эти реформы не будутъ противорѣчить священнымъ мусульманскимъ законамъ». Лейардъ, дожидавшійся рѣшенія совѣта въ другой комнатѣ, крайне раздражился, узнавъ о такой прибавкѣ къ его проекту, но султанъ тутъ же весьма спокойно заявилъ: «клянусь вамъ, что иначе не позволю подписать нашъ союзъ!» Лэйардъ долженъ былъ согласиться на измѣненіе и только выговорилъ, чтобъ фраза не была опубликована, а осталась въ секретномъ оффиціальномъ оригиналѣ договора. Разсказываютъ, затѣмъ, что многіе паши ожидали отъ англичанъ за союзъ «богатыя и великія милости», но не получили ничего. Отсюда будто бы происходитъ нѣкоторая оппозиція британской дипломатіи. Существованіе ея доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ грязнымъ фактомъ. Въ терапіи проживалъ константинопольскій корреспондентъ «Times'а» г. Галенга, человѣкъ честный, образованный и безпристрастный. Когда уѣзжалъ отсюда Уитекеръ, предшественникъ Галленги и редакторъ запрещеннаго турками «Levand Herald'а», Лэйардъ посовѣтывалъ своему бывшему наперснику сдѣлать доносъ въ Высокой Портѣ на Галленгу, какъ обѣщавшаго писать правду и не щадить турокъ. Уитекеръ безпрекословно исполнилъ эту благородную миссію, и Великая Порта обратилась къ Лэйарду съ просьбой удалить изъ Турціи г. Галленгу. Противъ этого возсталъ здѣшній британскій генеральный консулъ, очень порядочный человѣкъ, заявившій, что онъ позволитъ выгнать Галленгу лишь въ такомъ случаѣ, если и онъ,

консулъ, будетъ уволенъ отъ должности. Тогда Лэйардъ написалъ въ Лондонъ, прося министерство войти въ соглашеніе съ редаціей «Times'а», чтобъ она сама убрала отсюда своего корреспондента, «нарушающаго своими статьями симпатичныя отношенія Порты къ Англіи». Третьяго дня Галленга получилъ отъ редакціи приглашеніе немедленно прибыть въ Лондонъ; вчера онъ уѣхалъ. Очевидно, что еслибъ отношенія Лэйарда съ Портой не были подчасъ щекотливы и деликатны, то посолъ не сталъ бы такъ усердно хлопотать по части литературныхъ доносовъ.

Вѣсти изъ Санъ-Стефано крайне однообразны—все одно и то же сидѣнье на мѣстѣ, соединенное съ ничего-незнаніемъ и смертной скукой. Офицеры почти перестали посѣщать Константинополь, гдѣ всѣ развлеченія уже пріѣлись и надоѣли своей однообразной циничностью. Большая часть больныхъ отправлена на родину, и эта забота, по общему отзыву, была выполнена вполнѣ добросовѣстно. Генералъ Скобелевъ 2-й нанялъ для больныхъ своей дивизіи особый пароходъ не въ зачетъ тѣхъ, которые поставляла эвакуаціонная комиссія. Число заболѣваній все еще очень значительно и до сихъ поръ слышны жалобы на недостатокъ медицинскаго персонала. Вопреки всѣмъ заявленіямъ иностранной прессы, сюда не приходило ни одного русскаго судна или парохода съ новымъ войскомъ; справедливо лишь то въ этихъ заявленіяхъ, что Порта не позволяетъ провозить чрезъ Босфоръ подкрѣпленія къ нашей арміи. Въ этой провокаціи виновата конечно не Турція, а наши господа—англичане.

Подписывая свои корреспонденціи полнымъ именемъ, я хотя тѣмъ самымъ отдаю себя на общественный судъ, но за то пріобрѣтаю этимъ же путемъ право на публичную самозащиту. Таковая въ нѣсколькихъ словахъ понадобилась для меня теперь по случаю возмущенія нѣкоторыхъ моихъ соотчичей въ Санъ-Стефано. Къ нимъ, исключительно только къ нимъ, я обращаюсь съслѣдующей рѣчью:

Вы говорите: «какъ смѣетъ литература раскапывать наши дѣла; у насъ есть своя законная отвѣтственность?» Вы не правы. Вы очевидно забываете, что литература столь же необходима для государства, какъ и ваша дѣятельность; она помощникъ хорошаго правительства и честнаго суда, а потому сердиться на литературу можно лишь по тѣмъ мотивамъ, по которымъ сердятся на хорошее правительство и честный судъ, т. е. на основаніи собственной виновности. Другіе изъ васъ говорятъ: «отчего вы однихъ изъ насъ хвалите, а другихъ нѣтъ — развѣ мы хуже». Я никого не хвалилъ и никого не бранилъ; я сообщалъ лишь то, что видѣлъ самъ или зналъ изъ вѣрныхъ источниковъ. Многаго существующаго дурного и хорошаго я, конечно, не знаю и потому упоминать о нихъ не могъ. Напримѣръ, я знаю достовѣрно, что въ дивизіи генерала Скобелева всѣ солдаты носятъ набрюшники, а носятъ ли ихъ солдаты другихъ дивизій—подлинно не знаю. Виноватъ ли я въ томъ, что сообщу о набрюшникахъ дивизіи генерала Скобелева, а о другихъ умолчу? Разсудите.

Константинополь, 10-го (22-го) іюля.

Греко-турецкій споръ все еще не рѣшенъ окончательно. Турція предлагаетъ Греціи половину Ѳессаліи и Эпира, но Греція разлакомилась на счетъ безкровныхъ побѣдъ и ждетъ, не дадутъ ли больше. Порта, не безъ стѣсненія сердца, уступаетъ эллинизму. Только желаніе скорѣе успокоиться и настойчивость Лэйарда побѣждаютъ отвращеніе отъ сдѣлки съ греками. Въ этомъ отношеніи турки даже взываютъ къ нашему имени.

— И чего вы смотрите, говорятъ они, развѣ непонятна вамъ цѣль желанія Англіи, чтобъ мы отдали эллинамъ Эпиръ и Ѳессалію? Черезъ три года греки будутъ вдвое сильнѣе и потребуютъ Македонію—вотъ, чтобъ не отдать послѣднюю Болгаріи всѣ и хлопочутъ.

Чѣмъ бы ни кончилось это дѣло—Лэйардъ все таки, ка-

жется, ошибся, полагая, что греко-турецкій вопросъ устроить легко. Нѣтъ. Найдись въ данную минуту ловкій дипломатъ съ анти-англійскимъ направленіемъ, можно было бы въ три дня уничтожить уже состоявшееся соглашеніе между Британіей и Турціей. Сами паши раздѣляютъ такое убѣжденіе. Не далѣе какъ вчера, старикъ Мехмедъ-Рушти-паша, весьма болящій за продажу Порты англійскимъ интересамъ выразился такъ:

— Экая досада, что я не русскій дипломатъ—задалъ бы я этимъ греко-англичанамъ!

Вчера же мой агентъ былъ у Зичи. Этотъ продавецъ свиней и графъ настолько обиженъ Вѣной за присланную было отставку, что безъ церемоніи протестуетъ противъ занятія Босніи и Герцеговины.

— Съ правительствомъ Порты легко было все обдѣлать, говорилъ Зичи, но подчинится ли народъ? Я предвижу бездну затрудненій для этой оккупаціи. Австрія, занимая Боснію и Герцеговину, тѣмъ самымъ лишается Галиціи. Это плодъ русской политики и ошибка нашего кабинета.

Во дворцѣ тоже чувствуется весьма странное мышленіе. Подъ вліяніемъ разныхъ иностранныхъ оккупацій и территоріальныхъ уступокъ чуть не всей Европѣ въ настоящемъ и будущемъ, Гамидъ опять впалъ въ прежнюю задумчивость и раздражительность. Утверждаютъ, что падишахъ откровенно выражаетъ такое желаніе:

— Ахъ, я хочу одного—пусть всѣ гяуры уйдутъ отсюда вмѣстѣ съ своими войсками и флотами. Я отправился бы въ Мекку и тамъ отдохнулъ бы въ молитвѣ у гроба пророка!

Подъ вліяніемъ религіозныхъ мыслей повелителя, во дворцѣ развелось ханжество въ довольно крупныхъ размѣрахъ. Такъ, даже войска, расположенныя по близости къ Гильдизъ-Кіоску, собираются къ самому дворцу для утренней и вечерней молитвы подъ звукъ барабана и духовой музыки. Въ прошлую пятницу въ первый разъ были вытре-

бованы во дворецъ дервиши и тамъ, въ пріемной залѣ, совершили свой танецъ предъ очами погруженнаго въ тяжелыя думы султана.

Константинополь, 12-го (24-го) іюля.

Извѣстіе о фактическомъ переходѣ турецкой власти въ руки Лэйарда сдѣлалось уже достояніемъ здѣшней прессы и публики. «Phare du Bosphore» первый обратилъ вниманіе своихъ читателей на ежедневныя посѣщенія Гильдизъ-Кіоска британскимъ посломъ, поясняя эти визиты будто бы разработкою проекта объ административной автономіи Мессопотаміи, гдѣ Биконсфильдъ предполагаетъ-де возстановить жидовское царство. Комичность объясненія придумана очевидно нарочно, чтобъ только указать на пребываніе Лэйарда во дворцѣ. Турецкій органъ «Вакитъ», подтверждая фактъ ежедневныхъ визитовъ Лэйарда султану, говоритъ, что съ содѣйствіемъ англійскаго представителя въ Гильдизъ-Кіоскѣ разсматриваются проекты будущихъ мало-азіятскихъ дорогъ, прибавляя, будто первоначальное предположеніе устройства рельсоваго пути отъ Александретты до Бессароха отмѣнено и новая линія получитъ начало въ Скутари. Наконецъ, оффиціозный органъ министерства «La Turquie» перепечаталъ оба извѣстія безъ всякаго опроверженія. Публика заговорила на тему дворцовыхъ визитовъ Лэйарда и теперь уже ни для кого не тайна, что британскій посолъ имѣетъ въ Гильдизъ-Кіоскѣ канцелярію и de facto занимаетъ должность перваго министра при глупомъ и безхарактерномъ королѣ. Тѣмъ болѣе ни для кого это не тайна, что Савфетъ-паша окончательно потерялъ подъ собой балансъ; обиженный грубымъ обращеніемъ Лэйарда и чувствуя, что скоро придется сойти съ велико-визирскаго стула, онъ не держитъ секрета подъ своей изношенной феской и разсказываетъ со вздохомъ о новыхъ тяжелыхъ временахъ:

— Я былъ всей душой противъ англо-турецкаго дого-

вора, но, зная, что не въ моихъ силахъ помѣшать его осуществленію, я подписалъ его, твердитъ визирь, не подозрѣвая конечно, какая злая иронія надъ его честью скрывается въ этихъ словахъ...

Тотъ же паша надъ пашами вчера проговорился относительно истинныхъ причинъ уступчивости Порты по отношенію къ Греціи.

— Конгрессъ намъ не позволилъ употребить противъ Греціи нашъ флотъ, сказалъ Савфетъ, что же намъ остается дѣлать, какъ не уступать?

Такимъ словамъ великаго визиря нельзя не довѣрять, а потому слѣдуетъ только подивиться удивительной ловкости Биконсфильда съ К: они обезоружили Турцію именемъ Европы, а изъ самихъ себя теперь разыгрываютъ благодѣтелей-примирителей для обѣихъ ссорющихся державъ— Порты и Греціи! Чужими рукам и жаръ загребать умѣютъ!

По поводу греко-турецкаго спора здѣшняя греческая газета «Θракія» напечатала извѣстіе, будто бы король эллиновъ Георгъ прислалъ султану собственноручное письмо, въ которомъ сообщаетъ о такомъ возбужденіи греческаго народа, которое неминуемо заставитъ короля и правительство объявить Портѣ войну, если не послѣдуетъ скораго миролюбиваго соглашенія между державами. «Быть можетъ, прибавляетъ король, мои небольшія силы будутъ побѣждены многочисленными опытными войсками вашего величества, но война между нами не останется безъ грустныхъ послѣдствій и для Турціи, возбудивъ среди грековъ Порты страсти и ненависть къ мусульманскому міру. Турція и Греція могутъ благоденствовать лишь при условіи взаимныхъ дружескихъ отношеній». Впрочемъ, всѣ эти извѣстія относятся хотя и къ недавнему, но все-таки прошлому времени. Въ настоящемъ греко-турецкій споръ можно считать уже окончательно улаженнымъ въ принципѣ, какъ въ дѣлѣ территоріальныхъ уступокъ, такъ и по вопросу о

союзѣ. На дняхъ сюда долженъ прибыть Трикуписъ, греческій министръ иностранныхъ дѣлъ, и всѣ предположенія и соглашенія примутъ тогда форму оффиціальнаго международнаго акта. Вѣроятно, къ тому же времени поспѣетъ новая нота Савфета-паши, приготовляемая имъ по адресу всѣхъ европейскихъ банкировъ и кредиторовъ Порты. Въ нотѣ будетъ изложена благодарность берлинскому конгрессу за обезпеченіе уплаты долговъ Турціи и указана свѣтлая будущность Порты, по преимуществу малоазіятской, куда наконецъ и приглашаются капиталисты для посадки сѣмянъ цивилизаціи, т. е. банковъ, ссудныхъ кассъ и костоломныхъ желѣзныхъ дорогъ. Читатель конечно догадывается, что будущій циркуляръ великаго визиря предназначается главнымъ образомъ въ видѣ адреса Биконсфильду и заявленія Европѣ, что мы-де собираемся процвѣтать, попавъ въ англійскія лапы... Мы знаемъ плоды этихъ сѣмянъ и цвѣтовъ, а потому и предоставимъ другимъ утѣшаться мечтами, а сами перейдемъ къ дѣламъ отечественнымъ.

Самое грандіозное изъ нашихъ здѣшнихъ дѣлъ — безъ сомнѣнія гвардейско-штабный балъ на Принкипо, въ которомъ принимали участіе до 900 душъ и отказалось принять участіе почти все мѣстное греческое общество. Веселились и танцовали до 4 часовъ утра. Почти въ это самое время казаки въ количествѣ 16 батальоновъ (по иностраннымъ сказаніямъ) вступали въ Шумлу для «совмѣстнаго» занятія крѣпости. Варна пока еще не сдана и даже русско-турецкіе комиссары туда пока не пріѣзжали—они проживаютъ въ Шумлѣ. Въ скоромъ времени предполагается второй балъ еще болѣе en grand въ Люли-Бургасѣ и, быть можетъ, конечно по счастливой случайности, къ тому сроку послѣдуетъ сдача и Варны... Наконецъ, ничтожное дѣло о захватѣ въ плѣнъ англійской паровой лодки, о которомъ я разсказывалъ въ телеграммѣ и письмѣ, уже превратилось въ достаточно высокую гору: изъ Галлиполи пишутъ, что въ Перитасси (Шаркіой) прибылъ русскій военный паро-

ходъ съ спеціальными слѣдователями для производства дознанія объ этомъ случаѣ. Счастливая національность, право.

Константинополь, 13-го (25-го) іюля.

Положительная новость вчерашняго дня только одна— посылка войскъ въ Салоники для усмиренія славянскаго возстанія. Затѣмъ, объ инсуррекціи албанцевъ ходятъ здѣсь только басни, хотя онѣ перепечатываются охотно всей константинопольской прессой. Такъ, разсказываютъ, будто 500 тысячъ албанцевъ вооружились и послали парламентеровъ въ Черногорію и Сербію съ требованіемъ возврата завоеванныхъ княжествами провинцій; Черногорія будто бы согласилась съ предложеніемъ албанцевъ, но подъ условіемъ заключенія союза противъ Австріи; а Сербія попросила двѣ недѣли на обдумываніе отвѣта. Я повторяю эти басни, такъ какъ на свѣтѣ не бываетъ лжи безъ правды: нѣтъ сомнѣнія, что въ Албаніи неспокойно и что это неспокойствіе имѣетъ источникомъ своимъ итальянскихъ албанцевъ. Вообще, положеніе и духъ итальянскаго народа начинаетъ усиленно тревожить умы здѣшнихъ турокъ и англичанъ. Боясь попасть въ такую же пропасть сюрпризовъ, какіе они сами такъ недавно пріуготовили для Европы, англо-турки усиленно зондируютъ всюду — нѣтъ ли чего со стороны Россіи, не задумываетъ ли она какой нибудь подарокъ Англіи въ родѣ греко-итальянско-русскаго союза? Конечно, эти зондированія не идутъ прямо изъ устъ Лэйарда, но когда лэйардики суетятся, значитъ и господинъ ихъ несовсѣмъ спокоенъ. Для зондированія употребляются разныя средства. Напр., итальянскій корреспондентъ приглашается въ Высокую Порту; тамъ его вводятъ въ кабинетъ, незанятый никѣмъ. Является чиновникъ и предлагаетъ:

— Хотите узнать важную новость и за небольшія деньги?

— Отлично.

— Пять лиръ всего...

— Вотъ вамъ деньги...

— Нѣтъ, нѣтъ, послѣ... вы выслушайте сначала новость.

— Извольте.

— Россія заключила наступательный союзъ съ Италіей, Греціей, Сербіей, Черногоріей и Румыніей.

Итальянецъ очень обрадованъ неожиданной новостью, знаетъ сообщающаго ее за важную персону и съ величайшимъ удовольствіемъ вынимаетъ изъ кармана 5 лиръ.

Чиновникъ конфузится и неестественно хохочетъ.

— Ха, ха, ха, я пошутилъ!

— Зачѣмъ же?

— Мнѣ хотѣлось узнать, не слышали ли вы что нибудь о подобномъ союзѣ; если предлагаете деньги — значитъ не слыхали, откровенно объясняетъ чиновникъ свою продѣлку, извиняется и исчезаетъ.

— Какъ это грубо! удивляется итальянецъ, передавая фактъ.

— Гмъ... за то дешево, ничего не стоитъ, глубокомысленно замѣчаетъ слушатель грекъ.

Помимо косвенныхъ тревогъ, Лэйарду пришлось надняхъ прямо выслушать отъ своихъ соотечественниковъ порицаніе англо-турецкому союзу. На домашній обѣдъ въ Тераріи были приглашены нѣкоторые капитаны стоящихъ здѣсь купеческихъ пароходовъ. Эти практики-самоучки, привыкшіе бить желѣзной кочергой своихъ матросовъ, безъ стѣсненія объявили своему представителю, что англо-турецкій союзъ, по ихъ мнѣнію, ведетъ къ неисчислимымъ бѣдствіямъ для британскаго мореходства.

— Россія слишкомъ обижена Англіей, а Европа тоже противъ насъ, говорили простые люди; Россія намъ не проститъ и начнетъ раза по три въ годъ пугать нашу торговлю, то своими крейсерами, то маленькими дипломатиче-

скими замѣшательствами, то, наконецъ, движеніями войскъ къ Индіи. Британскій коммерческій людъ сознаетъ, что когда нибудь безъ войны дѣло не обойдется и будетъ каждую фальшивую со стороны Россіи тревогу принимать за настоящій поводъ къ войнѣ. Страховыя и фрахтовыя преміи подымутся, торговля будетъ постепенно падать, а судостроеніе перестанетъ прогрессировать.

Я нарочно въ точности записалъ это практическое указаніе для нашей будущей политики, полагая, что лучшаго для нея совѣта найдти трудно...

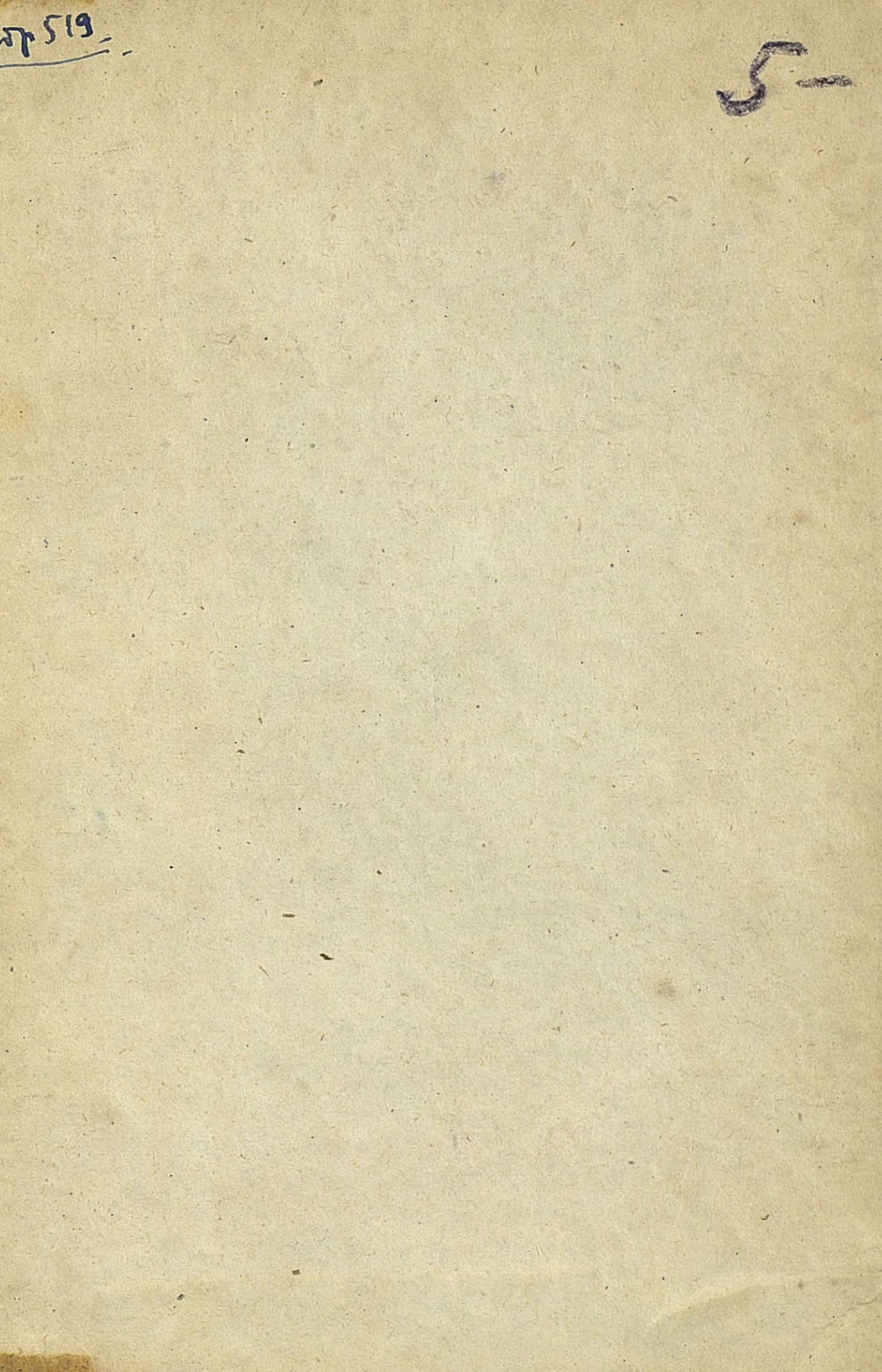
Султанъ очень сердится, что русскіе до сихъ поръ не отступаютъ отъ стѣнъ Царьграда. Ради этого Савфетъ-паша обращался было къ намъ съ такимъ курьезнымъ предложеніемъ: «отойдите, молъ, на 24 часа за Чатолджу, тогда мы Варну сдадимъ вамъ!» Конечно, ему отвѣчали вѣжливымъ отказомъ. Гамидъ, выслушавъ повѣсть о томъ, порядочно пугнулъ своей немилостью старика-визиря, такъ что послѣдній заикнулся объ отставкѣ. На другой день Лэйардъ любезно заявилъ Савфету, что падишахъ соглашается дать ему «отдыхъ», но проситъ немного обождать, пока не разъяснится окончательно политическій горизонтъ. Такимъ образомъ, фактически отставка Савфета уже принята, но онъ пока нуженъ англичанамъ, какъ покладистый человѣкъ, для улаженія всяческихъ уступокъ Турціи. Увѣряютъ, что его мѣсто займетъ на нѣкоторое время Гамди-паша, а потомъ будетъ вызванъ изъ провинціи Саидъ-паша-инглезъ — лучшій другъ Лэйарда изъ всѣхъ турецкихъ пашей.

А насчетъ Мессопотаміи дѣйствительно идутъ какіе-то переговоры въ Гильдизъ-Кіоскѣ, причемъ дѣло не обходится безъ подогрѣванія того пустого мѣста въ еврейскихъ сердцахъ, которое у нихъ замѣняетъ патріотизмъ. Такъ, двумъ изъ бывшихъ кормильцевъ нашей арміи предложено кинуть всѣ надежды на Россію и отправиться къ Іерусалиму. Эти жиды патріоты извѣстны англичанамъ, такъ

какъ одинъ изъ нихъ внесъ 50 милліоновъ, а другой 12 милліоновъ изъ своихъ барышей въ лондонскій банкъ. Замѣтимъ, кстати, что русскіе евреи вносили въ британскій банкъ милліоны какъ разъ тогда, когда миръ между Англіей и Россіей висѣлъ на волоскѣ, по выраженію самого Биконсфильда. Бухарестскіе жидовскіе листки уже появились въ Константинополѣ и находятъ себѣ усердныхъ читателей въ средѣ интендантовъ.

— Вотъ такъ пресса, говорятъ они, любовно смотря на произведеніе еврейскихъ демагоговъ;—и умирать бы не нужно было, кабы всѣ такъ писали!

519
5–

